РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А. Н. Яковлев (председатель),
Е. Т. Гайдар, В. П. Козлов, В. А. Мартынов,
С. В. Мироненко, В. П. Наумов, Е. М. Примаков,
А. Н. Сахаров, Г. Н. Севостьянов, Н. Г. Томилина,
С. А. Филатов, А. О. Чубарьян, А. А. Яковлев

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД **«ДЕМОКРАТИЯ»**, МОСКВА

КАК ЛОМАЛИ НЭП

СТЕНОГРАММЫ ПЛЕНУМОВ ЦК ВКП(б)
1928–1929 гг.

В 5-ти ТОМАХ

Том 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г.
Том 2. Пленум ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г.
Том 3. Пленум ЦК ВКП(б) 16–24 ноября 1928 г.
Том 4. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 16–23 апреля 1929 г.
Том 5. Пленум ЦК ВКП(б) 10–17 ноября 1929 г.

Том 1

ОБЪЕДИНЕННЫЙ ПЛЕНУМ ЦК И ЦКК ВКП(б)

6–11 АПРЕЛЯ 1928 г.

Редакционная коллегия издания
В.П.Данилов, О.В.Хлевнюк, А.Ю.Ватлин (ответственные редакторы),
М.С.Астахова, Г.В.Горская, И.М.Закомолкина, Е.Е.Кириллова, Л.П.Кошелева,
В.С.Леванович, Л.Н.Малашенко, Н.В.Муравьева, Л.А.Роговая, Н.А.Сидоров

МОСКВА **2000**

УДК 947.084.6
К16
ББК 63.3(2)614

ФЕДЕРАЛЬНАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА РОССИИ

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Издание осуществлено при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса).

Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. В 5-ти то-
К16 мах. Том. 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г. Редакционная коллегия тома В. П. Данилов, О. В. Хлевнюк (ответственные редакторы), Н. В. Муравьева, Н. А. Сидоров. – М.: МФД, 2000. – 495 с., ил.

ISBN 5–85646–065–0

В первом томе пятитомного издания стенограмм пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. публикуются материалы объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), состоявшегося в апреле 1928 г. Пленум был отмечен началом борьбы группы И. В. Сталина с так называемыми «правыми» – А. И. Рыковым, Н. И. Бухариным, М. П. Томским – вокруг ключевых вопросов развития страны – взаимоотношений государства и крестьянства, судьбы новой экономической политики в целом. На пленуме специально обсуждалось «шахтинское дело», ставшее сигналом для новых массовых репрессий.

ББК 63.3(2)614

ISBN 5–85646–065–0

© Международный фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева), 2000.
© Данилов В. П., Муравьева Н. В., Сидоров Н. А., Хлевнюк О. В. Составление, введения, примечания.

ВВЕДЕНИЕ

СТЕНОГРАММЫ ПЛЕНУМОВ ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

Публикуемые в настоящем издании стенографические отчеты всех пяти пленумов ЦК ВКП(б), состоявшихся в 1928–1929 гг., во многом отвечают на вопрос о том, как сломали нэп. Явление, традиционно определяемое как «новая экономическая политика», было в действительности не просто политикой правящей партии, судьба которой решалась в залах партийных заседаний, но особой моделью социально-экономического и политического развития, отличной как от предшествующей военно-мобилизационной системы «военного коммунизма», так и от последующей сталинской системы, утвердившейся на развалинах нэпа.

Придя на смену «военному коммунизму», новая экономическая политика была практически единственно возможным условием выхода страны из хозяйственной разрухи после мировой, а затем гражданской войны, продолжавшихся семь лет – с лета 1914 г. до весны 1921 г.

Россия с неизбежностью перекладывала на крестьянское хозяйство все бремя войны – мобилизацию наиболее трудоспособных возрастов мужского населения в армию, обеспечение страны продовольствием (практически безвозмездное, а следовательно разорительное). И то и другое пало на крестьянские плечи с первых же дней войны. В конце 1916 г. царское правительство оказалось вынужденным ввести хлебную разверстку, т.е. систему распределения государственной потребности в хлебе между крестьянскими хозяйствами как повинности, выполняемой независимо от их реальных возможностей. И хотя объемы первой хлебной разверстки ограничивались только нуждами армии, для ее взимания потребовалась «хлебная армия». Временное правительство, созданное Февральской революцией, не только сохранило хлебную разверстку, но ввело уже в марте 1917 г. государственную хлебную монополию. Большевики, начавшие свою деятельность с попытки «военно-коммунистической» организации общества, придали разверстке всеобщий характер – из хлебной она стала продовольственной, собираемой «продармией».

Разверстка, изымавшая у крестьянина весь «излишек» производимого им продукта, обеспечивала полуголодное существование общества, но вместе с тем лишала его перспективы выхода из продовольственного кризиса. Отрицая за крестьянином право свободного распоряжения продуктами своего труда, разверстка закрывала возможности подъема сельскохозяйственного производства и с неизбежностью вызывала растущее сопротивление деревни. Характерно, что крестьянские требования отмены продразверстки в 1920–1921 гг. вылились в четкую формулу: «Столько-то я дам, а потом хозяйничаю». (Забегая несколько вперед, заметим, что сталинская «чрезвычайщина»

началась в конце 1927 г. – начале 1928 г. именно с отрицания права собственности крестьянина-хлебороба на производимый им продукт.)

Новая экономическая политика первоначально понималась как «уступка мелкобуржуазной стихии» крестьянства и ограничивалась рамками местного товарообмена, однако вскоре большевистское руководство пришло к признанию необходимости «коренной перемены всей точки зрения нашей на социализм» и, соответственно, перехода страны к новой общественной системе в условиях рыночной экономики на путях самодеятельного кооперирования населения. Кооперация становилась определяющим фактором новой экономической политики. «Не кооперацию надо приспособлять к *нэпу*, а *нэп* к кооперации», – писал Ленин[1].

Переход к нэпу как для всей страны, так и особенно для деревни в огромной степени был осложнен военной разрухой и бедствиями голода 1921–1922 гг. В Поволжье, на Дону, на Украине голодание деревни продолжалось и в 1923, и в 1924 гг. Если иметь в виду страну в целом, то надо признать, что лишь 1925–1927 гг. были для деревни действительно временем нэпа – без принудительных хлебозаготовок и голода. Но даже считая время нэпа с весны 1921 г., придется признать его слишком коротким для того, чтобы нэп мог сложиться в целостную и всеохватывающую хозяйственную систему. Все же и за столь короткий период с достаточной убедительностью выявилась способность нэпа через развертывание рыночных отношений активизировать все наличные производственные силы страны, обеспечить общий хозяйственный подъем.

Нэп обеспечивал прежде всего восстановление сельскохозяйственного производства. Учитывая истощенность мелкого крестьянского хозяйства, большие потери рабочего скота – основной тягловой силы, крайнюю степень зависимости от природных условий, этот процесс не мог быть быстрым и повсеместным. Между тем разруха в промышленности и на транспорте, необходимость их восстановления и возобновления процесса индустриализации страны требовали значительных средств, которые могли быть получены только на мировом рынке, в обмен на хлеб, лес и сырье.

Экспорт хлеба был возобновлен при первой возможности (в 1923 г.) и сразу же стал главным источником накопления средств для последующего вложения в промышленность. В силу этого проблема хлебозаготовок и в условиях нэпа осталась центральной в системе отношений между деревней и государством. При этом руководство строило планы, превышавшие реальные экспортные возможности. На XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г. много говорилось о том, как, по выражению Л. Б. Каменева, «мужичок регульнул нас», т.е. о просчетах в планах хлебозаготовок из урожая 1925 г. Эти планы оказались завышенными: «На 200 миллионов пудов нас поправили». В результате вложения в промышленность снизились с 1,1 млрд. руб. до 700–800 млн. – «весь темп пришлось свернуть»[2]. И что же? Поправили планы, не меняя ни общей экономической политики, ни системы хлебозаготовок в деревне. Более высокий урожай 1926 г. позволил увеличить экспорт хлеба и «темп» промышленного роста.

Дело, однако, не ограничилось приведением планов в соответствие с реальными возможностями. К ответу было призвано Центральное статистическое управление – по обвинению не в преувеличении, а в преуменьшении возможностей производства и, следовательно, государственных заготовок хлеба. 10 декабря 1925 г. на Политбюро ЦК РКП(б) состоялось обсуждение вопроса «О работе ЦСУ в области хлебофуражного баланса», в ходе которого высшее партийное руководство подвергло разносу деятельность П. И. Попова – крупного земского статистика, возглавлявшего ЦСУ с 1918 г. Тон задавали И. В. Сталин и его сторонники. В принятом постановлении говорилось: «Признать, что ЦСУ и т. Поповым как его руководителем были допущены крупные ошибки при составлении хлебофуражного баланса, сделавшие баланс недостаточным

для суждения ни о товарности, ни об избытках и недостатках хлеба, ни об экономических отношениях основных слоев крестьянства». П. И. Попов, отстаивавший в прямом споре со Сталиным невысокие показатели хлебного производства и отказавшийся признать наличие огромных запасов хлеба у кулаков, был в тот же день отстранен от руководства ЦСУ[3].

Мы сознательно останавливаемся на эпизоде со сменой руководства ЦСУ в декабре 1925 г., поскольку с этого момента оно полностью подчиняется политике и предоставляет угодные ей сведения, в том числе сыгравшие немалую роль в сломе нэпа. Через два года появится хлебофуражный баланс на 1927/28 сельскохозяйственный год, сильно преувеличивший крестьянские запасы хлеба и послуживший обоснованием «чрезвычайных» хлебозаготовок.

Специально к этому вопросу мы обратимся в предисловии к публикуемым в этом же томе материалам апрельского (1928 г.) пленума ЦК ВКП(б). Здесь же отметим, что сами по себе любые статистико-экономические показатели – действительные или мнимые – не объясняют и тем более не оправдывают действий политического руководства. И в конкретной ситуации 1927–1928 гг. из любой оценки крестьянских запасов хлеба и целесообразности их использования на нужды индустриализации отнюдь не следовали с неизбежностью ни отказ от нэпа, ни установление бюрократической диктатуры. До сих пор обвиняемая в «левом радикализме» объединенная оппозиция вместе с Л. Д. Троцким также предлагала XV партсъезду проведение мероприятий, направленных на использование накопившихся запасов, однако – в рамках нэпа. Исходя из того же хлебофуражного баланса ЦСУ она считала целесообразным «обеспечить изъятие у зажиточно-кулацких слоев, примерно 10% крестьянских дворов, *в порядке займа* (курсив наш. – Авт.) не менее 150 млн. пудов из тех натуральных хлебных запасов, которые достигли уже в 1926/27 г. 800–900 млн. пудов и сосредоточены большей частью в руках верхних слоев крестьянства»[4]. Предлагалось вывезти этот хлеб на внешний рынок, закупить промышленное оборудование и тем самым ускорить процесс индустриализации, погашая принудительный заем постепенно, по мере ввода в строй новых предприятий, продукция которых предназначалась для удовлетворения сельских потребностей.

Хлебный фактор играл важнейшую роль в драматическом развертывании событий в деревне с осени 1927 г. Миф о хлебном изобилии, созданный с помощью статистических преувеличений, должен был убедить власть в *возможности* получения такого количества зерна, которое обеспечивало, наконец, решение проблемы средств для проведения ускоренной индустриализации, для укрепления обороны...

Одновременно сталинское руководство должно было убедить партийно-государственные верхи *в необходимости* реализовать эти возможности и любыми средствами взять у крестьянства хлеб в объеме, достаточном для решения «очередных задач». Испытанным аргументом в пользу подобной политики всегда и везде служила «внешняя опасность» и «прямая угроза войны». Конфликтные ситуации во взаимоотношениях СССР с Англией и Китаем, отнюдь не содержавшие в себе военной угрозы, были использованы в 1927 г. сверх всякой меры и, конечно, для доказательства не только необходимости применения «чрезвычайных мер» при проведении хлебозаготовок, но и в гораздо большей мере – для сосредоточения власти в руках Сталина и уничтожения любой оппозиции[5].

Ширившееся недовольство населения заставило сталинское руководство отказаться от нагнетания военного психоза, однако «следы» его не могли исчезнуть сами собой за короткий срок – страна слишком хорошо помнила военные бедствия 1914–1920 гг. Неожиданный шквал «чрезвычайщины» «на фронте хлебозаготовок» в по-

следние дни декабря 1927 г. – начале января 1928 г. сразу же напомнил о недавней пропагандистской кампании и сказался на поведении крестьян. Как свидетельствовал Сибирский крайком ВКП(б) 7 января 1928 г. в телеграфном послании всем окружкомам партии по вопросам хлебозаготовок, «значительным препятствием проведению хлебозаготовок является убеждение крестьянства <в> неизбежности войны <в> ближайшее время, являющееся, главным образом, результатом неумной агитации военной опасности... Необходимо, всемерно усиливая моб<илизационную> работу, другие виды подготовки, рассчитанные на ряд лет, создавать <в> среде крестьянства убеждение <в том, что в> ближайшее время при условии укрепления экономической мощи государства можем вполне рассчитывать <на> мирное строительство. Голую агитацию военной опасности, готовящихся нападений необходимо прекратить»[6].

Перед нами типичная для сталинского (и, к сожалению, не только сталинского) руководства манера: созданная искусственно и для решения сиюминутных задач ситуация оказывается препятствием для достижения действительно важных целей. Коллизия решается с помощью насилия над миллионами людей. Цитированное выше послание было подписано С. И. Сырцовым, человеком, не останавливавшимся перед применением силы, но вместе с тем способным назвать «неумной» политику, которая искусственно усугубляет трудности при решении главнейших задач. Неслучайно он оказался лидером третьей антисталинской оппозиции, образовавшейся уже в 1930 г.

Затянулось и исключение из партии объединенной оппозиции (прежде всего, из-за сопротивления группы Бухарина) до пленума ЦК и ЦКК в октябре и XV партсъезда в декабре 1927 г., что также ограничивало устремления Сталина. Развязать массовые репрессии в тех масштабах, которые он планировал, в 1927 г. Сталину не удалось. Не решился он и сразу перестроить хлебозаготовительную политику. Уже в самом начале заготовительной кампании было известно, что валовой урожай зерновых советом экспертов ЦСУ определялся в 4350 млн. пудов – «на 350 млн. пудов менее прошлогоднего», а план заготовок в размере 750 млн. пудов будет «на 25 млн. пудов более прошлогоднего». Правда, цены на четыре основные культуры – рожь, пшеницу, овес и ячмень – предполагалось повысить с 85–90 коп. за пуд в 1926/27 г. до 90–95 коп. за пуд в 1927/28 г.[7] На самом же деле в сентябре они оказались пониженными на 3–5%, а местами и более.

Отмеченные колебания в политике хлебных цен отражали борьбу в высшем партийно-государственном руководстве осенью 1927 г., которая нуждается в специальном изучении, ведь именно тогда была поставлена под вопрос судьба нэпа. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 сентября 1927 г. фактически снимало вопрос о ценах на хлеб, потребовав установления «большего соответствия в ценах» между культурами и районами, что фактически привело к их понижению. Особый интерес в этом решении представляют пункты о предложениях НКТорга, которые после редактирования Э. Я. Рудзутаком и А. И. Микояном должны были превратиться в постановление Политбюро, и о создании комиссии «для рассмотрения прав Наркомторга по линии сырьевых и хлебных заготовок», где главная роль принадлежала опять Рудзутаку и Микояну[8]. Эти документы еще предстоит найти.

В целом сталинскую политику в области хлебозаготовок почти до конца декабря отличал подготовительный и скрытый характер решений и действий. Проект резолюции «О хлебозаготовках на 1927/28 г.», подготовленный Микояном и Рудзутаком по поручению Политбюро от 15 сентября, оказался в повестке дня Политбюро только 24 ноября (через 13 заседаний!), решение было кратчайшим – «Отложить». На следующем заседании Политбюро (30 ноября) решение оказалось тем же...[9] Впереди был XV съезд ВКП(б), и Сталин не решался начать те действия, которые наметились уже

в сентябре. На съезде (2–19 декабря 1927 г.) сталинское руководство лицемерно выступало в роли защитника нэпа против «троцкистов и зиновьевцев». Триумф на съезде, исключившем из партии не только Троцкого и Зиновьева, но и всех активных деятелей оппозиции, развязал Сталину руки для того, чтобы начать слом нэпа и радикально решить весь узел социальных и экономических проблем командно-репрессивными методами. В 1920-х годах их можно было еще называть методами «военного коммунизма» и связывать с угрозой новой войны, поскольку само явление сталинизма еще не обнаружилось с достаточной полнотой и самостоятельностью. Однако сходство здесь было формальным и сводилось к разверсточной системе государственных хлебозаготовок, введенной, как упоминалось, еще в конце первой мировой войны. Сталинская система репрессий с самого начала приобрела более широкий, практически всеобщий характер, особенно в деревне, где была сосредоточена основная масса человеческих и материальных ресурсов страны.

22 декабря 1927 г. на первом же заседании избранного после XV съезда Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение: «Назначить завтра, 23 декабря, в 11 часов утра внеочередное заседание Политбюро для обсуждения вопроса о хлебозаготовках и экспорте хлеба»[10]. Названное заседание Политбюро (Приложения, протокол № 2) создало комиссию для составления на основе обмена мнений «проекта постановления о хлебозаготовках», «проекта директивы ЦК местным парторганизациям...», а также определения состава уполномоченных по хлебозаготовкам для «посылки на места»[11]. 24 декабря все перечисленные документы были приняты. Однако 5 и 14 января 1928 г. появились новые директивы по тем же вопросам хлебозаготовок, толкавшие страну на путь «чрезвычайщины». Все названные директивы, а также основные сопутствующие им документы ныне опубликованы[12]. Это позволяет ограничиться характеристикой особенностей содержания и тональности главного из этих документов – директивы, принятой Политбюро 5 января 1928 г., а 6 января разосланной от имени ЦК ВКП(б) и за подписью Сталина.

На передний план в этой директиве выдвигались чисто административные требования: «Темп работы местных организаций недопустимо медленный, спячка еще продолжается, низовой аппарат еще не раскачался ... рычаги власти и партии не приведены в движение... Крестьяне-коммунисты, советский и кооперативный актив не продали всех своих излишков, совхозы и колхозы также не весь товарный хлеб вывезли». Все это, как утверждалось, свидетельствовало о забвении местными организациями «основных революционных обязанностей перед партией и пролетариатом». Директива требовала «добиться решительного перелома в хлебозаготовках в недельный срок... причем всякие отговорки и ссылки на праздники и т. п. ЦК будет считать за грубое нарушение партийной дисциплины».

Партийным организациям на местах предписывалось «принять к твердому исполнению годовое и месячные задания Наркомторга», все его «текущие директивы... выполнять без промедлений», «...в строжайшей точности и в срок». В целях «изъятия денежных накоплений из деревни» предлагалось «установить максимально ускоренные сроки всех платежей крестьянства казне... добиваться досрочных взносов всех платежей ... срочно установить дополнительные местные сборы на основе законов о самообложении» и т.п. Наконец, «при взыскании недоимок по всякого рода платежам применять немедленно жесткие кары, в первую очередь в отношении кулачества (но, значит, не только кулачества! – Авт.). Особые репрессивные меры необходимы в отношении кулаков и спекулянтов, срывающих с/х цены». Далее следовали требования «мобилизовать немедля все лучшие силы» партийных организаций; «установить личную ответственность руководителей» организаций, «немедля отстраняя тех из них,

которые не проявят способности и умения добиться успеха»... Директива завершалась грозным предупреждением о том, что «промедление в исполнении этой директивы и недостижение в недельный срок (!) реальных успехов в смысле решительного перелома в хлебозаготовках может поставить ЦК перед необходимостью замены нынешних руководителей парторганизаций»[13].

В этой первой собственно сталинской директиве по хлебозаготовкам фактически излагалась программа принципиально нового отношения к крестьянству, слома нэпа и широкого применения репрессий в деревне. На протяжении января 1928 г. применительно к хлебозаготовкам были введены в действие репрессивные статьи Уголовного Кодекса РСФСР, принятого в 1926 г.: статья 107 против спекуляции частных скупщиков; статья 105 против «пособников спекуляции из низового аппарата», статья 60 против недоимщиков при взимании налогов и других платежей. Статья 107 имела в виду спекулянтов и перекупщиков. С января 1928 г. она стала применяться и к «держателям хлеба», в том числе к крестьянам-производителям, отказывающимся сдавать хлеб заготовителям по явно заниженным ценам. Новая трактовка статьи 107 не сопровождалась необходимыми юридическими разъяснениями и ограничениями, что с неизбежностью приводило к расширенным толкованиям и произволу в практике ее применения, порождавшим массовые «перегибы».

Столь крутой поворот в отношении к крестьянству не мог не вызвать возражений и в партийной среде, только что защищавшей нэп от покушений со стороны «левых уклонистов». 14 января на места последовала новая сталинская директива, с требованием выполнения заданий по хлебозаготовкам «во что бы то ни стало», т.е. не останавливаясь перед любыми средствами принуждения. Здесь же разъяснялась сущность новой политики в деревне (новой по отношению к нэпу): «Многие из коммунистов думают, что нельзя трогать скупщика и кулака, так как это может отпугнуть от нас середняка. Это самая гнилая мысль из всех гнилых мыслей, имеющихся в головах некоторых коммунистов. Дело обстоит как раз наоборот. Чтобы восстановить нашу политику цен и добиться серьезного перелома, надо сейчас же ударить по скупщику и кулаку, надо арестовать спекулянтов, кулаков и дезорганизаторов рынка и политики цен. Только при такой политике середняк поймет, что... спекулянт и кулак есть враг советской власти, что связывать свою судьбу с судьбой спекулянтов и кулаков опасно, что он, середняк, должен выполнить перед рабочим классом свой долг союзника»[14].

Как видим, задача борьбы с кулаком не только как с держателем хлеба, но и как с врагом советской власти была поставлена со всей определенностью. Хлебозаготовки 1928 г. явились фактическим началом раскулачивания. Особую страницу в истории трагедии, которая развертывалась в деревне и с начала 1928 г. вступила в стадию «чрезвычайщины», составили поездки членов высшего руководства на места в качестве уполномоченных СТО – ЦК партии по хлебозаготовкам. В этих поездках Сталин и его ближайшие сторонники преподали местным руководящим кадрам уроки применения командно-репрессивных методов.

Для понимания наступающего нового времени и новых форм деятельности особое значение имеет следующий принцип, сформулированный в одном из главных решений, принятых во время сталинского пребывания в Сибири: «*Организацию нажима на хлебозаготовительном фронте считать ударной задачей* партийных и советских организаций, *а самый нажим продолжать вплоть до полного выполнения плана заготовки*»[15] (курсив наш. – Авт.).

С принятием этой формулы 1 февраля 1928 г. в официальный язык, а тем более в язык партийной пропаганды прочно вошло выражение «хлебозаготовительный фронт», точно определившее характер новых взаимоотношений государства и кресть-

янства: введение прямого произвола и насилия в практическую деятельность местных партийных и советских организаций в деревне при выполнении очередных заданий сверху – всего того, что получило наименование «перегибов». Не случайно именно в начале 1928 г., и прежде всего в практике хлебозаготовок, возникло и быстро вошло в обиход местных партийно-советских работников выражение «Лучше перегнуть, чем недогнуть».

Известная директива «всем организациям ВКП(б)» от 13 февраля 1928 г., утверждавшая, что «развернувшаяся хлебозаготовительная кампания уже увенчалась первой решительной победой», содержала требование: «Неослабно продолжать кампанию усиления хлебных заготовок и добиться выполнения годового плана хлебозаготовок *во что бы то ни стало*» (курсив наш. – Авт.). Во что бы то ни стало – значит не смущаясь никакими другими соображениями, не останавливаясь перед всем тем, что было названо «перегибами и извращениями». Это требование полностью перечеркивало «ограничительные» пункты директивы: «решительно устранять перегибы и извращения...» и т. д. Нажим на местные партийные, советские и кооперативные организации резко усиливался включением в директиву ЦК требования чистки «в ходе заготовительной кампании» их состава: «изгонять из них чуждые и примазавшиеся элементы, заменяя их выдержанными партийными и проверенными беспартийными работниками»[16].

На этом можно поставить точку в предыстории пленумов ЦК ВКП(б) периода слома нэпа. Казалось, что на XV партсъезде принято твердое и однозначное решение о сохранении нэпа. Казалось, что вопрос о дальнейших судьбах нэпа относится к компетенции партийных съездов, самое малое – пленумов ЦК. На деле же слом нэпа был начат решениями генсека и узкой группой его единомышленников без каких бы то ни было решений высших партийных инстанций. Началось формирование личной диктатуры Сталина.

С учетом огромной роли политической составляющей в ликвидации нэпа и утверждения новой сталинской модели публикуемые материалы пленумов ЦК ВКП(б) являются важнейшим историческим источником. Именно на пленумах 1928–1929 гг. произошло политическое закрепление нового курса и утверждение у власти И. В. Сталина, переигравшего своих оппонентов в Политбюро – А. И. Рыкова, Н. И. Бухарина, М. П. Томского, которые были названы лидерами «правого уклона».

Этот коренной поворот, который Сталин назвал «великим переломом», а историки – началом «сталинской революции сверху», оказал огромное воздействие на судьбы нашей страны. Исследуя конкретные факты экономического и социально-политического развития страны, историки пытались ответить на принципиальный вопрос: в какой степени неизбежной была эта сталинская победа, имелись ли иные варианты движения страны?

Споры по этому поводу, развернувшиеся в рамках двух крайних подходов – неизбежность победы Сталина и наличие реальной «бухаринской» альтернативы, подтвердили принципиальную важность дальнейшей разработки этого сложнейшего комплекса проблем, придали особенную важность исследованиям нэпа[17].

Большая часть наиболее значительных работ по теме была написана еще в «доархивный» период, на основании преимущественно опубликованных материалов. Это обстоятельство не снижает их научного значения, однако позволяет говорить о возможности плодотворного продолжения исследований на новой архивной базе. Решению такой задачи должен способствовать активный процесс публикации архивных материалов, составной частью которого является и наше издание.

Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б), особенно 1920-х годов, являются важнейшим источником для исследований политической истории. Поскольку стенограммы

других руководящих органов партии – Политбюро, Оргбюро, Секретариата, за редким исключением, не велись, дискуссии на пленумах представляют собой один из немногих источников, позволяющих реконструировать позицию различных лидеров партии и ход борьбы в высших эшелонах власти. По этой причине стенограммы пленумов ЦК всегда привлекали значительное внимание историков. Долгие годы доступными были лишь те фрагменты стенограмм, которые публиковались в открытой печати. С конца 1980-х годов началась эпизодическая публикация отдельных выступлений на основании подлинных стенограмм, активно обсуждались планы многотомного издания материалов пленумов. Как и многое другое, эти планы остались нереализованными и только теперь постепенно претворяются в жизнь.

Будучи ценным научным источником, стенограммы пленумов, кроме того, – просто интересное и во многих случаях захватывающее историческое чтение, увлекающее драматизмом и накалом страстей. Чтение, кстати, чрезвычайно поучительное для нашего, в очередной раз «переломного», настоящего.

В. П. Данилов

***

Этот том открывает серию публикаций стенографических отчетов пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.:

объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) (6–11 апреля 1928 г.);
пленума ЦК ВКП(б) (4–12 июля 1928 г.);
пленума ЦК ВКП(б) (16–24 ноября 1928 г.);
объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) (16–23 апреля 1929 г.);
пленума ЦК ВКП(б) (10–17 ноября 1929 г.).

Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) – источник, достаточно сложный для публикации. Во многом это связано с многоступенчатой системой подготовки и обработки стенограмм, в результате чего мы располагаем несколькими их версиями: 1) первоначальной стенограммой, записанной «с голоса», а затем расшифрованной; 2) стенограммой, исправленной авторами выступлений; 3) стенографическим отчетом, который предназначался для рассылки в партийные организации и был результатом дополнительной правки авторского экземпляра редакционной комиссией в аппарате ЦК[18].

Поскольку технически затруднительно воспроизвести все три варианта стенограмм, при подготовке публикации встает вопрос: какую из версий взять за основу?

Публикации стенограмм пленумов, предпринимаемые в последние годы, представляли как чистые стенографические отчеты, так и неправленые стенограммы с указанием внесенной правки. Ряд историков считают оптимальным использование в качестве базовых первоначальных неправленых стенограмм[19]. Составители данного издания полагают, что единый подход к публикациям этого вида документов нецелесообразен, поскольку стенограммы пленумов разных периодов (а они велись на протяжении 70 лет) существенно различаются не только по содержанию, но и по характеру формирования. В качестве основы для публикации пленумов 1928–1929 гг. были выбраны стенографические отчеты, т.е. последний вариант стенограмм. Этот выбор был сделан по нескольким причинам.

Во-первых, предварительное ознакомление со стенограммами показало, что первоначальная стенографическая запись «с голоса» применительно к пленумам этого периода представляет собой во многих местах несвязный малопонятный текст из-за многочисленных грамматических и смысловых ошибок. Причем часто невозможно установить, в какой мере невразумительность стенограммы отражала реальные вы-

ступления (многие ораторы были людьми малограмотными и при этом выступали экспромтом), а в какой вызывалась техническими причинами, например плохой слышимостью (в первоначальных стенограммах периодически встречаются пропуски с пометками: «Не слышно») и недостаточной квалификацией стенографисток. По-видимому, имели место и те, и другие причины. В любом случае публикация таких стенограмм без правки невозможна. Именно такую правку, делавшую текст элементарно понятным, и предпринимали сами авторы выступлений.

Во-вторых, как показало сравнение различных вариантов текстов, между вторым (стенограмма с авторскими правками) и третьим (стенографический отчет) вариантами различий практически нет. Таким образом, выбирая в качестве основы для публикации стенографический отчет, мы получаем возможность одновременно опубликовать второй и третий вариант стенограмм. При этом немногочисленные редакционные правки, произведенные редакторами в аппарате ЦК, легко оговариваются в постраничных примечаниях.

Авторская правка первоначальной стенографической записи в случае с пленумами 1928–1929 гг. была столь значительной, что воспроизвести ее полностью практически невозможно: в этом случае речь может идти только о параллельной публикации текстов. Однако, поскольку авторская правка носила в основном стилистический и грамматический характер, учитывать ее в полной мере нет необходимости. В то же время смысловая правка – дописывание текста или вычеркивания фрагментов, имеющих существенное значение, – учтена полностью. Вновь вписанный текст отмечен подчеркиванием, вычеркнутые фрагменты восстанавливаются в квадратных скобках, выделены слова, подчеркнутые авторами при правке стенограмм. Угловые скобки обозначают вставки составителей.

В результате такой работы, как считают составители, удалось достаточно адекватно воспроизвести все три варианта стенограмм.

Стенографические отчеты, положенные в основу публикации, издавались для рассылки партийно-государственным руководителям в виде отдельных выпусков, каждый из которых содержал материалы по одному вопросу повестки дня пленума. После стенограммы доклада и прений по нему в каждом таком выпуске печатались выписка из протокола заседания пленума и приложения по данному вопросу. Поскольку в настоящем издании все выпуски объединены, составители несколько перегруппировали материалы стенографических отчетов. Вслед за стенограммами докладов и прений по всем пунктам повестки дня пленума публикуется общий протокол заседаний пленума (соответственно выписки по отдельным пунктам не публикуются вообще), затем все резолюции в порядке, зафиксированном в протоколе, наконец – все приложения к стенографическому отчету.

Помимо приложений, составители под рубрикой «Дополнения» включили в издание новые материалы. Как правило, это архивные документы, дополняющие стенограммы пленумов и имеющие существенное значение для характеристики как самих пленумов, так и внутрипартийной борьбы конца 1920-х годов.

Публикация осуществлялась в соответствии с «Правилами издания исторических документов» (М., 1990). При максимальном сохранении всех особенностей источника, в ряде случаев без оговорок тексты исправлялись в соответствии с современной орфографией. Не оговаривалось и исправление явных опечаток.

Справочный аппарат издания составляют вводные статьи, в которых дается общая характеристика периода и описываются наиболее крупные события, обсуждавшиеся на пленумах; комментарии к конкретным фактам, упоминаемым на пленумах; именной комментарий и именной указатель; список сокращений.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 376; Т. 54. С. 195.

[2] См.: XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 18–31 декабря 1925 г. Стенографический отчет. М. – Л. 1926. С. 263–264. См. также с. 39, 326–327, 491.

[3] Российский государственный архив социальной и политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1627. Л. 1–2.

[4] Там же. Ф. 56. Оп. 2. Д. 52. Л. 34.

[5] Подробнее об этом см.: Данилов В.П. Введение: Истоки и начало деревенской трагедии. – Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Том 1. Май 1927 – ноябрь 1929. М. 1999. С. 21–27.

[6] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 120. Л. 47.

[7] См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Том 1. Май 1927 – ноябрь 1929. М. 1999. С. 22–26.

[8] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 651. Л. 3–4.

[9] Там же. Д. 661. Л. 2. Д. 662. Л. 3.

[10] Там же. Д. 664. Л. 3.

[11] Там же. Д. 665. Л. 1.

[12] См.: Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 111–114, 136–137, 147–150.

[13] Там же. С. 136–137.

[14] Там же. С. 147.

[15] Там же. С. 37–38.

[16] Там же. С. 41.

[17] Среди наиболее крупных исследований см.: Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. М. 1974; Lewin M. Russian Peasants and the Soviet Power. London. 1968; Carr E.H. and Davies R.W. Foundations of a Planned Economy. 1926–1929. Vol. 1. London. 1969; Tucker R. Stalin as Revolutionary. 1879–1929. New York – London. 1973 (русское издание: М., 1990); Cohen S. Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography. 1888–1938. New York. 1973 (русское издание: М., 1988); Поляков Ю.А. Переход к нэпу и крестьянство. М. 1967; Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М. 1977; Его же: Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М. 1979; Davies R.W. The Socialist Offensive: The Collectivisation of Soviet Agriculture, 1929–1930. Cambridge (Mass.) – London. 1980; Бухарин: человек, политик, ученый. М. 1990; Голанд Ю. Кризисы, разрушившие нэп. М. 1991 (2-е изд. М. 1998); From Tsarism to the New Economic Policy. Ithaca – New York. 1991; Gregory P. Before Command. Princeton. 1994 и др.

[18] См. подробнее: Артизов А.Н., Наумов О.В. Некоторые проблемы публикации документов пленумов ЦК ВКП(б) – КПСС. «Новая и новейшая история». 1998. № 4. С. 68–70.

[19] Там же. С. 75

АПРЕЛЬСКИЙ ПЛЕНУМ 1928 г.

Апрельский объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) был первым пленумом нового созыва ЦК, избранного на XV съезде в декабре 1927 г. Что бы ни писали о съезде в последующие годы (как известно, в официальной сталинской историографии он был объявлен съездом «коллективизации сельского хозяйства»), его главное решение касалось внутрипартийных вопросов. XV съезд объявил принадлежность к оппозиции и пропаганду ее взглядов несовместимыми с пребыванием в партии, официально закрепил победу И. В. Сталина, В. М. Молотова, Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и их сторонников над оппозицией во главе с Л. Д. Троцким, Г. Е. Зиновьевым, Л. Б. Каменевым. Большую группу активных оппозиционеров на съезде исключили из партии и вскоре подвергли репрессиям. Однако борьба за власть в высших эшелонах партийного руководства не завершилась. Высланные из Москвы лидеры троцкистско-зиновьевской оппозиции предсказывали скорые столкновения в Политбюро между победителями. Для подобных прогнозов действительно были основания. Во-первых, оппозиция не могла не знать, что Бухарин, Рыков и Томский сопротивлялись ее исключению из партии, а также, что политические разногласия между сталинской группой и будущими «правыми» начались еще до XV съезда[1]. Во-вторых, бухаринские выступления накануне XV съезда о «наступлении на кулака» отражали, конечно, настроения партийной среды, но были направлены не столько на развертывание этого «наступления», сколько на сохранение его в рамках нэпа – «наступление вместе с середняками», строго «мирно-хозяйственного» характера. Речь шла о более эффективном регулировании социально-классовых отношений в деревне, направленном на ограничение роста кулацких слоев (при «возможном еще абсолютном росте»)[2]. В бухаринской постановке вопроса, как и в съездовских решениях, не было ничего, что сулило бы через месяц-другой применение «чрезвычайных мер» по-сталински – насильственное изъятие хлеба и у кулаков, и у середняков, а подчас и у бедняков, не останавливаясь перед арестами и конфискациями.

Разразившийся зимой 1927–1928 гг. хлебозаготовительный кризис не мог не привести к столкновениям по поводу общего политического курса и его практического осуществления. Первые решения о хлебозаготовках, принятые в конце декабря 1927 г. – начале января 1928 г. (см. Данилов В. П. Введение. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: исторический источник в контексте эпохи. – Наст. издание), не вызвали столкновений в Политбюро. Однако кажущееся единство продолжалось недолго. В литературе давно утвердилось мнение, что жесткость решений Политбюро, принятых коллективно, была значительно усугублена инструкциями, которые местные руководители получили в ходе командировок на места советских лидеров, прежде всего Сталина и Молотова[3].

Конечно, не все уполномоченные высшего ранга оказались пригодны для роли учителей в школе сталинизма. Так, Н. А. Угланов – кандидат в члены Политбюро и член Оргбюро, один из секретарей ЦК и секретарь Московского комитета партии, командированный в Поволжье, по прибытии на место назначения занялся изучением об-

щей ситуации на хлебном рынке, а не задачей организации немедленного «перелома» в ходе хлебозаготовок. В докладе по итогам командировки Угланов сводил причины «неуспешного хода хлебозаготовок» к таким обстоятельствам, как «пестрота урожая», «недостаточный и несвоевременный завоз промтоваров в деревню», «ошибочность решений, принятых в августе-сентябре, о повышении кондиций заготовленного хлеба, что... привело к фактическому снижению заготовительных цен на хлеб», «воспоминания о голоде 1921–1922 гг.», «разговоры о войне», и лишь в самом конце этого перечня была названа «вялость в работе местных советских и партийных организаций». Больше того, вместо форсирования сдачи хлеба крестьянством государству Угланов предлагал нечто прямо противоположное – образование местных семенных фондов «в целях охвата плановым порядком имеющейся тенденции крестьянства к закупке хлеба для обеспечения семенным материалом к предстоящей посевной кампании»[4].

Объективный анализ экономических факторов хлебозаготовительного кризиса и путей его преодоления в рамках нэпа содержался в докладе заместителя наркома финансов СССР М. И. Фрумкина, являвшегося в первой половине января 1928 г. уполномоченным ЦК партии и СТО на Урале. Этот анализ приводил «к выводу, что основными причинами, вызвавшими неудовлетворительный ход хлебозаготовок, являются цены и промтовары». Там показывалось, что «усиленный нажим на самообложение и на заем» затрагивает «не только кулаков, но и всю середняцкую массу», предлагалось снизить план хлебозаготовок для Урала с 41 млн. пудов до реальной величины в 39 млн. пудов. (Молотов должен был срочно ехать на Урал, чтобы в порядке «особой ударности работы» добиться «соответствующего отношения к делу хлебозаготовок», прежде всего увеличения планов заготовок до 44 млн. пудов.)[5] Угланов и Фрумкин, как покажут материалы последующих томов, были впоследствии объявлены самыми крайними «правыми уклонистами».

Первые известные нам данные о столкновениях между Сталиным и будущими «правыми» из-за политики хлебозаготовок связаны с разработкой директивы ЦК от 13 февраля 1928 г. (ею мы закончили предысторию пленумов ЦК 1928–1929 гг. во «Введении» к данному пятитомнику). Вопрос о задачах и методах заготовительной политики в партийно-государственных верхах стал обсуждаться еще до возвращения Сталина из сибирской поездки. 20 января СТО, председателем которого был А. И. Рыков, принял постановление о плане хлебозаготовок на январь – март в размере 250 млн. пудов, что фактически означало резкое сокращение годового плана (с 780 млн. пудов до 650 млн.). «Для разработки специальных мероприятий к усилению заготовок» в дальнейшем создавалась комиссия в составе Рыкова (председатель), Цюрупы, Сокольникова, Брюханова, Шейнмана, Микояна и А. П. Смирнова. Комиссии, в которой имелся лишь один представитель сталинской группы – Микоян, поручалось «представить доклад в СТО не позднее 15 февраля». В то же время было признано необходимым в первой половине марта заслушать доклады Госплана СССР и союзного Наркомторга «о подготовке хлебной кампании 1928/29 г.», предлагалось «специально разработать вопросы об усилении стимулов предложения хлеба и о методах заготовок хлеба». 26 января постановление СТО было утверждено Политбюро[6], что само по себе свидетельствовало о колебаниях партийных верхов в отношении к чрезвычайщине.

В повестке заседания Политбюро, состоявшегося 2 февраля, т. е. также до возвращения Сталина, назван пункт «О хлебозаготовках»[7]. Однако рассмотрение его было перенесено на следующее заседание Политбюро 9 февраля с участием Сталина. В протоколе пункт «О хлебозаготовках» оказался первым с отсылкой на заседание

2 февраля и с пометкой «ставится 2-й раз». Судя по протоколу, заседание Политбюро 9 февраля можно считать довольно широким: присутствовали не только члены и кандидаты в члены Политбюро, но и многие члены и кандидаты в члены ЦК, члены ЦКК[8]. В материалах заседания сохранилась записка Н. И. Бухарина с просьбой «освободить от заседания ПБ», поскольку «в 7 открывается ИККИ», а ему «нужно еще кое-что подготовить». Эта просьба, по-видимому, была удовлетворена с учетом мнения Рыкова: «За, но после бюджета»[9] (пункт «О бюджете» в протоколе был вторым.).

Как известно, в протоколах заседаний Политбюро дискуссии не фиксировались. Поэтому обратимся сразу к принятому 9 февраля решению:

«Создать комиссию в составе тт. Рыкова, Сталина, Молотова, Микояна и Бухарина.

Комиссию обязать к субботе, 11/II, закончить работу по составлению текущей директивы, связанной с хлебозаготовками, и через $1^1/_2$ недели представить в ПБ проект директивы для подготовки следующей кампании на основе учета данной кампании.

Созыв комиссии за т. Рыковым»[10].

Решение Политбюро от 9 февраля по формулировке задач комиссии напрямую перекликается с изложенным выше постановлением СТО от 20 января. Текст решения был явно предложен Рыковым, и поэтому за ним оказался созыв комиссии. Однако состав комиссии предопределил в основном сталинское содержание документа, с некоторыми оговорками в оценках чрезвычайщины и рядом конкретных предложений по ее ограничению.

Из материалов комиссии сохранился машинописный текст, подготовленный Сталиным, с карандашной правкой и вставками, сделанными по преимуществу сталинским же почерком, судя по всему, в ходе обсуждения на комиссии. Из материалов, которые могли быть предложены другими, уцелела маленькая записка Бухарина – уцелела лишь потому, что на том же клочке бумаги Сталин написал «продолжение», фактически перечеркивающее бухаринское заявление. Приведем этот текст полностью, поскольку он вошел в директиву в своеобразном бухаринско-сталинском «соавторстве» и – главное – прямо посвящен проблеме нэпа. Чтобы разделить текст по авторам, мы даем бухаринские строки курсивом: «*Разговоры о том, что мы будто бы отменяем нэп, вводим продразверстку, раскулачивание и т. д., являются контрреволюционной болтовней, против которой необходима решительная борьба. Нэп есть основа экономической политики и остается таковой на длительный исторический период.* Нэп означает товарооборот и допущение капитализма при условии, что государство оставляет за собой право и возможность регулировать торговлю с точки зрения диктатуры пролетариата. Без этого новая экономическая политика означала бы просто восстановление капитализма, чего не хотят понять контрреволюционные болтуны, толкующие об отмене нэпа»[11].

Сталинский проект (или проект сталинской группы) одобрял «те чрезвычайные мероприятия, которые отразились в директиве ЦК и получили выражение в развернувшейся заготовительной кампании». У этой фразы появилась новая концовка: «...и большая часть которых может сохранить силу лишь за период текущего заготовительного года». Видимо, нервозность дискуссии была настолько сильной, что описка в предлоге («за» вместо «на») осталась неисправленной[12].

Содержавшееся в проекте указание о том, что «... наряду с... успехами в практике осуществления директив имеется целый ряд... искажений и перегибов...», дополнилось их перечнем, включающем даже такие «перегибы», как «злоупотребления арестами, незаконной конфискацией излишков хлеба и т. д.». Дописанным комиссией было и требование: «Все эти явления должны быть решительно ликвидированы»[13].

Отметим, наконец, одно из конкретных дополнений, оказавших серьезное воздействие на практику хлебозаготовок и обстановку в деревне. Речь идет о запрещении применения статьи 107 к хозяйствам с запасами «товарного хлеба» менее 2 тыс. пудов. Приводя соответствующий пункт директивы полностью, мы выделяем курсивом дополнения, сделанные по настоянию Рыкова – Бухарина:

«4. Продолжать нажим на кулаков – действительно крупных держателей товарных излишков хлеба, проводя этот нажим исключительно на основе советской законности (в частности, применив на практике в отношении отдельных злостных элементов, *из числа владеющих излишками в две тысячи и более пудов товарного хлеба*, статью 107 Уголовного Кодекса РСФСР и соответствующую статью украинского кодекса), *но ни в коем случае не задевая этими и подобными им мерами середняцкую часть крестьянства*»[14].

Мы еще встретимся с прямым свидетельством Молотова о вынужденном включении этого ограничения в сталинскую директиву. Оно явилось одним из факторов ослабления чрезвычайщины в марте-апреле, поскольку, во-первых, ограничивало применение 107 статьи и, во-вторых, отвечало настроениям основной массы местных работников.

Работа комиссии Рыкова была закончена 13 февраля и никакого продолжения, судя по материалам Политбюро, не имела. О поручении представить через полторы недели проект директивы на будущие хлебозаготовки никто не вспоминал.

Если материалы о разработке директивы от 13 февраля можно считать в значительной мере косвенным (хотя и вполне убедительным) свидетельством о столкновениях Сталина с будущими «правыми», то через три недели между ними произошел конфликт, получивший более полное документальное отражение.

7 марта 1928 г. в связи с утверждением промышленно-финансового плана на 1927/1928 г. А. И. Рыков представил на утверждение Политбюро соответствующие предложения, которые были подвергнуты критике Молотовым (за которым стоял Сталин). Молотов критиковал проект плана за недостаточные темпы строительства металлургических предприятий. Возмущенный Рыков тут же на заседании написал записку Сталину, Молотову и Бухарину: «За последнее время был целый ряд признаков, говорящих за то, что большинство Политбюро недовольно руководством СНК и СТО. Сегодня разыгрываются разногласия по крупнейшему вопросу – о резолюции по плану промышленности на текущий год. Из всего этого необходимо сделать вывод. Работа может идти только в том случае, если расхождений в крупных, основных вопросах в руководстве СНК и СТО с мнением Политбюро нет. Я в качестве председателя СНК и СТО работать больше не буду. Предлагаю сделать такую расстановку сил, чтобы на ближайшем пленуме и сессии ЦИК сделать необходимые перемещения, а меня наметить на Урал». Молотов ответил первым: «Считаю в корне неправильной постановку вопроса т. Рыкова. Считаю, что никто не может ставить вопроса о смене т. Рыкова, т. к. это явная нелепость и безусловная нецелесообразность. В том числе мне и в голову никогда такая глупость не приходила, т. к. Рыков лучше кого бы то ни было выполнял и выполняет работу преда СНК. Но считаю свое выступление безусловно законн<ым>. От этого права говорить на Политбюро и резко критиковать решения наркоматов и СНК ни в коем случае не могу отказаться. Разногласия не в основном (тут есть необходимое единомыслие), а в отдельных, хотя и крупных практических вопросах. Это неизбежно, и тут я не вижу ничего плохого. Поэтому весь вопрос т. Рыкова поставлен неправильно». Бухарин прямо не поддержал Рыкова, но поставил вопрос о процедуре: «Я считаю, что такие вопросы, как об индустрии и т. д., лучше предварительно ставить на повестке (т. е. при предварительном рассмотрении повестки дня Политбюро. –

Авт.). А то мы на повестке спорим о всякой (относительно) ерунде, а не предупреждаем таких сцен, как сегодня. Я сам не мог говорить, чтобы не драться при всех, хотя считаю, что индустриализацию и ее темп правильнее высчитывать по капит<альным> затратам, а не по валовой продукции (о чем не раз говорил)». Ответ Сталина был примиряющим: «Присоединяюсь к Молотову и Бухарину. Ошибка состоит в том, что мы не провентилировали вопрос до Политбюро»[15].

Однако Рыков написал новую записку: «Ставьте дело как хотите, я не об этом писал. Я писал о том, что в СНК – СТО я больше работать не буду и сделаю это так: 1. На ближайший пленум не приду, 2. Всем членам пленума разошлю мое заявление, 3. После пленума в СНК и СТО ходить не буду». На этот раз первым ответил Сталин: «Дело надо сделать так: надо собраться нам, выпить маленько и поговорить по душам. Там и решим все недоразумения. В противном случае я скорее соглашусь перестроить Пол<ит>б<юро>, чем менять что либо в СНК». Бухарин также уговаривал Рыкова снять ультиматум: «Разумеется, нельзя ставить никаких вопрос<ов> об отставке. А осторожнее быть здесь следует. Поговорить надо!» Молотов коротко поддержал: «Поговорить следует!» «Поговорим где хотите и когда хотите», – резюмировал Сталин. Однако Рыков упорствовал: «<Я>, кажется доказал, что такими вещами не шучу, и ни разу до сих пор таких вопросов не ставил»[16].

Пока неизвестно, как и когда удалось уговорить Рыкова снять свое заявление. Однако этот конфликт, явно спровоцированный Сталиным, продемонстрировал расстановку сил в Политбюро в начале 1928 г.

При обсуждении контрольных цифр Молотов и стоявший за ним Сталин выступили приверженцами той политики форсированной индустриализации, которая некоторое время спустя стала одним из главных пунктов раскола в Политбюро. Ультиматум вполне уверенного в своих силах и влиянии Рыкова заставил Сталина маневрировать и искать компромиссные решения. Комиссия, созданная Политбюро, работала долго и сформулировала свои предложения (не в пользу Рыкова) уже в мае, после апрельского пленума, на который Рыков грозил вынести вопрос о своей отставке. Многое объясняли опасения Бухарина: «Я сам не мог говорить, чтобы не драться при всех». Позиция нападающего всего через несколько месяцев после завершения многолетней борьбы с оппозицией была политически самой невыгодной. В Политбюро и среди партийных функционеров, входивших в ЦК, были распространены настроения в пользу «единства руководства» и боязнь новых расколов, а следовательно, и возможных кадровых перетрясок.

Эти настроения сказались на поведении партийно-государственных верхов накануне очередного пленума ЦК, созыв которого первоначально (16 февраля) назначался на 25 марта, но затем (13 марта) был отодвинут на 5 апреля[17]. Античрезвычайщина, наметившаяся еще во время работы комиссии 9–13 февраля, по мере приближения к пленуму принимала все более активный и юридически оформленный характер. 28 марта Наркомюст РСФСР разослал на места секретный циркуляр «О судебной практике по делам о хлебозаготовках», в котором разъяснял, что «штраф должен применяться со строгим учетом экономической мощности данного крестьянского хозяйства. Как мера социальной защиты он должен быть чувствителен, но *ни в коем случае не должен вести к разрушению хозяйства*» (курсив наш. – Авт.). Больше того, констатировалось, что уже «конфискованное имущество крестьянского хозяйства» – домашние вещи, «живой и мертвый инвентарь», необходимые для ведения хозяйства своими силами, – «должно быть возвращено». Это требование распространялось даже на «кулацкие слои деревни», в пределах имущества, связанного «с ведением крестьянского хозяйства»[18]. 31 марта местным органам ОГПУ был разослан циркуляр секретно-опе-

ративного управления – одного из главных в системе ОГПУ – «О принятии мер в связи со случаями извращения классовой линии советским аппаратом при проведении массовых кампаний в деревне». Там отмечались «многочисленные факты неправильных действий низового соваппарата, носящих нередко характер произвола (насильственное принуждение к вывозу хлеба, приобретению займа и т. п. путем избиений, угроз оружием, высылкой, арестом ОГПУ и т. д.)». Предлагалось «обратить особое внимание на все случаи подобного рода» и «привлекать к ответственности лиц, виновных в указанных незаконных действиях», вплоть до ареста «в особо серьезных случаях»[19].

Конечно, на принятии этих циркуляров сказывалось приближение весеннего сева и необходимость обеспечить его проведение. Однако сам факт их появления свидетельствовал о том, что фактическое разорение крестьянских хозяйств приобретало опасные масштабы, о чем не мог не зайти разговор на пленуме ЦК, еще не готового к отмене нэпа. Ослабление нажима на крестьянство должно было создать представление о чрезвычайщине как ушедшем в прошлое эпизоде.

Механизм принятия и рассылки названных циркуляров пока неясен. Судя по всему, препятствовать появлению этих «античрезвычайных» документов перед приближающемся пленумом ЦК Сталин не решился. Однако и отказываться от начатой в январе политики чрезвычайных заготовок он не собирался. Напоминанием об этом для партийно-государственных верхов должно было служить принятое Политбюро 26 марта опросом, т. е. без обсуждения, решение «О хлебозаготовках». Текст этого документа был написан Сталиным и гласил: «Принять предложение т. Сталина, согласованное с т. Микояном: Считать, что Сибирь должна выполнить ранее утвержденный годовой план хлебозаготовок для центра в 60 миллионов пудов, и никакое увеличение или уменьшение этого плана не может быть допущено»[20]. В принципе это постановление нельзя признать принятым, поскольку из 18 имен, названных в списке голосующих, действительно проголосовали шесть, включая самого Сталина. Опрос производился по телефону с 18 ч. 15 м. до 19 ч. Адресаты рассылаемых выписок были вписаны сталинской рукой: «Микояну и Сырцову (шифром)»[21]. За оставшееся до пленума время ничего сделать было, конечно, нельзя, но задача и не ограничивалась временем. Дело было в другом: обычно хлебозаготовки заканчивались к началу апреля, когда в основных зерновых районах начинался весенний сев, постановление же от 26 марта продлевало срок хлебозаготовок до выполнения плановых заданий. Ниже будет показано, что это означало на практике. (Мы не знаем, ограничилось ли напоминание о плане только Сибирью или в какой-то иной форме подобные требования были переданы и в другие районы.)

Неуверенность сталинской группы, с одной стороны, и нежелание «драться при всех» Бухарина и Рыкова, с другой, проявились, в частности, в том, что по проблемам хлебозаготовок на пленуме не выступали ни Сталин, ни Бухарин, вообще никто из партийных лидеров того времени. Неизвестно, была ли формальная договоренность об этом, но внешне обе стороны предпочли выслушивать мнения членов ЦК и ЦКК, т. е. местного партийно-государственного руководства и руководства важнейших хозяйственных и общественных организаций. Даже при системе «демократического централизма», предполагавшей свободу высказываний мнений членов коллективного руководства до принятия решений, обсуждение, состоявшееся на апрельском пленуме, могло бы привести к выработке позитивной программы выхода из хлебозаготовительного кризиса. Однако состав ЦК и особенно ЦКК был уже в значительной мере зависимым от Сталина. Деятелей с самостоятельными суждениями в них оставалось немного, и это очень наглядно проявилось в выступлениях по проблеме хлебозаготовок – главной в работе объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г.

Работа пленума началась с доклада А. И. Микояна «Хлебозаготовки текущего года и организация хлебозаготовительной кампании на будущий год», отличавшегося нарочитой растянутостью, пространными справками по посторонним вопросам (вроде динамики зарплаты рабочих), механическим соединением несовместимых оценок и решений (по примеру директивы от 13 февраля). Первая реплика из зала, зафиксированная стенограммой: «Запутаешь ты нас, Микоян!» – не была случайной. Поскольку и доклад, и прения публикуются полностью, их детальный анализ в данной статье неуместен. Мы ограничимся разбором наиболее характерных положений доклада, определивших и ход обсуждения, и принятые пленумом решения.

В специальном комментарии нуждается исходная посылка доклада: «Трудности заготовок текущего года не были связаны, как думали некоторые товарищи, с тем, что у нас хлеба было мало, что урожай был плохой». Чтобы «обосновать правильность плана хлебозаготовок», принятого осенью 1927 г., Микоян ссылался вновь на хлебофуражный баланс 1927/28 года, поскольку других доказательств у него не было. Нам удалось найти в архиве секретариата А. И. Рыкова «не подлежащее оглашению» издание ЦСУ «Предположительный хлебофуражный баланс СССР на 1927/28 сельскохозяйственный год» (М., 1927). Собственно балансовые таблицы из него даются в «Документальных дополнениях» к стенографическому отчету (см. Дополнение 1). В издании ЦСУ имеется «Объяснительная записка...», в которой содержится указание о приблизительности данных хлебофуражного баланса, получаемых оценочным порядком. Содержащаяся в записке информация о принятии баланса отражает большие колебания экспертного совета, попытки его пересмотра и явные следы сильного давления сверху[22]. Особенно это относится к «невидимым запасам» крестьянских хозяйств, вообще не поддающимся статистическому учету. Это и создавало возможность самых произвольных статистических преувеличений.

Сменивший в августе 1926 г. Л. Б. Каменева на посту наркома внутренней и внешней торговли СССР А. И. Микоян был одним из деятельных участников «статистических операций». В докладной записке Наркомторга в СТО от 26 ноября 1926 г., подписанной наркомом и его заместителем, сообщалось, что по «последнему балансу ЦСУ» невидимые запасы к началу заготовительного года составляли 198,7 млн. пудов[23]. После завершения заготовок их объем оценивался уже в 423,7 млн. пудов. И это позволило раздуть объем «невидимых запасов» хлеба в крестьянских хозяйствах в 1926/27 году до 720,8 млн. пудов, а в 1927/28 году до 896,4 млн. пудов (см. Дополнение 1).

Неудивительно, что практическое руководство хлебозаготовками не принимало ни статистического мифа, ни построенного на нем плана получить в распоряжение государства 740 млн. пудов хлеба (на 50 млн. пудов больше, чем в 1926/27 г.), из коих экспортировать 195 млн. пудов (на 20 млн. пудов больше, чем в предыдущем году). Даже Микоян на коллегии Наркомторга 3 октября 1927 г. признавал: «...может быть, мы 700 млн. не соберем, но меньше 660–670 ставить нельзя». Более реалистическое предложение И. Я. Вейцера, замнаркомторга, непосредственно занимавшегося хлебозаготовками, снизить плановое задание до 610 млн. пудов Микоян решительно отклонил: «Если Вы не можете оспорить цифр ЦСУ, вы не имеете оснований сокращать хлебный план»[24]. Похоже, что тогда еще деятели Наркомторга не могли представить себе возможность отказа от нэпа и применения «чрезвычайных мер», но оспорить преподанный им хлебофуражный баланс ЦСУ уже не решались. Впрочем, очень скоро – 24 октября 1927 г. – в докладе того же Наркомторга СССР годовой план хлебозаготовок определился уже в 780 млн. пудов[25].

Действительное значение статистических манипуляций выявилось впоследствии по итогам чрезвычайных хлебозаготовок. Вот очень важное свидетельство П. И. Попо-

ва в докладе «Конъюктура народного хозяйства СССР за 1927/28 год» на коллегии ЦСУ СССР 9 ноября 1928 г.: «...о наших знаниях о невидимых запасах. Эти невидимые запасы были в прошлом году одним из аргументов для очень многих мероприятий. В 1927/28 г. мы установили запасы в 896 млн. – 900 млн. Таким образом, когда мы подошли к новому хозяйственному году, мы оперировали запасами в 900 млн. и весь наш хозяйственный план строили при учете этого обстоятельства. Но вот заготовки, с одной стороны, сельскохозяйственный налог, с другой стороны, поставили вопрос о проверке этих запасов, и, как вам известно, 107 статья показала, что этих запасов нет. Тогда экспертный совет приступил к переработке (хлебофуражного баланса за 1927/28 г. – Авт.), и оказалось по его расчетам, что в прошлом году запасов было не 900 млн., а 529 млн., 896 и 529, а в этом году 561. Таким образом, наши знания весьма условны по зерновой продукции и совершенно преувеличены – на 350 млн. (точнее, на 367 млн. – Авт.) <пудов> в отношении запасов <и> не могут, конечно, способствовать правильной линии хозяйственной политики. Я повторяю и подчеркиваю, что весь расчет запасов был неверен и преувеличен. И это не значит, что я говорю об этом после того, что случилось. Я об этом говорил раньше. Я систематически с 1926 г. говорил в экспертном совете о преувеличении валовой продукции и запасов»[26].

Сохранившиеся в архивном фонде ЦСУ материалы к докладу экспертного совета Совнаркому СССР 28 августа 1928 г. подтверждают цифры, приводимые П. И. Поповым (528,7 млн. пудов против 896,4 млн.), но объяснение им дают очень неполное: «переучет продукции на 142 млн. пудов и недоучет расхода населения на корм скоту на 170 млн. пудов»[27]. Откуда взялись еще 55–56 млн. пудов (чтобы получить в сумме 896 млн. пудов), умалчивается.

К апрелю 1928 г. грубое несоответствие хлебофуражного баланса действительному положению стало очевидным, но у сталинской группы не было другого оправдания чрезвычайщины, и Микояну в докладе на пленуме ЦК приходилось буквально изворачиваться: «Конечно, они (данные баланса. – Авт.) не совсем точны, но более точных данных у нас нет. Несмотря на возможные ошибки в абсолютных цифрах, эти данные правильно выражают динамику, поскольку в ряде лет они более или менее проверялись на практике». И цифры экспертами (такими, как П. И. Попов) назывались другие, и «динамика» на деле проявилась в том, что после самого урожайного – 1926-го – года страна испытывала острый недостаток в хлебе.

Логика никогда не смущала сталинских деятелей, поэтому в микояновском докладе мы находим использование причинно-следственной связи с обратным смыслом: «Валовой сбор хлеба в текущем году меньше прошлогоднего... из текущего урожая на образование запасов пойдет меньше... Поэтому мы считали, что в этом году возможно заготовить не меньше, а больше, чем в прошлом году. Запасы крестьянства трудно учесть...» (Из «не подлежащего оглашению» хлебофуражного баланса можно было узнать, что даже преувеличенные запасы составляли в среднем 6 пудов на душу сельского населения, что обеспечивало всего 1/4 годовой потребности[28], т. е. едва достигало необходимого минимума.)

Неслучайно в числе первых выступавших в прениях оказался В. П. Милютин – тогда управляющий ЦСУ, который фактически сделал политическое заявление, подтверждая своим авторитетом политику чрезвычайных хлебозаготовок, в том числе статистические преувеличения «невидимых запасов»: «...в смысле экономическом *перегиба в хлебозаготовках не было* и в том, что *крестьянин входит в новый хозяйственный год с большими хлебными запасами, чем это было в прошлом году*. Вот вывод, который нам крайне ценен для хлебозаготовок будущего года». Больше того, касаясь «*методов хлебозаготовок*», Милютин подверг критике проект резолюции по докладу

о хлебозаготовках за то, что в них «целая глава посвящена извращению нашей политики на местах», тогда как необходимо было «подчеркнуть с полной ясностью и определенностью... партия безусловно спасла наше экономическое положение... – иначе мы бы стояли уже в январе перед необходимостью импорта хлеба из-за границы».

Как все просто! О сентябрьской операции по фактическому снижению цен на хлеб, сразу и резко изменившей динамику заготовок, Микоян в своем докладе хотя бы глухо упомянул как о «... корректировании, которое... оказалось, к сожалению, не слишком удачным», Милютин же вовсе умолчал. Между тем тогда, в сентябре 1927 г., Милютин испытывал явную тревогу из-за статистических построений, связанных с хлебофуражным балансом. В архивах сохранилась докладная записка Милютина «В ЦК ВКП(б). Тов. Молотову» от 3 сентября 1927 г., написанная в связи с тем, что «ЦСУ закончило хлебофуражный баланс на основе данных за август». Далее излагалось «его содержание и те основные выводы, которые из него следуют». В основном содержание этого варианта расчетов совпадало с тем, что представлено в принятом экспертным советом «предположительном балансе». Правда, «накопление сельских запасов» из урожая 1927 г. оценивалось в 143 млн. пудов, а не в 156–187, как в других вариантах (см. Дополнение 1). Главное для оценки «статистической ситуации» в милютинской записке состояло не в самой по себе информации о содержании баланса, а в тревожной оценке реального положения и необходимости его объяснения. «Исходя из этих данных, – писал В. П. Милютин в ЦК, – приходится сделать вывод о крайне серьезных затруднениях, которые мы будем иметь на хлебном рынке в нынешнем году». При этом управляющий ЦСУ не просто предупреждал о предстоящих «затруднениях», но и настаивал на принятии продуманных решений на высшем уровне: «Ввиду того, что хлебофуражный баланс и хлебозаготовительная кампания в нынешнем году ставят перед нами не только экономические, но и некоторые политические вопросы, было бы целесообразно заслушать доклад о них в Политбюро»[29].

Доклад управляющего ЦСУ о хлебофуражном балансе на Политбюро не был поставлен. Больше того, В. П. Милютин не был даже приглашен на заседание Политбюро 15 сентября 1927 г., где по предложению Сталина были приняты решения об увеличении плана хлебозаготовок, продолжении экспорта пшеницы, фактическом снижении цен и др.[30] Соображения В. П. Милютина остались невыслушанными, а на апрельском пленуме он оказался вынужденным выступать так, словно совсем недавно не испытывал потребности довести до сведения Политбюро тревожившие его вопросы.

Впрочем, по своей ли, по чужой ли воле выступал Милютин на пленуме, но там же ему пришлось услышать довольно резкий ответ. Недавно назначенный наркомом земледелия Н. А. Кубяк не мог остаться равнодушным к завышенным оценкам хлебного производства: «Тов. Милютин заявил, что деревня в этом году выходит с большим количеством запасного хлеба, чем в прошлом году. Это неверно, потому что во многих районах мы заготовили хлеб старых запасов... Вот почему, мне кажется, что совершенно опасно и вредно выступать с цифрами, которые жизнью опровергнуты... конечно, запасы хлеба в деревне есть, всего мы не забрали, но осталось отнюдь не больше того, что было, ибо если бы осталось больше, то по ст. 107 мы забрали бы это, ибо... план хлебозаготовок еще не выполнен».

(В последующих томах настоящего издания мы найдем еще более негативные оценки хлебофуражного баланса 1927/28 г.)

Возвращаясь к докладу Микояна как главному документу апрельского (1928 г.) пленума ЦК и ЦКК, отметим два принципиально важных момента, связанных с оценкой практики и перспектив хлебозаготовок. Отсутствие полной уверенности в безус-

ловной поддержке со стороны пленума порождало характерную двойственность в истолковании происходящего в деревне, прежде всего «мероприятий, которые применялись в ходе хлебозаготовок». Среди них в качестве «первой группы» были названы «экстраординарные меры», к которым докладчик отнес «применение 107 статьи и широкую мобилизацию партийных сил»: их «нужно применять, пока целиком не изжиты затруднения». Ко второй группе были отнесены «меры нормальные, но проведенные в экстраординарном порядке»: самообложение, крестьянский заем и «переброска товаров из города». Эти меры приняли экстраординарный характер «ввиду методов проведения, которые вытекали из обстановки – в короткий срок изъять большую массу денег по линии займов и самообложения». Наконец, третья группа мер – «искажения и перегибы, имевшие место в практике, но не входившие в систему предложений ЦК. Однако они вытекали из *обстановки*, созданной нами, вытекали из задач этой обстановки, из обстановки громадного нажима». Механизм возникновения «перегибов и извращений» был описан в докладе довольно точно. Признавались «совершенно возмутительные факты, которые мы устраняли и должны были устранять». Но наряду с ними отмечались и «не такие уж возмутительные факты при обстановке нажима». Их нежелательность была связана лишь с тем, что, принимая «массовый (!) характер, они угрожали большими политическими опасностями».

В апреле 1928 г. сталинское руководство еще не решилось на полную ложь по поводу происхождения «перегибов и извращений», взваливая всю ответственность на местных работников, а среди них на непосредственных исполнителей, как это сделал впоследствии Сталин в знаменитой статье «Головокружение от успехов» (март 1930 г.). Признавая «перегибы и извращения» результатом нажима сверху, Микоян связывал необходимость «решительной борьбы» против них не с необходимостью исправления политики, а с особенностями «крестьянской психологии». «С проявлениями перегибов и искажений мы должны были решительно бороться, – разъяснял он, – потому что крестьяне любят о плохих случаях знать широко и не забывать их долго». Виноватой во всем оказалась психология тех, кто подвергся насилию, а не насилие как таковое, проявлениями которого и являлись «перегибы и извращения».

Очень показателен в этой связи обмен репликами о роли судов, юстиции в целом:

«**Микоян**. Вот потому (из-за «крестьянской психологии». – Авт.) я считаю правильным, что Северо-Кавказский комитет решил по отношению к двум случаям, неслыханным, садистски-возмутительным случаям, применить решительные меры, вплоть до высшей меры наказания двух работников.

Косиор. Это не Северо-Кавказский комитет решил, а суд решил.

Микоян. Конечно, суд решил, но суд решил под руководством партии, как и все важнейшие вопросы должны решаться под руководством партии.

Г о л о с. Крыленко что скажет?

Микоян. Он промолчит, потому что он уже член ЦКК и не может отстаивать независимость суда от партии».

«Перегибы и извращения» осуждались только из-за того, что они, получив «массовое распространение... затруднят наши отношения с основной массой крестьянства». В сочетании с требованием: «Борьба с кулаком должна вестись еще более решительно, чем раньше...», это означало, что установка на насилие в деревне сохранялась по крайней мере до тех пор, пока не удастся «наладить нормальный ход заготовок».

Неслучайно, конечно, что именно в связи с чрезвычайностью хлебозаготовок и «перегибами» возник вопрос о судьбах нэпа. По Микояну, «кулацкие элементы в деревне... их подголоски в городе, а иногда даже и ряд членов партии... говорят: «ЦК отменил нэп», «нэпа нет», «у вас не хлебозаготовки, а хлебовыколачивание, не торгов-

ля, а разверстка, не борьба с кулаком, а раскулачивание и пр.». Связав критику чрезвычайщины и постановку вопроса о судьбе нэпа с «кулаками» и их «подголосками», докладчик тем самым исключал возможность вопросов о начавшихся репрессиях в самой партии, против тех ее рядовых членов и местных работников, которые протестовали против насилия в деревне. Об этом в докладе Микояна мы находим практически первое официальное свидетельство: хлебозаготовки дали «возможность большой проверки, чистки наших работников и изгнания классово-чуждых и разложившихся людей. ЦКК тоже чистит и будет чистить, но я должен сказать, что хлебозаготовительная кампания отняла в некотором смысле хлеб от ЦКК... Нам это удалось сделать только через щупальцы всей партии. Исключенных из партии и наказанных можно считать тысячами. Это очень важный итог заготовок». Свидетельство Микояна может быть подтверждено данными по Уральской области, где после весьма кратковременного визита Молотова в январе 1928 г. было отстранено от работы 1157 местных работников, из которых многие были исключены из партии и отданы под суд[31]. Будем надеяться, что свидетельство Микояна побудит исследователей, работающих в местных архивах, поднять материалы, относящиеся к начальной стадии репрессий.

Дискуссия о сущности нэпа и его месте в социально-экономическом развитии страны развернулась после апрельского пленума, и основными ее участниками стали Бухарин и Сталин. Однако в докладе Микояна новая трактовка нэпа была уже обозначена. Там утверждалось, что государство идет «по линии нэпа... единственно правильной линии, по которой пойдет с нами крестьянство». Однако «нэп предусматривает изжитие нэпа», поскольку предоставляет «возможность развития капитализма», тогда как его назначение – служить путем к социализму. Поэтому, заявлялось далее, «вопрос сводится только к пропорции ограничения этого нэпа, к мерам ограничения, регулирования и подчинения нэпа пролетарскому государству, подчинения распыленных крестьянских хозяйств и частного капитала».

Микоян опровергал самого себя, поскольку подчинение крестьянских хозяйств государству – признак именно «военного коммунизма» и означало отказ от нэпа, обеспечивающего их органическое развитие и кооперирование в рыночных условиях. Однако дискуссии о нэпе на апрельском пленуме не было. Она стала центральной на последующих пленумах ЦК. 6–7 апреля 1928 г. выступавшие в прениях по докладу Микояна ограничивались лишь темой хлебозаготовок, причем почти исключительно в практическом аспекте (с дополнениями в виде политических заявлений, вроде милютинского).

Та же двойственность была присуща докладу Микояна в трактовке результатов хлебозаготовок на 1 апреля 1928 г. и задач их завершения. Сообщение о том, что внутреннее потребление хлеба из государственных заготовок в новом году возрастает на 120 млн. пудов, связанное с разрушением хлебного рынка («ввиду свертывания частника», как обмолвился докладчик, на деле же главным образом из-за прекращения крестьянского сбыта на городском рынке), ставило пленум перед фактом, требующим продолжения чрезвычайщины – выполнения и перевыполнения заданий. Образцом должна была послужить Украина, где в январе-феврале 1928 г. Молотов преподал урок чрезвычайщины[32]. Приведем отрывок из стенограммы доклада Микояна, показывающий постановку на пленуме главного вопроса:

«**Микоян**. Ход заготовок Украины и те условия, которые партия приняла там, обеспечат не только выполнение плана хлебозаготовок, но и некоторое перевыполнение этого плана. Украинские организации взяли на себя ответственность за это. Ими взята ответственность за некоторое перевыполнение плана.

Г о л о с а (со скамеек украинцев). Ничего подобного.

Микоян. По крайней мере украинский наркомторг, тов. Чернов, принял на себя такое обязательство, такую ответственность и сообщил, что Политбюро ЦК КП(б)У согласилось с этим планом. ЦК со своей стороны принял постановление о специальном поощрении украинцев...

Каганович. Пока никакого поощрения не получили.

Микоян. Это дело подготовляется».

Далее следовали перечни районов, которым «очень трудно наверстать упущенное, но при сильном напряжении» возможно (Северный Кавказ и Сибирь); районов, над которыми «висит угроза недовыполнения плана» (Урал); и, наконец, которым «вряд ли удастся весь годовой план выполнить» (Башкирия, Татария и Поволжье). Главное требование, адресованное всем районам хлебозаготовок, заключалось в сохранении и даже усилении чрезвычайщины: «Трудности перед нами очень большие, и мы должны работать с большим напряжением, чтобы заготовить с апреля по июль* значительно больше прошлого года. Без этого мы снова станем перед кризисом хлебозаготовок».

И так до конца доклада, завершавшегося требованием «революционной дисциплины» на хлебозаготовках, неожиданно переходящим, казалось бы, в вывод противоположного содержания: «На этом пленуме мы должны подготовиться так в области экономической и организационной, чтобы в новой кампании не прибегать к экстраординарным мерам, ибо нельзя хлеб заготовлять так, как мы его заготовляли в этом году: его заготовляли не заготовители, а партия в целом, каждый партийный комитет... был штабом по заготовкам. Это, конечно, очень хорошо, но так хорошо мы долго жить не можем. Это может продолжаться месяца 2–3–4, может быть 5 еще, в той или другой форме».

Перед нами своеобразная форма одновременного утверждения и отрицания, на которую, судя по всему, был способен докладчик. Главным и многократно повторенным требованием оставалось продолжать чрезвычайные хлебозаготовки до полного выполнения непосильного для деревни плана – до июля включительно, т. е. еще три месяца – с заходом на месяц в новый заготовительный год (мы видели, что не исключался и пятимесячный срок)...

Прения по докладу Микояна носили характер конкретных дополнений и пояснений, даже в тех случаях, когда чрезвычайщина безусловно отвергалась. П. П. Постышев, например, заявил о согласии «целиком и полностью с тов. Микояном, что дальше так заготовлять хлеб, как мы его заготовляем в этом году, безусловно нельзя», не предложив от себя ничего. В очень критическом выступлении В. Я. Чубаря говорилось о том, что «обстановка, в которой проводились хлебозаготовки... благоприятствовала росту антисоветских настроений, и я смотрю на это пессимистически... Мы должны еще нажимать, должны заготовить на Украине еще 21 млн. <пудов>. Нам Наркомторг дал план на апрель 15 млн. из тех 21 млн., которые остались до конца года. Совершенно несуразный план, ибо, когда крестьянин сеет, нельзя его дергать – чтобы он вез хлеб продавать...» В таком духе выступали и некоторые другие участники прений, но никто не посмел пойти дальше конкретных замечаний и предложений, никто не поставил вопрос «о генеральной линии».

Резолюция объединенного пленума ЦК и ЦКК «О хлебозаготовках текущего года и об организации хлебозаготовительной кампании на 1928/29 год», принятая 11 апреля 1928 г., носила очень общий и отвлеченный характер. Сохранившийся в архиве

---

*Проверка стенограмм, подписанных Микояном, подтвердила, что назывался именно июль[33], хотя по установившейся традиции в июле начинались хлебозаготовки из нового урожая.

проект резолюции «с поправками и дополнениями тт. Молотова, Бухарина, Микояна»[34] (этот проект и был принят пленумом практически без поправок) позволяет говорить об этом документе как компромиссном, одновременно и одобряющим чрезвычайные меры, включая применение 107 статьи, и осуждающим перегибы, включая «конфискации хлебных излишков (без всякого судебного применения 107 статьи)». Объявлялись «крупнейшие успехи в деле усиления хлебозаготовок» и вместе с тем обращалось «внимание всех парторганизаций» на то, что в апреле – июне (а не в апреле – июле, как в докладе Микояна) «предстоит еще – для выполнения плана – заготовка хлеба и маслосемян более высокая, чем в соответствующие периоды двух прошлых лет», что они должны «продолжать кампанию с неослабным вниманием и настойчивостью». Смягченная тональность этих требований совсем не отвечала настроениям сталинского руководства.

Компромиссность решения апрельского пленума по главному вопросу того времени не отвечала действительному положению в партийных верхах, связывая руки противостоящим направлениям, особенно сталинскому, властвовавшему в аппарате управления. С завершением работы пленума, по-видимому, истек срок соглашения «не драться при всех». 11 апреля состоялось последнее заседание пленума, а 13 апреля Сталин в Москве, а Бухарин в Ленинграде выступили на партийных активах с докладами об итогах его работы. Оба доклада были опубликованы на страницах «Правды» один за другим, 18 и 19 апреля, а затем отдельными брошюрами. В «Документальных дополнениях» к настоящему тому они воспроизведены полностью. Это позволяет ограничиться самой сжатой характеристикой главных моментов в их содержании.

Для Сталина кризис хлебозаготовок объясняется выступлением выросшего и окрепшего в условиях нэпа кулачества против советской власти, а «шахтинское дело» (первый судебный процесс над «вредителями») является свидетельством выступления против Советской власти технической интеллигенции – агентуры мирового капитала. С точки зрения Сталина, вообще все трудности созданы врагами. «Мы имеем врагов внутренних. Мы имеем врагов внешних. Об этом нельзя забывать ни на одну минуту», – так формулировался обобщающий сталинский вывод о том, что происходило в стране. Соответственно этому средства преодоления трудностей заключались в беспощадном уничтожении «классовых врагов», среди которых на первом месте стояли кулаки. Тема нэпа как экономической политики государства и как складывавшейся народнохозяйственной системы в сталинском докладе просто отсутствовала (см. Дополнение 3).

Бухарин при анализе тех же явлений делал акцент на имевшихся недостатках и ошибках в работе власти: «Мы знаем, что главнейшие рычаги хозяйственного воздействия находятся в наших руках, и овладение этими рычагами делает нас непобедимыми с точки зрения внутренних отношений, если только мы не будем делать крупных ошибок. Кулак же представляет опасную силу в первую очередь постольку, поскольку он использует наши ошибки». Уроки зимы 1928 г. он видел в том, что она выявила недостатки, лежащие в сфере управления обществом – «в нас самих». Отсюда и альтернатива: сталинской линии на насилие в борьбе с врагами (если их не было, то они создавались с помощью чрезвычайных мер и «дел» вроде шахтинского), вообще на административно-волевые методы противостояла бухаринская линия на совершенствование работы партии и государства, на осуществление индустриализации страны и кооперирование сельского хозяйства в меру созревания объективных и субъективных условий, при сохранении и совершенствовании нэпа.

Для Бухарина – одного из теоретиков большевизма – классовая борьба оставалась фактором общественной жизни в переходный к социализму период, однако он видел

«общехозяйственную» основу развития общества, необходимость его регулирования именно через экономику: «*через борьбу хозяйственных форм, через рынок, через товарные массы, через регулирование этих товарных масс, через владение этими товарными массами, через отношения производства и через отношения рынка...*» (см. Дополнение 4). В этом и состояла сущность нэпа как государственной политики.

Первое открытое изложение двух принципиально различных позиций не привело к корректировке партийно-государственной политики. Напротив, сталинское выступление послужило идеологическим обоснованием для новой волны «чрезвычайщины», еще более разрушительной, вызвавшей в разгар весенних посевных работ резкое усиление крестьянских протестов, а вместе с тем и обострение внутрипартийной борьбы. 19 апреля Политбюро принимает решение о разработке новых директив местным организациям «для повышения хлебозаготовок» и о созыве совещания представителей мест для разработки «плана мероприятий»[35].

Совещание местных руководителей по вопросу «об усилении хлебозаготовок в IV квартале 1927/28 г.» состоялось в ЦК 24 апреля под руководством Молотова и Микояна. Стенограмма этого совещания опубликована. В ней прежде всего зафиксированы требования, предъявленные от имени ЦК местным властям. Вот, например, концовка выступления представителя Автономной республики Немцев Поволжья:

«**Курц**. Я должен сказать... что 1200 тыс. пудов есть такое задание, которое выполнить будет почти невозможно... Мы выполнили 4100 тыс. пудов по хлебозаготовкам... Мы полагаем, что 300 тыс. пудов есть тот максимум, который мы можем выкачать из нашего крестьянства.

Молотов. Только 300 тыс.? Знал бы, я бы вам слова не давал.

Курц. Я обязан здесь заявить, как это не плачевно для нас.

Молотов. Вашу речь придется передать в ЦКК. Что же вы четверть берете плана!

Курц. Если единственным выходом для выполнения плана будет передача речей всех в ЦКК, то, видимо, придется передать мою речь в ЦКК.

Молотов. Здесь мы говорим не о всех, а о вас».

Приведем характерные угрозы, прозвучавшие в заключительном слове А. И. Микоян и адресованные всем участникам совещания: «Имейте в виду, если не поправите, придется более жесткие меры применять. Ведь определенно установлено, что хлеб есть... Если не возьмем мерами мягкими, придется более жесткие меры применять».

В связи с задачей нового «нажима» в деревне местные руководители немало говорили о неизбежности перегибов, особенно о применении статьи 107 к хозяйствам с хлебным запасом ниже нормы в 1800 пудов, вплоть до 700–800 пудов, т. е. к середняцким хозяйствам. Вот рассуждение по поводу перегибов из заключительного слова В. М. Молотова: «По части того, что было много посылок из центра для проверки перегибов, нельзя сказать, что их было очень много... Мы не могли пойти на расширение применения 107 статьи. Наоборот, мы опубликовали решение о том, что применять 107 статью можно в отношении таких хозяйств, которые имеют 2000 пуд. запасов. Но я не помню случая, чтобы ЦК привлек хотя бы один местный орган за нарушение этой статьи». К своему рассуждению о «перегибах» Молотов добавил следующее пояснение: «Одну только меру мы категорически отклоняем – это всякие попытки повышения цен»[36]. Следовательно, все остальные меры допустимы, даже если они на официальном языке называются «перегибами и извращениями».

Принятая Политбюро 25 апреля 1928 г. директива «Об усилении хлебозаготовок», по существу, воспроизводила аргументацию и требования январских директив. Ответственность за «угрозу срыва достигнутых успехов» возлагалась на местные ор-

ганизации, в которых «развились демобилизационные настроения, вместо безусловно необходимого устранения перегибов полный отказ от мер нажима в отношении верхушки деревни» и т. д. Те же указания «на безусловную неотложность проведения» директив, начинающихся с требования «принять к точному исполнению месячные планы заготовок на май-июнь»; «мобилизовать партсилы»; «усилить нажим на кулацкую часть и частников» и т. д.[37]

Невыполнимость заданий и поэтому «крайне неудовлетворительный ход заготовок в апреле и мае» привели к появлению заданий Политбюро на июнь и даже июль (соответственно 32 млн. и 26 млн. пудов), с указанием Наркомторгу «исходить из этих цифр как минимума, разверстав планы на места с превышением». Вновь по районам рассылались члены ЦК «для усиления хода хлебозаготовок»[38].

Начавшая было спадать волна насилия вновь обрушилась на крестьянство, но с еще большей силой и более разрушительными последствиями.

* * *

Важнейшим инструментом постепенного поворота политического курса, помимо чрезвычайной политики в деревне, была кампания выявления вредительства в промышленности, начатая «шахтинским делом». Сфабрикованное местными чекистами дело о «вредительской организации» инженеров на угольных предприятиях города Шахты в Северо-Кавказском крае и в правлении треста «Донуголь» было использовано московским руководством для организации всесоюзной кампании[39]. Инициативу в этом вопросе вновь взяли на себя Сталин и Молотов.

2 марта 1928 г. по их предложению Политбюро опросом приняло решение организовать комиссию под председательством Рыкова (в нее входили также Орджоникидзе, Сталин, Молотов, Куйбышев), которая получила право решать срочные вопросы по шахтинскому делу от имени Политбюро[40]. 5 марта комиссии, в состав которой входили Рыков, Орджоникидзе, Томский, Сталин (с заменой Молотовым), Куйбышев, Менжинский (с заменой Ягодой) и Янсон, было поручено руководство ОГПУ и судебными органами с связи с шахтинским делом и «выработка практических мероприятий по улучшению нашей практической работы по линии партийной, профсоюзной, весенховской, рабкриновской и гепеусовской»[41].

7 марта опросом Политбюро приняло с поправками предложенный Сталиным, Бухариным и Молотовым проект обращения ЦК ко всем организациям ВКП(б), коммунистам-хозяйственникам, ответственным работникам промышленности и профсоюзов, РКИ и ОГПУ «Об экономической контрреволюции в южных районах углепромышленности». В обращении органы РКИ и ОГПУ обвинялись в том, что «опоздали с раскрытием этого важнейшего заговора». Адресаты обращения извещались, что по делу будет проведен судебный процесс и его нужно использовать для «прямого втягивания миллионных рабочих масс в дело строительства социализма»[42].

На следующий день, 8 марта, Политбюро приняло повестку предстоящего пленума ЦК: о хлебозаготовках и доклад комиссии Политбюро о практических мероприятиях по ликвидации недостатков, обнаруженных в связи с шахтинским делом[43]. 9 марта Рыков, выступая с речью на пленуме Моссовета, по поручению Политбюро проинформировал о «контрреволюционном заговоре в Шахтинском районе Донбасса». Речь Рыкова, по мнению исследователей, отличалась определенной сдержанностью[44]. Об опасениях Рыкова свидетельствует также позднейшее заявление Орджоникидзе: «Т. Рыков во время шахтинского дела очень решительно выступал против той установки, которая тогда была дана ЦК в отношении создания своих технических кадров. Он, помню, пришел на заседание Политбюро, принес целую кипу выдержек из

работ Владимира Ильича о специалистах и стал доказывать, что то, что мы предлагаем, неосуществимо, что без буржуазных специалистов нам не обойтись, не построить нам социализма и т. д.»[45]

Точно не известно, когда Рыков выступал с этими заявлениями в Политбюро. Возможно, это было 6 апреля, при рассмотрении резолюции пленума, когда Рыков, как он выразился в докладе на пленуме, «выговорил себе у Политбюро право изложить две точки зрения по одному из параграфов резолюции, связанному с красными специалистами и вузами». Но нельзя исключить, что Рыков выражал какие-то сомнения и ранее, и его позиция (и еще чья-то) заставила Сталина маневрировать. Иначе трудно объяснить, почему 13 марта 1928 г., в тот день, когда в газетах было опубликовано сообщение прокурора Верховного суда, в котором как уже о точно установленном факте говорилось о раскрытии «контрреволюционной организации, поставившей себе целью дезорганизацию и разрушение каменоугольной промышленности», Политбюро приняло решение отложить пленум до 5 апреля и послать в Донбасс уполномоченных ЦК Томского, Молотова и Ярославского. Перед ними была поставлена задача ознакомиться с положением дел на месте и представить материалы для работы комиссии Политбюро по шахтинскому делу. Особо следует отметить то обстоятельство, что текст этого решения был написан Сталиным и проведен голосованием опросом[46].

Если между Сталиным и Рыковым действительно существовали определенные разногласия по «шахтинскому делу», то состав комиссии был в пользу Сталина, – Молотов и Ярославский являлись его сторонниками. Правда, Рыков вполне мог надеяться на Томского. Однако эти надежды (если они и имелись) не осуществились. Томский, скорее всего не подыгрывая Сталину, а в силу личных убеждений, выступил сторонником новой кампании. Об этом свидетельствовал обмен записками, который состоялся 29 марта, по-видимому на заседании Политбюро, между Томским, только что вернувшимся из Донбасса, и Ворошиловым.

«Ворошилов. Ты один приехал? Какие районы объехал, твои впечатление в двух словах.

Томский. Я объехал: Шахтинский район – был на двух рудник<ах>, спускался под землю; Луганск, Алчевск, Кадиевка – тоже спускался вниз, был на бензольном заводе. Надувают нас кругом! Надувают инженера, надувают хозяйственники, надувают все. Наши планы строительства утверждают французы, только рабочие везут и верят нам.

Ворошилов. Миша! Скажи откровенно, не вляпаемся мы при открытом суде в шахтинском деле? Нет ли перегиба в этом деле местных работников, в частности краевого ОГПУ?

Томский. По шахтинскому и вообще по угольному делу такой опасности нет, ибо картина ясная. Главные персонажи в сознании. Мое мнение таково, что не мешало бы еще полдюжины коммунистов посадить»[47].

Сомнения Ворошилова позволяют предполагать, что он также мог требовать посылки в Донбасс специальной инспекции и выступать в этом вопросе единым фронтом с Рыковым (косвенно в пользу этого предположения свидетельствует и тот факт, что 15 марта Ворошилов был включен в состав комиссии Политбюро по шахтинскому делу). Ответы же Томского отчасти объясняют настроения советского руководства, раскручивавшего новую политическую кампанию.

Промышленность, особенно угольная ее отрасль, находилась в плохом состоянии. Вопиющая бесхозяйственность ставила под сомнение способность новых хозяев страны эффективно управлять экономикой. Тяжелые условия жизни, частые аварии на

производстве, сопровождавшиеся многочисленными человеческими жертвами, усиливали социальную напряженность и рост антиправительственных настроений. В начале 1928 г. это усугублялось нараставшими перебоями в продовольственном снабжении, снижением расценок и повышением норм в связи с попытками властей добиться повышения производительности труда, принудительным распространением так называемого «займа индустриализации» и т. д. В ответ на предприятиях росло количество акций протеста – от подачи коллективных заявлений и «итальянок» до забастовок. Серьезным фактором социальной нестабильности была значительная безработица. В Москве знали о распространении среди рабочих антиправительственных настроений, о чем могут свидетельствовать хотя бы сводки информационного отдела ЦК ВКП(б)[48].

Решить эти проблемы и предоставить рабочим, которые, по выражению Томского, «везут и верят», сносные условия труда и быта руководство страны не могло. Однако выдать на растерзание мнимых «врагов», якобы виновных в бедах рабочих, было несложно. При этом, несомненно, учитывался и тот факт, что между рабочими и специалистами всегда существовали напряженные конфликтные отношения. Но если составной частью новой экономической политики провозглашалось внимательное отношение к специалистам и борьба с так называемым «спецеедством», то теперь насилию рабочих над инженерами и техникам, принимавшему форму не только моральных оскорблений, но и физических расправ, фактически был дан «зеленый свет».

Публикуемая стенограмма пленума отражает настроения советских руководителей в связи с шахтинским делом и показывает, что они собирались списать на «вредителей» ответственность за все беды промышленности и рабочих, порожденные как объективными трудностями, так и бездарной политикой властей. Такие намерения являлись зеркальным отражением новой политики в деревне, где провал хлебозаготовок и нараставший хозяйственный кризис правительство объявило результатом саботажа кулаков.

В основу рассмотрения шахтинского дела на пленуме были положены следственные материалы, сфабрикованные ОГПУ, и доклады Молотова, Томского и Ярославского, выезжавших на место событий. Как сообщил Рыков, члены ЦК и ЦКК получили все эти документы вместе с проектом резолюции пленума. В делах самого апрельского пленума в РГАСПИ упоминаемые Рыковым материалы не сохранились. Что касается материалов ОГПУ, то, судя по всему, это были те же документы, которые в марте рассылались по поручению Политбюро вместе с обращением ЦК «Об экономической контрреволюции в южных районах углепромышленности» (см. Дополнение 2). Тексты докладов Томского и Ярославского обнаружить не удалось. Молотов, как он сам заявил на пленуме, свой доклад предварительно не представлял и фактически обнародовал его, выступая на пленуме.

Обсуждение шахтинского дела на апрельском пленуме дало руководству партии повод провозгласить курс на «вытеснение» старых специалистов и их форсированную замену «пролетарскими кадрами». Однако существенных разногласий эти вопросы на пленуме не вызвали. Рыков, выступивший с основным докладом по второму пункту повестки дня, выразил полное доверие ОГПУ и инспекции Молотова, Томского и Ярославского и даже критиковал тех «товарищей», у которых «сложилось убеждение об искусственном «раздувании» этого дела». Вместе с тем нельзя не отметить определенную осторожность Рыкова и его призывы, со ссылками на Ленина (по-видимому, теми же, о которых говорил Орджоникидзе), не допускать «пересмотра принципиального отношения партии к специалистам и методам их использования». Выступление Молотова, в свою очередь, можно рассматривать как скрытую полемику с Рыковым.

Также подобрав цитаты из ленинских произведений, Молотов подвел теоретическую базу под тезис о необходимости изменения отношения к специалистам – перехода от «буржуазного» метода их использования (высокое жалование, премии и т. д.) к «пролетарскому» («всенародному учету и контролю», с целью подчинения и привлечения специалистов).

Поскольку Молотов в этот период выступал как самый решительный и преданный сторонник Сталина и нередко озвучивал то, что Сталин сам не хотел говорить публично, можно утверждать, что нужные цитаты и аргументы попали в выступление Молотова с подачи Сталина. Продолжая эту линию, Сталин в своем выступлении объявил шахтинское дело «экономической контрреволюцией», «экономической интервенцией западноевропейских антисоветских капиталистических организаций», которая пришла на смену «интервенции военно-политической».

Открытые споры между Сталиным и Рыковым (которого поддержал Томский) произошли на пленуме лишь по относительно частному вопросу: передавать или не передавать в ведение ВСНХ СССР из ведения Наркомпроса несколько высших технических учебных заведений. Сталин поддержал руководителей ВСНХ и предложил передать им в подчинение в виде эксперимента 2–3 втуза. Под давлением Рыкова пленум отправил вопрос на дополнительное обсуждение в специально созданной комиссии. Однако уже на следующем, июльском пленуме состоялось решение о передаче ВСНХ большой группы втузов.

Судьба сравнительно второстепенного вопроса о втузах во многом характеризует как значение самого апрельского пленума, так и общие тенденции политического развития весной 1928 г. Обострившаяся обстановка в стране требовала определенных решений, но высшее советское руководство маневрировало. Апрельский пленум лишь зафиксировал ключевые проблемы периода, оставляя открытыми разные возможности их разрешения. Осуждение чрезвычайных мер соседствовало с решением о необходимости выполнения годового плана хлебозаготовок, что требовало огромного наращивания темпов в апреле – июне. Предупреждения о недопустимости «спецеедства» и заявления о продолжении политики сотрудничества с «буржуазными специалистами» обесценивалось призывами к повышению бдительности и поискам еще неразоблаченных «вредителей». Члены Политбюро, чувствуя нараставшие противоречия, присматривались к ситуации, опасаясь раньше времени сделать решительный шаг и выступить в роли нарушителей «единства». Основные политические события были впереди.

В. П. Данилов, *О. В. Хлевнюк*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939. Том 1. Май 1927 – ноябрь 1929 гг. М. 1999. С. 26, 28, 100–102.

[2] См.: Бухарин Н. И. Избранные произведения. М. 1988. С. 323–340 и др.

[3] Taniuchi Yuzuru. Decision-making on the Ural-Siberian Method. Soviet History, 1917–53. Essays in Honour of R.W.Davies. London – New York. 1995. Pp. 78–103; Иконникова И. П., Угроватов А. П. Сталинская репетиция наступления на крестьянство. «Вопросы истории КПСС». 1991. № 1. С. 68–81 и др.

[4] Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 34.

[5] Там же. С. 165–167, 187–190.

[6] Там же. С. 192.

[7] Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 671. Л. 1.

[8] РГАСПИ. Оп. 163. Д. 714. Л. 1, 6.

[9] Там же. Л. 7.

[10] Там же. Л. 9.

[11] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 715. Л. 53; Сталин И. В. Соч. Т. 11. М. 1949. С. 15–16.

[12] Там же. Л. 54; Сталин И. В. Соч. Т. 11. С. 15.

[13] Там же. Л. 54–55; Сталин И. В. Соч. Т. 11. С. 16–17.

[14] Там же. Л. 55; Сталин И. В. Соч. Т. 11. С. 17–18.

[15] Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М. 1999. С. 22–23.

[16] Там же. С. 23–24.

[17] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 715. Л. 41–42. Д. 720. Л. 38.

[18] Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 228–230.

[19] Там же. С. 230–231.

[20] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 722. Л. 49.

[21] Там же.

[22] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 5446. Оп. 55. Д. 1618. Л. 142–143.

[23] РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 2. Л. 13.

[24] Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 93–94.

[25] Там же. С. 99.

[26] Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 1. Д. 533. Л. 24–25.

[27] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 72. Д. 187. Л. 2–3.

[28] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 55. Д. 1618. Л. 162.

[29] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1453. Л. 42–43.

[30] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 163. Д. 661. Л. 1, 5, 22; Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 88

[31] См.: Лимонов Г. А. Борьба партийных организаций Урала за преодоление хлебозаготовительных трудностей в 1927–1928 гг. «Труды Уральского политехнического института». Сб. 86. Свердловск. 1957. С. 106.

[32] См.: Доклад В. М. Молотова в ЦК ВКП(б) и СТО о поездке на Украину, Урал и Башкирию по делам хлебозаготовок от 25 января 1928 г. – Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 172–192.

[33] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 339. Л. 30, 86.

[34] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 338. Л. 16–21 об.

[35] Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 236.

[36] Там же. С. 237, 250, 256, 259, 260.

[37] Там же. С. 261–262.

[38] Там же. С. 270–272.

[39] Подробнее см.: Кислицын С. А. Шахтинское дело. Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР. Ростов-на-Дону. 1993; Kuromiya H. The Shakhty Affair. South East European Monitor. 1997. 4/2. P. 41–64.

[40] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 36.

[41] Там же. Л. 37–38.

[42] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1782. Л. 6–8.

[43] Там же. Л. 2.

[44] Кислицын С. А. Шахтинское дело. С. 26–27.

[45] Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи. Т. 2. М. 1957. С. 231.

[46] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 720. Л. 38.

[47] Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М. 1999. С. 28.

[48] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 307, 311.

СТРОГО СЕКРЕТНО

Хранить на правах шифра
Подлежит возврату
Снятие копий воспрещается

ОБЪЕДИНЕННЫЙ ПЛЕНУМ ЦК и ЦКК ВКП(б)

6–11 апреля 1928 г.

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

Выпуск I
Исх. № 2700 с

ЦК ВКП(б)

ПОВЕСТКА
объединенного пленума ЦК ВКП(б)
6–11 апреля 1928 года

1. Хлебозаготовки текущего года и организация хлебозаготовительной кампании на будущий год.
   (Тов. Микоян)

2. Доклад комиссии Политбюро о практических мероприятиях по ликвидации недостатков, обнаруженных в связи с шахтинским делом.
   (Тов. Рыков)

3. План работы Политбюро и пленума ЦК.
   (Тов. Молотов)

ЗАСЕДАНИЕ ПЕРВОЕ

Вечер, 6 апреля

Рудзутак. Товарищи, предлагаю открыть заседание пленума. Нет возражений?

Г о л о с а. Нет.

Рудзутак. Предлагаю поручить председательствование на настоящем пленуме тов. Рыкову. Нет возражений?

Г о л о с а. Нет.

Председатель (Рыков). Товарищи, Политбюро и президиум ЦКК предлагают работу настоящего пленума вести совместно. Возражения есть?

Г о л о с а. Нет.

Председатель. Предложение принимается. Порядок дня известен всем?

Скрыпник. Прошу слова к порядку дня.

Председатель. Слово имеет тов. Скрыпник.

Скрыпник. Я предлагаю пополнить порядок дня еще одним пунктом, а именно: «Основные начала землеустройства и землепользования СССР». Вопрос этот первостепенной важности и значения. Это вопрос, который должен определить и выправить линию нашей земельной политики во всех составных частях нашего Союза. Безусловно, необходимо и желательно, чтобы этот вопрос был поставлен на пленуме, обсужден пленумом, прошел через пленум. Правда, Политбюро намечает поставить этот вопрос на обсуждение сессии с тем, чтобы потом он был принят на следующей сессии ЦИК Союза. Однако никакое обсуждение в советских органах не может заменить партийной проверки вопроса на объединенном пленуме ЦК и ЦКК. Вопрос этот тем более необходимо поставить на обсуждение пленума ЦК, что проект, принятый Политбюро[1], вносит серьезные изменения в существующие соотношения. Это такой проект, который требует обсуждения и санкции Всесоюзного Съезда Советов. Он устанавливает новое положение, что с образованием Союза все права союзных республик на землю переходят к Союзу ССР.

Г о л о с. Правильно.

Скрыпник. Я не говорю: правильно или неправильно. Это положение новое, требующее обстоятельного обсуждения со стороны пленума ЦК. Это положение, которое требует санкции пленума ЦК. Ибо данный проект устанавливает этой новеллой, что союзные республики из держав, суверенность которых обеспечена 3-й статьей Всесоюзной Конституции, делаются державами [импотентными] in potentia, скажут даже державами импотенции. (С м е х.) Я считаю, что мимо этого вопроса пройти нельзя, считаю, что поскольку данные предложения Политбюро изменяют те предложения, которые до сих пор в партии были приняты, постольку нужно считать обязательным и необходимым, чтобы вопрос был поставлен на обсуждение пленума ЦК и ЦКК.

Рыков. Товарищи, Политбюро утвердило проект по землеустройству и землепользованию в основном. Имея в виду важность этого вопроса, ПБ решило сделать

первую информацию о проекте и первое обсуждение его на ближайшей сессии ЦИК с тем, чтобы он мог быть широко обсужден, а утверждение этого проекта отложило до осени, и пленум ЦК еще имеет время, чтобы вернуться к этому вопросу.

Мне кажется, целесообразнее будет, если тов. Скрыпник внесет свое предложение на следующем пленуме, когда проект будет известен всем и мы будем знать, о чем идет речь.

Скрыпник. Я не возражаю против этого, я присоединяюсь.

Рыков. Тов. Скрыпник снимает свое предложение.

Скрыпник. Вы сами вносите это предложение, а говорите, что Скрыпник вносит. Я присоединяюсь к вашему предложению.

Рыков. [Пленум ЦК и ЦКК не имеет материала для суждения по вопросу, затронутому т. Скрыпником. Ставить ли его на повестку объединенного пленума или нет?] Так как решение этого вопроса отложено до осени, я предлагаю предложение тов. Скрыпника о постановке вопроса на этом пленуме снять и предложить ему внести его на следующем пленуме, тогда мы решим. Голосую. Кто за предложение Скрыпника? Кто за мое предложение? Принято.

Слово по первому пункту повестки дня имеет тов. Микоян.

ХЛЕБОЗАГОТОВКИ ТЕКУЩЕГО ГОДА И ОРГАНИЗАЦИЯ ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ НА БУДУЩИЙ ГОД

Микоян. Прежде чем перейти к докладу об основных вопросах хлебозаготовок текущего года и о мероприятиях, которые нужно принять для обеспечения кампании будущего года, я хотел бы сказать, что трудности заготовок текущего года не были связаны, как думали некоторые товарищи, с тем, что у нас хлеба было мало, что урожай был плохой. Для того чтобы отвести этот момент для текущего года и обосновать правильность плана хлебозаготовок, принятого ЦК и советскими органами[2], я хотел бы привести несколько цифр, характеризующих хлебофуражный баланс[3]. Конечно, они не совсем точны, но более точных данных у нас нет. Несмотря на возможные ошибки в абсолютных цифрах, эти данные правильно выражают динамику, поскольку в ряде лет они более или менее проверялись на практике.

Валовой сбор хлеба в текущем году меньше прошлогоднего сбора на 120 млн. пуд. и больше позапрошлого на 110 млн. пуд. Исходя из того, что этот урожай третий по счету, что за эти годы накопились запасы у крестьянства, мы считали, что из текущего урожая на образование запасов у крестьянства пойдет меньше, чем в прошлом году. Примерно, в прошлом году ушло около 300 млн. пуд. на образование запасов крестьянства, и мы считали, что в этом году уйдет меньше. Поэтому мы считали, что в этом году возможно заготовить не меньше, а больше, чем в прошлом году. Запасы крестьянства трудно учесть. Когда мы о государственных запасах плохо знаем, трудно знать о крестьянских запасах. Но экспертные данные говорят, что эти запасы составляли к началу прошлого сельскохозяйственного года 423 млн. пуд., а к началу текущего года 720 млн. пуд. Прирост на 300 млн. Этот размер в 600–700 млн. пуд. считается экспертами равным, примерно, нормам довоенного накопления. Конечно, размеры этих запасов зависят от разных экономических моментов: они могут уменьшаться, если будут особо хорошие условия для сбыта, если будет достаточно промтоваров, чтобы стимулировать выбрасывание хлеба на рынок, или будет такое налоговое обложение, которое заставит крестьянство сократить свои запасы. Если всех этих условий не будет, то, наоборот, запасы могут увеличиться. Словом, это величина измен-

чивая, поскольку наряду с запасами страхового характера мы имеем хлебные запасы торгово-спекулятивного характера, запасы, образуемые в ожидании лучшей конъюнктуры сбыта.

Несмотря на третий урожайный год[4], несмотря на то, что крестьянство имеет значительные запасы хлебов, XV съезд был прав, когда обратил особое внимание на проблему зернового хозяйства[5]. Это вытекает из того, что мы на одиннадцатом году Октябрьской революции, при восстановлении всего хозяйства в целом выше довоенного уровня, имеем ничтожный хлебный экспорт против 700 млн. пуд. довоенного экспорта, в прошлом году 127 млн. пуд. зерна, тогда как даже в 23/24 г. наш экспорт составлял 164 млн. пуд., т. е. в последующие годы имеем отставание экспорта хлеба даже против 23/24 года. С другой стороны, если взять посевную площадь под зерном, то она составляет 92,2% довоенной, между тем как площадь под техническими и интенсивными культурами составляет 130%. Мы имеем явное отставание зернового хозяйства от всех отраслей сельского хозяйства и всего народного хозяйства в целом.

Переходя к вопросу о причинах неудачи заготовок в первой половине текущего заготовительного года, надо отметить, что в этом полугодии мы имели резкие колебания хлебозаготовок: в первом квартале, июль – сентябрь, заготовки шли выше уровня прошлого года, во втором же квартале, октябрь – декабрь, резко упали, доходя до половины уровня прошлого года, что и обозначило собой кризис хлебозаготовок.

Каковы основные причины? При рассмотрении этих причин у нас иногда их делят на объективные и субъективные, или берут экономические и «аппаратные». Я считаю, что такое деление причин вряд ли правильно и вряд ли возможно потому, что многое из того, что называется объективным, зависит от субъективного – от политики и руководства пролетарского государства. Например, объективно сложившаяся экономическая конъюнктура могла бы быть иной, если в свое время нами были бы предприняты соответствующие меры по изменению соотношения отдельных социально-экономических элементов. Вот почему нельзя также делить эти причины на «аппаратные» и экономические. Конечно, если понимать «аппарат» не только как аппарат заготовок, но как весь хозяйственный аппарат, да еще прибавить к этому и партийный аппарат, тогда будет абсолютно верно, что большинство причин нужно приписать к аппаратным причинам, аппаратным ошибкам, ибо аппарат хозяйственный и партийный в состоянии произвести те или другие изменения в конъюнктуре, давая ей то или другое направление. Но все эти деления причин чрезвычайно условны. Я считаю, во всяком случае, можно прямо утверждать, что **две трети причин этих затруднений могли быть устранены нами, если бы своевременно по линии экономического руководства и по линии организационной были нами приняты все необходимые меры***. Вот почему мы должны концентрировать свое внимание на анализе этих причин для того, чтобы вынести ряд уроков из текущей кампании и поправить свою хозяйственную работу так, чтобы избежать таких затруднений, которые, конечно, очень дорого обходятся партии и советской власти и всему рабочему классу. Мы должны избежать их повторения, а если полностью это невозможно, не допускать такого их обострения, какое мы имеем в текущую кампанию.

Всю совокупность причин, вызвавших кризис хлебозаготовок, можно, по-моему, характеризовать следующей краткой формулой: **мы имели резкую диспропорцию между отдельными элементами хозяйства, нашедшую самое резкое выражение на рынке, что было использовано выросшим кулаком вместе с частником при попустительстве государственно-кооперативного хозяйственного аппарата**. [Вот

* Здесь и далее выделены слова, подчеркнутые авторами при правке стенограммы (ред.).

когда мы подходили к тому, почему произошло такое резкое изменение в заготовках за первый квартал и второй, кулак как тогда был, так и сейчас он есть, он даже сильнее, может быть, чем год тому назад, и даже не может быть, а это так, но почему влияние и частника и кулака – оно сильнее ударило по этому пункту? А именно потому, что были особые условия хозяйственной обстановки у нас, которые, если бы мы смогли изменить их своевременно, облегчили бы нам нашу работу и наше состояние.] Нельзя забывать также, что **конкретное соотношение классов в каждый данный момент определяется не только теми наличными и потенциальными силами, которыми располагает каждый класс, но также и тем, насколько каждый из них правильно маневрирует своими силами**. Любая ошибка, даже на сильной стороне, дает, конечно, минус, облегчая положение враждебного класса. Рассматривая период кризиса хлебозаготовок с этой точки зрения, надо констатировать, что социалистический сектор хозяйства сманеврировал плохо, меж тем кулак в союзе с нэпманом сманеврировал значительно лучше. Несмотря на то, что кулак и частник в общем обладают куда меньшими силами, чем мы, надо отметить, что в общем процессе роста деревни кулак вырос еще больше. Он пользуется значительным хозяйственным авторитетом в деревне, будучи относительно слабым в политическом отношении.

Для выяснения характера затруднений надо осветить то нарушение рыночного равновесия, на фоне которого возник кризис заготовок. Это тем более важно, что основным руслом экономической смычки между пролетариатом и крестьянством является область обмена (мы отвлекаемся от других рычагов воздействия на сельское хозяйство, как кредит, контрактация[6] и др., которые пока играют подсобную роль).

Если мы возьмем покупательный фонд города и деревни за первое полугодие текущего сельскохозяйственного года, т. е. с 1 июля по 1 января, то мы увидим следующую разницу: в первой четверти года, т. е. с 1.VII по 1. X, покупательный фонд города и деревни вырос на 12,6%, а во второй четверти он вырос на 5,7% против соответствующих кварталов прошлого года. Вместе с тем промышленная продукция, которую мы предложили на рынок в городе и в деревне, оказалась в первой четверти в ценностном выражении больше предыдущего года только на 2,5%, а во второй четверти на 4,5%. Правда, в физическом объеме продукция выросла более чем на 12%, но ввиду произведенного снижения цен на промтовары[7] в ценностном выражении рост продукции оказался таким ничтожным. Таким образом, мы видим резко выросший рост платежеспособного спроса города и деревни и отстающий в ценностном выражении рост промышленной продукции. Чтобы сохранить рыночное равновесие, нам надо было увеличить промпродукцию в такой степени, чтобы она покрыла и текущий рост спроса, и тот рост, который получился в результате снижения цен. Этого нам не удалось, и поэтому товарный голод на определенном участке времени, осенью, резко обострился, более резко, чем это вытекает из годового соотношения спроса и предложения, ибо в годовом разрезе получается более благоприятная картина. Так, например, – хотя абсолютные цифры не могут претендовать на точность, но могут показать динамику, – если в первой четверти 26/27 сельскохозяйственного года превышение спроса над предложением исчислялось примерно в 100 млн. руб., то в той же первой четверти текущего года, по исчисленьям экономистов Наркомторга, руководимых тов. Дволайцким, оно выражается в 300 с лишним млн. руб. Во второй же четверти нынешнего года – 167 млн. руб. против 125 млн. прошлого года. В итоге получается: если в прошлом году за первое полугодие дефицит промтоваров составлял в общей сумме 219–220 млн., то в этом году – 470–500 млн. руб., т. е. дефицит удвоился и оказался на 250 млн. больше прошлогоднего. Если еще принять во внимание то обстоятельство, что не все товары друг друга заменяют, то по отдельным товарам мы имели еще

более резкую нехватку. Когда мы стали подводить баланс того, что получается у нас к нынешней весне, то оказалось, что при значительном улучшении соотношения спроса и предложения мы имеем излишки по одним товарам и острую нехватку по другим, причем эта острая нехватка дефицитных товаров выражается в 120 млн. руб., [если бы были эти нехватающие товары на рынке, то рынок можно было бы сбалансировать]. Мы не можем ангажироваться и сказать, что мы каждый данный сезон сможем свести спрос и предложение полностью. Нехватка товаров будет сопровождать еще ряд лет наш хозяйственный рост, обостряясь или ослабляясь в отдельные моменты. Но ясно, что ни одна страна не выдержала бы такого положения, как у нас, когда вся выручка населения за покрытием платежей идет на предложение промтоваров, без достаточных сбережений, хотя бы сезонных. И в довоенное время крестьянство, покупая товары, не все деньги сразу тратило, откладывая часть в кубышки и в сберегательные кассы. В Америке, например, 20% всего национального дохода идет на накопление. У нас отсутствуют сбережения как система, и это бьет нас очень резко, в особенности в отдельные сезоны. [Конечно, мы не можем удовлетворить весь спрос, и мы не можем и впредь на каждый острый момент сезона, особенно осенью, свести спрос с предложением. Это о росте спроса и об отставании предложения. Дальше, если возмем, чем это вызывается, то я скажу, что наша промышленность не может быстро компенсировать. Особенно невозможно это сделать осенью и весною.] Если червонец уже завоевал себе прочное положение **орудия** обмена, то он еще не стал общепризнанным **средством накопления**. Вот почему вопрос о развитии **денежных сбережений** является одной из основных проблем нашей хозяйственной политики. Надо подчеркнуть также, что мы явно отстали в налоговом обложении верхушки деревни. Это является одним из основных просчетов нашей экономической политики. К тому же мы плохо собирали те платежи, которые подлежат сбору.

При рассмотрении причин отставания хлебозаготовок следует иметь в виду, что сильно выросли доходы крестьянского хозяйства по техническим культурам, интенсивным и животноводческим продуктам. Этот рост обусловлен как увеличением массы товарной продукции, так и повышением цен по ряду этих продуктов. Дело в том, что в прошлом году, когда в результате политики цен 25/26 г. сырьевые отрасли хозяйства оказались в критическом положении, мы провели повышение цен отдельных сырьевых продуктов, чтобы поощрить их производство и отчуждение на рынок. Так как одновременно происходило снижение цен на хлеб, то получилось резкое расхождение между ценами на хлеб и на хлебные продукты сельского хозяйства в ущерб хлебу. Это обстоятельство обеспечило нашу большую победу в развитии сырьевой базы промышленности и в заготовках сырья, обусловив ослабление стимула крестьян выбрасывать хлеб на рынок в первую очередь.

Если возьмем данные, сколько крестьянство выручает в относительном выражении и в абсолютных цифрах в первое сельскохозяйственное полугодие от хлеба и от других продуктов, то получается следующая картина. Если хлеб занимал в 24/25 году (год неурожайный) 37% от выручки за продукты сельского хозяйства, продаваемые **плановым** заготовителям, то в следующем 25/26 г. – 45%, в 26/27 г. – 53%, а за первое полугодие этого года – только 37%, т. е. такой же процент, что и в неурожайный 24/25 год. В этих сравнениях цены взяты довоенные, без учета сезонных колебаний цен.

Сам по себе факт роста интенсивных культур и животноводства является громадным положительным показателем, но когда он связан с резким отставанием хлебных заготовок и их производственной базы, то это создает для нас непосильные трудности.

Роль животноводческих продуктов в доходах крестьянства (от реализации плановым заготовителям) выросла до 17% против 12% того же полугодия прошлого года.

Доля технических культур 37% против 25% прошлого года, т. е. рост массы этих продуктов очень положительный, очень важный, дающий базу для роста индустрии, одновременно создавал невыгодное положение для хлеба и давал мало стимулов для его реализации.

Если возьмем индексы цен всех продуктов сельского хозяйства, то в первом полугодии 27/28 г. мы имеем следующие индексы: для хлебно-зерновых культур 113,4, принимая довоенные цены за 100. Индекс технических культур и животноводства 149,6, общий же индекс сельского хозяйства 132. Если взять по годам, то мы увидим, что за эти годы происходило повышение индекса цен животноводственных* продуктов и технических культур и снижение индекса цен на хлеб, причем последний индекс сравнительно мало изменялся из года в год.

Для определения экономических основ смычки между пролетариатом и крестьянством большое значение имеет соотношение цен на промтовары и сельхозпродукты. Несмотря на трудности конъюнктуры текущего года, лезвия ножниц сближались, т. е. положение более благоприятно, чем это было в прошлом году. Это видно на следующей диаграмме (см. Приложение 1, диаграмма № 1). Из диаграммы мы видим, что имеются колебания цен – в 26 г. все время цены на промтовары шли кверху, удалось только лишь в прошлом году с третьего квартала дать резкое снижение промышленных цен. Несмотря на обострение товарного голода, мы промышленные цены этого года держали на одном уровне, без колебаний, в то время как в 25/26 г. мы имели резкий скачок цен вверх в связи с товарным голодом. Сельскохозяйственные цены также претерпели ряд изменений, но эти изменения больше связаны с сезонами. Таким образом, на протяжении всего года происходит систематическое сближение лезвий ножниц, чего не было в предыдущем году. Это есть основа того, что даже ряд жестких мер в нашей практике заготовок, ударявших иногда и по середнякам, не вызвали и не могли вызвать острых политических осложнений, потому что отношения между рабочим классом и крестьянством покоятся на здоровой основе, а наши трудности имеют свои корни во всей международной и внутренней обстановке и протекали на фоне быстрейшего роста производительных сил нашей страны, в том числе и в первую очередь нашей промышленности и ее капитального строительства.

Возьмем средневзвешенный уровень цен на хлеб. Если на июльском пленуме ЦК в 26 г. было намечено держаться по всем хлебным культурам в среднем по Союзу от 85 до 90 коп. за пуд, то в прошлом году мы имели к апрелю 80 коп. вместо 85–90, в этом же году имеем 85 коп., т. е. не выше минимальной нормы средних цен. Однако средние цены очень мало говорят, ибо есть большое расхождение цен по районам и культурам, в результате чего в зависимости от удельного веса отдельного района в общей заготовке, даже при полной стабильности цен на местах, могут происходить изменения в средневзвешенной цене. Для того чтобы дать некоторую картину расхождения районных цен по культурам, я приведу пример самых высоких и самых низких цен по культурам и районам. Мы имеем максимальную цену 25/26 г. по ржи в копейках на пуд: в Центрально-Земледельческой области 112 коп., в прошлом же году этот максимум составлял 79 коп. по той же Центрально-Земледельческой области. В текущем году эта цена составляет 78 коп. против 76 довоенных. С другой стороны, в Сибири (край самых низких цен) в 26 году цена составляла 64 коп. на пуд, 56 коп. в 27 году, а в текущем году 59 коп., до войны – 51 копейка.

Если возьмем разрыв цен на рожь по районам, от максимума до минимума, то мы увидим, что в 25/26 году разрыв составлял 48 коп., в прошлом году – 23 коп., в теку-

* Так в тексте (ред.).

щем году – 19 коп., т. е. мы имеем постепенное уменьшение разрыва между ценами по отдельным районам. Обосновать экономически этот разрыв по годам чрезвычайно трудно: экономические особенности в районном разрезе настолько слабо изучены, что часто складывающиеся соотношения нельзя должным образом экономически обосновывать. И мы вынуждены были в прошлом году поставить задачу некоторого корректирования соотношений между ценами по культурам и районам для установления более правильного соотношения между ними в соответствии с экономическими особенностями районов.

То же самое по пшенице. Самая высокая цена по пшенице в 1925/26 г. в Башкирии – 169 коп., самая низкая цена – 93 коп. по Сибири. В прошлом году самая большая цена – на Украине 111 коп. и самая низкая 88 коп. в Сибири, а в текущем году самая большая цена – 122 коп. в Поволжье, самая низкая в Сибири – 87 коп., против 95 коп. довоенных на Украине и против 71 коп. в Сибири. Тут мы видим расхождение между ценами на пшеницу по районам: в 1925/26 году – 76 коп., в прошлом году – 23 коп., в текущем году – 25 коп. Я должен повторить, что трудно сказать, насколько все это обосновано, ибо все попытки обосновать экономически разрывы цен встречают неудачу. Приходится часто проверять районные цены на практике и поправлять ошибки. [К сожалению, я здесь отвлекаюсь от качества, ибо за качество мы берем специальную надбавку, отдельную надбавку. Фактически цены иные, в зависимости от качества.

Г о л о с. Как берете накидки?

Микоян. Берем в виде вычетов.

Каганович. Это путь повышения цен?

Микоян. Любой путь может иногда повести не туда, куда хочешь, если свернешь с пути.] Я должен сказать, что то корректирование, которое мы в прошлом году провели, оказалось, к сожалению, не слишком удачным. Это был один из моментов, который поколебал уверенность работников и крестьянина в твердости политики цен. [Вот, касаясь общей экономической обстановки, я говорю: она у нас оказалась трудной на рынке. Сезонное резкое обострение на фоне общего роста всего нашего народного хозяйства и производительных сил. Мы имеем улучшение отношений между экономикой города и деревни вообще, разрыв частичный на рынке на данном участке времени и улучшение заработной платы за это время.] Поскольку политика цен непосредственно касается заработной платы, я счел нужным показать пленуму следующую диаграмму (см. Приложение 1, диаграмма № 2). Верхняя линия диаграммы показывает движение месячной зарплаты в денежном выражении, а нижняя – движение реальной зарплаты по данным ВЦСПС. Мы берем данные ВЦСПС, потому что они более надежны (с м е х), надежны в том смысле, что ВЦСПС нельзя обвинять в том, что здесь допущены какие-нибудь преувеличения.

К сожалению, начиная с ноября месяца ВЦСПС прекратил исчисление рабочего товарного рубля[8], поэтому за последние месяцы нет данных о движении реальной зарплаты. Резкие зубцы кривой, выражающей динамику реальной зарплаты, даже при стабильности заработной платы неизбежны ввиду разного количества рабочих дней в каждом месяце, а здесь взята месячная заработная плата. Взято исходное начало – 25 год, сентябрь. Тогда заработная плата была 53 руб. червонцев и 30 руб. бюджетных – копеек не привожу для простоты – в реальном товарном рубле. Мы к 1 января 26 г. имели большой разрыв между товарным рублем и червонным – 53,9%, т. е. червонный рубль стоил 53,9 коп. довоенного товарного рубля. Особенно большой разрыв еще на следующий месяц. Меж тем на ноябрь разрыв составляет 54,6. Если взять против момента весны 1926 г., то этот процент 56.

[**Томский**. 52.

Микоян. Да, 52.]

Микоян. Т. е. стоимость рубля еще более упала. Это есть так называемое падение стоимости рабочего рубля. Это не совсем соответствует [червонцу, ибо другие товары входят в других условиях] стоимости червонца, ибо в исчисления рабочего рубля входит одна группа товаров, в стоимость же червонца – другая, более широкая группа.

Г о л о с. Запутаешь ты нас, Микоян!

Микоян. Мы имеем некоторое увеличение стоимости рабочего рубля. Если взять, что стоимость рубля равна сейчас той стоимости, которая была 1 января 1926 г., то за два года мы имеем повышение номинальной заработной платы, восстановленной при падении реальной стоимости к этому времени до уровня января 1928 года, но не до уровня стоимости осенью 1925 г. Таким образом, мы имеем повышение зарплаты за эти два года на 31,7%.

Томский. Правильно, если бы масло было, то было бы очень хорошо.

Микоян. Томский прав, [это верно, масла нет] что если даже цена-то хорошая, но товара не всегда достаточно, то это бьет по рабочему бюджету.

Томский. Если бы были масло и крупа, все бы было хорошо.

[**Микоян**. Если не брать конъюнктурных колебаний, которые могут влиять на отдельные моменты, но от которых все-таки общая картина не меняется.

Томский. А яйца, а масло где?]

Микоян. Вот, товарищи, примерно тот экономический фон, на котором развернулись затруднения в области хлебозаготовок. Если касаться ошибок и трудностей, связанных у нас с узкой аппаратной деятельностью заготовительных органов, то здесь надо отметить отсутствие должной дисциплины, резкую конкуренцию между нашими же организациями, обходы политики цен, использование и злоупотребления бонификацией и рефакцией[9] для срыва цен и всякие другие трения нашего аппарата, которые ослабили нашу сопротивляемость частному рынку и кулаку и облегчили влияние частника и кулака на рынок и на конъюнктуру; ошибки и недочеты нашего аппарата усугубили рыночные трудности, создали почву для кулака, который создал атмосферу выдержки хлеба, сеял надежду на повышение цен на хлеб, тем более что в конъюнктуре не было стимула к тому, чтобы хлеб выбрасывался на рынок большой массой. Вот почему крестьянство заняло выжидательную позицию, которая была создана благодаря обстановке и определила то, что хлеб был, но хлеб не везли.

Чем угрожала эта обстановка, которую мы имели, и чего мы избегли и как вышли из кризиса хлебозаготовок? Сперва несколько цифр, характеризующих наши заготовки. Я думаю, всем членам ЦК известен самый важный тезис ЦК, самый важный факт, который все определил, что на 1 января текущего года мы заготовили против прошлого года на 128 млн. пуд. зерна меньше, чем в прошлом году, при плане большем, чем прошлогодний. План у нас составляет в этом году 675 млн. зерновых, против фактических заготовок прошлого года 643 млн., а если считать с маслосеменами, так этот план дойдет до 750 млн. пуд. против 683 млн. пуд., заготовленных в прошлом году.

В результате мер, о которых я дальше скажу, принятых партией и советской властью, мы имеем следующие изменения на 1 апреля. Причем я для ясности должен сказать, что данные на 1 апреля включают частично такие данные, которые раньше мы не включали в сводки по плановым заготовкам, так, например, часть заготовок Сибкрайсоюза и другие. Несмотря на то, что эти данные не совсем сравнимы, эти изменения мало меняют итоги. Всех заготовок в текущем году мы имеем на 1 апреля 639,9 млн. пуд., или кругло 640 млн. пуд., против прошлого на то же число – 617 млн. пуд. Если возьмем отдельно маслосемена, то мы заготовили 68 млн. против 38 миллионов, т. е.

больше прошлого года на 30 млн. пуд. Если же возьмем только зерновой хлеб, то после некоторых пересчетов сибирских заготовок мы имеем меньше прошлогоднего на 7 миллионов, а без пересчета у нас не хватает зерна, против заготовок прошлого года, на 22 млн. пуд.

Томский. А зачем пересчитывали?

Микоян. Так как получилась путаница в отчетах сибирских организаций. Для того чтобы исправить эту путаницу, мы и пересчитали все заготовки. [Бери на себя хоть все расходы сибирские, но это не прибавит хлеба центру, нам, но включается в отчетность. 22 млн. меньше прошлого года.]

Если возьмем по культурам, то мы видим, что ржи заготовлено на 1 апреля за 9 месяцев больше прошлого года на 24 млн. пуд., по пшенице – меньше на 20 млн. пуд., по овсу – меньше на 18 млн. и на 6 млн. больше прочих культур.

Перед какими трудностями мы стояли в связи с кризисом хлебных заготовок? Во-первых, самое главное, самое острое – снабжение рабочих районов, без чего невозможно обеспечить нормальную работу промышленности, нормальную жизнь основных рабочих центров. Это была не только угроза, а в ряде мест уже были значительные перебои, дергавшие рабочие массы, [действовавшие на состояние].

Во-вторых, очень важно было снабжение сырьевых районов, среди которых мы вели пропаганду не сеять хлеба, а сеять хлопок и лен. Мы обещали их снабжать дешево и [быстро] вдоволь хлебом, а фактически [этого не делали] мы оказались перед невозможностью это выполнить. Это грозило срывом хлопковых и льняных посевов и ударило бы по промышленности очень резко в будущем году.

Далее, мы [имели большие затруднения] стояли перед угрозой срыва лесных заготовок, которые имеют громадное значение для обеспечения всего строительства страны, так грандиозно развернутого на текущий год, и для экспорта леса, который дает около 100 млн. руб. валюты, [недоснабжение сырьевого и валютного плана и плана строительства страны]. Далее, мы столкнулись с отраслью промышленности, которая как отрасль индустрии не имеет большого значения, но в нашем бюджете играет очень важную роль, – это спиртовая. Мы намечали, что снабдим спиртовую промышленность 6 млн. пуд. кукурузы и из этого исходили. Плохая заготовка картошки для спиртовых заводов вызвала необходимость дать минимум 13 млн. пуд. кукурузы для того, чтобы связать концы с концами в спиртовой промышленности. А что это значит? В бюджете числится 600 млн. руб. поступлений от акциза [от вина] на водку. У нас могла оказаться потеря половины этой суммы. То же самое с пивоваренной промышленностью. Мы еле-еле вышли из этой угрозы.

[В пивоваренной промышленности вытекает все больший кризис, в спиртовой – также между тем была большая угроза], я не говорю уже об экспорте, который у нас сильно сократился[10], а значение экспорта вам ясно, потому что все ввозимое сырье и оборудование приходится покупать на деньги, которые мы получаем от экспорта.

Рост промышленности требует большого количества сырья. Около 400 млн. руб. мы должны расходовать на ввоз сырья, а экспорт у нас отстает. Если мы [прибавим на экспорт около] в этом году при величайших усилиях увеличим весь экспорт, не считая хлеба, на 150 млн. руб., то [в этом году мы пока выручили по сырьевым культурам] от зерновых хлебов мы выручим только 37 млн. руб., на 170 млн. руб. меньше, чем в прошлом году. Правда, я беру прошлый год целиком, а сейчас мы имеем только 8 месяцев текущего года. Вот почему важно было поправить дело хлебозаготовок, поскольку кризис в этой области определенно угрожал превратиться в общенародно-хозяйственный. И если бы его не локализовать, не исправить, он ударил бы по всем отраслям народного хозяйства, по всем областям нашей политики и политической жизни. Вот по-

чему, стоя перед этими угрозами, которые могли бы реализоваться, если бы не добиться перелома, ЦК был вынужден принять ряд чрезвычайных мер, чтобы наверстать упущенное и обеспечить реальность намеченного темпа хозяйственного развития[11]. В 1925/26 году мы вышли из кризиса хлебозаготовок путем свертывания капитальных работ и сокращения промышленной продукции. В этом году мы приняли все меры, чтобы выйти из кризиса, не приостанавливая, не замедляя темпа нашего капитального строительства и не уменьшая продукции промышленности. Это очень трудная задача, требующая громадного напряжения сил. Мы при сокращенном экспорте вынуждены были увеличивать импорт из-за границы сырья и оборудования, чтобы обеспечить базу для роста нашей промышленности, которая помогла бы нам справиться с заготовками в будущем году. Но такой рискованный маневр возможно сделать безнаказанно только в том случае, если сейчас же принять все меры к тому, чтобы на будущий год возможно было покрыть это увеличенным экспортом, потому что такая политика пассивного баланса из года в год немыслима.

Перехожу к итогам расхода хлеба за 8 месяцев этого года. Если взять данные расходования хлеба за 8 месяцев и предположительно продолжить на весь год, мы увидим, какие трудности перед нами еще стоят. За 8 месяцев мы израсходовали по экспорту хлеба меньше прошлого года на 110 миллионов пудов при недозаготовках в 22 миллиона пудов. Зато мы имеем новую статью расхода, которой не было в прошлом году, – это расход по семссудам, что составит около 15–20 млн. пуд., по военному ведомству маленькая цифра увеличения расхода против прошлого года – около 3 миллионов пудов, по Средней Азии и Закавказскому сырьевым районам расход за это время составляет 44 млн. против 31, т. е. увеличение на 13 млн.; в годовом разрезе 18 млн. пуд. против прошлого года. По РСФСР, УССР, по районам промышленным, расход 60 млн. больше прошлого года, а в общем больше прошлогоднего мы израсходуем на 120 млн. пуд. Вот цифры, которые должны нас тревожить, которые не должны давать нам успокоиться и думать, что мы достигли такого успеха в хлебозаготовках, после которых можем успокоиться. Вот почему перед нами стоит большая задача выполнения плана 3 квартала, который, надо сказать, является напряженным, особенно для некоторых районов, главным образом для тех, которые отставали до того в хлебозаготовках. Ряд районов стоит перед угрозой невыполнения целиком плана хлебозаготовок. Некоторым районам вряд ли удастся наверстать то, что ими упущено за прошлое время в хлебозаготовках. Наоборот, некоторые районы перевыполнят план. В частности, Украина, Воронежская, Орловская и Курская губернии перевыполнят план в общем на 14–15 млн. пуд. против годового плана. Ход заготовок Украины и усилия, которые партия приняла там, обеспечат не только выполнение плана хлебозаготовок, но и некоторое перевыполнение этого плана. Украинские организации взяли на себя ответственность за это. Ими взята ответственность за некоторое перевыполнение плана.

Г о л о с а (со скамеек украинцев). Ничего подобного.

Микоян. По крайней мере, украинский наркомторг тов. Чернов принял на себя такое обязательство, такую ответственность и сообщил, что Политбюро ЦК КП(б)У согласился с этим планом. ЦК, со своей стороны, принял постановление о специальном поощрении украинцев, о выделении 5 млн. рублей для покупки тракторов для Украины[12].

Каганович. Пока никакого поощрения не получили.

Микоян. Это дело подготовляется. Повторяю, что некоторые районы осуществят план с некоторым перевыполнением его. Северному Кавказу очень трудно наверстать упущенное, но при сильном напряжении Северный Кавказ сумеет выполнить план

хлебозаготовок. Что касается сибиряков, то они свой план выполнят полностью. Они обижены сейчас тем, что мы на них очень резко нажимаем[13]. Это верно – мы на них нажимаем очень крепко, но я думаю, товарищи, что это оправдывается необходимостью получить хлеб, тем более что возможности здесь имеются и мы еще имеем здесь время для проведения напряженных заготовок. Я думаю, что сибиряки квартальный и годовой план сумеют выполнить, правда, в том случае, если будут работать с напряжением. Еще более напряженное положение мы имеем и в отношении Урала, над которым висит угроза недовыполнения плана. Большие трудности имеются в отношении Башкирии, Татарии и с Поволжьем, которым вряд ли удастся весь годовой план выполнить. Трудности имеются также и с некоторыми так называемыми потребительскими губерниями – Тульской, Рязанской. Мне кажется, что здесь план при всем напряжении сил мы не сумеем выполнить. Надо признаться, что здесь многое уже упущено. Но нужно, чтобы хотя бы максимально было наверстано упущенное.

Рассматривая переходящие остатки, находящиеся в распоряжении государства, мы получаем следующее положение. Остатков в вагонах, на складах, в пути и прочее мы имели в октябре 25/26 г. 72 млн. пуд., в прошлом году мы имели 84 млн. и в этом году 97 млн. пуд. Однако уже в ноябре мы имели 62 млн. пуд., т. е. самый минимальный остаток за все последнее время, такой остаток, при котором жить нельзя без перебоев. В декабре месяце мы стали остаток увеличивать против позапрошлого года, но имели остаток меньший, чем в прошлом году. Лишь к апрелю месяцу переходящий остаток становится выше прошлогоднего на 11 млн. пуд. Нам нужно подойти к новому урожаю с остатком больше прошлогоднего, иначе мы не можем без перебоя снабжать хлебом. Пока остаток больше всего лишь на 11 млн. пуд. И это при условии, когда экспорт на 110 млн. руб. меньше прошлого года. Кроме того, нужно принять во внимание то, что в ряде районов нам придется увеличить расход по снабжению этих районов ввиду свертывания частника. Трудности перед нами очень большие, и мы должны работать с большим напряжением, чтобы заготовить с апреля по июль значительно больше прошлого года. Без этого мы снова станем перед кризисом хлебозаготовок.

Переходя к характеристике мероприятий, которые применялись в ходе хлебозаготовок и которые известны всем членам пленума ЦК, эти меры можно разбить на три группы.

Первая группа – это экстраординарные меры, которые вызывались тем, что упустили многое, не имея достаточно времени для наверстания, имея острую нужду наверстать, были вынуждены принять меры чрезвычайные, которые нужно применять, пока целиком не изжиты затруднения. Эти экстраординарные меры можно перестать применять лишь по мере изживания и ликвидации затруднений в хлебозаготовках, т. е., если удастся наладить нормальный ход заготовок, не будет надобности их применять.

Я отношу к этим экстраординарным мерам применение 107 статьи и широкую мобилизацию партийных сил, которая сейчас произведена в таком масштабе и таких размерах, что в нормальной обстановке ее нельзя производить[14]. Партия сконцентрировала все силы их на хлебозаготовках. Это не значит, что впредь не будем мобилизовать партию. Но в нормальных условиях подобные мобилизации не должны принимать таких широких размеров.

[Другие меры нормальные, но я должен их разбить на две стороны нормальных мер. Меры нормальные нам приходится за недостатком времени проводить методами экстроординарными.] Вторая группа – меры нормальные, но проведенные в экстраординарном порядке, т. е., будь другие методы и будь возможность их применить, мы могли бы проводить эти меры как нормальные, [которые не вызвали бы дергания]. Экс-

траординарность кроется не в характере этих мер, а в методах их проведения. К этой группе мер относится самообложение[15], крестьянский заем[16], переброска товаров из города. Эти меры всегда нужны, и мы должны их проводить, но методы их проведения должны быть более нормальными. Например, самообложение должно проводиться, и все крестьяне будут считать и считают нужным его проводить, но, во-первых, не в таком размере и не в такой короткий участок времени, как это было, и не в полном совпадении с одновременным проведением займа первый раз в таком большом размере, рассчитанном на короткий срок и без достаточной предварительной подготовки сил. Вот почему меры совершенно нормальные, которые мы должны проводить в дальнейшем, принимают характер мер экстраординарных ввиду методов проведения, которые вытекали из обстановки – в короткий срок изъять большую массу денег по линии займов и самообложения.

Переброска промтоваров. Мы, конечно, должны были на сезон урожая перебросить товары в хлебные районы, но это мы произвели при полном оголении, правда на короткий срок, основных промышленных центров. Это носило отпечаток экстраординарности. Я думаю, в этом отношении мы должны работать так, чтобы эти меры, нормальные и правильные, применять в будущем с должной подготовкой и в должных дозах, которые бы легко воспринимались крестьянством.

[Здесь также необходима своевременность других мер, которые осуществлялись бы на практике, но не входили бы.] К третьей группе мер я отношу искажения и перегибы, имевшие место в практике, но не входившие в [нашу] систему предложений ЦК. Однако они вытекали из **обстановки**, созданной нами, вытекали из задач этой обстановки, из обстановки громадного нажима. Я хочу сказать, что **обстановка для применения и возникновения этих перегибов была создана самим нажимом и мерами экстраординарными**. Было дано задание заготовить столько-то хлеба, распространить заем на столько-то рублей путем объяснения, разъяснения и проч. Совершенно правильные указания, но так как сил не хватало для убеждения, а кое-кто не совсем и не сразу убеждался, а, с другой стороны, задание дано и никто никаких объяснений слышать не хочет и всякие объяснения невозможности выполнить задание расценивались нами как объяснения слабости данной организации, то, конечно, люди нажимали и применяли нажим, считая, что важно выполнить задание хоть любыми мерами, и шли, таким образом, на перегиб и переадминистрирование.

В ряде мест были совершенно возмутительные факты, которые мы устраняли и должны были устранять, но в ряде мест были не такие уж возмутительные факты при этой обстановке нажима, но, поскольку они принимали массовый характер, они угрожали большими политическими опасностями. С проявлениями перегибов и искажений мы должны были решительно бороться, потому что крестьяне любят о плохих случаях знать широко и не забывать их долго, а хороших случаев меньше знать и скорее забывать. Это, кажется, не только крестьянская психология. [Я думаю, даже не А. П. Смирнова. Это человеческая психология.]

Вот почему я считаю правильным, что Северо-Кавказский комитет решил по отношению к двум случаям, неслыханным, садистски возмутительным случаям, применять решительные меры, вплоть до высшей меры наказания двух работников.

Косиор. Это не Северо-Кавказский комитет решил, а суд решил.

Микоян. Конечно, суд решил, но суд находится под руководством партии, как и все важнейшие вопросы должны решаться под руководством партии.

Г о л о с. Крыленко что скажет?

Микоян. Он промолчит, потому что он уже член ЦКК и не может отстаивать независимость суда от партии.

Я думаю, эти факты извращений известны всем, кто следит за крестьянскими письмами. Между прочим, в писании этих писем обнаружилась большая активность крестьянства, и в особенности кулаков, которые находят ходы и выходы. Есть письма бедняков и середняков, но много кулацких писем, которые доходят до самых верхов[17]. Из них мы видим проявления нажима, который заключался в незаконных арестах, конфискациях без всякого суда. Они говорят: пришли, отобрали, применяют всякие задержки, не только кооператоры ходят по амбарам, но и власть...

[Г о л о с. Долгоносые.]

Микоян. «Ищет» долгоносиков в амбарах[18]. Самогон ищут, а в амбар смотрят. Еще больше жалоб имеется на методы проведения самообложения и размещения займа. Например, рабочие по почте посылают деньги в деревню, вместо выдачи денег – половину или всю сумму выдавали займом, или при продаже хлеба, вместо того чтобы деньгами расплачиваться, расплачивались займом. При покупке промтовара, прежде чем купить промтовары, говорили – изволь купить столько-то облигаций, не купишь – не получишь товаров. Рабочий посылал свой заработок в деревню, скажем 15 руб. Вот тов. Кубяка вчера на заводе брали в оборот по этой части, 15 руб. послал в деревню, а на почте задержали 13–14 руб. в счет самообложения, а два рубля дали семье рабочего. Это факт безобразный, который опасен не только с точки зрения укрепления смычки рабочего класса и крестьянства, но и с точки зрения внедрения доверия к займам и системе самообложения. Насколько связь рабочего и крестьянина близка, это чувствовалось на московских заводах, где на рабочих собраниях эти вопросы являлись самыми актуальными. Причем, с точки зрения классовой, в ряде мест бывало формальное огульное отношение к крестьянству [люди вошли в большевистский азарт и нажимали по-настоящему], так что при нажиме часто не различали кулака от середняка, не старались, нажав на кулака, помочь бедняку и середняку, объединить их в борьбе с кулаком. А кулак в ряде мест ловко сманеврировал, натравливая бедняков и середняков против кампании, в особенности на Северном Кавказе, где это быстро ликвидировали контрманеврами – продажей хлеба беднякам по низким ценам, раздачей семян и проч. Кубанский окружком составил книжку – сводку фактов, там мы видим, что в отношении бедняков применялись такие меры, которые абсолютно недопустимы ни в какой мере со стороны нашей партии. Для примера расскажу самый яркий случай, который окружком осудил, но который показывает обстановку там в начале кампании и ошибки работников, ударявших по беднякам. Пришли к бедняку, который налог или какой-то взнос не уплатил, описывать имущество. У него оказалось зеркало, кровать и пуд или два хлеба. Это был бедняк, который ни хлеба, ничего не имеет, кроме зеркала и кровати. Стали описывать имущество. Это бывший партизан, красноармеец, который дрался с нами вместе. Когда зеркало стали описывать, взял от злости разбил зеркало. Разбил зеркало: ни тебе, ни мне. Но хорошо, что народный суд, который его судил, целиком и полностью оправдал его и, наоборот, обвинил того, кто его до этого довел.

Г о л о с. А зеркало осталось разбитым.

Микоян. Зеркало осталось разбитым в знак протеста.

Много есть таких случаев перегибов и загибов в отношении бедноты. Правда, они больше были в первые дни, и Кубанская окружная организация сразу взялась за это дело для того, чтобы переманеврировать, дать бедняку организоваться, облегчила его положение и проч. Но все же нам нужно это отметить как перегиб, направленный против бедноты.

Нам нужно очень решительно бороться с этими перегибами и искажениями, потому что есть опасность, что они получат массовое распространение, подорвут доверие крестьянства к нашей системе хозяйства и затруднят наши отношения с основной

массой крестьянства. Борьба с кулаком должна вестись еще более решительно, чем раньше, но она должна вестись так, чтобы не только ни в какой мере не задевать бедноту, но и уметь ее объединить вокруг себя в этой борьбе и создать блок из бедноты и середняков для борьбы с кулаком, иначе невозможно успешно вести эту борьбу. Вот почему ЦК должен особенно резко отметить необходимость решительной борьбы с этими искажениями.

Но мы также не должны пройти мимо того, что не только кулацкие элементы в деревне, но и их подголоски в городе, а иногда даже и ряд членов партии, которые не особенно довольны экономической политикой нашей партии, говорят: «ЦК отменил нэп», «где же у вас нэп», нэпа нет, у вас не хлебозаготовки, а хлебовыколачивание, не торговля, а разверстка, не борьба с кулаком, а раскулачивание и пр. Я думаю, что, действительно, если так говорят члены партии, то они или совсем запутались, не понимают ничего, или они просто повторяют то, что говорят наши классовые враги. Конечно, речь идет не об изгибах и перегибах, ошибках и недочетах, которые мы осуждаем и устраняем и которые неизбежны в такой широкой кампании, а речь идет о мерах, которые ЦК принимал. Я считаю, что даже самые экстраординарные меры, которые мы принимали, они не обозначают ни отмены нэпа, ни отмены нашей экономической политики. Правда, они дают резкую дозу ограничения капитализма и нажима, но было бы неправильно думать, что нэп – это есть полная свобода стихии рынка и хозяйственного развития, было бы неправильно думать, что мы должны быть нейтральными в этом развитии. Государство пролетариата, идя по линии нэпа, совершенно правильной линии, единственно правильной линии, по которой пойдет с нами крестьянство, по мере роста своих сил и возможности должно ограничивать законы капитализма и тенденции кулачества и частного капитала. Нэп обозначает возможность развития капитализма, но нэп также предусматривает изжитие нэпа на основе роста социалистического сектора нашего народного хозяйства, нэп не путь возвращения к капитализму, а путь движения к социализму. Нэп не есть застывшая форма хозяйственной системы. Нэп есть путь, по которому мы должны все время двигать наше хозяйство вперед, и этот путь имеет свои этапы перехода с низших ступеней к высшим. Вопрос сводится только к пропорции ограничения этого нэпа, к мерам ограничения регулирования и подчинения нэпа пролетарскому государству, подчинения распыленных крестьянских хозяйств и частного капитала. Вопрос сводится к тому, насколько в каждый данный момент эти меры находятся в должной пропорции с нашими силами и организационными и финансовыми возможностями, с общим состоянием нашего народного хозяйства и соотношением сил между секторами социалистическим и частным. Здесь нам нужно суметь сохранить правильную пропорцию в каждый данный момент. Мы не должны пропускать мимо себя все перегибы и искажения, потому что они могут очень тяжело отразиться на всем нашем народном хозяйстве.

Вот почему партия должна, по-моему, решительно бороться с этими перегибами. Предлагаемый вашему вниманию проект резолюции ЦК, которая является первым издаваемым документом после закрытого письма, которое не было напечатано и известно лишь партийным кадрам и партийным организациям[19], – это первый документ, где дана оценка [всему положению и принятым мерам и где дается отповедь] важнейшему хозяйственному вопросу, ставшему перед партией за последние месяцы. Здесь мы должны ударить по тем критикам, а иногда и не критикам, а клеветникам на политику нашей партии, которые в момент этих трудностей подняли голову, в особенности среди интеллигенции и спецов типа Кондратьева, который так поднял голову, что на Госплане говорил громким голосом, [чуждым] вражеским нам языком, который вряд ли можно допустить в важнейшем советском учреждении в отношении нашей госу-

дарственной и хозяйственной политики. Эти враждебные нам настроения получили отголоски среди некоторых коммунистов.

Заканчивая обзор того положения, которое мы имеем в области экономической и организационной за текущую кампанию хлебозаготовок, мер, принятых нами, перспектив на этот год, задач, стоящих перед нами, я хочу кратко остановиться на вопросах подготовки к будущей кампании. Эта подготовка должна касаться как мероприятий экономического характера, их своевременной подготовки для установления более правильного баланса между спросом и предложением, так и области мер организационных, которые должны быть основаны на учете уроков текущего года и должны помочь нам лучше подковать наши организации на случай будущих возможных затруднений. Поскольку возможно предугадать будущую конъюнктуру, что является очень трудной задачей, особенно в отношении сезонной конъюнктуры, когда мы сопоставляем данные спроса и предложения, доходов крестьянства, изъятия и проч., мы можем ожидать несколько более благоприятное положение сравнительно с прошлым годом благодаря тому, что рост производства промтоваров в ценностном выражении в текущем году в 4-м квартале на 17% больше, чем в прошлом году, когда мы имели рост в 2,5%, между тем как рост спроса вырисовывается лишь только на 9%. Несмотря на то, что получается положение несколько лучше прошлого года, [но какой бы то ни было полной гарантии рыночных отношений в полной перспективе никто, конечно, дать не может, тем более] остается еще довольно напряженное состояние рынков. Надо отдать себе отчет, что самый темп нашего развития предусматривает величайшее напряжение и неизбежные иногда перебои. Мы идем очень быстрым темпом, чтобы максимально использовать мирную передышку для ускорения социалистического строительства, – это вытекает из всей международной обстановки[20], благодаря этому нам не удается накапливать резервы, которые бы страховали нас от неизбежных просчетов, нехваток, ошибок, неудач. А каждая нехватка при наличии запасов не ударяла бы по всему хозяйству, не вызывала бы перебоев, меж тем в данный момент, в момент напряжения всех сил и ресурсов страны, каждая неудача, каждая нехватка бьет по всему хозяйству. Вот почему из темпа нашего развития, при нищете накопленных ресурсов в хозяйстве, вытекает напряжение всей обстановки, которое, возможно, будет иметь место и впредь в той или другой степени. Нужно обеспечить такое руководство хозяйством, чтобы поменьше было бы дегтя в бочке меда. Нужно понять, что мы не можем обеспечить полное спокойствие, если не хотим замедлить темп развития, – а этого мы не должны допустить, но мы должны стараться брать такой темп, который, будучи напряженным, не создавал бы перенапряжения, чтобы, идя по ухабистой дороге на плохой машине, имея некоторую тряску, не поломать машину и не расшибиться. Медленно и спокойно мы не можем идти, трясти нас будет обязательно, но нужно, чтобы голову не расшибить, и машину не разбить, и не сдаться. Конечно, неизбежны известные перебои на ухабах, затрясет, может быть, несколько затруднит, но слишком спокойный темп в конечном счете еще более опасен ввиду нашего капиталистического окружения. В капиталистическом окружении, когда мы должны использовать каждый момент для укрепления позиций пролетариата и строительства социализма, было бы непростительной роскошью и бесплодными мечтами искать спокойного движения. Идя по узкой дорожке, по краешку, можно скатиться, и поэтому, конечно, спокойнее идти по середине, но не всегда это возможно, а лучше быстрее идти по краю, хотя и несколько напряженно, но со всей революционной осторожностью и бдительностью.

[**Косиор**. А если нет широкой дороги, что делать?]

Микоян. Под знаком этих особенностей нашего хозяйственного развития начнется и новый сельскохозяйственный год. Я не имею возможности сообщить – какой до-

ход получит деревня от реализации товаров, сколько мы вливаем денег по разным линиям в деревню и сколько мы изымаем и т. д. Но надо сказать, что, несмотря на увеличение единого налога[21], [который подлежит сбору до октября, деревня в этом году получит по существу больше, чем в прошлом году, наши платежи, т. е. страховые взносы крестьянину будут возвращатся за горимость; зимой собирали – не горели, летом будут гореть, получать деньги] летом деревня получит по разным линиям больше, чем в прошлом году. При этом очень важно, что эти платежи и изъятия будут распределяться между отдельными социальными слоями деревни более правильно с точки зрения классовой политики нашей партии.

[**Косиор**. Новый источник дохода. (С м е х.)]

Микоян. Так, мы считаем, что заем, который насильно всучивали крестьянину в ряде мест, частично, если не на половину, то во всяком случае на четверть, вернется обратно в наши сберегательные кассы и банки. С другой стороны, по контрактации и другим линиям мы возвращаем большие суммы денег.

Г о л о с. А самообложение?

Микоян. Оно в значительной части также вернется через строительные работы. Нам сильно поможет увеличение промышленной продукции в IV квартале в ценностном выражении на 17% больше против прошлого года, когда было 2,5%. Нам придется все эти хозяйственные вопросы, решение которых имеет громадное значение для новой заготовительной кампании, рассмотреть в полном объеме тогда, когда более ясны будут перспективы будущего года (размеры урожая и пр.), и добиться, чтобы все важнейшие элементы хозяйства были более или менее сведены, чтобы было более или менее правильное соотношение между ними, чтобы не было особо большого обострения диспропорций, чтобы был обеспечен более нормальный ход хлебозаготовок в будущем году и более нормальный ход общего хозяйственного развития.

Важнейшей мерой подготовки успеха заготовок будущего года является яровая посевная кампания, проводимая партией и советской властью. Мы правильно сделали, что из того небольшого количества хлеба, который мы заготовили с величайшим напряжением, все же роздали крестьянам 15 млн. пуд. на посев. Но нужно учитывать то, что отдельные группы кулаков, возможно, сократят посевы, что нам придется компенсировать это в дальнейшем ростом посевных площадей бедняцких и середняцких хозяйств. Вот почему мы даем им усиленную поддержку семенами. Мы даем семена по линии Наркомзема и Наркомторга и местных органов около 30–32 млн. В прошлом году было дано около 13 млн. Конечно, урожай не плох, но придется давать, чтобы поддержать бедняков и середняков и расширить посевную площадь. Эта важнейшая мера подготовки будущих заготовок еще больше подбодрит середняцко-бедняцкую часть деревни и даст возможность быстрого развертывания сельскохозяйственных посевных площадей. Новый закон о едином налоге, который дает поддержку бедняцким массам деревни путем освобождения 35% от налога и повышения налога для верхушечных слоев, приводит к более правильному соотношению между прогрессией роста доходности кулацких хозяйств и прогрессией обложения. Это значительная поправка, которая имеет громадное значение. Я не буду специально останавливаться на ряде других экономических мер, которые придется принять СТО и Политбюро в дальнейшем в связи с подготовкой к встрече урожая. Так, например, нам придется принять меры расширения промышленной продукции, накопления необходимых запасов промышленных товаров к моменту урожая, чтобы выбросить их в разгар заготовок. Мы могли бы больше тысячи вагонов мануфактуры сохранить про запас для того, чтобы выбросить в разгар реализации урожая, и, кроме того, принять ряд других мер, финансовых и хозяйственных, которые должны будут сыграть роль в деле облегчения заготовок летом и осенью.

Я считаю нужным после того, как некоторая грубая наметка конъюнктуры дана, перейти к мерам организационным, которые партия должна принять, исходя из уроков текущего года и для подготовки к будущему году.

Прежде чем изложить предложения Политбюро ЦК, я считаю нужным сказать о фактическом положении нашего заготовительного аппарата. Если возьмем удельный вес наших организаций, государственных и кооперативных, в отношении частных заготовок и внеплановых заготовок, то надо сказать, что если в первом полугодии процент этот был невысок, доходил до 75% всего, то во втором полугодии сильно растет удельный вес основных плановых заготовок и сокращаются заготовки неплановые. Если возьмем роль отдельных государственных и кооперативных организаций, то мы увидим, что государственные органы в 1925/26 году имели 76% всех заготовок, а в следующем году заготовки их составляли 64,4%, а в текущем году в первом полугодии заготовки эти составляли 43,7%, в январе месяце 30%, в феврале – 28%, т. е. **мы имеем резкое систематическое падение удельного веса государственных заготовителей** и одновременно **быстрый рост кооперативных заготовок**, которые росли так: заготовки хлеба обоих видов кооперации по тем же годам составляли: 23,5%, 35,5%, в первом полугодии этого года 56%, в январе 70%, в феврале 71,5%. Вот состояние нашего аппарата на местах и соотношение между государственным и кооперативным секторами. Это видно из следующей диаграммы о движении заготовок (см. Приложение 1, диаграмма № 3). Одна черта – заготовки госорганов, которые все время падают и в последнее время стабилизовались на низком уровне. Другая черта – заготовки кооперации, которые резко идут вверх. Получаются своеобразные ножницы с разными растворами.

Г о л о с. Это в абсолютных цифрах?

Микоян. Мы берем в процентах. Получаются ножницы с разными растворами, стабилизовавшиеся к концу на таком уровне, где 70% принадлежат кооперации и лишь только 30% принадлежат госорганам.

Если возьмем роль Хлебопродукта[22] – союзной хлебозаготовительной организации, то происходит падение его роли. Если еще в прошлом году эта роль была значительной и составляла 37% всех заготовок, то в текущем году за первое полугодие заготовки Хлебопродукта составляют 25%, в январе они составляли 21%, в феврале – 21%; удельный вес очень низкий.

У меня нет времени привести вам данные по с/х и потребительской кооперации в отдельности, но надо сказать, что заготовки потребительской кооперации превышают заготовки сельскохозяйственной кооперации. Ныне заготовки потребительской кооперации составляют 44%, сельскохозяйственной же – 26% всех заготовок. Я должен отметить, что положение Хлебопродукта затрудняется следующими обстоятельствами: во-первых, Хлебопродукт сталкивается на рынке с местными государственными заготовителями, на стороне которых поддержка местных организаций. Местные организации выбирают в конкуренции между ними больше сторону **своего** заготовителя, чем центрального. Это одна из причин; с другой стороны, выросла роль кооперации, что является нашим большим достижением; частник стал играть меньшую роль, крестьяне стали более организованным порядком сбывать свои продукты, крестьянин везет больше своей кооперации, потребительской и сельскохозяйственной, а Хлебопродукт остается сидеть со своим хорошим аппаратом, на хороших элеваторах, с хорошей дисциплиной и т. д., но без должной нагрузки, соответствующей его мощности.

Если возьмем нагрузку каждого отдельного заготпункта, то увидим, что нагрузка заготпунктов у Хлебопродукта наиболее высокая. Например, максимальная загрузка одного пункта по Хлебопродукту в Крыму – 238 тыс. пудов в первом полугодии, ми-

нимальная по Казахстану – 75 тыс. пудов. У кооперации меньшая нагрузка, причем у потребительской кооперации еще меньше, чем у сельскохозяйственной кооперации.

Динамика заготовительной сети показывает громадный рост, начиная с января в особенности. Если возьмем общую сеть, то мы имеем сейчас 17 896 ссыпных пунктов по стране, т. е. грандиозное количество, которое повышается несомненно и резко. Вот здесь одна диаграмма, которая показывает рост заготовительной сети (см. Приложение 1, диаграмма № 5). До 1 января 1927 г. было 14 700 ссыпных пунктов, на 1 февраля стало 17 800, т. е. громадный рост, чуть ли не на 3 с лишним тысячи, причем госзаготовители увеличили очень мало своих пунктов, лишь на сотню пунктов; сельскохозяйственная кооперация также ненамного, тоже на 2–3 сотни; потребительская кооперация дала огромный рост сети, простирающейся по всем селам и хуторам. Она развила свою сеть, сократившуюся было к весне прошлого года; превысила за один только месяц на 3000, т. е. против прошлогодних весенних данных она превысила всего на 6000 в круглых цифрах.

Надо сказать, что некоторое расширение сети было нормальным, неизбежным, ибо в погоне за экономией расходов наша сеть не шла в глубинные пункты и часть хлеба оставалась без охвата. Но некоторое расширение было излишне, сверх потребностей, и нам придется это дело ввести в рамки, с тем чтобы и охват целиком сохранить, и, с другой стороны, суметь обеспечить такую сеть, которая была бы загружена полностью.

Касаясь мельничного дела, которое связано с хлебозаготовками, мы должны отметить, что если в цензовой мельничной промышленности принадлежало госорганам в 1923/24 г. лишь только 64%, то ныне принадлежит – 73%. Кооперации принадлежало 16% всех мельниц цензовой промышленности; ныне принадлежит – 21%. Частнику принадлежало 19,5% мельниц цензовой более или менее крупной промышленности; ныне – 5,9%. Если возьмем перемол, рост перемола в цензовой промышленности, то мы видим в диаграмме яркую картину (см. Приложение 1, диаграмма № 6). Вот рост перемола через нашу цензовую промышленность по мукомолью по годам. По различным годам вы видите, что столбик ежегодно вырастает. Это – по пшенице, внизу по ржи. Т. е. нагрузка крупной мукомольной промышленности происходит за счет свертывания мелких промышленных мельничных предприятий, которые раньше конкурировали, являясь рычагом воздействия частного заготовителя или местного органа.

Я вынужден не останавливаться на других проблемах хлебного дела, не связанных с хлебозаготовками, со снабжением, с хлебопечением и т. д., которые являются для нас громадной задачей. В отношении хлебопечения Ленинград должен быть образцовым для всех городов, ибо там большая часть хлеба выпекается механически. Москва и в этом году даст большой скачок в этом отношении и поправит дело, выстроив два крупных завода в городе и несколько менее крупных – в уездах. Нам нужно развить заводское механическое хлебопечение как важнейшее средство удешевления хлеба, вытеснения частного хлебопечения и общего регулирования хлебного рынка.

Я должен два слова сказать о накладных расходах хлебозаготовок ввиду их большого значения. Очень трудно точно разобраться в элементах накладных расходов по заготовкам, но если мы возьмем данные, то мы увидим, что по заготовкам за 26/27 г. против предыдущего года мы сэкономили в накладных расходах около 35 млн. по всем заготовителям, в среднем считая до 7 коп. на пуд расходов меньше, чем было в позапрошлом году. Текущий год дал небольшое снижение против прошлого года. Экономия на расходах за первый квартал текущего года составляет только, может быть, около 3 млн. руб., а за год составит около 10–12 млн. руб. Это показывает небольшие успехи в сокращении расходов, но и нынешний уровень расходов еще остается чрезвычайно высоким.

Для характеристики значения этих расходов надо взять сбытовые цены хлеба рабочих районов и определить, сколько из цены, которую рабочий платит за хлеб, падает на сумму, получаемую крестьянином за зерно. Тогда вы получите, сколько падает на все расходы, как по заготовке, так и по переработке, и при этом мы видим, к сожалению, еще очень неотрадную картину. Ее нельзя сравнивать с довоенной. До войны считалось так, что в продажной цене муки 70% примерно составляет крестьянская цена. Если мы возьмем здесь долю производителя зерна в цене потребителя муки в Москве, например, то мы увидим, что в первое полугодие прошлого года доля крестьянина-производителя составляла 41,1%. Иначе говоря, если рабочий платит 100 коп. за единицу муки в Москве, из них 41,1% шла крестьянину непосредственно, остальные 59,9% – на заготовку, перемол, доставку, продажу из пунктов Хлебопродукта. Во втором полугодии прошлого года этот удельный вес цены производителя немного вырос – 43,9%. В текущем году – 45,9%, примерно 46 коп. из сотни копеек, которые рабочий за муку в Москве платит, идет крестьянину. Между тем в первом полугодии прошлого года было только 41 коп. Вот почему нам необходимо по накладным расходам ударить еще сильнее. Конечно, переживаемые трудности заготовок скрывают от нашего внимания вопросы накладных расходов по заготовкам, но мы должны будем на это дело налечь, чтобы расходы уменьшить.

Когда мы переходим к анализу расходов, беря цены в копейках на пшеницу, то цены заготовительные и цена на пшеничную муку и на определенный ассортимент по аппарату Хлебопродукта дают следующий разрыв: до войны между ценами пшеницы в зерне и пшеничной мукой в Москве этот разрыв был 43 коп., а теперь на 60 коп. больше, индекс разрыва примерно 150. Из чего складываются 60 коп. излишних против довоенных расходов? Здесь, конечно, нет надобности подчеркивать всякие условности, оговорки, у меня нет времени их приводить сейчас, но прошу принять во внимание условность всех цифр по отдельным статьям расхода. По перемолу индекс ниже общепромышленного индекса. Раньше было 13 коп., теперь 23, на 10 коп. больше. Но надо обратить внимание на стоимость мешков. Мешок стоил на пуд 5 коп. до войны, сейчас 12,68, индекс к довоенному 250. Другой элемент расхода заготовителей – перевозочные расходы, железнодорожные, еще очень высоки, нам нужно их также сократить, и на этом мы можем сэкономить десятки миллионов.

Каганович. [Если аппарат объединить, тоже можно сэкономить десятки миллионов.] Если упростить аппарат, тоже можно сэкономить много миллионов.

Микоян. Это зависит и от наших организаций. Если бы мы не имели перебоев, из-за чего приходится хлеб возить из одних районов в другие, тогда можно было бы не производить отдельных встречных перевозок. Однако нужда заставляет иногда производить такие перевозки, которые с точки зрения разума, с точки зрения [абсолютного разума, являются настоящим сумасшествием] целесообразности являются настоящей нелепостью.

Каганович. От нас вывозили на север, потом на Украину.

Микоян. Мы вам дали уральскую яровую пшеницу, которой у вас не хватало. В этом году встречные перевозки с Урала связаны были с семенными перевозками.

В резолюции ЦК мы предусмотрели необходимость льгот, против всяких заготпунктов, мельницам и элеваторам, а в отношении маслосемян – Масложирсиндикату, чтобы поощрить крестьянина путем доплаты подвозить эти продукты и сырье непосредственно к предприятиям переработки и приемки. При этом все промежуточные звенья выпадают, и зерно идет непосредственно на мельницу для очистки и переработки. Так же и с элеваторами. Но в чем же тут дело?

Нельзя иметь одной доплаты для всех предприятий, здесь нужно варьировать со-

ответственно особенностям местной экономики, изучать отдаленность базаров и т. д. Иногда бывает такая неувязка, бывает такая нелепая надбавка в одном пункте против другого, что ее никто объяснить не может и крестьянин понять не может. Нужно сделать так, чтобы для крестьянина это было необременительно, и чтобы это было более обоснованно, чтобы крестьянин мог подвозить зерно непосредственно на крупные предприятия.

Переходя к реорганизации заготовительного аппарата, должен сказать, что решения, которые Политбюро вносит на рассмотрение пленума, предусматривают следующее: во-первых, по линии государственных организаций, в целях устранения конкуренции произвести объединение всех центральных и местных заготовителей, реорганизовать всех их и, объединив в новое акционерное общество «Союзхлеб»[23], создать союзную организацию хлебозаготовок, которая строится на началах крупной акционерной организации и обеспечивает материальную заинтересованность местных акционеров и по линии получения прибыли по акциям, и по линии отчислений от прибылей для местного бюджета, обеспечивает влияние и содействие местных органов на работу нового союзного общества на местах. Мелкие предприятия, которые не вливаются в эту союзную организацию, излишки от заготовок, по покрытии местных потребностей, будут сбывать через «Союзхлеб». По сравнению с кооперативными заготовителями, крупный централизованный аппарат «Союзхлеба», который, с одной стороны, будет обладать мощной технической базой заготовок и перемола, а с другой стороны, будет оторван от глубинных пунктов деревни, не будет иметь разветвленной сети, не будет иметь выборных людей вокруг этой сети, одним словом, будет лишен положительных сторон кооперации, которые дают мощь и силу кооперации; кроме того, «Союзхлеб» не будет обладать ресурсами промышленных товаров, которые играют большую роль при хлебозаготовках. Исходя из этого, мы считали необходимым произвести некоторую увязку этой новой организации с работой потребкооперации, которая обладает более мощной сетью, имеет большие кадры опытных работников и, с другой стороны, товарные массы, которыми надо маневрировать в интересах хлебозаготовок. Мы сочли необходимым произвести некоторую увязку потребкооперации с новым обществом «Союзхлеб», с тем чтобы Центросоюз и Вукоспилка на основе договоров заготовляли хлеб по союзному плану и чтобы заготовленный первичными обществами и пунктами хлеб сдавался непосредственно элеваторам и мельницам «Союзхлеба». «Союзхлеб», после соответствующей переработки хлеба, сбывает его в города через рабочую кооперацию, через Цербасекцию, кооперативы Москвы и Ленинграда. Кроме того, на «Союзхлеб» возлагается выполнение тех государственных заданий, которые бывают часто нерентабельны, невыгодны для обычных коммерческих предприятий, выполнение заданий по линии Военведа, снабжения Средней Азии и т. д., но которые нужно выполнять независимо от коммерческой заинтересованности заготовителей. Вот те изменения, которые вносятся в существующую систему организации. Есть одно изменение, которым были недовольны московские товарищи. Здесь дело сводится к следующему. МСПО в прошлом и позапрошлом году имел непосредственные заготовки на местах. В позапрошлом году МСПО имел свои ссыпные пункты, в прошлом году он работал через местные союзы кооперации, имел некоторые мельницы, на которых перерабатывал хлеб. [На местах мы имели такое положение, что заготовки приезжали производить украинские товарищи и товарищи из Москвы. Что мы имели в результате этого? В результате такой постановки дела было установлено, что наши заготовители на местах сталкивались друг с другом, не было единого фронта всех заготовителей.] Решено заготовки для московской кооперации производить на основе генерального договора с основным заготовителем, с тем что-

бы обеспечить помощь московских рабочих нашим заготовителям и содействие в деле своевременной заготовки хлеба и снабжения им. Имеется в виду выделить ряд губерний, которые должны будут снабжать хлебом Москву. [Москва будет центром снабжения.] Для этой цели будет выделен и приспособлен ряд мельниц, которые будут работать для снабжения мукой Москвы. При таком положении представители Москвы будут иметь возможность наблюдать, толкать и двигать вперед это дело, держать в курсе этого дела Московский совет, Московский комитет и Московскую кооперацию. Я думаю, что такая система целиком обеспечит интересы Московской организации. Я думаю, что при такой системе интересы кооперации будут целиком обеспечены и будет ослаблен разнобой в заготовках. [Я должен сказать, что в случае нехватки хлеба речь идет о нехватке хлеба для Ленинграда и Москвы. Нам приходится обижать кого-нибудь другого, но во всяком случае не Москву и Ленинград. Если другие районы не так кричат, то Москва и Ленинград меньше всего имеют основания кричать об этом, потому что другие столицы, другие крупные города больше подвержены риску, чем Москва и Ленинград. Украина не может быть обижена, потому что хлеб у нее под боком и хлеб всегда пойдет на украинский рынок.]

Вот основные меры, которые мы считали необходимым принять. Что касается других мероприятий, то мы не сочли необходимым все моменты уточнять, ограничившись основными изменениями, которые будут произведены во всей системе в связи с новой кампанией.

Эта кампания дала возможность большей проверки, чистки наших работников и изгнания классово чуждых и разложившихся людей. ЦКК тоже чистит и будет чистить, но я должен сказать, что хлебозаготовительная кампания отняла в некотором смысле хлеб от ЦКК и освободила ЦКК от обязанности проверять и чистить людей, хотя ей еще много работы в этой области. Нам это удалось сделать только через щупальца всей партии. Исключенных из партии и наказанных можно считать тысячами. Это очень важный итог заготовок, который отразится в текущем и в будущем году благоприятно. Укрепление людьми, создание единого фронта заготовителей, выполнение политики цен, нарядов, переброс и пр. – это то, без чего мы не можем успешно маневрировать в стране, где не хватает средств для обеспечения всех нужд.

Дальше, товарищи, мы должны будем заострить внимание партийных организаций, чтобы они больше занимались деловым руководством конкретной хозяйственной работой, ибо в плане реконструкции всего народного хозяйства, имея в виду напряженное движение вперед по хозяйственной линии, мы не можем двигаться, опираясь на один советский аппарат, мы должны добиться, чтобы партия помогала и поправляла там, где есть недостатки. Революционные силы партии, чуткость ее и умение быстро маневрировать должны придти на помощь, чтобы держать под наблюдением, под надзором хозяйственную работу, в особенности хлебозаготовки, связанные с миллионными массами крестьянства. Нам надо наладить план, выполнение его и проверку аппарата, что мы не можем делать из центра без того, чтобы не было всемерной поддержки и помощи партии и всех ее звеньев. Очень важно, чтобы мы держали живую связь, и поэтому Политбюро ЦК по шахтинскому делу, а также по вопросу о хлебозаготовках приняло постановление о том, чтобы центральных работников командировать на места для ознакомления и проверки[24]. Это научит и центровиков кой-чему полезному в их работе, и поможет местным товарищам найти более правильные пути разрешения задач, которые разрешимы на месте.

С другой стороны, в целях уточнения плана необходимо регулирование поставить в более нормальные рамки, избегая того, что было в этом году, когда нам приходилось вмешиваться во все детали и мелочи, во что нам не нужно было вмешиваться

при нормальных условиях. Мы считаем нужным иметь в Наркомторге специальное совещание из ответственнейших людей, руководителей заготовительных организаций и крупных хлебных районов, в задачу которого будет входить рассмотрение, обсуждение вопросов, оперативных планов и методов заготовок, для того чтобы мы могли укрепить регулирующую работу. У нас было такое совещание, оно все время созывалось, но оно состояло из аппаратчиков, заготовителей, из винтиков механизма, а не руководителей, решающих вопрос. Это совещание мыслится теперь в составе действительных руководителей.

Далее, прежде чем закончить, я должен два слова сказать об аппарате Наркомторга. Не требуется приводить много примеров, чтобы показать, как много было и есть еще ошибок в аппарате Наркомторга сверху донизу. Мы должны все их изжить и устранить, но ничего не поделаешь, не так-то легко это сделать.

Косиор. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Микоян. Я могу повторить это по вашему адресу, если будет доклад не о хлебозаготовках, а о некоторых других темах, которые вас касаются. (С м е х.)

Во всяком случае, мы должны будем все это учесть для того, чтобы иметь аппарат людей, которые могли бы гарантировать нас от грубых ошибок. Местный аппарат Наркомторга находится в несчастном и очень тяжелом положении, что было констатировано многими товарищами, тов. Углановым и Молотовым, которые детально знакомились с его положением при объезде мест. Я должен обратить ваше внимание на это, и Политбюро ЦК специально отметил этот вопрос в своей резолюции. Дело в том, что возлагаются грандиознейшие задачи на наш аппарат, более молодой, более слабый по сравнению с другими организациями – ВСНХ и другими. Мы не имеем достаточного кадра работников, ни опыта, ни людей, которые в количественном и качественном отношении могли бы успешно выполнять свои задачи. Когда посмотришь на некоторые губернские торготделы, невозможно и совестно требовать от них того, что на них возлагается. Такая нищета людьми и средствами, что даже нельзя сравнивать с положением местного аппарата других хозяйственных наркоматов.

Для примера можно взять две крестьянских губернии, где задачи органов Наркомторга не меньше, а больше, чем органов ВСНХ. В промышленной губернии орган ВСНХ несет большую работу, чем органы НКТорга. Я взял две крестьянских губернии, нужно сравнить данные, количество людей по их оплате – губторг и губсовнархоз. Воронежский губторготдел 31 человек, штат губсовнархоза 33 человека.

[**Орджоникидзе**. 33 и 31 человек – небольшая разница.]

Микоян. Воронежский губторг заготавливает 39 млн. пуд. хлеба и на 10 млн. руб. яиц и птицы, кроме всех других с/х товаров организует сбыт промтоваров. Сопоставляя все эти серьезнейшие задачи с промышленностью Воронежской губернии, мы видим, что задача Воронежского губторга труднее, чем губсовнархоза. Дальше, посмотрите, средняя заработная плата. Томский должен послушать и отстоять этот отряд своих работников. Средняя оплата всех сотрудников, ответственных и неответственных вместе, в Воронежском губторге 93 рубля, а в совнархозе 142 руб. в среднем.

Я возьму канцелярские расходы, причем имейте в виду, что торготдел должен давать каждые пять дней обязательно телеграмму, сводку, чего не полагается по линии ВСНХ.

Томский. Им больше платить нельзя, масла нет.

Косиор. Потому и масла нет, что мало платят.

Микоян. На канцелярские расходы в 26/27 году по торготделу 3500, по совнархозу 9500. (Ш у м, р а з г о в о р ы.) В этом году 3000 по торготделу и 7000 по совнархозу. Губторг говорит мне: не могу ответить на запросы центра, нет денег.

Теперь возьмите командировочные – надо выехать в уезд, посмотреть, как обстоит дело, мы этого требуем, а как выехать, на какие деньги выехать? Совнархоз имеет 4 тыс., а торготдел 3 тыс. на весь год. Я не знаю, совнархозу 4 тыс. много или мало, но в отношении торготдела я знаю – это мало и недостаточно.

Курск – та же самая яркая картина, но я не хочу вас обременять и не буду приводить новый пример. Я думаю, что это почти всюду, причем по РСФСР дело обстоит хуже, чем на Украине, в отношении оплаты и аппарата органов Наркомторга. Совершенно необходимо принять серьезные меры для усиления местного аппарата Наркомторга. РКИ должно поддержать нас, чтобы при сокращениях...

Орджоникидзе. Да-да, при сокращениях (с м е х, ш у м, р а з г о в о р ы).

Микоян. Я имею в виду, что при общих сокращениях мимо нас пройдут и здесь подкрепят. Причем дело касается не только материальных расходов, здесь нужны люди, которые были бы авторитетны, политически подготовлены. Часто случается, что ряд заведующих губернскими торготделами в губком не входят, в бюро губкома очень и очень редко, – это работники не из тех кадров организации, которые могли бы быть в бюро губкома или в губкоме. В крупных хлебных организациях руководитель этого дела далек от губкома, с ним мало считаются, а между тем такому руководителю губком должен оказать максимум доверия и поддержки. Надо дать такие кадры, которые могли бы на этом участке успешно осуществлять смычку с крестьянством, ибо область заготовки – это есть область смычки.

Надо иметь людей гибких, большевистски выдержанных и крепких. Эта задача должна стоять перед нами, и тогда меньше будет ошибок и больше будет возможностей своевременно устранять препятствия, создающие затруднения и пр.

Еще два слова я хочу сказать о необходимости установить большую хозяйственную дисциплину. Если у нас наша партия крепка и мощна тем, что у нас есть революционная большевистская дисциплина, то у нас в советах очень мало дисциплины, и часто в моменты трудностей отсутствие дисциплины режет глаза. Не буду занимать ваше внимание примерами, доказывающими эту мысль. При напряженном темпе развития мы не сможем добиться действительного, успешного социалистического строительства без революционной дисциплины. По-моему, нам необходимо больше увеличить дисциплину в отношении заготовки хлеба, а также распоряжения хлебными ресурсами. Нам нужно здесь обеспечить централизованное руководство для того, чтобы мы могли бы при нужде острые задачи страны поставить выше менее острых, терпящих отлагательства. На этом пленуме мы должны подготовиться так в области экономической и организационной, чтобы в новой кампании не прибегать к экстраординарным мерам, ибо нельзя хлеб заготовлять так, как мы заготовляли его в этом году: его заготовляли не заготовители, а партия в целом, каждый партийный комитет был заготовителем, был штабом по заготовкам. Это, конечно, очень хорошо, но так хорошо мы много жить не можем, это может продолжаться месяца 2–3–4, может быть 5 еще, в той или другой форме, но нужно принять такие экономические меры в хозяйственной системе, такие организационные изменения аппарата, такие методы партийного контроля и руководства, которые бы не отвлекали всех сил партии и обеспечили бы повседневную помощь и руководство партии.

Председатель. Товарищи, открываем прения или объявляем перерыв?

Г о л о с а. Перерыв.

Председатель. Объявляется перерыв.

(П о с л е п е р е р ы в а.)

Председатель (Рыков). Тов. Любимов имеет слово. Тов. Любимов просит увеличить ему время. [Так как потребительская кооперация заготовила что-то около 230 млн.

пуд. хлеба, то на 200 млн. у него хватит времени, а на оставшиеся 30 он просит дать по 1 минуте на каждый млн. пуд.]

Енукидзе. Дать 15 минут.

Рыков. Он говорил со мною об увеличении до получаса. Кто за то, чтобы увеличить время тов. Любимову? Принято.

Слово имеет тов. Любимов.

Любимов. Я думаю, что мы здесь, в связи с обсуждением вопроса о хлебозаготовках, должны затронуть все вопросы нашей хозяйственной политики, целый ряд вопросов. Я, конечно, на всех них не сумею остановиться, но постараюсь по пути, поскольку придется говорить главным образом о работе потребительской кооперации, коснуться и общих вопросов.

Вопросы эти, по-моему, таковы: вопрос о путях развития нашей промышленности – достаточен ли темп развития легкой промышленности, достаточна ли выработка у нас товаров широкого потребления, чтобы на будущую заготовительную кампанию сделать запасы и не строить такие броски, как это мы делали в нынешнюю кампанию; вопрос о политике цен на промышленные и с/х товары; вопрос о соотношении цен в группе с/х товаров, вопрос о заготовительной политике вообще, а не только о хлебозаготовительной политике; вопрос о товароснабжении деревни; об отношении к заготовкам потребительской и сельскохозяйственной кооперации; о методах регулирования заготовок и рынков и о правах регулирующих организаций.

Я должен отметить, что для нас, для потребительских организаций, вопрос о хлебозаготовках стоит не только с точки зрения того, сколько заготовить, но для нас стоит и другой вопрос: поскольку на нас непосредственно возложена задача снабжения, в какой мере мы можем снабдить наши рабочие районы и нашу потребляющую периферию.

На наши заготовки и на результаты их в значительной мере нынче повлияла та политика, которая установилась на местах к заготовительной работе потребительской кооперации. Та политика, которая проводится на местах, имела, к сожалению, своим источником постановление СТО от 25 февраля 1927 г.[25] Я не буду цитировать всего постановления СТО, укажу только на следующее: в пункте «в» сказано, что «заготовки (потребительской кооперации товаров для потребления) проводить на основе договоров, заключаемых с с/х кооперацией». С/х кооперация сейчас же написала статьи в «Правду» и в «Известия», что мы-де единственные заготовители в деревне, что потребительская кооперация со всяких заготовок снимается.[26] Этого с/х кооперация усиленно добивается все время. Но путем наших усилий это постановление СТО было изменено постановлением СТО от 29 апреля 27 г. Мы имеем такое видоизменение этой формулировки прав потребительской кооперации на заготовку: «Заготовки производить как через сельскохозяйственную кооперацию, **так и в порядке непосредственных заготовок аппаратом потребительской кооперации**»[27].

Таким образом, потребительская кооперация, согласно постановления СТО от 29.IV.27 г., заготовляет продукты и через с/х кооперацию, и непосредственно своим заготовительным аппаратом. Но эта путаница в постановлениях имела свои большие последствия. Во всяком случае, сельскохозяйственная кооперация помнит только первое постановление, но не помнит второго, от 29.IV. Так, Сталинградский губернский кооперативный совет, когда печатал постановления, касающиеся кооперации, второе постановление даже совсем не поместил в своем сборнике.

Эта неправильная формулировка постановления от 25.III.27 г. сказалась и на заготовительной работе, и на заготовках хлебопродуктов.

Предварительно же я должен указать ряд цифр, свидетельствующих, что мы снабжаем потребительскую периферию и рабочие районы всеми видами с/х продук-

тов по-преимуществу путем собственных заготовок: по хлебу на 67%, по яйцам на 65%, по топленому маслу снабжаем на 72% продуктами собственных заготовок. По мясу наши центральные рабочие кооперативы заготовляют 68% всей своей потребности, картофеля – 15% потребности, капуста – 48%, огурцы – 62%, прочие овощи – 68%.

Косиор. «Прочих» нет, и капусты нет, и картофеля нет. (С м е х.)

Любимов. Да, прочих еще нет.

Сейчас же получается такое положение, что, поскольку с/х кооперация создала свой Птицеводсоюз[28], постольку считает, что все курицы ею уже кооперированы (с м е х) и потребительская кооперация ни в какой мере не может заготовлять яйца. Местные организации, губисполкомы, губкомы, там, где мы имеем заготовки по районам и губерниям в 60% (как, например, в Воронежской губернии в прошлом году), считают необходимым снимать нас с заготовок по маслу, по яйцам, а в ряде организаций снимали с заготовок по хлебу.

Мы считаем, что на заготовительной роли по хлебу потребительской кооперации чрезвычайно отразились эти установки. В первое время, в первый период нам всюду сокращали заготовительную сеть, сократили ее примерно на 40% от всей заготовительной сети. Кстати, о нашей сети представления несколько преувеличены. Мы считаем, что у нас, кроме Украины, примерно 5 тысяч заготовительных пунктов, на Украине около 4 тысяч. А когда считают их огромное количество, то обыкновенно считают те заготовляющие общества, которые сами никаких ссыпных пунктов не имеют, а работают для соседнего пункта на станции, на пристанские пункты, на элеваторы. Это дает совершенно неправильное представление о нашей сети. Ряд организаций вынесли постановление о запрещении сдавать п.о. амбары, склады там, где имеется пункт с/х кооперации, не разрешали открывать пункт потребкооперации, а разрешали Хлебопродукту. Ряд зажимов привел к тому, что потребительская кооперация недостаточно развернула свою заготовительную сеть и играла в первый период недостаточную роль в заготовках.

Во второй период кампании, когда встал вопрос о том, что надо изжить создавшийся кризис в хлебозаготовках, когда предоставлена была потребительской кооперации полная возможность развернуть свою работу, она играла в заготовках не 26–27%, как это было в первом полугодии, а в январе-феврале ее роль была до 44,3% от всех заготовок.

Но, к сожалению, несмотря на такую огромную роль потребкооперации, выразившуюся в удельном весе ее заготовок, ряд организаций не сделали того надлежащего вывода, который нужно было сделать. У Наркомторга и Хлебопродукта (роль которого в заготовках чрезвычайно снизилась) мы имели установку, имели линию, правда, не нашедшую одобрения и не представленную сюда, чтобы потребкооперацию (как Хлебопродукт проектировал в своих записках) снять с заготовок или оставить на первое время, на год-два, а всю заготовительную работу возложить на сельскохозяйственную кооперацию. Мы считаем, что потребкооперация во всей своей заготовительной работе и в хлебной работе должна работать еще долгие годы. Мы считаем, что нам должна быть дана, с точки зрения государственной, твердая установка, что мы будем работать без всякого ущемления, без опасений, что нас каждый год будут регулировать, сокращать, ибо у нас есть свой технический аппарат, соответствующее оборудование, есть кадры, которые работают. Мы должны иметь твердую установку, что на ряд лет мы работаем по хлебозаготовкам, по маслу, по яйцам и по другим предметам потребительского значения, иначе вообще никакая работа немыслима.

Мы считаем, что сейчас никакая одна организация с хлебозаготовками не справится, и в деревне сельскохозяйственная кооперация с этими заготовками не справит-

ся. Наши организации и наш аппарат являются более разветвленными, могущими с большим успехом принять хлеб, наш актив является более подготовленным, более многочисленным, способным к проведению широкой кампании среди крестьянства по привлечению его хлеба; наш актив является рабоче-крестьянским активом, в большей мере орабоченным, чем актив сельскохозяйственной кооперации. И с точки зрения политической, и с точки зрения политики цен на сельскохозяйственные продукты, потребительская кооперация всегда проводит линию на такую цену, которая, соответствуя должной оплате продукта крестьянина, вместе с тем всегда стремится провести возможно низкие цены, приемлемые для города. Мы всегда встречаемся здесь с противоположной позицией сельскохозяйственной кооперации. Возьмем хотя бы вопрос о яйцах и о других продуктах, когда мы отстаивали понижение цен, непомерно вздувшихся, а с/х кооперация, будучи в основном крестьянской организацией, во всех случаях отстаивала наиболее повышенные цены.

В вводной части резолюции о хлебозаготовках написано следующее: «Как государственные, так и кооперативные организации не обнаружили единства выступления на рынке, был расчет, что хлебозаготовки автоматически будут давать положительный результат».

Это верно вообще в отношении тех установок, которые сложились, но нужно сказать, что такая установка была и у основного и единственного руководителя этих хлебозаготовок, у Наркомторга. Тут Наркомторг не раз везде заявлял, что «хлебозаготовками мы овладели», «с хлебозаготовками мы справимся». Такие заявления мы слышали и на заседании ЦК, и на заседании СТО, и на Политбюро. Эти заявления были, по-видимому, мягко выражаясь, несколько более оптимистичными, чем нужно. Также были чрезвычайно оптимистичными и другие заявления – относительно снабжения. Мы, потребители и потребительская кооперация, всегда расцениваем положение (не знаю, знаем ли мы его лучше или хуже, чем Наркомторг) во всяком случае не в столь розовых красках, как расценивает Наркомторг. Мы неоднократно слышали заявление тов. Микояна о том, что «в масле подсолнечном мы вас выкупаем». Не знаю, придется ли нам с тов. Микояном ждать времени, когда нас в луже выкупают, весною или осенью, а наших низовых работников в этих лужах купают уже и обливают их в достаточной мере, как следует и как нужно.

Теперь я должен отметить еще ряд положений, которые повлияли неблагоприятным образом на развитие заготовительной кампании.

Мы оказались осенью без достаточного количества товаров в деревне. В деревню завозилось примерно 43% от общего количества, а остальной товар распределялся по рабочим, городским и другим районам. Этого количества товаров оказалось совершенно недостаточно, и потом, уже в порядке чрезвычайно спешном, товары стали завозиться в усиленном количестве в хлебозаготовительные районы. Созданная в это время комиссия по рабочему снабжению у нас, у потребительской кооперации и у некоторых организаций, в значительной мере снижала возможность проведения мер по осуществлению усиленного снабжения деревни, да, кроме того, потребительская кооперация лишена каких бы то ни было маневренных возможностей по переброске товаров вместо одного района в другой.

Надо отметить, что Наркомторг во время уже развернувшихся заготовок повысил кондиции на хлеб, вследствие этого понизилась во многих районах и сама цена на хлеб. Это положение и это мероприятие, проведенное НКТоргом, являлись одним из моментов, определивших первую заминку подвоза хлеба крестьянами. Разница в цене выражалась примерно от 3 до 6–7 коп. на пуде. Крестьянин понял это как прямое понижение цены на хлеб, и с этого момента, как отмечают работники по хлебозаго-

товкам, в значительной мере приостановилась подвозка хлеба, тогда как на другие продукты, например на яйца, не считалось возможным, даже после позднейшего обсуждения этого вопроса, понизить цены.

Принятыми сообща мерами партийных и советских организаций, мобилизацией всего партийного, советского и кооперативного актива заготовки двинулись и развернулись в широком масштабе. Здесь, конечно, приходится отметить, что наши заготовительные организации, и потребительские в том числе, были к этой работе также недостаточно подготовлены. Они недостаточно подготовлены были к приему и распределению товаров; недостаточно были подготовлены к столь быстрому темпу заготовительной работы. В связи с завозом товаров наша периферия оказалась даже в затруднительном положении, ибо процентное соотношение завоза таково: если в октябре завоз в деревню составлял 43% от всей товарной массы, то в январе он составлял примерно 82% всей товарной массы по мануфактуре, по другим товарам до 70%. Завезено было на нашу заготовительную периферию примерно на 65–70 млн. товаров больше, чем предполагала она завезти по плану. А одновременно с этим осенью как раз были изъяты значительные средства из потребительской кооперации по банковскому кредитованию, и около 28 млн. было изъято по промышленному кредитованию по генеральным договорам. Таким образом, наша периферия оказалась в затруднительном финансовом положении. Наша периферия вынуждена была накопить значительные остатки. Если принять остатки райсоюзов на 1 декабря за 100%, то в феврале они были 152%, в марте 171%, по первичке в марте остатки составляли 130% в отношении к октябрю. В нашей периферии по промышленным товарам получилось затоваривание.

Что касается работы во втором периоде кампании, то работа была развернута в полной мере, но и здесь оказался для наших организаций целый ряд препятствий. [Один из пунктов резолюции, которая предлагается здесь, пункт 2-й, является отражением создавшегося положения.] Основное мероприятие, которое стало проводиться регулирующими организациями, помимо общего стремления увеличить заготовки хлеба, заключалось в том, чтобы повысить во что бы то ни стало заготовку Хлебопродукта. Если взять заготовки Хлебопродукта как такового на своих пунктах, то они от всех заготовок составляют ничтожную часть, примерно 10–11%.

Стремление органов НКТорга заключается в том, чтобы во что бы то ни стало повысить удельный вес Хлебопродукта, увеличить его заготовки путем передачи ему хлеба, заготовляемого кооперативной первичкой.

Заготовляемый хлеб потребительская первичка [она гонит хлеб] должна была сдавать на элеваторы, на станции, на пристанские пункты, [но ей приходится сдавать его] в счет Хлебопродукта, а не в счет кооперативного заготовителя, которому этот хлеб привезен. История здесь заключается в том, что ведь наши организации, районные союзы, обязались перед своим губсоюзом вывезти и сдать определенное количество хлеба, они на заготовку его и деньги от райсоюза получили. Между тем, если они везут на элеваторы, то в элеваторах значительная часть хлеба засчитывалась не за этими союзами, не за счет этих потребительских обществ, а сваливалась в общий котел, и затем по средней, установленной в начале года норме происходило распределение между заготовителями, ссыпающими хлеб на элеватор.

Вот что получилось, скажем, в Самарской губернии: роль кооперации, которая ссыпала на элеваторы Хлебопродукта, выражалась в 46% от всех заготовок, а доля в элеваторе была установлена лишь в 22%. По Саратовской губернии роль в заготовках хлеба, который был привезен на элеваторы, составляла 25,5%, а по норме на них зачислялось только 20%. Итак, всюду и везде такое положение.

Ставилась задача не только увеличивать во что бы то ни стало заготовки, а поми-

мо того, чтобы во что бы то ни стало фигурировал Хлебопродукт с большим процентом хлебозаготовок. Это создавало такое положение, когда кооперативные заготовители, вместо того чтобы везти хлеб на расстоянии 20 верст на элеватор, везли его на станции на свои заготпункты, на расстояние 25 верст.

Тов. Микояном благодаря позиции, созданной для Хлебопродукта, было проведено еще одно мероприятие, неблагоприятно отразившееся на хлебозаготовках, – это мероприятие о так называемых путевках. Когда началась кампания по оживлению хлебозаготовок, наш кооперативный актив бросился по селам и деревням вести агитацию и направлять крестьян для подвоза хлеба; там они выдавали путевки членам кооператива, а иногда выдавали и не членам кооператива. Весь привезенный в элеваторы по путевкам хлеб должен был записываться за кооперативом, давшим путевку. Между тем дальше предприняты были шаги, чтобы во что бы то ни стало запретить выдавать путевки не членам кооператива. Кроме того, Наркомторгом было приказано, что каждый член кооперации должен, везя хлеб на сдаточный пункт, иметь при себе кооперативную членскую книжку, а если таковой нет, он обязан был везти заменяющий ее документ. В телеграмме НКТорга предлагалось: «всему советскому аппарату, всем уполномоченным элеваторов, исполкомам, волисполкомам, сельсоветам проверять выдачу путевок, фиксировать случаи злоупотреблений, немедленно предавать виновных суду» и т. д.

Мы считаем, что в такой период, когда заготовки только что начали развертываться, важно было, чтобы крестьянин вез хлеб и с путевками и без путевок, и как член и как не член кооператива. Но раз кооперация сагитировала крестьянина и выдала ему путевки для сдачи хлеба на элеваторы, хлеб должен быть записан в счет потребительской кооперации. Раз хлеб привезен на элеватор, он находится все равно фактически в распоряжении государства, в распоряжении Наркомторга, который дает наряд на этот хлеб, а организации, в том числе Центросоюз и Вукоспилка, направляют его туда, куда прикажет НКТорг. Приказы-телеграммы о путевках были несомненно ошибочными.

Я хочу сказать еще о [знаменитой] телеграмме тов. Микояна из Тамбова, она, вероятно, всем известна[29]. [Я не буду приводить подробности этой телеграммы, потому что она товарищам известна по тем мероприятиям, которые фактически потом не проводились, которые оказались во многом мероприятиями нецелесообразными.] В ней предлагался ряд мероприятий, которые были затем частью отменены и частью видоизменены. В телеграмме предлагалось установить натуральный обмен товаров на хлеб, вводились репрессивные меры даже в тех случаях, когда все мероприятия по усилению заготовок будут приняты, а перелома в заготовках все-таки нет. Предлагалось, в частности, установить неустойку за недопоставку хлеба для всех низовых кооперативов, хотя они работают на комиссионных началах, предлагалось, чтобы все пайщики за невыполнение сдачи хлеба несли материальную ответственность.

В результате всего оживления хлебозаготовительной работы потребительская кооперация имела следующий удельный вес в заготовках: за первое полугодие она имела 26,4% от всех заготовок, в январе – 40,7%, в феврале – 44%, в марте – 43,4%, за год весь удельный вес – 34,6%. А всего потребкооперация, Центросоюз, МСПО и ВУКС на 1.IX заготовили 222,7 млн. пуд. хлеба, Хлебоцентр и Сельгосподарь[30] – 173,9 млн. пуд. Все заготовки потребительской кооперации с начала заготовительного года – 34,6%...

Г о л о с. Объясни, что такое за Сельгосподарь.

Любимов. Сельскохозяйственной кооперации – Хлебоцентра вместе с Сельгосподарем – 27,4%, Хлебопродукта – 24%, а если считать его собственные заготовки, своим аппаратом, то нужно считать примерно 10,5%.

Я должен отметить, товарищи, здесь еще ряд мероприятий регулирующего харак-

тера и административного порядка, которые принимались Наркомторгом и регулирующими организациями в отношении наших кооперативных организаций.

Я не скажу и никто не будет утверждать, что не было в этих организациях разгильдяйства, что была в работе должная установка. Потребительская кооперация оказалась также не подготовленной к работе в должной мере, и на нее также нужен был нажим.

Но, по-видимому, наша организация в этом отношении пострадала в большей мере, чем другие, а ряд ответственных работников, в частности член правления Северо-Кавказского краевого сельсоюза тов. Тищенко и зам. пред. хлебного управления Центросоюза тов. Неймарк, подверглись публичному выговору особым приказом тов. Микояна. Мы считаем, что репрессивные меры в отношении наших работников, возможно, нужно было применять, но считаем, что НКТорг превысил свои полномочия, ибо ему не дано права никакими постановлениями выносить публичные выговоры кооперативным организациям и кооперативным работникам.

Г о л о с а. А под суд отдавать они могут?

Любимов. Под суд могут. Кооперативная организация является общественной организацией, и после того, как был объявлен публичный выговор ее работникам, сейчас же в общих иностранных и кооперативных газетах это было понято как подтверждение их утверждений, что у нас нет кооперации как общественной организации, а кооперацией распоряжается НКТорг. Тот же выговор объявил бы сам Центросоюз, если бы НКТорг довел до сведения Центросоюза о всех обнаруженных недочетах, да по рассмотрении дела правлением этот выговор и был объявлен, и не одному работнику, а всему хлебному управлению.

Каганович. Выговор с кооперативным приветом?

Любимов. Надо, чтобы кооперативные организации сами приняли соответствующие меры, чтобы они сами подтянулись, когда им укажут на недочеты и упущения, а не администрировать со стороны.

Остановлюсь на тех моментах предлагаемой резолюции, с которыми потребительская кооперация не согласна и в отношении которых вносятся нами поправки. Мы вносим поправку к пункту 2, раздела IV «практических организационных мероприятий». Здесь сказано, в конечном счете, что потребительская кооперация как единая заготовительная система на хлебозаготовительном рынке остается. Было бы совершенно странно и невозможно, и Политбюро не пошло по этой линии, которую предлагал в начале Наркомторг и другие заготовительные организации, было бы совершенно невозможно и с государственной точки зрения преступно снять с заготовительной работы организацию, которая в последнее время заготовляла до 44% всего хлеба в нашей стране. Это значило бы только дезорганизовать заготовки.

Но, признавая такое положение потребкооперации, оставляя ее как основного заготовителя, этот пункт все-таки нас совершенно не удовлетворяет, ибо здесь получается, что весь заготовляемый хлеб сдается на пристанях, на пристанционных пунктах, элеваторах и мельницах Союзхлеба. Между тем у нас есть свои элеваторы, свои мельницы, свои пристанские и пристанционные пункты, на них мы должны иметь право также вести заготовки. Кроме того, такое предложение о сдаче всего хлеба Союзхлебу выносится только в отношении потребительской кооперации. Мы предлагаем создать полное равенство в отношении потребительской и сельскохозяйственной кооперации, а именно, что за потребительской кооперацией и за сельскохозяйственной кооперацией остается право основных заготовителей, ведущих работу как на глубинных пунктах, так и на своих элеваторах, на пристанских и пристанционных пунктах, поскольку тов. Микоян в разговоре заявил, что нет предположений отнимать мельницы и элеваторы у потребительской кооперации.

Значит, за нами должно быть оставлено право заготовлять хлеб на своих пунктах, где у нас есть кооперативные организации, оставляется право заготовок на свои элеваторы и мельницы, право завозить хлеб на свои пункты. Мы вносим, как первую часть второго пункта, нижеследующее предложение: «Потребительская и сельскохозяйственная кооперация остаются как основные заготовители, ведущие работу как на глубинных пунктах, так и на своих элеваторах, мельницах, пристанских и пристанционных пунктах».

Что касается второго пункта, мы предлагаем его изменить, и тогда получится следующая редакция: «В отношениях между государственной заготовляющей организацией (Союзхлебом), с одной стороны, и кооперативными заготовителями (Центросоюз и ВУКС, Хлебоцентр и Сельгосподарь) – с другой, выработать и провести в жизнь систему генеральных договоров, согласно которой часть хлеба, заготовляемая и сдаваемая этими организациями на элеваторы и мельницы Союзхлеба (в районах определенного радиуса), поступает в распоряжение последнего».

Таким образом, там, где есть заготовительные пункты Союзхлеба – элеваторы, мельницы, пристанские пункты, пристанционные пункты, там хлеб сдается на элеваторы Союзхлеба, но не весь целиком, а часть хлеба, которая идет непосредственно по общесоюзному плану на общесоюзные нужды.

Мы считаем, что это предложение необходимо принять, чтобы создать возможность для работы наших организаций, оставить заинтересованность наших организаций в этой работе. Ибо у нас есть целое хозяйство: заготовки, элеваторы, мельницы, на которых мы перемалываем хлеб и отправляем на периферию для снабжения рабочих и др. потребляющих районов. Мы перемалываем примерно около 35% всей потребности в муке на своих собственных мельницах, и тот хлеб, который идет на нужды потребления, незачем сдавать союзному органу с тем, чтобы от него вновь получить тот же самый хлеб, который мы сдали.

Затем мы вносим еще две поправки. Одну, касающуюся роли Наркомторга в отношении кооперации, в пункте 3-м, абзац 2-й. В пункте 3 конкретных предложений 4-го раздела есть указание на усиление и всемерное укрепление кооперации, как потребительской, так и сельскохозяйственной. Мы предлагаем сделать следующее добавление: «В этих целях считать целесообразным усиление внутрикооперативного планирования и регулирования и устранение администрирования со стороны Наркомторга и его органов в отношении кооперативных организаций».

Мы считаем, что те взаимоотношения, которые имеются у Наркомторга с кооперацией, что эти взаимоотношения, установленные Наркомторгом в отношении кооперации, являются нездоровыми отношениями, которые понижают самодеятельность кооперации, которые понижают общественное начало кооперации. Мы считаем, что такое добавление нужно сделать.

Мы, кроме того, считаем, что нужно пойти навстречу заявлениям москвичей относительно заготовительной работы МСПО. Мы считаем, что МСПО, поскольку оно потребляет огромные массы хлеба – 65 млн. пуд., должно иметь твердую уверенность и иметь своих представителей, которые бы по соответствующей заготовительной сети помогали и толкали работу по хлебозаготовкам. Мы считаем, что МСПО должны быть предоставлены средства для поддержания работы своих заготовок и образования хлебных запасов.

Из всего мною сказанного вытекают нижеследующие выводы.

В хлебозаготовительную кампанию 28–29 года необходимо оставить 3-х основных заготовителей: потребкооперацию, с/х кооперацию и Союзхлеб.

Создать для заготовителей, и в том числе для потребкооперации, нормальные условия работы, без всяких ущемлений и зажимов.

Образовать для заготовительной кампании необходимые товарные запасы и обеспечить потребкооперации соответствующее финансирование для заблаговременного завоза этих товаров на места.

Провести заблаговременную подготовку к развертыванию хлебозаготовительной кампании – как со стороны хлебозаготовителей и хлебозаготовительного аппарата, так и со стороны партийных и советских организаций.

Вот те основные замечания, которые я считал необходимым сделать.

Председатель. Слово имеет т. Эйхе.

Эйхе. Тов. Микоян сказал, что сибиряки протестовали против резкого нажима. Я утверждаю, что это ошибка, никто из сибиряков никогда против резкого нажима не протестовал. Если сибиряки протестовали, то по двум вещам. Во-первых, против того неправильного освещения хлебозаготовительной кампании, которое дает аппарат Наркомторга и продолжает давать из месяца в месяц. Если присмотреться к тому освещению, которое Наркомторг дает о хлебозаготовительной кампании в Сибири, то должно создаться впечатление, что Сибирь не только не заготовляет, а никто из них палец о палец не ударил для того, чтобы мало-мальски двинуть дело вперед. И у каждого, кто читает центральную печать, должно такое впечатление создаться.

И второй момент, на котором я хочу остановиться, – насчет заданий. Дача заданий оправдалась полностью хлебозаготовительной кампанией. Дача заданий Наркомторгом в край и в низовые органы оправдалась этой кампанией. Но, мне кажется, это правильное положение в некоторых случаях аппаратом Наркомторга было совершенно неправильно применено и принесло государству немалый вред.

Остановлюсь на мартовском задании по Сибири. Если мы в феврале месяце, месяце наилучшем в ходе заготовок, когда мы развили максимальный нажим, когда применяли 107 ст. в довольно широком размере к явным кулакам, мы заготовили 20 млн. пуд., а на март нам тов. Микоян дал задание заготовить 21 млн. пудов, то я думаю, что каждый, кто знаком с ходом хлебозаготовок в Сибири в прежние годы, скажет, что такое задание там невыполнимо. Это связано с тем, что мы дискредитируем саму систему заданий. Когда это задание доходит до низового заготовителя, то ему ясно видна явная абсурдность задания, и это в его глазах дискредитирует саму систему заданий. И второе – это сопряжено одновременно с тем, что мы вынуждены готовить транспорт также по заданиям абсурдным, которые являются невыполнимыми. Нам нужно приготовить транспорт, вагоны, держать паровозы и вагоны на определенных участках, распределенных по невыполнимым заданиям, и, конечно, это народному хозяйству обходится не в один десяток тысяч рублей. Вот против чего мы протестуем – и мы вправе протестовать против такого подхода.

Я должен сказать несколько слов о том, как проходила кампания по Сибири. Мы, конечно, с раскачкой, как и в других местах, запоздали, и запоздали очень надолго.

Косиор. Говорят, что больше, чем в других местах.

Эйхе. Может быть, я согласен с вами. Я только хочу указать, что сейчас, когда мы взялись основательно за хлебозаготовки, нам удалось в довольно значительной степени выполнить директивы. На 1 апреля мы выполнили задание годового плана в размере 84%.

Гольцман. А до 1 февраля сколько взяли?

Эйхе. Я по месяцам не могу сказать, но на 1 апреля мы выполнили 84% годового задания. Если учесть то, что в Сибири примерно первая половина апреля будет заго-

товительным периодом, а также учесть, что со второй половины мая до конца июня продолжается заготовительный период, то я думаю, что выражать такие сомнения, какие выражает аппарат Наркомторга и центральная печать в отношении хода хлебозаготовок в Сибири, – неверно.

Нужно обратить внимание на другой момент, на тот, что нельзя судить только по проценту выполнения заданий. Надо учесть удельный вес каждого района в кампании. Я приведу удельный вес хлебозаготовок в Сибири в общем плане хлебозаготовок Наркомторга. Мы видим такую картину, что Сибирь составляла в 25/26 году 6,6% удельного веса. В 26/27 году мы имеем 8,9%, а в этом году на 1 марта по сравнению с общими заготовками мы по Сибири заготовили 10%. Отсюда что мы видим? Мы видим, что Сибири план был дан с большей напряженностью, чем целому ряду других районов. Я не хочу сказать, что Сибирь плана не выполнит, мы принимаем все меры к этому и думаем, что нам удастся выполнить план полностью, но нельзя, когда даешь такой напряженный план, требовать, чтобы мы до окончания заготовительного периода имели стопроцентное выполнение. Легко иметь стопроцентное выполнение, когда вместо полной нагрузки дают половинную нагрузку. А тов. Микоян, освещая разные районы, вот этот подъем удельного веса совершенно не учитывает и нигде об этом ни словом не заикнулся, не говорил.

Майоров. Раньше мало давали.

Эйхе. Тов. Майоров, ты заготовлял раньше в Сибири, почему не брался заготовлять больше? – тогда, наоборот, ты брыкался и говорил, что тебе дается слишком большая нагрузка.

Какие причины того, что хлебозаготовки в первое время шли очень слабым темпом? На некоторых причинах тов. Микоян сам остановился, отчасти подчеркнул их тов. Любимов. Я вынужден в двух словах конкретно указать на них по нашему району, я укажу на то бестоварье, которое мы имели в первом квартале. Если сравнить товарные запасы всей товаропроводящей сети на 1 октября 27 года с предыдущим годом, то имелось только 30% товарных запасов по сравнению с предыдущим годом. Это показывает то недоснабжение, которое было в Сибири в первом квартале текущего года, все вопли в аппарате Наркомторга не встречали никакого отзыва, никакого увеличения завоза не было дано. План первого квартала был установлен минимальный. В то же самое время этот минимальный план завоза не выполнили, те товары, которые предполагалось завести в ноябре-декабре, мы получили в январе. И думать, что при таком товароснабжении можно было успешно вести хлебозаготовительную кампанию, – совершенно неверно.

Второй момент, на котором я хочу остановиться, это на тех ошибках регулирования, как на местах, так и в центре, которые выявились. Я укажу на разрыв цен между разными продуктами, которые мы имели. Возьмите мясо, у нас в этом году целый ряд районов мяса заготовили на 300–400% больше, чем в прошлом году. Почему это получилось? Получилось потому, что цены на мясо были установлены такие, которые стимулировали выкачку мяса в ущерб хлебозаготовкам. В этом отношении можно очень много курьезных примеров привести. Возьмите знаменитый кедровый орех, который является второстепенной статьей экспорта, и, кажется, довольно убыточной статьей. Мы в этом году имели хороший урожай орехов, несмотря на это, цена была установлена более высокая, чем в прошлом году, когда был неурожай на орехи.

Эти ошибки регулирования, планирования, установления цен, это, несомненно, дало свой отрицательный результат на хлебозаготовки.

Косиор. А вы где были?

Эйхе. Я не хочу сказать, что в этом виноват только Наркомторг. В этом и наша ви-

на, в том, что мы несвоевременно и недостаточно резко ставили этот вопрос. Мы эти вопросы ставили, и мы об этом говорили, но мы, может быть, недостаточно резко и громко заявляли об этом – и в этом наша вина.

Тут уже говорили о понижении цен, которое было произведено. Должен сказать, что в этом году проделали в начале кампании очень непонятную для крестьян реформу, заключающуюся в том, что мы, еще не привыкшие за эти годы к знаменитым приплатам за качество, заставили крестьянина перейти на новую систему, на систему, которая фактически снизила цены, причем грань так резко построена, что является непонятной для крестьянина махинацией. Вот, скажем, за зерно с 17% влажностью ему платят 80 коп., а за зерно с $17^1/_4$% – 72 коп., таким образом, за $^1/_4$ мы штрафуем на 8 копеек. Фактически этот переход на классы, который не был согласован нигде с местами, который был проведен очень неправильно во время развернувшейся кампании, дал снижение цен – и это был один из моментов, который при слабом ходе кампании являлся дополнительным толчком к большей задержке хлеба.

Теперь о товароснабжении. В январе начали усиленно забрасывать товары. Но на что я должен обратить внимание – это на то, что при этом товары аппаратом НКТорга забрасываются, совершенно не считаясь с местами, с нашими указаниями, куда товары нужно завозить. И теперь мы переживаем результаты – так сказать, похмелье после этой заброски товаров.

Возьмите такой округ, который тов. Косиор должен хорошо знать, – Рубцово[31]. Туда забросили большое количество галош. (С м е х.) Никто там в галошах не ходит, и возможности такой там не имеется. Там такая грязь, что сапоги стягивает с ног, а тов. Микоян забрасывает туда галоши. Эти галоши лежат мертвым грузом на местной кооперации.

Г о л о с. Их можно перевезти.

Эйхе. Перевозка стоит очень дорого. Когда мы добивались того, чтобы НКТорг согласовывал с нами план завоза, чтобы завозка производилась по нашему плану, то НКТорг категорически в этом нам отказал. Мы имели по этому поводу большую переписку с НКТоргом, который считал, что из кабинета НКТорга гораздо виднее, куда и какие товары нужно завозить, чем нам на местах. Нам теперь очень трудно рассасывать эти товары, и на это требуются дополнительные расходы.

Заодно надо сказать несколько слов о тех условиях расчета за товары, которые установлены. Во второй квартал произведено резкое ухудшение условий расчета для нашей товаропроводящей сети по ряду товаров. По ряду товаров сокращен срок кредитов, увеличен процент наличного расчета. Это привело к тому, что мы по Сибири много товаров вынуждены получать почти за наличный расчет. Товар в пути до Сибири находится 30–35 дней, срок кредитов настолько сокращен, что мы получим товары за наличный расчет. С такими условиями расчета наша товаропроводящая сеть не может справиться, мы переживаем большое напряжение – и ту установку, которая была верна, когда мы развертывали хлебозаготовки, чтобы заставить нашу товаропроводящую сеть побольше средств выкачать из низовки, эта установка остается правильной и для дальнейшего, но ее нужно приспособить к реальным условиям каждого района, чтобы мы не перегибали палку, чтобы не уравнивали отдаленные районы, куда товар идет в течение 30–35 дней, с районами, куда товары доходят в 10 дней. Условия расчета должны быть приспособлены к рынку, а не проводиться механически по всем районам СССР.

Отдельно – поскольку здесь говорили уже об ошибках регулирования – я должен сказать, что наше регулирование и планирование, конечно, за эти годы сделало большой шаг вперед, и тов. Любимов неправ, когда он говорит, что тов. Микоян не должен

объявлять выговора кооперации. Так подходить нельзя. У нас кооперация и наш заготовительный аппарат достаточно расхлябаны, достаточно много там недостатков, и надо к нему подойти несколько пожестче, и зря тов. Любимов боится, когда объявили выговор его плохим работникам. Я думал, что тов. Любимов будет здесь доказывать, что выговор по существу был неправильно объявлен, тогда было бы понятно быть в претензии, но раз по существу он объявлен правильно, то я думаю, что тов. Любимов зря спорит и зря боится этого нажима.

Сейчас задача всей партии, всей партийной организации заключается в том, чтобы максимально укрепить нашу кооперацию, подбросить новых работников в низовку, укрепить ее, потому что во время хлебозаготовительной кампании мы убедились, что в этом звене у нас очень и очень плохо наши директивы выполняются.

Я должен сказать, что во многих местах мы переадминистрировали. Вот конкретный пример по Москве. Недавно ввели конвенцию на зубные щетки. Оказывается, зубные щетки потребовали, чтобы на них тоже выработали конвенцию. Я думаю, что от этого и производство зубных щеток не увеличилось, и работа не улучшилась. [Это я приводил как пример извращений.] От этого переадминистрирования нам нужно отказаться.

Несколько слов, товарищи, насчет дисциплины. Тов. Микоян говорил, что надо ввести дисциплину. Это правильно. В этом отношении у нас много было неувязок, каждый старался накоплять себе запасы. Но об одном надо, товарищи, сказать: мало того, чтобы требовать образцового выполнения нарядов, – надо, чтобы тов. Микоян давал такие наряды, которые были бы целесообразны. Должен вам сказать об одном нашем столкновении с аппаратом Наркомторга. У нас в Сибири выращивается (земельники об этом должны знать) пшеница «Ное», чистосортные семена, которые улучшают наше хозяйство, которые специально приспособлены к сибирскому климату. Этих чистосортных семян у нас очень немного, и мы должны были под большим нажимом Наркомторга, получая очень грозные телеграммы из аппарата Наркомторга, вывезти на Украину 300 тыс. пудов чрезвычайно ценного для Сибири семенного материала, который Украина, судя по газетной заметке, помещенной в «Правде», перемолола и прекрасно съела, обездолив сибирского мужика, [отобрав чистосортные семена,] а потом признав, что эти семена для Украины не годятся. Я считаю, что эти факты, факты перебоя в аппарате, должны быть изжиты. От нас требуют дисциплинированности, аккуратности выполнения нарядов, но я надеюсь, что мы также вправе требовать от Наркомторга более продуманной дачи нарядов, чтобы не отбирались ценные, приспособленные для Сибири чистосортные семена и не перебрасывались на Украину, где их перемалывают.

Два слова о теперешнем положении в деревне и о тех настроениях, которые имеются в деревне, в связи с той кампанией, которая проходила у нас. После введения нэпа мы впервые проводили такую кампанию и такой нажим. Что мы видим теперь в деревне, есть ли какая-нибудь большая отдача [как выражаются в деревне]? Должен сказать, что в первое время наши мероприятия встречали очень много шума, очень много слухов в деревне. Я знаю по тем письмам, которые писались из деревни красноармейцам, насколько деревня была встревожена, причем кулачество особенно старалось тут мутить, старалось всячески подбавлять эти слухи. Письма, которые писались красноармейцам из деревни, были сплошным воплем, но когда мы провели разъяснительную кампанию, разъясняли в печати, разъясняли в своих выступлениях, против кого направлены наши мероприятия, то мы можем сказать, что письма, которые в большом проценте шли из деревни тревожного характера, изменили свой тон, и эти письма теперь пишутся в спокойном тоне. Какой вывод можно сделать отсюда [, присматриваясь к теперешнему положению]? Мы видим, что кулак, на которого мы

повели резкий нажим, пытался привлечь к себе середняка, пытался опереться на середняка. Это ему не удалось, иначе такого изменения, судя хотя бы по тому конкретному факту на письмах, которые мы имели, нам бы не удалось получить. Но мы видим также и по другим фактам, что середняк кулака не поддерживает. Я думаю, что это есть лучшее подтверждение, лучшая проверка той линии, которую дал XIV съезд, на изоляцию кулака[32]. Если бы нам пришлось проводить эту кампанию такими мероприятиями до XIV съезда, до политики изоляции кулака и союза с середняком, нам не удалось бы это провести. Теперь нам это удалось, потому что линия партии, которая была дана XIV съездом, которую мы не сполна еще провели и в проведении которой имеется еще много недостатков, все-таки дала очень положительные результаты.

Рыков. В отношении нашем к работникам государственных органов и к кооперативным работникам есть какая-нибудь разница?

Эйхе. Нет, я не считаю, что есть такая разница, как говорил тов. Любимов, что вот крестьянин хлеб дает кооперативным работникам, а государственным не желает давать. Едва ли. У нас есть другое. [Если отвечать на вопрос.] Наши государственные заготовители поставлены в такие рамки, что не имеют права, не имеют возможности высунуть нос из своего заготовительного пункта. Конечно, если кооперация находится рядом, в деревне и еще применяет ряд незаконных мер в смысле переплаты (имейте в виду, что сдача хлеба в деревне означает переплату на подвоз), когда эти мероприятия применяются, тогда у кооперации процент заготовок больше. [Я много говорю, и здесь можно проверить, что] в том, что [вы получаете] кооперация в этом году заготовила большой процент хлеба, поверьте [в этом] мне, она очень мало [ваших заслуг] повинна.

Председатель. Слово имеет тов. Милютин.

Милютин. Товарищи, я хотел бы в своей речи обратить ваше внимание на три вопроса в дополнение к тому докладу, который сделал тов. Микоян. Эти вопросы следующие: первый вопрос, который перед нами стоит в связи с хлебозаготовками: **насколько хлебозаготовки повлияли на хлебные ресурсы**, имеющиеся в настоящее время у крестьянства? Второй вопрос – это **оценка методов**, с помощью которых мы произвели перелом в ходе хлебозаготовительной кампании в феврале месяце. И третий вопрос, не освещенный, к сожалению, в докладе тов. Микояна, – это **вопрос о социальных сдвигах**, которые произошли в деревне, для которых хлебозаготовки и ход хлебозаготовительной кампании несомненно явились показательными.

По первому вопросу я, не останавливаясь на том цифровом материале, который тов. Микоян здесь привел, хотел бы указать только на следующие характерные показатели. Основное, конечно, заключалось в том, что крестьянству, примерно в первый квартал нынешнего года, было невыгодно продавать хлеб. Основное заключалось не в нашей экономической политике, которая была правильна, а в тех ошибках планирования, которое мы намечали. Из этих ошибок я бы указал на две крупнейшие. Во-первых, на то, что у нас не было твердой политики цен. Цены, установленные в июле, снизили в сентябре, и, как тов. Микоян здесь отмечал, в самый нужный момент, в октябре-ноябре, деревня была оголена от промтоваров. Вместе с этим экономическое положение деревни дало возможность крестьянину продажей не хлеба, а других сельскохозяйственных продуктов получить в смысле денежной массы, в смысле средств больше, чем в прошлом году, примерно на 100 млн. к 1 января. Характерные в этом отношении цифры: в прошлом, 26/27 г, крестьянство хлебопродуктов на 1 января продало на 369 млн. руб., а в нынешнем году продало на 272 млн. Зато прочих с/х продуктов оно продало в прошлом году на 273 млн., а в нынешнем году 419 млн. руб. Хлеб у крестьянина явился валютой, которую он накоплял, причем играло роль отме-

ченное тов. Микояном обстоятельство в смысле расхождения цен на хлеб, на технические культуры и на сырье, что стимулировало для крестьянина необходимость придержать этот хлеб в качестве валюты. Если я не ошибаюсь, я по памяти должен привести, индекс на хлеб был 108, а на технические культуры и сырье 120 и доходил даже до 150. Вот эта разница, вот эти обстоятельства, если их учесть, открывают картину, **почему крестьянство не сдавало хлеб**.

В январе, как вы знаете, произошел резкий перелом. В феврале кривая устремляется вверх, и тут очень интересный результат изъятия хлеба у крестьянства.

Если мы возьмем ресурсы хлебные, ресурсы крестьянина в прошлом году, и возьмем хлебозаготовки в прошлом году до января месяца, если мы возьмем отношение хлебозаготовок к ресурсам крестьянина и такую операцию произведем для нынешнего года, то получим крайне показательные данные. По районам в прошлом году отношение ценности плановых заготовок с/х продуктов к ресурсам деревни было следующее: по Украине 37% составляли хлебозаготовки к ресурсам крестьянина, в нынешнем году это соотношение составляет 27%; по Северному Кавказу в прошлом году – 40%, в нынешнем году – 22%, т. е. в два раза меньше; по ЦЧО – в прошлом году 26%, в нынешнем году – 16%; по Средне-Волжскому району – в прошлом году 21%, в этом году 11%; по Уралу – в прошлом году 20%, в нынешнем году 16%; по Сибири – в прошлом году 26%, в нынешнем году 12%; по Казахстану – в прошлом году 22%, в нынешнем году 18%. Вы видите, как здесь соотношение между хлебозаготовками и ресурсами крестьянства в нынешнем году и в прошлом году резко разнится. Затем, на 20 марта, картина опять меняется, и получается совпадение соотношения хлебозаготовок к ресурсам крестьянства. **На 20 марта по Украине**, где мы имели в прошлом году 44% и в нынешнем мы имеем 44%, по Северному Кавказу – мы имели 46%, имеем 39%, по ЦЧО имели 36%, имеем 35%, по Уралу – имели 33%, теперь имеем 38%, в нынешнем году даже большее соотношение, по Сибири – имели 40%, теперь 36%, по Казахстану имели 36%, теперь 36%.

О чем это свидетельствует? Это свидетельствует о том, что в смысле экономическом **перегиба в хлебозаготовках не было**, и **о** том, что **крестьянин входит в новый хозяйственный год с большими хлебными запасами, чем это было в прошлом году**. [Это тут, кажется, на какой-то диаграмме, было показано, теперь я этой диаграммки почему-то не вижу. Там верхнее зеленое и красное показывает на 1-е января, а внизу показывает на 20-е марта.] Вот вывод, который нам крайне ценен для хлебозаготовок будущего года.

Должен сказать, что, по-видимому, учет посевной площади в предстоящем году будет более затруднен, чем в прошлом году. Проверка данных экспертного совета[33] и хлебозаготовок показала, что данные экспертного совета оправдываются, но в нынешнем году необходимо с особой тщательностью произвести учет посевной площади, от учета которой в конечном счете будет в значительной степени зависеть и учет хлебных ресурсов в деревне.

Я два слова скажу по поводу того, что контрольная проверка по ряду губерний показала, что процент скрывания площади равняется иногда от 16 до 70%. Когда проводится контрольный обмер посевной площади или с помощью фотоаэросъемки, а потом проводится сравнение с теми данными, которые получаются путем опроса крестьянина, то неверность показаний иногда колеблется от 16 до 70%. Бывают такие неверные показания. Это было по Саратовской губернии, это было по Кавказу.

Теперь, товарищи, на второй вопрос относительно **методов хлебозаготовок**. Ясно, что решающим явился следующий момент: экономические мероприятия, заключавшиеся в переброске промтоваров в деревню. Это первое. По нашим данным, что-

то миллионов на 200 было больше переброшено товаров в деревню. Это примерно на 50% выше установленного плана. Вот это первое мероприятие.

Вторая мера, которая повлияла на ход хлебозаготовок, – это изъятие денежных средств у деревни с помощью сельскохозяйственного налога, с помощью самообложения, с помощью Госстраха, с помощью займов. Таким образом, по некоторым данным, за сравнительно короткий период у деревни было изъято примерно до 120 миллионов. Это мероприятие стимулировало спрос деревни на промтовары и стимулировало выбрасывание хлеба на рынок.

И кроме того, те административные мероприятия, о которых здесь уже говорилось. Вот об административных мероприятиях я бы и хотел сказать два слова. В тезисах, представленных здесь нам, целая глава посвящена извращению нашей политики на местах. Извращение, несомненно, было. Извращение было, и, вероятно, каждый из товарищей с мест, который будут выходить на эту кафедру, приведет немало такого рода извращений. Но что, по-моему, упущено в тезисах, что, мне кажется, необходимо нашему объединенному пленуму ЦК и ЦКК подчеркнуть с полной ясностью и определенностью, – это то, что партия безусловно спасла наше экономическое положение. Спасла наше экономическое положение – иначе мы бы стояли уже в январе перед необходимостью импорта хлеба из-за границы. В этом нужно с полной ясностью отдать отчет. В течение кратчайшего времени был произведен перелом. И наряду с отрицательными явлениями, с извращениями, искажениями и т. д., нельзя забывать этого крайне показательного факта, и это необходимо, мне кажется, отметить. Вот об этом я хотел бы подчеркнуть и в тезисах, и в той резолюции, которую мы здесь будем принимать.

И, наконец, о социальных сдвигах. Хлебозаготовительная кампания, несомненно, это показала и показывает сейчас, – и результаты этого скажутся в будущем году в смысле социальных сдвигов в деревне, которые мы тоже не должны недооценивать, а на которые должны посмотреть открытыми глазами. Что сейчас происходит в деревне? Надо дать ответ на два вопроса: в какую сторону произошел сдвиг, и можно ли ожидать обострения классовой борьбы в деревне? Сдвиг, мне кажется, произошел в деревне в смысле поднятия сейчас роли бедняцко-середняцких масс. Во-первых, посевная площадь в нынешнем году и распределение посевной площади будут иными, чем в прошлом году. Можно ожидать роста посевной площади со стороны бедняцкой маломощной массы и значительной массы со стороны середняцких масс. Но, с другой стороны, мы должны ожидать сокращения посевной площади со стороны кулацких частей. Трудно сейчас пока сказать в этом перекрещивающемся влиянии двух факторов, на какой стороне окажется перевес. Мы еще пока не имеем...

Молотов. На нашей, наверно.

Милютин. Тут в смысле урожайности трудно сейчас сказать. Мы будем иметь учет примерно в июне месяце насчет посевных площадей, когда можно будет сказать приблизительно. Здесь только можно иллюстрацию привести. Вот приехал статистик, известный самарский Баскин. Он говорит: по Самарской губернии прироста посевной площади можно ожидать примерно на 20% (ш у м в з а л е). Это огромный прирост, причем характерен именно рост бедняцко-середняцких посевных площадей.

С другой стороны, из Одесского округа идут сведения относительно сокращения посевной площади. На Кавказе (вы можете это судить уже по прессе) идет сокращение кулацких хозяйств, сокращение инвентаря в кулацких хозяйствах, так что мы будем иметь переплетение этих двух процессов. Затем в нынешнем году произойдет перераспределение с/х инвентаря. Это несомненно.

И в третьих, нам в силу этого для определенного регулирования процесса посев-

ной кампании, процесса уборки несомненно необходимо будет дать соответствующим образом направление нашей кредитной политики, финансовой помощи и процессом нового подъема производственных масс деревни овладеть. Сейчас коллективизация благодаря целому ряду льгот и т. д. будет расти, но здесь же есть опасность: если мы с соответствующими организационными мероприятиями не сумеем овладеть этим процессом, то, возможно, будем иметь целый ряд таких недостатков, недочетов, ошибок и т. д., которые в значительной степени могут затормозить этот процесс. Вот это обстоятельство необходимо самым серьезнейшим образом учесть для того, чтобы изжить те ошибки, которые у нас были, и обеспечить те перспективы, которые перед нами стоят.

Председатель. 10 часов, еще одного оратора, может, выслушаем?

Г о л о с а. Нет! Нет!

Председатель. Итак, завтра в 10 часов утра.

ЗАСЕДАНИЕ ВТОРОЕ

Утро, 7 апреля

Председатель (Рыков). Объявляю утреннее заседание открытым. Слово имеет тов. Яковлев.

Яковлев Ал. В свое время ЦК нашей партии, давая директивы местным организациям хлебозаготовительных районов[34], указывал, что в наших руках находится достаточно рычагов воздействия на то, чтобы хлеб у нас был, и что весь вопрос в нашем неумении и в нашей безрукости в деле использования этих самых рычагов. И вот при организации следующей хлебозаготовительной кампании этот момент должен быть выпячен немного более, чем это имеет место в тезисах. В разделе III этих тезисов мы читаем: «Пленум считает, что по мере ликвидации затруднений в хлебозаготовках экстраординарные мероприятия, вызванные этими затруднениями, должны потерять свою силу».

Это несколько неясно, и ряд местных работников спрашивает себя: можно ли **такими** методами в **будущем** году брать хлеб? На этот вопрос тезисы должны дать ответ, что не только нельзя этого делать, но нужно принять своевременно все меры, чтобы не нужно было этого делать.

Косиор. Это не совсем ясно.

Яковлев. Но это будет яснее, чем сказать заранее, что экстраординарные меры просто автоматически потеряют свою силу. Это увеличит нашу бдительность при подготовке к следующей хлебозаготовительной кампании.

Когда в тезисах отмечаются извращения, которые имеются на местах, нельзя обойти молчанием того факта, что в ряде случаев этим перегибам содействовала – мягко выражаясь – малодеятельность центральных советских республиканских органов в деле дачи тех или иных директив по тем или иным кампаниям.

Приведу пример самообложения. Как этот вопрос проходил? В августе 1927 г. был издан союзный декрет о самообложении. До января 1928 г. ни РСФСР, ни Украина не издали своих республиканских декретов. 2 января был издан украинский декрет, и 6 января пришлось несколько выправить этот декрет уже в Политбюро ЦК Украины, чтобы привести его в соответствие с той задачей, которую ставила себе партия в деле изъятия по этому самообложению средств от населения. В РСФСР дело обстояло еще хуже. 8 января был опубликован декрет, в котором было сказано, что не выше 35% от с/х налога надо брать по самообложению. Потом появилась инструкция Наркомфина о том, что можно этот процент повысить уже до 50%, а ведь декрет о максимуме в 35% от с/х налога подписан правительством РСФСР. Затем появилась поправка к союзному декрету, что по ходатайству местных губисполкомов можно повысить процент от с/х налога и свыше 35%. Наконец, появилась поправка к декрету РСФСР о том, что губисполкомы могут сами по ходатайству волостей и районов повышать самообложение. Но на вопрос о том, нельзя ли повысить размер самообложения, нам отвечали, что, мол, волости и районы не ходатайствуют об этом.

Еще бы, разве можно было найти такой район, который ходатайствовал бы, чтобы самообложение ему повысили. Вот неувязки, которые мы имели в этом деле. Благодаря этому отчасти местные органы вынуждены были проводить многое наспех, хотя от этого сами ошибки и извращения не перестают быть таковыми и должны быть осуждены.

Я хотел остановиться еще на вопросе относительно экономических мероприятий в деле организации хлебозаготовительной кампании на следующий год, о чем говорится в разделе III. Очевидно, центр тяжести будет сводиться к тому, чтобы экономическими мероприятиями увеличивать самую валовую продукцию и ее товарную часть. В этом деле роль контрактации недостаточно освещена. Тут говорится: констатируя увеличение размера авансов, выдаваемых крестьянству по контрактации, ЦК поручает Политбюро принять все меры к обеспечению роста посевных площадей вообще, посевных площадей под зерновыми культурами в особенности. Между тем к контрактации зерновых культур мы еще вплотную не подошли, а к этой проблеме надо подойти. Здесь надо заранее сказать, что контрактация отнюдь не означает только выдачу авансов. Смешно было бы думать, что осенью в разгар хлебозаготовок можно выбрасывать дополнительные средства в значительных размерах для авансирования озимых посевных площадей.

Контракт-договор, например, который заключается с земельным обществом[35] на засев чистосортными семенами, – разве обязательно должен быть обусловлен денежным авансом? Ничего подобного. Достаточно при этом снабжение посевщиков семенами.

Семена, которые государство дает, оно может выдавать, обусловливая в ряде случаев, чтобы соответствующее количество хлеба из ближайшего урожая было сдано государству. Все мероприятия по линии машинизации деревни, по линии снабжения семенами, по линии снабжения с/х кредитом, мероприятия по технической реконструкции с/х, по его машинизации и по переустройству самих форм с/х производства на основе коллективизации должны быть через посредство контрактации увязаны с мероприятиями по содействию как расширению посевной площади под зерновыми культурами, так и, главным образом, по повышению их урожайности, обеспечивая за государством получение хлеба после урожая. Вот этот момент нужно подчеркнуть в тезисах.

Наконец, вопрос об организации хлебозаготовительного аппарата. Я думаю, что здесь есть большая недоговоренность. Основное отличие этой хлебозаготовительной кампании от других заключается в том, как правильно вчера отметил тов. Микоян, что кооперация выдвинулась на первый план и обнимает 3/4 всех заготовок. Несмотря на то, что были приняты меры к увеличению заготовок государственного аппарата, все-таки его удельный вес падает.

Надо нашим кооператорам указать, что та сумма преимуществ, которые государство предоставило кооперации: сосредоточение с/х кредита и производственного снабжения по линии с/х кооперации, сосредоточение снабжения промтоварами в руках потребкооперации, кооперативные доплаты, заготовка в глубинных пунктах и т. д., – вот все то, что выдвинуло кооперацию на первый план в этой хлебозаготовительной кампании.

(Р е п л и к а Л ю б и м о в а н е с л ы ш н а.)

Тов. Любимов, я тут не согласен с вами, именно в том, что вы выходите и говорите, что если вы, мол, нас устраните с заготовок, так это вообще вещь невозможная. Мы, тов. Любимов, оба с вами кооператоры, я бывший кооператор, вы настоящий кооператор. Когда XV съезд нашей партии в резолюции по работе в деревне предусмат-

ривал дальнейшее повышение удельного веса кооперации за счет госорганов, в этой резолюции было подчеркнуто, что это расширение работы кооперации должно проводиться при обязательном обеспечении интересов государства и при непосредственном контроле и руководстве кооперацией со стороны государства[36]. А что получилось в этом году? Централизованный орган пролетарской диктатуры, хотя и работающий с некоторыми бюрократическими извращениями, Хлебопродукт, мы заменяли нецентрализованным и негосударственным аппаратом – кооперацией. Алексей Иванович не случайно вчера задал вопрос тов. Эйхе: а служащий кооперации – то же самое, что и служащий государственных органов? Как служащий он через биржу труда может перейти от госоргана к кооперации и обратно. Но не в том же дело. Мы имеем меньше способов воздействия на кооперацию, чем на Хлебопродукт. Хлебопродукту прикажешь скорее, чем кооперации. А наша кооперация в отношении выполнения директив государства не всегда оказалась, мягко выражаясь, на высоте. [Именно потому, что кооперативные заготовки и промышленные товары в массе своей сосредотачивались в глубинных пунктах.] У них манипуляций с ценами было сколько хотите, были переплаты в глубинных пунктах, за которыми наблюдать труднее, чем за пристанционными пунктами, элеваторами и т. д. Я могу указать на следующий пример. Я участвовал в работе тов. Молотова в хлебозаготовительных районах[37] [т. е. цены на тех пунктах, где есть посты командных высот пролетарской диктатуры и откуда надо танцевать. От этого мы не отвернемся. Конечно, можно сказать, что тов. Микоян переадминистрировал]. Мы натолкнулись на ЕПО «Смычка» при станции Пришиб Мелитопольского округа. Там в корешке ордеров ЕПО никаких отметок ни о натуре, ни о сорности, ни о влажности зерна не делалось. ЕПО переплачивало сдатчикам, и при сдаче хлеба по конвенционным ценам это товарищество потерпело убытки. Тогда нашелся райсоюз, который эти убытки этому товариществу возместил. Что же – терпимо такое положение? Есть ли это единичный факт? Не следует ли из этого, что если аппарат кооперации встал на первое место в хлебозаготовительном вопросе, то он должен как следует проводить нашу политику цен? Конечно, нельзя здесь сейчас устанавливать для ближайшей кампании цены на хлеб. Пленум ЦК этого теперь не может сделать. Но что вопрос о ценах, об отправных ценах, о пристанционных, элеваторных и вопрос о глубинных пунктах и о контроле за их работой должен быть поставлен как наиболее важный вопрос – это несомненно.

<u>В связи с этим надо поставить вопрос о структуре кооперативного хлебозаготовительного аппарата</u>. Ведь что такое ЕПО? Главное дело у него лавка, а хлеб – побочная работа. С/х товарищества торгуют, кроме хлеба, кишками, шерстью, маслом, льном, всем чем хотите они занимаются, а специализированный государственный аппарат отходит на задний план, и мы передаем заготовки универсальному аппарату, у которого никогда четкости в работе не добьешься. Поэтому, если, с одной стороны, мы берем линию на то, что потребкооперация будет смыкаться в низших звеньях с органами Союзхлеба, то по линии с/х кооперации надо резче поставить вопрос относительно специализации ее хлебной работы и соответствующей специализации ее аппарата сверху донизу. В тезисах ничего об этом не сказано. Тов. Микоян мне говорил: «Все по линии с/х кооперации остается как было. Специализация с/х кооперации – вопрос решенный». [Извините, вы ставите вопрос в общем разрезе кооперации, но, когда говорят о хлебозаготовках, мы должны прямо сказать, что это дело назревшее.] Между тем многие работники удивлялись, как это так, почему о с/х кооперации сказано только одно: усилить кадры с/х кооперации и потребительской кооперации. Это далеко не достаточно, тем более что в цифрах тов. Микояна имеется неточность – 25% от общей суммы заготовок заготовила с/х кооперация

только по линии централизованных заготовок, а то, что заготовила низовка, это не учитывается. Между тем на Украине и по другим основным хлебозаготовительным районам с/х кооперация стоит на первом месте. Какие выводы? Выводы такие, что надо эту с/х кооперацию специализировать, а работу всех видов кооперации так поставить, чтобы план государства был для нее обязательным, чтобы на ценах она не комбинировала в обход установленных цен, и тогда не будет жалоб на объявление выговоров. Главное – не выговоры, они теряют силу, когда станут сплошным явлением. Нужно, чтобы кооперация знала, что государственные наряды и цены есть вещь для нее обязательная, чтобы кооперация не ссылалась на «кооперативный привет», когда надо направить зерно в соответствующие районы по государственному плану...

Любимов. Не затаскивайте слов «кооперация» и «кооперативный привет» – это не так плохо.

Яковлев. И чтобы работа кооперации была поставлена более четко, чем это имеет место сейчас, иначе нам пришлось бы расширять работу государственного хлебозаготовительного аппарата, за счет кооперации идти вспять, потому что мы не можем поставить под угрозу правильное и бесперебойное снабжение рабочих масс и Красной Армии.

Председатель. Слово имеет тов. Постышев.

Постышев. Я хочу обратить внимание только на некоторые вопросы. Прежде всего, нужно согласиться целиком и полностью с тов. Микояном, что дальше так заготовлять хлеб, как мы его заготовляем в этом году, безусловно нельзя. Говорить о причинах, почему нельзя продолжать так заготовлять хлеб, не надо: все прекрасно знают и понимают вред таких методов заготовок. Прежде всего, все кампании, которые мы проводили, скучились: взимание недоимок по налогам, платежи по кооперации, затем самообложение и крестьянский заем – все это можно было бы провести в порядке более спокойном, и тогда крестьянство усвоило бы и поняло необходимость и полезность для него и займа, и самообложения. А такое форсирование озлобляет крестьянство и безусловно окрыляет всех наших врагов, которые имеются на селе. Задергали и поставили в крайне тяжелое положение партийные организации, которые на протяжении этих трех месяцев выдержали на себе всю тяжесть заготовки. Задергали безусловно и кооперативный аппарат, и хлебозаготовителей, и, наконец, основная работа, которую нужно было проводить парторганизации, тоже ослаблена. Поэтому отказаться от этих методов работы безусловно необходимо. Принудила нас заготовлять хлеб таким порядком крайняя необходимость, потому что страна очутилась в чрезвычайно тяжелом положении. Но, чтобы избегнуть таких методов заготовок, надо сейчас предусмотреть **все**, и, по-моему, нужно было бы больше останавливаться не на том, как мы заготовляли хлеб, а на том, во-первых, как будем заготовлять хлеб в будущем, как сейчас будем налаживать хлебозаготовительный аппарат, чтобы он сам справлялся своевременно с этой задачей, и, во-вторых, с чем мы придем к новой хлебозаготовительной кампании. В докладе тов. Микояна этот вопрос чрезвычайно слабо был отмечен, выступающие товарищи тоже не особенно останавливались на этом. Хлебозаготовительный аппарат мы сейчас хорошо изучили, в советском аппарате тоже вскрыли целый ряд недостатков. В этом отношении хлебозаготовительная кампания сыграла колоссальную роль и многому нас научила. Надо будет все эти недочеты сейчас упразднить. Но ведь не только это играет важнейшую роль в предстоящей хлебозаготовительной кампании. Очевидно, нужно будет учитывать и другое: что мы дадим крестьянину, когда мы дадим ему, чем мы располагаем. Вот эти вопросы нужно будет сейчас лучше проработать.

Товарищи говорили о срывании цен. Если мы эти срывы не упраздним заблаговременно, то опять будем стоять перед затруднениями. Вот одна из причин срыва цен: цена, исправленная на ячмень, срывала нам заготовку жита, срывала заготовку пшеницы, потому что крестьянин никогда не видел такой цены на ячмень, которая была выше жита и почти что равнялась пшенице. И на этот путь нас толкнула нужда, не было ячменя на семена, пивные заводы могли остановиться. Как-то у нас вышло не вовремя с надбавкой на ячмень – нельзя таким образом срывать основную работу. То же с контрактацией на технические культуры, на свеклу и картофель. Цены на картофель устанавливаются такие, которые срывают контракты на свеклу, потому что оказывается, что у спиртных заводов недостаток картошки. Надо посевную площадь картошки расширять, давай повышать условия контракции, естественно, крестьянин начинает стремиться к посадке картошки и сокращает посевной клин свеклы, крестьянин делает, что ему выгоднее, а нам нужна и свекла, и картошка. И мы никак не можем эти недочеты учесть, чтобы одно необходимое дело не срывало бы другое, такое же нужное и такое же необходимое дело.

Последнее. Мы все еще в крестьянском хозяйстве, как в темном лесу. Вот здесь выступал тов. Милютин, который руководит у нас статистической работой, он тоже ничего твердого не сказал, как нам в конце концов разобраться в крестьянском хозяйстве, от чего начинать, как подходить.

Возьмите хлебозаготовки – мы не знали, Наркомторг не знал, где и сколько хлеба у мужика, хлебозаготовительный аппарат тоже не знал, где есть хлеб, в каком количестве. Когда мы стали нажимать, то выявилась такая картина: где Наркомторг говорил, что хлеба нет, там его оказалось большое количество. И планы Комвнуторга были опрокинуты. Теперь, сталкиваясь с посевной кампанией, мы имеем ту же самую картину, мы не знаем, сколько и где пересева, недосева, куда нужны семенные материалы, какие семенные материалы нужны и сколько и т. д. – мы точно не знаем. Сельсовет дает одно, райисполком дает другое, окружное земельное управление дает третье, агроном дает четвертое, Наркомзем дает пятое – выбирай любое. Надо, в конце концов, чтобы такая серьезная работа, как хлебозаготовки, посевная кампания, технические культуры и вообще все крестьянское хозяйство, не было темным лесом, надо нам, в конце концов, выйти из этого темного леса, чтобы мы в нем не блуждали. А мы сейчас там на ощупь работаем, особенно это плохо, когда нас прижмет необходимость, когда мы стоим перед той или иной угрозой, трудностью и прочее.

Отсюда главное, и ошибки и недочеты, недочеты в кооперации, в хлебозаготовительном аппарате и у нас; все эти недочеты и ошибки объясняются тем же. Надо из этого положения выйти, тогда мы не будем стоять перед теми трудностями, перед которыми мы стояли с хлебозаготовками.

Председатель. Слово имеет тов. Кубяк.

Кубяк. Я думаю остановить ваше внимание на вопросе, по которому здесь сделал замечание тов. Милютин, ибо это замечание тов. Милютина может явиться весьма опасным моментом к осени, при составлении хлебофуражного баланса. Тов. Милютин заявил, что деревня в этом году выходит с бульшим количеством запасного хлеба, чем в прошлом году. Это неверно, потому что во многих районах мы заготовили хлеб старых запасов. Возьмите Самару, Саратов, Башкирию, Казахстан и ряд других губерний, там мы заготовляли хлеб старого запаса. [Статью 107 мы применяли на хлеб старого запаса. Нужно иметь ввиду, что в некоторых местах подвели под гребенку весь хлеб.] Вот почему мне кажется, что совершенно опасно и вредно выступать с цифрами, которые жизнью опровергнуты. Мне кажется, что, конечно, запасы хлеба в деревне есть, всего мы не забрали, но осталось отнюдь не больше того, что было, ибо

если бы осталось больше, то по статье 107 мы забрали бы это, ибо хлебозаготовки, или план хлебозаготовок еще не выполнен. (С м е х.)

Второй вопрос – тов. Постышев говорил о том, что нужно нам, когда мы говорим о деревне, знать эту деревню, что нужно, чтобы Наркомторг, Наркомзем и другие организации знали бы деревню. Конечно, нужно знать деревню. Ведь относительно кулака сколько мы писали резолюций, а когда в отношении кулака нужно было применить ст. 107, то губком, уком, волостной партийный и советский аппарат стали ходить по дворам и искать этого кулака. [Изрыли всю деревню – не нашли этого кулака.]

В чем же дело? Неужели у нас действительно кулака нет? А дело в том, что мы только занимались разговорами [и не занимались учетом]. Я не знаю, насколько партийные и местные организации воспользовались случаем, когда они прошли по деревне для того, чтобы применить свою 107 статью, проверяя выявление кулака, и взяли на учет деревню. Поскольку укомы и губкомы искали кулака там, на месте, у себя в деревне, – конечно, НКТоргу труднее его знать, он дальше от деревни.

Замечание тов. Милютина о том, что в резолюцию нужно обязательно вставить пункт, что партия справилась с задачей хлебозаготовок, это нужно, мол, для внешнего мира, для Европы. Ничего подобного. Для чего это нужно, кто сомневается в том, что партия умеет справляться? Никто не сомневается. Партия за 10 лет доказала, что она умеет справляться, умеет строить социализм. Нужно ли нам еще подтверждение пленума? Конечно, не нужно. [Пленум сам себе лишний раз выносить подтверждение не должен.]

Замечание тов. Любимова о том, что кооперация заготовила больше хлеба, и если бы не помешали, заготовила бы еще больше. Он говорит, что кооперативный актив в этой заготовке настолько почувствовал необходимость забрать хлеб, что он побежал в деревню и начал вести агитацию за хлеб и выдавать путевки. Не так, тов. Любимов, было. Я говорить про это не буду и доказывать этого не буду, потому что здесь сидят товарищи, которые каждый день на практике видят, как выдавались путевки. [Корешок путевки не заполнялся, отправлялся ваш председатель кооперации в деревню со своим соседом-попутчиком, которого забирал с собой, и говорил, что мы там получим накидку кое-какую от хлебного пункта. Записывал в эту путевку попутчика, едущего с ним. Ну, были и курьезные случаи – в пивных путевки выдавались. Были случаи.] Так что нужно сказать, что кооперативные организации обоих видов для того, чтобы заготовлять хлеб, устраивали безобразия; говорили: если ты не сдашь нам хлеб, мы тебе не дадим товара, не будешь давать хлеба, не дадим машин, кредита и т. д. Конечно, при таком административном нажиме, когда мужик все-таки зависит от нас, у нас смычка города и деревни на фронте снабжения деревни – весьма серьезное дело. Конечно, мужик вынужден везти вам.

Здесь тов. Любимов говорил о том, что серьезная причина или одна из серьезных причин срыва хлеба – это, мол, промтовары. Если бы были промтовары, то не было бы этого срыва, не было бы необходимости сокращать хлебозаготовки и т. д. Это абсолютно неверно. Промтовары имели значение и имеют значение, но главная причина – это цены. Мы имели районы, где промтовары были, правда в недостаточном количестве. Я был в Татарской республике, в Чистополе, там в кооперации были товары, хлеб мужик вез, нельзя сказать, чтобы он задерживал, но вез не к нам, а частнику, который платил дороже. Поскольку основная причина – это цена на хлеб, постольку здесь нужно принять соответствующие меры на будущее. В одной части резолюции, предлагаемой пленуму ЦК, в части сокращения заготовителей, имеются предположения, что в будущем году мы можем сократить конкуренцию, но все-таки, мне кажется, недостаточно. Мельтрест остается как самостоятельный заготовитель, значит, у нас остается

четыре основных заготовителя: два вида кооперации, мельницы и Хлебопродукт. Правда, Центросоюз будет передавать свои заготовки Хлебопродукту, но он будет передавать их не за хорошенькие глазки тов. Лобачева, а он будет их передавать за известный процент, и для того, чтобы получить этот известный процент, для того, чтобы поддержать свою систему как действительно подготовленную к хлебозаготовительной работе, к хозяйственной работе, они будут пытаться также заготовить больше хлеба. А для того, чтобы заготовить больше хлеба, раз будет такое стремление, они будут так же конкурировать, как они конкурируют сейчас, а конкуренция является государственной возможностью. Вот эта знаменитая бонификация на сорность, влажность и т. д. Ну как в деревне заведующие лавкой могут определить сорность? Ну, сорность на глаз они увидят, а влажность? Я был на заготовительных, мельничных глубинных пунктах. Говорят: такая-то кондиция, такая-то цена. Как ее проверять? Трудно ее проверять. Мельник на зубок берет зерно и определяет, какая в нем влажность. Поэтому на почве этой бонификации имеется абсолютнейшая возможность в размере 20 коп. в некоторых районах конкурировать, переплачивать, недоплачивать и т. д., а тем паче на мельницах, когда крестьянин привезет свой хлеб, как вы его проверите? Мельник его покупает, ссыпает в сушку или в яму.

Как определяют качество? Хлеба привозит крестьянин 20–30 возов. Они берут по одному мешку с воза, берут по щепотке этого зерна, определяют сорность, влажность по одному мешку с одного воза и говорят, что хлеб такой-то. Мне кажется, что нужно в этой части проделать соответствующие какие-либо изменения. Я не знаю, какие. Можно перейти к методу установления разрядов: первый, второй разряды и больше, не прибегая к этим самым кондициям.

Несомненно, товарищи, тут имеются причины, которые нужно учесть на будущее. Во-первых – политика цен, разрыв цен на зерновые культуры и на животноводческие культуры. А во-вторых, Наркомторг в прошлой кампании слишком запоздал с ценами. В июле и августе заготавливали хлеб, цены слишком были высоки (например, в Татреспублике), а в сентябре дают другие цены, не учитывают того, что в позапрошлом году хлеб был хуже, в этом году лучше, а цены на 12 коп. на хлеб в Татреспублике в нынешнем году Наркомторг дал ниже. В августе татработники собирали хлеб по ценам, кажется, 92 коп. за лучший хлеб. А в прошлом эта же самая цена была на худший хлеб, а в сентябре они сразу вынуждены были сократить цену на 12 коп. Конечно, мужик не повезет, Наркомторг слишком запоздал с твердым планом заготовок. Он долго тянул, дискутировал с местами, твердости решений не было у него самого, и местные организации не знали, какие будут планы, и всюду дискуссировали, что план такой-то не годится. Мы в губернии, в крае собрать не можем. Нужно его сократить, и нужно иметь в виду, что дискуссия цен в ряде мест продолжалась тоже. Я был в январе, сейчас же после директивы ЦК, на местах и видел, что губернские комитеты, областные организации, совнаркомы республик обсуждали вопрос о повышении цен, рассылали секретные циркуляры по своей периферии о том, что они перед Москвой поставили вопрос о повышении цен. Разве мужик этого не знает? Ведь разговоры в Совнаркоме о повышении цен отражаются в деревне. Деревня настораживается, ожидает, хлеб задерживает, не везет. Такие моменты весьма опасны, и они несомненно могут и будут отражаться при любой обстановке на хлебозаготовках нехорошо.

И во-вторых – мельничные цены. Тут с мельничными ценами происходит самое настоящее безобразие. Правда, нужно на мельницы установить цену выше, чем на глубинном заготовительном пункте, чтобы не переплачивать при перевозке зерна, это верно. Но когда вы устанавливаете цену на мельницы на 7 копеек выше и при этом иногда на таком расстоянии, что рядом заготовительный пункт и мельница, тут же

около базара, а мужик привезет на базар, то разве мужик будет разбираться в вашей политике? Он поймет это так, что вот мы нажали, сразу не повезли нам и прибавили. Нажмем еще больше – нам еще больше прибавят.

Кроме того, Наркомторг, по крайней мере тов. Вейцер, несколько раз давал то одну цену, то другую. Безобразие с этими мельничными ценами творилось. А мужик есть мужик, он за копейку повезет за сотню верст. А если ему на том же базаре дают 7 копеек лишних, что же вы его, дураком, что ли, считаете? Он говорит: подождем еще, дадут больше. Вот таким образом мы сами тормозили, сами застопорили хлебозаготовительную работу.

Еще одно замечание: тов. Микоян говорил, что накладные расходы хлебозаготовительных организаций низки, что в кооперации накладные расходы выше, а их ниже. Это абсолютно неверно. Я с карандашом в руках поинтересовался проверить эти цифры, и оказывается, что в губернском городе для того, чтобы привезти хлеб с базара на мельницу, причем мельница примерно в версте от базара, и высыпать в мельничную яму – пуд ржи обходится в две копейки.

И последнее замечание. Тов. Микоян [здесь провозгласил, что мы крестьянам даем молоть летом, берем с них страховку, а потом им вернем, если у них случится пожар. Я думаю, если деревня будет гореть, то она не будет богатеть от того, что получит деньги. Во-вторых,] говорит, что дали 32 млн. пудов семян. Ну что ж – это хорошо, что дали 32 млн., но в сравнении с тем, что мы закопали в землю, это чистые пустяки, 32 млн. против 600. И затем о системе кредита на семена. Тут такие манипуляции производились. Мы провозгласили на всю страну, что 717 млн. отпускается крестьянству для кредитования. А мы сейчас вынуждены на 50 млн. эту сумму сократить или из какого-то резерва эти 50 миллионов покрыть. Значит, нереальный план, значит – надуманные, нереальные цифры были утверждены для сельского хозяйства.

О посевной кампании тов. Милютин утверждал, что в Самарской губернии предполагается увеличение посевной площади на 20%. Сейчас посевная кампания еще не начиналась, но из разных материалов, из разных источников мы думаем, по крайней мере в Наркомземе имеется твердая уверенность, что кое-какое увеличение, на 3–5%, будет в посевной площади. Но вопрос не только в размерах, а в том, чтобы увеличить урожайность. [А говорить об урожайности нельзя особенно положительно, потому что семена, которые рассылались на места, были некондиционными.] Мне кажется, в предложения, внесенные пленуму ЦК, нужно внести вопрос о твердости и ясности (упразднив бонификации и т. д.) цен на хлеб.

Председатель. Слово имеет тов. Шверник.

Шверник. Товарищи, тезисы Политбюро с исчерпывающей полнотой дают анализ происходивших затруднений в области хлебозаготовок и вполне правильно намечают пути развития работы в предстоящую хлебозаготовительную кампанию. Я позволю себе несколько остановиться на той практике, которая у нас за последнее время имела место на Урале. Так, например, если мы возьмем и сравним плановые заготовки 1926/27 года с 1927/28 годом, то мы будем иметь их рост по всем сельскохозяйственным продуктам за 5 месяцев 1927–28 г., по сравнению с 1926/27 годом, до 115,6%. Притом плановые заготовки сырья и скоропортящихся продуктов за те же 5 месяцев возросли до 156%, а хлебозаготовки всего лишь составляют 88,4%. Индекс цен вскрывает нам такое же явление. Если взять 1924/25 год за 100, то мы имеем индекс в первом квартале 1927/28 года по хлебу 94,3. А по сырью и скоропортящимся продуктам 130,5%.

О чем это говорит? Это говорит о том, что вопрос о ценах у нас был поставлен в течение этой хлебозаготовительной кампании не совсем правильно: мы стимулирова-

ли сдачу продукции животноводства, технических культур тем, что платили за них очень много, я бы сказал, неимоверно много, и тем самым мы задержали выбрасывание на рынок хлеба. Совершенно ясно поэтому, если присмотреться к количеству заготовляемых продуктов, что зерновые культуры за этот период значительно отстали по сравнению с прошлым годом. Я думаю, что нам надо было бы сделать следующий вывод по этому вопросу. Надо, не повышая цен на хлеб, отрегулировать цены по животноводству и техническим культурам так, чтобы устранить имеющийся большой разрыв между ценами на хлеб и другими видами сельскохозяйственной продукции. Но установить такие цены, чтобы они могли стимулировать дальнейший рост развития технических культур и животноводства. Это – проблема, которую мы должны разрешить, прежде чем приступить к новой хлебозаготовительной кампании. Если мы эти цены не отрегулируем и они будут такими, какими были в текущий хлебозаготовительный период, то мы опять будем испытывать затруднения в области заготовок зерна.

Вместе с тем я хочу обратить ваше внимание на следующий недостаток, который был у Наркомторга. Этот недостаток надо отнести за последнее время к выброшенному лозунгу «лови крыс, лови кротов, лови хомяков» и т. д. Мужики начали ловить крыс, кротов и хомяков.

Скрыпник. Вариация долгоносиков?

Шверник. Нет, эта штука отличается от долгоносиков. Что получилось в результате? Мужики начали ловить крыс, хомяков и кротов и в отдельных случаях заработок на одно хозяйство доводили до 200 рублей. Почему? Да потому, что платили по 35 коп. и выше за каждый экземпляр. Я считаю, что это никуда не годная штука. Конечно, ловить крыс, хомяков и кротов нужно, потому что все это составляет очень видную статью экспорта, но платить такие цены, которые мы платили в текущем году, по-моему, никуда не годная штука, и надо положить предел этой политике. Устанавливает цены Наркомторг.

(Реплику не слышно.)

Сталин. Не обижайте кротов.

Шверник. Тов. Сталин говорит, что мы обижаем кротов. Мы не обижаем кротов, но на этой почве драка была среди мужиков за отдельные участки, где кроты жили. Я считаю, что этот вопрос надо отрегулировать, – надо заниматься этим делом, это дело неплохое, но нужно установить такие цены, которые бы дали возможность не срывать работу в отдельных районах по хлебозаготовкам. Нужно в этот вопрос внести ясность.

Еще вопрос – относительно вообще цен на животноводческие продукты. Вот что пишет один корреспондент-доброволец, который обслуживает нашу статистику. Он пишет: «Один крестьянин заплатил 30 рублей сельскохозяйственного налога, продал 4 пуда мяса по 3 руб. 50 коп. за пуд, пуд кудели за 7 руб. 50 коп. и еще сдал две кожи по 7 рублей. Видите, как он уплатил налог, даже с остатком денег от продажи. А хлеб крестьяне больше норовят беречь до лета. А мы из наблюдений знаем, что около первой половины июля 1928 г. цены опять вскочат, как показали прошедшие годы». Он затрагивает очень большой вопрос. Мы имеем сейчас такое положение в отношении тех сельских местностей, где беднота должна добывать себе хлеб на прокорм, что не можем бедноту снабжать, не имея абсолютно никаких ресурсов. Мы видим, что хлебного рынка сейчас нет, и его отсутствие в отдельных сельских местностях ставит бедноту в тяжелое положение. Мы помочь бедноте не можем, не имея резервов, а нам надо в кой-какие места бросить хлеб для продовольственной помощи бедноте. Со стороны Наркомторга ответа на этот вопрос не имеем. Я думаю, что нам нужно дого-

* Кудель – волокнистая часть льна, пеньки (ред.).

вориться по этому поводу, чтобы иметь в областях хлебные ресурсы, которые можно было бы бросить в отдельные участки, там, где беднота находится в тяжелом продовольственном положении. На это потребуется небольшое количество хлеба, но он смягчит ту остроту, которая имеет место в отдельных районах.

Несомненно, товарищи, что кампания по хлебозаготовкам выявила целый ряд недочетов в области работы и партийных организаций, и советского аппарата, и кооперативных организаций, и госзаготовителей. В основе затруднений, как говорится в тезисах, «грозящих вылиться в общий народнохозяйственный кризис, лежат экономические причины, они неразрывно связаны со своим социально-классовым выражением», – все это верно, и тов. Микоян сделал правильный их анализ. Но нам необходимо на пленуме подчеркнуть недостатки работы наших партийных, советских организаций и кооперации. Это тоже ясно. Например, работа партийных организаций. Но что мы здесь наблюдаем? До того, как ЦК начал бить тревогу, мы наблюдали, что наше руководство было руководством **вообще**. Неправда, что мы не занимались рассмотрением вопроса по хлебозаготовкам, мы вовремя подняли этот вопрос. Но после того, как приехал из ЦК тов. Молотов, наше руководство делается более конкретным руководством, и я должен принести глубокую благодарность ЦК от имени Урала за это конкретное руководство, которого в нашей работе недоставало. Я должен признать это здесь. Я не знаю, может быть, в других местах лучше дело обстояло, но то, что у нас было руководство вообще – это верно, а после приезда тов. Молотова стало руководство конкретное – тоже верно. Я не знаю, может быть, у украинцев иначе дело, но у нас, по крайней мере (с м е х), мы обижаться на это не обижаемся, а приносим глубокую благодарность за это.

Косиор. Украинцы наоборот. (С м е х, ш у м, р а з г о в о р ы.)

Шверник. Теперь, какие же недостатки у нас выявились в работе советских органов? Недостатки эти нужно в основном свести к тому, что, во-первых, мы совершенно мало заботились о том, чтобы советский аппарат поставить на должную высоту. Мало заботились. У нас имеется целый ряд резолюций, прекрасных резолюций, которые говорят, как нужно поставить работу советов, чего добиваться, но практика хлебозаготовок обнаружила целый ряд недостатков работы советского аппарата. К примеру, возьмите хотя бы сбор налогов. Получилась нелепость. Несмотря на то, что имеются у нас и аппараты, которые вовремя должны собирать налоги, заботиться об этом, были определенные сроки, – эти сроки прошли, налогов не собрали. И если мы на первое марта всего в Уральской области по всем видам налогов собрали за текущий год 45 млн. 144 тыс., притом 60% всех этих налогов падает на январь и февраль месяцы, то не потому, что советский аппарат успешно справлялся, а потому, что выезжали члены бюро областного комитета, члены окружных комитетов партии на места и подтолкнули советский аппарат, действительно наладили этот сбор налогов. Цифры красноречиво говорят о том, что в этой области у нас было не совсем хорошо.

Точно так же у нас дело скверно обстояло в отношении подбора низовых советских работников. Мне пришлось около 4 недель пробыть в деревне и объездить массу сельсоветов, районов и т. д. Что мы там наблюдали? Мы там наблюдали такую картину: приезжаешь в районный совет, начинаешь интересоваться, как у вас дело обстоит. Обычно председатель приходит с цифрами, причем видно, что он никогда ими раньше не интересовался, не прорабатывал, а принес эти цифры в момент, когда мы приехали, и знает, что спросят, как идет дело с налогом и т. д. Он приходит и говорит о том, что у меня имеется то-то и то-то – мы чувствуем, видим, что понимания этих цифр часто совершенно недостаточно. Это характеризует руководящий состав, его недостаточную подготовленность к разрешению тех вопросов, которые стоят пе-

ред советским аппаратом, его низовым звеном. Это объясняется тем, что мы до сих пор недостаточное внимание обращали на подбор этого руководящего советского кадра. В качестве отдельной характеристики приведу такой пример: в РИКе все находится в руках беспартийного заведующего финансовой частью, от этого беспартийного заведующего зависит очень многое – собрать вовремя налог, нажать и т. д. Председатель же РИКа мало руководит своим аппаратом, в особенности мало руководит этой его частью – заведующим финотделом. Надо исправить те недочеты, которые имели место, надо председателю РИКа больше интересоваться этой отраслью работы и, по существу, руководить ею.

Теперь, товарищи, я хотел остановиться на тех недостатках, которые имелись в кооперации. Конечно, неприятно было тов. Микояну выносить выговор товарищам – руководителям кооперации, но что же будешь делать? Мы почти всюду имели такую картину – кооператоры по-канцелярски вырабатывали план хлебозаготовок, не создавая никакой кооперативной общественности вокруг этого плана. Я заявляю со всей ответственностью, что абсолютно никакой кооперативной общественности не было вокруг этого дела. Когда мы начали этот план прорабатывать на местах, то кооперированный крестьянин говорит: если бы раньше нам сказали, мы бы и выполнили то, что с нас причитается в порядке выполнения кооперативного плана.

Из просчетов кооператоров следует отметить и то, как они вырабатывали свой хлебозаготовительный план. Они план составили в июле, направили его в центр без учета того, что град прошел, и не сбавили того, что град выбил, а в январе нам говорят, что план не может быть выполнен, так как град прошел. Но какой же это план, когда руководящие кооперативные организации не учли того, что было побито градом. Большие недостатки у кооперации есть, и ясно, что греть надо было за них. Но, конечно, надо видеть разницу между общественной организацией и советским аппаратом. Я думаю, что большой беды нет от того, что Микоян объявил выговор, наоборот, это было сделано правильно.

Есть еще целый ряд недостатков, но я на них останавливаться не буду и позволю себе перейти к вопросу о регулирующих органах. Мне кажется, что правильно тов. Микоян выдвигает вопрос о слабости регулирующего аппарата. Но в чем дело? Как мы можем подобрать мало-мальски не только экономически грамотного, но и даже вообще грамотного человека для руководства регулирующим аппаратом, когда в среднем они получают 65 руб.? Разве можно найти подходящего работника на эту адски трудную работу? Ты не имеешь ни черта, а регулируешь. – Если бы был какой-нибудь маневренный резерв, это было бы легко, а когда ничего нет и приходится регулировать – это очень трудная задача, и мы не можем найти подходящие кадры работников. По-моему, правильно сказано в тезисах: надо пойти на улучшение их материального положения.

Товарищи, я хотел бы сказать, что мало заготовить хлеб, но надо нам его хозяйственно израсходовать. А что это значит – хозяйственно израсходовать? Это значит вот что: мы сейчас с Урала вывезли 6 млн. пудов хлеба. Обещаем дальше вывозить, выполнять наряд? Обещаем. Хотим выполнять план или не хотим? Хотим. Хотим поднимать вопрос о том, что надо пересмотреть годовой план? Не хотим, мы будем выполнять его на все 100%. Но, товарищи, этот вопрос следует сочетать с темпом хлебозаготовок. Надо установить вывоз с Урала так, чтобы мы могли хозяйственно хлеб израсходовать. А сейчас этого нет. Сейчас не учитывается темп хлебозаготовок и соответствующий вывоз хлеба с Урала. Это очень опасно, и я боюсь, как бы не получилось того, что мы вывезем хлеб, а потом будем завозить его из других районов по более дорогим ценам и тем самым сорвем цены внутреннего рынка. Этого надо бояться.

Я говорю, что мы не отказываемся от выполнения плана на 100%, мы будем его выполнять, но темп этого выполнения не от нас зависит. Возьмите, например, апрель месяц, у нас сейчас распутица и будет сев, а НКТорг хочет, чтобы мы вывозили большое количество хлеба. Это будет очень трудно. Я считаю, что темп вывоза мы должны сочетать с темпом хлебозаготовок, – и приложим все силы к выполнению хлебозаготовок на все 100%. Это мы обещаем и просим вас, чтобы товарищи пошли нам навстречу в этой области.

Последний вопрос – это о настроениях деревни. Я должен сказать, что в общем и целом настроение деревни можно характеризовать следующим образом...

Каганович. А более конкретно можно?

Шверник. Скажу и конкретно. Настроение деревни можно характеризовать следующим образом: после разрешения целого ряда затруднений, которые были в деревне, в бедноте мы имеем действительную опору, имеем ее больше, чем в начале хлебозаготовительной кампании. Это ясно для меня, потому что кампания по самообложению настолько обострила в деревне классовую борьбу, она создала предпосылки для того, чтобы нам конкретно вести работу с беднотой и тем самым опираться в деревне на бедноту. Подтверждением этому может служить то, что в результате проведения закона о самообложении мы на Урале собрали 8 млн. вместо $7^1/_2$ млн., которые предполагали собрать. Мы в этой борьбе проводили ту линию, которую предполагали проводить, и беднота нам сейчас старается помочь в разрешении вопроса о дальнейших хлебозаготовках.

Теперь наступает второй период, когда мы должны продолжать вести хлебозаготовки, но кулак начинает изменять свою тактику и ведет борьбу за то, чтобы бедноту закабалить. Это ясно. В деревне стоит острее вопрос: кто кого? Когда провели вопрос о самообложении, мы кулака разбили, что видно из того, что самообложение мы провели больше, чем на 100%, и в то же время мы повели за собой бедноту, но кулак на второй стадии хлебозаготовок меняет свою тактику. Какой он выкидывает сейчас лозунг? Если хотите, чтобы я вывез хлеб, дайте расписку, что можно везти семенной материал, и мы повезем. А коммунисты руками разводят: дать расписку или не дать? Это маневр со стороны кулака.

В настоящий момент массы хлеба находятся в середняцких хозяйствах. Они имеют излишки, которые можно им выбросить. В этом кроются трудности, так как выколачивать хлеб, как мы выколачивали его из зажиточных хозяйств, мы не можем, потому что к ним 107 статью не применишь, а нужно так повести дело, чтобы хлеб у середняка взять и сохранить с ним союз. Это задача трудная, и здесь целый ряд коммунистов ломают себе шею. Ведь доходит до чего? Мужик-кулак проводит тактику такую, что если не веришь, что хлеба нет, – пойди в амбар, посмотри. Находятся коммунисты, которые говорят, что надо пойти посмотреть в амбарах, есть ли излишки или нет. А этот зажиточный мужик после применения 107 статьи начал рассовывать хлеб [и у нас имеются сведения, что не только зажиточные, но и середняки начали] среди бедноты [рассовывать хлеб], прятать его на гумнах и т. д. [выудить излишки хлеба у середняка гораздо труднее, нужно тактику изменить в отношении сбора товарных излишков хлеба]. Трудная задача заготовлять хлеб на данном этапе, наши партийные, хозяйственные и кооперативные организации слишком слабо маневрируют; к тому же кулак и зажиточный, борясь за то, чтобы овладеть беднотой, создают политические настроения в деревне, затрудняющие наше маневрирование, теперь больше, чем раньше, предполагающее максимальную гибкость. Вопрос стоит так, что нам надо здесь кулака разбить, разбить его на втором этапе заготовок. Разобьем? Конечно, разобьем. Но так надо разбить, чтобы не было перегибов, не было административного зажима,

чтобы заем собрать на 100% и хлеб собрать, а кулака разбить, середняка не тронуть. Разобьем? Конечно, разобьем. (С м е х.) Ясное дело, разобьем, вся трудность заключается в том, что надо наметить такие пути, которые бы дали возможность собрать излишки у середняка. Эта трудность замедляет темп хлебозаготовок, а отсюда вывод, что в вопросе работы в деревне встает целый ряд самых сложнейших вопросов, и вопросов конкретной формы, конкретной постановки. Те решения ЦК, которые у нас имеются в области работы с беднотой, – очень хорошие решения[38]. Сейчас эти хорошие решения получают возможность своего осуществления благодаря трудностям с хлебозаготовками. Почему? Возьмите, например, последний момент с посевной кампанией. Мы имеем семена, машинный кредит, денежный кредит, и уже сейчас распределение этого машинного и денежного кредита идет совершенно другим порядком, чем это было в прошлом году. Вокруг этих вопросов мы сейчас конкретно организуем бедноту, повышая формы коллективного хозяйства в деревне. Я думаю, что те тезисы, которые представлены пленуму, с исчерпывающей полнотой дают анализ затруднений и способы их преодоления, они правильно намечают те пути, по которым мы будем вести хлебозаготовки в предстоящую кампанию.

Председатель. Слово имеет Грядинский.

Грядинский. Тов. Микоян почти не уделил в докладе места вопросу о том, как неудачи по хлебозаготовкам отразились на снабжении промышленных центров и вообще на снабжении города. А между тем мы только на съезде партии узнали из обращения Политбюро о том, что с хлебозаготовками у нас дело плохо, а в городах уже к Октябрьской годовщине мы выдавали белую муку с разбором и понемножечку, и только рабочим, а о других и не думали. Это показывает, что всю зиму мы с хлебом жили с таким напряжением, что на белую муку приходилось только поглядывать. И когда мы подсчитываем, каковы же запасы сейчас в результате работы на хлебном фронте, то нельзя забывать о том, каковы перспективы дальнейшего снабжения рабочих промышленных центров. Тов. Сталин на XV съезде сказал: «не доедим, а вывезем» – это не наш лозунг[39]. У нас вышло так, что и не доели, и не вывезли. Нам надо попробовать сделать так – и доесть, и вывезти. Тов. Микоян такой перспективы совершенно не дал. Он об экспорте говорил, что тут дело стало лучше, и в тезисах написано, что мы почти поправили дело, и, по-видимому, есть настроение по экспорту дело поправить. А вот как поправить снабжение промышленных центров – об этом ни слова не сказано, ни в резолюции, ни в докладе тов. Микояна. Что неудачи на хлебозаготовках отразились на всей нашей хозяйственной работе – это бесспорно. Но что мы также создали определенное настроение у рабочих в результате этих неудач – тоже бесспорно. Когда мы подняли эту кампанию, то к нам в город посыпалась масса писем из деревни о том, что дело идет немножко с бульшим нажимом, чем шло раньше, а в некоторых письмах изображалось так, что дело совсем по-другому идет. Естественно, что рабочие ставили перед нами вопрос не только о снабжении, а вообще как у нас выходит дело с хлебом. Мы рабочему говорили, что поднатянулось дело, потерпите, сейчас поправим, хлеб будет, будет полегче. А сейчас из доклада тов. Микояна не видно, что мы в снабжении городов будем жить дальше полегче. Я думаю, что в первую очередь надо дать ясную постановку в вопросе снабжения. И эта постановка должна вытекать из следующих соображений. Если мы думаем об экспорте хлеба, то раньше надо подумать о нормальных запасах хлеба для городов и после этого поставить вопрос об экспорте. Сухими из воды или из этой неудачи нам не выйти. Так просто у нас не будет, как это вышло в докладе. У нас случилась большая прореха, и она отразится на хозяйстве. Можем ли мы дальше идти так, чтобы вести снабжение промышленных городов с напряжением? Нет, не можем.

Нам нужно облегчить снабжение городов. Поэтому первое, что нужно добавить в резолюцию, это внести вопрос урегулирования снабжения промышленных центров.

Дальше, та директива о 80% промышленных товаров на хлебозаготовки, которая была дана Центральным Комитетом, ударила в первую очередь по крупным городам. И вчера мы слышали с трибуны от тов. Любимова, что у него на 70 млн. оказалось лишних товаров в деревне. Что это значит? Это значит, что недостаточно гибко вышло в этом деле. Города слишком оголили, и сейчас в III квартале это дело нужно поправить, потому что это единственный квартал, в котором мы можем облегчить положение рабочих. Дальше придется опять напрягаться, поэтому сейчас нужно погибче маневрировать с этими запасами. Если сейчас есть на 70 млн. лишних товаров, то, может быть, можно было бы дать на III квартал побольше нашим промышленным центрам и облегчить положение рабочих. Тов. Микоян и Политбюро в тезисах по вопросу об аппарате предполагают реорганизацию хлебозаготовительного аппарата, причем главный удар тут идет в направлении централизации, в необходимости централизовать все дело вокруг одного союзного центра. Централизация вещь хорошая, когда она хорошо проводится. Будем надеяться, что эту централизацию мы проведем хорошо, но мне кажется, что, централизуя, нужно выделить вопрос о положении снабженческого аппарата, обслуживающего крупные промышленные центры. Я целиком и полностью согласен с тем вниманием, с которым тов. Микоян подошел к Москве, когда он с этой трибуны заявил: «Вы, москвичи, не беспокойтесь, что хлеба не будет, мы вам дадим хлеб; вы пойдите на мельницы и проверьте». Вот я и думаю, нельзя ли позаботиться также и о Ленинграде, и если не с этой трибуны сказать о том, что Ленинграду хлеб будет, то хотя бы записать в резолюции рядом с МСПО и ЛСПО, тогда не будет того беспокойства, которое сейчас у нас имеется. А то получается так: есть необходимость централизовать аппарат; есть ряд основных заготовителей; в прошлые годы наша ленинградская кооперация работала не с Центросоюзом, а с Хлебопродуктом, и у нас получилось так, что в снабжении и Ленинграда, и всех прилегающих к нему местностей с Хлебопродуктом выходило как-то погибче.

Чубарь. Лучше снабжал?

Грядинский. Да, лучше снабжал. Сейчас предлагается нам в этой резолюции перейти по линии снабжения к Центросоюзу. Это бесспорно внушает нам некоторые опасения. И я думаю, нам нужно предоставить возможность работать через основных заготовителей, и поэтому рядом с Москвой надо поставить Ленинград.

Относительно стоимости хлеба и накладных расходов. Безусловно, тот разрыв, который имеется, надо уменьшить. Это чувствуется не только в Ленинграде, но и по крестьянским потребляющим районам. У нас на крестьянской мельнице перемол муки стоит 5–6 коп. в Северо-Западной области, а на мельницах Хлебопродукта этот перемол стоит 14–15 коп.; получается разительная разница; и когда мы приходим с нашей мукой и рожью к крестьянину, то наш крестьянин от нас муки не берет, потому что ему есть больший расчет взять рожь и перемолоть на своей мельнице. У нас, кроме снабжения Ленинграда, имеются льнозаготовки, с которыми также мы отстали в I квартале, потому что буквально не было хлеба в Северо-Западной области, и когда в результате успехов в хлебозаготовках мы сумели немножко больше получить, а за последнее время и получить нормально хлеба, то у нас крестьянин ржаную муку берет менее охотно, чем рожь, из двух соображений: одно – это дорогая цена против ржи, другое – что рожь может выдержать дольше хранение. Бесспорно, вопрос о накладных расходах, о 143% всех наложений на цену заготовителя, нужно поставить во всей широте, и в первую очередь поставить вопрос о мукомолье.

Председатель. Слово имеет тов. Хатаевич.

Хатаевич. Говоря о мерах экстраординарных, которые, согласно предлагаемой нам резолюции, должны «потерять свою силу», тов. Микоян должен был подробнее остановиться на вопросе о частнике. Входит ли изъятие частника в число тех мер, которые должны совершенно потерять свою силу, или мы все-таки то завоевание, которое имеем в смысле устранения с хлебного рынка частника, крупного хлебного оптовика, должны ли мы его сохранить, не допустить частника, или позволить ему вернуться к торговле хлебом? Мне кажется, что частника пустить обратно на хлебный рынок ни в коем случае не придется. Единственным оправданием для этого было бы, если бы мы признали, что сами справиться с делом снабжения хлебом всех групп потребителей не сможем. Если весной этого года цены на хлеб пойдут в гору вследствие того, что мы не сумеем обеспечить все районы, тогда пришлось бы частника снова допустить к заготовкам. Я думаю, что этого не случится. Несомненно необходимо в резолюции более четко сказать, что обратно возвращать хлебного оптовика на рынок нельзя. Это тем паче невозможно, что в области цен у нас положение, очевидно, останется, как и в прошлом году, т. е. цены на зерновые культуры останутся все-таки для крестьян не весьма выгодными, не стимулирующими к вывозу хлеба. Безусловно, если мы допустим частника к заготовкам, он цены будет вздувать и срывать весь наш заготовительный план, создаст дезорганизацию и путаницу на хлебном рынке.

Может быть, это и верно, что в резолюции ничего не сказано о политике цен, но в докладе, особенно во второй части своего доклада, тов. Микоян должен был кое-что сказать о политике цен. Он об этом ничего, ни одного слова не сказал. Тов. Кубяк об этом говорил, я думаю, это совершенно правильно. По некоторым видам сырья, в частности кожевенного сырья и пушнины и на мясо, надо цены несколько снизить, и больше, чем это с опозданием сделал Наркомторг в последние месяцы. Тов. Шверник здесь говорил о крысах. А у нас в Татарии в деревнях не пооставалось ни одной кошки. За кошку платили в два раза дороже, чем за пуд хлеба.

Г о л о с. Теперь крыс разведется.

Хатаевич. Ясно, что разведется.

Г о л о с. За крысу будут деньги платить. (Ш у м.)

Хатаевич. Если мужик получает за драную кошку в два с половиной раза дороже, чем за пуд хлеба, ясно, что он хлеб запустит и начнет заниматься кошкоразведением. И придется нам заниматься контрактацией кошек. (С м е х.) Надо по некоторым районам, в частности в Поволжье, цены на зерно несколько подтянуть. Это безусловно необходимо, ибо те цены, которые имеются сейчас, не могут толкать крестьянина к расширению своего зернового хозяйства. Одновременно необходимо взять более твердую линию на снижение цен на некоторые виды сырья, одновременно закрепив наши позиции на сырьевом рынке, где удельный вес государственных и кооперативных заготовителей значительно поднялся в связи с мерами административного нажима, широко применявшимися к частному заготовителю.

О порядке установления цен, о порядке определения качества хлеба тоже надо кое-что сказать в резолюции. Тот порядок, который был, сейчас никуда абсолютно не годится. Совершенно невозможно, чтобы Наркомторг СССР из Москвы определял цены и детали заготовок чуть ли не для каждой волости, чуть ли не для каждого уезда. Наркомторг стремится объять необъятное, стремится регулировать каждым мельчайшим участком, каждой даже самой ничтожной операцией во всем ходе заготовок по всему СССР, а давно уже сказано Козьмой Прутковым, что это совершенно невозможная вещь – объять необъятное. Руководство и дисциплину в хлебозаготовках надо усилить, но в наркомторговской практике мы имеем слишком много мелочного регламентирования, иногда подрывавшего дисциплину, от которого надо в дальнейшем от-

делаться. Можно было бы привести очень много фактов, иллюстраций того, как благодаря этому стремлению со стороны Наркомторга – обнять все – получалось очень много дерганья, путаницы по отношению к местам. Ежедневно в январе-феврале на местах получали до 30–40 телеграмм. Часто эти телеграммы – одна подписывалась Наркомторгом союзным, и та же телеграмма подписывалась Наркомторгом российским. Только во второй половине февраля они договорились и стали вместе подписывать. Очень часто мы получали директивы телеграфные на трех листах, примерно в 500–600 слов, друг друга опровергающие. Дерганье мест было отчаянное. Страшные указания «под личной ответственностью» вследствие слишком частого прибегания к ним просто перестали оказывать воздействие.

Надо будет в эту практику регулирования и руководства внести очень и очень много корректив.

Вопрос о кондициях, о рефакциях, о бонификациях и т. д. В документах ЦК об этом говорилось, а в докладе тов. Микояна ничего не говорилось. Что же, мы остаемся при прежнем порядке бонификаций и рефакций...

Г о л о с. А что это такое?

Хатаевич. А этот порядок давал работникам заготовительного аппарата широчайшую возможность, с одной стороны, обжуливать, обманывать мужика, а с другой стороны – срывать государственную политику цен. Нужен какой-то более понятный, упрощенный порядок определения качества хлебов. Нельзя иметь в одной маленькой республике, скажем у нас, десять различных норм кондиционности и влажности зерна и т. д. (а у нас для каждого района устанавливались различные кондиции), нельзя этого устанавливать для каждого отдельного района. Надо нормы кондиционности и влажности устанавливать не для отдельной губернии, а для более широкого экономического района. Надо предоставлять местам большую возможность приспосабливаться к обстановке, к условиям и т. д. Этого не было, и потому была отчаянная путаница и бюрократическая волокита вокруг вопроса о пограничных ценах. Если бы РКИ заинтересовалась, она бы нашла величайшую и почти совершенно бесплодную волокиту и нагромождение бумажных гор вокруг вопроса о разрыве цен в пограничных районах, вносившем чрезвычайный хаос и дезорганизацию в состояние хлебного рынка.

Тов. Микоян предлагает в резолюции сохранить мельничные надбавки. Я считаю это совершенно излишним и даже вредным. Мы имеем полнейшую возможность без этого загрузить наши мельницы, а срыв политики цен вот эти мельничные надбавки вносят чрезвычайный. Для элеваторов надо сохранить эти надбавки на 2–3 копейки, а для мельниц можно без этого обойтись, ибо в большинстве случаев заготовительные пункты Хлебопродукта и кооперации там, где они владеют мельницами, находящимися тут же, рядом с базаром. Ни к чему вводить такую пестроту в ценах, которая подрывает доверие крестьян в солидность нашей заготовительной работы. У нас было такое положение, что сначала устанавливали из Москвы надбавку в 7 коп., через неделю 4 коп., потом цену опять повышали и т. д. Словом – отчаянная путаница, дерганье, которые нервировали крестьянина и местных людей.

По вопросу о снабжении бедноты хлебом. Я думаю, что надо было раньше позаботиться о создании на месте заготовок специального фонда. Тов. Шверник говорил, что надо завозить. Что же это выходит? Сначала возили оттуда, теперь туда будут возить. Значит, в себестоимость этого хлеба войдет уже плата за двукратный провоз, и придется или отпускать бедноте хлеб по ценам значительно выше заготовительных, или продавать в убыток. А гораздо проще было бы оставить на месте известные запасы хлеба для снабжения бедноты. Указания об этом были даны в этом году слишком поздно. Мы у себя такой фонд создали – 350 тыс. пудов.

По вопросу о роли в заготовках потребительской и с/х кооперации. Я считаю, что в резолюции надо больше сказать о с/х кооперации, о ней ничего не говорится. Это будет истолковано ее «соперниками» из Хлебопродукта и потребкооперации так, что вот, мол, о сельхозкооперации ничего не говорится, значит она устраняется с рынка хлебозаготовок. Так обязательно будут толковать на местах, раз в резолюции ЦК о ней ничего не говорится. Надо сказать в резолюции конкретно и ясно, что то положение, которое Хлебоцентр занял на хлебном рынке, должно быть сохранено и закреплено[40].

О потребительской кооперации мне неясно, к чему эта сдача заготовленного кооперацией хлеба Хлебопродукту. Ведь потребительская кооперация имеет своих потребителей. Она заготовляет хлеб, сдает его Хлебопродукту, а затем должна будет получать его для снабжения своих пайщиков у того же Хлебопродукта. Мне казалось, что главная задача – в сокращении числа заготовителей, дабы ими вносилось меньше путаницы. А раз мы в качестве заготовителя сохраняем Центросоюз, то в таком случае нет нужды в сдаче всего заготовленного им хлеба Хлебопродукту. Это может привести к тому, что хлеб несколько вздорожает за время этих мытарств и передач от кооперации Хлебопродукту и обратно.

По вопросу о настроении крестьянства и о проверке нашего аппарата. Вся эта работа по хлебозаготовкам была, в сущности, грандиозной проверкой нашего аппарата, наших кадров, советского и партийного аппарата. При этой проверке вскрылось очень много дефектов, очень много недостатков нашей работы, но вместе с тем надо сказать, что этот экзамен большинством работников и партийного и советского нашего аппарата, включая волостных, был в основном выдержан. Так работать, как пришлось за последние три месяца, не приходилось уже в течение семи лет. Наш аппарат вплоть до волостного показал, что он может работать по-боевому и в основном правильно выполнять директивы партии. Что же касается самих низших звеньев нашего аппарата – сельских ячеек и сельсоветов, то они этого испытания совершенно не выдержали. Они оказались совершенно неприспособленными к выполнению задач, которые были поставлены перед ними, проявляли в большинстве случаев растерянность и отражали крестьянские настроения. Во многих случаях беспартийная беднота гораздо более активно помогала нам в проведении всех мероприятий по усилению хлебозаготовок, чем партийцы из крестьян. Здесь уже говорили, что в результате наших мероприятий беднота значительно подняла свою активность и сплотилась вокруг нас. Это совершенно верно.

Что касается середняков, то там господствует неуверенность, колебания в сторону кулака и боязнь, чтобы те меры, которые последнее время нами проводились по отношению к кулаку, не были применены в дальнейшем также и к середняцким массам. Поэтому они прислушиваются к клеветническим разговорам и провокационным слухам, которые распространяются кулацкими и антисоветскими элементами. В середняцких слоях нет того резкого недовольства против нас, которое имеется в кулацких массах, но имеется боязнь и неуверенность в нашей политике, и мы должны принять все меры для того, чтобы изжить эту неуверенность и подозрительность по отношению к советской власти. Это должно быть достигнуто через усиление нашей разъяснительной работы и через решительное недопущение всяких перегибов и административных увлечений в отношении к середнякам.

В связи с проведенными нами мероприятиями по весенней посевной кампании уже замечается значительное улучшение в середняцких настроениях. Необходимо, чтобы при проведении посевной кампании не было допущено перебарщивания по отношению к середняку, как иногда это имеет место, когда слишком много заставляют середняка работать по обработке бедняцких земель и т. д. Иначе, если такой перегиб

будет иметь место, нам не удастся полностью ликвидировать этой неуверенности и колебаний, имеющихся в середняцких массах.

Председатель. Слово имеет тов. Чубарь.

Чубарь. Для того чтобы правильнее наметить мероприятия, которые нужно провести в подготовительный период к новой заготовительной кампании, нужно, по-моему, несколько осветить тот опыт, и печальный, и, с другой стороны, хороший, который мы имели и который не охвачен все-таки тезисами, по той простой причине, что нельзя охватить всего опыта, особенно отдельных районов, и, подводя опыт во всесоюзном масштабе, неизбежно приходится суммировать и получать средние выводы. Поэтому опыт отдельных районов будет полезно осветить здесь в выступлениях. И вот, разбираясь в обстановке, в которой приходилось проводить эту заготовительную кампанию, приходится резко разграничить два момента. Первый и основной – это экономическая заинтересованность крестьянина в продаже хлеба. Нужно совершенно ясно сказать, что крестьянин хлеба не продавал не потому, что у него его много и он мог спокойно жить, а потому, что он в условиях все еще высоких цен на промтовары не удовлетворен был ценами на хлеб, и там, где цены прорывались, где были надбавочки и незаконные переплаты, там хлеб шел быстро и были пункты, где не успевали хлеб принимать. У нас в одном из округов на элеваторе установили доплату, так как элеватор от села в 7 верстах, суммировав элеваторную и за расстояние. Получилась приплата в 11 коп. за пуд – хлеб притекал на этот элеватор за сто верст, и не успевали его принимать. О чем это говорит? Это говорит о том, что цены, установленные на хлеб, были для мужика неудовлетворительны.

Молотов. Поднять цены?

Чубарь. Нет, не поднять. Поднимать не надо было, а то соотношение цен на разные культуры, соотношение цен на хлебные культуры и на промышленную продукцию, это соотношение неблагоприятно отражалось на ходе хлебозаготовок. Это нужно учесть для того, чтобы в будущую кампанию этого не допускать. Ведь тот нажим, который мы произвели на хлебозаготовки, вынудил нас произвести дополнительные затраты на аппарат, чтобы получить тот хлеб, который нам был нужен. Еще вопрос, что бы лучше было – в отдельных районах дать на 3 коп. дороже, т. е., вернее, не снижать цен на 3 коп. в сентябре[41] и получить тот же хлеб, который мы получили со сниженными ценами, но истративши 3 коп., а в некоторых округах до 8 коп. на пуд на весь аппарат, который пришлось приводить в действие, чтобы выполнить хлебозаготовки. Разрыв в ценах по смежным районам тоже вредно отражался на ходе заготовок. Например, у нас в Старобельском округе цены на хлеб были на 30 коп. ниже, чем в соседней Воронежской губ., в этой знаменитой Кантемировке[42]. Конечно, такой разрыв цен давал себя знать. Такой разрыв и, самое главное, то, о чем говорил тов. Милютин, – снижение цен в сентябре – значительно затруднили проведение хлебозаготовок.

Второй момент. Здесь очень легко относятся к вопросу товарных масс, товароснабжения. Я не хочу говорить, что снижение хлебозаготовок явилось результатом только того, что с товаром не поспели. Но факт, что товароснабжение играло важнейшую роль в ходе хлебозаготовок. Неслучайно также то, что недостаточно гибкое маневрирование товарными массами отражалось на темпе хлебозаготовок. Вот две цифры. Украина в первом квартале давала из общих хлебозаготовок 50–55% хлеба, а товарных масс было отпущено всего лишь 17% из всех товаров, которыми маневрировал НКТ Союза на фронте хлебозаготовок. Наши торговые органы, в частности наш республиканский Наркомторг, благодаря этому, вместо того, чтобы руководить хлебозаготовками, сидели в Москве, отстаивая дополнительно 50 вагонов, 100 вагонов, бились за то, чтобы в этом году, когда хлебозаготовки должны идти в большем размере,

дали хотя бы столько товаров, сколько дали в прошлом году. Энергия тратилась не туда, куда нужно, заседали, обсуждали, дрались за каждый вагон мануфактуры, в то время как эта мануфактура тогда могла не допустить такого сползания заготовок на нет. Это отдельные случаи, которые, мне кажется, нужно учесть, не вписывая в резолюцию, при подготовке к новой хлебозаготовительной кампании и в начале кампании сезонное распределение планируемых товаров поставить на службу хлебозаготовкам.

В отношении цен должно быть устранено то явление, которое мы наблюдаем в этом году, – разрыв. Это то явление, которое наблюдалось, что в июле-августе заготовляли по более высоким ценам, чем в сентябре. Мне кажется, мы должны правильно поставить вопрос о том, что общий уровень цен на хлебные культуры у нас осенью будет недостаточен при том уровне цен, который сохраняется сейчас на продукты промышленного производства. Наша задача – произвести некоторое снижение цен на продукты промышленного производства, в частности на лесоматериалы. Этот вопрос стоит перед нами во весь рост, и если мы хотим в новую хлебозаготовительную кампанию войти в полном вооружении, мы до июля месяца должны эту задачу решить, если хотим удержать цены на том уровне, – а я думаю, что мы их можем и должны удержать, – на котором они удержаны сейчас.

Это общеэкономические мероприятия, а вторая часть – техника подготовки нашего аппарата, ошибки и промахи в работе. Я не буду говорить о хлебофуражном балансе, он, в общем, как тов. Милютин говорил, отвечает действительному положению вещей, но есть по отдельным культурам и по отдельным районам большие просчеты, и мы должны в отношении хлебофуражного баланса установить проверку, действительную, фактическую проверку местных партийных и советских органов, а не продолжать формальное штемпелевание. Мы должны этому вопросу уделить большее внимание, чем до сих пор.

Молотов. Особенно ЦСУ.

Чубарь. Не только ЦСУ, но особенно со стороны окрисполкомов и партийных организаций, чтобы не только аппарат ЦСУ эти цифры записывал, а чтобы на местах с пристрастием проводили проверку, проводя по отдельным районам выборочную проверку, чтобы мы могли выяснить все недочеты учета.

Относительно методов заготовки. Тут товарищи говорили, что госзаготовители сидели и их не пускали на село. Я должен сказать, что украинский опыт показал, что не только госзаготовители на ссыпных пунктах сидели, но и кооператоры сидели в своих лавках и ждали, пока хлеб привезут. Это было общее явление, потому что мы вступили в хлебозаготовительный период почти с полным отсутствием запасов и некоторым напряжением на рынке. Мы боялись срыва цен, потому что каждый агент, который заходил во двор к крестьянину, норовил правдами или неправдами установленные цены как-нибудь обойти. Опасность срыва цен была, она реально существовала и будет существовать до тех пор, пока мы хотим жестко держать цены на определенном уровне, соответствующем общехозяйственной обстановке страны. В первый период кампании у нас на Украине нельзя было сказать: иди и заготовляй сколько хочешь, без риска сорвать цены. В дальнейшем, когда начался зажим, борьба с нарушением цен проводилась очень решительно, но она не давала достаточных результатов. Каждый заготовитель, отвечая за выполнение плана, старался всяческими способами, и на мельнице, и на ссыпных пунктах, и в кооперативе, обойти установленные цены.

В отношении усиления работы государственных хлебозаготовителей и роли кооперации. У нас, например, с осени, когда шла заготовка сравнительно хорошо, среди кооперации начали выявляться такие тенденции, что мы, мол, сможем все сами заготовить, что не должно быть места госзаготовителям и мы можем быть монополиста-

ми в отдельных районах. Этим тенденциям была противопоставлена линия сохранения госзаготовителей и их защита от этого выживания, но когда начали планы давать для заготовителей по округам, по районам, по селам, то все попытки сохранить удельный вес госзаготовителей потерпели крах, потому что райисполком, выполняя районное задание, хочет заготовить у себя, где иногда, может быть, госзаготовителя нет, – через кого? – через кооперацию. Сельсовет, сельячейка стремятся выполнить сельский план и поэтому весь хлеб пропускают через сельпо, через сельское товарищество и т. д. Административное распределение заданий ударило по удельному весу госзаготовителей и, в известной степени, повысило удельный вес кооперативных аппаратов, которые имеют тысячи естественных пунктов. И вот в будущую кампанию избежать этого нужно будет тем, что не закреплять задания за отдельными административными районами. Эта экстраординарная мера неизбежна была, когда мы всех поставили на ноги, и эта мера должна отпасть, когда мы будем ориентироваться на выполнение каждым аппаратом своих функций. И то, что в тезисах предлагается, чтобы кооперация сдавала государственному заготовителю, по-моему, правильно, если учесть, что низовая кооперативная система должна монопольно весь хлеб в данном селе собирать. Она должна сдавать тот хлеб, который заготовила в силу структуры своего аппарата – сверх местных потребностей. Экономически нужно заинтересовать крестьянина везти на элеватор, на мельницу на своей подводе, потому что, если заготавливает сельпо, ссыпая хлеб в селе, ему приходится правдой и неправдой приплачивать за подвоз к станции или пристани, добиваясь этого товарной скидкой, товарной премией и т. д.

Строгое разграничение на селе между заготовителями должно быть проведено в тех крупных базарных пунктах – у нас таких очень много на Украине, – где в этом году было 4 ссыпных пункта; 2 государственных и 2 кооперативных. Мы у себя на пленуме ЦК решили, что нужно будет провести разграничение между потребительской и сельскохозяйственной низовой сетью. Там, где хорошо работает в селе сельхозтоварищество, пусть оно имеет ссыпку, где хорошо работает потребительское товарищество, пусть оно имеет ссыпку в небольших пунктах, чтобы была полная загрузка. Можно ли это провести, и правильно ли это будет? Я должен сообщить, что на Украине некоторые низовые потребительские кооперации руками и ногами отбрыкиваются от того, чтобы им поручали хлебозаготовки. Они, не имея специальных людей, прогорали на бонификации и рефакции во многих случаях. Потому что рефакция бьет не только по крестьянину, который продает хлеб, а и по тому сельпо, которое не сделало рефакции при заготовке, а когда продает хлеб Хлебопродукту или даже райсоюзу, то к нему рефакцию применяют. Прогорая из-за 300–400 р. убытка на хлебозаготовках, сельпо распадается, и члены кооператива говорят: «не хотим мы заготовлять хлеб, ибо это убыточно, пусть выполняет тот, кто лучше приспособлен». Я думаю, что при курсе на усиление государственных заготовителей, при курсе на установление более четкой работы и большей экономической заинтересованности в проведении хлебных операции нужно в селе такое разграничение сделать, и оно принесет только пользу. Не нужно гнаться за количеством, нужно гнаться за качеством работы заготовительного аппарата.

Относительно снабжения и направления всего заготовленного кооперацией хлеба через Союзхлеб как общесоюзный центр. Я думаю, что этот вопрос нужно практически разрешить. Нужно именно через Союзхлеб пропустить тот хлеб, который должен поступить через этот орган, для снабжения тех потребителей и районов, которые кооперация не снабжает. Местное снабжение, а некоторое, может быть, и не местного порядка, которое Центросоюз у себя имеет, незачем пропускать технически и финансово через этот самый Союзхлеб. По-моему, незачем это делать, ибо это удорожит хлеб, и, самое главное, это может в случае затруднений в заготовках хуже обеспечить

потребителя. Через один аппарат, при всем его совершенстве, провести гибкое маневрирование отдельными вагонами будет гораздо труднее, чем через два или три аппарата, и тут централизация может сыграть не особенно полезную роль.

Теперь в отношении рычагов, которые мы применяли для выкачки хлеба. Совершенно бесспорно, что мы запоздали с применением некоторых рычагов. Возьмем хотя бы закон о самообложении. Он был издан в августе месяце, мы его разработали у себя на Украине примерно в октябре и послали его на отзыв местам, потому что этот закон касается широких масс и места должны подумать над ним в предварительной стадии. 1 января из 40 округов мы получили отзыв только из 8 или 9 округов. Места занимались решением других задач, и в этом вопросе нам пришлось обходиться без заключения мест. Вот когда здесь тов. Яковлев говорит, что мы только 6 января раскачались внести поправки, то ведь и закон-то мы опубликовали только 2–3 января. После того как вынесли закон, нам захотелось не 35, а 40% получить, а по союзному закону было 35%.

Молотов. Нет, этого не было.

Чубарь. Вам пришлось, тов. Молотов, проводить поправку к этому закону, вернувшись с Украины.

Молотов. В союзном законе ограничения не было.

Чубарь. Это можно проверить. Во всяком случае, такая поправка была внесена, из желания больше получить.

Но были установлены и другие поправки, которые, на мой взгляд, явились неправильными. Были установлены сроки, чтобы к 15 января провести самообложение, а к 20 января собрать столько-то процентов. Это вынудило многих применять те экстраординарные меры, которые нам вредят, и для того, чтобы не было таких явлений в этом году, нужно заранее подготовиться. Экстраординарные меры часто вызывались тем, что был короткий промежуток времени для проведения того или иного мероприятия, и целый ряд мероприятий, которые мы применяли в прошлом году, конечно, нужно заблаговременно разработать и заблаговременно провести, чтобы не прибегать снова к дерганиям.

Я считаю, что сейчас мы не можем еще окончательно подвести политические итоги проведенных кампаний и полностью учесть последствия наших ляпсусов и всех наших перегибов, ибо хлебозаготовительная кампания еще не окончена, ибо посевная кампания еще не проведена, ибо даже учета всех настроений на селе не произведено как следует. Здесь я не являюсь оптимистом, говоря об украинской обстановке, я больше оцениваю ее как пессимист. Мы очень сильно затронули середняка, и часть бедноты пошла за агитацией кулака. Я не думаю, чтобы благодаря этому сократилась посевная площадь, ибо те мероприятия, которые мы проводим, парируют эту угрозу. Но факт остается фактом, что жалобы бедняков и середняков, приправленные национальным моментом, поступают, по данным сводок ГПУ, по письмам в Красную Армию, в довольно большом количестве[43].

Другой пример: вот таким округам, например, как Запорожскому и Мелитопольскому, нужно было заготовить – одному 18 млн. пудов, а другому 21 млн. В марте они заготовляют каких-нибудь 400 или 500 тыс. в месяц, вместо заданий 1,2 млн. пудов. А там сначала применяли очень резкие меры почти поголовного просмотра, почти поголовного нажима и с займом, и с хлебозаготовками, и, очевидно, от этого нажима хлеб уплыл. Были случаи, когда он даже переходил не от богатых к бедноте, а из закромов его обратно в солому и полову высыпали. Утайка хлеба и методы борьбы с государством являются восстановлением старых ухищрений, когда от продразверстки прятали хлеб, – и не только кулаки, но и середняки, которые были напуганы тем, что

вводят всякие ограничения. На почве этого нажима спекулируют политические акулы, мобилизуют силы, и у нас на Украине мы имеем колоссальный подъем всех контрреволюционных организаций – националистических, эсеровских, махновщины. Все это начинает гудеть[44]. О чем это говорит?

Молотов. После хлебозаготовок?

Чубарь. Нет, не после, мы же еще не закончили работу. Я говорю, что обстановка, в которой проводились хлебозаготовки, – самообложение, распространение займа, перегибы, ошибки, о которых я говорил, – благоприятствовала росту антисоветских организаций, и я смотрю на это пессимистически. Сегодня нельзя сказать, что мы уже кончили нажим и можем ликвидировать эти настроения. Мы должны еще нажимать, должны заготовить на Украине еще 21 млн. Нам Наркомторг дал план на апрель 15 млн. из тех 21 млн., которые остались до конца года. Совершенно несуразный план, ибо, когда крестьянин сеет, нельзя его дергать, чтобы он вез хлеб продавать. Мы в марте заготовили 23 млн. Апрельское задание, как бы мы ни мобилизовали партию, невыполнимо, и мы настроения, которые вырастают из наших экстраординарных мер, не парализуем, а поощрим их. Я считаю, что об этом нужно пленуму ЦК сказать, потому что не только хлеб требует от нас мобилизации внимания, но и те явления, для парирования которых и нужно мобилизовать силы. Мы у себя создали фонд для снабжения бедноты продовольствием, мы проводим поэтому в таком широком размере снабжение крестьянства семенами для посева при проведении весенней посевной кампании. Без этого мы будем безоружны в борьбе со всеми и всяческими настроениями. Поэтому задача, которая сейчас перед нами стоит, которая имеет большое значение в подготовке будущей заготовительной кампании, – это правильное, наиболее широкое, настойчивое проведение посевной кампании в части помощи бедноте. Такая директива дана, но практически ее надо провести в жизнь так, чтобы директива не осталась бумажной директивой, чтобы не было извращений внизу. Эта задача требует чрезвычайного внимания всей партии.

Относительно поправок к проекту резолюции. Есть у нас одна поправка к пункту 1, где говорится о создании Союзхлеба. Здесь сказано, что Союзхлеб создается путем слияния всех госхлеборганизаций. Мы считаем, что нужно более четко сказать, что Союзхлеб – это есть акционерная организация, а республиканские государственные хлебозаготовительные организации должны быть акционерами, войдя в состав Союзхлеба с имуществом, аппаратом и капиталами. Пропорционально акционерному капиталу союзные республики должны получать часть прибылей Союзхлеба. Так как местные предприятия, такие, как Укрхлеб, были источниками бюджетного дохода, нужно источники бюджетного дохода сохранить. Для заинтересованности мест нужно установить отчисления с пуда заготовленного зерна, чтобы к государственным заготовителям относились не только как к государственным, но чтобы относились не менее благоприятно, чем к кооперативным организациям, ибо все кооперативные накопления остаются на местах. О государственных заготовителях, хотя и были резолюции одного из предыдущих пленумов ЦК, когда в первый раз реорганизовали заготовительный аппарат[45], но резолюции остались на бумаге, отчислений в местный бюджет – у нас по крайней мере – не было, баланса украинского филиала Хлебопродукта не было установлено. И естественно, как бы мы ни нажимали в порядке партийной дисциплины, экономическая заинтересованность не использована, а ее нужно использовать.

Последнее замечание по поводу заявления тов. Эйхе, что пшеницу чистосортную, отправленную на Украину, забраковали.

Ройзенман. Съели!

Чубарь. Это неверно. Никто не забраковал пшеницу. Отдельные ее партии дали незначительную всхожесть, но вся партия посевного материала используется для посева, для посевной кампании.

Относительно заметок в «Правде». Вот сегодня есть заметка в «Правде», что в Рутченковском взрыве виноваты рудоуправление и местком, а мы считаем, что немцы виноваты[46]. Вот какие расхождения бывают. Так что не все же заметки мы пропускаем через какую-то цензуру.

Г о л о с. Никто не опроверг.

Чубарь. Ну да. Если все заметки опровергать, то нужно очень много времени. А я здесь вот опровергаю – примите это к сведению, – я утверждаю, что пшеница в основном пущена на засев. Кстати, замечу, что мы не требовали обязательно сибирскую пшеницу, а просили яровой пшеницы. Конечно, вам жалко, ну и нам бывает жалко чистосортные семена отправлять с Украины, ограничивая себя и получая простое зерно. Нам тоже хочется посеять хорошее зерно. А вот тов. Микоян говорит: какое заготовили, такое и сейте, на очистку семян нужной накидки не дают.

[**Рыков**. Внесено предложение об объявлении перерыва, но предварительно давайте решим вопрос, будем ли мы работать завтра или нет. Есть предложение такого рода: считать, что завтра вечером пленум не работает...

Г о л о с а. Правильно!

Рыков. А работает до обеда в том случае, если не сумеем сегодня окончить прения и заслушать заключительное слово по докладу о хлебозаготовках.

Г о л о с а. Закончим, закончим! (С м е х.)

Рыков. А если сегодня закончим, то завтра весь день свободный.]

(П о с л е п е р е р ы в а.)

Председатель. Слово имеет тов. Симончик, следующий тов. Иванов с Северного Кавказа.

Симончик. Вполне правильно, что партия в период затруднений в области хлебозаготовок особенное внимание уделяла заготовительным организациям. В этот период выявился целый ряд значительных недостатков, в этот период хлебозаготовительные организации значительно подтянулись. Но в то же время необходимо отметить и тот недостаток, который был при начале заготовительной кампании этого года, – это чрезвычайно жесткое регулирование сети. По целому ряду районов сеть настолько была срегулирована, сокращена, что вполне понятно – она не в состоянии была охватить хлебозаготовок, не в состоянии была справиться с этими хлебозаготовками. Немалое влияние имело и постановление СТО относительно умаления роли потребительской кооперации[47]. Те разъяснения, которые были дополнительно даны, они никогда не доходили до мест, и на местах, в отдельных селах произвели такое «регулирование», что в конце концов целый ряд пунктов прикрылся; например, в Воронежской губернии были отдельные случаи, когда по несколько раз запечатывали ссыпки потребительской кооперации. Ясно, что это повлияло на успех хлебозаготовок.

Один из недостатков, который выявила ударная хлебозаготовительная кампания, – это недостаточное втягивание в хлебозаготовительную кампанию беспартийного актива. И когда на эту сторону обратили большее внимание, когда был поставлен вопрос партией перед организациями советскими и кооперативными о необходимости втягивания этого актива, о том, что этот актив должен быть примерным, что он должен оказывать содействие, нужно заметить, что значительной массой это было понято и это имело известное значение в успехе хлебозаготовок. Здесь тов. Микоян правильно отметил тот опыт и те достижения, которые имеются в кооперации. Эти достижения до-

стались благодаря тому, что партия непосредственно взялась за это дело, исправила недостатки, направила работу, и, таким образом, мы имеем положительные результаты. Но этот опыт необходимо использовать и дальше. Необходимо и дальше втягивать кооперацию и кооперативный актив. И, конечно, товарищи, неправильно рассматривать вопрос таким образом, чтобы умалять роль потребительской кооперации. Необходимо те достижения, которые имеются, закрепить, устранив имеющиеся недостатки. Таким образом, к следующей хлебозаготовительной кампании необходимо кооперацию использовать еще больше.

Мы имеем целый ряд кооперативных недостатков. Например, вопрос о расходах, он требует к себе внимания, но если посмотреть, как происходят расходы в кооперации, в частности – потребительской, то мы видим, что тот аппарат, который занимается торговлей, занимается и заготовками. Таким образом, расходы сокращаются.

Есть недостатки в области качества заготовок. Но и здесь, если бы было больше уверенности у потребительской кооперации в том, что она будет продолжать и дальше вести заготовки, вопрос об улучшении качества, об улучшении оборудования и т. д. можно было бы поставить серьезней.

Этот вопрос требует известных вложений средств. И вполне понятно, что один из вопросов, который встает, – это необходимость установить более твердое, более определенное положение работы кооперации, в частности потребительской кооперации, в области хлебозаготовок. Зачастую ставится вопрос так, что заготовки мешают торговле, мешают кооперированию, что они идут за счет ухудшения торговли и за счет ухудшения кооперирования. Нужно отметить, товарищи, что заготовки помогают торговле, помогают улучшению кооперирования. Мы видим, что кооперация в области оборотов растет, и довольно быстро растет. Мы имеем то, что и кооперирование идет также значительно быстро. Вполне понятно, что здесь громадную роль, основную роль и непосредственное участие проявила со своей стороны партия. Мы имеем сейчас такие результаты, когда потребительская кооперация в отдельных районах в области сбора паев сделала больше за эту ударную кампанию, чем за все прошлое время. Таким образом, когда партия обратила внимание на этот недостаток кооперативных организаций, мы видим здесь определенные результаты. И вполне понятно, товарищи, что сейчас серьезно стоит вопрос о том, чтобы роль потребкооперации ни в коем случае не умалять. Здесь тов. Любимов вполне правильно выступил, когда отметил эту сторону. Мы можем иметь известную потерю, заминку и в работе хлебозаготовок. Если рассмотреть и подробнее вдуматься во 2-й пункт постановления, о том, что потребкооперация заключает генеральные договора с Союзхлебом, низовка же непосредственно из глубин сдает на станционные пристанские пункты, то мы отсюда получим целый ряд недостатков. Одна из основных причин – это то, что низовка будет слабо работать с другими организациями. Тут тов. Чубарь вполне прав, и на опыте, в данном случае в Воронежской губернии, мы имеем то, что низовка работает с другими организациями значительно слабее, далеко не выполняет те договора, которые она имеет. Ясно, что то значение, которое сейчас приобрело единство кооперативной системы, необходимо удержать и дальше. А этот пункт разрывает эту систему, усложняет и даже удорожает работу, так как вопросы распределения сейчас приобретают более сложную форму. С одной стороны, необходимо заготовить, с другой – необходимо передать Союзхлебу и после для распределения опять получить. Таким образом, здесь получается довольно большая сложность в работе. Вполне понятно, что этот пункт требует к себе детального внимания и требует коренного изменения.

Второй вопрос, на котором я хотел остановиться, – это вопрос, затронутый т. Микояном, относительно создания товарных резервов перед заготовительной кампанией.

Я считаю, что этот вопрос вполне правильно поставлен, но мне кажется недостаточным создать резерв. Нужно еще серьезнее поставить вопрос относительно ассортимента товара, какой товар нужно давать в период ударной хлебозаготовительной кампании. Мы имели такое положение: когда посылалась кожа, то посылалась таким образом, что вытяжки, например, посылались в чрезвычайно ограниченном количестве; на одну пару вытяжек в Воронежскую губернию посылали более 2 пуд. подошвы. Таким образом, получилось значительное затоваривание этих подошв, и крестьянин остался все-таки без сапог. В отношении мануфактуры имели такую же картину, когда тот материал, который идет на штаны крестьянину, получался в чрезвычайно ограниченном количестве – 5%. И только когда окончилась хлебозаготовительная кампания, тогда начали посылать этот материал. Таким образом, как видно, здесь произошло некоторое недоразумение – материал пришел тогда, когда закончилась ударная хлебозаготовительная кампания. Таким образом, вопрос ассортимента приобретает особо серьезное значение. [Можно иметь присылку товаров, и таких товаров, которые далеко не будут удовлетворять деревню.]

И последний вопрос, на котором я хотел здесь остановиться, – это на выступлении т. Чубаря, который указывал на ненормальное отношение между ценами Украины и Воронежской губ. Он отмечал это относительно Кантемировского пункта, но хуже еще обстоит дело в Валуйском районе. Первое время, когда шли заготовки подсолнуха, они главным образом направлялись в этих районах на Украину, а когда началась заготовка пшеницы, то она пошла по экономическому тяготению к мельницам и т. д. в Воронежскую губернию. Были отдельные случаи, когда крестьян соседних с Воронежской губерний, везших хлеб, обстреливали. Мы имели такие явления. Вполне понятно, что такие обостренные отношения...

Г о л о с. Где это, на территории Воронежской губ. обстреливали?

Скрыпник. С Украины?

Г о л о с. Свои своих обстреляли.

Симончик. Да, да, это был случай, когда крестьяне повезли в Валуйку хлеб, пшеницу, им дали мешки, они отправились обратно для того, чтобы привезти эту пшеницу с Украины, а на границе их обстреляли.

Рыков. Пограничная охрана обстреляла? (С м е х.)

Симончик. Таким образом, вопрос о взаимоотношениях в области цен между соседними губерниями требует к себе довольно большого внимания. Я считаю, что тов. Чубарь поднял этот вопрос вполне своевременно, и в значительной части это касается непосредственно Украины. На этом я заканчиваю.

Председатель. Слово имеет тов. Иванов. Следующий Квиринг.

Иванов. Мне, прежде всего, хотелось бы остановиться...

Рыков. А у вас пограничная охрана на границах с Украиной есть или нет?

Иванов. Пока мы не устраивали, хотя наше положение менее выгодное в смысле цен на хлеб, чем на Украине, у нас цены ниже; но мы так не плачем, как плачет Украина, и не предлагаем сейчас цены на хлеб повысить, так как считаем их удовлетворительными.

Петровский. У нас меньше кулаков, чем у вас, больше бедноты.

Иванов. Григорий Иванович, у нас кулаков, может быть, и больше, а ведь наибольший шум по вопросу о пересмотре цен и повышении их на хлеб именно идет в первую очередь со стороны кулаков в деревне, и поэтому мы на Северном Кавказе сильнее, чем где-либо, должны были бы почувствовать со стороны мужика этот на нас нажим, но мы ему не поддаемся и всякие иллюзии не сеем о возможном повышении цен на хлеб, иначе мы сделали бы крупнейшую ошибку. А выступление здесь тов. Чу-

баря, который сказал, что на хлеб цены неудовлетворительные, может кое у кого посеять иллюзии о возможности пересмотра цен на хлеб. Нам кажется, что это только повредит нашей хлебозаготовительной работе.

Чубарь. Если не пересмотреть цены на товары, то придется пересматривать цены на хлеб.

Иванов. В проекте резолюции ответ на вопрос, как регулировать хлебный рынок, дан достаточно правильный, [и по этой линии надо идти. В этой области должен быть дан ответ на вопрос о заготовительных рынках] надо идти не по линии повышения цен на хлеб, а по линии урегулирования соотношения цен на хлеб с другими техническими культурами и продукцией животноводчества, а также по линии снижения цен на промышленную продукцию.

Здесь тов. Кубяк возражал тов. Милютину на предложение отметить в резолюции пленума ЦК о том, справилась ли партия с большой работой в области хлебозаготовок или нет. Тов. Кубяк заявил, что этого делать не нужно, так как партия всегда справлялась с задачами, которые перед ней стояли. Партия хлебозаготовительную работу в последние три месяца проводила в необычайно трудных условиях, на иных нескольких основаниях, в экстраординарном порядке, и результаты этой нашей работы имеют крупнейшие политические и экономические итоги. И если мы в экстраординарном порядке проводили хлебозаготовительную работу, идя в этой работе главным образом и в значительной степени по пути осуществления основной директивы XV съезда о наступлении на кулака, то нужно дать ответ, как же партия в этой своей работе по практическому осуществлению основной политической директивы XV съезда партии – как она вышла, как справилась с затруднениями, и куда мы толкнули деревню в результате 3-месячной напряженной работы, каковы же политические и хозяйственные итоги? Потому что без ответа на этот вопрос, по-моему, трудно намечать задачи.

Работу мы проводили при достаточном напряжении. Нужно ответить тов. Любимову, что хлеб заготовляла не кооперация, а партия. Так, по одному Северному Кавказу из городов было мобилизовано и направлено на места до 4500 товарищей, которые сидели в деревнях, руководили всей работой, а государственные и кооперативные хлебозаготовители сидели и ждали, пока им партия заготовит, привезет, и они только выполняли наряды Наркомторга.

Никакой специальной работы кооперации по хлебозаготовкам мы не видели. Кооперация на первых порах развития хлебозаготовительной работы не сыграла той роли, которая ей присваивается как общественной массовой организации. И вот, когда партия мобилизовала себя и фактически провела эту большую работу, то небезынтересно, с какими итогами мы из этой кампании выходим в деревне. Мы ведь в деревне в эту кампанию решительным образом померялись классовыми силами. Мы перешли к активным действиям против кулака. Сумели ли мы в этой борьбе выйти с выигрышем, выйти укрепленными политически, или, наоборот, мы вышли с разбитой в кровь мордой, с растрепанными силами, с растрепанной партией?

Здесь Постышев говорил, что заготовительная работа «принесла вред», а Чубарь говорил, что «середняка мы здорово захватили», что кулак распространил свое влияние и на бедноту и т. д. Мне кажется, что это вопрос не пустячный, обойти его молчанием нельзя, потому что слишком серьезна была эта кампания, слишком за большое дело мы взялись, мы проверяли себя в деревне, проверяли свои силы, прощупали классовое соотношение в деревне и из хлебозаготовительной кампании должны были неизбежно выйти с какой-то перегруппировкой классовых сил. Так, по Северному Кавказу, когда эти итоги подводились, мы сделали вывод, что из проведенной нами кампании по хлебозаготовкам мы вышли не с минусом, а с плюсом, с укрепленным

влиянием партии на широкие массы крестьянства, с несколько ущемленным, оттесненным кулаком, с усилением его политической изоляции, с усилившейся дифференциацией в деревне, и это при сохранении добрососедских отношений с середняком и при наличии возросшей активности бедноты и ее организованности.

У нас есть умы, которые относятся скептически к хлебозаготовительной работе последнего времени, которые и сначала брали под критику всю заготовительную работу, которые стояли на той точке зрение, что вообще не нужно становиться на путь применения экстраординарных мер, чтобы выполнить хлебозаготовительный план, а полагали, что лучше пойти на ввоз хлеба из-за границы. И даже эти скептики ни одного серьезного довода и аргумента против нашей оценки настоящего положения в деревне не могли привести. Крупнейшую роль сыграла в деле укрепления нашего влияния в деревне, в изменении соотношения, в перегруппировке классовых сил в деревне в нашу пользу та работа, которую мы провели и во время посевной кампании, которая была направлена на поддержку бедноты, на усиление и развитие наших мероприятий по подъему сельского хозяйства (снабжение семенами, кредитом, с/х машинами и пр.) и обслуживание данными мероприятиями середняка.

Конечно, есть целый ряд перегибов и искажений линии партии. Они играли отрицательную роль, с ними борьба необходима и нужна. Правильно это отмечается в проекте резолюции ЦК партии. Но с ними, с этими перегибами, борьба больше всего должна была вестись и в процессе самой работы. [Мне кажется, что, поскольку в значительной части районов хлебозаготовительная работа теми методами, которыми мы ее проводили в последнее время, в значительной степени является полупройденной полосой, остается ограниченный период времени для окончания этой работы. Эта часть в резолюции необходима, ее нужно оставить, но на сию минуту, на сегодня она не играет большой политической роли.

Чубарь. Наоборот, самая трудность будет добраться до конца.]

Иванов. В проекте, розданном нам, мы видим констатирование этих перегибов, сигнализируется опасность, которая может проистечь из этих перегибов, дается директива о необходимости решительного изживания, преодолении искажения линии партии в деревне. Все это правильно и необходимо, надо вокруг этого мобилизовать общественное мнение партии. Но здесь нет ответа на вопрос: что же, партия из этой большой работы, которая подняла всю деревню, во время которой партия в хлебных районах была в деревне, когда все окружкомы, райкомы, волкомы, сельские ячейки не занимались почти ничем, кроме хлебозаготовок, – что же, партия из этой громадной работы вышла только с перегибами, вышла только с искажениями, которые являются опаснейшими факторами для крепости союза, блока бедноты с середняком, или же партия, в результате своей большой работы, проверки как ее, так и общественных организаций в деревне, меряния сил с классовым противником, вышла с какими-то положительными результатами? Мне кажется, что на этот важнейший вопрос нужно ответить, на этом большом и важном вопросе в резолюции необходимо остановиться, ибо каждый коммунист, участник этого большого дела, и не только коммунист хочет от партии услышать ответ на этот вопрос: а что же, все-таки, каковы результаты всей этой кампании, положительные или нет? Мы имеем, несомненно, передвижку классовых сил в деревне. Это можно отметить. Мы в настоящее время имеем и некоторое намечающееся изменение производственных отношений в деревне. На этом вопросе никто не останавливался. Нужно сказать, что контуры изменений производственных отношений в деревне начинают нащупываться. То, что кулак продает свои сложные с/х машины, трактора, молотилки и т. д., то, что кулак ограничивает аренду, то, что он отказывает бедноте в кредитовании и т. д. и т. д., – все

это является факторами, мимо которых, мне кажется, никак нельзя пройти. Они к чему-то обязывают, они отражаются в деревне, имеют какой-то результат. Мне кажется, результат этот то, что беднота попадает в несколько более затруднительное положение и начинает искать более активно путей выхода из него, что и привело к стихийному росту колхозов, к стихийному устремлению развития колхозного строительства. Тяга бедноты к колхозу основана на ряде экономических факторов, экономических предпосылок, в деревне происходят сдвиги. Нам нужно все это учесть, нужно учесть то, что беднота потянулась к колхозам. Мы должны это стихийное движение оформить, захватить его в свои руки, с тем, чтобы это движение не перескочило через нас, не прошло мимо нас, что усилило бы лишь как хозяйственные, так и политические трудности в деревне.

Эти контуры, наметившиеся сдвижки в производственных отношениях в деревне нами должны быть учтены. Исходя из этого, есть основания рассчитывать, что решения XV съезда партии для своего осуществления имеют выгодную обстановку в деревне – в смысле перестройки ее на социалистический лад, развития колхозного строительства в самой деревне. Мы можем здесь сказать, что партия справилась в деревне со своей задачей, которая перед ней стояла, причем справилась в том смысле, что она не только выполнила общегосударственную задачу, заготовила хлеб и предотвратила большие хозяйственные затруднения, но справилась и в том отношении, что она вышла в деревне из этой серьезной, большой кампании в условиях нэпа укрепившейся, не растрепанной, с более активизированной беднотой, с большей организованностью ее. Прав тов. Шверник, когда он говорил, что (по Уралу) после хлебозаготовительной работы возросшая активность и организованность бедноты укрепила наши позиции в деревне, наши силы в ней. Нам кажется, что это также нужно отметить.

Далее, в резолюции должен быть и отклик на сдвиг и стремление широких масс крестьянства, особенно бедноты, к колхозному строительству. Мы сейчас же должны оформить это движение, сейчас же необходимо сделать практические выводы из этого стихийного роста в том направлении, чтобы охватить рост колхозов немедленно, сегодня же дать туда людей, возглавить это движение лучшими организаторами, определить направление хозяйственного роста колхозов и т. д. [Уточнить целый ряд вопросов, связанных с тем, каким должен быть колхоз, как он должен строиться, какой фундамент должен быть подведен, и на каком основании они должны расти.]

Вот те замечания, которые у нас вытекают, прежде всего, из итогов хлебозаготовительной работы. Наш вывод не принадлежит к категории бюрократического благодушия, мы видим те трудности, которые в деревне есть, мы их не замазываем. Мы знаем, что кулака мы еще не сшибли, что он еще является кое-каким фактором в деревне, нам предстоит еще с ним посчитаться, продолжая линию дальнейшего нажима на кулака. Мы знаем, что кулак будет стараться то там, то сям сорвать нашу работу, создать те или другие затруднения, он всю свою маневренную способность пустит в ход для того, чтобы попытаться нас обойти, оторвать от нас середняка и т. д. На это мы глаза не закрываем. Трудности большие, великие. Мы должны быть готовыми и способными их преодолеть. В отношении середняка мы должны быть очень зорки и чутки, чтобы его не потерять для нас. Мы этой задачи не замазываем, но мы считаем, что положительные факторы, которые мы имеем в результате хлебозаготовительной кампании, должны быть констатированы, мы не можем на них не остановиться и их не отметить, также нужно подвести политический итог этой кампании.

Председатель. Слово имеет тов. Квиринг.

Квиринг. Мы выслушали здесь от целого ряда представителей мест серьезную критику недостатков хлебозаготовок. Я на этой части вопроса останавливаться не бу-

ду, полагая, что ряд предложений, которые здесь вносились, должны найти свое отражение в резолюции. Я записался для того, чтобы обосновать две конкретные поправки, которые я предлагаю к тезисам Политбюро. Тов. Микоян в своем докладе остановился главным образом на вопросах конъюнктурного обоснования наших хозяйственных затруднений. В резолюции ЦК этой части уделено также значительное внимание. Я полностью разделяю ту характеристику, которая там дана, но я считаю, что в этой резолюции должна быть более подчеркнута необходимость мероприятий по поднятию производственной базы сельского хозяйства, или, точнее, зернового хозяйства.

Правда, XV партийный съезд по этому вопросу высказывался с достаточной полнотой. Поскольку в предлагаемых пленуму тезисах совершенно определенно говорится о необходимости некоторых ценностных сдвигов в заготовительных ценах между зерновыми хлебами и остальными культурами, мы имеем дальнейший шаг по улучшению предстоящих перспектив хлебозаготовительной кампании. Но мне представляется, что все же необходимо в этой резолюции особенно подчеркнуть те особые условия, которые ставятся перед нами в области поднятия сельского хозяйства, и прежде всего бедняцкого хозяйства. Тут некоторые товарищи совершенно правильно подчеркивали, что в результате хлебозаготовительной кампании очень остро поставлены классовые отношения в селе. И победителями мы выйдем из этого дела, разумеется, в том случае, если мы производственно укрепим бедноту. Основная линия этой работы – коллективизация. Но для того, чтобы коллективизация могла быть поставлена на достаточную высоту, мы должны, действительно, дать возможность этим объединенным коллективам перейти на машинное хозяйство, а до сих пор в этом отношении у нас сделано очень мало. Хуже того, за последние годы в этом деле мы имеем даже некоторый регресс. Я говорю о тракторизации. Трактор есть основа коллективного хозяйства. Тракторов у нас не хватает, тов. Чубарь.

Чубарь. Нам обещали, а вот теперь не дают.

Квиринг. Я к этому сейчас подойду. С тракторами у нас крайне неблагополучно. Я вам назову следующие цифры. В 24/25 г. было ввезено к нам 6 тыс. тракторов; в 25/26 г. – 12 тыс. тракторов, т. е. мы сильно скакнули вперед, 12 тыс. это была цифра, которая приблизительно удовлетворяла потребности сельского хозяйства, и то не в достаточной мере. В 26/27 г. мы вынуждены были резко пойти назад и ввезти 5 тыс. тракторов, а по плану этого года мы ввозим $3^1/_2$ тыс. тракторов, т. е., товарищи, мы имеем регресс в этой важнейшей части...

Сталин. А что мы сами производим?

Квиринг. Производим мы, к сожалению, очень мало. В этом году по плану должны произвести тысячу восемьсот тракторов, что совершенно недостаточно.

Таким образом, товарищи, количество тракторов у нас не увеличивается, и производственную базу – крупное сельское хозяйство, т. е. совхозы и колхозы – мы укрепить при этих количествах не можем.

У меня имеется копия письма одного товарища, крупного работника по линии колхозов, который говорит о том, что в результате директив XV съезда сейчас идет очень сильно колхозное строительство, но он отмечает крайние опасности, которые идут именно потому, что эти колхозы организуются без производственно-машинной базы.

И он говорит совершенно правильно в конце своего письма следующее: «Наши земорганы и кооперация техническую базу крупного с/х производства заменяют обычной крестьянской извечной **супрягой**[48]. Они думают, что достаточно собрать плуг Ивана, борону Сидора, лошадь клячу Петра и серп Степана вместе и крупное с/х про-

изводство готово. Нужно разъяснить, что супряга – не коллективизация и коллективизация – не супряга».

Я думаю, что этот товарищ очень правильно подметил слабую черту и очень большую опасность в той работе, которая сейчас идет. Вчера в «Правде» был напечатан большой фельетон под заглавием «В общем и целом на 100%». Этот фельетон говорит о том же. Наши работники на местах, получив задание от соответствующих центров, выраженное в определенных количественных величинах, организовать такое-то количество колхозов, заявляют: не беспокойтесь, дорогой товарищ, в общем и целом задание будет на 100% выполнено. Но как оно будет выполнено? Оно будет выполнено, конечно, вот таким порядком, что несколько десятков хозяйств наспех соберут, дадут кое-какой кредитец, а никакого производственного базиса мы под это дело подвести не сможем. В результате мы получим очень значительный распад этих колхозов.

Я думаю, что мы подошли сейчас к такому моменту, когда дальнейшее укрепление нашего сельского хозяйства невозможно иначе, как при условии ввоза примерно 15 тыс. тракторов ежегодно, и я считаю, что это такая важная статья в нашем хозяйстве, что при всем сжатии нашего импортного плана мы обязательно должны найти возможность ввозить ежегодно такое количество тракторов.

Правда, мы имеем сейчас некоторое затруднение в этой области. Нас подвел «Форд», он остановил свое производство, и мы должны теперь искать другую марку за границей. Но я думаю, что все же тракторопроизводство всего света, очевидно, может выделить достаточное количество тракторов, которое нам необходимо.

Вот в этом году украинцам обещано дополнительно на 5 миллионов рублей тракторов.

Петровский. Да, подавай их сюда.

Квиринг. Я должен сказать, что они это дело заслужили.

[**Чубарь**. Наконец нас похвалили.]

Квиринг. Они по хлебозаготовкам выполнили план на 132% против прошлого года. Но, Григорий Иванович, пожалуйста, не задавайтесь.

Петровский. Чего же мне задаваться.

Квиринг. Украина хорошо провела хлебные заготовки, но если взять Северный Кавказ, который заготовил против прошлого года только 97%, то это не значит, что эти 97% хуже, чем 132% украинские, потому что весь вопрос в степени урожая в этом году в различных районах по сравнению с прошлым годом. И если мы посмотрим, например, на Поволжье, то там выполнено только 50%, есть еще более плохие районы, например Оренбургская губ., где выполнено только на 10% прошлогодних заготовок, но это не потому, что там плохая организация, – может быть, там и организация плохая, может быть, они могли бы заготовить не 10, а 15%, – но по состоянию урожая они не могли бы выполнить 132%. Это я говорю не к тому, что 5 миллионов рублей, которые обещаны Украине, надо по-братски разделить между всеми районами. Украинцам надо дать то, что им обещали, но вопрос тракторизации одинаково остро стоит перед всеми зерновыми районами, и если мы не найдем в этом отношении твердого решения, то все наши мероприятия по линии организации крупного хозяйства, крупных совхозов и колхозов, будут обречены на полную неудачу, потому что их организация возможна только при условии массового применения тракторов.

Чубарь. Решение твердое есть, а исполнения твердого нет.

Квиринг. И решения такого нет, поэтому я и предлагаю вынести по этому поводу постановление пленума в цифровых величинах, которое бы обязывало, начиная с будущего года, ввозить не менее 15 тыс. тракторов ежегодно.

Микоян. На счет Госплана.

Квиринг. Если Микоян сможет это провести за счет Госплана, я не возражаю, я только указываю, что если импортный план составлен на 600 млн. руб., то мы обязаны найти 15–20 млн. руб. на ввоз тракторов.

Теперь я перейду ко второй своей поправке. Она касается мукомольного дела. Мы заготовляем зерно, а едим, как все знают, хлеб. И вот, пока зерно дойдет до хлеба, оно проходит очень тернистый и дорогой путь. Я не буду говорить о печении хлеба. Тут наши лорд-мэры и кооператоры могли бы рассказать, что делается в этой области, в частности об огромных накладных расходах, я остановлюсь только на состоянии мукомолья. Несколько дней тому назад Госплан рассматривал промфинплан мукомольной промышленности. Должен сказать, что это вовсе не такая маленькая вещь. Только цензовая промышленность выпускает продукцию на сумму около миллиарда рублей. Мукомольное дело находится в ведении Наркомторга в отличие от всей остальной промышленности, но я должен сказать, что Наркомторг не является еще достаточным хозяином мукомольной промышленности. Тот промфинплан, который был представлен нам, крайне слаб во многих отношениях. Он охватывает прежде всего только узкий круг промышленности. Во-вторых, нам сообщили, что в самом Наркомторге планово-регулирующий орган поставлен очень плохо.

Тов. Эйсмонт подтверждал, что на всю РСФСР-скую промышленность имеется только 2 работника, один заведующий и одна машинистка. Я не знаю, что при таких условиях от них можно требовать.

Г о л о с. А сколько в союзном?

Квиринг. В союзном больше, но, как говорили, тоже недостаточно для той огромной работы, которую они двигают. На местах в губторгах тоже или один человек, или совершенно нет людей, а работу надо и там делать. Что же, товарищи, получается? Если мы обратимся к себестоимости перемола, то мы получим, что в 26/27 году, т. е. в истекшем году, себестоимость помола увеличилась против 25/26 года. Каковы причины? Наркомторг объясняет это, во-первых, тем, что увеличили амортизационные отчисления, во-вторых, повысили заработную плату, в-третьих, произошло вздорожание топлива, франко-мельница[49] на столько-то процентов, в-четвертых, влажность пшеницы. Ну, влажность там от бога или от плохого состояния складов, но если возьмем все остальное, как-то: амортизационные отчисления, повышение заработной платы, вздорожание топлива, то это явления, которые имели место во всей промышленности в целом. Однако в нашей промышленности мы имели в прошлом году понижение себестоимости, а в мукомольной промышленности имеем повышение. Это говорит о том, что в хозяйственном отношении в этом вопросе не все благополучно: накладные расходы страшно высоки, и это выражается в том, что разрыв между ценами ржи и ценами муки, например в производящих районах, т. е. там, где хлеб заготовляют и там же перерабатывается, получается в 40 с чем-то процентов. Значит, перемол зерна дает удорожание на 40%. Это вещь совершенно недопустимая. Мы должны принять меры к тому, чтобы Наркомторг превратить в действительного хозяина мукомольной промышленности, чтобы заставить его снизить себестоимость помола. Иначе успехи, которые мы будем иметь на фронте хлебозаготовок, не дадут соответствующего отражения для потребителей, а нам ведь нужно, чтобы, в конечном счете, до потребителя довести продукцию в возможно дешевом виде. А сейчас то, что мы крестьянину не додаем в цене при заготовках хлеба, потом наращивается в мукомольной промышленности, затем в печении хлеба и в конечном счете до рабочего и потребителя доходит в крайне высоких ценах. Вот на этот вопрос необходимо обратить серьезное внимание.

Председатель. Слово имеет тов. Голощекин.

Голощекин. Обсуждать итоги и делать выводы о хлебозаготовках этого года нельзя без обсуждения и подведения итогов и выводов по всей сумме кампаний, которые сопровождали эти заготовки и помогали этим заготовкам. Ведь нельзя забывать то, что мы в это время вели такие кампании, как самообложение, крестьянский заем, взыскание сельхозналога, взыскание страховых платежей, паевых взносов и целый ряд других. Мы всколыхнули всю нашу партийную организацию, мы всколыхнули всю нашу деревню, все наши советские организации, и рассматривать это раздельно было бы некоторой искусственностью. Мы имеем большие плюсы, некоторые минусы. Между тем тезисы и доклад всей суммы кампании не касаются и не дают выводов того, что дали эти кампании и как нам нужно дальше идти. Срыв хлебозаготовок был следствием неправильной постановки сырьевых заготовок. Вопросы цен, времени заготовок, районирования этих заготовок играли колоссальную роль в области успеха хлебозаготовок. Нас заставляли в одном и том же районе одновременно решать на все сто процентов и хлебозаготовки, и мясные заготовки, и сырьевые заготовки. Наши попытки районировать, распределить между районами без ущерба, наши попытки внести более правильное соотношение цен встречали препятствия. И в будущем году вопрос удачи хлебозаготовок будет зависеть, между прочим, от правильной постановки сырьевых заготовок.

Между тем в резолюции ЦК это не предусматривается, как не предусматривается и такой вопрос, как необходимость организации единого фронта в сырьевых и мясных заготовках в такой же степени, как в хлебозаготовках. Конкуренция, чрезвычайное многообразие заготовителей в области мясных и сырьевых заготовок, несомненно, срывают и цены, и успешность этих заготовок. Я хочу обратить внимание, что мы имеем ряд плюсов, например такой плюс, как правильное регулирование денежного обращения между городом и деревней. Когда начали кампанию, мы установили, что без изъятия определенного количества денег, которое накопилось в деревне, мы не можем с успехом провести эту кампанию. Это означает, что постоянно у нас будут такие явления, когда регулирующие органы, когда наше руководство должно следить за этими явлениями и своевременно предпринимать такие маневры, такие мероприятия, которые могли бы это урегулировать. Я думаю, что этот вопрос должен также найти свое выражение в тезисах.

Мы имеем плюс в области товароснабжения деревни. Что мы можем установить? Мы можем установить, что недостаточно еще отсылать товары из промышленных районов, скажем, в хлебозаготовительные районы, в крестьянские районы. Мы сейчас знаем на опыте этой кампании, что огромное количество товаров остается в городах, в обывательских городах. И в будущем вопрос об урегулировании снабжения деревни должен будет иметь большое значение. Опыт, который мы произвели, нас к этому толкает. Еще одно нужно иметь в виду: опыт показал, что имелось затоваривание таких товаров, которые мы считали исключительно деревенскими. А между тем деревня уже развилась, потребление ее развилось значительно дальше, и она потребляет такие товары, которые до сих пор считались исключительно городской потребностью. И теперь в области распределения тех товаров, в которых нуждается деревня, нужно сделать шаг вперед.

Совершенно не отражен в тезисах вопрос о роли работы нашей партии в этих кампаниях. Все согласны в том, что, несомненно, партия вышла победительницей в этой кампании. Мы пришли на этот пленум не так, как пришел Каменев в 25 году, когда он заявил, что «мужик нас регульнул»[50]. Мы пришли на пленум с тем, что мы «регульнули» кулака. Но, товарищи, если есть много положительного, то в то же время ведь за это время мы увидели лицо нашей партийной организации более ясно и ре-

льефно, чем мы знали до сих пор, мы увидели лицо нашей деревенской организации, мы увидели, что имеются окулачившиеся коммунисты; с другой стороны, что огромное количество наших деревенских коммунистов не научилось работать по-новому, что методы военного коммунизма более им доступны. Эта кампания подсказывает ряд директив в области постановки этой работы. Кстати, товарищи, если имелся большой перегиб, а он получил осуждение, и правильно получил осуждение, то мы должны наряду с этим еще сказать, что если исключить чрезвычайно грубые, жесткие перегибы, то в перегибах не исключительно виноваты низовые наши органы, наши низовые коммунисты, а виновато также руководство, руководство наших высших органов, губернских, краевых, я не смею сказать о ЦК, но думаю, что немного и ЦК.

Рыков. На пленуме все можно сказать.

Голощекин. Очень правильные, очень верные и хорошие директивы были даны Центральным Комитетом в своих телеграммах.

Косиор. Теперь можно рассказать и о двухгодичных запасах хлеба в Кзыл-Орде.

Голощекин. Да, можно рассказать о многом, какие у нас недостатки. Здесь можно отметить, что местное снабжение превалирует над государственным в очень многих местах. Это правильно. Я хочу сказать, что мы не можем уклониться от того, чтобы сказать, что если бы мы в нашем руководстве в развитие директив ЦК не перенесли всего центра тяжести на то, что «выполняй и больше ничего, мы будем о тебе судить по тому, как ты выполняешь, а поэтому расшибись, сделай что хочешь, но выполни», если мы к этому еще прибавили бы, дали бы ряд методов, как сделать, если бы мы провели, а мы можем дать ряд материалов и мероприятий, которые ослабили бы методы административного нажима, дали бы возможность организовать бедноту тут же в ходе этой кампании на ее материальной и некоторой другой заинтересованности, мы бы избегли и тех недочетов во взаимоотношениях с крестьянством, которые мы имели.

Мы увидели в этой кампании лицо наших низовых советов, и их отрицательные, и их положительные стороны. Многие товарищи пишут, что они пришли к тому заключению, что нужно еще на 20% уменьшить административное расходование в губернских и уездных органах и увеличить их для деревенских органов, от которых мы зависим. Мы увидели лицо нашей кооперативной организации. К этому нужно присмотреться. Ведь то, что увеличивается процент ее участия в заготовках, происходит главным образом потому, что она сильно развилась сейчас, что она связалась с крестьянством очень крепко. Но в то же время мы увидели, что кооперативные организации имеют архикрестьянское лицо и часто кулацкое направление; что если мы туда не вольем людей, если мы там не будем воздействовать, если мы в будущей кампании не усилим роль нашего государственного заготовителя, то при каком-либо осложнении эта кооперация нас может подвести.

Мне кажется, что у нас имеется огромное количество плюсов, имеются и минусы, которые не вполне отражены. Ясно, что мы не можем повторить такой кампании, какая была. Нужно указать те пути в области регулирования, в области руководства, в области организации всех форм заготовок, которые не дали бы, не создали бы этих моментов, которые бы заставили нас повторить такую кампанию. Между прочим, имеется еще такая опасность, что наши низовые партийные ячейки, исходя из того, что было, по инерции в будущем будут многое повторять. Они будут работать за наши финансовые органы в области изыскания налогов; они будут работать за нашего заготовителя; они будут помнить, что пройдет 2–3 месяца, будет не выполнена задача, и это навалится опять на их плечи; они могут повторить это. Между тем мы должны их поставить на иные рельсы; мы должны их поставить на рельсы контроля против искаже-

ния партийных директив, а это безусловно будет, поскольку наши соворганы не вполне подготовлены.

Затем, товарищи, чего недостает в тезисах – это все же политических выводов этой кампании. Вопрос о том, что мы сейчас получили в деревне, даже таких политических директив, политических выводов, которые имелись в письме Центрального Комитета, абсолютно верных, здесь нет. Партия, после того как она всколыхнулась, после того как она провела большую работу, после того как она соприкоснулась с многомиллионным крестьянством, [ждет от Центрального Комитета, от резолюции Центрального Комитета] – должны ждать бульших выводов, чем те, которые дают нам эти тезисы.

[**Косиор**. Влево.

Голощекин. Тут дело не влево, а тут партия хочет получить определенный ответ от своего высшего органа.]

Еще одно: посевная кампания внесет огромный корректив в область улучшения взаимоотношений с деревней, который дает нам очень много плюсов, но тут имеется масса недочетов, недоучетов. Я беру, например, Казахстан, который дал в нынешнем году 28 млн. пудов, в прошлом году 50 млн., – он получает всего 620 тыс. пудов семян. Рядом, скажем, Оренбургская губерния, она дала по заготовкам всего 900 тыс. пудов, и она получила 720 тыс. пудов семян. Семипалатинская губ., которая дает 12 млн. пудов хлеба, получает 118 тыс. пудов. Рядом Сибирский округ, дающий в три раза меньше, получает 600 с чем-то тыс. пудов. Это неверно, это не дает возможности такому большому краю, с такими большими задачами в области зерновых культур, выполнить те задачи, которые ставит перед собой весенняя кампания.

Председатель. Слово имеет тов. Лебедь.

Лебедь. Я думаю, что попытки некоторых товарищей углубить принципиальные политические вопросы, такие, как вывод из хлебозаготовительной кампании, неправильны. В резолюции Политбюро основные вопросы, которые вытекают из ответа на этой стадии, решены совершенно четко и ясно. Несмотря на те экстраординарные меры, которые мы предпринимали в области хлебозаготовительной кампании, мы расплачивались главным образом за опоздания в сроках сверху донизу, что также фиксируется в резолюции. Когда мы бросили всю партию, нарушили нормальный ход жизни, мы не могли ожидать меньшего, чем то, что мы получили. Это совершенно бесспорно. Т. е. вот те искривления, о которых говорилось, та боязнь со стороны крестьянских слоев, начиная с середняка и кончая беднотой, о которых указывали здесь товарищи в своих выступлениях, – но достаточно ли этого для того, чтобы ставить вопрос об углублении анализа Центрального Комитета вопроса о социальных сдвигах? Совершенно недостаточно, ибо там определенно сказано, и товарищи с мест подтвердили, что с кулаком справились, а середняк с беднотой остались за нами, и те случаи, когда село говорило одним языком, эти случаи нужно относить главным образом за счет тех искривлений, о которых правильно сказал тов. Микоян, что они являются результатом той неизбежной напряженности, которую мы вынуждены были проявлять.

Вот с этой точки зрения я подхожу к первому конкретному предложению, которое стоит в тезисах Политбюро, к вопросу о реорганизации нашего заготовительного аппарата. На опыте первого полугодия, в результате обследования РКИ на Украине и в других районах, я поделюсь некоторыми фактами, которые надо учесть для того, чтобы решительнейшим образом устранить из будущей нашей практики. Здесь я делаю оговорку, что буду оперировать только материалами с Украины и теми материалами, которые характеризуют положение дел с хлебозаготовительным аппаратом, до момента, когда Центральный Комитет партии и ЦК КП(б)У приняли соответствую-

щие меры. Что мы видим? То, что в тезисах ЦК определено как «ожесточенная конкуренция». Эта ожесточенная конкуренция на Украине была предопределена неправильной линией со стороны регулирующих органов. Так, данные обследования говорят о том, что Хлебопродукт, который должен был по плану иметь 61 ссыпной пункт, был поставлен в такие условия, когда ему отвели 7 районов, из них 4 района недостаточно урожайных: Одесский, Херсонский, Николаевский, Автономная Молдавская ССР; таким образом, он не имел возможности открыть 61 пункт, а открыл только 46, боясь недогрузки. Такой подход украинских регулирующих органов определил дальнейшую работу Хлебопродукта. Украинский Наркомторг обязался, чтобы обеспечить полностью источники заготовки хлеба для Хлебопродукта; в случае, если бы оказалось, что отдельные районы не могут удовлетворить Хлебопродукт, он должен был в процессе работы передать часть ссыпных пунктов Хлебопродукту, но он этого не выполнил.

Чубарь. Откуда эти данные?

Лебедь. Это, тов. Чубарь, данные на основе обследования РКИ Украины. Так вот к чему это привело. Это привело к тому, что в первом полугодии по выполнению директивы, пока партия нажала в этом деле, мы имели такое соотношение, что по выполнению хлебозаготовок за первое полугодие, т. е. июнь – декабрь, Укрхлеб имел 97,5, а Хлебопродукт – 50,4%.

Еще вопрос относительно доплат. СТО постановил в целях стимулирования завоза производителями хлеба непосредственно на мельницы и элеваторы установить систему доплаты от 1,5 до 7 копеек. А Украинский Наркомторг установил систему доплаты, по которой явно поощрял Укрхлеб и снижал стимулирование к работе Хлебопродукта. Я имею цифровые данные, могу их сообщить. Для Укрхлеба эти доплаты были установлены от 3 до 10 копеек. Оплата для элеваторов Хлебопродукта установлена была 1,5, а для мельниц Укрхлеба в тех же районах – 5 копеек. Как видите, эти данные говорят о жесточайшей конкуренции, с которой Центральный Комитет предлагает решительным образом бороться в будущей нашей практике. Кроме этого, еще целый ряд искривлений, которые имели место, запрещение совхозам сдавать хлеб Хлебопродукту, а сдача его Укрхлебу.

Чубарь. Потому что они сдают семенной материал, а Хлебопродукт перемалывает его.

Лебедь. Запрещение выездов агентов и даже аресты представителей Хлебопродукта – все это говорит о том, что действительно правильно и даже с некоторым опозданием мы решаем один из важнейших вопросов, вопрос о планировании хлеба. Если мы решили планирование таких командных высот, как индустрия, то вопрос о создании пролетарского кулака в хлебном деле абсолютно необходим, таким должен явиться «Союзхлеб».

Далее, тов. Чубарь говорил здесь, что помимо общих трудностей у них на Украине имеются специфические трудности, национальные. Об этом мне тоже известно, и возможно, что это решение усилить известные рецидивы, скажем волобуевского порядка, когда сейчас на Украине один «экономист» Волобуев предлагает реформировать наш Советский Союз в таком направлении, чтобы передать руководство всем без исключения хозяйством и промышленностью, в том числе Донбасс, Югосталь, железные дороги, в ведение украинских центров.

Само собой разумеется, что эти настроения в некоторой степени имеют место, особенно в последнее время, в связи с общими попытками кулака перейти в наступление, они усилились, потому что это наступление мелкобуржуазной стихии. Поэтому, кроме всех задач, вытекающих из решения пленума, перед украинскими товарищами

стоит задача покончить с этими искривлениями, как покончили в свое время с русотяпскими настроениями. Ибо волобуевские[51] настроения захватывают целые круги интеллигенции и украинской молодежи. Это возрождающиеся петлюровские контрреволюционные настроения, пытающиеся разъединить союз трудящихся.

Председатель. Слово имеет тов. Генкин.

Генкин. Систематический рост кооперативных хлебозаготовок и падение удельного веса государственных хлебозаготовителей являются результатом целой группы причин экономического порядка, организационного, бытового, территориальной близости кооператива к держателям хлеба и в известной мере также результатом того, что кооперацией в последний период хлебозаготовительной кампании были предприняты организационные меры для того, чтобы активизировать свои хлебозаготовки. Кстати сказать, заявление тов. Лебедя относительно больших помех, которые были применены к Хлебопродукту на Украине, является по меньшей мере необоснованным. Хлебопродукту были – в особенности в последний период хлебозаготовительной кампании на Украине – предоставлены величайшие возможности работы, совершенно неограниченные возможности в отношении открытия ссыпных пунктов, поездок его агентов на базары и т. д. и т. д.

Лебедь. В последний период, – а я говорил о первой половине года.

Генкин. Однако это не дало почти никаких существенных результатов. Мы имели ряд случаев, когда заготовительные пункты ограничивались заготовкой в 13–15 пудов хлеба в месяц.

Косиор. Это немножко сомнительно, у них не специальная сеть.

Генкин. Я считаю необходимым передать здесь официальное заявление Укрнаркомторга на заседании ЦКК Украины относительно того, что проверка проделанной Хлебопродуктом работы за последний период привела к установлению того, что имеется целый ворох директив о представлении центру материалов, какие препятствия и затруднения созданы для работы Хлебопродукта на местах, и нет ни одной директивы об усилении заготовительной работы, ни одного выговора своим работникам, ни одного привлечения этих работников к ответственности за невыполнение заданий. Таково было официальное заявление на заседании ЦКК.

[**Чубарь**. Не лицом к селу, а лицом к Наркомторгу?]

Генкин. Что касается кооперативных хлебозаготовок, то повторяю: была группа причин, о которых я уже сказал, и только в известной, очень незначительной степени сказывалась активная работа самого кооперативного аппарата. Партия в ряде своих документов фиксировала, что наиболее тяжким пороком кооперативной работы является ориентация на хлебный самотек, выжидание этого хлеба, отсутствие какой-либо действительно активной работы в направлении заготовки хлеба. Это совершенно правильно. Такой был недочет у кооперации. Среди всяких прочих положительных результатов, с какими была сопряжена хлебозаготовительная кампания последних месяцев, несмотря на ее особенности и трудности, необходимо отметить, что благотворный результат ее сказался и в том смысле, что мы получили возможность раскачать наш аппарат, заставить работать его интенсивно, произвести проверку всего механизма кооперативного аппарата, отдельных участков работы, произвести проверку наших кадров. Но что является наиболее важным для будущего, это необходимость выработать систему мероприятий, которые могли бы привести к ликвидации пассивности кооперативного хлебозаготовительного аппарата и его ориентации на хлебный самотек. Тут тов. Шверник вскользь уже указал, что пайщики указывали работникам кооперации на то, что план хлебозаготовок не был представлен пайщикам, что они не знали об этом плане, что, если бы они знали об этом плане, они бы пошли навстречу заданиям,

поставленным перед кооперацией. Дело заключается в том, что у нас до сегодняшнего дня нет надлежащих организационных форм постоянной и прочной увязки между кооперированным населением и кооперацией в области хлебозаготовок. Мне представляется, что отношения кооперированного населения к кооперации надо строить в полном соответствии с теми отношениями, какие существуют у кооперации с государством.

Фигатнер. Что это значит?

Генкин. Это значит, что если кооперация несет как система определенные обязательства в отношении заготовки хлеба и ей дается определенный план, который она обязана выполнить, то обязательства за выполнение этого плана должны быть переложены также и на кооперированное население.

Косиор. Малопонятно.

Генкин. Я могу попытаться более ясно обосновать это положение.

Фигатнер. Ты скажи совсем ясно, а не более ясно.

Генкин. Тов. Микоян в своей первой директивной депеше указывал на необходимость такой постановки работы, при которой пайщики несли бы материальную ответственность за выполнение заготовительного плана кооперации. Если это мероприятие провести в жизнь внезапно, в процессе работы, оно может не дать должных результатов, но если дело поставить таким образом, что план, даваемый Наркомторгом Центросоюзу или ВУКСу, перелагается центрами на райсоюзы с тем, чтобы он был доведен до сельской кооперации и был поставлен на собраниях уполномоченных и пайщиков сельского кооператива, рассмотрен и утвержден, он примет вид юридического обязательства пайщиков перед кооперативом. Вот что это значит.

Г о л о с. Это измышление.

Фигатнер. А сегодня можно это сделать?

Подвойский. Это лет через пять можно сделать.

Генкин. Если это можно сделать лет через пять, то это не устраняет правильности этого мероприятия по существу. Работникам кооперации, близко соприкасающимся со всеми вопросами, которые возникают в области хлебозаготовок, представляется, что этот вопрос созрел и мероприятие это является жизненным. Кооперацию совершенно правильно упрекают, и это было, повторяю, фиксировано в ряде партийных документов, что она не проявляла достаточной активности в области хлебозаготовок, что она держится только на хлебном самотеке. Что можно этому противопоставить?

Г о л о с. Хорошую работу.

Генкин. В каком направлении? Как практически это выразить? Как сделать, чтобы практическая работа была хорошей? Это могло бы выразиться в том, чтобы общественная сторона этой работы была организационно оформлена, чтобы хлебозаготовки были поставлены на правильные рельсы общественности, и мне кажется, что именно таким путем мы должны будем идти. Это предохранит нашу работу от случайностей. Мы могли бы 60–70% нашего хлебооборота поставить в твердую зависимость от таких договорных отношений, устанавливаемых с кооперированным населением через собрания пайщиков. То предложение, какое имеется в докладе тов. Микояна и тезисах и которое сводится к тому, что весь заготовленный кооперацией хлеб поступает к государственному заготовителю – Союзхлебу, является неприемлемым не только для кооперации, но неприемлемым и с точки зрения правильного построения хлебозаготовок. К чему дело сводится в том построении, которое было предложено тов. Микояном? Оно сводится к тому, что весь заготовленный хлеб сдается Хлебосоюзу по генеральным соглашениям с Центросоюзом и ВУКСом. Ни одного слова нет о том, какую роль во всей этой работе будет играть срединное звено кооперации – райсоюзы.

А между тем важнейшее условие реализации всего этого плана, всего этого построения – это участие райсоюзов в хлебозаготовках. Если дело сводится к тому, что райсоюзы как срединные звенья выпадают из области хлебозаготовок, то, разумеется, центры кооперации никакой действительной ответственности за выполнение планов нести не сумеют, не смогут. Нужно об этом прямо сказать.

Микоян. Это ясно.

Генкин. Но какова же будет роль райсоюзов, если они должны заниматься выполнением только определенной организационной работы, организовывая хлебозаготовителей в нижних звеньях с тем, чтобы хлеб сдавать государственному заготовителю. Организационная работа райсоюзов, отвлеченная и абстрактная, без непосредственного оперативно-хозяйственного участия в хлебозаготовках, без ответственности за результаты заготовки, без здорового соревнования между отдельными организациями и отдельными районами, проведена успешно быть не может. Такой работы можно требовать с известным ограничением у кооперативных центров, да и то она будет проведена весьма плохо, но лишать райсоюзы непосредственной возможности принимать участие в хлебозаготовках нельзя, потому что тогда будет затруднена и организация низового заготовительного аппарата. И вот мне поэтому кажется, что это обстоятельство побуждает все же ставить заготовительную работу в кооперации таким образом, чтобы хлеб из потребительских обществ, прямо и естественно тяготеющих к заготовительным пунктам госзаготовителей, поступал бы к последним, но чтобы всякий хлеб, заготовленный кооперацией за пределами радиуса экономического тяготения, поступал бы в непосредственное распоряжение кооперации. Это нужно еще и по ряду других обстоятельств. Возникает ряд других недоуменных вопросов. Мы знаем, что ко всякой ж/д станции естественно тяготеет хлебный поток, он туда устремляется совершенно стихийно. Значит ли это, что расположенная при станции кооперация не имеет права и возможности выполнять функции организации, которая перерабатывает этот хлеб от начала до конца, что эта организация принимает хлеб, оплачивает, отгружает и направляет по соответствующим адресам? Значит ли это, что при всех станциях должны быть организованы обязательно государственные ссыпные пункты, т. е. и там, где их теперь нет? Если это значит последнее, то, несомненно, это будет сопряжено с огромными расходами, и притом совершенно не вызываемыми необходимостью. Мне кажется, что этот вопрос не может ускользнуть от нашего внимания.

И наконец, последнее обстоятельство, которое здесь уже отмечали и которое вызывает недоумение. Кооперация должна будет явиться и является основной организацией по сбыту хлеба, по снабжению. В одном случае она, целиком передавая хлеб госзагототовителю, несомненно, будет получать за это какие-то комиссионные проценты и проч., а потом будет получать хлеб для нужд снабжения, причем и эта операция будет требовать соответствующих расходов. Получается какая-то с трудом перевариваемая и очень уж сложная механика в области хлебооборота. Мне кажется, что совершенно правильно тов. Любимов ставил вопрос о необходимости свести заготовительную работу кооперации к сдаче хлеба госзаготовителю по признаку естественного тяготения к заготовительным пунктам, установив определенный радиус. Все же остальное должно составлять предмет непосредственного руководства и заботы кооперации.

Наконец, мне хотелось остановиться еще на других вопросах, связанных с хлебозаготовками, на вопросах товарооборота. Тут два момента я хотел отметить. Первое – это то, что в области размещения товарной массы по стране мы, несомненно, имели ряд крупнейших недочетов. За последний период заготовительной кампании, т. е. с начала января месяца, Наркомторг внес жизнью продиктованные коррективы в область снабжения, в дело размещения по районам товарной массы. Она стала направляться

туда, где она могла дать нам больший экономический эффект, вместо прежней **системы** размещения товаров на основе совершенно необоснованных и случайных коэффициентов. Но надо эту практику, практику такого размещения товарной массы, закрепить, так как она отвечает не только действительным реальным потребностям отдельных районов, областей и республик, но и общим интересам государства в области организации хлебозаготовок, сырьевых заготовок и т. д. Но одновременно с этим надо и в самих республиках, в отдельных областях видоизменить практику административного регулирования нашего товарооборота. Мы получили благодаря этому регулированию совершенно ненужное, недопустимое перенасыщение товарами одних райсоюзов при одновременном недосыщении других, но и в том и в другом случае мы получили финансовый кризис, почти банкротство ряда кооперативных организаций. У нас на Украине такая была картина, что все районы, которые не были отнесены к группе заготовительных, начали играть большую роль в хлебозаготовках, не получив и обычной нормы товаров, а другие, получив товары в избытке, не дали предположенного количества хлеба.

Наконец, последнее обстоятельство из области товарооборота. Хлебозаготовки, которые проходили таким образом, что сотни наших товарищей были на местах и знакомились с общей работой кооперации, привели к установлению еще одного, очень важного обстоятельства, что кооперативный товарооборот тоже является самотечным. Кооперация является таким торговым аппаратом, через который товары не проталкиваются к потребителю, а потребители не получают то, что они спрашивают. Энергия аппарата расходуется на приобретение дефицитных товаров, а не на внедрение необходимых потребителю достаточных товаров. Я думаю, что важнейший вопрос, который встанет перед нами в ближайшем будущем, – это вопрос о том, чтобы активизировать торговый кооперативный оборот, построить его так, чтобы к потребителю проникали необходимые ему достаточные городские товары, товары, которые бы повышали культуру потребительского спроса.

Председатель. Слово имеет тов. Сырцов.

Сырцов. Хлебозаготовки явились для всех наших организаций и для всей партии в целом основательной проверкой, и нельзя сказать, чтобы результаты этой проверки были утешительными. Выводы о состоянии и о работе наших государственных органов и партийных аппаратов и кооперации получились довольно плачевные, и никак нельзя солидаризироваться с теми оптимистическими утверждениями, что все, так сказать, преодолено, все затруднения и все трудности позади, и что мы из этого дела выходим блестяще. Несомненно, что мобилизация партии сыграла здесь решающую роль и поправила дело, но это большое испытание показало и то, что все наши организации, все наши органы, все мы на полголовы, если не более, ниже тех важнейших хозяйственных задач, которые стоят перед нами.

Для нас, в частности в Сибири, опыт хлебозаготовок последнего периода показал, как удручающе мы отстали и отстаем в смысле темпа работы. Большую пользу принесут уроки хлебозаготовок, если мы сумеем, все наши организации, все органы сумеют осознать все те отрицательные явления и недостатки, которые выявились, и если начнем перестраивать нашу работу на новый лад. Но все же надо сказать, что отсталость и казенный оптимизм сказываются еще в целом ряде организаций, в целом ряде органов. Мне кажется, в один из первых рядов таких наиболее нечутких организаций надо поставить все-таки кооперацию. Я оговариваюсь, что я говорю только на основании наблюдений над звеньями нашей сибирской кооперации, хотя мне пришлось видеть один документ кооперативного центра – выводы из хлебозаготовительной кампании, эпиграфом к этому документу можно было поставить: «все существу-

ющее разумно». Показатель, что авторы ничему не научились и не осознали недочетов кооперативных органов, не сумели из этого дела вынести для себя соответствующий урок. Мне кажется, что здесь очень сильно мешает то своеобразное кооперативное чванство, с которым нам повсюду приходится встречаться, в частности по вопросу о кооперативной самодеятельности. Конечно, кооперативная самодеятельность дело чрезвычайно важное и необходимое, но когда эту кооперативную самодеятельность превращают в фетиш, то это, мне кажется, совершенно неправильно. Это не значит, что правильно командование и административно-поверхностное вмешательство наших государственных органов, которые все этим очень злоупотребляют, это показал лишний раз опыт хлебозаготовительной кампании в лице того же аппарата НКТорга, который страдает чрезвычайно большими бюрократическими извращениями. Конечно, неуклюжее вмешательство, командование, администрирование и проч. очень часто подрезают кооперативную самодеятельность и мешают ее развитию, но нам приходится наблюдать и такое положение, что кооператоры отдельных звеньев совершенно не опасаются и не боятся нарушить кооперативную самодеятельность вмешательством госорганов в тех случаях, когда дело идет, например, о вышибании добавочных паев из населения. Очень многие кооперативные организации весьма непрочь прибегнуть к милицейской помощи в деле взимания с пайщиков кооперативных паев. Некоторые кооператоры ставили вопрос о том, чтобы по суду взимать эти самые добавочные паи и проч. И здесь товарищи-кооператоры не опасаются нарушения кооперативной самодеятельности, когда целый ряд кооперативов прибегает к помощи, скажем, районных исполкомов, к приказам ВИКов, чтобы хлеб пайщиками сдавался исключительно только кооперации. Здесь происходит грубое нарушение самодеятельности, гораздо более существенное и гибельное, чем когда государственные органы, бестактно по форме и, может быть, неправильно по существу, хватили выговором какого-нибудь оскандалившегося работника кооперативного аппарата. И затем самодеятельность кооперации нам важна в такой мере и в такой форме, чтобы на основе этой самодеятельности мы могли организовать и вести за собою крестьянство, но в процессе заготовительной кампании мы видели, что кооперативные звенья, вместо того чтобы вести крестьянство за собой, сами плелись в хвосте крестьянских настроений. Конечно, этот грех был свойствен не только кооперативной системе, но и партийным организациям и советским органам. Здесь имеется общее отражение нашей слабости, но вряд ли будет преувеличением сказать, что эти элементы хвостизма, местничества, отсутствия сознания государственных интересов, узкохозяйственно-коммерческие и поэтому часто убыточные расчеты занимают в кооперации чрезвычайно большое место. Мне кажется, что намеченная увязка с госорганами должна очень сильно помочь и заставить кооперацию гораздо более основательно, чем до сих пор, повернуться в сторону осознания интересов страны, интересов государства. Насчет того, какие имеются загибы в области «кооперативной самодеятельности», может служить иллюстрацией один из многочисленных примеров нашей кооперативной практики. У меня на руках циркуляр всем сельским потребобществам одного из наших сибирских райсоюзов. Весь документ самым недопустимым образом заострен против госзаготовителей. По линии кооперации все благополучно. Вместо того, чтобы выправить мозги работникам в своей системе сельских потребобществ, этот председатель союза вносит элементы благодушия и не заостряет внимания на тех недостатках, которые имеются в кооперации. Во всех других инстанциях, во всех других системах злоупотребления, только нашей потребсистемы это дело миновало. А установка документа в том, что нужна самая решительная борьба с госзаготовителями, накапливание материалов и проч.

Вот лозунг, который дается, и смысл документа отнюдь не меняется от того, что он заканчивается несколькими благонадежными уклонениями насчет того, что мы должны справиться и устранить свои собственные недостатки. Мы в результате этой хлебозаготовительной кампании должны были сделать вывод о том, что наши кооперативные кадры в низовых и средних звеньях чрезвычайно слабы и не отвечают при настоящих условиях тем задачам, которые стоят. Эта слабость обнаружилась у нас и по другим линиям, по партийной и советской, но в кооперации – может быть, потому, что на ее плечи было возложено гораздо больше, чем она могла поднять при настоящих условиях, – это сказалось более рельефно, более резко.

Мне кажется, было бы в величайшей степени ошибочным, если бы мы пытались найти козла отпущения в лице какой-нибудь одной организации, будь то Наркомторг, или кооперация, или еще какая-нибудь другая организация. У нас часто бывает так, что мы свои недостатки лечим тем, что находим мнимого или действительного виновника и думаем, что констатацией того, что такой-то орган или организация виноваты, мы этим самым исправляем все ошибки и просчеты. Несомненно, что очень много ошибок и просчетов местных парторганизаций, не исключая и очень почтенных, мы имели налицо. И это несмотря на ту зарядку, которую местные работники получили во время XV съезда, когда на специальном совещании был заострен вопрос о чрезвычайной затрудненности и чрезвычайно тяжелом положении хлебозаготовок.

Я бы хотел остановиться несколько на политических моментах, сыгравших роль. Здесь активность и влияние кулачества являются немаловажным фактом. Это объясняется не только злой волей кулачества, но и объективным положением, когда в процессе восстановления сельского хозяйства кулацкое хозяйство подошло к таким пределам, когда оно начало все сильнее натыкаться на советские рамки и советские преграды, которые оно пыталось всячески, пользуясь нашими ошибками и недостатками, обходить. Вне ломки советских порядков у кулачества нет перспективы. Вследствие нашего внутрипартийного переплета и ожидания немедленной войны, созданного чрезмерными и неосторожными нашими разговорами о войне[52], кулачество, так же как другие враждебные группировки населения, расценивало положение советской власти как близкое к кризису. Эти временные конъюнктурные моменты обусловили сверхмерную активность кулачества, которая здесь сомкнулась с целым рядом других неблагоприятных для нас моментов. Активность кулачества в какой-то мере увязалась с некоторыми отрицательными настроениями в части середняцких слоев. Мне кажется, что замалчивать это совершенно не приходится. Это не значит, что эта часть середняков включилась в это дело хлебного саботажа из тех же соображений, что и кулачество. Кулачество саботировало сознательно, а середняк подражал кулаку из тех соображений, что кулак калькулирует более правильно, знает, когда выгоднее хлеб продать, хозяйственные расчеты и доверие к хозяйственному разуму кулацкого хозяйства, толкающие часть середняков на путь задержки хлеба. Но если позиция кулака обусловливалась совершенно неизбежными и неустранимыми моментами, то эта отрицательная позиция части середняков объясняется нашими ошибками, связанными с регулированием и с недостатком товаров. Причем недостаток товаров – это не такая объективная причина, потому что, когда дело повернулось очень серьезно, товары нашлись, и их в районы заготовок бросили в достаточном количестве, но с большим опозданием. А первая часть этой ударной кампании проходила ведь без товаров, а только с директивой: сделайте товары рычагом заготовок. Этих самых товаров не было, но была директива сделать их рычагом, конечно, мудрено было выполнить эту директиву[53]. Это отразилось на настроении этой части середняков и помогло кулаче-

ству в этом отношении связаться, спаяться, впрочем ненадолго, с этой частью середняков.

Затем конкуренция заготовителей, незаконные надбавки, которые происходили благодаря тому, что мы, партийные и советские организации, этому делу не уделяли достаточного внимания. Они породили иллюзию насчет повышения цен, которая, естественно, и середняка включила в общее настроение ожидания повышения цен. На будущее время надо будет всем нашим органам, в частности Наркомторгу, сделать вывод, что на будущее время надо установить такое положение, при котором зерновые продукты были бы поставлены в более благоприятные условия, чем это было до сих пор. Тут только боязно, как бы не проявился обычный импрессионизм. Нужно, чтобы это не было сделано в порядке шараханья так, что мы вышибем все позиции, которые заняли технические культуры. В Москве идут разговоры относительно необходимости снижения цен на молочные продукты. Если эта линия будет воспринята, то, несомненно, молочное хозяйство, имеющее такое важное значение и в области внутреннего потребления, и в области экспорта, окажется в тяжелом положении, особенно при наличии кормового кризиса, и мы неосторожными, резкими бросками в этой области можем нанести этой отрасли хозяйства удар, который ударит нас самих и на внутреннем рынке, и на экспорте.

Эпизодические настроения части середнячества надо очень внимательно учесть. Ударом по кулаку партия показала, сколь неосновательны и преувеличенны представления кулака о своих силах. Установлена действительная пропорция и правильное представление о действительном соотношении сил. Деревня потеряла уважение к кулаку, который не сумел учесть соотношения сил, и на этот удар кулак не ответил какими-нибудь крупными действиями, несмотря на то, что настроения у кулачества очень враждебные и агрессивные. Это показывает, что, несмотря на все наши ошибки, мы в общем и целом имеем такое положение, при котором кулачество в основном изолировано в деревне, но на некоторых отрицательных настроениях части середнячества нам надо обратить серьезное внимание.

По линии посевной площади у некоторых товарищей проявляются опасения. Мне кажется, что эти опасения преувеличенны. Мы по Сибири, например, не ожидаем уменьшения посевной площади. Я думаю, что у нас останется устойчивой посевная площадь, возможно даже увеличение, если только наши организационные неурядицы не помешают провести все те мероприятия, которые намечены партийными и советскими органами. И здесь единственным надежнейшим союзником кулака является наш бюрократический аппарат: недостатки аппарата – самая главная ставка, на которую кулак надеется. Эти недостатки он всячески старается использовать, чтобы поссорить с нами бедноту и середняков.

Конечно, тревожным можно считать тот факт, что сейчас кулачество в некоторых местах распродает свои машины, об этом были и сообщения в газетах. Но здесь, товарищи, надо проследить, какие именно кулаки распродают свои машины. Мне думается, мы можем попасть в плен старых оппозиционных установок, когда предположим, что кулачество занимает очень большое место в с/х производстве. Между тем имеются группы кулачества, которые сами не засевают свою посевную площадь и которые эксплуатируют машины. Быть может, сбывает и продает машины тот кулак, который теряет надежду на то, что он сумеет и в дальнейшем так же рентабельно эксплуатировать свои машины. Вот и нужно проследить, какой именно кулак распродает свои машины.

Очень важно учесть настроение середнячества. Настроение части середняков, надо сказать, довольно угрюмое, имеется некоторая неуверенность в завтрашнем дне,

ибо они сейчас не знают, как к ним относится советская власть, не будет ли та линия, которая взята по отношению к кулаку, распространена и на них, на середняков. И вот, мне кажется, нам необходимо своими мероприятиями по весенней с/х кампании внести успокоение в эти слои середняков. До тех пор, пока мы не можем охватить все середняцкие хозяйства коллективным строительством, до тех пор середняк может работать в индивидуальном хозяйстве, не опасаясь, что его приравняют к кулаку. Вот как, мне кажется, необходимо учесть эти настроения середняков, чтобы изжить их.

Несмотря на эти настроения части середняков, мы все-таки должны сказать, что это успешно компенсируется улучшением настроения и поднятием активности бедноты и маломощного середнячества, которые позволяют нам сейчас в деревне чувствовать окрепшую социальную базу. Мы, несомненно, в период хлебозаготовок, наряду со всеми недостатками и отрицательными моментами, могли прощупать такие классовые сдвиги, которые позволяют рассчитывать на то, что в дело союза рабочего класса с крестьянством вносятся какие-то количественные изменения, которые могут дать качественный эффект, т. е. повышение удельного веса и значения рабочего класса в этом союзе.

Еще я хотел бы остановиться на тех шатаниях и разброде, которые проявились в отдельных частях партийных организаций. Хлебозаготовки оказались очень хорошим реактивом для проявления в деревенских организациях всех окулачившихся элементов, окулачившихся коммунистов. Нездоровые по этой части настроения мы имеем не только в низовой организации. Я прошу разрешения прочитать одну выдержку из письма одного коммуниста, коммуниста достаточно ответственного, который пишет в деревню беспартийному крестьянину, [кулаку не кулаку, а так, подходящему под 107 статью. (С м е х.)] В этом самом письме он пишет: «Обстановка последнего месяца стала опять весьма сложной. У нас нет здесь совершенно масла сливочного, муки белой, яиц, крупы, и все это можно достать только у спекулянтов и по бешеной цене, например, за масло сливочное приходится платить по шести рублей за кило. У всех почти кооперативных магазинов опять стоят длиннейшие очереди, но продуктов дают не полностью и только членам кооператива.

Так обстоит дело у нас. Но что происходит в деревне, мне приходится только догадываться, только судить по разным газеткам, которые часто очень и очень врут... В марте соберется сессия ЦИКа, на ней будут принимать новый сельхозналог[54], на ней будут подводить итоги хлебным заготовкам, самообложению, размещению крестьянского займа, на ней будут обсуждать перспективы весенней посевной кампании. К этому времени очень прошу вас прислать мне откровенный материал по всем указанным выше вопросам. Вы живете в деревне, вы ходите на собрания, вас таскают к разному начальству, вы встречаетесь с разными мужиками, не только со своего поселка. Вот обо всех таких встречах, разговорах, собраниях и таскотне и опишите мне, а главное – напишите мне, как проходит у вас самообложение, добровольно или принудительно? Не отбирают ли у вас хлеб? Не ходят ли у вас по амбарам, как в двадцатом году? Если отбирают, если ходят, то кто занимается таким делом: свои сельсоветские или приезжие от райисполкома и округа? И, главное, напишите обо всем этом так же откровенно и обнаженно, как мы раньше с вами беседовали, и побольше, побольше пишите голых фактов: где? что? у кого? в каком селе или поселке? **Мои настроения в отношении деревни остаются старыми, неизменными, я по-прежнему считаю происходящий нажим на крестьянство неправильным и несправедливым, но, к сожалению, я по-прежнему здесь одинок среди служащих и интеллигентов, оторванных совершенно не только от живой крестьянской массы, но в значительной мере и от рабочих. Поэтому я живу и буду жить только вашей поддержкой,**

вашим сочувствием мужиков-тружеников, с мозолистыми руками, с согнутой спиной от непосильной работы. Поэтому я по-прежнему буду просить вас не стесняться со мной ни в выражениях, ни в сообщениях отрицательных фактов из мужицкой жизни. **Затем, меня очень также интересует, будут мужики увеличивать свой посев или, наоборот, они его еще больше сократят**? Как думают мужики на сей счет, что они говорят? Не собираетесь ли вы опять переселяться из наших мест, если собираетесь, то куда? в какие края? и кто еще намерен с вами ехать?»

Г о л о с а. Как фамилия коммуниста? В ЦКК его надо.

Сталин. Кто это пишет?

Сырцов. Это пишет Парфенов, слушатель Института красной профессуры[55], который таким образом помогает нашей работе в сибирской деревне.

Г о л о с а. В ЦКК его надо.

[**Сырцов**. И это письмо начало гулять по деревне. Партийная организация им заинтересовалась.]

Председатель. Товарищи, может быть, с Лобачева начнем вечернее заседание? Объявляю перерыв до 6 часов.

ЗАСЕДАНИЕ ТРЕТЬЕ

Вечер, 7 апреля

Председатель (Рыков). Слово имеет тов. Лобачев. Следующий тов. Каминский. Тов. Лобачев просит увеличить ему время до 20 минут. Я, говорит, не претендую на время, которое вы дали тов. Любимову как кооперации.

Г о л о с а. 20 минут дать!

Степанов-Скворцов*. Сегодня надо заключительное слово.

Лобачев. Четыре года занимаемся сокращением числа хлебозаготовителей, главным образом реорганизуем в этой области, но на самом деле сокращение не происходит. Посмотрите, два года назад сняли Госторг, вместо него организовали Кавхлеб и другие местные тресты. Прошлый год сняли эту знаменитую палочку, о которой говорил тов. Каменев, на которую он хотел опираться, – Госбанк[56], вместо него эти же самые элеваторы, только в НКТорге, заготовку продолжают. Разница только в том, что банк давил деньгами и заготовил за первое полугодие 25/26 г. $29^1/_2$ млн. пудов, или 13,5%, Наркомторг вместо денег давит административно – одно другого стоит – и заготовил 12 100 тыс. пуд., или 3,5%. По-моему, это вещь ненормальная, и в тех тезисах, которые здесь тов. Микоян предлагает, нужно четко и ясно поставить, что элеваторы должны быть переданы союзной организации, они будут более полно нагружены и более полно использованы. Кроме того, дешевле станет управление, так как в элеваторном управлении в каждой области есть управление, которое ими управляет. Между тем в союзной организации этого не должно быть и не будет, так как они будут подчинены соответствующим отделениям. Вот при такой массе заготовителей (я повторяю, что их столько же осталось, сокращения нет) естественно, что центральной организации было очень и очень трудно работать.

Если вы посмотрите на удельный вес по всему Союзу, Хлебопродукт начал с 45,9% удельного веса и скатился до 23,7% в январе. Понижает этот процент влияние двух районов, в которых особенно было трудно работать, это – Северный Кавказ и Украина. Если взять Северный Кавказ, то он начал с 27,3% и в феврале докатился до 12%. На Украине еще более резкое снижение, с 19% до 10,6% только. Если же отбросить Украину и Кавказ, где была «объективная» обстановка для работы центральной организации, то без этих районов удельный вес будет – 67,9%, самый низкий процент в январе и феврале – 37%. Но, что характерно по всему Союзу, как только этот нажим на усиление заготовок ослаб, кривая общих заготовок за март пошла вниз, а если посмотреть кривую заготовок союзной организации, то она идет вниз, но медленно. И если по всему Союзу в январе было 23%, то в марте стало 30,9%. И если без Северного Кавказа на Украине было 37%, то в марте уже 41,5%. Как видите, не сдается этот строго дисциплинированный и централизованный аппарат.

Чубарь. Правильно!

---

* Так в тексте (ред.).

Лобачев. Теперь в отношении трудностей работы. Здесь прав тов. Эйхе, что аппарату Хлебопродукта нельзя из ссыпного пункта высунуть носа. Я остановлюсь только на том, что нельзя было нашему аппарату посещать базары и села, так как это запрещалось.

Косиор. В особенности на Украине.

Лобачев. Это всюду. При посещениях мною низового аппарата я говорил: пойдите на базары, в села, свяжитесь с местными организациями, чтобы поднять заготовки. Нам запрещено выходить из ссыпного пункта. Что же мы можем сделать? И они правы: если человек связан по рукам и ногам – заставьте его танцевать. При всем своем искусстве в этом он будет не в состоянии. И естественно, что аппарат здесь ни в коем случае нельзя обвинять, так как он сделал все, что от него зависело, и только «объективные» условия не дали ему возможности это сделать. И естественно, что с поднятием кампании по усилению заготовок стала сильно развертываться глубинная сеть кооперации. Посмотрите – на Украине: 67 пунктов Хлебопродукта, кооперации – 5867, среднемесячная нагрузка максимальная, как здесь говорил тов. Микоян, а я взял среднюю у Хлебопродукта 208,5 тыс. пудов, у кооперации – 18,5.

В Самарской число с/пунктов соответственно 14 и 700. В Курской – 23 пункта Хлебопродукта, 605 кооперации. Но интереснее всего в Татреспублике: 17 пунктов – Хлебопродукта, 1041 – кооперации, на 1149 всех населенных пунктов и 1041 ссыпных пунктов. При таких условиях усиливать заготовки центральной организации, естественно, нет никакой возможности и никаких данных. Обилие ссыпной сети в основном нарушило основной поток хлеба к линиям ж. д. и пристаням. Если раньше в течение трех лет мы ставили установку на то, чтобы хлеб притягивать к линиям железных дорог и к пристаням, то этими глубинными пунктами принцип был нарушен в корне. Основная установка на экономическое притяжение крестьянства к линиям ж. д. и пристаням, так как на ссыпных пунктах, кроме стоимости подвоза, 4,7 копейки стоит переработать пуд хлеба с телеги до вагона, между тем на элеваторе это стоит 2,7 коп. Эту разницу можно свободно выдать крестьянину, и он повезет хлеб на элеватор. Между тем, как тов. Чубарь говорил, сделали порайонную разверстку плана – это значит к линиям железных дорог хлеба не пускали и нормальный поток хлеба нарушили. Думали, что поможет организация хлебных поездов? (Потом их немного фальсифицировали, брали заготовленный раньше кооперацией хлеб и везли его с флагами и с музыкой в город, но эти случаи нечасты.) Но даже организованные Хлебопродуктом поезда цели не достигали, поворачивали к кооперации. Руки у работников Хлебопродукта были связаны, и ничего нельзя было сделать.

Тов. Любимов говорил, что кооперацию прижимают. Это напомнило мне басню, что «медведь корову дерет, да сам же и ревет». Кто ее прижимает? Местные работники? Они или члены правлений, или ревизионных комиссий, ходили со двора во двор и раздавали всюду путевки членам кооперации и не членам. Это называется развивать самодеятельность. Ну, знаете ли, если развивать самодеятельность в смысле заграждения и невыпуска хлеба или в смысле неотпуска товаров крестьянам, которые сдали хлеб не кооперации, если речь идет о такой самодеятельности, то, по-моему, она вредна и такую самодеятельность развивать не следует.

Я считаю, что здесь было нарушение самого основного принципа кооперативной работы. Кооперация мною до сих пор понималась так, что это объединение группы людей, которые совместно реализуют те или другие продукты своего производства или совместно покупают нужные предметы снабжения. Вот принцип кооперирования. На самом деле не так. Раздают путевки – путевки дают членам кооператива и не членам кооператива, я уже не говорю о правильности того, что было напечатано в газе-

тах, что эти путевки раздавали даже в пивных. Их раздавали первому встречному. Разве это кооперация? Низы, понятно, не понимают этого, лишь бы доставить хлеб. Но раз так понимают верхи, член ты кооператива или нет, на тебе путевку и вези, хотят считать, видите ли, что это хлеб, заготовленный кооперацией. Это неверно. Здесь нужно будет указать кооперации, чтобы она действовала и развивалась в пределах кооперативных принципов, а не такими способами, как это происходит сейчас. С другой стороны, нужно указать на угрозы не давать товаров, на уговоры «сдавать мне, а не тебе». Один и тот же крестьянин состоит в кооперации, как в потребительской, так и в сельскохозяйственной. Одна кооперация грозит, что, «ежели не будешь сдавать мне хлеб, не даем тебе на рубашку», другая кооперация говорит: «если мне не сдашь хлеб, не дадим колес» и проч. Крестьянин обходит и тех и других. Он говорит: «На тебе 50 пудов, на тебе 30 пудов». Но при этом он сдает не все, потому что знает, что к нему опять будут обращаться за хлебом. Что же думает крестьянин об этих кооперативных принципах? Да смеется он над нами. Конечно, это нужно будет откинуть.

Следующий вопрос о выполнении обязательств со стороны кооперации в отношении крестьянства. У меня вот есть бумажка. Снабжение семенами – кооперация снабжает семенами, если она заготовляет хлеб. По-моему, это ее первостепенная обязанность, обязанность первостепенной важности. А результат? Задание не выполнено, и за кооперацию, в невыполненной части, возложили выполнение на государственную организацию.

Г о л о с. Потому что вам хлеб сдают.

Лобачев. То-то и оно, что не сдают, если бы сдавали, иначе бы выступал. Имеется такое отношение к госорганизации: когда давать крестьянину не могут – давайте вы, а когда брать у крестьянина – давай путевки всем, и членам, и не членам кооперации. Тов. Любимов говорил здесь о том, что Микоян не имел права дать ему выговора. Я до сих пор знал тов. Микояна как человека не очень мягкого. Хлебопродукту он мог дать выговор, имел полное право его дать. Но он не дал почему-то Хлебопродукту выговора. Наоборот, от тов. Вейцера есть письмо, что выполнили задание в льноводческие районы, досрочно, четко и ясно. Это письмо от 2 апреля. Я выхожу, тов. Любимов, с документом о правильном и срочном выполнении заданий, а вы выходите с жалобами на выговор. Разница небольшая, как видите, есть. Другой важный момент, который необходимо отметить, – это то, что вся работа кооперации, естественно, создает большую иммобильность хлеба.

Хлебом так гибко при современных условиях распоряжаться нельзя. Оно и понятно, потому что на тех тысячах пунктов, понемногу на каждом, хлеб остается, но во всем объеме, если соединить все количество, это будет очень большая цифра. Обратимся к цифрам. За 6 месяцев мы имеем такие заготовки: Хлебопродукт заготовил 27%, между тем как в снабжении он участвовал в размере 41% – больше, чем в хлебозаготовках. Естественно, что при этом возникает вопрос, откуда взяли. Объясняется это тем, что в эту цифру входят переходящие остатки с прошлого года. Но это говорит о том, что запасы уменьшаются, о чем я скажу дальше. Из этого в снабжении мы имеем обязательные поставки в Среднюю Азию 38,5%, в Закавказье – 55,9% и по военному ведомству – 73%. Таким образом, на нашу долю приходится больше половины обязательных поставок, и все снабжение, в размере 41,8%, все это ложится на центральную государственную организацию, несмотря на то, что в заготовке она имеет только 27%. Если вы посмотрите на наличие запасов, что тоже говорит об иммобильности хлеба, то видно будет, что за первое полугодие общее накопление хлеба, вместе с переходящими остатками, по всему Союзу 132%, а Хлебопродукта на 3,9% снижение, т. е. имеющийся хлеб реализовался больше, чем следовало. У Центро-

союза накопление 137,7%, у Хлебоцентра накопление на $406^1/_2$%. Из этого накопления можно судить об иммобильности хлеба, и естественно, что эта иммобильность будет гораздо меньше у центральных органов и центральных организаций, чем у кооперации. Я не говорю, что тов. Любимов ссылался здесь, что он очень много снабжает мукой. Вот коротенькие цифры. В отношении ржаной муки (я не вывел процента) за первое полугодие: Хлебопродукт 23 миллиона пудов, Центросоюз – 4,8, Хлебоцентр – 1,7, – это по ржаной муке. По пшеничной Хлебопродукт 35 600 тыс. пудов, Центросоюз – 9400 и Хлебоцентр – 3400. Может быть, у кооперации это и большой процент от выполнения плана, но сравните 35 и 4, разница слишком, но в другую сторону, большая. Конечно, у нас имеются мельницы, но это не говорит о том, что целиком и полностью хлеб, заготовленный в зерне кооперацией, идет потребителю, в зерне нет – идет мукой, но мукой через мельницы, принадлежащие Хлебопродукту.

Теперь связь с кооперацией. Уже в теперешнем положении, которое должно быть на следующую кампанию, говорят, что сверху донизу сдача хлеба должна быть централизована через Центросоюз и ВУКС.

Чубарь. Снизу доверху.

Лобачев. Ну, снизу доверху, все равно. Я кооператор очень плохой, наоборот, интересуюсь постольку, поскольку она нам мешает, конкурирует и мешает работать в смысле задержки выдачи товаров нашим сдатчикам хлеба. Если она окрепнет и будет хорошо работать, я готов уступить, но не сейчас. А тов. Генкин кооператор, поскольку я его знаю, он говорит, что в резолюции есть, что договора заключаются с центром, а серединные звенья выбрасываются, а без влияния серединного звена низовка работать не будет и не выполнит заданий. Что из этого следует? По-моему, логически следует то, что, так как центр без серединного звена не может на низовку влиять, поставить этот вопрос так, что центр надо откинуть, а взять серединное звено, – это логический вывод. Естественно, что у Центросоюза руководство должно остаться, но непосредственная работа связи должна остаться за серединным звеном, и тогда только можно проделать успешно всю эту работу с низовой кооперацией.

Здесь говорили, что Хлебопродукт имеет очень небольшое значение, что за него работает кооперация. Но в большинстве районов кооперация не может низовку охватить, она пользуется для этого Хлебопродуктом, а потом считает, что она сделала благодеяние для него. Наоборот, ту слабую низовку, которая работала с Хлебопродуктом, он ее укрепил, а не Центросоюз. В этом отношении, я повторяю, что нужно сдавать центральным организациям через райсоюз, а не через центр, который усложняет сдачу хлеба.

Теперь по организационным вопросам – переименование в «Союзхлеб». Я не знаю, чем это вызывается, но если говорить о названии, то нужно лучше назвать «Союзный Хлебопродукт». На Кавказе существует Хлебосоюз, и тут рядом будет работать Союзхлеб. Лучше назвать Союзный Хлебопродукт, если это нужно, тем более что крестьяне знают Хлебопродукт 6 лет, и с этим не считаться нельзя. В тезисах есть положение о том, что в него вольются Укрхлеб, Кавхлеб и Казхлеб. Мы великолепно знаем, что влились все, за исключением Укрхлеба, и вливать другие организации не нужно, так как они входят уже в Хлебопродукт.

И только одна организация, я повторяю, не пошла. Но это не значит, что надо именовать так. Мне кажется, целесообразнее было бы, если это нужно, Союзхлебопродукт – это все равно будет союзная организация, название одно и то же, но не вызовет переделки, не вызовет заключительных балансов, перемены книг, вывесок и т. д., которая встанет минимум в полмиллиона. Я не говорю уже, – что особенно доро-

го – что это задержит проведение организационных форм этой организации. Между тем как задерживать нельзя, потому что перестройка будет по всему Союзу, а если будет перестройка, она возьмет времени очень много, а времени, можно сказать, максимум до половины мая, дальше ждать нельзя, значит, останется месяц, и вот в этот месяц организовать новое дело очень трудно.

Председатель. Ваше время истекло.

Лобачев. Я прошу еще мне пять минут.

Я говорю, что, если все это вызывается необходимостью, надо это скорее сделать, так как это много времени возьмет.

Теперь в отношении мукомольной промышленности, я беру по данным Наркомторга, июль – ноябрь, переработано, Хлебопродукт перемалывает 54,3%, а кооперация как таковая, Центросоюз и Вукоспилка вместе, $9^1/_2$%, сельскохозяйственная перемалывает, обе, и Хлебоцентр, и Сельгосподарь, – 1,9%. Как видите, 11% всего перемола, который идет рынку, только у кооперации, остальное все у государственных организаций, и естественно, что мельницы надо целиком и полностью концентрировать в одном месте. Здесь говорили, что очень дорого стоит перемол, тов. Микоян коснулся этого очень слабо, а тов. Квиринг сказал, что стоимость перемола дороже прошлого года, – это неверно. Цеховая себестоимость снижена, но если вы даже отбросите амортизацию, более дорогую стоимость топлива, даже повышение стоимости рабочей силы, но здесь упустили одно, что в этом году 55% так называемой экономии снимается и сдается помольцам, а экономия эта входила полностью в помольную плату и естественно, что в этом году со всеми этими минусами как будто стоит дороже. На самом деле нет. Теперь разница между зерном и мукой в сравнении с довоенной, беря довоенное за 100, современная стоимость сырья будет 122, а ж. д. расходы 180,5, стоимость мешка 227, а сопутствующие расходы 184, а помольная плата только 145,8. Если взять накладные расходы, что от нас зависит – 119,4, торговые 140,5. Так что в этом отношении сжать мы имеем здесь возможности, но небольшие, так как чем дальше снижение, тем будет труднее. (З в о н о к п р е д с е д а т е л я.)

Я только скажу пару слов о методах дальнейшей работы. Бонификация, рефакция необходимы, правда, ее извращают, неверно применяют, но она необходима, так как стимулирует крестьянство к очистке семян и зерна, которые он сдает, и получает дороже, доплату на мельнице, на элеваторе; необходимо принять меры в силу экономических причин для того, чтобы подтянуть крестьянство сдавать хлеб к линии железной дороги.

Теперь еще одно в смысле регулирования хлебного рынка. До сих пор Наркомторг регулировал меньше хлебный рынок, больше хлебозаготовителей самих. В этом отношении в следующую кампанию этот метод нужно изменить в смысле большего регулирования хлебного рынка и наблюдения только за хлебозаготовителями, чтобы они не нарушали определенных установленных директив.

И потом я должен здесь сказать, что в отношении работы партии в этой заготовке, товарищи здесь много говорили, что партию так бросать всю на хлебозаготовки нельзя, но я должен сказать, что так, как относилась партия осенью к хлебозаготовкам, тоже нельзя относиться. В следующую кампанию работа будет особенно тяжелая, потому что за это время мы хлебный рынок испортили, и без помощи партии, может быть, не в том размере, в каком она была в эти последние месяцы, но и во всяком случае не в том размере, как это было осенью, без помощи партии хлебозаготовителям, какие бы ни были, – с хлебозаготовками не справиться, а для того, чтобы с ними справиться, нам нужна помощь партии, и она, конечно, ее окажет.

Председатель. Слово имеет тов. Каминский.

Каминский. Основной вопрос, который мы должны обсудить, – это вопрос о классовом балансе, который получился в деревне в результате проведенной партией кампании по хлебозаготовкам.

Эта кампания разрешила, мне кажется, не только вопрос о хлебозаготовках, но нужно прямо сказать, что рядом с этим вопросом партия решила целый ряд других важнейших вопросов деревни.

Хлебозаготовительная кампания была непосредственно связана, иначе это и быть не могло, с проведением в жизнь постановления XV съезда партии о наступлении на кулака, об усилении производственного кооперирования сельского хозяйства. Впоследствии к этому присоединилась посевная кампания, которая проводится как широкая кампания по поднятию бедняцких и середняцких хозяйств, по расширению посевных площадей, по усилению социалистического сектора сельского хозяйства.

По всем этим линиям мы имеем, несмотря на многочисленные недостатки в проведении кампании, ряд существенных достижений. Не подлежит никакому сомнению, что кулак в настоящее время больше изолирован, чем это было до начала кампании. Мы укрепили нашу связь с деревенской беднотой. Мы имеем значительный сдвиг в деле коллективизации сельского хозяйства. Середняк лучше осознал на опыте этой кампании свои обязанности по отношению к советскому государству и убедился в необходимости выполнять их. Некоторые товарищи указывают на то, что в ряде случаев мы оттолкнули от себя середняка. Такие случаи, несомненно, имели место. Больше того, в первый период кампании на местах были допущены неправильности и серьезные извращения нашей политики не только в отношении середняка, но и в отношении бедняка и кулака. Так, например, в первый период, когда на местах применялся прямой товарообмен, последний не мог не пойти в значительной степени на пользу кулаку. В ряде случаев, несомненно, был задет середняк. Кое-где наблюдалось недовольство и со стороны бедняка, который в иных местах был поставлен в худшее положение в отношении получения товаров. Еще и сейчас приходится нередко слышать жалобы на неудовлетворительную постановку продовольственного снабжения бедноты в производящих районах. Из ряда мест бедняки сообщают о том, что в кооперативе хлеба не продают, так как все вывозится, и им приходится идти в кабалу к кулаку, чтобы достать хлеб.

Однако, несмотря на все неправильности, на которые партия в общем своевременно обратила внимание и приняла меры к их исправлению, классовые итоги кампании в целом являются, несомненно, положительными. Необходимо, однако, обратить самое серьезное внимание на скорейшее изживание всех недостатков и извращений линии партии, которые были допущены в процессе кампании, в особенности в отношении середняка. В этом отношении огромное значение имеет проведение посевной кампании, которая, как я уже сказал, проводится как кампания массовой помощи бедняцким и середняцким хозяйствам. Контрактация посевов, семенная ссуда, снабжение чистосортным материалом – все это проводится в этом году в гораздо более широких размерах, более правильно и организованно, чем в прошлом году.

Кампания по хлебозаготовкам имела еще то крупное значение, что она явилась испытанием и серьезной проверкой партийного, советского и кооперативного аппарата. В процессе кампании нам удалось в известной мере освежить низовой аппарат, выявить его недостатки и частично их устранить. Однако многое еще нужно сделать в этом направлении, в частности в отношении с/х кооперации.

Те боевые хозяйственные задачи, которые мы должны были поставить перед кооперацией, в полной мере выявили все ее основные недочеты, недостатки и дефекты; их, конечно, немало. Самыми существенными из них оказались – недостаточно силь-

ный, недостаточно выработанный и проверенный актив работников и слабая деловая дисциплина. Задача усиления рабочих кадров в с/х кооперации, в особенности кадров партийных, является самой очередной и самой важной в деле ее укрепления. Вопрос о деловой кооперативной дисциплине уже является предметом внимания партии и широкого обсуждения. Здесь, несомненно, многое нужно пересмотреть, изменить и уточнить.

В ближайшие месяцы предстоит перевыборная кампания низовой сети с/х кооперации, приостановленная в связи с хлебозаготовительной кампанией. Нам нужно будет полностью учесть уроки хлебозаготовительной кампании при проведении перевыборов – позаботиться о кадрах и о дисциплине.

Хлебозаготовительная кампания, а в последнее время и посевная кампания дали большой толчок нашей работе в области коллективизации сельского хозяйства. Сейчас наблюдается громадный подъем этого движения. Число коллективов быстро растет. Несомненно, здесь много искусственного. Мы имеем среди возникающих новых колхозов немало и лжеколлективов, которые хотят использовать предоставляемые колхозам льготы по линии землеустройства, кредита, снабжения и проч. Но в основном движение это здоровое. Подъем колхозного движения непосредственно вытекает из сложившейся в настоящее время в деревне классовой и хозяйственной обстановки. Перед партией встают в связи с этим большие задачи охватить движение, направить его по правильному руслу, обеспечить руководство им, подвести под него устойчивую базу крупного машинного хозяйства. Бурный рост коллективного земледелия – один из важнейших итогов хлебозаготовительной и посевной кампании.

В связи с этим вопросом я хотел бы сделать одно замечание по поводу предложенного пленуму проекта резолюции. Анализируя причины кризиса хлебозаготовок, резолюция почти ничего не говорит о современном состоянии зернового хозяйства. Между тем, мне кажется, наряду со всеми причинами, о которых говорится в резолюции, мы должны признать, что в основе переживаемых нами затруднений лежит также исключительная техническая отсталость, низкая урожайность и низкая товарность нашего зернового хозяйства. В этой области перед нами стоят важнейшие задачи. В первую очередь – задача поднятия урожайности, которая у нас до сих пор еще в 2–3 раза ниже, чем в любой европейской стране, и задача поднятия товарности зернового хозяйства. Товарность эта у нас все еще не превышает 50% довоенной. Без поднятия урожайности, без повышения товарности зерновых отраслей мы неизбежно будем переживать время от времени затруднения не только по линии экспорта зерновых культур, но и в области продовольственного снабжения городов. Проведенная кампания показала, с какой остротой стоит перед нами задача реконструкции зернового хозяйства. Задача эта должна быть разрешена путем ускорения темпа производственного кооперирования зерновых отраслей. Необходимо усилить с/х кооперацию в зерновых отраслях.

Это – один из основных выводов, который должен быть сделан из уроков хлебной кампании текущего года. Между тем этому вопросу предложенный проект резолюции уделяет слишком мало места. В проекте резолюции не сказано о с/х кооперации то, что сказать необходимо. Нужно восполнить этот пробел, подчеркнув необходимость всемерного укрепления и развития хлебной с/х кооперации.

Хлебная с/х кооперация сделала за последний год значительные успехи. По количеству хлебозаготовок она заняла в этом году первое место. Приведенные здесь цифры недостаточно точно отражают ее роль, так как они отражают только централизованный оборот с/х кооперации, т. е. оборот, проходящий через Хлебоцентр по РСФСР и через Сельгосподарь на Украине, не учитывая заготовок, которые с/х кооперация ве-

дет для Хлебопродукта и МСПО по генеральным договорам последних с Хлебоцентром. Вот цифры, характеризующие действительный удельный вес Хлебопродукта, с/х кооперации и потребительской кооперации на 1 апреля 1928 г. (см. таблицу I).

Я хотел бы еще привести цифры, характеризующие работу с/х кооперации в наиболее критические месяцы – октябрь, ноябрь и декабрь по сравнению с другими заготовителями (см. таблицу II).

По РСФСР темп роста удельного веса заготовок с/х кооперации (Хлебоцентра) был еще значительнее, а именно (по тем же месяцам) 25,1%, 28,6 и 30,1%.

Тот факт, что с/х кооперация заняла в этом году по размерам заготовок первое место среди хлебозаготовителей, несмотря на то, что она является самой молодой организацией и в финансовом и техническом отношении наиболее слабой, объясняется ее относительно более прочными связями с крестьянским населением, тем, что хлебная с/х кооперация обслуживает население не только по линии сбыта зерна, но уже в известной мере и по линии производства зерна.

[Таблица №] I
Хлебозаготовки Хлебопродукта и с/х кооперации с начала текущей кампании на 1 апреля 1928 г.

	Хлебопродукт			Помимо с/х кооперации	С/х кооперация без самостоят. заготовит. местн. органов			Потребкооперац. (всего)
	ВСЕГО	В том числе через с/х кооперацию			ВСЕГО	В том числе		
		По ген. догов.	По децен. закупкам			По централ. пл.	По ген. догов.	
По СССР: в млн пуд.	162,0	22,4	10,4*)	129,2	204,8	173,7	31,1	211,5
В % к итогу всех планов заготов.	25,6	3.5	1,6	20,4	32,4	27,4	4,9	33,4
По РСФСР: в млн пуд.	133,1	22,4	10,4*	100,3	124,9	93,8	31,1	129,7
В % к итогу всех планов заготов.	34,0	5,7	2,7	25,6	31,9	24,0	7,9	31,1

* По данным Хлебопродукта на 1 января 1928 г.

[Таблица №] II
Удельный вес в хлебозаготовках СССР

	Госорган	Потребкооперац.	С.-хоз. коопер.	Итого
Октябрь – 1927 г.	43,8	26,7	29,5	100
Ноябрь	43,3	25,7	31,0	100
Декабрь	43,3	24,0	32,7	100

За последнее время мы имеем некоторый сдвиг в работе хлебной с/х кооперации в сторону производственного кооперирования. Хлебная с/х кооперация укрепила связь с колхозами, все больше втягивая их в свою систему, содействуя поднятию и рационализации их зернового хозяйства.

Значительный интерес представляет проводимая с/х кооперацией работа в области контрактации посевов. В текущую яровую кампанию система Хлебоцентра законтрактовала около 700 тыс. гектаров посевов высокосортного зерна исключительно через коллективы и простейшие производственные объединения – посевные т-ва. Хлебоцентр проводит значительную работу также и по контрактации рядового зерна и технических культур в бедняцких и маломощных крестьянских хозяйствах. В общем контрактуемая хлебной с/х кооперацией площадь достигнет в текущую яровую кампанию 2 млн. десятин. Система Хлебоцентра широко использует контрактацию посевов для внедрения в крестьянские хозяйства улучшенных агротехнических приемов, для организации производственной помощи беднякам и маломощным середняцким хозяйствам и их производственного кооперирования.

Но все это только первые шаги, которые ни в какой мере не отвечают громадным задачам, стоящим перед партией в этой области. Система хлебной кооперации еще очень слаба в организационном, финансовом и техническом отношении. Ее нужно укрепить путем усиления ее кадров, дальнейшей специализации, развития кооперативного элеваторного строительства и т. д.

Необходимо укрепить кооперативную дисциплину в системе хлебной кооперации, развить кооперативную общественность. По этому поводу мне хотелось сказать несколько слов в ответ тов. Любимову. Он говорил о кооперативной общественности. Однако тов. Любимов совершенно забывает о кооперативной общественности, когда встает вопрос о размежевании функций между обоими видами кооперации в деревне. Что значительно мешает в настоящее время созданию здоровой кооперативной дисциплины, созданию подлинной кооперативной общественности в деревне? Нужно прямо сказать – этому мешает взаимная конкуренция обоих видов кооперации в деревне. Мы объединяем в деревне одни и те же крестьянские хозяйства, к которым мы обращаемся с противоположными требованиями, конкурируя друг с другом, взаимно дезорганизуя друг друга. Этого тов. Любимов не замечает. Нужно создать подлинное членство в с/х кооперации, нужно создать подлинную кооперативную дисциплину, которая должна заключаться прежде всего в том, что член кооператива должен сдавать свои товарные излишки через свой кооператив. Нужно оздоровить взаимоотношения между обоими видами кооперации в деревне путем правильного размежевания их работы. Мне кажется, что и этот вопрос должен быть отмечен в резолюции.

Я кончаю. В резолюции должно быть отмечено, что наряду с задачами рационализации хлебозаготовительного аппарата и оздоровления хлебного рынка перед нами стоят неотложные задачи поднятия зернового хозяйства, увеличения производства хлеба путем расширения посевных площадей и в первую очередь поднятия урожайности. Эти задачи требуют всемерного укрепления системы хлебной с/х кооперации и ускорения темпа производственного кооперирования крестьянского зернового хозяйства.

Председатель. Слово имеет тов. Брюханов. Следующий тов. Бадаев.

Брюханов. В резолюции, предложенной Политбюро, совершенно правильно и четко отмечено то, что тот успех, который мы имели в деле хлебозаготовок в последние месяцы, достигнут в значительной своей части при помощи чрезвычайных мероприятий, которые были приняты Центральным Комитетом и всей нашей партией. Этот момент сугубо подчеркивает тот временный, конъюнктурный характер наших

успехов, который отмечался уже рядом выступавших товарищей, и наша задача заключается в том, чтобы те достижения, которые имели место в последней кампании, закрепить не как конъюнктурные достижения, а как достижения прочные, а те недостатки и недочеты работы, которые были выявлены, окончательно изжить и развивать свою дальнейшую работу, осуществлять свои дальнейшие планы уже на прочной основе.

Правильно здесь в проекте резолюции отмечено также и то, что успехи в деле хлебозаготовок в то же самое время явились и успехами в деле проведения **всего** хозяйственного плана. Но и в деле проведения всего хозяйственного плана во всех его частях также надо отличать успехи конъюнктурного порядка от прочных завоеваний и расценить все обнаруженные недочеты и трудности как преходящие, легко преодолимые, не конъюнктурного порядка недочеты – от тех трудностей, которые остались и остаются, которые подлежат еще изжитию.

Мне думается, что было бы величайшей ошибкой пленума Центрального Комитета, если он бы почил на лаврах достигнутых успехов, заразился бы слишком оптимистическими настроениями, которые отчасти сквозили в речах некоторых из выступавших товарищей, и расценил все обнаруженные недочеты и трудности как преходящие, легко преодолимые, не требующие к себе внимания всей партии.

Я позволю себе отметить, как отразилась работа партии и советского аппарата в деле хлебозаготовок в этот период времени на том участке хозяйственной работы, в которой мне приходится принимать непосредственное и ближайшее участие, – на участке работы финансовой. Мы имеем здесь отражение текущих трудностей и успехов в трех областях: в области выполнения государственного бюджета, в области выполнения кредитных планов и состояния нашего денежного обращения и в области наших валютных планов, валютных расчетов. В области бюджета мы, несомненно, в этом полугодии имеем крупнейшие успехи и крупнейшие достижения. У нас нет еще полных данных за 6 месяцев, но очевидно, что бюджет за первые два квартала выполнен в доходной и расходной своей части примерно в размере половины годовых бюджетных наших планов, примерно в размере 3 миллиардов рублей. Но я хочу отметить, что в состав этих трех миллиардов рублей бюджетных доходов входит 420 млн., полученных путем займов. Из этих 420 млн. руб. примерно 60 млн. относятся к средствам, полученным через самообложение.

[Г о л о с. Сколько?

Брюханов. Примерно 60 млн. относится к средствам, полученным через самообложение.] Самообложение вносилось в гострудсберкассы, гострудсберкассы покупали на наличные средства наши ценные бумаги, и это записывалось в бюджет в виде дохода государства от займов. Затем 100 млн. рублей получено при помощи крестьянского займа. Тов. Микоян в своем докладе высказал предположение о том, что вторая половина года сулит нам в этом отношении перспективу неизбежной сброски части этого займа крестьянством и скупки его казной у крестьянства.

Трудно определить сейчас, какова будет цифра расхода, который потребуется на эту сброску. Тов. Микоян определял этот расход как минимум в 25 млн. Я думаю, он был прав, и сумма сброски, возможно, превысит эту цифру.

Если прибавить, что 60 млн., которые через сберкассы поставлены в доход от самообложения, будут в третьем квартале и во всяком случае во втором полугодии истребованы обратно, мы увидим, что из 420 млн. примерно 100 млн. есть доход, как я позволю себе выразиться, конъюнктурного порядка, а не прочное бюджетное завоевание. Это говорит за то, что во втором полугодии бюджет, очевидно, будет выполняться с большими трудностями, и с этим нам приходится считаться, и к этому нам приходится готовиться.

В области кредита и денежного обращения мы имеем в нынешнем году картину более благополучную, чем в прошлом году. Если в прошлом году в первом квартале мы имели эмиссию червонцев в 63 миллиона, а во втором квартале примерно такое же изъятие червонцев (68 млн.), то в этом году в первом квартале мы имеем эмиссию червонцев в 40 млн., а во втором квартале мы имеем изъятие из денежного обращения 150 млн. Но каким образом достигнуто это 150-миллионное изъятие? Достигнуто ли оно в результате финансового укрепления всего хозяйства, или это также достижение конъюнктурного характера? Приходится признать, что оно носит в значительной степени конъюнктурный характер и получилось в результате роста текущего счета Наркомфина, а текущий счет Наркомфина возрос за счет отмеченного выше временного дохода по займам, который придется во втором полугодии возвращать.

Таким образом, успехи в области кредита и денежного обращения не рисуются утешительными. Требования, которые в настоящее время предъявляются к кредитной системе нашим хозяйством по линии промышленности, превышают требования прошлого года, а вы знаете, что второе полугодие прошлого года было не совсем благополучным, так как оно дало эмиссию в 300 с лишком млн. рублей, влиявшую отрицательно на состояние денежного обращения и на покупательную способность нашей валюты.

Таким образом, на фоне создавшейся конъюнктуры первого полугодия в области денежного обращения и кредита второе полугодие не сулит нам легкой жизни. Оно сулит нам значительные трудности, которые придется преодолевать со значительным напряжением воли и внимания и партии, и советского аппарата, работая над дальнейшим хозяйственным строительством, над развертыванием хозяйства на почве твердой валюты и устойчивого денежного обращения.

В области валютных расчетов обстановка, которая имела место в первом полугодии, не могла быть благоприятной. Первое полугодие от экспорта хлеба в нынешнем году дало выручку валюты в 45 млн. против 180 млн. 1-го полугодия прошлого года. Это уже говорит о том, что первое полугодие в области валютного баланса и экспортно-импортного баланса не могло быть особенно благоприятным. В результате (я думаю, на пленуме Центрального Комитета это можно огласить) мы имеем за первое полугодие дефицит по валютному балансу, который определяется в сумме около 50 млн. руб.

Что сулит в этом отношении нам второе полугодие? По утвержденным планам, на второе полугодие намечен экспорт хлеба (большей частью за счет урожая нового нынешнего года в последние месяцы бюджетного года) в цифре 20 млн. рублей. Мне думается, – и это, кажется, признается в настоящее время всеми, – что до мая месяца говорить о том, что эта цифра является обеспеченной, пока не приходится.

Весьма возможно, что хорошие виды на урожай уже в мае месяце сделают ее (быть может, даже несколько большую цифру) обеспеченной, но даже и при этом условии, во всяком случае, выправления нынешнего валютного баланса во втором полугодии и превращения его из пассивного в активный мы ожидать не можем. Таким образом, вместо накопления валютных резервов, о котором говорил XV съезд, о котором говорила партия несколько раз, в нынешнем году перспективы нашего валютного баланса говорят о снижении наличных валютных ресурсов и о значительных затруднениях, которые могут встретиться уже в конце нынешнего и в начале будущего года при платежах по импорту сырья для промышленности и по расчетам за германские кредиты.

Вот, товарищи, какие отражения имела та ухабистая дорога, по которой развивались наши хлебозаготовки в первом полугодии, на такой области народного хозяйства, как финансы. Мне думается, что отсюда надо сделать только один вывод, и я считаю,

что следует это сделать и в резолюции о хлебозаготовках, – надо особо подчеркнуть сугубо конъюнктурный характер наших успехов и сугубо большие трудности, которые предстоит нам в дальнейшем преодолевать не только в деле хлебозаготовок, но и в деле развертывания всего нашего хозяйства.

Позвольте теперь остановиться кратко еще на одном вопросе – на займе укрепления крестьянского хозяйства. Успехи в области бюджета и кредита, как я уже сказал, в значительной степени являются успехами, связанными с успехом реализации наших займов. Можем ли мы сказать, что успехи в деле распространения займа укрепления крестьянского хозяйства с точки зрения развития государственного кредита у нас велики? Положа руку на сердце и учитывая то перспективное значение, которое должно иметь развитие государственного кредита в нашем финансовом хозяйстве, базирующееся неизбежно в наших условиях на мелких сбережениях рабочих и крестьян, – мы не можем в этом отношении нашими успехами похвалиться.

Постышев. Сколько собрали всего займа?

Брюханов. По займу укрепления крестьянского хозяйства, судя по тем неполным данным, которые у меня имеются, собрано 105 млн. на 1 апреля. По нашему плану было предположено собрать 150 млн., т. е. собрали 2/3.

Г о л о с. Хорошо!

Брюханов. Но сколько будет сброшено обратно, насколько долгосрочен и прочен оказанный нам крестьянством кредит, об этом надо подумать. Здесь я считаю необходимым отметить тот факт, что, несмотря на то, что Наркомфин по линии финансовых органов с самого начала давал совершенно конкретные и совершенно определенные указания о недопустимости административных методов принуждения в деле распространения займа, эти методы получили очень и очень широкое распространение. И это в значительной степени является минусом в деле развития нашего государственного кредита на селе, первым шагом к которому должен был быть заем укрепления крестьянского хозяйства. Мы не должны закрывать на это глаза. Сейчас бороться с этими недочетами кампании по распространению займа для нас является одной из серьезнейших обязанностей, выполнение которой должно исправить прошлые недочеты и создать в деревне почву для развития будущих наших займовых операций.

Председатель. Слово имеет тов. Бадаев.

Бадаев. В связи с создавшимися трудностями на хлебозаготовительном фронте вопрос о реорганизации заготовительных органов я считаю поставленным совершенно правильно и своевременно. И до кризиса на заготовительном хлебном рынке чувствовались большие неувязки и трудности, еще несколько раньше, 2–3 месяца назад, потому что заготовители не могли увязать четко работу центральных их органов с местами. Это следовало устранить раньше кризиса. Разумеется, концентрация заготовительного аппарата в данное время имеет исключительное значение, особенно на этот год. Несмотря на то, что нам ежегодно требовалось большое количество хлеба для Ленинградского района, мы в целях плановой работы отказались выступать на заготовительном рынке, как только обнаружились излишки в Советском Союзе*. Мы решили отказаться от самостоятельной заготовки, ибо мы считаем, что на заготовительном рынке должен быть специальный аппарат, который должен работать, изучая не только из года в год, но из квартала в квартал все те особенности, которые имеются в нашем сельском хозяйстве. Мы в течение ряда лет добиваемся, чтобы заготовители не лезли на потребительский рынок и не занимались торговлей ради торговли. Многое удалось в этой области сделать, но, однако, до конца эта работа по сей день не проведена. Те-

* Так в тексте (ред.).

перешние обстоятельства должны в этой области положить конец такой дезорганизации на потребительском рынке. И правильно будет, если разграничим работу, чтобы одна организация вела работу на заготовительном рынке, другая на потребительском. Пока еще мало сделано для того, чтобы вполне успешно справиться с этой задачей. Поэтому концентрация заготовительного аппарата является чрезвычайно важной. Мы наблюдали такую картину до последнего времени, что на местах, даже тогда, когда, казалось, нужды не было создавать особые трудности, их создавали в целом ряде районов. Когда Наркомторг дает задания отгрузить определенное количество хлеба из того или другого района, происходит неувязка и колоссальная борьба с местами, а потребительские центры только страдают от этого. Теперь этому беспорядку нужно положить конец. Казалось, что по некоторым культурам сельскохозяйственных продуктов, как, например, ячмень, можно было бы подтянуться и выйти из положения, но на местах было огромное упорство за интересы местной промышленности, и мы были накануне остановки нашего производства и больше десятка тысяч рабочих чуть не выбросили с производства, а вместе с этим сотню миллионов недополучило бы от этого самого производства и государство. Вот теперь это должно быть устранено. Если не доставало здесь определенной диктатуры, нужно ее усилить.

Я хотел бы еще остановиться на вопросе хлебозаготовок кооперации. Мне кажется, что тов. Любимов поставил вопрос правильно. За последнее время мы имеем какое то стихийное акционирование, и это акционирование, по-моему, отодвигает кооперацию от главной работы. Не так давно акционировали мясное дело, которое после хлеба является первостепенным, и тут сама кооперация пошла на то, что в ближайшие годы одной кооперации не удастся большую работу проделать с мясом, она вынуждена сама пойти на акционирование. Куда ни шло, с этим можно на время примириться. Но вот теперь выдвинут другой вопрос, вопрос с хлебом, – хотят снова акционировать, в том числе и потребительскую кооперацию. Отодвигая от этих вопросов кооперацию, мы незаметным для себя образом уменьшаем ее роль. Что же будет делать кооперация, если мы акционируем хлеб, акционируем мясо, акционируем овощи, а затем яйца и жиры? Чем будет тогда заниматься потребительская кооперация, какой она будет иметь авторитет среди широких масс? Она надлежащего авторитета, конечно, не будет иметь. Можно было бы и сейчас упрекнуть кооперацию, что по целому ряду товаров и продуктов наша кооперация не занимала и не занимает надлежащее ей место. Можно было бы серьезно подумать об углублении этой самой работы, но не стремиться к тому, чтобы как-нибудь это дело от кооперации отодвинуть. Мне кажется, что это временное настроение, и мы вынуждены будем в конце концов повернуть оглоблю в обратную сторону. Закооперирована огромная масса в 23 млн. потребительского населения, а мы поворачиваем на другую линию, на акционирование, на линию государственную и т. д. Я совершенно не склонен защищать те многочисленные дефекты, которые есть в кооперации – и потребительской и сельскохозяйственной, – но они есть и в госорганах, и во всякой работе их много. Здесь уж мне совершенно не приходится говорить, что эти недостатки наша партия должна исправлять во всех решительно руслах хозяйственной работы. Недостатки многочисленны и в кооперации, но это не значит, что нужно к этому вопросу подойти так, чтобы кооперация имела от этого решения минус. Тут, конечно, я говорю не по каким-нибудь соображениям умаления чьих-то прав, нет, я говорю с точки зрения углубления работы кооперации. Поэтому нет, мне кажется, нужды сейчас так ставить вопрос, чтобы потребительскую кооперацию отодвинуть, чтобы она тот хлеб, который заготовила, сдавала госорганам, а сама поглядывала, как его будут распределять по ее системе.

Мы сознательно до сих пор не шли на заготовительный рынок, потому что нам удавалось справляться с этой самой задачей через хлебозаготовительные организации, но нужно признаться, что трудности тут были каждый раз, когда мы заключали договора. Мы преодолевали огромные трудности с заготовительными организациями, и когда мы шли дальше по линии выполнения, мы попадали в чрезвычайно тяжелое положение. Заключая договор на хлеб южный, мы были вынуждены в середине года переходить на хлеб северный. Это все имеет особо важное значение для нашего хлебопечения. Сейчас создание наибольшей централизации заготовительного аппарата внушает нам сомнение такого порядка, что к этому одному аппарату стекутся все организации для заключения соответствующих годовых договоров, и потребительская кооперация будет поставлена в тяжелые условия. Так, за последнее время мы видели, что заготовительные аппараты предъявляют чуть ли не ультиматумы потребительским организациям по вопросам финансирования ассортимента, а когда у нас будет один аппарат, он безусловно на первых порах будет ставить в тяжелое положение потребительские организации. И кроме того, в этом объединенном аппарате на первых порах – о чем надо теперь же подумать – неизбежно появятся бюрократические элементы, которые нужно своевременно исправить. В этом отношении кооперация может помочь. Что же касается нашей работы с госорганами, то мы предоставляли Центросоюзу полную возможность вести работу по хлебу на рынке с более мелкими организациями, сознательно облегчали ему эту работу, создавали ему всяческие условия, благоприятные и т. д. Мне кажется, что это облегчение следует и сейчас оставить.

Тут был поднят сравнительно небольшой вопрос, об этом говорил тов. Любимов, относительно выговора одному из работников Центросоюза. Вот, например, у нас в Ленинграде был случай в связи со снижением цен на 10%. Был намечен срок, к которому все кооперативы должны закончить эту работу. Но вот два или три кооператива не успели провести это снижение. Мы, союз, вынесли им за это выговор в печати, согласовав его, конечно, с нашими руководящими партийными и советскими организациями, и благоприятно вышли из этого положения. Мне кажется, что НКТорг мог подойти к этому вопросу точно так же, и это давало бы выход из положения.

Конечно, те трудности, которые были, они в значительной мере изжиты, но они, конечно, не изжиты совсем. Мы не должны о них забывать ни на одну минуту. Через месяц или два мы должны уже решать годовую задачу снабжения районов хлебом на будущий год, и мы сейчас могли бы в этой резолюции вынести более конкретные данные, а не только ограничиться тем, что одной организации мы пообещаем, что она может послать своих представителей в район заготовок. Это еще не решает вопроса, нужно более конкретно поставить вопрос, кто и как свою роль будет выполнять как на заготовительном, так и на потребительском рынке.

Председатель. Слово имеет тов. Петровский.

Петровский. Я думаю, что в классовом отношении ту линию, которую партия заняла по хлебозаготовкам, никто не будет осуждать. Она была правильна и оправдалась полностью. Нам пришлось на Украине недавно это проверить через целый ряд наших организаций. Недавно прошел пленум Центральной Комиссии незаможных селян, который вполне одобрил партийную линию по хлебозаготовкам и другие кампании, особенно по самообложению. Было совещание уполномоченных, которые ездили на места, они в этой работе обнаружили очень много интересного и проводили кампанию с большим удовлетворением. Была у нас сессия Украинского ЦИКа, который в общем и целом, даже и в лице беспартийных крестьян, одобрил ту линию, которую взяла партия по хлебозаготовительной кампании. Что же касается самой организации этой работы, то все говорили, что можно было бы пожелать гораздо лучшего. Из беспартий-

ных крестьян было созвано специальное совещание во время заседания Украинского ЦИКа. На этом совещании они требовали от нас, чтобы мы более организованно и с большими промежутками времени проводили такие важнейшие кампании. Но мне сдается, что беспартийные крестьяне не договаривали всего, что хотели сказать. Так, например, они говорили, что «товарищам, работающим в городе, кажется, что легко добывать хлеб на селе. Это неверно, этот хлеб тяжело добывать нам». Вот в таких тонах высказывались несколько крестьян, и мне кажется, что они выражали общее настроение, создавшееся в связи с кампаниями, высказывали не все, что думали. В начале кампании чувствовалось, нужно прямо сказать, как будто союз рабочего класса с крестьянством трещал. Нужно было много усилий и напряжения, чтобы на основе классовой политики правильно организовать наши силы на селе, организовать бедноту, потом середняка, чтобы мало-помалу выправить работу и союз рабочего класса и крестьянства. И, вероятно, придется немало еще принимать мер к тому, чтобы больше выпрямить линию и еще больше закрепить классовую линию для таких плановых задач, как коллективизация и кооперирование на селе, которые наша партия наметила. Но для того, чтобы эту линию вести, мне сдается, нужно больше втянуть в работу советы и исполкомы. А последняя кампания проводилась так, что советы и исполкомы были как будто немного оттерты от работы. Надо так сделать, чтобы все кампании имели размах, исходящий хотя и от партии, но чтобы они более широко и активно захватили через советы и исполкомы беспартийные массы, тогда бы у нас было больше гарантий выполнения тех заданий, которые ставит перед собой партия. Это тем более нужно, что эти задания по хлебозаготовкам утрудняются, трудней становится побуждать середняка продавать хлеб, о чем здесь говорили многие товарищи и о чем я скажу из практики украинской. Так, например, вы знаете, что у нас на Украине 107 статью о привлечении кулака за удержание у себя хлеба как товара широко не пришлось применять.

Г о л о с а. Применяли.

Петровский. Ведь ее можно было применять тогда, когда в хозяйстве можно было найти свыше 2000 пудов хлеба.

Молотов. Плохо искали.

Петровский. Я думаю, тов. Молотов, мы хорошо искали, это показывают наши заготовки.

Молотов. Заготовки хорошие.

Петровский. А вот когда наши товарищи начали искать, нельзя ли поуспешнее заготовить и применить 107 статью, то хлебных запасов нашли не так много, как предполагали. Мы спрашивали у своего НКТорга, тов. Чернова, примерно какая есть практика к нахождению запасов у кулака. Он сказал, что до 4 тыс. пудов было, но не так много. Из Мелитополя товарищи по хлебозаготовкам просили, нельзя ли применить 107 статью к обнаруженным запасам хлеба в 1 тыс. пудов. Мы дали разрешение, а ЦК отменил его. Отсюда тоже вытекает, что хлебные запасы больше рассеяны по середняцким хозяйствам, а кулаки, может быть, его употребили на откорм скота и израсходовали по другим кампаниям.

К чему я подвожу линию? К тому, что у нас наркомторговский аппарат и статистика находятся еще в чрезвычайно слабой организации и не могут до сих пор точнее выяснить, какие же в конце концов хлебные запасы у населения. Вот сейчас говорил тов. Брюханов и из доклада тов. Микояна вытекало, что у нас ничтожный экспорт. Между тем мы достигли по урожаю почти что довоенных цифр. Спрашивается: куда же девается хлеб, когда мы его в довоенное время вывозили на 700 млн. рублей, причем от нас многие потребляющие районы отпали. Куда хлеб девался? Мы вывозили на

700 млн. за границу, и кто-то теперь пожирает больше хлеба. Ну хорошо, беднота, севшая на помещичью землю, съедает хлеб, скот откармливается. Но неужели весь остаток хлеба съедается? В городах больше потребляют? В чем тут дело? Где невыясненность вопроса в хлебном деле, когда получились такие прорывы, какие обнаружились в кампании? Здесь, товарищи, у нас такой прорыв в подсчетах, который нужно Наркомторгу и всем нашим органам поставить перед собой как задачу и исправить.

Косиор. Наркомторг съедает.

Микоян. Я худой. (С м е х.)

Петровский. Сами по себе хлебозаготовки прошли в конце концов с напряжением для партии, для чего потребовалась мобилизация не только коммунистов, но и секретарей партии. Во всяком случае, нам нужно так поставить аппарат Наркомторга, чтобы обходиться без таких мобилизаций и чтобы только в крайнем случае это делала партия. Если я хотел поставить вопрос так, то потому, чтобы вся партия не могла на все это дело отдаваться. Надо дело хлебозаготовок поставить так, чтобы оно было нормально произведено аппаратом Наркомторга, конечно, всегда только при содействии партии, а не то чтобы бросать на хлебозаготовки весь ЦК с его секретарями и т. д. Мне кажется, тут ирония ваша, товарищи, напрасна.

Косиор. Нет худа без добра.

Петровский. Исходя из этого, я боюсь того, что если мы где-либо прошляпили, то сейчас же мы шарахаемся всей массой в одну сторону и ломаем все. Завтра мы где-нибудь опять прошляпим, и опять – в другую сторону шарахнемся, и опять будем аппараты ломать, расходуя на это огромные средства.

Я подхожу к централизации, которая намечается в этом деле. Мне сдается, что если действительно были ошибки у хлебозаготовительных и кооперативных органов, то на этих ошибках товарищи довольно глубоко научились, чтобы их не повторять. И не следует ломать эти органы, а наоборот, учась на прошлых ошибках, сорганизовать сейчас работу, пополнить кооперативные и хлебозаготовительные организации лучшими товарищами, людьми, средствами и т. д., а не ломать их. Затрагивая централизацию по хлебозаготовкам, тов. Лебедь коснулся борьбы Укрхлеба с Хлебопродуктом Союза и зря сказал о том, что на эту борьбу влияла петлюровщина[57]. Я не буду говорить, из кого складывается у нас ЦК КП(б)У и Политбюро, но позвольте сказать, что во главе хлебозаготовок стоит тов. Чернов, известный всем иваново-вознесенец; далее, во главе потребительско-кооперативной организации хлебозаготовок стоит тов. Генкин, совсем не украинец.

Г о л о с. Это украинизированные народы.

Петровский. Далее, во главе сельхозкооперации стоит тов. Одинцов, всем известный, не имеющий украинского уклона товарищ. Я боюсь, что именно из-за этой мысли создается централизаторское стремление ломать построенное дело и приносить затруднения нам в проведении национального вопроса на Украине. А смотрите, товарищи, как бы практика в этой централизации по хлебозаготовительной линии, где больше всего нужна крепкая на местах организация и проявление наибольшей самоинициативы, как бы она не сложилась минусом для нас, как это вышло с Донуглем, с контрреволюцией. Там централизация показала свой глубоко отрицательный результат. А в хлебозаготовках еще хуже может сложиться. Вот почему мне кажется, что тут сильно централизованный уклон не следует проводить.

О политике цен. [Я прямо скажу, что вся обстановка сейчас диктует, чтобы мы с нового урожая немножко повысили цену на хлеб. Я вот из чего исхожу, товарищи: во-первых, тов. Микоян писал, и многие об этом знают хорошо, что крестьянин вынужден сейчас покупать вдвое-втрое дороже по цене все продукты своего сельскохозяйст-

венного потребления. Это раз. Второе: мы сейчас платим за рожь 65–68–72 коп. за пуд. Это значит, на довоенные, 35 коп. Крестьянин понимает тут соотношение цен. Если бы мы набавили 10 коп. на пуд хлеба, то у нас середняк был бы удовлетворен.] С нового урожая надо пересмотреть. До сих пор политика цен была правильна, стабильность ее нужно продолжать до нового урожая, а дальше это дело нужно так урегулировать, чтобы хлебом крестьянин не откармливал скотину, свиней и т. д. Из всего прежнего, что я говорил о том, что хлеб больше рассеян у середняка, вытекает необходимость пересмотра цен. [Маленькое повышение цен на хлеб для середняка, какой-нибудь гривенник, сразу создаст благоприятные отношения к партии со стороны середняцкого населения. Почему? За последнее время, товарищи, мы многое сделали для улучшения положения рабочего класса: семичасовой рабочий день, социальное страхование, заработная плата, строительство клубное, культурное и другое. Для крестьян этого строительства мало сделано. Я думаю, что этот гривенник с лихвой нам вернется, если мы лучше поставим мельничное дело, организацию всего аппарата по хлебозаготовкам и т. д. А этой политикой цен мы только сравним лучше эквиваленты сельскохозяйственных и промышленных товаров.*]

Председатель. Давайте условимся: сегодня заслушаем заключительное слово?

Г о л о с а. Сегодня.

Председатель. Тогда товарищем Лепой закончим прения, после этого перерыв, а потом заключительное слово.

Тов. Лепа имеет слово.

Лепа. Мне кажется, что и в тезисах, предложенных пленуму ЦК, и в выступлении тов. Микояна недостаточно очерчена роль партийных организаций и тех положительных сдвигов в состоянии и работе партийных организаций и партийного руководства, которые мы имеем в связи с хлебозаготовками. В постановлении ЦК 13 февраля этот момент был четко отмечен[58].

В постановлении Политбюро 13 февраля делался вывод, что мы достигли оживления и освежения партийной работы в деревне. Это одно из крупнейших достижений в ходе хлебозаготовок. Дальше, мы добились проверки состояния работы низовых партийных организаций, ближе подошли к работе советских и хозяйственных органов, добились укрепления рядов партийных организаций путем очищения от негодных, примазавшихся элементов. Таким образом, мы имеем ряд достижений в этой работе. В тезисах сейчас это упущено, нужно соответствующие выводы в тезисы включить. Основное достижение в смысле улучшения партийного руководства – это то, что мы научились сейчас лучше объединять, сосредоточивать все мероприятия и работу соответствующих партийных, хозяйственных и советских организаций на выполнении центральной, основной задачи, которая стоит перед нами. Опыт хлебозаготовок сейчас нами полностью используется в проведении посевной кампании. Мы никогда такого внимания не уделяли весенней посевной кампании, как в этом году. Мы не умели никогда так соединять и объединять мероприятия всех организаций – и партийных, и советских, и хозяйственных – для наиболее успешного проведения посевной кампании.

Перехожу к вопросу о недостатках, извращениях и перегибах в проведении партийных директив. Где они допущены? Кто в этом виноват? Виноваты ли только местные организации? Я оговариваюсь, что на местах действительно допущено много перегибов и извращений. Мы самым резким образом критикуем эти извращения у себя на партийных собраниях и пленумах. Но тут должна быть некоторая бульшая объек-

* Так в тексте (ред.).

тивность. В тезисах ставится **вопрос** таким образом: «местами со стороны партийных и советских органов были допущены такие перегибы и такие извращения» и т. д. Разве можно ставить вопрос только о «местах»? Не нужно ли ставить вопрос и о некоторых перегибах, допущенных в работе центральных органов? Постановление Политбюро ЦК было весьма объективно. Центральный Комитет ставил вопрос о том, что в первую очередь за ошибки, допущенные в хлебозаготовках, отвечает Центральный Комитет партии. Я не хочу, чтобы в этой резолюции было сказано дословно то же самое, я не предлагаю, чтобы говорили по этому вопросу вообще о Центральном Комитете. Но надо прямо заявить, что и центральный хозяйственный аппарат повинен в некоторых перегибах и извращениях, имевших место в местной практике. Приведу несколько примеров. Первый вопрос – о разверстке. Мы спорили против установки Наркомторга о том, что планы хлебных заготовок должны доводиться до сельсовета. Мы считали, что планы должны даваться на волости, а дальше они должны разверстываться по экономическим организациям: по кооперативам, по заготовителям. Уже одна установка о том, что планы должны доводиться до сельсоветов, поневоле толкала сельсоветы на дальнейшую подворную разверстку, на установление учета, кто сдал хлеб и т. д. и т. п. Так и пытался свою работу построить Белгородский уездный исполнительный комитет, который издал соответствующее распоряжение, один из пунктов которого гласил: «Сельсоветы, в свою очередь, передают задания отдельным хозяйствам в соответствии с их мощностью и наличием излишков в каждом хозяйстве и ведут наблюдение за своевременным вывозом разверстанного количества хлеба, воздействуя на сдатчиков в порядке разъяснения и внушения государственно-общественного характера».

Это распоряжение было отменено. 14 января мы получаем телеграмму от тов. Чухриты следующего содержания: «Методы проведения Гордоном (уполномоченным по Белгородскому уезду) работы в Белгороде, если действительно внизу индивидуальный подход проводится, как информировал Гордон, Микояном одобрен. Будем качестве опыта применять других районах. В Белгороде термин разверстывания должен быть заменен планами заданиями. Чухрита».

Мы это предложение, хотя бы в виде опыта, в жизнь не провели.

Возьмите другой вопрос – о товарообмене. В телеграмме тов. Микояна 31 декабря говорится: «отпускать за рожь овес пшеницу дефицитные товары без ограничения хотя бы на сто процентов стоимости сданного хлеба».

Мы поставили перед ЦК вопрос об отмене этого указания. Получили ответ от тов. Микояна (от 6 января), что «прямой товарообмен производить нельзя». Наконец, 14 января Центральный Комитет дал четкую директиву, что ни косвенного, ни прямого товарообмена проводить нельзя.

Третий вопрос – о реализации займа. Тов. Рыков написал хорошее письмо к местным организациям[59]. Правда, некоторые местные работники им недовольны, считают, что надо было ругать не только их, но и центральные организации.

Постышев. Ничего, 80% собрали, а тогда письмо получили.

Лепа. Вот один из циркуляров, в котором указывается, как реализовать этот заем. Быть может, с внешнего вида в нем ничего неправильного не имеется. Но если мы примем во внимание, что он написан для сельсоветов, которые его должны проводить, то могут и должны появиться опасения, что в процессе применения этого циркуляра мы можем иметь перегибы и извращения. В нем говорится о разверстании займа по отдельным хозяйствам, и дальше: «указанные выше цифры прикидки по хозяйствам являются секретным материалом, которым сельсовет пользуется только при переговорах с крестьянином и для руководства работой контрагентов. Переговоры с крестья-

нами могут вестись в различном порядке. Целесообразно, чтобы сельсовет вызывал к себе наиболее зажиточных крестьян и поручал переговоры с бедняцкими и середняцкими слоями контрагентам». Учитывая опыт хлебозаготовительной работы, допущенные случаи нажима на середняков и т. д., мы этот циркуляр не разрешили пересылать сельсоветам.

Рыков. Чья телеграмма?

Лепа. Это циркуляр НКФ, подписанный тов. Брюхановым. [Причем, когда мы этот циркуляр не пропустили, то мы получили новое указание Наркомфина, что циркуляр должен быть проведен в жизнь.]

Я еще мог бы привести некоторые примеры, но не буду затруднять вашего внимания.

Таким образом, в тезисах надо внести поправку и сказать, что перегибы и извращения имели место не только в работе некоторых местных организаций. Надо, хотя бы в осторожной формулировке, отнести этот вывод также и к некоторым центральным организациям.

Поскольку делается вывод, что допущены местами искривления и искажения в работе, то нужно указать на причины этих явлений. В тезисах не дано ответа на этот вопрос. Правда, тов. Микоян отметил, что некоторые сельские коммунисты запутались, не понимают линии партии, говорят об отмене нэпа, но не это является единственной причиной перегибов и извращений. Причинами этих перегибов и извращений является, во-первых, местничество, которое часто прикрывается всякими хорошими лозунгами, но приводит к тому, что некоторые местные организации даже скрывают от партии эти извращения; во-вторых, неправильное руководство, переадминистрирование, которое имело место у нас и в центральных организациях; в-третьих, слабая проверка низовой работы; и, в-четвертых, неправильное понимание линии партии. У нас среди секретарей волкомов, даже губернских работников нашлись такие работники, которые прямо говорили о том, что мы вводим методы военного коммунизма, причем с «поправкой» – методы «культурного» военного коммунизма. Таким образом, непонимание партийной линии имеется, и соответствующая воспитательная работа в этом отношении должна быть проведена.

Теперь относительно руководства Наркомторга и вообще планового руководства заготовками. План заготовок, его правильное определение, без всякого сомнения, является одним из основных условий успешного проведения хлебозаготовок. Приведу такой пример в отношении Тамбова: устанавливается сначала план в 30 млн. пудов, второй раз – 33 млн. пудов, третий раз – 36 млн. пудов, потом снова – 30 млн. пудов. При таких условиях возможно ли настоящее плановое руководство хлебозаготовительной кампанией со стороны местного парткома? Или возьмем Курскую губернию. Первоначально дается план на заготовку овса в размере 6 млн. пудов, потом 4 млн. пудов. Мы выполнили годовой план, кстати, получили благодарность со стороны тов. Микояна и увеличение плана. Так и написано: «объявляю благодарность всем участникам хлебозаготовительной кампании за успешную работу и увеличиваю ваш годовой план на 3 млн. пудов». (С м е х.) [Увеличенный план мы принимаем, а в отношении благодарности я думаю сослаться на письмо ЦК от 13 февраля, что мы служим для революции и никакой благодарности нам не нужно, тем более от отдельной личности, хотя бы и очень высокой личности.] В отношении планов, по-моему, надо сделать такой вывод, чтобы устанавливаемые планы намечались при большем участии местных парторганизаций. Я не буду говорить о недостатках нашей местной работы, о том, что мы плохо руководили губстатотделом, плохо руководили губземуправлением по вопросу составления хлебофуражного ба-

ланса. Все это правильно. Но при составлении балансов нужен больший учет мнений местных парторганизаций.

Последний вопрос, которого я хочу коснуться, – это вопрос о политическом состоянии деревни. Я думаю, что тот вывод, который сделан в постановлении ЦК от 13 февраля, что основная масса середняков в союзе с нами, с рабочим классом, – этот вывод остается правильным и поныне. Но в тезисах, предложенных пленуму ЦК, нет выводов о политическом состоянии деревни. Соответствующие выводы должны быть сделаны в постановлении пленума ЦК.

Еще один вопрос, относительно бедноты. Беднота идет за нами. Но настроения бедноты сейчас, в связи с необеспеченностью в отдельных районах посевным материалом, могут ухудшиться. В нашей губернии не имеется кооператива, который не был бы связан с централизованным заготовительным планом. При этих условиях мы не можем работу части нашей кооперации обратить на местное снабжение. Нам это запретили. Когда мы пытались создать свой местный фонд семенного овса для удовлетворения нужд бедноты, Наркомторг категорически нам это запретил. Потребовалась посылка нескольких телеграмм в ЦК, чтобы, наконец, добиться создания общего фонда в 300 тыс. пудов. Я должен заявить, что, поскольку нам дали право овес на семена заготовлять с конца марта, мы не сумеем вовремя и полностью бедноту снабдить этим семенным материалом.

Председатель. Голосую. Кто за прекращение прений? Кто против? Мало. Прения закрыты. Объявляю перерыв. После перерыва заключительное слово.

(П о с л е п е р е р ы в а.)

Председатель. Слово имеет тов. Микоян.

Микоян. Товарищи, [сперва несколько справок по поводу выступлений членов Центрального Комитета. Между прочим, надо сказать]. Нельзя считать правильным, что при освещении тех или иных недостатков или неправильных распоряжений все приписывают бюрократическим извращениям. Извращений у нас очень много во всяких аппаратах, в особенности в аппарате Наркомторга, который еще плохо построен, на котором лежит так много задач, имея в виду, что самые ударные задачи, которые требуют величайших усилий против стихии, именно лежат на Наркомторге. Снижать цены против стихии рынка при величайшем нажиме организационном и всяком ином лежит на Наркомторге. Тоже наладить экспорт, который в два раза ниже довоенного, который не растет, если его со всей силой не толкать мерами экономическими, организационными, административными. Импорт, который стремится расшириться, при большой нужде в импортных товарах, тоже нужно удерживать в рамках Наркомторгу. Заготовка хлебных культур, которые находятся в очень трудном положении, снабжение населения, когда рост потребностей идет чрезвычайно быстро, тоже задача Наркомторга. При социалистическом хозяйстве потребности трудящихся, и в особенности рабочих, растут быстрее, чем мы успеваем их удовлетворять. Иной политики у рабочего правительства быть не может. Иная политика наблюдается у буржуазии, и отсюда там происходит кризис сбыта и прочее. У нас не может быть иной политики, у нас должна быть линия на быстрое развитие потребления масс. [Если в Москве мыла нет, обращаются ко мне. Это дело ни в какой мере меня не касается, я мыло не производу, мылом очень мало моюсь, времени нет в баню ходить. (С м е х.) Производственную программу мыла не утверждаю, а всем нужно отвечать. Или сукно, спрашивают, почему сукна нет. Мы сукно дали в рамках всех решений, а потребности ни в какие рамки не укладываются.] Поэтому, мне кажется, нужно отличать трудности объективно-неизбежные, трудности, вытекающие из нашего положения, от тех

трудностей, [организационных, экономических, которые могут быть исправлены. Если мы будем отходить от этого, то наша идеология сравнится с идеологией баб, стоящих в хвостах. Надо уметь отличать объективные неизбежные трудности от трудностей, которые возникают от нашей бесхозяйственности, неумения и проч.

Косиор. А мыла если нет, так нет].

Микоян. Которые являются результатом нашей бесхозяйственности и неумения.

Вместо этого часто это все путают, чем затрудняют решение этих же проблем и исправление действительных ошибок; говоря о таких ошибках и неудачных распоряжениях, часто приводят неудачные примеры. Я могу привести примеры настоящих бюрократических извращений в нашем аппарате и в любом аппарате. А когда люди берут пример вовсе неподходящий или необоснованный факт, это не годится и ничего не может исправить. Тов. Эйхе привел пример по поводу семян. По этому поводу я должен сказать, что не дело Наркомторга семена заготовлять, и он никогда их не заготовлял. Правительство, однако, сказало: для того чтобы поддерживать бедняцкое и середняцкое хозяйство, извольте выделить из хлеба, заготовленного для еды, семена, отобрать годные для тысячи районов республик и Союза. Мы взялись за это дело, хотя оно было не наше дело. Взялись потому, что нужно было кому-то это сделать, и 15 млн. пудов зерна отобрали и развезли по пунктам назначения. Имеются сведения, что из этих 15 млн. пудов семян, плохого качества и неподходящей кондиции, в условиях отдельных районов оказалось только 73 вагона, и то они вовремя заменены. Таким образом, мы все-таки отобрали 15 млн. пудов семян, перебросили в короткий срок, отобрали, очистили и доставили на место. Я допускаю, что здесь могли быть большие ошибки, но я считаю, что все-таки дело прошло очень хорошо. Нешуточное дело в такой большой массе заготовить и перебросить семена из конца в конец страны. Тов. Эйхе привел пример, что из Сибири мы взяли пшеницу и перебросили на Украину, вот, мол, какая глупость, какое бюрократическое извращение и пр. и пр. Услыхав это, тов. Ройзенман, очень хороший и чуткий товарищ, говорит с величайшим возмущением: что за безобразия у вас! Если бы имел место подобный факт, было бы, пожалуй, безобразие: люди занимаются тем, чего не знают. Зная о возможности таких случаев, я сказал своему аппарату: вы в семенах ничего не понимаете и не обязаны понимать, вы должны получить письменное заверение от Наркомзема, годится ли данное зерно или не годится, и отправлять куда скажут. Вы исполнители, но не отвечаете за качество зерна и место отправки, за это отвечает Наркомзем, а за исполнение – вы. Я решил проверить досконально сообщенный тов. Эйхе факт, чтобы документами опровергнуть сказку по поводу этих семян, и эти документы говорят следующее. Во-первых, неверно то, что эти семена на Украине были съедены. Тов. Эйхе говорит, что это было написано в корреспонденции «Правды». Однако редакция «Правды» не может вовремя за каждой корреспонденцией проследить, каждую корреспонденцию проверить. Прежде чем на этом основании на пленуме ЦК делать вывод о бюрократическом извращении аппарата Наркомторга, надо было раньше проверить, спросить кого-нибудь. Итак, факты говорят следующее. Просьба об этой сибирской пшенице поступила от Украинского Наркомзема, я прочитаю даже на украинском языке эту заявку, письменный документ.

Г о л о с а. Просим, просим.

Микоян. Хотя по-украински читать не умею, но написано русскими буквами и читать можно. Пишет наркомторг Украины тов. Чернов, который нас попросил дать из Сибири пшеницу «Ное» в качестве семян для Украины, где нехватка яровой пшеницы следующее. (О г л а ш а е т д о к у м е н т н а у к р а и н с к о м я з ы к е). (С м е х.)

Словом, точно указано, что нужны семена района Омска, причем это предложение Наркомзема было утверждено Украинским экономическим советом после того, как все специалисты-селекционеры украинские дали согласие. Имея за такой заявкой такие авторитетные учреждения и лица, НКТоргу оставалось выполнить ее без всяких колебаний. Но мы не бюрократы, стараемся по-большевистски работать, написали письмо украинским товарищам, в котором, между прочим, было сказано следующее.

Г о л о с. На каком языке?

Микоян. На русском уже. «Однако, учитывая разность климатических и почвенных условий Украины и Сибири, Наркомторг СССР возлагает на вас полностью ответственность по выбору совместно с Наркомземом наиболее подходящих для Украины сортов яровой пшеницы». Но что могли больше этого мы сделать? Больше, я думаю, никто не сделал бы. Если после этого оказалось, что было глупостью брать семена из Сибири, можно ли считать ответственным Наркомторг и его винить. К счастью для всех, оказалось, что здесь никакой ошибки не было. Чтобы получить самые последние данные по этому вопросу, я поручил запросить по телефону Наркомторг Украины и Наркомзем Украины – верно ли, что семена оказались неподходящие, верно ли, что они съедены или подлежат перемолу, и вот что сообщили мне сегодня за подписью наркомзема и наркомторга Украины: «Пшеница сибирская «Ное» завезена Украину постановлением УЭС. Был единственный случай Одессе, сомнения вызреваемости «Ное» условиях Одессщины. Совещанием специалистами-селекционерами установлена полная пригодность культуры «Ное» Одессщине. Других случаев возбуждения пригодности «Ное» условиях Украины не было. Вся пшеница «Ное» использована на севнужды. Наркомторг Гавеман. Наркомзем Резников».

Но как же можно при таком очевидном факте заявлять о бюрократическом извращении НКТорга, ведь это теперь пойдет гулять по всей стране – вот какие бюрократы и чудаки сидят в НКТорге и как они портят дело. Мы выполняли такие труднейшие задачи, как, например, за один месяц 15 тыс. вагонов семян собрали, очистили, отпустили и за каждым вагоном следили. И вместо того, чтобы отметить это и поддержать, абсолютно не годится необоснованно обвинять. Неужели мало есть того, за что нас нужно действительно критиковать по-настоящему? У нас много есть недостатков, их нужно критиковать и поправлять нас.

Дальше, по поводу сибирского плана. Здесь тов. Эйхе говорил, что мы их обидели в отношении плана. Во-первых, сибирский план мы обсуждали по приезде тов. Эйхе в Москву в декабре, после партийного съезда. Мы вместе с Эйхе сидели в коллегии НКТорга и утверждали план, план мы не изменили совершенно, и Эйхе согласился с этим планом. Сибирский план не был изменен ни на один пуд, хотя казалось бы, что по хлебным ресурсам нормально было бы, если бы мы в течение года этот план пересмотрели. Мы промышленный план изменяем в год по 3 раза, а план хлебозаготовок, где речь идет о хлебе, который труднее учесть, **мы** ни разу не изменили. Ни разу годовой план Сибири не менялся. В отношении месячных планов, например мартовского плана, мы дали им действительно очень большое задание. Почему? Сибирь должна заготовить 20 млн. пудов в марте, причем в феврале она выполнила очень недостаточно свой план. [В последнюю пятидневку только 3 млн. 500 тыс. пудов.] Мы решили, что план на март можно дать несколько больший, чем было заготовлено в феврале, потому что в Сибири распутицы нет, и ее не может быть в марте, посева там тоже не может быть, а хлебные ресурсы есть. Мы хотели использовать время до распутицы и до посева для того, чтобы получить максимум хлеба. Март больше февраля на два дня, распутицы не будет, раскачка Сибири дана, поднялась богатая Сибирь, они могли бы заготовить 20 млн., но они заготовили только 13 млн., не выполнили плана.

Их просьбы об уменьшении плана ЦК отверг, и теперь они говорят: вот видите, мы доказали, что мы правы. Я не говорю, что в Сибири плохие работники, там очень хорошие работники, они приняли все меры, чтобы усилить заготовки. Конечно, мне можно было бы взять такую линию, ни на кого не нажимать, тогда сказали бы: вот сидит хороший НКТорг, хороший человек, планы дает легкие, ни на кого не нажимает. Но мы не можем, товарищи, так работать.

Мне некоторые товарищи говорят: видишь, как тебя ругают. Я должен сказать, что когда решаются вопросы в интересах пролетарского хозяйства и пролетарского государства, то эти вопросы должны решаться так, как диктует революционная совесть, а не так, чтобы тебя не ругали. [Я мог бы дать масло москвичам и после этого прекратить экспорт. Мне сказали бы: вот хороший НКТорг, и масло у него есть, и яйца есть, и все замечательно, никто бы меня тогда не ругал. Но когда разрешаешь интересы хозяйства, то видишь, что каждый миллион, полученный за масло, идет на ввоз металла. Папаша не оставил нам золотых ресурсов, чтобы на них можно было ввозить, нам нужно самим добывать средства. Если мы не будем вывозить масло, то мы уменьшим ввоз металлов для промышленности, уменьшение экспорта масла приостановит до некоторой степени развитие металлопромышленности. Тогда извольте так решать вопрос. Как же всего этого не понять!]

Я считаю, что много справедливого есть в жалобах сибиряков, мы их действительно много дергали, но мы дергали не потому, что у нас энергию больше некуда деть и что мы очень хотим их дергать, а потому, что нас дергают рабочие, которых надо снабдить, дергает экспорт, дергают перспективы июня и июля, когда надо рабочих снабжать хлебом. Конечно, иногда мы перебарщиваем в дергании, переборщили немного и по Сибири, но мы это делали в интересах нашего пролетарского хозяйства. Нельзя сказать, что если бы были другие работники, то было бы лучше; там не плохие работники, но мы на них нажимали так, чтобы они напрягали свои силы[60].

Я думаю, был неправ и следующий оратор, тов. Шверник, который говорил, что мы не дали никаких указаний по снабжению бедноты. Это неверно, я сам на Северном Кавказе наблюдал, что кулак ловко маневрирует. Мы нажали на кулака, а он в ответ прекратил продажу хлеба бедноте. Хлеб вскочил до 4 рублей за пуд, и беднота очутилась в блокаде. Мы послали распоряжение за моей подписью следующего содержания: «В целях обеспечения бедноты деревни хлебом для продовольственных нужд разрешаю использовать часть гарнцевого сбора[61] получаемого частных мельниц для этих целей». Когда оказалось этого мало, я писал: «Дополнение нашей номер 6/2255 разрешаю случае необходимости постановлением губернских окружных исполкомов снабжения бедноты деревни использовать полностью весь гарнцевый сбор поступающий частных мельниц также местных государственных, местных кооперативных мельниц». А потом дополнительно указали, что, если всего этого не хватит для снабжения бедноты, можно заготовлять через первички для бедноты специально. Меры были приняты своевременно. Первая директива была дана в феврале месяце, другая в марте месяце 2-го числа. Все указания были даны, но мы не забывали ту опасность, что под видом бедноты растащат заготовленный хлеб и оставят пролетарские центры без хлеба.

Некоторые товарищи выступали с такими положениями, которые давно от Кузьмы Пруткова известны, как, например, что нельзя объять необъятное. Это совершенно правильно. Тов. Хатаевич говорит: «Почему Наркомторг путается в районные цены? Дали бы республиканские цены Татарии, и кончено». Я так и поступил, и цены утверждал только для целых губерний и областей, а что получилось? Вот вам сотня телеграмм и протоколов о том, что ввиду резкой разницы в ценах одного села, одной

губернии с соседним селом другой губернии просят меня вмешаться и устранить это. Сам тов. Хатаевич был вынужден констатировать на одном заседании Татарии следующее: 1) «Констатировать, что, несмотря на неоднократную постановку вопроса перед центром и дававшиеся обещания и распоряжения, положение с ценами в пограничных, примыкающих к Татарской Республике районах Башкирии, Урала и Чувашской Республики продолжает оставаться чрезвычайно неблагополучным, что цены в этих районах превышают установленные директивные от 15 до 30 коп., чем вызывается полная дезорганизация рынка примыкающих районов ТР и оттяжка оттуда всего товарного хлеба». 2) «Телеграфно сообщить ЦК и НКТоргу СССР, что если в течение 5-ти дней не будут получены точные указания и распоряжения, то в отношении пограничных районов с Чувреспубликой будут приняты меры административного порядка, стесняющие вывоз туда хлебов». И дальше, одновременно телеграфирует Наркомторг Татарии следующее: «Установлением ледостава хлеб из Мензелинска потек исключительно Каракулино. В Мензелинске заготовки прекратились. Причиной тяги хлеба большие переплаты заготовителей Уралобласти». НКТорг требует, чтобы изменили цену в Каракулине. Я не знаю Каракулина, не бывал в нем и не видел и не могу знать всех Каракулин, однако у меня кипа всяких телеграмм из Каракулин, ибо в одном Каракулине цены такие, в другом – другие, один Каракулин в Татарии, другой на Урале. Я устроил специальное межрайонное совещание Татарии, Урала и Башкирии и сказал: собирайтесь на месте и решите, чтобы цены подходящие были. После говорят: «Зачем путаться в междурайонные цены». Я сам не рад путаться, [я совещание созывал, вы же сами требовали, чтобы это дело устроить, но нельзя говорить так, как т. Чубарь говорил. Он выступал и говорил, что воронежские цены расходятся с украинскими, а вот я знаю, что на Северном Кавказе цены иные, чем на границе с Украиной. Посылайте представителя на места и решайте. Я одно могу сказать, что это значит объять необъятное. Конечно же, это необъятная вещь, так как мы знаем, что у нас не выполняют директивы, что у нас в одном месте цены такие, в другом другие. Приходится путаться. А разве наше дело путаться? Если правильно директивы применялись на местах, правильные экономические меры принимались в этом отношении] и поэтому назначал эти межрайонные совещания. И вот после всего этого говорят, что наркомторг вмешивается в вопросы цен мелких пунктов, потому что, видимо, он плохо знаком с произведениями Козьмы Пруткова и хочет «объять необъятное». Такого же порядка было замечание тов. Эйхе, который жаловался, что на кедровые орехи цена очень высока. Я должен заявить, что хорошо понимаю правильное утверждение Козьмы Пруткова, что нельзя объять необъятное, и я кедровых орехов пытался не обнимать (с м е х), цены на них не назначал, никогда я этим не занимался, хотя давал указания наладить их экспорт. Кто цены там устанавливает? Уполнаркомторга в Сибири. Я спросил замнаркомторга РСФСР тов. Чухриту, были ли случаи нашего вмешательства. Был случай такой: наш сибирский торготдел требовал, чтобы установить цену на пуд кедровых орехов в 4 рубля. Тов. Чухрита от имени Наркомторга РСФСР указал ему, что это дорого, надо установить ее не свыше 3 руб. 50 коп. Я думаю, что в этом деле кедровых орехов тов. Эйхе больше понимает, чем я, и слово тов. Эйхе в этом вопросе имело бы не меньшее значение. Но он сейчас требует, чтобы я впутался в это ореховое дело, этим самым он толкает меня на то, чтобы я обнял необъятное, но я не хочу. (С м е х.)

Ну, о зубных щетках (с м е х). Причем тут я, если объединились зубные щетки (с м е х). Меня никто об этом не спрашивал, я не знаю, где эти щетки объединились, кто их объединил. Насколько тов. Эйхе причастен к делу зубных щеток, настолько причастен и я.

Здесь напрасно вину взваливали на крыс, собак, хомяков, кротов и проч. (С м е х.) Конечно, если нужны безответные животные (с м е х), на которых нужно взвалить причину всех и всяких неудач, то крыса наиболее удобное и подходящее в этом отношении животное (с м е х), отстоять она себя не может, никто за нее не заступится (с м е х), крысу эту, гадину, нужно давить. Если нам нужно, то, конечно, можно взваливать вину на крыс, но зачем это? Как обстоит дело с крысами, кротами и вообще с второстепенным экспортом? Мы взяли линию на то, чтобы использовать отбросы народного хозяйства, использовать все, что валяется и нам не нужно, но что можно использовать, продать за границу, получить оттуда золото, давая вместе с тем заработок деревенской голытьбе, давая заработок беспризорным, которые не имеют никакой работы. Мы дали указание обратить внимание на эти мелочи, кости, тряпки, всякие отбросы, крыс, сусликов. Ведь вся эта и подобная ей «мелочь» дает десятки миллионов рублей валюты. Говорят, что они с хлебом конкурируют. Я думаю, что вряд ли крысы с хлебом будут конкурировать. Я говорю, что вряд ли кулак пойдет ловить крыс. Цена на них установлена в 30 коп. Говорят – дорого. Я не знаю – дорого или дешево 30 коп., хорошо или плохо. Если дать и 40 коп., то вряд ли кто-нибудь из тех, кого не гонит нужда, пойдет крыс ловить, бить, чтобы потом шкуру продавать. Кулак тем более не пойдет. Кто же пойдет? Пойдет беднота, голытьба, у которой нет ничего на свете, кроме своих рук и ног, которыми они ловят этих крыс, давят и на шкуру их используют. Я говорю, что не стоит из-за крыс спорить (с м е х). Цену на крысу мы не устанавливали. Я в крысах мало понимаю, их ловить не собираюсь, спеца по крысам в Наркомторге нет (с м е х). Я сказал: ты, Госторг, заготовитель, купи крыс по такой цене, какая тебе выгодна. За крысу платили 30 коп. Это тебе выгодно – плати. Что у нас получилось? Получается так. Например, за собаку платим 1 руб. 50 коп. (с м е х), говорят, что много, – черт его знает – мало или много.

Артюхина. Смотря какая собака. (С м е х.)

Микоян. «Средневзвешенная» собака (с м е х). Стоит она 1 руб. 50 коп. у нас, а за границей мы получаем за обработанную шкуру 4 доллара, 8 рублей.

Г о л о с а. Ого!

Микоян. Надо ли платить полтора рубля, не знаю. Я не назначал цены. А заготовители говорят, что прибыль чудовищную можно получить.

Г о л о с. А за крыс сколько вы получаете?

Микоян. Во всяком случае, они прибыльны. Единственные из этих, которые дают убыток, это суслики, но царь, даже царь, для того чтобы уничтожать сусликов, даже царь платил по пять копеек за хвост сусликов.

Г о л о с. Не за хвост, а за лапку.

Микоян. Да, за лапку. Я не знаю, что же здесь плохого? Мы даем экспортные товары за границу, которые здесь не нужны, мы уменьшаем количество вредных животных, мы даем заработок голытьбе деревенской. Плохо ли делаем? Можно не делать. Но я не понимаю, почему это плохо. [Сусликов мы думаем 8 млн. уничтожить. По этому поводу идут протесты, по-моему, зря протестуют.] Госторг думает вывезти в этом году шкурки этих второстепенных статей на 5 млн. рублей [полтора млн. кошек по 90 коп. в среднем за кошку. Это даст громадную прибыль и внутри, и на заграничном рынке, раза в 4–5 больше, чем мы платим. За котик, вернее не за котик, а за обыкновенную кошку в Москве платят... (ч и т а е т). Это за три месяца мы должны заготовить. Мы могли бы это прекратить, если бы считали, что плохо делаем, но я думаю, что это хорошо. Ошибки, конечно, могут быть. Уральцы говорили о 30–35 коп., но в конце концов можно было бы договориться, но 5 млн. руб. Госторг от этого дела выручит. Насчет экспорта можно сказать прямо, что масла мы не можем расширять, яй-

ца мы тоже не можем расширять, потому что у нас их кушают внутри страны, и правильно поступают, но крыс никто не кушает, а за границей их у нас покупают, и мы от них имеем прибыль. Насчет сусликов – то же самое, они тоже приносят нам прибыль. Конкурировать с хлебом не могут ни суслики, ни крысы. Кулак не пойдет на это дело, заниматься кошками кулак не будет. Если споры пойдут, я готов уступить и готов вмешаться в это дело и «объять необъятное» – крыс, собак и кошек, чтобы разрешить споры по этому вопросу. Я цены тут не устанавливал и не устанавливаю, а я дал заготовителю: плати столько, сколько тебе выгодно].

Далее, товарищи, я должен остановиться в нескольких словах на выступлении тов. Любимова. Я за краткостью времени не останавливался подробно на тех недостатках, на тех болячках, которые есть в нашем заготовительном аппарате, в том числе и в кооперативном аппарате. Я полагал, что сами кооператоры укажут здесь на это, вскроют свои язвы и попросят партию помочь их полечить.

Косиор. Это не в их обычаях.

Микоян. Совершенно верно, это не в их обычаях. Конечно, кооперативное дело очень трудное – многомиллионное мужицкое хозяйство связать, организовать, общественно воспитать. Нужны кадры людей, нужно приспособить крестьянина, чтобы он в упряжке с государством шел. Это дело очень трудное. Ведь сколько ошибок и недостатков, которые нужно исправить! Разве есть у кооператоров должная критика и самокритика в этой области? Я раз тов. Любимову говорил: «Если не хочешь, чтобы со стороны крыли кооперацию, создай внутрикооперативный фронт борьбы против безобразий, против расхлябанности. Мы поддержим это. Партия так себя бичует сейчас на глазах у всех, что не грех кооператорам бичевать свои недостатки. Ибо это путь лечения наших болячек. А слыхали ли вы когда-нибудь, чтобы кооператоры себя бичевали? Нет, это своя семья, автономная, у них психология старых кооператоров. Кооперация – это свое государство. Кооператоры так разговаривают: «как же, расковыряешь, будут недовольные, а потом выборы». Тов. Любимов говорит, что он хочет что-нибудь сделать, а у него получается только «кооппривет» и ничего больше.

Но почему не поставить вопрос, чтобы кроме «кооппривета» была бы еще какая-нибудь самокритика, очищающая кооперацию от недочетов и от чуждых нам людей? Классовая борьба будет идти прежде всего в кооперации. Роль коммунистов в кооперации – суметь приблизить к себе лучших крестьян, воспитать их, обработать, а худшие, злостные, чуждые элементы – выгнать. Вот в чем дело. Разве эти задачи вы ставите? Нет, не ставите. Разве не факт, установленный в Тамбове, что кооператоры во главе кооперации стоят, жалование получают, хлеб заготовляют, а у каждого по 600 пудов хлеба лежит излишка. И это не только в Тамбове. Надо ли ударить по таким кооператорам? Ежели вы не бьете, можем ли мы оставить это без внимания? Побили бы вы, мы бы сказали: молодцы, поддержали, когда нужно. Но раз у вас единый фронт и попытки все скрыть, то приходится критиковать и поправлять вас со стороны. Ведь тов. Сырцов правильно прочитал эту справку. Все это не случайно. [Это все происходит из-за того, чтобы скрыть свои ошибки, побороться с госорганами и на этом выезжать.] Критикуете НКТорг, у которого недостатков много, переадминистрирование и прочее. Это естественно, когда сумасшедшая работа, когда все требуют всего. Но почему вы не сказали ни одного слова о недостатках кооперации. По Любимову вышло так, что не будь НКТорга, который мешает, все дела кооперации пошли бы блестяще. Я готов помочь вам, но вы не скрывайте недостатков своей работы. Тов. Любимов это совершенно обошел, запротестовав в резкой форме против выговора, объявленного мною группе работников, в том числе некоторым кооператорам. Разрешите мне подробно рассказать этот случай. Случай, который очень поучителен и показывает, как

иногда чуждые нашему классу люди в кооперативном аппарате, иногда просто расхлябанные люди, оторванные от пролетарского государства и рабочего класса, как они брали себе крупное государственное задание, чуть ли не монопольное, от выполнения которого зависят судьбы целой отрасли промышленности, и как халатно они относятся, как настоящие враги. Когда я был на Кавказе и увидел этих людей, я сказал им прямо: вы контрреволюционеры настоящие. Расскажу, в чем дело. Спиртная промышленность не имела картошки, план не мог быть выполнен. СТО нам поручил против ранее обещанных 6 млн. кукурузы дать 13 млн. пудов. Я должен был это выполнить. Провожу большой нажим на свой аппарат и на другие аппараты, Центросоюз и другие органы. Однако дело шло плохо, наряды по отгрузке кукурузы плохо выполнялись. В течение декабря мы несколько раз указывали Центросоюзу. Я вам покажу письма Центросоюзу прямо здесь, с приведением всех данных. По этому вопросу я требовал, чтобы Центросоюз принял меры к усилению заготовок и отгрузке кукурузы. Однако дело не шло. Вот я вам скажу даты наших писем по этому делу, которые мы посылали. 1 декабря, номер не привожу для простоты, 8 декабря, 9 декабря, 10 декабря, 29 декабря, 16 января. Письма о той же проклятой кукурузе. Не выполняют плана, заводы останавливаются, телеграммы с мест с воем и плачем. СТО два раза заседает почти в полном составе по вопросу о кукурузе и спиртных заводах. Требуют: дай кукурузы. Как я могу дать кукурузу, когда наряды не выполняются? С меня требуют, а отгрузки не происходят. Поехал на Кавказ, вызвал людей: в чем дело? Оказывается, на 1 января имеется заготовленной кукурузы, лежащей в кочанах, $3^1/_2$ млн. пудов, невыполненных нарядов на 1 января $2^1/_2$ млн. пуд., причем часть нарядов, данных в октябре месяце. Спрашиваю работников: почему отстают отгрузки? Знаете, говорят, кукуруза лежит в кочанах, не успеваем обмолачивать, молотилок не хватает и т. д.

Я говорю: мобилизуйте молотилки, чтобы можно было быстро действовать, ибо весна наступает и заводы надо снабдить до весны, иначе будет поздно. За это время я приезжаю на место в осетинский аул, в котором раньше бывал, попадаю в первичную кооперацию. Там я встретил члена правления – осетина, а бухгалтер – казак. Говорю: давайте все бумаги, какие есть о хлебе. Вижу – наряды. У меня здесь все номера приведены, точные номера, но, чтобы сэкономить время, я не буду здесь их зачитывать. Дан наряд в октябре 27 вагонов на такую-то станцию и на такой-то завод отгрузить. В ноябре дан наряд на 30 вагонов, 10 отгружено. 31 декабря дан наряд на 10 вагонов, на такой-то завод. Написано: выполнить немедленно, и подчеркнуто это «немедленно» два раза красным жирным карандашом. Я 20 января сижу в ЕПО и вижу – ни одного вагона не было отгружено, а сказано: немедленно, – и вот ни одного вагона. 2 января другой такой же наряд. То же подчеркнуто красным карандашом со зверским нажимом и... ни одного вагона. Кукуруза есть, а не отгружается. Я поехал во Владикавказ, вызвал все власти и спрашиваю: как дело обстоит? Говорят – хорошо. Я этот вопрос задал всем: работнику Внуторга, исполкома, парткома, и все дают один и тот же ответ. Я собрал документы, послал своего работника проверить за час все документы, что выполнено, чего не выполнено. Пришел этот работник через час, ужаснейшая картина: кукуруза лежит месяцами, нет сведений, нет данных, нет и наблюдения. Вызываю местных работников, спрашиваю, как же можно обмолотить? Говорят, молотилки не нужно, одна смена работала, можно три смены пустить и все готово. А заводы стоят, всех рабочих распустили, вой стоит, Наркомфин плачет, что бюджет сорвется, водки не будет.

Г о л о с. Плохо дело!

Микоян. Что я сделал? Я выругался отчаянно. [Говорю, в кукурузе никаких наций быть не может, кукуруза наций не признает. Говорю, что отгрузить надо, что вы

должны это сделать. Вы великорусский шовинизм в кукурузе проводите, а заводы стоят. Вы контрреволюционеры, извольте грузить.] Дал самые жесткие распоряжения и указал, что в деле отгрузок кукурузы нет никакого национального вопроса – нужна пролетарская дисциплина. Кто будет нарушать – не щадить. Даю вам пять дней, чтобы выполнить все наряды, выданные с начала кампании, которые у вас лежат. Местные организации просят 10 дней. Говорю: «10 дней даю по вашей просьбе». Что же вы думаете? Вот данные. Я ничего не сделал больше, сам не таскал, не двигал, не обмолачивал, только подтянул их и через час уехал в другой район.

Косиор. Обложил только.

Г о л о с. Мотивировал.

Микоян. Только людям объяснил, что нельзя этого делать, что так только враги могут делать, и поняли коммунисты, которые там были. Правда, я арестовал там уполномоченного Центросоюза. (С м е х.) Это явный наш враг, некто Цогоев, который послан туда для подталкивания, а он все скрывает, говорит – нельзя, молотилки нет и пр. и пр.

И что же случилось? За первую декаду января было вывезено кукурузы с Сев. Кавказа 762 вагона, за вторую декаду января 836 вагонов. Я был 20-го во Владикавказе. С 20 числа до 1 февраля вывезли 2259 вагонов, т. е. $2^1/_2$ миллиона пудов за 10 дней, в то время как за первые 10 дней 800 тыс. только вывезли. Я же ничего не сделал. Я сказал только, что надо вывозить кукурузу, чтобы спасти спиртовую промышленность. Мог я мимо этого пройти?

Г о л о с. Конечно, нет.

Микоян. Я заехал в Ростов, подтянул свой аппарат. Потом приехал в Москву, за своих принялся: почему верили кооператорам, почему не проверяли? Мне тов. Вейцер сообщил, что столько-то было дано указаний Ростову и Центросоюзу, а за несколько дней до моей поездки на Кавказ он сговорился с Центросоюзом, чтобы их зам. заведующего хлебным делом поехал специально в край, чтобы ускорить кукурузные перевозки. Он вернулся оттуда и говорит, что невозможно выполнить все наряды. 700 тыс. пудов нарядов с нас снимите, иначе не получится ничего. Что я должен был сделать? Это было в январе. Кооперация никаких мер не предприняла, чтобы воспитать на этом деле других кооператоров и наказать своих работников. 14 февраля, через месяц, вижу – никто ничего не предпринимает, распорядился дело передать в РКИ для привлечения к ответственности и издал приказ по комиссариату, в котором изложил все эти обстоятельства подробно, с приведением документов, сколько заводов стоят и почему стоят, и сколько рабочих уволено, и объявил выговор нашему завторготделом во Владикавказе с предупреждением, что он будет немедленно уволен, если все не будет выполнено. Иванову, заведующему Северо-Кавказским краевым торгом, выговор с предупреждением, заместителю начальника хлебного дела Центросоюза также выговор. По существу это абсолютно правильно, и такие меры необходимы, чтобы воспитать тысячные кадры кооператоров. Надо поставить дело так, чтобы другим не было повадно так поступать, нужно воспитывать людей на ошибках и недостатках других. Прежде чем подписать этот приказ, я как молодой советский работник, тем более нарком, очень мне неприятна эта должность, я спросил: согласуются ли такие приказы с Конституцией? Мне сказали, что был выговор от наркомторга кооператорам объявлен, кажется, Каменевым или кем-то другим, еще до меня. Ну, раз прецедент был и если закону не противоречит, то прецедент приобретает характер правила (а в Англии даже силу закона), тем более что сами кооператоры не принимают для наказания мер. Потом я тов. Рыкова спрашивал, что хочу взгреть, мы оба не имеем права пройти мимо этих явлений. Ну, говорит, дуй. (С м е х.)

Г о л о с а. Правильно!

Микоян. Я и подписал. Я думаю, это будет стимулом к тому, чтобы сами кооператоры стали немного нажимать. Тов. Любимов как-то мне жаловался: я, говорит, хочу нажать, да на меня нажимают отставкой и угрожают. Но что же вы думаете, если на нас возложены такие колоссальные обязанности, монопольные обязанности, то нельзя не считаться с заданиями. Я думаю, чем больше дела кооперации будут поправляться, – а для нас не очень большое удовольствие вмешиваться в ее дела, не думайте, что нам больше нечего делать, – чем больше ее дела будут выправляться, тем меньше мы будем вмешиваться в работу кооперации. Не стоило также Любимову выступать в виде невинной девицы и говорить, что, например, промтовары они хотели бы распределить, но наркомторг распределял сам и напутал. Кто поверит этому? Я дал директивы и указания, посадил М. И. Хлоплянкина и сказал: вызывай всех, кто знает дело, и смотри, чтобы дело пошло согласованно, но быстро и по-настоящему.

Ройзенман. И я наблюдал по РКИ тоже. (С м е х.)

Г о л о с. Значит, заготовляли не потому плохо, что плохо наркомторг работал, а РКИ в вашем лице помогала.

Г о л о с. А галоши?

Микоян. О галошах я скажу. Во-первых, мы планируем узкий круг дефицитных товаров, мануфактуру, кожу, металлы для крестьянского рынка и больше ничего.

Ройзенман. Стекло еще.

Микоян. Стекло недавно по решению СТО включили. Больше ничего. И что же было в январе при отправках промтоваров? У нас было образовано следующее совещание, которое заседало каждый день для рассылки товаров. (П е р е ч и с л я е т о р г а н и з а ц и и.) И вот таких протоколов за январь месяц у меня вот столько (показывает большую пачку). Эта комиссия заседала каждую неделю и чаще, давая планы – куда, сколько грузить. Десятидневками отправляли товар, и неплохо отправляли. Товар быстро дошел до места, быстрее, чем наркомфиновские квитанции займа укрепления крестьянского хозяйства. Я должен прямо сказать, что текстильный синдикат работал как четкий часовой механизм.

Г о л о с а. Правильно.

Микоян. Он ежедневно наблюдал на фабриках за отправкой товаров. Кожсиндикат тоже работал хорошо. Они работали молодецки. И что же вы думаете? Во всех протоколах имеется единственный протест Центросоюза, единственное особое мнение Центросоюза. В чем оно заключается? Оно заключается в том, что Центросоюз предъявляет требование: вы должны всю мануфактуру отправлять через нас. Мы 80% мануфактуры давали им и только 20% давали торгам и синдикатам. Единственное особое мнение Центросоюза говорит о том, чтобы мануфактуру мы отправляли через них на все 100%. По всем другим вопросам – ни одного возражения. Мы спрашиваем: в таком случае отвечает ли и Центросоюз целиком за отправку товаров? Ведь верно, должен отвечать. Насчет галош. Не мы распределяли галоши, а распределял Резинотрест по заявкам с мест. Были, например, заявки Сибирского крайсоюза. Представитель крайсоюза сидел в Москве. У меня есть об этом соответствующие документы. Откуда знать Резинотресту, в какой пункт отправить галоши и в каком количестве? Приходил представитель крайсоюза и говорил: в такой-то пункт нужно отправить такое-то количество галош. Конечно, они могли ошибиться, ошибок могло быть до черта, но распределение делалось по заявкам кооперативных органов. Лучше бы там, на месте, свой Сибкрайсоюз подтянуть, чтобы он получше знал свое дело. Единственный раз я вмешался в дело распределения галош. Я был в Курской и в Воронежской губерниях, где не было галош. Я написал Резинотресту письмо с просьбой выслать в

эти губернии 5000 галош. Эти галоши были туда посланы, все это дело оказалось подходящим, ибо кооператоры требовали галош.

О промтоварах. Здесь говорили, что в первом квартале Наркомторг дал плохие директивы по плану завоза промтоваров. В первом квартале мы работали обычным путем. Каков этот обычный путь? Утверждается квартальный план по районам, а через 4 месяца мы проверяем, как выполнен план. Что оказалось? По плану Наркомторга, 60% мануфактуры должно было идти в деревню, а 40% в город. Центросоюз возражал против такого распределения. Вышло на деле наоборот, т. е. 60% товаров пошло в город и только 40% в деревню. Зря тов. Любимов нападал на комиссию по рабочему снабжению. Она никому и ничем не мешала, а помогала работе. Вот нашел, на что нападать. Один крыс находит виновниками, а другой комиссию по рабочему снабжению. Я считаю, что ошибок в снабжении товарами было много, и эти ошибки были неизбежны, потому что за очень короткий срок нужно было бросить большие массы товаров, но я должен сказать, что неверен упрек в том, что работа велась несогласованно. В частности, по Сибири у меня есть телеграмма тов. Злобина, председателя Сибкрайсоюза, о том, в какой пункт, что отправлять, никаких разногласий у нас не было. Конечно, ошибок в этом деле было много, исправлять эти ошибки нужно было, мы их исправляли, все это понятно. Конечно, после такой горячей кампании можно легко критиковать, что товары не попадали туда, куда нужно и т. д. Говорили, ряду райсоюзов много товаров дали. Вот мы дали Центросоюзу в первом квартале большую массу товаров – как хочешь распределяй на места. Что мы имели в результате? Например, в Поволжье, что он сделал? Кузнецкому райсоюзу, где только кустари живут, дали большую часть мануфактуры, а хлебному райсоюзу почти ничего не дал. Тогда мы действительно не вмешивались в вопрос о том, сколько дать каждому райсоюзу.

Надо критиковать недостатки Наркомторга, которые были и есть, и я должен сказать, они не скоро будут устранены, а Любимов критиковал, обходя все необходимое для того, чтобы поправить дело. Любимов взвалил все на других, стараясь кооперативную организацию обелить. [Чтобы она сказала: вот какие хорошие вожди, нас не выдают.] Такими мерами мы кооперацию не воспитаем, не введем ее в русло социалистического строительства, мы ее воспитаем тем, что поддержим в хорошем деле и критикнем кое-какие ошибки. Этого не было в речи тов. Любимова, а нужно было с этой трибуны об этом сказать.

Дальше, товарищи, как он сказал по поводу путевок? Верно, что это была чрезвычайная мера, но факт тот, и Кубяк об этом рассказал, что представители кооперации шли на базары, где мужики продавали хлеб, и всучивали им эти путевки – бери путевку, получишь доплату. Говорили, что нужно давать членам кооператива, а остальные пусть приходят и сдают в счет Хлебопродукта. Не хотят. Ну, тогда дайте всю заготовку на элеваторы, тогда не потребуется никаких путевок. Идет адская борьба между Лобачевым, Каминским и Любимовым. Это хуже всякой Женевской конференции[62], хуже всякой Антанты, хуже всякой Лиги Наций. (С м е х.) Каждый интересы данной организации ставит выше интересов общереспубликанских. Каждый день пишутся десятки писем: Любимов на Лобачева, Лобачев на Каминского, Каминский на Любимова и т. д. Эти десятки писем дергают, и больше времени уходит на изживание ведомственных трений, чем на творческую положительную работу.

Здесь говорили о том, что тамбовский приказ отменен[63] и прочее. Я должен сказать, что лучше бы тов. Любимов сказал, в чем тут дело. Конечно, надо сказать, что эта поездка помогла выяснить все безобразия, которые на местах творились, и 99% всех замечаний оказались правильными и применимыми. Может быть, отдельные ме-

роприятия, например выдачи промтоваров без нормы, были ошибочны, но ЦК своим решением по вопросу о товарах для усиления хлебозаготовок не дезавуировал моего распоряжения, а, наоборот, подтвердил. А написал я следующее дословно, что я не предлагаю товарообмена. У меня записано: сдатчикам хлеба, даже не членам кооператива, давать первоочередно промышленные товары. ЦК по этому поводу постановил в заседании Политбюро от 14 января следующее: «ЦК предлагает принять к обязательному исполнению партийным советским организациям недопустимость установления непосредственного товарообмена хлеба на промтовары, так как такой порядок влечет за собой расстройство всего товарооборота между городом и деревней, затруднения в заготовках других с/х товаров и расстройство денежного обращения.

В целях же поощрения сдачи хлеба в данный момент ЦК считает необходимым допущение в тех районах, где заготовки идут плохо, преимуществ при покупке дефицитных промтоваров как в потребительской, так и сельскохозяйственной кооперации для крестьян, продающих хлеб, по сравнению с теми крестьянами, которые хлеба не продают, причем этот преимущественный отпуск промтоваров крестьянам, продающим хлеб, должен производиться независимо от того, состоят ли они пайщиками каких-либо видов кооперации или нет.

Означенные преимущества для крестьян, продающих хлеб, должны выражаться как в отношении очередности получения промтоваров, так и количества отпускаемых промтоваров; количества отпускаемых товаров должны быть установлены в таких размерах, которые не допускали бы возможности использования отпускаемых промтоваров для торговых спекулятивных целей.

ЦК считает возможным прием кооперацией от крестьян подписки на промтовары с получением от них при этом авансов, каковые могут вноситься в тех районах, где ход хлебозаготовок неудовлетворительный, а количество свободных денег у крестьянина достаточно велико, хлебом. Однако объем такой запродажи промтоваров не должен превышать тех норм завоза промтоваров, которые предусматриваются и обеспечиваются планом завоза. При приемке подписки на промтовары преимущество должно отдаваться крестьянам, продающим хлеб, независимо от того, состоят ли они пайщиками каких-либо видов кооперации или нет»[64].

Эту директиву я считаю совершенно правильной. Моя директива из Тамбова об этом и говорила. Единственное расхождение было в том, что в моей директиве от 31 декабря допускалась возможность неограниченного отпуска дефицитных товаров, что могло служить средством спекуляции. Это было потом исправлено мною, а многие местные организации сами это тоже поправили.

Тов. Лепа [выступал с менторским тоном] из Курской губернии также говорил об этом, а когда мы приехали с Чухритой в Курскую губ., дело было из рук вон плохо. Надо было принять меры, нажать на кулака, удержать середняка и бедноту поддержать, чтобы поднять заготовки. Займа крестьянского тогда не было, о самообложении закон не издан, товаров нет. На кулака только что научились нажимать, а хлеб нужен, и нам нужно было принять ряд временных мер, которые, в общем, сильно помогли делу.

И те, которые раньше возражали против этого, убедились, что это нужно в той или другой степени провести. Конечно, на практике было перебарщивание, перегибы, которые не годятся, например отпускали товар только сдатчикам хлеба в обмен на хлеб, что противоречило директиве, но можем ли мы отказаться от использования промтоваров в качестве рычага воздействия на рынок? Нет, мы должны использовать этот рычаг, применяя, конечно, такие методы, которые обеспечивали бы доверие к червонцу, кредитной системе, не питали бы спекуляцию и пр. Ясно, что это нужно было сделать, и тов. Любимов проехался мимо всего этого, вместо того чтобы расска-

зать, какие меры кооперация предлагала в этот момент, чтобы поправить хлебные дела. Ни одного предложения, которое могло бы помочь! А надо было сделать, помочь, сигнализировать нам. [Я не успел вовремя сигнализировать, а вам надо было указать причины оторванности в данном случае.] Вы заготовители, вы связь имеете, вы возможность имеете, у вас демократия, общественность, надо было помогать, указать. Вы хотите только критиковать безответственно, без того чтобы помочь исправить. [Невозможно же, раз диктатура есть. Любимов считает, что при диктатуре кооперация должна нейтралитет держать. Вы ошибаетесь, при диктатуре кооперация должна помогать, а не нейтралитет держать по этим вопросам. У нас аппарат точный. Раз вопрос обсудили, приняли, может быть, думаю, что ответственность должна быть. Я комиссионно заготовляю.]

Тов. Любимов протестовал также против моего распоряжения, чтобы установить материальную ответственность кооперативных первичек за выполнение своего плана хлебозаготовок в рамках договора. Дело в том, что до сих пор нет никакой ответственности. Поэтому может быть такой случай, что кооператив имеет договор заготовить 100 тыс. пудов и не заготовил ни одного пуда, и в таком случае нет никакой ответственности, ибо заготовка идет на комиссионных началах. Поэтому часто кооператор рассуждает так: хочу – заготовлю, хочу – нет, не заготовлю, комиссии не получу, а так как есть и мануфактура и другое – этим делом и займусь. А может быть, 1/4 копейки на пуд неустойки установить, чтобы крестьянин знал, что кооперация чем-нибудь отвечает, хотя бы 1/8 коп. за пуд не заготовленного хлеба. Почему не установить некоторую материальную мерку, которая вынудит лучше заготовлять? У вас договора твердые о заготовке хлеба для Москвы и Ленинграда и о его поставке, а первичник никакой ответственности не несет. Почему вам не обсудить этот вопрос? Говорят, у меня мера неправильная. Я согласен принять другую меру, я готов все неправильные меры отменить, но извольте предложить другую меру, более правильную – этого же нет!

Далее, товарищи, по вопросу о невмешательстве в дела кооперации. Конечно, неприятно и не надо часто вмешиваться, тем более административными мерами. Кооперация должна постараться улучшить свои дела сама, регулярно выполнять задания и проч. Это облегчит наше дело, у нас людей не хватает, сил не хватает. Все же административные меры были приняты не по капризу Наркомторга, а по решению Политбюро в прошлом году, когда снижение цен происходило плохо, когда мы были вынуждены установить и нормы прибыли, обязательные для каждого кооператива, и норму накидок и проч.

Вот решение Политбюро: «В обеспечение реального и своевременного выполнения вышеуказанного задания должны быть проведены следующие мероприятия:

а) установление Наркомторгом в двухмесячный срок на основе минимальных накладных и торговых расходов пониженных розничных накидок и цен по отдельным районам на главнейшие промтовары для всех звеньев государственной и кооперативной торговли, нарушение которых (накидок и цен) должно пресекаться как мерами кредита и налоговой политики, так и в порядке дисциплинарных и уголовных карательных мер;

б) фиксирование Наркомторгом, не позже чем в двухмесячный срок, минимального предельного процента торговой прибыли, включаемой в калькуляцию».

Это какая мера? Административная мера. Если так мне предложили сделать, я сделал. Но что я мог сделать иначе? Снимите с меня ответственность за это дело, я вмешиваться не буду и в отпуск пойду, наконец, и нервы будут спокойнее. Надо отвечать – раз нарушаете цены, надо применять административные меры. То обстоятель-

ство, что мы при недостаточности товаров цены держим на уровне низком, обязано тому, что есть правительственные распоряжения о накидках.

Далее, товарищи, я хочу сказать несколько слов по поводу речи тов. Петровского. Я думаю, что тов. Петровский ошибается, когда он считает, что предложение о централизации заготовок и заготовительных аппаратов неправильно. Дело в том, что беда происходит не от того, что мало было заготовителей на рынке, а беда от того, что их слишком много было. Они друг друга били, а следовательно, били и нас. Раз это так, приходится отсюда сделать вывод не в сторону расширения заготовителей, а в сторону их некоторого сокращения и сведения их если уж не в один кулак, то хотя бы в два-три кулака. Нельзя, тов. Петровский, хлебное дело, важнейшее в нашей стране, не сделать центральной задачей. Если металл мы хотим собрать в один кулак, хотя металл никто не кушает и его не рвут на части, то хлеб рвут на части и мы должны его распределять в общегосударственном порядке. Это совершенно правильно. Хлеб – наша насущная нужда, им должен распоряжаться кто-нибудь один.

Я думаю, что тов. Петровский был неправ именно потому, что он все недостатки приписывает централизации. Он даже сказал, что шахтинское дело обязано централизации. Это не совсем верно. Если бы был такой единственный вывод из шахтинского дела, что виновата централизация, тогда надо было бы Донбасс разбить на 5 или 6 частей и не предлагать той резолюции, с которой вышло Политбюро на пленум, а между тем в шахтинском деле мы имели наличие контрреволюционных сил и плохую работу наших хозяйственных, партийных и профессиональных организаций. Мы там имеем дело, которое имеет громадное значение для всей нашей работы. Мы очень правильно делаем, если берем шахтинское дело как зацепку и хотим на этой основе разобрать все слабые пункты нашей работы и внести в них поправки.

Я думаю, что тов. Петровский также неправ в отношении хлебных цен, что надо будет сейчас повысить хлебные цены.

Петровский. Я не говорил, что сейчас, а при новом урожае.

Микоян. Вы говорили, что этого требует середняк.

Партия правильно декларировала, а всем известно, что партия власть серьезная и настоящая, что цены весенние будут те же самые, что и осенью, ибо, как нам всем известно, осенью продает бедняк, а весной будет продавать зажиточный, и повышение весенних цен обозначает дискредитирование партии в глазах мужика, в глазах бедноты. Это обозначает в классовом отношении улучшение положения кулака против бедноты и ослабление нашей социальной почвы. Мы должны будем держать весенние цены на одном уровне с осенними.

И вообще в области политики цен мы все-таки держим основную и центральную линию на то, чтобы сжать ножницы не путем поднятия низких цен к высоким, а путем подтягивания вниз высоких цен на промышленные товары. Это генеральная линия нашей партии. Конечно, не исключена возможность некоторых временных коррективов при практическом осуществлении. Если, например, на Урале цены на овес невозможно низкие, то здесь нужна какая-то корректива. Коррективы мы будем проводить и по отношению к отдельным районам, и по отношению к отдельным культурам, но сейчас ставить вопрос об этом абсолютно неправильно и вредно.

Я думаю, что Григорий Иванович также преувеличивает насчет того, что у нас мужицкая доходность не растет или очень мало растет, а у буржуазии она лучше растет. Я думаю, что это неправильно и это несколько преувеличено. Григорий Иванович не знает Европу, и поэтому он думает о ней лучше, чем она есть на самом деле. Во всяком случае, большевики не хуже Европы заботятся о мужике, [и каждый из большевиков знает о мужике больше, чем буржуазия. Мы видим рост мужицкой до-

ходности] именно о трудящемся мужике, между тем буржуазия думает о богатом мужике.

Далее, когда я говорил, что доходность крестьянства выросла, то я это говорил не для того, чтобы повернуть доходность обратно, [реакционно], в сторону уменьшения, а для того, чтобы более правильно распределять национальный доход. Можно рост крестьянской доходности, частной доходности переложить в русло общественное для общественного пользования и изымать из доходов кулачества большую долю, чем это делали раньше. Мы уже приняли кое-какие меры в смысле нажима на кулака. Наша линия все время должна заключаться в том, чтобы помочь низшим слоям крестьянства нажимать как можно больше на кулака, увеличивать сроки кредитов для беднейших и середняцких слоев деревни и вообще [улучшить условия кредита для этих слоев] заботиться о поднятии основной массы крестьянского хозяйства по пути коллективизации, а не зажиточной верхушки, тянущейся к фермерско-капиталистическому типу хозяйства.

Недочетов, конечно, много, зерновое хозяйство страдает, но я думаю, во всяком случае, нечего на Европу смотреть. По этому вопросу Украина сама много очков Европе даст.

Петровский. Не в ту сторону критику ведете.

Микоян. Может быть, не так надо было вас понять. Я бегло слушал, стенограмму не читал, не проверял.

Дальше хочу несколько слов сказать по поводу замечания тов. Лепы по вопросу плана Курской губернии и о ряде мероприятий. Тов. Лепа говорил следующее: надо больше слушаться голоса местной организации в отношении плана. Это правильно, но я хочу рассказать следующее. Политбюро дало план хлебозаготовок на этот год в 675 млн. Мы созвали совещание всех губерний и республик по вопросу плана хлебозаготовок. Учтите, сколько можно собрать. И выяснилось, что, если сложить их заявки, получается только 610 млн., никак не больше. Прислушался я, а нужно разверстать 675 млн., нужно разверстать больше против воли мест. Разверстали больше.

А что было в Курской губернии? Тов. Чухрита знает эту губернию хорошо. Он возился там 2 месяца, ездил в села и оказал большую пользу делу хлебозаготовок в этом районе. Чухрита, честный, преданный [революционер] и хороший работник, ездил в села, помогал коммунистам поднять хлебозаготовки. А что было? Мы летом дали Курской губернии план в 22 млн. пудов. Курский губисполком признал, что это преувеличенный план, который невозможно выполнить, что у них столько хлеба нет, и постановили взять 19 млн. В течение нескольких месяцев Наркомторг РСФСР не мог добиться, чтобы губисполком этот план в 22 млн. пудов [разверстали по уездам, по организациям. Они разверстали свой план в 19 млн. пуд. Выходит, что губернский комитет – это губерния, а мы всякие советские люди, которые лаем, что нам нравится – 22 млн.] принял к исполнению. Сейчас уже Курская губерния заготовила 22 млн. с лишним. [Как же слушать вас, скажите пожалуйста? Тогда будем слушать, когда вы будете по-партийному, по-большевистски отделяться от интересов своей губернии, по-спокойному жить и учитывать нужды всей страны. Было ли когда-нибудь, чтобы план ваш был больше? Ни одного случая не было. Если бы это было так, мы бы отменили свой план, а между тем у вас мы имеем перевыполнение, и наша ошибка состоит в том, что мы, слушая Курскую губернию, дали план в 22 млн. пуд. вместо того, чтобы дать в 25 млн. Вот в чем ошибка, а вы требовали 19 млн.]

Относительно факта с Чухритой и его распоряжением. Дело было так. Уполномоченный губкома в одном районе тов. Гордон (я его не знаю, не видал) стал проявлять инициативу, как хлеб заготовлять получше. Хлеб не шел. Он дал распоряжение, что-

бы по селам проводить собрания, разъяснять крестьянам, чтобы они везли хлеб, при этом он хотел расписать задания по хозяйствам. Это было неправильно, и тов. Чухрита отменил это распоряжение в этой части, однако решил, что можно разрешить коммунистам собирать крестьянские сходы, разъяснять, какое положение, и предложить им, сколько они могут сами свезти хлеба. Он так и сделал – собирал в ряде мест крестьянские сходы: хлеб нужен, такой-то план есть, сколько кто может, везите. Никаких репрессий, никаких арестов. Тов. Чухрита, при моем проезде в Ростов, доложил мне об этом распоряжении и спрашивал, отменить его или нет. Я сказал: попробуйте в одном уезде провести эту меру без всяких репрессий. Посмотрим, плохо будет это или хорошо. Надо было нащупать, найти способ, как подойти к крестьянству. [Как же можно было это не делать? Лепа сейчас тоном победителя-героя говорит, что не годится. Конечно, сейчас можно спокойно говорить, что не годится то или другое, но иное дело тогда, когда все дело застыло. Надо было понять, и работники не могли не проявлять инициативу, иначе это не дало бы хорошей работы. Ошибок было много, без ошибок обойтись нельзя. Тов. Лепа говорит, что я не дал анализа перегибов и искажений. Я не собирался давать анализа большого, но кое-что сказал.]

Тов. Лепа попытался дать анализ причинам перегибов, но, по-моему, он неправ, когда перегибы и искажения он приписывает местничеству. [Я не хочу цитировать, вы уже устали, но я сказал, что обстановка нажима, дача планов, заданий по займу, по хлебу и проч., с указанием об убеждении в невозможности...* вызвало необходимость перейти к административным мерам в организации. Я сказал это – «нажима» и проч. Я думал, что это достаточная причина, но он анализирует и говорит, что основная причина в местничестве. Это не годится.] Но это неверно, чтобы работник из местнических побуждений зажиточного без суда посадил в тюрьму, это вряд ли возможно, это не местничество. А вот решение Курского губисполкома о 19 млн. пуд. – вот это местничество. А перегибы и искажения имели место по слабости, по незнанию. Надо таких товарищей поправить, им помочь. Надо отличать местничество от неумения, искажения, перегибов. Я это и дал в своем докладе. [По-моему, т. Лепа спутал дело с местничеством, которое сидело в губкоме, пусть товарищи опровергают этот факт.]

Дальше, товарищи, закончив на прениях, я хочу остановиться на сегодняшних данных о заготовках за первую пятидневку апреля, ввиду тревожного их характера. К сожалению, многие товарищи и организации думают, что заготовки кончены, хорошо ли, плохо ли, но они кончились и можно отдыхать.

Г о л о с. Сеются сейчас.

Микоян. Ну вот, сеемся, обсеваемся, всякие вещи делаем, хорошие или плохие, больше всего хорошие. Но я говорю, что кормить рабочий класс в июне-июле будет нечем, если мы заготовки в этом квартале не доведем до нормы, которая будет на 10–20 млн. больше прошлого года. Я вам говорю, если вы придете в июне месяце и скажете: просчет и проч., – ошибаетесь, надо сейчас знать точно, чтобы без кризиса выйти из положения. Если мы минимально 85 млн. пудов не заготовим, мы не выйдем из кризиса. Чтобы выполнить годовой план, нужно выполнить 120 млн. Украина должна перевыполнить, потому что она перерасходовала. Как заготовки идут на Украине, я не указал, имея в виду, что украинцы будут так же успешно работать, как они работали до сих пор. Но у меня уже возникли опасения, так как данные заготовок за первые числа апреля говорят обратное и придется поднатужиться. Посмотрите, по Украине на апрель дан план в 15 млн. Украинцы говорят, что 12 млн. еле-еле выдержим, а сейчас заготовили за пятидневье апреля, мы имеем данные, всего 1 млн. 348 тыс.,

* Отточие в тексте неправленой стенограммы (ред.).

т. е., если на этом уровне будем идти весь месяц, у нас будет только 8–9 млн. пудов вместо 15 млн. пудов по плану и вместо 12 млн., которые украинцы сочли возможным выполнить. Это не только на Украине. По Северному Кавказу то же самое, заготовки сокращаются.

Петровский. А посевная кампания?

Микоян. Это верно, мы знаем, что посевная кампания будет, но надо понять, что мы не можем без хлеба обойтись. И в прошлом году были посевы, но ведь заготовки не прекращались. Я понимаю, что трудности большие, однако надо знать – трудности трудностями, а задача неотложная, которую нельзя отбросить, нельзя отложить, она стоит перед нами. [Далее, товарищи, относительно Северного Кавказа, ведь же не я ем, этот хлеб нужен нам всем, чтобы не стать перед кризисом.] Надо все меры принять, чтобы не стать снова перед новым кризисом хлебозаготовок, и принять более чрезвычайные меры. Мы вынуждены будем их принимать, нужда заставит нас. Северный Кавказ в прошлом году за 5 дней апреля дал 480 тыс. пудов, а сейчас 165 тыс. – мало, ничтожно мало. План не выполняется, надо подтянуться.

Меньшее уменьшение дала Сибирь, но там тоже уменьшение имеется, хотя темп падения сравнительно меньше по Сибири. Было 1800 тыс. в прошлое пятидневье, сейчас 1100 тыс. пуд. Это лучше, чем в других районах, но этого мало. Особенно плохо, по-моему, в Татарии. Вот Хатаевич был там, он уехал, а после него еще хуже стало. Там надо нажать. Сейчас там получилось так: было 169 тыс. пуд., а за пятидневье есть 31 тыс. по всей Татарии, т. е. никаких заготовок нет. То же самое имеем по Башреспублике и по ряду других губерний. Если дело так пойдет, то мы снова вступим в полосу затруднений. Вот почему надо подтянуться.

Здесь тов. Постышев спрашивал, доколе нам принимать экстраординарные меры и держать наготове всю партию и т. д. Чем раньше мы выполним план заготовок, чем раньше поднимем темп хлебных заготовок, тем скорее эти экстраординарные меры отпадут сами по себе. И наоборот, чем хуже будут заготовки, тем больше мы вынуждены будем применять экстраординарные меры, которые мешают нам, которые, может быть, ломают посуду. Но лучше ломать посуду, ежели других способов не будет, но получить хлеб, чем жалеть посуду и без хлеба сидеть. Конечно, было бы лучше, если бы мы смогли без ломки посуды перейти более подготовленными к новому году.

Касаясь общих итогов и выводов, надо сказать, что выступающие здесь члены пленума ЦК, в общем, по-моему, были солидарны с той оценкой, которую Политбюро дало в своей резолюции в отношении причин, характера, мер борьбы с изгибами и искажениями работы, которые могут угрожать и угрожают правильной смычке с крестьянством, с середняцкими массами, мер экономического и организационного порядка для подготовки к будущей кампании, для того чтобы нормально ставить хлебную и хозяйственную работу.

Здесь тов. Милютин говорил, что я мало останавливался на вопросах о расслоении деревни. Конечно, мало. Это ясно, потому что и предыдущий пленум ЦК на это указывал[65]. Это как раз затрагивает много тем. Что мы имеем? Я думаю, правильна характеристика Северо-Кавказского краевого комитета партии, который в своей резолюции сказал следующее: «Мы имеем такие классовые сдвиги, в результате которых усилилось влияние наиболее близких к советской власти слоев крестьянства. Мы добились некоторого ограничения кулацких слоев, еще более четкого отрыва от них середняцких масс, беднота из этих кампаний вышла более организованной, чем раньше»[66]. Совершенно правильная формула, которая дает характеристику политических итогов деревни. Самое главное, что мы бедноту подняли, научили наших коммунистов деревни организовать бедноту, научили, пока еще плохо, как кулака ограничивать. Этот кулак будет еще вли-

ять, в следующую хлебную кампанию мы сумеем его ограничить. Середняка мы кое-где сумели приблизить к бедноте; середняк был у нас запуган, у него были сомнения, недоверие, выжидательная позиция. Вот почему ЦК выдвигает задачу изживания этих изгибов и перегибов, задачу, при которой середняк не будет колебаться, беднота пойдет за нами и поведет за собой середняка, оторванного от кулака. Мы должны закрепить достижения бедняцкой организованности, блок середняцкой массы с беднотой, мы должны упрочить этот блок. Мы должны научить этому наших коммунистов. Мы должны подвести итоги этого в каждой организации, чтобы учиться на наших ошибках и недочетах. Один товарищ правильно сказал, как много есть косвенных результатов от хлебозаготовок, полезных для партии. Свои собственные силы соответствующая организация проверяет лучше всего в момент затруднений, а не в момент спокойного хода общественной жизни. Эта проверка настолько важна, что надо было бы, сказал этот товарищ, выдумать какой-то повод, чтобы произвести проверку. Я думаю, здесь есть некоторая доля правды. Мы проверили себя, проверили деревенскую организацию, ее силу, мощь, маневренные способности. Я должен сказать, что все-таки наша партия оказалась, за исключением отдельных группочек, такой мощной и гибкой, что она смогла за месяц так перестроить свои силы, чтобы решить труднейшую задачу. Это важнейшее свойство нашей большевистской партии: маневренная способность, умение гибко сманеврировать, быстро взять свою армию и перейти к новым задачам пролетарской борьбы. Мы должны сохранить весь опыт, все уроки этой кампании для того, чтобы действительно более безболезненно, с меньшими перегибами и извращениями, с меньшими скачками вести нашу страну по пути более усиленного темпа социалистического хозяйственного строительства и подтянуть массу крестьянских хозяйств к нашему государственному хозяйству, с тем чтобы страна развивалась по социалистическому руслу развития. Я думаю, что партия эту задачу решит, она засучив рукава взялась за дело. Мы это сможем сделать благодаря тому, что нам теперь не мешает оппозиция ее дезорганизаторской работой. Конечно, бичевать свои недостатки необходимо для того, чтобы их исправить и тем смелее пойти всей партией, всей рабочей массой двинуться на решение положительных социалистических задач и пойти к переустройству нашей страны. Это подведение итогов поможет нам учесть эти уроки и всей рабоче-крестьянской массой двинуться по пути поднятия производительных сил страны, быстро, решительно и наиболее целесообразно развить хозяйственные силы страны в сторону социализма.

Председатель. Внесено предложение все поправки и дополнения, которые были даны рядом ораторов и которые представлены в письменном виде, рассмотреть в специальной комиссии.

Г о л о с а. Правильно.

Председатель. Возражения есть? Нет. Проект комиссии ориентировочно согласован с представителями районов. Комиссия вышла очень большая – 24 чел.

Г о л о с а. Ничего.

Председатель. Я оглашу: Микоян, Бухарин, Молотов, Любимов, Чубарь, Шверник, Каминский, Лобачев, Иванов (с Северного Кавказа), Эйхе, Смирнов Ал. П., Варейкис, Угланов, Комаров, Петровский, Вейцер, Эйсмонт, Семенов, Яковлев (из РКИ), Фигатнер, Лепа, Вербицкий, Калманович, Грядинский. Хватит?

Г о л о с а. Майорова еще! Хватит! Все не придут все равно.

Председатель. Возражения против Майорова есть? Нет. Значит, принимаем комиссию, дополненную тов. Майоровым.

[Г о л о с. И Артюхину.

Г о л о с. Пропорционально удельного веса в хлебозаготовках – не выходит. Мы 40%, а в комиссии каких-нибудь 10%.

Председатель. Значит, включаем Майорова.]

Председатель. Теперь, с какой директивой дать в комиссию проект резолюции?

Г о л о с. Я предлагаю принять тезисы Политбюро ЦК за основу.

Председатель. Голосуется. Кто за то, чтобы эту резолюцию принять за основу? Принято.

ЗАСЕДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Утро, 9 апреля

Председатель (Рудзутак). Разрешите продолжить работу объединенного пленума. Слово для доклада имеет тов. Рыков.

ДОКЛАД КОМИССИИ ПОЛИТБЮРО О ПРАКТИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЯХ ПО ЛИКВИДАЦИИ НЕДОСТАТКОВ, ОБНАРУЖЕННЫХ В СВЯЗИ С ШАХТИНСКИМ ДЕЛОМ

Рыков. Товарищи, задача моего доклада в значительной степени упрощается благодаря тому, чти все члены Центрального Комитета, ЦКК и местные организации получили уже главные материалы по так называемому шахтинскому делу[67]. Всем роздан не только проект резолюции, представленный на рассмотрение объединенного пленума ЦК и ЦКК, но и основные следственные материалы и доклады той группы товарищей, которая обследовала Донбасс на месте. Тем не менее я должен вкратце напомнить суть произошедших событий, главным образом потому, что даже в рядах партии у некоторых товарищей не только в момент раскрытия заговора, но и после этого сложилось убеждение об искусственном «раздувании» этого дела. Я лично наблюдал такого рода «убеждения» или «предупреждения» у ряда товарищей.

Теперь, после раскрытия шахтинского дела, прошел уже значительный срок, и мы имели возможность произвести дополнительную проверку достоверности следственных материалов. В частности, мы проверили ГПУ через тов. Крыленко. Тот, кто знает взаимоотношения этих органов, возглавляемых товарищами Менжинским и Крыленко (с м е х), тот вполне представит себе всю серьезность этой проверки[68]. Кроме того, положение в Донбассе было проверено на месте такими товарищами, как Томский, Молотов, Ярославский и другие.

Какой вывод нужно сделать из этой очень основательной проверки? Главный вывод заключается в том, что дело не только не было раздуто, но что оно больше и серьезнее, чем можно было ждать при раскрытии его. В основном подтвердилось то, что группа привилегированных в прошлом специалистов, из которых многие были раньше собственниками предприятий, группа, связанная с бывшими владельцами, занималась вредительской работой не только в Шахтинском районе, но и во всем Донбассе. Эта группа была связана с контрразведкой, именно с польской контрразведкой. Значение путешествия польского посла Патека по Донбассу приобретает поэтому специальный смысл[69].

Что еще нового выяснилось в этом деле? Выяснился, например, такого рода факт, что многие наши планы подвергались, после рассмотрения и утверждения в наших органах, дополнительной проверке в «Госплане» убежавших в Париж владельцев этих предприятий. Эти бывшие собственники внесли туда кое-какие поправки, и мы в соответствии с этим вели капитальные работы в Донбассе. Этот факт настолько харак-

терен, что я оглашу выдержку из одного следственного показания. Это – показание некоего Сущевского, одного из видных специалистов и участников контрреволюционной организации. Он показывает: «В письме Дворжанчика» – заграничного деятеля шахтинского вредительского дела, через которого получались директивы, – указывалось, что лучше сделать «капер... – Я не знаю, что это такое...

Г о л о с а. Вышка.

Рыков. Четырехногим вместо трехногого». Тоже не понимаю, что это такое... «Подъемные машины паровыми вместо электрических. В соответствии с этим организовать паровое хозяйство. Пуск в ход шахт должен быть отодвинут; во всяком случае, не работать на коксовых пластах. Возможно, были еще какие-либо другие указания, которых я припомнить не могу. В конце упоминалось, что выражается признательность Шевякову (профессору Донугля[70]) и что ему будет написано соответствующее письмо... Проект шахты № 3 Щербиновского рудоуправления Донугля был утвержден акционерным обществом в Париже».

К настоящему времени признался во вредительской работе один из главных технических деятелей Донбасса – технический руководитель новых капитальных работ инженер Матов, роль которого в реконструкции Донецкого района была очень значительна. Товарищи, изучающие это дело, составили из различных показаний приблизительную сводку того, что можно назвать «программой» этой вредительской организации. Задачи, которые ставила перед собой вредительская организация, заключаются примерно в следующем.

1. Производство крупных затрат для восстановления предприятий безнадежно затопленных, с тем чтобы результаты этих затрат по возможности не так скоро можно было использовать (шахта Яковенко, Горно-Ивановская).

2. Соответствующий выбор объектов для проектирования работ. Объекты эти должны были, отвлекая внимание Донугля, не давать в конце концов выгодных результатов, а в то же время отвлечь внимание от лучших участков.

3. Затяжка проектов для тех шахт, которые так или иначе надежно было проходить или оборудовать.

4. Несогласованность одних категорий с другими – горных с **обогащением** и электроэнергией.

5. Производство заказов, не соответствующих своему назначению вообще, или преждевременных заказов, главным образом на заграничное оборудование.

6. Производство колоссальных затрат средств на проходку мелких шахт, которые в конечном счете никаких результатов не дают. Этим способом оттягиваются средства из основной крупной каменноугольной промышленности.

Главный инженер Чистяковки Калманович показывает: «Я считаю, что приступить к заложению такой капитальной шахты, на которую должны быть затрачены огромные суммы денег, без предварительных разведочных работ является преступлением со стороны УНС Донугля (руководитель Матов). Я бы никогда не приступил к закладке шахты имени Киселева без разведок».

Полностью подтверждена связь всех этих «деятелей» с польской разведкой, причем интересно, что они рассчитывали создать в результате вредительской работы кризис топливного хозяйства Союза к моменту завершения реорганизации польской армии, приблизительно к 1929–31 гг. Нельзя, конечно, делать из этого вывод, что от успехов вредительской деятельности этой организации непосредственно зависит нападение на наш Союз. Наступление войны определяется, разумеется, не окончанием реорганизации враждебной нам армии или успехами вредительской организации у нас в тылу, а всей совокупностью политической обстановки в Европе и соотношени-

ем классовых сил в буржуазных государствах. Но несомненно, что поляки имели возможность готовиться к войне с нами не только путем организации своих вооруженных сил, но и дезорганизацией нашего хозяйства. Таковы факты дополнительного следствия и проверки, в результате которой мы получили теперь материал гораздо больший, чем имели в момент рассылки первого документа членам ЦК и Центральной Контрольной Комиссии.

Встает вопрос о противоречии между вредительской работой и успехами в добыче угля в Донбассе, на которое мне многие указывали.

Г о л о с. О каком противоречии, Алексей Иванович, не слышно?

Рыков. Я говорю: нет ли противоречия между фактом многолетней вредительской работы в Донбассе и фактом хозяйственных успехов в Донбассе, фактом неуклонного роста добычи угля, благодаря чему мы за последние годы не имели кризиса в топливоснабжении и прекратили ввоз угля из-за границы?

Такое противоречие, на первый взгляд, существует. Этот вопрос при следствии задавался и самим обвиняемым. Обвиняемые объясняли это противоречие тем, что кризис Донбасса стоит в зависимости от хода капитальных работ. Теперь производится работа на старых шахтах, но и ее они направили в некоторой части на добычу плохого угля. При отсутствии же успеха в новых капитальных работах и вскрытии новых пластов кризис в Донбассе, по их словам, должен был неизбежно наступить приблизительно около 30 года. Все, что нами сделано теперь в Донбассе, при отсутствии вредительской работы стоило бы гораздо меньших средств.

По имеющимся сведениям, вредительская группа составляет приблизительно около 10% всего состава специалистов Донбасса. Но ее роль была гораздо больше, так как она занимала в технической области, в сущности, командное положение. Я интересовался вопросом о том, как же все-таки все эти Матовы могли проводить свои проекты при организованном техническом контроле. Передо мной очень характерное в этом отношении показание Сущевского, которое позволяет установить «механику» вредительской работы. Сущевский говорит: «Одна из главных трудностей состоит, конечно, в том, чтобы при проектировании не были наглядны неувязки. Следовательно, нужно было как-то прикрыться известной благонадежностью, ширмой. Для этой цели отличным орудием мог служить технический совет[71] – арсенал всех знатоков горного дела. Все они люди, занятые по горло или в ВУЗах, или в высших государственных органах, или в других трестах; вникать в детали, обдумать спокойно возможности и варианты не представляется легким даже при желании. Люди были к тому же все свои, и в конце концов ведь хозяин тот, кто тратит деньги, и они весьма прислушивались к тому, что хочет хозяин – Донуголь».

Техническое руководство и этот самый технический совет, по словам Сущевского, являлись прикрытием вредительской работы. Может быть, он тут и преувеличивает, но во всяком случае он прав в том, что технический совет не являлся орудием раскрытия предательской работы.

В чем специфичность шахтинского дела? Специфичным является то, что эта группа инженеров и техников попала в наши руки, взята была в плен в период отступления Деникина, борьбе которого против Советов они энергично помогали. Большую часть из них заставили работать по своей специальности в порядке принудительных работ в трудармии Донбасса[72]. С ликвидацией трудармии вся эта группа специалистов-белогвардейцев осталась там, и на протяжении ряда лет из бывших белогвардейцев, отбывающих наказание в Донугле, они стали хозяевами Донугля. Причем, когда этот район занимался нами, у них были специальные заседания с собственниками, которые с отступлением Деникина «приближались» к портам для того, чтобы уехать

заграницу. На этих совещаниях, собственно, и было положено основание вредительской организации. Уезжавшие собственники уговаривались с оставшимися специалистами о том, как эти последние должны, в интересах собственников, продолжать свою деятельность в Донбассе. Там была установлена связь и положено основание той организации, которая работала на протяжении ряда лет. В дальнейшем руководство перешло к некоей каменноугольной секции общества русских торгово-финансовых и промышленных «деятелей» в Париже, которая сносилась все время с оставшимися в Донбассе специалистами-контрреволюционерами. Такова общая характеристика этого дела. Но она была бы неполна, если бы я ничего не сказал относительно арестованных иностранцев, тем более что этот вопрос приобрел или грозил приобрести большое международное значение. После ареста нескольких немцев вся заграничная печать подняла бешеную кампанию против нас. Придравшись к этому, германское правительство прекратило переговоры экономической комиссии, которые велись в Берлине[73]. Это дело было использовано и другими государствами против нашего Союза. Огромный шум, который был поднят немцами, проистекает, вероятно, из опасений кое-кого из влиятельных людей за возможные разоблачения. Такая возможность не исключена. Немцы, конечно, использовали это дело и для того, чтобы нажать на нас, и для того, чтобы показать англичанам и французам, что они не настолько с нами связаны, чтобы их англичане или французы не могли «купить» за известную плату.

Грозит ли это большими конфликтами и серьезными осложнениями наших взаимоотношений с той же Германией? Я думаю, что нет. Но правильно ли мы поступили, что привлекли немцев к ответственности? Вообще говоря, политическая партия должна подчинять те или иные процессы вопросам политики, а вовсе не руководствоваться абстрактным принципом наказания виновных по справедливости. Если нам выгодно, то можно, конечно, и заведомых жуликов оставить на свободе. Ничего преступного, с точки зрения интересов рабочего класса, в этом нет. И к вопросу об аресте немцев нужно подходить не столько с точки зрения интересов нашей уголовной практики или принципа «справедливости», сколько с точки зрения нашей «большой» политики. Нам казалось, что, поскольку у иностранных специалистов, привлекаемых к работе у нас, выходит «смычка» с заговорщиками против советской власти, то где-нибудь надо ударить так, чтобы другой раз не было повадно. Раз доказаны факты, что наши попытки использовать заграничную технику и заграничный капитал для индустриализации страны используются для вредительства, то тут, ясное дело, ударить нужно, и мы ударили обоснованно с точки зрения судебного порядка.

При анализе шахтинского дела, мне кажется, мы должны исходить из того, что в нем самом нет ничего особенно удивительного. Вся наша работа в условиях окружения буржуазных государств и при наличии остатков капиталистического класса внутри страны, конечно, будет еще на протяжении ряда лет сопровождаться попытками бывших собственников активно бороться против нас и попытками связаться с заграничными врагами на случай интервенции. Ничего удивительного нет в том, что польская разведка использует остатки буржуазного класса у нас для борьбы с диктатурой пролетариата. Было бы удивительно, если бы этого не было. Мы в своей политике и практике отношений с капиталистическими государствами исходим из поддержки рабочим классом Польши, Германии, Франции и всего мира Октябрьской революции и республики Советов. Иностранная буржуазия исходит из поддержки остатков класса буржуазии у нас в СССР. Все это совершенно понятно, естественно и в условиях классовой борьбы иначе быть не может. Это является, так сказать, «нормальным» до тех пор, пока пролетарский переворот не произойдет еще в ряде стран. Удивительным является не то, что часть бывших собственников борется против нашего государства, и не

то, что они находятся в связи с организаторами интервенции в СССР, а то, что они смогли заниматься этим делом на протяжении шести лет в Донбассе, в решающем экономическом и политическом центре Украины. Внимательному обсуждению партии должен быть подвергнут не сам факт заговора и скрытой борьбы против нас, но анализ тех объективных условий, которые позволяли заговорщикам против рабочего класса вести такую работу на протяжении шести лет. Это обстоятельство придает всему этому делу гораздо большее политическое значение, чем сам факт обнаружения 100 или 200 белогвардейцев, которые пытались помешать нашему социалистическому строительству и помогали интервенции. Конечно, разоблачение этого факта вскрывает некоторые новые формы борьбы против союза пролетарских республик, но главное внимание, повторяю, должно быть направлено на анализ той объективной обстановки, которая давала возможность этой группе заговорщиков вести свою работу в течение шести лет.

В чем основные недочеты и слабости нашей работы? Грубо говоря, их нужно свести к следующим моментам. Во-первых, это необычайно плохая работа всех низовых партийных, профессиональных и советских организаций, благодаря чему роль их в Донбассе в ряде случаев была сведена «на нет»: мы имели в Донбассе одни хозорганы и почти не имели настоящих профессиональных, партийных и советских органов. Во-вторых, это чрезмерный централизм управления. Основные недостатки можно расклассифицировать по следующим направлениям: 1) Донуголь и советы, 2) Донуголь и «треугольник» (т. е. профессиональные, партийные и хозяйственные организации) и 3) Донуголь и специалисты.

Обращаясь к первому из них, приходится констатировать, что по существу органом советской власти во всем Донбассе являлся Донуголь, его правление, его ответвления на местах, причем в его компетенцию входили не только вопросы управления угольным хозяйством, но такие вопросы, как снабжение водой населения, постройка бань, постройка и эксплуатация жилищ, удовлетворение целого ряда бытовых нужд рабочих. Таким образом, Донуголь являлся там всеобъемлющим «управляющим», а значение местных советов было сведено к минимуму. Мы получили по отношению к населению Донбасса, по отношению к рабочему классу монополию хозяйственных органов. Сравните положение каменноугольных рабочих, допустим, с рабочими на заводе «Серп и молот» в Москве. Нужды московских рабочих обслуживают разветвленные организации советов, и не только Московского, но и районных, в которых огромное количество рабочих, выдвиженцев и «не выдвиженцев», обсуждают все повседневные нужды рабочего класса и участвуют в разрешении вопросов коммунального, жилищного, культурно-просветительного характера. В таких крупнейших центрах мы добились того, что советы сделались огромным «котлом» самодеятельности рабочего класса, рабочие вплотную подошли к вопросам жизни города, улучшения жилищ, сообщений, санитарных условий, работы торговых учреждений и кооперации, борьбы со всяческими недочетами и недостатками, которых у нас великое множество. В работе всей системы советов, хотя бы по Москве, принимают непосредственное участие огромное количество рабочих.

Угланов. 60 тысяч.

Рыков. 60 тысяч, в число которых из года в год входят все новые и новые слои рабочих. Таким образом, Моссовет не только работает перед всеми рабочими под стеклянным колпаком, но и при их живом, непосредственном участии. Конечно, недостатки в деятельности Моссовета и Ленинградского совета еще огромны.

Но если сравнить эту систему с тем, что было в Донбассе, то ничего похожего вы там не найдете. Таких советов, как, например, какой-либо районный совет в Москве,

там не было, там большая часть функций местных советов была в руках хозяйственных органов. Внутри же хозяйственных органов специалисты пользовались очень большим значением не только в области технических вопросов производства. В этом отношении не последнюю роль сыграло положение о правах и обязанностях специалистов, утвержденное приказом по ВСНХ № 33 (от 29.III.1926 г.), изданном тов. Дзержинским[74]. Права, предоставляемые этим «положением» техническому персоналу, сводятся к следующему.

Технический директор, согласно этому «положению», является не только руководителем техники, производственной деятельности завода или треста, но и заместителем управляющего заводом по всем вопросам, связанным с управлением. Техникой он ведает один, а по всем другим вопросам, кроме техники, по своему положению он является заместителем директора. Последний за технику непосредственно не отвечает, а технический руководитель отвечает и за технику, и – в качестве зама – за все остальное. В одном из пунктов этого положения техническому директору дается право производства «с утверждением управляющего завода, приема, увольнения и перемещения руководящего технического персонала (зав. производством, зав. техническими отделами, зав. цехами, главные контролеры и т. д.) в соответствии с действующим законодательством о труде».

По этому же положению, «технический директор (технорук, главный инженер) является руководителем техническо-производственной деятельности завода и заместителем управляющего заводом». «Технический директор несет полную ответственность за качество продукции, подбор технического персонала, бесперебойное течение производства».

Итак, мы, собственно, имели подмену советов хозорганами, в которых технический персонал был облечен огромными правами. Ненормальность такого положения, я думаю, ясна для всех. При установившихся в Донбассе отношениях специалист в ряде случаев немножко заменял собой и совет. В этом, мне кажется, главный недостаток системы организации хозяйства Донбасса, и это положение должно быть изменено. Поэтому в проекте резолюции, который предложен вашему вниманию, на ЦК КП(б)У возлагается обязанность разработать проект такой реорганизации советов, которая подняла бы их значение, усилила их мощь, помогла вовлечь рабочих в советское строительство.

Что касается положения об управлении, утвержденного приказом № 33, то он должен быть отменен, и должна быть подчеркнута необходимость осуществления органами промышленности того постановления о системе хозяйственного управления, которое было вынесено в прошлом году и которое не было осуществлено ни в отношении прав хозяйственников, поставленных партией, ни в отношении прав, полномочий и автономии низовых звеньев нашей хозяйственной системы.

По этому постановлению, должна быть проведена значительная децентрализация управления промышленностью и увеличение прав и роли управляющих предприятиями. Это стало возможным главным образом потому, что у нас сейчас имеется довольно большой кадр хозяйственников, имеющих большой практический опыт управления хозяйством. Перед нами сейчас стоит сложнейшая задача постепенного овладевания не только организационной, но и технико-производственной стороной дела. Конечно, они этого не могут сделать сразу, изменений в различных «положениях» прав хозяйственников для этого недостаточно – это дело требует специальных знаний, усидчивого труда и времени. Но эта цель должна быть перед хозяйственниками поставлена во весь рост как насущнейшая задача, и партия должна им всеми силами в этом помочь.

Второй вопрос – это вопрос о «треугольнике» в Донбассе, т. е. о взаимоотношениях хозяйственных, профсоюзных и партийных организаций. Если во всем Донбассе советы не играли той роли, какую они должны играть, то в отношении значения низовых, массовых организаций «треугольника» нужно сказать, что с ними дело было едва ли более благополучно. Я прочитал большое количество докладов и отдельных записок товарищей, объезжавших Донбасс, и вынес такое общее впечатление, что там, на местах, директивы партийных и профессиональных организаций принимались к сведению (я не могу сказать, прорабатывались они или нет), а директивы, распоряжения и приказы треста принимались к исполнению. Вот главное отличие в положении этих органов. Главный недостаток работы партийной и профессиональной организации – это отрыв их от нужд и жизни широких рабочих масс. Игнорирование огромного количества протестов, жалоб и указаний целого ряда партийных и беспартийных рабочих констатируется всеми.

По этому поводу очень интересные сведения привез из поездки по Донбассу тов. Ярославский, записав выступления на собраниях отдельных рабочих. Вот вам одно из таких выступлений, рабочего тов. Никулина: «Многие говорили, что мы все виноваты, но я скажу, что мы должны обвинять в первую очередь партийных и профессиональных работников. Когда масса гудела, как под землей, что такая система не годится, что от этого шахта гибнет, как это угодно Оловянину, то ничего не делалось». Тот же рабочий говорит: «Лисичанский район я изучаю с 1920 года и своим пролетарским нутром ощущаю имеющиеся ненормальности. Когда я посмел кое-как легонько бороться с этими ненормальностями, то мне попало по загривку от товарищей, ответственных работников этого района».

Кстати сказать, этого рабочего затравили и, в конечном счете, вышибли из партии. А вот что говорит рабочий тов. Бондаренко: «Теперь, скажем, собираются технические совещания. Рабочие что-нибудь подмечают, говорят, а назавтра – влетает им, и на другом собрании рабочие молчат».

Такого рода заявлений можно было бы привести очень много. О чем говорят все эти примеры? Они свидетельствуют о том, что не только не было, так сказать, связи этих низовых организаций с повседневными интересами рабочего класса, но при попытке кого-нибудь из рабочих поставить вопрос о Донбассе он сплошь и рядом «получал по рукам», если не по «загривку». В чем главная причина этого нетерпимого явления? В том, что там верхушки профессиональной, партийной и хозяйственной организаций, в сущности, срослись вместе под «диктатурой» хозяйственников, которая была обусловлена удельным весом их в Донбассе. (Ведь многие из партийных органов жили на смете Донугля: здесь, таким образом, ко всем другим элементам присоединялись также элементы материальной зависимости.) Произошло сращение верхушек и отрыв от широкой рабочей массы. Это явление констатируется как документами, которые имеются в нашем распоряжении, так и теми впечатлениями, которые товарищи, ездившие в Донбасс, вынесли из разговоров с рабочими.

Мне кажется, что наиболее важным и опасным во всем этом является отрыв партийных и профессиональных органов от повседневных интересов, нужд и запросов рабочих Донбасса. И поэтому вопрос о недочетах в Донбассе нельзя решить той или другой перестановкой лиц в аппарате; конечно, непригодных, обюрократившихся работников нужно заменять новыми, но этого мало. Нужно добиться того, чтобы профессиональные и партийные организации жили и развивались как массовые организации, чтобы рабочие не боялись сказать там свое слово, чтобы не было такого положения, когда вся возглавляющая верхушка ходит по одной дороге сама по себе, а масса активных рабочих и членов партии упиралась в стену сросшихся вместе верху-

шек профессиональных, партийных и хозяйственных органов. Ненормальное положение в Донбассе усугублялось еще благодаря наличию в работе элементов «семейственной» дружбы. Это наблюдалось там не только среди партийной и хозяйственной верхушки, но и отношения со специалистами часто устанавливались на основе бытовой дружбы, личных связей и т. п. Особенно характерный пример приведен тов. Томским о так называемом «Шанхае» в одном районе Донбасса: «Шанхай» – это квартал, окруженный специальным забором с особой калиткой, запирающейся на ключ, и за этим забором живут специалисты и часть наших хозяйственников. Так как рабочие очень интересуются китайской революцией, имеют некоторое представление об особых местах жительства концессионеров в Китае, то они и назвали этот квартал Шанхаем[75].

Главный недостаток работ массовых организаций заключался в чрезвычайной слабости (если не в полном отсутствии) «треугольника». Верхушки организаций были оторваны от широкой массы рабочих, профсоюзов и членов партии, элементов критики и самокритики было очень мало. Случаев прямого преследования товарищей, выступавших с критикой, было очень много. Примеров этого в собранных материалах очень много. Приводят, например, такие случаи. Рабочие однажды заявили на общем собрании о неправильной концентрации материалов на шахтах. Когда рабочие говорили о том, что концентрация материалов делается неправильно, директор вместо того, чтобы рабочим объяснить, в чем дело, заявил просто: «Я сказал, и так будет».

Элементы самокритики и рабочей демократии должны быть в Донбассе во что бы то ни стало усилены. Вся система организации Донбасса должна быть пересмотрена с точки зрения децентрализации, усиления значения низовых органов, рудничных управлений. Наше последнее решение о системе управления трестов, о положении и роли технического персонала в первую очередь должно быть проведено в Донбассе. Болезнь чрезмерного централизма – старая болезнь Донбасса. Донбасс являлся все время матерью извращений централизма. Там работали способнейшие в партии хозяйственники, работали в свое время Пятаков, Рухимович, теперь работает Ломов. Я не знаю, отстаивается ли теперь старый проект, который, как я помню, выдвигался Пятаковым и сущность которого сводилась к тому, чтобы создать единый не Донуголь, а общий централизованный, единый трест-комбинат для всего хозяйства Донецкого бассейна, т. е. связать в один трест и уголь, и металлическую, и химическую, и всякую иную промышленность, расположенную в Донбассе.

Ройзенман. И стекольную.

Рыков. И все это в условиях действия приказа № 33 о правах и полномочиях специалистов. Такое направление было, борьба за него была в Донбассе необычайно упорная. Со мною об этом говорили многие.

Г о л о с. Никто, кроме Пятакова.

Рыков. Пятаков не из тех людей, которые остаются абсолютно изолированными в таком деле. Я не думаю, чтобы это было его личным творчеством, вероятно, его поддерживали.

Косиор. Носилось в воздухе.

Рыков. Этот проект в свое время не прошел, хотя выдвигался он очень упорно. Как показал опыт, централизм в Донугле до последнего времени был чрезмерным. Приказ о децентрализации теперь, кажется, издан, но до последнего времени центр отвечал за все, а правление рудника – ни за что. По новому положению, которое должно быть проведено в жизнь, права низших звеньев хозяйственной системы сильно расширены. Децентрализация управления хозяйством Донбасса должна быть осуществлена. Приказ № 33 должен быть изменен. Права директора предприятия должны быть

восстановлены. Новое положение, о котором я говорю, вытекает из закона о трестах, изданного ЦИКом и Совнаркомом 29.VI.27 г.[76] Закон этот явился в результате длительной работы специальной комиссии Политбюро в составе товарищей Куйбышева, Бухарина, Сталина, Орджоникидзе и других. Мы тогда сознавали то огромное значение, которое имеет этот вопрос, и выделили крупнейших товарищей для редактирования положения. Но до последнего времени это положение еще не осуществлено.

Особым вопросом в связи с делом Донбасса является вопрос о специалистах, который теперь вновь получил большое общеполитическое значение. Собираются большие собрания специалистов, выносятся резолюции, и обсуждение вопроса о специалистах иногда поднимается до высоты пересмотра принципиального отношения партии к специалистам и методам их использования. Поэтому я подобрал несколько цитат из сочинений тов. Ленина, для того чтобы характеризовать его позиции в этом вопросе. Занимаясь этим вопросом до Октябрьской революции и предвидя скорое наступление ее, он писал в 1917 г. так: «Пролетариат сделает так, когда победит: **он** посадит **экономистов, инженеров, агрономов** и пр. **под контролем** рабочих организаций за выработку «плана», за проверку его, за отыскание средств сэкономить труд централизацией, за изыскание мер и способов самого простого, дешевого, удобного и универсального контроля. Мы заплатим за это экономистам, статистикам, техникам хорошие деньги, но... но мы не дадим им кушать, если они не будут выполнять этой работы добросовестно и полно в интересах трудящихся»[77].

В 1919 г. на 8 съезде партии он по этому вопросу говорил так: «Заставить работать из под палки целый слой нельзя [– это мы прекрасно испытали]*. Можно заставить их не участвовать активно в контрреволюции, можно устрашить их, чтобы они боялись руку протянуть к белогвардейскому воззванию. [На этот счет у большевиков действуют энергично.] Это сделать можно, и это мы делаем достаточно. [Этому мы научились все.] Но заставить работать целый слой таким способом невозможно»[78].

Настаивая на всемерном использовании буржуазных специалистов, он на том же съезде говорил: «Мы прибегли к помощи буржуазных специалистов, которые насквозь проникнуты буржуазной психологией и которые нас предавали и будут предавать еще годы»[79].

Год спустя (в 1920 г.) он говорил так: «Если бы можно было строить коммунизм из спецов, не проникнутых буржуазным взглядом, это было бы очень легко, но только коммунизм этот был бы фантастическим»[80].

В соответствии с тем, что говорил тов. Ленин, были средактированы и абзацы об отношении к специалистам в программе партии.

На XI съезде в 1922 г. тов. Ленин делал отчетный доклад о деятельности Центрального Комитета партии, и тогда по докладу Ленина была принята резолюция, в которой значительное место было отведено вопросу о специалистах. Там сказано так: «Мы еще не скоро сможем осуществить, но во что бы то ни стало должны осуществить то, чтобы спецам, как особой социальной прослойке, которая останется особой прослойкой впредь до достижения самой высокой ступени развития коммунистического общества, жилось лучше при социализме, чем при капитализме, в отношении и материальном, и правовом, и в деле товарищеского сотрудничества с рабочими и крестьянами, и в отношении идейном, т. е. в отношении удовлетворения своей работой и сознания ее общественной пользы, при независимости от корыстных интересов класса капиталистов.

* Здесь и до конца абзаца в квадратных скобках слова, опущенные при цитировании (ред.).

Только такое ведомство можно признать поставленным сколько-нибудь сносно, в котором ведется планомерно поставленная и дающая практические результаты работа по всестороннему обеспечению спецов, поощрению лучших из них, защите и охране их интересов и т. д.»[81]

Значительно ли изменилась обстановка теперь, сравнительно с 1922 г., к которому относится последняя приведенная мною цитата? Для того чтобы напомнить вам эту обстановку, я коротко перечислю то, что мы переживали в тот период в отношениях со специалистами, с интеллигенцией. К тому периоду относится заговор так называемого «Тактического центра»[82], который объединял собою Национальный центр, Союз возрождения и Совет общественных организаций. Такого же типа был «таганцевский заговор»[83] 1921 г., в котором принимало участие огромное количество видных специалистов, занимавших ответственное положение у нас. В нем принимали участие не только профессора, ученые, проректоры наших советских университетов, но и писатели, скульпторы, виднейшие специалисты – деятели трестов и синдикатов. Этот заговор охватывал очень широкую группу. Обстановка того периода была хуже теперешней, и в худших условиях были приняты те решения, которые я огласил, и были сказаны Владимиром Ильичом те слова, которые я привел. С тех пор произошли довольно существенные изменения. Изменилось прежде всего то, что наши силы по сравнению с тем периодом сильно возросли. Значительная часть специалистов стала гораздо более советской, чем прежде, из нее выделился большой слой очень близко стоящих к нам людей. За это время вопрос о красных специалистах, решение которого тогда отодвигалось к далекому будущему, стал вопросом сегодняшнего дня. Здесь мы уже не так бессильны и слабы, как это было в момент заговора Таганцева или Тактического центра. Роль контрреволюционных элементов в среде специалистов в значительной степени уменьшилась, наши же силы и значение среди них советских элементов заметно возросли. Но являлась ли за этот период наша политика по отношению к специалистам правильной? Мне кажется, что она в основном была безусловно правильной, но в практическом проведении ее мы делали и делаем много ошибок. Одна из таких ошибок, в частности, была сделана в последнее время таким органом, как «Известия Центрального Исполнительного Комитета СССР», который в передовице (от 30.III.28 г.) по вопросу о специалистах поставил перед специалистами задачу: **«безоговорочно** (курсив передовицы) формулировать свое **принципиальное** (курсив передовицы) отношение к социалистическому строительству в нашей стране». И дальше там пишется о том, что – как-де показывает массовое движение среди спецов – специалисты уже отметают пережитки сменовеховщины[84]. Правильно ли это? По-моему, неправильно. Не нужно ни в каком случае преувеличивать значение тех резолюций, которые принимаются специалистами. Конечно, в 1922 или 1918 году такой резолюции они не приняли бы. Сама возможность таких широких собраний, какие происходили за последнее время, определяется, конечно, громадным сдвигом специалистов в нашу сторону. Однако позвольте привести один пример: первая «осуждающая» резолюция была составлена и предложена Матовым, главным организатором вредительской работы в Донбассе. Он предложил на собрании специалистов в Донбассе резолюцию о том, что они отметают **все пережитки** сменовеховщины и **принципиально** выражают свое сочувствие социалистическому строительству в нашей стране. Не нужно обманывать самих себя в том, что очень значительные слои специалистов вполне искренно этого сделать еще не могут. Далее, нужно ли настаивать на том, чтобы они теперь **принципиально** признали социалистическое строительство, сделались социалистами или коммунистами? Поверит ли кто-нибудь этому? Ей-богу, не поверит. И незачем провоцировать их на это, обманывая их самих и заставляя об-

манывать нас. Я приведу один пример: Грум-Гржимайло – хороший специалист в области металлургии, использовать его нужно. Но он говорит: я за хорошие металлозаводы при советской власти, но советской власти не сочувствую. Никто его не арестовывает, никакой политической работы он не ведет и вести не хочет. Но работник он хороший, и я отдам за этого Грум-Гржимайло сотни Матовых, которые выносят резолюции о социалистическом строительстве, участвуя во вредительской работе.

В чем мы еще делаем ошибку по отношению к специалистам? У нас был уже целый ряд директив, решений и постановлений, чтобы всячески поощрять и выделять хороших специалистов. Как-никак, за последние годы мы сделали значительные успехи в «хитрых» технических вопросах. Мы имеем, например, в области текстильного машиностроения налаженное производство сложнейших машин, ткацких автоматов, ватеров, банкаброшей. В области табачной промышленности проф. Смирновым разработан метод искусственной ферментации табака (искусственной сушки), что дает приблизительно 15 миллионов рублей в год. В области химико-фармацевтической разработаны методы производства 59 препаратов, из которых 30 готовы для использования у нас. Список крупных научно-исследовательских достижений имеется уже довольно большой. Но знает ли хоть одно рабочее собрание имя, отчество, фамилию этих специалистов, изобретателей? К чему такая безымянность и обезличивание? Когда-то Владимир Ильич мечтал, что на собраниях мы будем слушать не вечные доклады о «текущем моменте», «о внешнем и внутреннем положении», а доклады специалистов, инженеров, агрономов о том, как электрифицировать страну, как поднять металлическое производство, как улучшить земледелие.

Некоторые специалисты достигли огромных успехов в различных областях. Издаются специальные книги, посвященные изучению тех или иных научных проблем, но никто не подумал над тем, как «поднять», популяризировать специалиста, сделавшего какое-нибудь открытие. Если он «выдумал» какой-нибудь химический препарат, разрешите сказать: «выдумал» такой-то – имя, отчество и фамилию, чтобы этого человека поддержать.

Все техническое дело у нас совершенно обезличено, и мы почти ничего не сделали для того, чтобы эти достижения в области техники подчеркнуть, чтобы тех специалистов, которые работают по-настоящему с нами, каким-то способом поддержать. Очень мало сделано и в отношении выдвижения новых специалистов. Мне недавно один из хозяйственников, очень хороший и очень ответственный, сказал, что он лишь после шахтинского дела стал узнавать, сколько в его тресте или синдикате имеется красных специалистов. Оказалось, к большому удовольствию этого хозяйственника, что их достаточно много и что они недурно работают. До шахтинского же дела лучший хозяйственник этим вопросом не интересовался и теперь лишь впервые стал это дело изучать. Если это произошло с лучшим, то остальные действовали, вероятно, еще хуже. Мы, оказывается, даже не знаем, сколько в промышленности новых специалистов и как они работают, не говоря уже о том, что ничего не делаем, чтобы их поднять и поддержать. Ведь вопрос стоит не только о замене негодных – годными, но и о том, чтобы в достаточной мере насытить нашу промышленность техническими силами. Например, в Швеции в области производства турбин специалисты составляют до 50% к общему составу рабочих, т. е. на каждых двух рабочих приходится один инженер-техник. В передовых странах технический персонал в среднем составляет от 10 до 15% к рабочим, а у нас всего 2%.

Г о л о с. И двух нет.

Рыков. И из этих двух значительная часть не имеющих высшего образования. Осуществить индустриализацию – дело необычайно тяжелое. Ведь ни 1000, ни 2000

самых ортодоксальных ленинцев, знающих всего Ленина и Карла Маркса «вдоль и поперек», не могут заменить в технических вопросах одного грамотного специалиста. Осуществить индустриализацию страны без специалистов мы не можем. Тут мы необычайно отстали, и наше внимание к этому вопросу необычайно слабо.

Товарищи, я выговорил себе у Политбюро право изложить две точки зрения по одному из параграфов проекта резолюции – именно по параграфу, связанному с красными специалистами и ВУЗами. Пленуму ЦК предлагается принять постановление о переходе некоторых ВТУЗов в ведение ВСНХ. Не сказано, как и сколько, но основная директива заключается в этом. Чем вызвана была эта директива Политбюро? Она была вызвана тем, что одним из главных вопросов хозяйственного строительства является вопрос о создании командующих кадров, кадров организаторов промышленности. Конечно, больше всего заинтересован в образовании таких кадров тот орган, который отвечает за промышленность и который, будучи больше всех в этом заинтересован, сможет более целесообразно и отобрать людской материал для высших учебных заведений, и обеспечить их лучшее обучение. Вопрос о кадрах играл, как известно, очень большую роль в деле организации армии, которая смогла достигнуть того положения, какое она занимает в настоящий момент, в значительной степени благодаря тому, что она сумела создать в своих учебных заведениях своих организаторов и командный состав. Это же относится и к промышленности. Вопрос об организации кадров является одним из важнейших. Я лично предлагаю этот вопрос на настоящем пленуме не решать, ибо ничто не заставляет решать его немедленно. Конечно, Политбюро иногда вынуждено принимать даже очень ответственные решения, не подвергнув их предварительному широкому обсуждению и разработке. Это приходится делать в случае, когда обстоятельства и обстановка к тому вынуждают. Имеем ли мы такое же положение в вопросе о ВУЗах? Почему нельзя перенести его на следующий пленум ЦК для того, чтобы за это время подвергнуть его специальному изучению, разработке и обсуждению? Вопросы демократии и управления партией и государством состоят не только в том, что мы обсуждаем и решаем в этом зале, а потом прорабатываем это в ячейках. Там, где можно сначала обсудить, а затем решить, там мы обязаны это сделать. А данный вопрос один из тех, которые можно с большим успехом обсудить, подвергнув предварительному изучению. Наличный коммунистический элемент среди учащихся теперь очень значителен. Есть ли у нас большой опыт в области управления и организации высших учебных заведений? Вопрос этот необычайно интересен и важен в момент проведения лозунгов культурной революции. Наркомпрос является одним из главных орудий в этом. Решение о передаче 3–4–5 учебных заведений из одного ведомства в другое еще не является никаким решением общего вопроса.

Вообще говоря, можно 2–3 учебных заведения прикрепить к какому угодно учреждению, например к Наркомсобесу. Если у него будет под опекой 2 или 3 учебных заведения – не особенная хитрость их поставить и обслужить лучше других. Но вопрос стоит об организации высшего образования вообще, и если 2–3 учебных заведения будут в материальном отношении поставлены лучше остальных, то это может дезорганизовать работу остальных. Испробуйте назначить стипендию в одном университете больше, чем в другом, и вы увидите, что из этого выйдет. Испробуйте то же самое сделать в смысле оплаты жалования профессорам, неизвестно, выйдет ли из этого что-либо хорошее. Такой постановкой дела и таким решением общего вопроса мы рушим единый фронт по отношению к профессуре и по отношению ко всем организациям, связанным с этим. Для меня вопрос о ВУЗах вовсе не сводится к решению передать два или три учебных заведения: это большой вопрос о просвещении и высшем образовании. У меня нет окончательной точки зрения, и я хотел бы на протяже-

нии трех месяцев присмотреться и прислушаться к тому, могут или не могут ВУЗы обойтись без Наркомпроса, можно ли передать другому ведомству высшую школу без средней или за высшей школой потянется и средняя. А ведь один из главных вопросов просвещения, особенно у нас, это разрыв между средней школой и ВУЗом. Возникает целый ряд других дополнительных вопросов, и передача трех-четырех ВУЗов ВСНХ отнюдь не решает основного вопроса о методах и путях создания кадров. Передача учебных заведений из одного ведомства в другое, без принципиального указания о том, как должны работать ВТУЗы, это не решение вопроса. Так как большинство ВТУЗов, согласно точке зрения сторонников передачи, остается все-таки в Наркомпросе, то было бы в величайшей степени целесообразным через три месяца заслушать по этому вопросу специальный доклад и, кроме вопроса о том, оставить ли высшие учебные заведения за ВСНХ или НКПросом, обсудить вопрос по существу и по существу дать директиву. Такое рассмотрение вопроса по существу дало бы в смысле образования новых специалистов и быстрого создания новых кадров, связи ВТУЗов с производством и т. д. во всяком случае не меньше результатов, чем решение о передаче 3–5 ВТУЗов из одного ведомства в другое.

Я в докладе не касался ряда практических предложений, которые имеются в резолюции. Остановлюсь лишь на одном из них – именно на вопросе о 6-часовом рабочем дне в Донбассе. Я должен сказать, что для меня и для многих, если не для всех членов Политбюро, вероятно за исключением тов. Томского, было неожиданным то положение с величиной рабочего дня в Донбассе, о котором мы узнали. Нельзя считать ни в какой степени нормальным, что мы, переходя в легкой индустрии с 8-часового рабочего дня на 7-часовой, имеем в Донбассе массовые случаи пребывания рабочего под землей больше 7 часов.

Г о л о с а. Это правильно.

Рыков. Я не знаю, насколько часты эти случаи, но недопустимость этого стоит вне всякого сомнения. И по-моему, очередность в проведении сокращения рабочего дня должна быть такая: сначала осуществить 6-часовой рабочий день под землей, а потом снижать до 7 часов в легкой индустрии.

У нас было много колебаний о характере предложений, которые в связи с этим надо внести сюда, и мы остановились на самом радикальном из того, что было предложено, а именно на том, чтобы на протяжении 6 месяцев Кодекс труда, относящийся к подземным работам, был бы осуществлен в Донбассе. Хозяйственники и кое-кто из профессионалистов говорили, что это встречает очень большие трудности и может вызвать значительные убытки. Может быть, трудности и кое-какие убытки будут, но, несмотря на эти убытки и трудности, 6-часовой рабочий день в подземных работах должен быть осуществлен на протяжении полугода. [Вот, товарищи, все, что я хотел бы добавить к тому, что имеется в проекте резолюции Центрального Комитета и тех материалах, которые вам розданы.]

В заключение я хотел бы еще раз подчеркнуть значение пункта, на котором я останавливался в своем докладе, относительно того, что перемещением тех или других работников главную болезнь Донбасса излечить невозможно. А эта болезнь заключается в том, что массовые организации – партийные, профессиональные, советские – работали из рук вон плохо. Демократия и самокритика в области работы партийной, профессиональной и советской должны быть осуществлены в первую голову, и разрешение этого вопроса является, мне кажется, предпосылкой для решения всех остальных.

Председатель. Товарищи, угодно перейти к прениям или объявить перерыв?

Г о л о с а. Перерыв.

Председатель. Объявляется перерыв.

(П о с л е п е р е р ы в а.)

Председатель (Рыков). Товарищи, записалось около 60 ораторов.

Г о л о с а. Еще запишутся.

Председатель. Слышны голоса, что еще запишутся, так что разрешите строго держаться регламента.

Чубарь. 15 минут?

Председатель. Без специального разрешения пленума я никому не добавлю. Слово имеет т. Жданов.

Жданов. Я думаю, что самое легкое дело после доклада тов. Рыкова было бы встать в позицию благородного негодования и выразить удовлетворение по поводу того, что вот у меня в моей организации нет шахтинского дела.

[Г о л о с а. Поищите.]

Жданов. Это было бы самым неправильным и самым легким делом, и поэтому я считаю, что здесь нам не нужно критиковать Украинскую организацию, а нужно поглубже присмотреться к тем недостаткам, которые имеются в своей собственной организации.

Я думаю, что тов. Рыков совершенно прав, когда поставил вопрос (и в тезисах Политбюро этот вопрос поставлен) о том, что необходимо глубже проанализировать всю обстановку хозяйственной, массовой политической работы, которая проводится нашими организациями. Я хочу остановиться в нескольких словах на вопросе вредительства. Мы в нашей Нижегородской губ., за последние месяцы в особенности, имеем целый ряд случаев поджогов и аварий, из которых мы считаем не все случайными. Мы имеем целый ряд пожаров, в частности на Сормовском заводе, имеем целый ряд аварий, участившихся за последнее время, когда наиболее важные, жизненные части предприятий выводятся из строя, как-то: трансформаторы, шкивы, электромоторы и т. д. и т. п. Тут, несомненно, имеются и не случайные причины, вот почему наша организация пыталась глубоко присмотреться к вопросам организации противопожарной охраны, к вопросам охраны бдительности вообще и т. д. Мы установили такие вопиющие факты, что на заводах, где мы обследовали противопожарную охрану, перед пожарным сараем, в котором находились машины, имелась неразметенная куча снега, которая в случае пожара не давала возможности вывести машины из сарая. В другом месте вода в бочках оказалась замерзшей, в третьем месте дежурные спали и т. д. и т. п.

Косиор. Это тоже вредительство, когда дежурные спят?

Жданов. Такие факты несомненно свидетельствуют о том, что бдительность и дисциплинированность партийных и хозяйственных организаций на предприятиях еще недостаточна.

Перехожу к шахтинскому делу. Оно вызвало глубокий отклик среди рабочих. Сейчас среди рабочих существуют такие настроения, что нужно порыться на своем предприятии и можно найти экономическую контрреволюцию. Нашей партии нужно использовать, реализовать громадную чуткость рабочих по отношению ко всякого рода непорядкам, которые выявляются в связи с шахтинским делом, для того чтобы еще глубже, конкретнее подойти к вопросам хозяйственным, к нашей повседневной практике.

Я хочу обратить внимание на положение крупного электростроительства на Балахнинской электростанции[85], где не установлено, имеется ли сознательное стремление принести хозяйственный ущерб. Но я приведу следующие факты. В течение последних двух лет были взяты на работу на разные технические должности такие фигуры, как бывшие князья, графы и т. д. На какой они были работе? Например, на за-

готовке бурового камня бывший адмирал Рощаковский заведовал иностранным отделом строительства, хотя никакого иностранного отдела там не полагается и т. д.

Вот почему, товарищи, мне кажется, что относительно крупных центров, где имеется крупное капитальное строительство, нужно было бы принять специальное решение о том, чтоб в такие центры не высылать из столиц и других пунктов контрреволюционных элементов (с м е х). У нас есть «минус шесть»[86], я думаю, что не мешало бы сделать минусов больше, с тем чтобы соловецких подвижников в районы крупного строительства не посылать. (Ш у м.)

Угаров. Просим назвать территорию, куда посылать.

Жданов. Все пункты РСФСР, кроме шести.

Г о л о с. Крыленко говорит, что не надо принимать их на электрическую станцию (с м е х).

Жданов. На Балахнинской электростанции мы установили наличие бесхозяйственности и полное отсутствие проведения режима экономии, неряшливое обращение с планами воздушно-химической обороны предприятий. Получилось, с одной стороны, скопление явно белогвардейских элементов, а с другой – неконспиративное отношение к планам воздушно-химической обороны на предприятиях. А вот положение коммунистов на этом предприятии оказалось как раз таким, о котором говорила первоначальная директива ЦК о шахтинском деле. Там говорилось о том, что у нас нет здорового коммунистического недоверия к специалистам, что у нас некоторые коммунисты на предприятиях превращаются в жалких подголосков. И вот на примере Балахнинского строительства можно установить, что здесь коммунист-хозяйственник не только играл роль жалкого подголоска, но он совершенно сознательно подпадал под влияние специалиста, и дело доходило до того (это не единственный случай), когда коммунист-хозяйственник, заместитель, поставленный правами и всякими другими условиями в положение подчиненного лица у специалиста, оказался в таком положении, когда на него взваливают всякого рода тяжелые жилищные и другие трудные дела, а сам специалист-руководитель предприятия совершенно не отвечает за тяжелые дела, особенно неприятные рабочим, он заставляет самые неприятные для рабочих дела разрешать коммунисту, а сам стоит в стороне и, наоборот, методами капиталистического порядка – поблажками, премиями, поощрениями – завоевывает себе личный авторитет.

Я ставлю вопрос: нет ли у нас на предприятиях иногда такого положения (а у нас оно было), когда спец-руководитель предприятия пытается завоевать себе авторитет методами развращения, методами подкупа, методами подачек посредством авансов, пособий некоторой части рабочих за счет подрыва доверия к партии, подрыва доверия к партийцу и т. д. Мне кажется, что это есть.

И вот, когда на Балахнинской электростанции мы сняли хозяйственную коммунистическую головку, то коммунист, который превратился в жалкого подголоска специалистов, который был связан с ними не только связями деловыми, но связями семейными, – что было и в Донбассе, как говорил тов. Рыков, – что делает этот коммунист в последнюю минуту? Он подписывает благодарственный адрес от имени инженерно-технического персонала вышибаемому специалисту.

Чубарь. Его к нам прислали.

Косиор. Кто это?

Жданов. Ступин.

Г о л о с. А лучше-то нашлись?*

---

* Так в тексте (ред.).

Жданов. У нас в партии, в партийных организациях на капитальное строительство существует еще взгляд как на книгу за семью печатями, как на очень трудное дело, которое мы не можем усвоить. И вот этот взгляд, эту психологию, которая существует у отдельных партийных организаций и отдельных партийцев, что область капитального строительства есть область чрезвычайно труднодоступная для партии, этот взгляд надо во что бы то ни стало разбить.

Г о л о с. Поэтому-то там много всяких безобразий допускают.

Жданов. Я здесь хочу обратить внимание пленума Центрального Комитета на необходимость особого внимания к вопросу подготовки трех видов специалистов, которые нам в особенности необходимы. Это – химики, судостроители и строители. И к делу подготовки этих кадров, мне кажется, нужно будет особое внимание нашей партии и Центрального Комитета.

В нескольких словах я хочу остановиться на вопросе, связанном с отношением к специалистам. Расслоение среди специалистов сейчас началось. В Сормове еще в прошлом году молодые специалисты требовали созыва общих собраний. Я должен обратить внимание ЦК на то, что в инженерно-технической секции[87] существует зажим, что старые специалисты на деле не дают организовывать необходимой критики со стороны молодых специалистов, что имеется у старых специалистов стремление обособиться от рабочего класса. Необходимо высказаться, в частности, против создания специальных клубов для инженеров (у нас на некоторых заводах существуют такие специальные клубы для инженеров). Я считаю, что если нужно строить такие клубы, то только как секции рабочих клубов, а отдельных клубов для специалистов не нужно.

Основное заключается сейчас в том, чтобы не только вовремя почуять, когда рабочие жмут, а в том, чтобы не быть слепыми, как у нас иногда бывает. У нас иногда не видят недостатков около своего собственного носа. Дело заключается в том, чтобы видеть недостатки не только тогда, когда рабочие жмут, а и тогда, когда этого еще нет. Роль руководителя заключается в том, чтобы видеть недостатки не тогда, когда на них все пальцем указывают, а в том, чтобы видеть недостатки, когда массы еще не начали говорить о них полным голосом. Вот в чем заключается роль руководителя.

Мало сказать в резолюции, что нужно проводить решения производственных совещаний, – с величайшим вниманием нужно относиться к каждому протоколу рабочих собраний. Я считаю, что надо внести в резолюцию пункт о том, чтобы к любому протоколу рабочего собрания относились с должным вниманием.

Я кончаю. Тов. Сталин на одном из съездов партии, обращаясь к оппозиции, сказал: «Лечите ваши уши». Я думаю, что лечение ушей относится также и к нам как к партийным руководителям, ко всем партийным организациям, которые проводят руководство хозяйством.

Председатель. Слово имеет тов. Сухомлин.

Сухомлин. Шахтинская история поставила перед нами ряд вопросов. В течение 10 минут нет возможности остановиться даже на самых важнейших из них, поэтому придется лететь экспрессом, рискуя тем, что не удастся сформулировать достаточно ясно вопросов, на которых хотелось бы остановиться.

Относительно того, не перегнули ли мы палки в шахтинском деле, я бы сказал, что палки не перегнули, контрреволюция налицо, но кампанейская ударность приносит вред, дает обратный результат. Я боюсь, что эта кампания закончится именно кампанией, а дальше будет та же беспечность, что было до сих пор. Месяц мы кричим, что мы растем, поднимаемся и т. д., второй месяц печать, особенно провинциальная, кричит о том, что мы гибнем, что у нас плохо, что мы проваливаемся и т. д. У нас как

навалимся на что, так уж навалимся, не жалея никаких средств, иногда теряя нужное большевистское спокойствие.

Из шахтинского дела мы должны сделать политические выводы и кое-где перестроить нашу практическую работу – особенно плохую, допустившую шахтинскую контрреволюцию. Мы должны пересмотреть работу массовых организаций, работу хозорганов, а главным образом подготовку командных кадров промышленности, особенно технических.

По вопросу, который поставил здесь Алексей Иванович, о работе органов диктатуры пролетариата – советов в промышленных районах, я думаю, что мало сказать относительно централизма, подмены работы советов другими органами. Нужно найти причины. Я лично не хочу здесь оправдываться, что мы на Украине все сделали для оживления и укрепления советов, сделали мы мало, но мы этим вопросом занимались. Этим вопросом занимался ЦК КП(б)У и ВУЦИК. У нас была попытка организационно подойти к этому вопросу и оживить работу сельсоветов и заводских поселковых советов. Но вопрос упирается в бюджет. Ведь наши советы промышленных районов имеют мизерный бюджет. Производственный баланс их велик, а взять им денег не с кого. Даже если взять бюджет такого крупного промышленного района, как Сталино, он будет меньше, чем бюджет торгового города с таким же количеством населения. Поэтому, если говорить об оживлении работы советов, промышленных районов и поселковых советов, надо подумать о той базе, которая бы послужила основой работы этих советов. Я совершенно согласен, что хозяйственные органы должны быть освобождены от организации коммунального хозяйства, бань и всего того, что для них не присуще. Но этот вопрос не так прост, как кажется. Возьмите вопрос жилищный в Донбассе, с текучестью его рабочей силы и т. д., и вы увидите, какие трудности мы должны преодолеть; тем не менее я считаю, что хозяйственников необходимо скорее освободить от работы, не связанной непосредственно с производством. Нужно упорядочить бюджет времени хозяйственников.

Я приведу вам пример из одного строительства, о котором много нашумели в нашем Союзе, – строительство это называется «Электрическая районная Харьковская станция»[88]. Дела шли там неважно, послали нового товарища, и вот у меня имеется ведомость: с 1.X по 1.I было проведено докладов новым председателем правления – 13 в различных организациях: фракции окрпрофсовета, потом в президиуме окрпрофсовета, потом на фракции окротдела строителей, в президиуме строителей, потом в партрайкоме, потом в окружной РКИ, потом в райкоме партии другого района, в горсовете и т. д. – 13 докладов. По каждому из этих докладов вырабатывалась резолюция; над каждой резолюцией этот председатель должен был потратить на одних заседаниях комиссии от одного до трех дней, да на каждую резолюцию по подготовке – по вечеру. Посмотрите эти резолюции, они сводятся к одному и тому же. А так как парень подошел по-большевистски, открыл все как есть, всем захотелось обследовать. За один только месяц было произведено 10 обследований, причем некоторые обследования длились по 2–3 недели, и опять те же самые резолюции, а дело ни с места. Работать некогда руководителю, он все докладывает и заседает. Поэтому тут нужно, говоря о нашем партийном руководстве, посмотреть на условия, в которых приходится работать. Надо их так создать, чтобы можно было руководить. Мы не имеем абсолютно никакого времени, приходится иногда, действительно, налету разрешать самые серьезнейшие вопросы или в 3–4 часа дома, когда голова совершенно не способна мыслить, прорабатывать важнейшие вопросы.

Вопрос чрезвычайно важный встал перед нами в связи с шахтинским делом, на который я хочу использовать свои последние минуты предоставленного времени.

Это – вопрос относительно специалистов. Если бы меня спросили: какой наиболее трудный вопрос для промышленности сейчас, который является вопросом всех вопросов, я бы сказал – вопрос о спецах. Говорил здесь только что тов. Жданов насчет строительства на Балахне в Нижнем. Если добавить, что оскандалившийся на Балахне строитель сейчас послан на Украину руководить Энергостроем, причем ему предлагается не только передать новые строительства, но и передать одно из выявивших себя вначале с плохой стороны – Эсхар, а плохих эсхарщиков взять на Балахну или другое подобное место, то все это говорит о том, насколько остро стоит вопрос для промышленности со специалистами. Мы знаем, что эти люди не справились с работой, перебрасываем на другую, не менее ответственную работу. Может ли нас кто-либо обвинять за это? Не может, потому что мы слишком ограниченны в техническом составе, нет замены, выбор ограниченный: там – Ступин, у нас – Матрозов, Копелер[89].

Г о л о с. Свицын.

Сухомлин. Да, Свицын. Словом, мы имеем ограниченную группу людей по количеству и качеству, с которой нам приходится иметь дело. Сегодня мы его снимаем с этого строительства, он оскандалился, завтра же мы его переводим на другое строительство, поручаем еще более крупное дело. Вопрос о специалистах мы поставили поздно, и поэтому к этому вопросу должно быть привлечено внимание всей нашей партии.

Нам иногда указывают на то, что мы плохо выдвигаем молодых специалистов. Я демонстрировал некоторые данные на нашем Политбюро ЦК КП(б)У, позвольте некоторые из них привести здесь: в 1926–27 г. из выпущенных по индустриальным техникумам УССР общего количества 1176 человек рабочих всего 166 человек, селян 76, службенцов – 876*. И вот, попробуйте выдвигать и продвигать их, когда все 876 человек сидят в учреждениях. Они сидели там, шли в ВУЗы из этих учреждений, они получают достаточно приличную, я бы сказал, зарплату, и когда они оканчивают ВУЗ, они в цех не идут и не пойдут, потому что в цеху мы платим стажерам 65 рублей. Как же он пойдет туда на 65 рублей, если он сидел в учреждении, получал больше, жил в культурном месте? Окончил – поезжай из Москвы в Харьков и получай 65 рублей, больше не имеем возможности дать. Да и не знаем, что он может делать как инженер. Поэтому они не интересуются тем, чтобы выбрать себе свидетельство об окончании ВУЗа. Мы в прошлом году на Политбюро ЦК КП(б)У выяснили, что только 14% выбирают себе свидетельства об окончании ВУЗов. Конечно, сейчас состав не тот, который я огласил, состав сейчас в наших ВТУЗах пролетарский, но когда мы его получим? Только через несколько лет. Я считаю, что очень глубокая мысль была выдвинута Алексеем Ивановичем [Рыковым] относительно создания условий для наших специалистов, о том, чтобы писать фамилии в газетах, чтобы знали широкие массы фамилии хороших инженеров, изобретателей и т. д. Это очень глубокая мысль, и я думаю, что ее следует продолжить, развить, распространить и на наших молодых специалистов, чтобы они пошли на заводы, в цеха, в проектировочные бюро и там вели свою работу, пополняя, закрепляя свои теоретические знания практическим опытом. Я считаю, что элементы поощрения старательных, способных не нашли себе места у нас в ВУЗах и по их окончании на производстве. Например, лучшие студенты, наиболее способные, заняты чем хотите: всякой общественной работой, они в 5–10 комиссиях, не имеющих подчас ничего общего с учебой. У нас поэтому в ВУЗах нет передовых студентов по учебе, которые могли бы вести за собой остальных, стимулировать к знанию, потому что передовые заняты общественной работой

* Так в тексте (ред.).

в комиссиях всяких и т. д., а учебой не занимаются. Поэтому тоже отстают от возможностей.

Передовым вузовцем считается не тот, кто хорошо учится, а тот, кто взял на себя много комиссий. Возьмите такую пустяковую мелочь, как иностранные языки. Обучение их поставлено плохо, а это потом является большим тормозом в изучении иностранного опыта. Необходимо пересмотреть систему и организацию обучения в наших ВТУЗах.

Относительно вопроса, следует ли передавать или не следует в ВСНХ ВТУЗы, я сказал бы, что нужно было бы сейчас решить вопрос о более тесной увязке ВТУЗов с ВСНХ, усилить его контроль над «живой продукцией», которая готовится для технического руководства промышленностью. Я должен сказать, что не только должен быть поставлен вопрос о подготовке во ВТУЗах, надо просмотреть также и вопрос о средней школе. Никуда не годится, если она будет готовить, как до сих пор готовила, когда оканчивающие не знают грамоты, не знают математики, проходят уйму предметов, но основного, что вооружает человека для дальнейших знаний, не знают.

Также надо поставить вопрос о практике, о стаже. Его нужно рассматривать исключительно с точки зрения внедрения в промышленность молодых специалистов, а это также упирается в деньги. Надо поставить вопрос о дополнительных должностях для молодых стажирующих специалистов, чтобы не посылать окончивших двор мести и дать возможность оплачивать лучших, способных, старательных.

Председатель. Слово имеет тов. Косиор. Следующий Шварц.

Косиор И. Я считаю правильным предложение Алексея Ивановича, что надо в «треугольнике» ликвидировать диктатуру хозяйственников, но не мнимую диктатуру, а там, где она действительно существует. Но вместе с тем нужно уничтожить и все те элементы, которые часто дают возможность говорить, что такая диктатура существует. Если возьмем вопрос об отсутствии советской власти в том же Донбассе, из чего он вытекает: нет школ, в ужасном состоянии водопровод, нет больницы, нет бани. Когда по бюджету денег на это не отпускается, куда идут за деньгами? – к хозяйственнику: «даешь!» «Мне не позволено, не разрешено и так дальше». «Даешь!» Если он не дает, требуют в тресте под воздействием уже более сильных организаций и таким образом против желания заставляют иногда быть тем, что называется диктатурой хозяйственников в «треугольнике». Я думаю, хозяйственники были бы чрезвычайно благодарны, если бы средства на такие нужды отпускались по соответствующим бюджетам и они освобождены были бы от этих забот, это позволило бы им больше внимания уделять производству.

Но, я думаю, поскольку встал вопрос о треугольнике внизу, надо поставить вопрос и о том многоугольнике, в котором мы не знаем всех углов и подсчитать не в состоянии. Этот многоугольник – то, что начинается выше треста, идет сюда в Москву и то, что призвано управлять всем нашим хозяйством. Возьмите наши планы. Когда они утверждаются? Вот сейчас они в середине года утверждаются. Наша металлическая промышленность до настоящего времени 16 раз переделывала и изменяла план. Если в нашем многоугольнике будет столько уголков, по которым мы должны будем с планами ходить, то какой же хозяйственник сможет рабочему доложить об изменении плана? Эта система приводит к тому, что у нас должны специалисты работать без контроля. Рабочие не будут знать, какие планы существуют. Я сам, когда был трестовиком, свой план, который составлялся здесь в первой стадии, знал наизусть и к каждому специалисту мог придти и проверить, как план выполняется, но когда этот план получил 20 изменений в многоугольнике, я сам теряюсь и не знаю, какой же план мы имеем на сегодняшний день, какой план действует. Этот план надо установить и поставить перед хозяйствен-

ником задачи четко, только тогда мы можем от него требовать их выполнения. Нужно составить его так, чтобы рабочий мог в любую минуту проверить выполнение плана.

Я считаю, что в тезисах это отражено чрезвычайно слабо. Мы много говорим об этом, но в тезисах это отражается мало, в жизнь все еще не проводится или проводится достаточно плохо. Почему, спрашиваю я вас, при колоссальном росте нашего хозяйства, при колоссальных успехах, которые у нас имеются, почему в этом вопросе нет никакого движения воды, в этом году так же, как в прошлом году, а может быть, даже хуже? Надо ставить вопрос о многоугольнике, и только тогда мы сумеем добиться соответствующей четкости в нашем управлении.

Второй вопрос, который я хочу затронуть, – это вопрос об обстановке работы хозяйственника в тресте, на заводе и т. д. Если тут изменяется по 16 раз план работы, то хозяйственник большую часть времени вынужден проводить здесь, у нас, в Москве, а не заниматься производством. А кроме того, сидят бесчисленные комиссии, о которых говорил здесь тов. Сухомлин и о которых будут докладывать и другие хозяйственники. На них уходит большая часть времени хозяйственника. Ему действительно приходится разрываться. При таком положении вещей он кое-что успевает проконтролировать, но многое, как правильно указывают, просто штемпелюет. В этом надо дать себе ясный отчет. Поэтому нужны коренные изменения вот в этом вопросе, чтобы у хозяйственника было действительно время заниматься основным делом – работой на производстве. Сюда надо направить внимание и РКИ, и наших парторганизаций, чтобы они создали эти условия и тогда требовали полной ответственности. А у нас получается так, что хозяйственник теряется, не знает, что должен делать. Сегодня он получает один из бесчисленных вариантов плана, заказывает кое-что из оборудования за границей, кое-что начинает покупать здесь. Через неделю или две он узнает, что этот вариант недействителен, приходит новый вариант. На бумаге-то, конечно, можно изменить план, но ведь часть-то оборудования уже закуплена, кое-что необходимое уже приобретено, так что на деле изменить этого плана нельзя. После этого приезжает бесчисленное количество комиссий, которые обвиняют хозяйственника в бесхозяйственности и проч. и проч. Здесь говорится, что мы вместо дела часто комиссарствуем. Это правда, хотя и не в такой мере, как говорится в тезисах. Бывает, довольно часто приходится по-плохому комиссарствовать. Я вспоминаю то время, когда был комиссаром на фронте. В какой обстановке я тогда работал? Я, прежде всего, всегда имел ясный приказ о том, что я должен делать: приказов не изменяли по 16 и по 20 раз, как это имеется в настоящее время. Я имел соответствующее доверие и имел время для проведения этой работы. Я проверял каждый приказ специалистов, по карте пальцем водил, сам все разбирал, учился и мог проверять специалиста. А теперь этой возможности у хозяйственников нет. Поэтому, чтобы улучшить положение, чтобы избавиться от таких вещей, как шахтинское, нужно прежде всего взяться за всю систему управления, не только за треугольник, но и за этот многоугольник, углов которого мы не знаем, – а ведь нас часто как мальчишек заставляют стоять в каком-нибудь углу. Возьмем вопрос о наших капитальных работах. Здесь дело обстоит очень плохо. Мы в настоящее время имеем такое положение, что из 250 работ, которые проходят через ВСНХ Союза, мы имеем около 60 работ, на которые совсем нет проектов, около 120 работ, на которые проекты только проходят у нас, и небольшая часть этих проектов утверждена. Вот какое достаточно скверное положение мы имеем с этим вопросом. Как пытаются этот вопрос ставить? Все окружающие, и в том числе РКИ, долбят хозяйственникам изо дня в день, что у вас нет проектов, что вы ведете колоссальную работу преступно, не по правилам и т. д. Ну, хорошо, может быть, под влиянием РКИ, может быть, мы сами поняли, что так делать нельзя, все знаем, все понимаем это, но нельзя же долбить каждый

день одно и то же. Сейчас нам не нужно направлять внимание на открытие уже открытых вещей, что у нас плохо, а направить внимание на то, чтобы помочь тому или иному работнику справиться с делом. Ведь когда вся страна строит без проектов, надо же глубже задуматься над этим вопросом. Нельзя просто-напросто вытащить того или другого и публично его сечь. Секите, но вы этим не поможете делу, если будете опять так же к этому вопросу относиться. Надо разобраться, почему во многих случаях это происходит, и действительно помочь хозяйственнику, на котором лежит колоссально тяжелая работа. Я сам помню, как я начал дело в Югостали, через 2 месяца я увидел, что строят без проектов, строят плохо, но для того, чтобы создать проектировочное бюро, потребовался целый год. Квартиры нет, купить квартиру нельзя, а пригласить специалиста в какой-нибудь город, не дать ему квартиры тоже нельзя. Чтобы прошибить этот вопрос в системе нашего хозяйствования, приходится чрезвычайно трудно. И вот в таких случаях из рабоче-крестьянской инспекции никто не придет на помощь, а потом спрашивают, почему не сделано. Надо было раньше придти и спросить, в чем у тебя, товарищ, задержка и что нужно сделать для того, чтобы помочь. Когда же это не сделано, начинают публично сечь. Этим сечением, товарищи, мы не спасем все и вся.

Несколько слов о Донугле. Я полагаю, что здесь будут говорить товарищи, которые непосредственно там работают. Но я думаю, что мы здесь Донуголь шельмуем так, как он этого не заслуживает. Мы забыли о том, что в 20 году или немножко позже Донуголь сжигал топлива больше, чем он добывал, а теперь он кормит бесперебойно всю страну топливом. Там получился злокачественный нарыв на нашем организме. Давайте вскроем этот нарыв, но не шельмуйте так, чтобы вместе с водой не выплеснуть ребенка. Нельзя там расшибить и разрушить все, а сейчас о Донугле говорят как о прокаженном. Такое отношение создавать совершенно неправильно. Я считаю, товарищи, что, если мы хотим ликвидировать то, что у нас есть, нужно принять соответствующие четкие решения. Первым из этих решений должно быть то, что обследование производится один раз в год, а не каждый день, как сейчас делается. Второе решение должно быть такое, чтобы не позже 15 сентября был дан план промышленности, и мы тогда будем просить РКИ, чтобы она раскачала всех для выполнения этой работы, как она раскачала на фронте борьбы с административными расходами. Нам необходимо, чтобы 15 сентября план поспел и был вручен хозяйственникам, и тогда требуйте ответственности.

Орджоникидзе. Промышленный план вами был представлен в Госплан в январе.

Косиор. Он был немножко раньше.

Орджоникидзе. Один-единственный раз.

Косиор. Я считаю, что этого промышленного плана не нужно было совсем представлять.

Орджоникидзе. Это другое дело.

Косиор. Достаточно было контрольных цифр, а то – сегодня контрольные цифры, завтра – промфинплан, послезавтра еще что-нибудь, так до конца года будете утверждать. Сейчас ваша обязанность выдумать такую систему, чтобы 15 сентября был план. Найдете где недостатки, так бейте, в ВСНХ – так ВСНХ, в тресте – так трест. Вы призваны улучшать систему, и мы вам сделаем соответствующие предложения, если вы не в состоянии будете этого выдумать.

Если эти две вещи не будут приняты, я считаю, что тезисы нам не помогут, наоборот, они нам повредят, потому что если у нас имеется известный темп улучшения в нашем хозяйстве, то без этих основных вещей он будет замедлен.

Председатель. Слово имеет тов. Шварц. Тов. Шварц предлагает нарушить план работ пленума и дать ему полчаса.

Г о л о с а. Дать, дать! (П р и н я т о.)

Шварц. Если бы я здесь постарался вам во что бы то ни стало доказать, что вот благодаря тому, что наша промышленность является искусством и по сей день, что у нас нет установленных определенных твердых систем в работе, то, что имеет место в любой науке, в других промышленностях, если бы я хотел строить свою речь именно под этим углом, то я, конечно, мог бы вам сказать, что мы ребята-паиньки, славненькие, и напрасно здесь вообще затевать какие-нибудь разговоры.

Косиор. Это не выйдет, Семен.

Шварц. Да и, наконец, мы русские люди, такие же, как и вы (с м е х). Если бы я хотел вам доказать, что мы не таковы, как все вы, то вы бы имели право сказать, что мы подкидыши и больше ничего, какие-нибудь немцы, но мы не немцы (с м е х), мы русские люди, и у нас имеются те же ошибки, в частях больше, а в частях меньше, чем у всех. Но это ведь не избавляет нас от того, что мы должны отвечать по существу.

Сталин. Вот, вот. (С м е х.)

Шварц. Правильно, ни в какой мере не избавляет. Но я вам должен сказать, товарищи, что как никто мы в своей работе всегда помнили указание Политбюро, что нужно всегда подходить к вещам и людям со здоровым недоверием. Мы говорим, что тот, кто не относится критически к людям, к своим обязанностям, тот бесчестно поступает против своей партии, и если вы просмотрите нашу работу – мы самым безжалостным образом подходили к своим товарищам в работе. Я так выражался по отношению к своим низовым организациям: вы никудышные десятники, если не умеете подходить, как это полагается, к работе, а подходите именно как десятник какой-нибудь, сбиваются не только хозяйственники и инженеры, но и вы, профработники. Поэтому, если вы просмотрите на ряде лет – это сквозит с начала нашего существования. К нам пришел тов. Ломов, он вам подтвердит, что, когда он услышал мой жаргон, а вы знаете мой жаргон...

Г о л о с а. Знаем, знаем.

Шварц. Так он полез на стенку. Чтобы это не были слова, было бы лучше, чтобы я мог свою речь вам прочитать, речь, сказанную на пленуме ВУКа в феврале 27 года. Но для этого нужно было бы два часа, поэтому я возьму маленькую выдержку из речи.

Г о л о с а. Говори в рупор.

[**Рыков**. Шварц, держи лицо к массам.]

Шварц. [Так вот я говорю, он к нам пришел в 26 году, он не знал мой жаргон. Остальные – и Рухимович, и Косиор, и Серебровский – знали мой жаргон. Я никогда не подбирал слов ни в отношении кого, я всегда говорил, что я думаю, и вот что я им говорил. Коротенькая выдержка из прений, я отвечал теперь хозяйственникам, причем должен заметить, что в 26 году я был оторван – ездил за границу, и когда я получил письмо из Кизила, где рабочие пишут: «Ты приезжай, хотели послать комиссию, но лучше ты приезжай прямо к нам», я Сталину тогда показал письмо. Он говорит: посылай скорее комиссию. Нет, говорю, лучше я сам поеду.] Я цитирую: «Из прений по заслушанным уже здесь докладам я вынес очень многое. Наибольшее же впечатление на меня произвели выступления трех товарищей рабочих, прибывших на пленум непосредственно из шахт, из забоя. Я должен сказать, что только эти три товарища откровенно и правдиво передали здесь о состоянии нашего производства, откровенно и правдиво указали все недостатки этого производства, откровенно и правдиво сообщили, в каких условиях находятся рабочие и какие возможности имеются для удовлетворительного разрешения задач, поставленных перед горной промышленностью нашей партией и советским правительством.

Все же остальные разговоры, по моему мнению, – одна прокламация; кроме взаимных упреков друг другу, здесь ничего не было сказано, и я повторяю, что к выступ-

лению этих трех товарищей вам, уважаемые хозяйственники, необходимо прислушаться, необходимо твердо усвоить все сказанное ими и в дальнейшей своей работе твердо помнить, что без непосредственного участия рабочих масс мы производства не улучшим, себестоимости не удешевим и нового Донбасса не построим.

Мы требуем повышения производительности труда – а что делается хозяйственниками для устранения всех недостатков, мешающих успешному проведению этой работы? Нет нужных материалов, бесконечное количество мелких технических неполадок и, что самое скверное, неблагоприятные жилищные и бытовые условия, в каких приходится жить рабочему. Нет квартир, ужасающая скученность, нет воды, нет бань и нет многого такого, что стимулирует нормальную выхождаемость рабочего и сохранение его физических сил».

Дальнейшее нет надобности читать. Под этим углом попало профсоюзникам, попало инженерам: сбиваетесь на командование, этот номер вам не пройдет.

То же я говорил на следующем пленуме покрепче по отношению к инженерам. Это было уже в мае на Всесоюзном пленуме. Я, между прочим, считаю нужным заострить здесь вопрос и в отношении нашего Союза целиком. Первый раз я выступал в Харькове, второй раз в Москве, то было в феврале, это в мае: «Нам приходится нести издержки на восстановительный процесс нашего хозяйства, иногда эти издержки превышают в 2–3 раза затраты капиталистов Запада и Америки, если принять во внимание их налаженное хозяйство. Такое положение накладывает на рабочий класс, на профсоюзы и на хозяйственные учреждения очень тяжелые обязательства. Мы должны беречь каждую копейку как зеницу ока. Мы должны сделать колоссальный нажим по всему фронту и помнить, что старые методы работы уже не годятся. Они не только плохи, но иногда страшно вредны. Эти методы приводили к работе формального порядка. В нашей работе до последнего времени количество превалировало над качеством, качеством наша работа очень мизерна. По обязанности своей работы я должен был ездить по заграницам, и я был долгое время оторван от районов, но за последнее время мне удалось кое-где побывать, присмотреться и прислушаться к тому, что говорят рабочие. Я не хочу скрыть, что у меня создалось впечатление о том, что наша работа формального порядка, что мы от рабочих несколько отошли. Я в свое время уже говорил, что можно жить с рабочими бок о бок в казарме и в то же время находиться от рабочего на расстоянии пушечного выстрела, не видеть его. Это происходит от того, что мы перегружены, от того, что зачастую мы делаем чужую работу, а больше всего это происходит от того, что мы не продумываем нашей работы, рассчитывая на русское «авось». Вот немцы, они подумают 99 раз, а уж на сотый раз берут и отрежут, а мы как более «талантливый» народ, с большей фантазией, говорим так: «нечего копаться, взял и сделал, а там сама работа покажет».

Косиор. Хорошо говорил, Семен.

Шварц. В отношении специалистов заметили трещинку в 26–27 году, когда мы перешли на социалистическую рационализацию, а она ведь отличается от капиталистической, не так ли? Здесь пошел нажим вовсю, здесь-то мы усмотрели, когда спецы начали расправляться по-хозяйски. Теперь о наших специалистах.

«При разрешении тех задач, которые стоят перед ними, колоссальное обязательство ложится на технический персонал. Через них и с ними мы проводим наши мероприятия по реконструкции промышленности. Партия, советская власть и профсоюзы делают все, чтобы создать для них соответствующие условия работы, да и сами техники тоже о себе не забывают». Но нужно сказать здесь, на пленуме, что ИТС никогда не поставили вопрос, как работают инженеры не в смысле добросовестности, а в смысле обращения с рабочими, а этот вопрос нужно поставить. «Есть нездоровые и недопустимые факты, председатель ИТС Украины должен был сам признать, что по-

ведение инженеров бывает иногда таково, что рабочий должен ответить тем, что есть у него под рукой, а мы в обыденной жизни, разве мы в спорах не испытываем иногда желания ответить не словом, а пятерней? Такое отношение надо изменить решительно и бесповоротно».

Г о л о с а. Брось читать. Очень хорошо говорил.

Шварц. Из этих отдельных выдержек я утверждаю, что у нас основная установка была правильна.

Г о л о с. На словах была правильна. (С м е х.)

Шварц. А вот как проводится на месте. Алексей Иванович что сказал нам? Предложения профессиональных и партийных организаций принимаются к сведению, а хозяйственников – к исполнению. А кто виноват в этом?

Косиор. Ну, кто виноват?

Шварц. Мы, партийная организация виновата. [Ну, товарищи, запишитесь и будете отвечать. Будте добры выслушать. Не нравится, но нужно выслушать до конца, иначе что же, я могу уйти. Если дали слово, прошу выслушать, а вы ответите отсюда и скажете, в чем я прав, в чем не прав.

Г о л о с. В бутылку полез.]

Шварц. Я утверждаю, что мы, партия виновата в этом, потому что партия – это закон, ячейка должна быть законом, ячейке принадлежит право вето, и я думаю, что если бы был так поставлен вопрос, а не иначе, если бы ячейки не были зависимы, хозяйственники не смели бы рассматривать себя как хозяина, а они так рассматривают, они так рассуждают: «на чьем возу сидишь, тому и песни пой». Они во многих случаях ставят себя в такое положение. Мы видим, как иногда маленький товарищ, вчера вступивший в партию, рассматривает себя как хозяин. Вот здесь искривление линии. А как говорит Рыков? Мы, говорит, к сведению принимаем. Вот это-то и плохо. На пленуме, когда обсуждался вопрос о партбюджете, я выступал, что нужно поставить организацию в такие условия, чтобы была она свободна, независима от хозяйствующих организаций. Я тогда выступал? Выступал. А как на деле есть? На деле наши партийные организации на откупе у хозорганизаций. Здесь получается разложение умов, и местами мы начинаем скатываться.

Сам тов. Ярославский указывал вам и все констатируют, что партийная организация меньше разговаривает, наш низовой актив зажат, беспартийные больше разговаривают, потому что в случае чего его к ногтю берут. Вот как получается. А разве допустимы такие условия, таким образом эти красивые разговорчики разве не прокламация на просчет?* К чему сводятся мои рассуждения, рассуждения старого партийца, председателя ЦК Союза горнорабочих? Все наши циркуляры и указания Украинского комитета, к чему они сводятся, когда мы в течение лет не можем снять какого-нибудь нашего ячеечника, забулдыгу, пьяницу? Например, в Енакиевском рудкоме сидит пьяница, забулдыга, и мы не можем его снять годами, потому что партийная организация не дает (с м е х). Спросите тов. Терехова, секретаря нового окружкома, когда он попал в эту артемовщину[90], партком Енакиевский дважды постановил не снимать Рыбальченко. Их нужно было вызвать в окружком и сказать, что, если вы не дадите горнякам провести эти мероприятия, мы вас самих разгоним. Правильно ли я здесь сказал, Терехов? Правильно. Вот какое положение, потому что эти Рыбальченко, Чаплыгины, которые позволяют хозяйственникам объявлять у нас февральскую революцию, нужны для угольничка, потому что попивают горькую, собирают мзду с хозяйственников и вместе пьют и гуляют, поэтому возможны эти вещи.

* Так в тексте (ред.).

Говорят, что мы плохо отстаивали интересы рабочих, никудышно отстаивали. Так вот документик, я его сдам Алексею Ивановичу на правах шифровки, а вам прочитаю: «О коллективных договорах по ВСГ, ВСРМ», докладчик тов. Радченко – председатель губпрофсовета, на Донецком губкоме.

Постановили: «1. Признать, что размеры зарплаты ВСГ и ВСРМ в Донбассе должны быть установлены в Москве сообразно учету ресурсов Донугля и Югостали и финансовых перспектив СССР; что при установлении этих размеров основное требование – выполнимость коллективного договора и достижение своевременной выплаты».

Сухомлин. Это в каком году?

Шварц. В 23.

Сухомлин. Ну и что же, тогда не было возможности своевременно выдавать зарплату.

Шварц. Я тебя слушал – ты меня слушай. О чем я говорю. Я говорю о системе, надо же думать немножечко (с м е х).

«2. Признать, что нет оснований отказываться от установившейся практики 8-часового рабочего дня на подземных работах, что 8-часовой рабочий день на подземных работах должен быть зафиксирован в новом коллективном договоре по Донуглю и Югостали».

Вы вслушайтесь хорошенечко в мотивировочку.

Сталин. В каком году?

Шварц. В 23 году. И третье, – вот здесь уже перл, чисто капиталистический жаргон, жаргон Тит Титычей.

Орджоникидзе. А кто пишет?

Шварц. Донецкий губком партии по докладу Радченко.

«3. Признать, что отпали условия, требовавшие введения 30% надбавки для забойщиков, ввиду усиленного притока рабочих в Донбасс, вызываемого экономической конъюнктурой крестьянского хозяйства».

Ну что, нравится?

Орджоникидзе. А ты что сделал на это?

Шварц. Это на правах шифровки. Мы этого не приняли.

Рыков. Это было в 23 году.

Шварц. Суть дела от этого не меняется, хоть в 21 году, хоть в 18 году (ш у м) – суть дела от этого не меняется абсолютно.

Г о л о с а. Меняется.

Шварц. Нет, не меняется. Я не согласен. Тут **система**, голубчики-хозяйственники, система. У вас на поводу находится партийная организация, и, видите, председатель союзной организации делает доклад, что нам не следует прибавить, а если прибавить – по ресурсам СССР. Это раз. Дальше, что следует ввести 8-часовой рабочий день ввиду того, что есть приток рабочих масс, и снять эти 30% на вредность. Ведь мы только теперь открыли Америку, на 11 году, что мы живем в каторжных условиях. Я очень жалею, что товарищи не со мной поехали в Донбасс, я бы их протаскал по нашим ходкам, я бы на брюхе сам бы пополз и показал бы, что такое работа горняков.

Косиор. Ты демагогию не разводи, а по существу говори.

Шварц. Я по существу и говорю. Вот таково положение вещей. При той системе, которая у нас существует, когда мы не создали условий, при которых низовая организация, профессиональная и хозяйственная, могут придти и изложить обстоятельства дела и получить окончательное решение, твердое, независимое, – при этих условиях невозможно работать. Вы видите, здесь Алексей Иванович говорил, что насчет нашей

работы под землей они не знали, что у нас это бывает, что работают и больше 6 часов, а насчет работы чистых 6 часов вопрос был решен еще в 22 году в Донбассе, когда пришел Чубарь хозяйничать и когда приехал Смилга.

Чубарь. Не хозяйничать, а хозяйствовать.

Шварц. Ну, хозяйствовать. Я сам туда выехал. Вопрос стоял прямо: будете работать чистых 6 часов и получите прибавку. И мы должны были согласиться, что будем работать 6 часов чистых под землей. И если вы теперь возьмете на проверку, сколько мы работаем, то мы и работаем чистых 6 часов в среднем, а при наших условиях, если забойщик работает в артели, то вы думаете, что он может бросить работу. Да ведь следующая смена придет за ним! Ведь следующему забойщику рубать надо! Ведь надо же с этим считаться. Смотрите, вот я забойщик, я проработал 6 часов, я нарубил уголь. Кто-то должен его оттащить. Ведь если не будет утащен уголь, как же будет работать следующая смена? Тогда надо создать другие условия. Мы, несмотря на это, 1 февраля...

Рыков. Какого года?

Шварц. Вот теперь, 1 февраля 28 года, до шахтинского дела, мы уже ставим поиному вопрос. Когда мы начинаем механизировать, мы вам дадим протоколы, и вы увидите, с какой обстоятельностью, с каким соответствием мы подходим к этому вопросу.

Уже в настоящее время необходимо, как правило, вести подсчеты и выработки материалов, исходя из желательности перевода на 7-часовой рабочий день всех поверхностных рабочих и на 6-часовой всех подземных рабочих. Но мы как это делаем? Вы здесь увидите обстоятельнейшую мотивировку. Это лишь простой протокол. Вот раз, два, три, дальше указание, как это предлагаем выделить: в Донбассе две шахты, в Кизиле одну шахту, в Кузбасстресте одну шахту, в Баку один промысел, в Грозном один завод из вновь построенных; предложить ВУКСу, Севкавкрайкому наметить предприятия и договориться с соответствующими хозяйственными органами, после чего внести это предложение через ВЦСПС на утверждение правительственной комиссии. У нас в горной промышленности, если бы мы действовали только так, запросто, если бы мы хотели себя выставить с лучшей стороны, чем мы, мол, здесь страдаем, душа долой из хозяйственника, чем больше будем требовать, тем ты всегда будешь на самом лучшем счету. Так разве это можно делать? Это было бы безответственной политикой. Неправильно, неверно.

Как мы подходили к построению нашей промышленности? Вот это основной вопрос. Ведь мы, горняки, с первого же дня заострили этот вопрос, вопрос организации нашей промышленности, и я думаю, что здесь Чубарь вам скажет и подтвердит, что, когда я был еще хозяйственником...

Чубарь. Если полчаса дадут – скажу.

Шварц. Когда я был еще хозяйственником в Донбассе, или готовился вернее, то я выступал против головки специалистов Главугля и цекапистов[91] Донбасса, потому что я хорошо знал, что они носили погоны. А откуда эта головка исходит? Это бывшие хозяева и директора крупных фирм. И когда мне не удалось ничего добиться перед цекапистами, которых возглавлял тогда Ксандров, – я фактически почти посторонний человек, потому что я имел мандат только от горсовета, фактически прямого дела не имел к цекапистам, – я перенес это дело к Чубарю. И хотя я, как и некоторые товарищи, не очень люблю всяких архивариусов, но я, к счастью, сохранил бумажечку, инструкцию рабочих управлений национализированных предприятий о правах и обязанностях управлений. И нужно сказать, что благодаря только Чубарю я вырвал у них 8-й пункт, а 8-й пункт гласит: не реже одного раза в месяц рабочие управления на пред-

приятиях созывают совещания с рудничным управлением, уполномоченным профсоюза, гортруда, технического персонала по наиболее важнейшим техническим и экономическим вопросам, касающимся предприятия. Это уже было в 1920 г. Нами был поставлен вопрос. В случае если совещание выскажет какое-либо определенное пожелание, то рудоуправление может его выполнить, если это выполнение лежит в пределах предоставленных ему нрав. А в противном случае рудоуправление передает эти пожелания вместе со своим заключением цекапистам. Мы уже тогда ставили вопрос, и вы знаете, что никто как мы, наш союз ставил вопрос об организации горной промышленности в 1922 г., даже в 1921 г. мы ставили вопрос и написали брошюру – «необходима перемена на угольном фронте, необходима реорганизация»*. Чубарь был поставлен к нам после знаменитого хозяйничанья Пятакова. Основное указание, требование, которое исходило из союза, это то, что необходимо построить Донуголь так, чтобы это было правление, а не управление. А управление переместить на низовую организацию. Это было поставлено в 21 году, и требовали поставить низовую ячейку рудоуправления на законченную отчетность. И так, из года в год, мы добились лучшего хозяйничанья, но не полного. Мы – как союз, с 22 года начиная, стали настаивать уничтожить ГУТ. В 24 г. Центральный Комитет разогнал ГУТ по нашим настояниям, и мы тогда могли отделаться от капиталистической головки. Мы вместе с ГУТом в сорный ящик свалили Рабиновича, Феодоровича, Рамзина к черту. А теперь они сидят в Госплане, а мы у себя добились, что поставили члена президиума ЦК горнорабочих, и только тогда мы имели возможность фактически влиять на это положение.

Скрыпник. Это все было когда-то, говори о последнем времени.

Шварц. Вы о последнем будете говорить. Вы сидите в Харькове, в Донбассе... (ш у м). Ведь он выступает в качестве прокурора и требует от меня объяснений.

Г о л о с. Он – наркомпрос.

Шварц. Пожалуйста, выступай, если тебе нужно. Я говорю о нашей обстановке работы до последних дней в смысле организации горной промышленности. И вот теперь на опыте ясно, что нужно реорганизовать, нельзя в верхах оставлять узелки, где спецы могли бы командовать. Мы здесь расчистили спецуру, кое-кого выгнали и поставили во главе горного дела Назимова. Он не горный инженер – он технолог, и через ЦБ ВТС** на нас был колоссальный нажим: как же так, у меня спрашивают, – нами, горными инженерами, угольной промышленностью, будет ведать технолог? На что это похоже? А мы им ответили: мы не хотим, чтобы здесь были узелки, потому что рыба воняет с головы. Если здесь капиталисты и директора бывшие, заинтересованные, будут сидеть, они будут направлять политику так, как они этого хотят. (З в о н о к п р е д с е д а т е л я.). Я сейчас закончу.

Вот, товарищи, по этой линии, по линии организации горной промышленности, мы все время говорили, теперь надеемся, что чего-нибудь добьемся.

Теперь последнее в отношении рабочих, заработной платы и т. д. и т. д. Я должен сказать, что если вы возьмете Кодекс законов о труде, то вы увидите, что и в отношении 6-часового рабочего дня мы имеем больше, чем по Кодексу; в отношении отпусков мы имеем больше, чем по Кодексу; в отношении прозодежды – больше, чем по Кодексу. Так. Но вы должны еще последнее помнить, я этим и закончу, помните хорошенько: мы все время получали зарплату от Янсона. Слезы получали, мы не были поставлены с глазу на глаз с хозяйственниками и не могли вести с ними борьбу. Мы получали от Янсона заработную плату, и я напомню Алексею, что в 25–26 г., когда

* Так в тексте (ред.).

** Так в тексте. Вероятно, речь идет о ЦБ ИТС (ред.).

нам дали прибавочку на 9 месяцев, а потом тов. Дзержинский при проработке Кравалей и сотни их инженеров вызвал нас в Политбюро и сказал: «Это заработная плата не на 9 месяцев, а на 12 месяцев»[92]. А когда я заявил, что я протестую, то Алексей мне сказал как председатель: ты забываешь, что ты в Политбюро. А я, как вы думаете, что я мог ему ответить? А я ему в душе ответил. Так и так, и обложил его (о б щ и й с м е х), показал ему кукиш в кармане.

Председатель. Слово имеет тов. Ошвинцев.

Ошвинцев. Шахтинские события всколыхнули всю периферию промышленных работников и выявили целый ряд недостатков в нашем хозяйстве. В ряде районов, округов и областей нашего Союза существует засилье хозяйственников, и нет влияния совласти на рабочих на местах. Здесь надо определенно отметить, что работники промышленности, работающие в тех или других районах, больше имеют практического багажа и, если можно так выразиться, культурнее работников советских органов на местах, и поэтому они могут производить давление чисто субъективного порядка. Здесь, очевидно, надо подумать о составе наших местных советских организаций, о возглавлении их работниками с большим практическим и культурным багажом, нужно уравновесить в этом отношении между ними влияние. Еще одно обстоятельство, которое следует также отметить, – это ближе продвигать работников наших местных хозяйственных организаций в советскую систему, чтобы тем самым включить в непосредственную работу (член совета, член президиума) директоров и работников, работающих на заводах и т. д.

В отношении специалистов, работа, которая проделана в последнее время, как она отразилась в связи с шахтинскими событиями? Можно отметить, что специалисты сейчас пошли под бумагу. В большинстве случаев, прежде чем приступить к какому-либо мероприятию, они предъявляют при каждом случае оправдательные документы. Каждый поступок, каждую справку он старается обеспечить, чтобы, если его в свое время притянут за недостатки, имеющиеся в его работе, он мог бы этой бумажкой оправдаться. Это создает ненормальное положение в работе за последние месяцы. Мы видим, что кривая бюрократизма от этой бумаги пошла в аппаратах кверху. С этим придется нам самым решительным образом бороться. Но эту борьбу надо обставить так, чтобы ошибки специалистов, которые они в процессе работы производят, не считать за чистую контрреволюцию и нарушение хозяйственной системы. В противном случае прогресс техники строительства промышленности будет тормозиться. Так это надо расценивать и не принимать этого так, как тов. Жданов здесь указывал, что, если не убран снег в пожарной, то это контрреволюция, берут в разбор хозяйственника или соответствующего специалиста, который ведает этим делом. В этом отношении надо провести соответствующую грань.

Относительно инженеров, которые должны пополнять наши кадры. Мы имеем слишком маленький приток инженеров на окраины Союза. Может быть, в центре их достаточно, но у нас на Урале к нам поступают только отдельные единицы молодых инженеров. При этом молодые инженеры-коммунисты иногда действуют в такой форме, что они не хотят работать вместе с беспартийными специалистами; у меня был случай, когда молодой инженер, коммунист, работавший уже порядочное время, был назначен в аппарат, он явился туда и заявил беспартийному инженеру, что я работать здесь не хочу, потому что я буду вам мешать. Такое заявление, такое настроение среди наших коммунистов-инженеров, конечно, должно быть изжито и не должно иметь места в нашей практической работе.

Остановлюсь теперь на вопросе о необходимости пополнения кадров специалистов. Я считаю, что у нас, в наших ВУЗах, мало уделяется места подготовке инженеров-

строителей, т. е. тех инженеров, которые работают на наиболее ответственном в настоящее время участке, который требует и будет требовать в дальнейшем усиленного внимания. Я думаю, что наши ВУЗы должны обратить внимание на подготовку инженеров-строителей. Этому делу должно быть уделено большее внимание, чем это было до сих пор.

Относительно приказа № 33. Какое отражение нашел этот приказ у нас на Урале? Мы имели целый ряд конфликтов, когда вводили в жизнь этот приказ. Мы имели такие случаи, когда технический руководитель на основании этого приказа требовал тех прав, которые там изложены, требовал прав заместителя директора. В результате интересы технического руководителя скрещивались с интересами директора, получались конфликты, и в некоторых случаях дело доходило до того, что приходилось снимать директора или снимать технического руководителя. Это положение говорит о некоторых нездоровых моментах, которые имеются в этом приказе. Я думаю, чем скорее будет видоизменен этот приказ, тем лучше.

Коснусь наиболее отрицательного явления – работы ТНБ на заводах и в трестах. К сожалению, только вот сейчас шахтинские события заставили обратить внимание на это дело и констатировать, что у нас на этом участке работы в аппарате, на заводах и т. д. оказалось наибольшее количество людей с белогвардейским прошлым. Мы имеем здесь такое положение, что иногда аппарат, который соприкасается с рабочей политикой, с работой по вопросам труда и т. д., был недостаточно сорганизован, недостаточно укомплектован нужными работниками, которые могли бы правильно проводить политику тарифно-нормировочной работы. Нужно отметить, что в настоящее время на этот недостаток обращено внимание и мы начинаем его изживать.

Останавливаясь на вопросе о работе хозяйственников, я должен сказать, что в дальнейшем в работе хозяйственника мы должны считаться с его колоссальной перегруженностью. Здесь уже т. Сухомлин отметил целый ряд моментов, говорящих об исключительной перегруженности хозяйственников. Я подтверждаю, что это так. Действительно, положение здесь таково, что директор завода имеет возможность располагать 40, максимум 50% своего времени для производственной работы.

Остальное время он употребляет на разъезды в трест с соответствующими докладами, что является необходимым, на разъезды с докладами на конференциях, пленумах, на бюро партийных, профессиональных и других организаций. Эти доклады в настоящее время тоже являются необходимыми. Далее, хозяйственник должен выступать с докладами на производственных совещаниях. Если подсчитать все количество времени, которое уходит у хозяйственника на работу всяких докладов, то мы должны констатировать, что для производственной работы у хозяйственника остается совсем не так уж много времени. Мне кажется, что надо установить определенную систему, при которой известное количество времени уделялось бы хозяйственником на подобного рода работу без ущерба для его основной работы, для работы на производстве. Наши условия требуют, чтобы хозяйственники делали информационные доклады перед широкими массами рабочих. Это мы практикуем. Сейчас выдвигается положение, справедливое положение, о необходимости укрепить советскую власть на месте в деле руководства и контроля над предприятиями. Таким образом, появляется новый участок, где директор также должен будет отчитываться и где он также должен будет терять свое время. Нужно установить определенную систему, которая дала бы возможность директору управлять производством. Мы совершенно не отрицаем контроля, наоборот, мы признаем его и считаем, что он должен быть, но целесообразный контроль, а не такой, который проводится сейчас и не дает никаких практических предложений.

Еще вопрос, относительно упрощения управления, которое должно сказаться в продуктивности нашей работы. Тов. Косиор также указал на это дело. Нам необходимо, чтобы директор знал в начале года, чем он располагает, какую работу он должен вести и по какому плану он должен работать. Мы этого ему предоставить не можем благодаря системе управления промышленности, которая у нас сейчас есть. Если мы не упростим эту систему, если не установим соответствующих форм, которые давали бы возможность директору иметь своевременно утвержденный план, мы поставим в затруднительное положение директоров и хозяйственников на местах в отношении отчета и контроля рабочих масс и в отношении отчета перед нашими организациями.

Теперь вопрос относительно производственных совещаний. Я считаю, что производственные совещания, которые играют колоссальную роль в нашем хозяйстве, они не в достаточной степени используются, и нам необходимо сейчас углубить эту работу.

Производственные совещания имеют недостатки такого характера, что на них выносятся вопросы расценок лаптей, прозодежды и целый ряд таких вопросов, которые разрешаются параллельно в других институтах и в других учреждениях, и производственные совещания превращаются в митинги по этим вопросам. Те вопросы, производственные вопросы, которые должны занимать основное место производственных совещаний, – они или откладываются, или недостаточное место занимают. В этой части нам необходимо руководство производственными совещаниями организовать, упорядочить.

И последний вопрос – относительно выдвижения рабочих на хозяйственную работу. Я, конечно, не мыслю так, что рабочий не только от станка, но рабочий, имеющий профессиональный стаж, т. е. из завкома или профессионального райкома, проработавши там год или два, не может быть послан на производственную работу. Мы сталкивались с фактом, когда поднимается вопрос о пополнении кадра хозяйственников со стороны профессионалистов. Они задают вопрос: как же мы пойдем на хозяйственную работу, что же, мы уж негодны разве на профессиональную работу? Они считают если не позором, то кровной обидой идти на хозяйственную работу.

Мельничанский. Бывает и наоборот.

Ошвинцев. Но тов. Розенталь – председатель Уралпрофсовета ставил так вопрос, что обидятся товарищи, которых предлагали выдвинуть на хозяйственную работу. По-моему, следует отметить, что выдвижение рабочих и работников профессиональных организаций должно иметь место в смысле пополнения промышленного кадра. Мы имеем целый ряд передвижек наших хозяйственников по периферии и нашу Промакадемию, которая берет у нас кадр работников и в течение двух лет обратного пополнения кадров сделать еще не сможет. Поэтому надо сейчас работников профессиональных организаций включить в систему пополнения кадра мастеров, завцехами, директоров и управляющих трестами нашей промышленности наряду с рабочими от станка, предварительно подготовляя.

Председатель. Слово имеет тов. Андреев. Андреев, ты в 10 мин. сможешь уложиться?

Андреев. Нет, никак не могу, у нас же эта самая контрреволюция произошла.

Г о л о с а. Продлить! Продлить!

Председатель. Тогда продлим.

Андреев. Так как это дело произошло на территории нашего Северного Кавказа...

Косиор. Не произошло, а началось.

Андреев. Я должен был бы свое выступление использовать для того, чтобы дать вам подробную характеристику состояния организации, условий, при которых эта червоточина продолжалась в производстве угля в течение шести лет. Но мне кажется,

что нового к тому, что уже в материалах, разосланных ЦК и в записке тов. Томского и тов. Ярославского, и что нами уже дано в характеристике состояния шахтинской организации и кадров в постановлении Северо-Кавказского комитета, я думаю, что нового прибавить ко всему этому особенно нечего[93]. Задача будет заключаться в том, чтобы продолжать настойчивую работу по улучшению организации Донбасса, по дальнейшему ее изучению. Я думаю, больше того, поскольку мне пришлось знакомиться с материалами допроса этих самых арестованных специалистов, я считаю, что это настолько богатый и интересный материал для того, чтобы использовать его на опыте работы наших хозяйственников, профессионалистов и в партийном руководстве, что не мешало бы специальное принять решение о том, чтобы издать этот материал, наиболее ценные места из этих допросов специалистов, наиболее ценные характеристики фактического состояния наших организаций в течение периода вредительства и т. д., и каждого нашего кадровика-партийца, профсоюзника и хозяйственника заставить прямо изучать этот материал – это лучше всяких обобщающих выводов и общих решений.

Поскольку мы перешли теперь к тому, что от конкретного шахтинского дела шагнули к наметке общих политических и практических выводов, я и хотел на основе изучения этого материала и состояния организации тоже сделать несколько выводов.

Я думаю, что шахтинское дело представляет для нас двусторонний интерес. С одной стороны, это шахтинское дело дает для нас тот показатель, что мы узнали, что в течение шести лет у нас, на территории СССР и на территории не плохих организаций, а рабочих организаций, могли работать наши враги в глубоком нашем тылу, в хозяйственном тылу, в течение шести лет могла продолжаться работа наших врагов, которых оплачивали иностранные капиталисты за их работу.

Г о л о с. Да и мы неплохо оплачивали.

Андреев. Так они получали двойной оклад.

Г о л о с. И премию.

Андреев. Это, мне кажется, представляет для нас весьма серьезный интерес для всяких выводов. Теперь мы обязаны более внимательно прощупать все наши командные, по крайней мере хозяйственные, высоты. Шахтинское дело обязывает нас к тому, чтобы обратить серьезное внимание хотя бы на такие командные высоты, как все топливо. Следующая проверка, мне кажется, после угля должна быть – нефть, потому что, судя по материалам, которые приходят из заграницы, наиболее активно работающей секцией торгово-промышленного союза эмигрантов в Париже является нефтяная секция бывших промышленников. Проверку надо будет учинить самую тщательную в этом отношении. Мы должны внимательно просмотреть такую отрасль работы, как транспорт. Я не сомневаюсь, что кое-что там враждебная рука у нас делает. Это мы по Северному Кавказу уже открыли на работе одной из ж. д. мастерских – Тихорецкой, где открыли прямо шпионаж и вредительство, проводимое в течение целого ряда лет техническим персоналом и т. д.

Нам придется проверить металл и особенно придется проверить военную промышленность. Я думаю, что шахтинское дело прямо подводит нас к необходимости этой самой внимательной проверки, к большей бдительности в этом отношении. Некоторая притупленность сознания у наших кадров руководящих работников существует, и недооценка всех опасностей, вытекающих из того, что мы до сих пор находимся в окружении врагов. У наших врагов есть огромное количество возможностей залезать к нам в глубокий тыл и продолжать с нами борьбу, только иными средствами, что доказывает шахтинское дело, вот это сознание притупленности есть у кадра наших руководящих работников, сознание некоторой беспечности, сознание, что теперь социалисти-

ческое строительство пойдет у нас самотеком, что теперь уже преодолены все главные трудности, словом, гром победы раздавайся, этакое настроение у наших работников есть. Оно вредно. С ним надо бороться. В самом деле, разве тому же самому Детердингу или другим группам капиталистов очень много стоит бросить несколько сот тысяч рублей для того, чтобы напортить нам в хозяйстве на несколько сот миллионов рублей и уменьшить наши успехи? Разве это им что-нибудь стоит? На это они идут и будут идти дальше, а у нас есть еще такие проводники их планов, которые они могут использовать в лице целого ряда буржуазных спецов, которые не срослись еще с советской властью. Значит, с одной стороны, находясь в буржуазном окружении, мы имеем громадные возможности для заграничных капиталистов вредить нам в нашем хозяйственном строительстве, с другой стороны – мы имеем у себя такие условия, при которых они это могут осуществлять через часть наших специалистов, буржуазных специалистов, используя нашу собственную беспечность. Вот, мне кажется, первый вывод, и относится он к тому, что необходимо усилить бдительную проверку хотя бы наших командных хозяйственных высот: топливо, транспорт, металл, военную промышленность и т. п.

Я думаю, что в связи с шахтинским делом у нас могут быть два крайних настроения: одно настроение – слишком большая подозрительность, во всем видеть контрреволюцию, ко всему подходить с точки зрения вредительской работы специалистов. С другой стороны, может быть и такое настроение у части наших хозяйственников, которое отчасти сказалось на пленуме нашего краевого комитета, что Шахты – это Шахты, там контрреволюция, а у нас этого не может быть, у нас совсем другие специалисты и т. д. Вот эти два крайних настроения могут быть у части работников в связи с шахтинским делом. Такие настроения вредны.

Для нас абсолютно обязателен вывод в том отношении, что мы должны больше внимания уделить работе ГПУ, усилить ГПУ кадрами, и особенно в той части, которая работает по проверке наших командных высот в области экономики, и нам нужно иметь больше доверия к работе ГПУ и поддержки. Может быть, ГПУ будет иногда ошибаться в этом отношении, но пускай оно иногда ошибается, но пусть больше работает.

Теперь вывод, относящийся к нашим собственным порокам, к порокам нашего руководства, к порокам системы нашей работы. Я думаю, что первый и основной порок относится к недостаточно хорошему партийному руководству нашими партийными организациями хозяйством, в результате чего мы имели прорыв в хлебозаготовках и в результате чего мы имеем прорыв в области промышленности в лице шахтинского дела. Это есть результат недостаточно умелого, гибкого и правильного руководства нашими партийными организациями, нашей партией хозяйством и промышленностью. Отсюда мы должны сделать вывод об усилении и улучшении нашего партийного руководства.

Но я больше хотел остановиться на других вопросах, на вопросах относительно кадра наших хозяйственников. Я думаю, товарищи, является доказанным фактом то, что мы теперь имеем, наверное, не одну тысячу наших хозяйственников, которые являются действительно нашими.

Коммунисты и выходцы из рабочего класса теперь стоят почти во главе каждого предприятия, а специалисты являются их помощниками. Но если задать себе вопрос чистосердечно, обеспечивают ли полностью эти тысячи наших хозяйственников-коммунистов проведение той партийной линии, которую партия хочет осуществить в индустриализации и т. д., то я думаю, что нет. Шахтинское дело доказывает, что мы обеспечены в этом отношении иногда лишь формально, имеем как будто хорошее по-

ложение, всюду во главе стоят хозяйственники-коммунисты и т. д., – но это только формальная сторона. Если сравнить две вещи: как складывался командный состав Красной Армии и как складывался командный состав промышленности, то мы неизмеримо меньше имеем успехов в области командного состава промышленности, чем в армии. А между тем в области промышленности, в области комплектования командных кадров промышленности мы имеем больше преимуществ, чем в Красной Армии...

Бубнов. Но и больше трудностей.

Андреев. В том отношении, что там мы имеем выдвиженцев, имеем больше возможностей проводить нормально работу и т. д. Но мы в отношении промышленности, по-видимому, идем неправильным путем. Вместо того чтобы создавать кадры специалистов-руководителей, мы идем путем создания общественников-хозяйственников, а отсюда и получается величайший вред: мы обращаем внимание только на сторону хозяйственника как общественника, а не как специалиста. В Красной Армии мы имеем то преимущество, что там кадры своих руководящих командиров воспитывают как специалистов и под этим углом готовят командный состав.

Г о л о с. И как общественников.

Андреев. И как общественников, конечно. Тут должна быть абсолютная увязка и общественника, и специалиста. В армии мы имеем эту увязку, а в промышленности мы имеем превалирование общественности над специальностью. Наше зло заключается в том, что мы имеем коммуниста-хозяйственника не как специалиста своего дела, а как универсального общественного работника.

Мы должны задать вопрос. Тут много хозяйственников. Можно ли с полным правом сказать о том, что хозяйственная оперативная работа для хозяйственника-коммуниста является основной работой? Нет. Я думаю, что на это мы должны ответить, что зачастую основная работа – оперативная хозяйственная – идет между прочим, а вся работа хозяйственника-коммуниста проходит вне пределов предприятия, на согласованиях, на заседаниях, на суете, а на непосредственную оперативную работу остается пустяк времени. Они не могут проверить, проанализировать то, за что они должны непосредственно, в первую голову нести ответственность. Лучше всего на этот вопрос отвечают эти самые контрреволюционные специалисты, арестованные по шахтинскому делу. Вот что они говорят. Позвольте привести несколько выдержек из их допроса. Они очень интересны. Вот что говорит специалист Самойлов:

«Коснусь вопроса – почему управляющий перекладывал работу на главного инженера. Главным образом потому, что он не имел свободного времени заниматься непосредственно деталями того дела, на которое был посажен. Я наблюдал, что управляющий сплошь и рядом не имеет совершенно свободного времени, – сегодня он идет на заседание, завтра тоже, а иногда по два раза в день и до глубокой ночи. Меня удивляло, что при такой перегруженности нужно уделять внимание производству, чего нельзя сделать, не имея времени. У меня на Щербиновке такие факты в последнее время наблюдались. Только короткое время управляющий посвящал на информацию – этого было достаточно только для того, чтобы он мог немного не отставать от хода работы, но это совершенно не давало возможности заниматься анализами постольку, поскольку он их мог усвоить, не будучи специально подготовлен к этому».

Вот второй специалист, Березовский: отсутствие углубленности в анализах главным образом объясняется загруженностью в работе, не имеющей прямого отношения к производству, и слабой подготовленностью как к технической учетной, так и коммерческой работе управляющего, вследствие чего последний был лишен возможности относиться достаточно критически к работе и деятельности технического персона-

ла и неизбежно попадал под влияние последнего, что в свою очередь вызвало неизбежность невольного срастания с техническим персоналом и позволяло последнему проводить свою политику взаимного укрывательства и защиты во что бы то ни стало.

Общение с техническим персоналом, столь важное и необходимое для успешности работы производства, имело и частный семейный характер, что несомненно оставляло свой след на служебных отношениях управляющих и препятствовало последним иногда предъявлять достаточно категорические требования.

Третий специалист говорит примерно то же самое.

Вот это есть наш самый главный порок. Мы требуем от хозяйственников ответственности. Доказано, что у нас хозяйственник-коммунист нередко теряет критическое чутье к работе буржуазного специалиста, что он часто вслепую защищает все то, что ему специалист предлагает и т. д. Почему? Потому, что он не имеет возможности проверить то, что ему предлагается, поэтому он вслепую защищает это. Как наш хозяйственник в данном случае выхолащивается? С одной стороны, специалист подсовывает ему всякие мелочи, общие цифры, а с другой стороны, мы хозяйственника выхолащиваем тем, что таскаем его по заседаниям с бесконечными отчетами и т. д. Что получается? Получается нуль, вместо того чтобы он мог руководить и отвечать за свое дело.

Ворошилов. Получается двойное выхолащивание.

Андреев. Вот в чем наш главный порок. Мы имеем тысячи из пролетариев-хозяйственников во главе наших предприятий, но мы не можем быть твердо убеждены, что они являются действительными руководителями, к сожалению, не можем этого сказать, потому что система работы у нас никудышная, плохая. На это шахтинское дело целиком и полностью дает ответ.

Мне кажется, что для того, чтобы нам это положение в корне улучшить, для того, чтобы нам со стороны наших хозяйственников обеспечить критическое чутье по отношению к специалисту, чтобы он, хозяйственник, вслепую не подписывал, не защищал все то, что ему подсовывают, чтобы, с другой стороны, добиться действительной ответственности за порученное дело, – партия обязана решительно изменить систему работы хозяйственников, партия обязана добиться таких условий для нашего хозяйственника, при которых он мог бы быть ответственным за порученное дело.

Г о л о с а. Правильно!

Андреев. Это абсолютно для нас необходимая вещь. Как это сделать? Мы должны, с одной стороны, обеспечить такие условия, при которых хозяйственик-коммунист мог бы учиться, не так, как учились в Донбассе, не так, как учились в Шахтинском округе, когда два коммуниста, кажется по распоряжению Донугля, заведовали рудоуправлениями и в то же самое время учились в Новочеркасске в институте[94] и т. д. Такая учеба не годится, не о такой учебе речь идет, а о работе над собой, проверяя работу специалиста. Можно ли совместить учебу и работу? Можно совместить.

Г о л о с а. Нет.

Андреев. А если нельзя целиком совместить учебу и работу, то надо добиться того, чтобы хозяйственник лучше был бы снят с руководящей работы, послан, переучен и тогда вновь возвращен на работу.

Г о л о с а. Правильно!

Андреев. Мы должны ввести переподготовку для хозяйственников, а с другой стороны, мы должны добиться того, чтобы хозяйственник был максимально разгружен от заседательской суетни. Тут надо сделать целый переворот в сознании нашего партийного руководства для того, чтобы хозяйственную работу считать партийной работой...

Чубарь. Это не только для хозяйственников.

Г о л о с а. Правильно!

Андреев. А не исходить из этого: раз он занимается в основном хозяйственной работой, значит, он оторвался от партии и т. д. А у нас такой подход есть: если не посетил ячейки, не посетил какого-то заседания, значит оторвался от партийной работы.

Г о л о с а. Правильно!

Андреев. Это надо нам изжить.

Сталин. Правильно, изжить надо.

Андреев. Это в отношении кадров хозяйственников.

Теперь я хотел бы остановиться еще на двух вопросах.

Ворошилов. Андрюша, нужно наметку дать какую-нибудь, а то одни слова, нужно предложить что-нибудь конкретное.

Андреев. Я думаю, тов. Ворошилов, что за этой наметкой дело не станет, если мы действительно поймем эту самую необходимость. Если вы хотите меня заставить делать вам наметку практическую...

Ворошилов. Нет, конечно, Ты произнес очень хорошую речь, и этого достаточно.

Андреев. Позвольте остановиться на подготовке молодых специалистов. Я хотел на двух вопросах остановиться – на вопросе о борьбе за нашего нового специалиста и на вопросе о профсоюзах.

По вопросу о борьбе за нашего специалиста – я думаю, что этому вопросу мы безобразно мало уделяли до сих пор внимания, а между тем он является решающим вопросом в деле овладевания руководством и организацией нашей промышленности. Решающее значение имеет этот вопрос, а мы уделяли ему безобразно мало внимания. Я в этом убедился на работе в одной из комиссий ЦК, в которой я участвовал по постановлению Оргбюро, – по проверке использования вновь выпускаемых специалистов[95].

Остановлюсь на трех стадиях. Возьмем подбор на наши ВУЗы. Обеспечивает ли он нам такие кадры, которые нам необходимы? Нет, подбор на ВУЗы идет стихийно, в этом не участвуют ни профсоюзы, ни партия, ни хозяйственные органы.

Артюхина. Номинально участвуют, фактически нет.

Андреев. Подбор ведут целиком и полностью наши учебные заведения.

Г о л о с а. Комиссии ведут подбор.

Андреев. Тов. Скрыпник, эти комиссии, которые ведут этот подбор, ведут его таким образом, что по-настоящему этот подбор не ставится. Они гонятся за чем? Чтобы как-нибудь социально выйти хорошо, чтобы с процентом рабочих и крестьян было благополучно, а что касается качественного и социального подбора, тут не всегда благополучно.

[Г о л о с. И насчет социального подбора не всегда благополучно.

Андреев. Это верно. Вот вам первый этап подготовки наших красных специалистов.] Второй этап – учеба. Я спрашиваю: наши организации промышленности участвуют в какой-нибудь степени в организации этой учебы? Не участвуют ни в какой степени. Я в этом имел возможность убедиться в работе комиссии. Не участвуют, критикуют, критику наводят насчет того, что не такого специалиста дают и т. д. А чтобы участвовать в этом деле, поправлять, давать программы – этого нет. А теперь хозяйственники подходят к этому вопросу с другой стороны и говорят: давайте нам ВУЗы.

Ворошилов. Это правильно.

Андреев. Это бюрократический подход. Вы, хозяйственники, не использовали всего того, что можно было использовать. А вы хотите решать вопрос бюрократическим порядком. Я убежден, что у вас дело будет обстоять не лучше, чем в Наркомпросе, потому что, товарищи Куйбышев и Косиор, у вас чрезвычайно много дела есть,

есть капитальное строительство, чертова уйма работы, с которой вы сейчас не так хорошо справляетесь, а тут вам еще Наркомпрос передают. Не нужно, с другой стороны, разрывать ВУЗы и школы II ступени[96]. Мне кажется, этого делать не нужно. Дело должно заключаться в том, чтобы хозяйственники использовали все те возможности, которые имеются в деле лучшей постановки учебы в системе нашего народного образования, в системе Наркомпроса. Но не идите вы путем бюрократического решения этого вопроса, путем пересадки ВУЗов.

И третий этап – ВУЗ наша молодежь кончает. Выходят молодые специалисты. Казалось бы, они должны расцениваться на вес золота, если они хорошо учились и т. д., а мне приходилось встречаться с возмутительными и безобразными фактами.

Конечно, не все оканчивают с хорошими успехами, а иные из окончивших кичатся и хотят сразу получить командную должность в промышленности, будучи непригодны к ней. Такие есть. Но теперь уже мы имеем очень много и хороших наших молодых специалистов, когда наши, хорошо окончившие ВУЗ, эти самые студенты, молодые инженеры ходят месяцами, обивают пороги, не могут нигде устроиться. Нигде их не принимают (ш у м).

Г о л о с. А где тут ВСНХ?

Андреев. Говорят насчет того, а где тут ВСНХ. Никакой системы использования этих студентов в ВСНХ нет и в трестах нет. Есть случайный приход этого студента и отказ этому студенту в работе. Имеются тысячи фактов и прямого издевательства над этим самым молодым инженером, обивание порогов и т. д. А между тем это золотой материал. Это золотой материал для того, чтобы вливать его в нашу промышленность.

Г о л о с а. А тут режим экономии.

Андреев. А тут тебе режим экономии. Я думаю, что дело немножко глубже обстоит. Тут дело заключается в том, что происходит борьба старых кадров-специалистов и новых. А наши хозяйственники слепо следуют за кадрами старых специалистов. Это, товарищи, есть классовая борьба старого слоя буржуазных специалистов против новых кадров пролетарской интеллигенции за монополию технического руководства в нашем социалистическом производстве. Вот в чем дело. А наши хозяйственники не понимают этого.

Косиор. Поддакивают старым специалистам.

Андреев. Мы должны теперь дело поставить таким образом: ударить против монополии старого слоя специалистов путем более внимательного отношения к молодым специалистам на всех стадиях, на стадии подбора, учебы и использования.

И последний вопрос – насчет профсоюзов. Я думаю, что шахтинское дело ставит перед нами со всей серьезностью вопрос о том, что надо от болтовни, от разговоров относительно усиления роли и участия профсоюзов в производстве перейти к делу. До сих пор были разговоры и болтовня. До сих пор были хорошие пожелания, а воз остается и ныне там. Профсоюзы, за исключением низовых звеньев, где кое-что делается в смысле производственных совещаний, по сути дела, не приблизились к производству. А мы должны, мне кажется, исходить из того, что мы не проведем рационализацию по-социалистически, не проведем капитального строительства по-социалистически, если не привлечем рабочих к участию в производстве через наши профсоюзы. Низшие звенья, повторяю, у нас делают кое-что, производственные совещания на мелочах работают и т. д., а что касается дальнейших звеньев профсоюзной цепочки, там ничего не делается, кроме разговоров и кроме бюрократической работы. Я потом скажу, виноваты ли в этом профсоюзы. Встает такой вопрос: мы тратим миллиард 200 миллионов на капитальное строительство, а я спрошу – профсоюзы участвуют в этом капитальном строительстве? Нет, не участвуют, особенно в строительстве новых

предприятий. В таком вопросе, как ввоз из-за границы импортного оборудования для того, чтобы его использовать в нашем строительстве, – профсоюзы участвуют? Нет, не участвуют. В плановой работе наших хозяйственных органов слабо участие профсоюзов. Мы должны в этом отношении сделать тот вывод, что мы как партия, несмотря на вынесенные решения, не обеспечили того, чтобы профсоюзы у нас ближе подошли к производству. Мы не обеспечили в своей работе того, чтобы профсоюзы ближе подвести к производству, а с другой стороны, и в профсоюзах на основании этого создается узкий кадр узких, ограниченных специалистов, которые, может быть, знают системы заработной платы, которые знают хорошо организационную работу, систему касс взаимопомощи, но которые считают побочной работой экономическую работу, которые совершенно не могут серьезно понять, что профсоюзы – это важнейший рычаг в пролетарском государстве по вовлечению масс в социалистическое строительство. Я думаю, что тов. Томский должен это целиком подтвердить.

А это получается от того, что до сих пор по отношению к профсоюзам и со стороны кадров наших хозяйственников, и со стороны нашего партийного руководства на местах существует пренебрежительное отношение: вы, профсоюзы, занимайтесь колдоговорами, а в хозяйственное строительство не суйте свой нос и не мешайте! Вот в чем дело.

Мне кажется, что шахтинское дело дает нам прекрасный образчик в этом отношении. Мы не проведем проверки нашей рационализации, капитального строительства и т. д., если не добьемся ближайших реальных успехов в том смысле, чтобы профсоюзы придвинуть теперь ближе к производству и через систему профсоюзов втянуть и рабочих в наше социалистическое строительство. Вот то, что я хотел сказать в связи с шахтинским делом.

Председатель. Товарищи, объявляю перерыв. Тов. Микоян просил объявить, что комиссия по хлебозаготовкам соберется сегодня в 10 час. 30 мин. вечера.

ЗАСЕДАНИЕ ПЯТОЕ

Вечер, 9 апреля

Председатель (Рыков). Слово имеет тов. Бубнов, следующий – тов. Куйбышев.

Бубнов. Значение шахтинского дела заключается не только в том, что контрреволюционные вредители сидели в Донбассе 6 лет, а в том, что они досидели до периода капитального строительства.

Целый ряд вопросов, которые мы сейчас обсуждаем в связи с шахтинским делом, столь остро ставится сейчас нами именно потому, что новое строительство требует более высокого качества работы и от партии, и от профорганизаций, и от хозяйственников. Поэтому мне кажется, что выводы по шахтинскому делу должны касаться не только наших низовых хозяйственных организаций, но и руководящих оперативных хозорганов, скажем ВСНХ.

Резолюция Политбюро по шахтинскому делу дает решение по всем вопросам. Я взял слово с намерением сделать отдельные замечания по тексту резолюции Политбюро.

Шахтинское дело вновь поднимает вопрос о специалистах и партийных кадрах в промышленности, и здесь я хочу прежде всего продолжить то сопоставление промышленных кадров с армейским комсоставом, которое было начато здесь тов. Андреевым.

Конечно, незачем здесь указывать, что армии в отношении своих командных кадров приходится работать в обстановке значительно более благоприятной, чем промышленности. Это по целому ряду объективных причин. Я должен здесь указать вам на один момент в жизни армии, который касается последнего периода и который связан с так называемой военной реформой 1924 года[97], когда мы произвели радикальную перегруппировку наших командных кадров. Эта перегруппировка состояла в том, что мы выдвинули на ответственнейшие посты в армии тех наших боевых командиров, которые получили боевую выучку в годы гражданской войны и которых мы соприкоснули с военной наукой после окончания гражданской войны, в последующие мирные годы. Это дало нам возможность накопить в военном ведомстве такие командные кадры, которые сделали остро необходимой ту радикальную перегруппировку, которую мы проделали в 1924 году.

Если подойти с этой меркой к промышленности, то придется сказать, что в настоящее время промышленность со своими командными промышленными кадрами не подошла еще к своему 1924 году. Но это не значит, что эта задача рано или поздно не встанет перед промышленностью. Она неизбежно встанет, и сейчас надо работать над тем, чтобы наших людей в промышленности приближать к реализации этой задачи. Если мы будем рассматривать причины, почему мы не имеем такого положения в промышленности к нынешнему дню, мы должны будем сказать, что это произошло потому, что мы имели в области накопления командных кадров промышленности чрезвычайно замедленный темп.

И вот шахтинское дело, которое имеет значение потому, что оно обнаружилось в период капитального строительства, оно выдвигает как одну из острейших очередных задач вопрос о подготовке командных кадров для промышленности. Здесь вопрос, по сути дела, распадается на две части: использование беспартийных специалистов и подготовка и переподготовка своих командных промышленных кадров. Резолюция Политбюро намечает в этом деле целую систему мероприятий. Мне кажется, что она требует только некоторых дополнений. Я считаю, что эти дополнения требуются в силу того, что, во-первых, имеется налицо слабость состояния наших промышленных кадров в промышленности – это раз, и, во-вторых, имеется, на мой взгляд, что мне пришлось наблюдать в Артемовске при объезде целого ряда промышленных предприятий, – слабость и даже отсутствие настоящего технически осведомленного контроля над беспартийными специалистами. По-моему, это один из существеннейших вопросов в этом деле, что у нас за беспартийными специалистами имеется бесконечное количество контролеров, но чтобы такой беспартийный специалист имел настоящий технически осведомленный контроль над собой с нашей стороны – этого нет. Я вот имею ведомостичку, которая содержит чуть ли не на 10 страниц перечень тех комиссий и отдельных обследователей, которые были посланы на Константиновскую группу заводов[98] примерно больше, чем за полтора года. Мы видим, что таких отдельных обследователей и целых комиссий было послано туда ни больше ни меньше, как 134. Причем, к сведению тов. Косиора, который кивал на РКИ, к его сведению я могу сказать, что из этих 134 отдельных обследователей на долю РКИ УССР и Артемовской РКИ падает 5 обследований, а громадное большинство этих обследований падает на ВСНХ УССР, на ВСНХ СССР и на долю различных хозяйственных органов – трестов, отделов и проч. Мы имеем, таким образом, массу обследований, но я вас спрашиваю: обеспечивает ли вся эта масса обследований настоящий, действительный контроль? Настоящего контроля вся эта масса обследований не обеспечивает.

Чубарь. Даже наоборот.

Бубнов. Даже наоборот. Я согласен с тов. Чубарем. Это создает лишь дерганье и прежде всего дерганье. Я помню, как происходил «контроль» в свое время в капиталистических предприятиях. Вот, например, в старые времена, на ситценабивной фабрике, если случался брак, там собирались колорист, директор, печатный мастер, старший химик и старший раклист, собирались и с песочком друг друга продирали – кто виноват? И в конце концов находили настоящего виновника. Вот это был настоящий контроль при капиталистических условиях. При этом хозяин крыл виновных. Я вас спрашиваю: есть у нас подобный контроль? Нет, у нас такого контроля не имеется, и хозяйственник наш «покрыть» кого следует с должной технической осведомленностью не всегда в состоянии, а следовательно, слабо, и даже отсутствует, и надлежащее руководство (наше руководство) предприятием или группой предприятий. И это не только «внизу», но немножечко и вверху.

Не случайно, что на Константиновский бутылочный завод приезжало порядочно народу, но там ведь не все благополучно, как вы знаете. Почему это происходит? Потому что нет технически осведомленного контроля. Что имеется налицо? Дергание, причем оно касается не только хозяйственников вообще, но и специалистов, и это дергание идет не только по линии контроля, а по той линии, на которую здесь указывал тов. Косиор, который совершенно правильно рассказал относительно бесконечной смены планов и т. д. и проч. Я приведу пару примеров. [Я не говорю относительно бумажных документов, у меня имеется список, данный мне из правления Донугля, где разрисованы такие штуки, что прямо руками разводи, относительно постоянного из-

менения кредитов на капитальное строительство, проектов на капитальное строительство, смет и т. д.]

При объезде в Артемовском округе мы смотрели несколько новых строительств, и я утверждаю, что почти ни одно строительство не имеет вовремя утвержденных плана и сметы. Я могу назвать, например, гаечно-болтовой цех Дружковки. Заканчивается строительство – ни технического проекта, ни сметы, как говорил нам директор завода, не утверждено. Все это строится на господа бога, «на глазок», «на авось», как заблагорассудится. В такой обстановке, во-первых, это дергает специалистов и хозяйственников, а затем, если есть там беспартийный спец, особенно контрреволюционный вредитель, – ему настоящая лафа, он в этой мутной воде может какие угодно концы спрятать.

Товарищи, время мое заканчивается, я просил бы дать мне еще минут 10.

Г о л о с а. Просим.

Председатель. Возражений нет? Принято.

Бубнов. Я считаю, что этот вопрос связан с установлением действительного контроля и руководства, и это налагает большие задачи не только на директоров заводов, на представителей трестов, но оно налагает определенные обязанности на всю систему управления промышленностью. В чем тут дело? Я себе представляю дело так, что нужно нашим руководящим оперативным хозяйственным работникам бросить эти «налеты» на заводы.

Я разговаривал с некоторыми директорами заводов, и я встретил отрицательное отношение к этим «налетам» хозяйственников, которые быстро «пролетят» по заводу, по необходимости надают обещаний и пр. В нынешней стадии нашего хозяйственного строительства этим ничего не достигнешь.

Нам нужно применить такую систему, при которой если человек едет на завод, то он должен завод знать, чтобы не было «налета» на завод, а был настоящий «инспекторский смотр». Я считаю, что нужно подтянуть директоров заводов, управляющих трестами, но нужно подтянуться немножко и нам, потому что это наша очередная общая задача. И эта задача шахтинским делом подчеркивается с чрезвычайной резкостью.

Теперь по вопросу о второй половине этой задачи – относительно подготовки новых кадров для промышленности. В резолюции Политбюро по этому поводу сказано совершенно отчетливо. Я считаю, нужно только кое-что добавить. Мне кажется, что здесь было бы невредно использовать также некоторый опыт военного ведомства. Вот тов. Андреев тут говорил – можно ли совместить учебу и работу. По-моему, вполне можно, только надо уметь это сделать. Почему в военном ведомстве командир корпуса, не переставая быть командиром корпуса, имеет возможность пройти в Москве 10-недельную переподготовку на специальных курсах для высшего комсостава? Почему нельзя нечто подобное организовать и для переподготовки промышленных командных кадров? По-моему, вполне можно, нужно и полезно. У комкора остается в корпусе помощник в качестве его заместителя – вот и все, не думаю, чтобы на заводе за короткое время что-нибудь стряслось, если директор на 10–15 недель уедет в Москву на курсы.

Г о л о с. А в военное время отпустите на учебу?

Бубнов. Бросьте, товарищи, у нас сейчас вовсе не военное время. (Ш у м. Р е п л и к н е с л ы ш н о.)

Ну, знаете, ежели мы из-за группы специалистов, которые нам устроили контрреволюцию, будем считать, что у нас военное время, – это никуда не годится. Это будет ни больше ни меньше, как паника.

Затем, я считаю, что промышленность в отношении своих кадров должна будет пойти по тому пути, который здесь, по-моему, напрасно оспаривал тов. Андреев, – это относительно передачи известной части ВУЗов и всей системы переподготовки ВСНХ. Почему этого не сделать? Почему военное ведомство имеет все школы у себя? Причем наши школы не хуже наркомпросовских.

Фабрициус. Лучше наркомпросовских.

Г о л о с. Правильно.

Бубнов. Я утверждаю, что целый ряд наших школ в смысле методологической постановки не хуже, а лучше наркомпросовских. Почему же, спрашивается, если ВСНХ передадим часть ВТУЗов, ВСНХ с этим не может справиться? Совершенно не понимаю, какие причины тут могут помешать. Поставило же ВСНХ Промышленную академию. Мне кажется, что опыт армейский можно было бы использовать также и в отношении вот такого мероприятия, как аттестование всего командного состава, которое дает возможность совершенно точно учесть в качественном отношении весь комсостав и наладить его выдвижение.

Рыков. Не отрывайся от масс и говори в рупор.

Г о л о с а. Просим, просим.

Бубнов. Почему, спрашиваю я, мы не можем приспособить эту штуку в промышленности? Она чрезвычайно полезна, потому что облегчает выдвижение снизу вверх, переподготовку и пр.

Тов. Андреев жаловался здесь на то, что оперативная работа хозяйственников не является их основной работой, что их забивает занятость по линии и общественной работы, и партийной работы, и профессиональной и т. д. Это беда, которая касается не только хозяйственников, это такая беда, которая касается всех. На это мы слышали нарекания и в армии. Поэтому никаких выводов специально для хозяйственников из этого сделать нельзя.

Товарищи, я хочу кратко остановиться на второй группе вопросов, которая связана с тем, что шахтинское дело выдвигает не только вопрос о специалистах и о подготовке промышленных кадров, об изменении методов хозработы и устранении некоторых дефектов в управлении промышленностью, а шахтинское дело заставляет обратить внимание и на партийное руководство на местах. Здесь Семен Шварц ссылался на меня. Он и в кулуарах «подбивал» меня выступить с ним единым фронтом. Я должен сознаться, что и у меня было желание защитить горняков, но после речи тов. Шварца я сделать это не могу, потому что эта речь была насквозь ведомственной, а если здесь, на пленуме ЦК, мы будем устраивать по таким делам, как шахтинское, ведомственную драку, мы далеко не уедем. Поэтому поддержать Семена Шварца я не могу и выступать с ним единым фронтом отказываюсь. (С м е х.)

Я должен здесь подчеркнуть, что те наблюдения над партийной работой, которые были сделаны мною при объезде организаций Артемовского округа, убедили меня в том, что резолюция Центрального Комитета, принятая по докладу Артемовского окружкома, была составлена в несколько мягких тонах, что тут краски нужно будет значительно сгустить. И это потому, что то, что я лично выяснил при объезде вместе с ответственным инструктором Центрального Комитета тов. Мышкиным, а мы были в Костантиновке, Дружковке, на Краматоровском заводе, в Горловке и везде устраивали партийные собрания, – меня убедило в том, что с этим дело обстоит крайне неблагополучно. Основное неблагополучие заключается в том, что в руководящей «верхушке» вместо крепкой большевистской сплоченности была групповая спайка, которая доходила до прикрытия безобразий значительно большего порядка, чем дело Ярощука[99]. ЦКК Украины совершенно справедливо вынесла на этот предмет свое решение.

Выдержки из своего доклада об Артемовском окружкоме я напечатал в «Правде» и повторяться не буду. Считаю нужным привести лишь две маленьких цитаты из выступлений рядовых партийцев. Вот, например, выступление тов. Привалихина из Константиновки. Он говорил: «четыре года мы сидели в подполье». Так вот, я вас спрашиваю, если партийная организация чувствует себя таким образом, что она сидит в подполье, какое ее руководящее значение, какое ее значение в деле развития массовой работы среди рабочих, какое ее значение в деле повышения массовой бдительности по отношению к спецам? И это говорили лучшие партийные люди, не плохие ребята.

Голощекин. А какие факты, что они сидели в подполье?

Бубнов. Фактов сколько угодно. Вот в Константиновке сидел директор Константиновских заводов и председатель Константиновского РИКа, которые говорили ячейке: «Цыц, не твое дело, мы все знаем», и сами всем заворачивали, зажимая рты парторганизации. И когда организация вынесла постановление относительно того, чтобы их сменить, так их поддержал секретарь Дружковской организации, который имел «сильную руку» в секретаре Артемовского окружкома. Здесь сидит тов. Затонский, вы спросите его относительно того постановления, которое они (украинская ЦКК) вынесли относительно этой «константиновской парочки»? В документе партследователя ЦКК мы читаем, что эти люди совершили преступления уголовного порядка. Вот как там обстояло дело.

Затем другой оратор в константиновской организации говорил так: «У нас возникло сомнение, не дошла ли эта линия (эта Артемовско-Дружковская линия АП) до ЦК КП(б)У, не слилось ли там все в гордиев узел». Вот какие мысли возникали у этих людей при том партийном режиме, который имел место в Артемовском окружкоме. Вот что получилось. А эти мысли – это же ведь вреднейшие мысли, какие только можно себе представить. А кто в этом виноват? – Виновато Артемовское партруководство.

Я заканчиваю маленькой справочкой, которую я считаю себя обязанным сделать. Когда я был в Артемовске, я разговаривал с некоторыми хозяйственниками из Шахтинского района. Они мне указали, что в «Правде» в свое время была помещена заметка относительно деятельности одного управляющего-рабочего. Я должен сказать здесь, что считаю, что если мы хотим с вредительством справиться, то нам нужно не только установить массовую бдительность в отношении к беспартийным специалистам, нам не только нужно поднять этот кадр новых хозяйственников, но нам нужно создать около работы этих людей соответствующую атмосферу. А заметка в «Правде» достигает обратной цели. Эта заметка помещена в «Правде» 27 окт. 25 года в № 246. Она носит заголовок: «Не оправдал надежд рабочих». Заметка эта начинается с того, что автор ее пишет так: «Рабочие радовались, что вместо старого управляющего-инженера назначают управляющего из рабочих». Затем заметка перечисляет, как этот новый управляющий, сев на место, стал насаждать своих друзей, завел хороший фаэтон и лошадь, посадил у двери особого секретаря, затем выгнал инженера, заведующего материальным отделом, и посадил своего человека из рудоуправления и т. д. Кончается заметка так: «Вот тебе и спец из рабочих, – говорили разочарованные рабочие, – старый спец-инженер куда был экономнее насчет рысаков, фаэтонов и разных завов». И дальше: «Очень удивляются все рабочие, как это так, свой рабочий человек, а так действует».

Я считаю, что эта заметка ничего, кроме вреда, не могла принести, и, по-моему, эта заметка была написана не рабкором, а ставленником инженеров. И помещать ее не следовало.

Председатель. Слово имеет тов. Куйбышев.

Г о л о с а. Дать ему час.

Председатель. Тов. Куйбышев этого не просит, а в моей практике редко бывали случаи, чтобы я давал больше того, что просят. Он просит полчаса.

Г о л о с а. Дать.

Куйбышев. Товарищи, шахтинское дело обнаружило существенные недостатки в работе всех наших организаций. Самый факт, что в течение 6 или 7 лет у нас не только могли работать внутри нашего промышленного организма контрреволюционеры, поставившие своей целью разрушение хозяйства, но и управлять по существу, фактически этим производством, – самый этот факт, независимо от размеров тех бедствий, которые причинили эти контрреволюционеры, заставляет задуматься над целой суммой вопросов в области работы всех наших организаций, соприкасающихся с производством. Процесс покажет, насколько сумели повредить эти вредители; но если бы даже обнаружилось, что этот вред является не особенно значительным, то представьте себе положение, в каком бы мы очутились в том случае, если бы действительно грянула война, если бы осуществились замыслы наших классовых врагов в отношении интервенции! Ведь этой организации было бы вполне достаточно, чтобы вывести из строя весь Донбасс. А по-видимому, эту задачу они имели совершенно твердо и определенно, как строгую директиву своих бывших хозяев. Нужно крепко и серьезно задуматься над тем, каким образом это могло произойти, каким образом эта организация и люди, стоящие в этой организации, не только не были раскрыты, но имели очень значительное влияние, а иногда и решающее влияние на дело производства. Я не буду касаться за недостатком времени вопроса о необходимости изменения методов, типа работы партийных и профессиональных организаций. Об этом говорили предыдущие ораторы, на этом подробно останавливался тов. Рыков. Я хочу сказать относительно организационных вопросов, возникших в связи с шахтинским делом, по линии промышленности, по линии хозяйства.

Первый вопрос, который, конечно, встает, – это вопрос относительно руководителей хозяйственных органов, наших коммунистов-хозяйственников. Почему они не могли усмотреть этой болячки, и почему они давали возможность этим вредителям иметь решающее влияние на тот или другой хозяйственный орган?

Тут уже много говорилось об этом, и в общем и целом и тезисы Политбюро, и те выступления, которые были здесь, все они единодушно констатируют те основные причины, которые повели к этому печальному факту. Формулирую эти основные причины. Прежде всего, мне кажется, нужно рассматривать резолюцию, которую мы здесь будем на пленуме принимать как определенный сдвиг в умонастроении всех хозяйственников, в их установке по отношению к технике производства. Я говорю о необходимости изжития того, что правильно названо в резолюции «комиссарством плохого типа». Вот это комиссарство плохого типа должно замениться усвоением и овладением всем технико-производственным процессом производства. Директор предприятия, председатель треста должен быть хозяином предприятия не только в том смысле, что он обладает правом давать приказания или давать то или другое распоряжение, но и хозяином предприятия в том смысле, что он все знает, что он в курсе всего основного процесса, который происходит у него на производстве, для которого не новостью является любое предложение, которое вытекает или со стороны рабочих на производственном совещании, или со стороны того или иного техника или инженера. Вот это изменение в установке для директоров, для управляющих заводами, для председателей трестов должно во что бы то ни стало произойти в результате тех печальных уроков, которые мы получили за последнее время.

Что было до сих пор? Я думаю, что было бы ошибкой, и ошибкой, мне кажется, не влекущей за собой каких-нибудь полезных результатов, если бы мы преувеличили

то обстоятельство, что у нас все директора, все управляющие заводами и фабриками являются комиссарами плохого типа. По этому месту нужно ударить, ударить очень сильно. Только путем этих сильных ударов мы в нашей большевистской партии умели делать повороты, так сказать, перевооружать мозги всех наших работников. Но нельзя сказать, и было бы несправедливостью сказать, что плохой комиссар или комиссар плохого типа является всеобщим явлением для всей нашей промышленности. Каждый, соприкасающийся с хозяйством, работает ли он в промышленности, работает ли он в какой-либо другой организации, соприкасающейся с производством, скажет, что у нас имеется целый ряд предприятий, в которых директор, управляющий заводом является душой дела в буквальном смысле этого слова, знает каждый станок, знает весь процесс производства, знает план развития данного завода, продумал, прочувствовал все нужды, все потребности данного предприятия, который в любую минуту может сказать, что у него болит и как нужно исправить; который умеет не только овладеть всем предприятием в совокупности, но и умеет заставить работать весь коллектив работников предприятия по своей воле, по своему указанию. И смешно было бы думать, что без наличия этих кадров мы могли бы так быстро двигаться в развитии нашего производства. Мы не только в области развития количественно движемся темпами, которые совершенно недоступны ни одной стране и, пожалуй, даже ни в одно время, ни в одну эпоху, но мы ставим новые производства. В этом, конечно, огромная заслуга специалистов, но тут масса инициативы, усилий и трудов положены руководителями предприятий, в которых это новое производство поставлено.

Поэтому я буду предлагать пленуму Центрального Комитета формулировки предложений, которые здесь имеются, сделать такими, чтобы не было впечатления, что пленум Центрального Комитета после анализа положения промышленности, в результате вот этого самого шахтинского дела, пришел к выводу, что весь промышленный командный состав является ничем иным, как комиссарами плохого типа. Я считаю, что это было бы не только неправильно и несправедливо (это было бы еще пустяки, несправедливость иногда можно допустить, в том случае если она достигает каких-нибудь положительных результатов), я думаю, что это будет не только неправильно и несправедливо, но это будет и вредно, потому что в тех случаях, когда мы не умеем отличить хорошего от плохого, когда мы под одну краску, под одну черную краску начинаем красить все и вся, то и инициатива, и энергия, и желание во что бы то ни стало достигнуть определенных результатов, – все это падает, и мы не стимулируем таким образом лучших образцов. Поэтому я думаю, что нужно, наряду с признанием этого печального факта, что у нас имеется частое и распространенное явление, когда руководитель того или другого органа является просто комиссаром плохого типа, наряду с этим мы все же должны сказать, что партия сделала и достигла значительных результатов в деле подбора промышленных кадров. Я в данном случае не совсем согласен с тем, что здесь говорил тов. Андреев относительно промышленных кадров. Ну, конечно, сказать о том, что у нас все обстоит благополучно, нельзя. Обстоит дело очень плохо. На целом ряде ответственных предприятий у нас не имеется лиц, которые могли бы руководить должным образом данным предприятием. Дело подбора поставлено плохо, дело выдвижения рабочих поставлено плохо – все это правильно, но ведь совершенно неоспоримый факт, что партия на хозяйственную и на производственную работу, в частности в тресты и в предприятия, бросала лучшие свои элементы. Ведь повсюду и везде, где имеется то или иное крупное предприятие, руководитель-хозяйственник играет в партийной организации значительную роль не только потому (иногда и потому), что он управляющий или директор завода, а потому, что он является, в сравнении с другими членами организации, и более развитым, и с боль-

шим партийным стажем, и прошел гражданскую войну, и закален в боях на хозяйственном фронте и т. д. и т. д. Вот, например, Ленинград обладает членами ЦК, которые являются руководителями предприятий и трестов. Они не потому члены ЦК, что они председатели трестов или директора заводов. Они потому председатели трестов и директора заводов, что они являются членами Центрального Комитета, что они являются лучшими представителями той или иной партийной организации, выдвинутыми решением партии на наиболее решающий фронт нашего строительства. То же самое и с другими партийными организациями. Когда я спорю или когда мы – представители промышленности – спорим по поводу распределения работников, требуем себе новых сил, нам постоянно и всегда говорят, что вы имеете большое количество сил, и лучших сил, чем какая-либо другая отрасль работы. Так неужели же вот эта огромная работа партии по насыщению промышленного организма лучшими партийными и хозяйственными работниками не дала уже существенных результатов? Она дала уже известные результаты. Мы имеем уже выкованные промышленные кадры, которые, конечно, нужно ковать и дальше.

Здесь необъятный простор для работы. Здесь чем дальше мы растем, все новые и новые задачи перед нами ставятся, поэтому все новые силы с большей настойчивостью требуются для руководства хозяйством.

Правильно указывали здесь, что кроме такой неправильной установки к производству, которая имеется у целого ряда хозяйственников, руководить производством мешает целый ряд внешних обстоятельств – частое дергание, массовые обследования, постоянные отчеты, поездки в центр и т. д., в результате чего на производство, на исполнение непосредственных обязанностей остается минимальное количество времени. В этой части своей речи тов. Андреев был абсолютно прав, и он, мне кажется, наиболее ярко поднял эту проблему. Действительно, это является страшным бедствием. Только, товарищи, не думайте, что решение этого вопроса просто и легко, и нельзя, конечно, ни от тов. Андреева, ни от меня в настоящую минуту с этой трибуны потребовать способа, которым можно избавиться от этого зла. Если я буду называть те органы, которые так или иначе вмешиваются в деятельность хозяйственников, то вы признаете право за каждым органом это делать.

Чубарь. В какой дозе?

Куйбышев. Речь идет о том, в какой дозе, какими методами, врозь или всем вместе, одним словом – это нужно продумать в величайшей степени. РКИ пошлет, скажем, одно обследование на какой-нибудь завод. Оно очень полезно, даст те или иные результаты. Но это же право на финконтроль имеет в известной части Наркомфин. В тех случаях, когда идет речь об использовании бюджетных средств, имеет право обследования и Наркомфин. Не без греха, конечно, и ВСНХ, в том смысле, что не всегда согласует свои обследования. Тут и Украинский ВСНХ, и губернские органы народного хозяйства, и тресты, и главки, а иногда те или другие функциональные управления ВСНХ. Не без греха и профессиональные организации, они тоже имеют право обследовать те или другие предприятия. Например, один завод в Югостали теперь обследуется профсоюзом с точки зрения выдвиженчества, с точки зрения работы производственных комиссий и производственных совещаний. Но чтобы обследовать даже эту область, надо охватить значительно более широкую сумму вопросов, захватить все органы завода. Тут нужно узнать, соответствует ли деятельность предприятия тем указаниям, которые ему давались, а значит надо спросить директора, а когда он даст ответ, надо проверить, выполнены ли те или другие постановления производственных совещаний и т. д. Часто бывает, что то или другое обследование обязательно вызывает несколько новых.

Когда тот или другой орган находит недостатки в деятельности данного завода, а завод это оспаривает, то вы не можете лишить ВСНХ права послать добавочное обследование для того, чтобы проверить, кто прав. И т. д. и т. д. Одним словом, тут нужна целая сумма мероприятий, которые должны быть разработаны, продуманы и приняты и которые должны охватить все органы, существующие у нас. Но совершенно прав был тов. Косиор, который говорил, что одним из важнейших факторов, одним из важнейших условий для более спокойной работы предприятий и для того, чтобы дать возможность и специалистам, и в особенности руководителям-хозяйственникам сосредоточиться на производственной работе, является своевременный план. Все значительным образом изменится, если у нас будет своевременный, твердый, утвержденный план. Тогда и надобность во множественности обследований в значительной мере отпадает. Если имеется своевременный план, твердый план, то легче спросить ответственности с данного хозяйственника, потому что не нужно выяснять целую сумму обстоятельств, которые произошли не по вине хозяйственника. Тут не будет разговоров о том, что не дали вовремя средств, о том, что планы менялись и т. д., что он предполагал так, а вышло иначе, что он заказывал импортное оборудование, предполагая, что ему отпустят такие-то кредиты, а их не дали и т. д. и т. д. Более четко будет работать предприятие, и меньше аппетита будет на постоянные обследования. Нужно также принять во внимание частую сменяемость руководителей.

Все эти условия делали, действительно, из многих наших руководителей промышленных органов комиссаров невысокого типа во всяком случае. Нужно эти условия устранить. Я считаю, то, что мы будем принимать здесь, на пленуме ЦК, это только начало разрешения всей этой суммы вопросов, мы этим только ставим вопрос. Работа в дальнейшем. И Политбюро ЦК нужно будет этим вопросом заняться вплотную.

Вопрос о специалистах. Я думаю, что многие несколько упрощают вопрос, когда думают, что у нас имеются, с одной стороны, враги, продавшиеся иностранному капиталу, бывшие хозяева, мечтающие о восстановлении старого капиталистического строя, и, с другой стороны, имеются преданные советскому делу специалисты. На самом деле положение сложней. Тут имеется много прослоек среди наших специалистов, которые нужно обязательно учитывать. Имеются, кроме преданных советскому делу специалистов, еще просто добросовестно работающие и выполняющие свои обязанности. Имеются огромные слои специалистов и инженеров, которые не являются нашими врагами в том смысле, что не состоят ни в какой организации, но работающие просто по-чиновничьи, работающие потому, что наняты советской властью. И нам нужно, имея в виду все эти прослойки, свою политику по отношению к специалистам поставить таким образом, чтобы не только заставить их работать, уже не говоря о том, чтобы не вредить делу, заставить работать не по-чиновничьи, а работать соответственно тому темпу, которым развивается наша промышленность, но одновременно с этим мы должны заставить отвечать их за то дело, которое им поручено. Тов. Рыков в своем докладе оговорился, когда сказал о том, что Политбюро предлагает пленуму отменить приказ № 33 о специалистах. В резолюции Политбюро ЦК говорится о необходимости отмены типового положения, которое было приложено к приказу № 33.

Я на этом вопросе хочу остановиться потому, что этот приказ № 33, подписанный тов. Дзержинским, сыграл колоссально важную роль в деле организации порядка на производстве. Приказ № 33 был издан в начале 26 г., два года тому назад. Этот приказ был поворотным пунктом в деле определения прав и обязанностей специалистов. До этого приказа в этом отношении был абсолютный хаос. Специалисты склонны были рассматривать себя как безответственных консультантов. Это наиболее выгодная по-

зиция для специалистов. Он не отвечает ни за что, он не претендует даже на распорядительские функции, он просто консультирует, дает советы, а как дело идет – это уже не его дело, и он за него не отвечает. Приказ № 33 был в то время абсолютно правильным в том смысле, что он поставил каждому специалисту определенную задачу, определенную обязанность возложил на него и тем самым сделал этого специалиста ответственным за ту или другую функцию данного предприятия. Правда, этот приказ № 33 в тех случаях, когда не было руководства, правильного руководства со стороны коммунистов-хозяйственников, мог быть использован совершенно неправильно, мог быть использован в смысле получения власти для специалистов с целью вредительства, с целью вести предприятие туда, куда хочет данный инженер, враждебно настроенный по отношению к советской власти. Но это уже недостаток руководства со стороны коммунистической части заводоуправления, со стороны директора данного заводоуправления. Тов. Дзержинский в этом приказе отнюдь не хотел раздвоения власти на предприятии, он говорит: «Проводимым мероприятием ни в какой мере не должно быть нарушено единство управления заведениями, «Положение» об управлении заведением, входящим в состав треста, остается в полной силе, в том числе и та часть его, которая устанавливает единоличное руководство управляющего (директора) заведением. Это не исключает необходимости теснейшего контакта и совместного обсуждения с соответствующими работниками административно-технического персонала касающихся их вопросов».

Таким образом, приказ № 33 не упразднял единоличной власти директора предприятия, он возлагал обязанность и ответственность на технический персонал. В типовом положении, приложенном к этому приказу, были пункты, которые в то время, для того чтобы создать перелом, были правильны, в настоящий момент они являются неправильными. В этом типовом положении, приложенном к приказу № 33, есть, во-первых, положение, что технический директор назначается трестом, а не директором предприятия, и, во-вторых, технический директор производит назначение, увольнение и перемещение руководящего технического персонала, правда, с утверждения директора. Это было нужно для поворота, о котором я говорил, чтобы специалиста сделать ответственным за то, что он делает. Думаю, что теперь, поскольку подросли наши кадры промышленных коммунистов, поскольку целый ряд предприятий, большинство предприятий уже имеет таких директоров, которые овладевают, чем дальше, тем больше, процессами производства, правильным было то постановление пленума ВСНХ, вынесенное весной 27 года, о том, что технический директор, а также и коммерческий директор назначается руководителем предприятия, и весь технический персонал им подбирается, конечно, при учете мнения технического персонала.

Это решение пленума ВСНХ соответствовало той установке, которую дало в этом вопросе Политбюро ЦК. Политбюро ЦК утвердило положение о трестах, которое потом было оформлено в законодательном порядке, где этот пункт нашел свое отражение, т. е. что технический директор предприятия назначается управляющим заводом, директором завода так же, как и весь остальной технический персонал. На основе этого декрета было издано ВСНХ типовое положение о техническом директоре, которое предложенной вам на утверждение резолюцией предлагается провести в кратчайший срок. Беда именно в том заключается, что до сих пор ни положение о трестах, ни это типовое положение не проведено повсюду и везде. Причем тут нужно прямо сказать, что положение о трестах не проведено в жизнь не только в части назначения технического директора и распоряжения всем техническим персоналом предприятия, но не проведено в жизнь и в части высвобождения завода, предприятия, фабрики от лишней опеки со стороны высших органов промышленности – треста, главка и т. д. У нас име-

ются образцовые тресты, которые провели это положение о трестах и которые достигли этим значительного улучшения положения дел. Заводы воскресают, заводы получают возможность значительно большего использования всех своих внутренних средств и возможностей. Заводы становятся на ноги в тех случаях, когда они освобождаются от излишней централизации в системе треста. Но это проведено еще далеко не везде.

Товарищи, можно подумать из тех прений, которые здесь были до сих пор, что повсюду и везде установилось такое отношение между хозяйственниками и специалистами, когда уже нам не приходится вдалбливать в голову хозяйственников значение специалистов, необходимость их поддержки, необходимость опереться на них в деле технического перевооружения данного предприятия, данного завода. [К сожалению, мы слишком большая страна.

Г о л о са. Почему к сожалению? (Ш у м, р а з г о в о р ы, в о л н е н и е в з а л е.)

Куйбышев. К сожалению, у нас имеются слишком разнообразные районы. Вы, конечно, не поймите меня таким образом, что я сожалею о мощи нашей страны.]

У нас имеется большая пестрота, и, к сожалению, нам нельзя прилагать одной и той же мерки повсюду и везде. Вот, например, имеется во многих местах, это констатировано было шахтинским делом, что идет простое штемпелевание всех проектов специалистов и слепое доверие к ним. [Но можно ли сделать вывод, что у нас уже везде значение специалиста понято?] А вот я имею под руками целый ряд материалов, говорящих о том, что в целом ряде предприятий у нас среди хозяйственников, среди руководителей предприятий еще не изжито настоящее спецеедство.

Вот газета «Труд» помещает корреспонденцию своего пермского корреспондента, который пишет: «В прошлое отошло пресловутое спецеедство со стороны рабочих, но зато теперь на предприятиях Пермского округа обыденным явлением стало гонение специалистов со стороны администрации предприятий.

Вот наиболее показательные факты: 1) В Чусовском заводе с приходом нового директора, проявлявшего грубо выраженные требования к специалистам, за 2 месяца принуждены были оставить завод 4 инженера.

2) На Лысьвенском заводе руководитель завода, жестко проводящий административную линию среди дипломированных специалистов, относился снисходительно к практикам. В результате «побеги с завода», смещения и т. д. Так, был смещен недавно зав. прокатным цехом.

Другая форма «спецеедства» – это недоверие к специалистам. В Нытве дирекция, не доверяя специалистам (техруку), в течение 4-х ночей производила секретную пробу прокатки без промусоривания. Результаты получились самые плачевные.

Рабочие, возмущенные технической безграмотностью директора, подали жалобу инженерам. Специалисты горячо протестовали против такого образа действия, а 5 человек из них, крайне необходимые заводу, ушли с работы.

Администрация заводов своими действиями создает упадочное настроение среди специалистов и нервирует их. Иногда администрация вступает открыто на путь гонений, увольняя и узких специалистов, и специалистов-общественников (так, в Лысьве и Чермазе были уволены 2 инженера, председатель ИТС)».

Я не буду читать всю корреспонденцию. Тут описывается еще целый ряд случаев, говорящих о том, что директора предприятий еще не повсюду и не везде усвоили необходимость опираться на добросовестных специалистов в решении технических вопросов. То же самое имеется по целому ряду других районов, других заводов.

Товарищи, я просил бы мне предоставить слово только по одному вопросу, по вопросу о высших технических учебных заведениях. Время мое, к сожалению, истекло.

Скрыпник. Безнадежная вещь.

Куйбышев. Тов. Скрыпник говорит, что безнадежная вещь, но я все-таки рискую сказать несколько слов на эту тему, на тему о высших учебных заведениях.

Микоян. Скажи, поддерживаем. Правильно.

Куйбышев. Проблема о молодых специалистах, она совершенно правильно заострена в этой резолюции Центрального Комитета партии. Тут, нечего греха таить, мы, промышленники, должны взять на себя значительную долю вины в том, что мы до сих пор недостаточно умело использовали молодых специалистов...

Скрыпник. Совсем не использовали.

Куйбышев. Тогда как они должны были все больше становиться нашей опорой. Я не буду приводить смягчающих вину обстоятельств, вроде того, что подготовка не всегда была подходящая, что они предъявляли иногда непомерные требования вроде того, чтобы их ставить на крупные административно-хозяйственные работы и т. п. Эти смягчающие вину обстоятельства тем не менее не снимают с нас ответственности в том, что мы еще недостаточно умеем использовать молодых специалистов, хотя в некоторых предприятиях и трестах это дело поставлено хорошо. Этими проблемами мы должны будем заняться вовсю. Вопрос о снабжении наших предприятий через этот канал, через выковку новых кадров специалистов является наиболее важным, наиболее сулящим большие результаты. Этой проблеме – выковке новых специалистов должно быть уделено максимальное внимание. Вот почему мы вопросу о высших технических учебных заведениях придаем сейчас такое большое значение.

Товарищи, мы – президиум ВСНХ, в частности я, по этому вопросу занимали до сих пор умеренную позицию.

Скрыпник. До сих пор?

Куйбышев. Да, до сих пор. Мы не предъявляли требований о передаче нам высших технических учебных заведений. Мы пытались стать на путь согласованных действий с соответствующими органами народного просвещения, но практика, жизнь, требования промышленности привели меня лично, в конце концов, к такому выводу, что тов. Дзержинский, который когда-то ставил этот вопрос, был абсолютно прав.

Микоян. Правильно.

Скрыпник. Он отказался от этого.

Куйбышев. Он отказался от этого, потому что Центральный Комитет партии не согласился с этим предложением.

Скрыпник. Когда отказался, был прав.

Затонский. А сельскохозяйственные ВУЗы Наркомзему, а медвузы Наркомздраву?

Куйбышев. Я понимаю, что этот вопрос очень спорный, что он вызывает возражения...

Затонский. Я только спрашиваю.

Куйбышев. Но разрешите мне сначала аргументировать мою позицию, а потом задавайте вопросы.

Я думаю, что ЦК партии должен будет теперь признать, что жизнь поставила вопрос таким образом, что решение его заключается именно в наибольшем приближении высших технических заведений к промышленности и в передаче промышленности некоторых ВТУЗов по наиболее ответственным отраслям промышленности. Тут начинаются такие возражения: у ВСНХ и без того слишком много обязанностей, и (как совершенно правильно заметил тов. Андреев) с этими обязанностями ВСНХ недостаточно хорошо справляется. Но я мог бы отвести эту самую аргументацию ссылкой на то, что у тов. Луначарского и Наркомпроса в целом тоже слишком много обязанностей (с м е х), и уже нельзя сказать, чтобы вопросам высшей технической школы

уделялось особенно большое и предпочтительное внимание перед всеми другими обязанностями, которые лежат на Наркомпросе. Говорилось о том, почему ВСНХ будет лучше руководить этими высшими учебными заведениями. Я заранее отвожу этот аргумент и буду отводить, потому что личные предпосылки для успешного руководства у тов. Луначарского более значительны, он больше знаком с вопросами культуры, он этими вопросами занимался в продолжение 10-ти лет и т. д. Но дело, товарищи, не в лицах, дело не в том, что Куйбышев, Косиор или Рухимович возьмутся за это дело и поэтому дело пойдет лучше. Дело пойдет лучше потому, что вся обстановка для высшего технического образования, с тех пор когда оно попадает в недра ВСНХ, коренным и радикальным образом изменится.

Г о л о с. Кошелек потолще.

Куйбышев. Можно работать при всяких организационных схемах, можно работать тогда, когда ВТУЗы будут работать в системе Наркомпроса. [Конечно, не произойдет от этого катастрофы.] Но мы заинтересованы в наибольшем темпе развертывания промышленности, мы заинтересованы в наиболее скором темпе снабжения ее соответствующими специалистами. Ведь посудите сами, все вопросы, которые являются сейчас такими больными для высшей технической школы, все они значительно более просто и легко решаются в том случае, если ведомство, руководящее промышленностью в целом, в то же время будет руководить и подготовкой командного кадра специалистов. Начнем по стадиям. Подбор студентов находится в руках партии, профсоюзов. Но совершенно очевидно, что ведомство, в котором состоят эти высшие учебные заведения, имеет значительную долю влияния. Совершенно ясно, что ВСНХ, непосредственно заинтересованный в деятельности и в результате деятельности данного учебного заведения, больше заинтересован в том, чтобы на ВТУЗы шли по преимуществу рабочие, сыновья рабочих, связанные с предприятием, которые бы уже из своего жизненного опыта имели определенные навыки к тому, чтобы впоследствии более успешно руководить данным предприятием. В области подбора мы можем больше сделать, чем Наркомпрос.

Следующая стадия – программа обучения. Связать программу обучения во ВТУЗе с нуждами производства будет значительно легче и проще сделать ВСНХ, чем Наркомпросу, потому что мы являемся объектом постоянных нажимов со стороны промышленности, которая не удовлетворена тем или другим типом специалиста, подготовкой этого специалиста, суммой его практических знаний и т. д. Наркомпрос находится в стороне. Поэтому мы, получая непосредственные отклики на качество данного специалиста, мы имеем возможность выправлять в ходе работ данного ВТУЗа, изменять программу, увеличивать или уменьшать практические занятия, увеличивать или уменьшать те или другие специальные предметы и т. д.

Распределение студентов на практические занятия – ведь теперь это постоянная драка, и эта драка будет неизбежна, хотя бы ангелы стояли во главе Наркомпроса и ВСНХ. Как распределить [этих специалистов] студентов-практикантов? Если бы я и тов. Луначарский обладали бы величайшим желанием все вопросы между собой согласовывать, все-таки неизбежно в результате этой согласовательной канители мы не имели бы удовлетворительного распределения студентов по практике. Только тогда, когда орган, распределяющий этих студентов, и орган-потребитель будут едиными органами, только тогда эта система практикантства приобретет, действительно, то место, которое она должна занять в деле выковки соответствующих промышленных кадров.

Наконец, распределение специалистов, окончивших высшие технические учебные заведения. Мы сумеем (не потому, что мы будем лучше работать, чем Луначарский, а потому, что нам сподручнее и легче) снабдить соответствующие предприятия

нужными специалистами. Мы сумеем все школы подчинить нуждам производства и темпу развития нашей промышленности.

Скрыпник. А сейчас что мешает?

Куйбышев. Сейчас что мешает? Сейчас мешает согласовательная канитель, которая неизбежна при такой постановке вопроса. Товарищи, мы имеем превосходный опыт в Красной Армии. Командный состав Красной Армии...

Скрыпник. Не такой, как в ВСНХ!

Куйбышев. Прошел через школы, которыми Красная Армия владеет. Я думаю, что этот опыт является абсолютно бесспорным доказательством того, что ведомство, руководящее тем или другим делом, значительно легче и лучше может руководить суммой тех учебных заведений, которые обслуживают нужды данного ведомства.

В заключение мне хотелось бы сказать об одном. Это всего одна минута. Эта резолюция, которую предлагает Политбюро ЦК, значительно выходит за пределы шахтинского дела. Она дает целый ряд установок для целого ряда организаций, связанных с промышленностью. Эта резолюция во многих отношениях будет рассматриваться как определенный поворот. И в отношении специалистов тут имеется много нового, и в отношении хозяйственников: хозяйственник должен руководить работой специалистов, с другой стороны, и хозяйственник и специалист должны быть под массовым контролем рабочих масс и т. д. Эта резолюция будет рассматриваться как определенная программа действий для всей суммы организаций, которые имеются на предприятии и на заводе. Поэтому будет большая склонность у целого ряда организаций рассматривать эту резолюцию, охватывающую все вопросы, как резолюцию, отменяющую целый ряд постановлений, которые партия вынесла до сих пор. Я очень боюсь, как бы эта резолюция, ввиду того что пункт о необходимости дисциплины на заводе, пункт о необходимости повышения производительности труда средактированы в этой резолюции недостаточно определенно, как бы эта резолюция не толковалась таким образом, что с момента ее принятия ЦК директивы партии о необходимости трудовой дисциплины, о необходимости поднятия производительности труда, все эти директивы отменяются. Я думаю, что в соответствующей комиссии, которая, очевидно, будет выбрана, нужно было бы этот пункт о необходимости трудовой дисциплины, о необходимости дальнейшего повышения производительности труда на предприятиях более четко формулировать и более резко поставить.

Г о л о с а. Перерыв.

Председатель. Товарищи, перерыв сейчас хотите или после тов. Кагановича? Кто за перерыв сейчас? Мало. Каганович имеет слово.

Каганович просит 40 минут (ш у м).

Г о л о с а. Дать!

Председатель. Кто против? Единогласно. 40 минут.

Каганович. Шахтинское дело является настолько крупным уроком для всей нашей партии, что было бы самым вредным, самым опасным, если бы мы вместо совершенно отчетливого большевистского анализа наших ошибок и недостатков занялись «ведомственными» спорами, взваливанием вины с одной организации на другую, ссылкой на так называемые «объективные условия» и т. д.

Тем более нельзя в такую позу становиться партийным работникам, ибо партия является руководителем всей государственной и хозяйственной жизни страны и, совершенно естественно, отвечает за все недостатки и ошибки в той или иной области работы, в первую очередь в области массовой работы в рабочем вопросе.

Было бы также вредным, если бы мы, представители местных парторганизаций, в частности украинской, на территории которой (рядом с Северным Кавказом) про-

изошло это событие, – попытались скрыться за формулу резолюции об общесоюзном значении этого шахтинского дела и не вскрыли бы те недостатки и ошибки, которые обнаружились, в частности, у нас на Украине.

Еще до шахтинского дела партия вскрыла болячки, мешавшие развернуть самодеятельность, пролетарскую и партийную, в Артемовской и Сталинской организациях[100]. Эти организации в своей массе как были, так и остались здоровыми, прекрасными пролетарскими организациями, но основной недостаток, основная болячка, которая выявилась и вскрылась в этих организациях, – это замкнутость небольшой руководящей группки «своих» людей. Подбор людей на различные ответственные работы производился ими под углом зрения удобства, семейной групповой поддержки.

В составе этой группки была часть окончательно разложившаяся и часть, лишь прикрывавшая разложение и вредную работу других в силу семейственности, в силу признака «рука руку моет».

Орджоникидзе. Это и есть разложение.

Каганович. Да, это и есть разложение.

Все они прикрывали неумение работать, плохую работу, недостатки, которые скрывались в отдельных низовых организациях, в отдельных областях работы, и занимались покрывательством негодных и разложившихся людей.

Второе, что обнаружилось в этих организациях, – это, товарищи, безусловно классический пример администрирования в партийной работе и в подходе к массам и, я бы сказал, политотдельский уклон, который, конечно, в настоящее время и в настоящих условиях ни в каком случае не может быть допущен.

В Донбассе, отчасти в связи с его специфическими условиями, сохранились еще остатки и отрыжки политотдельских методов работы в парторганизациях.

Конечно, нельзя сказать, что в работе этих организаций не было ничего хорошего. Ведь достаточно вспомнить, что ни одна область, ни одна отрасль промышленности в результате гражданской войны не была так разрушена, как металлургическая и угольная в Донбассе.

Теперь Донбасс восстановлен, и, например, по углю валовая добыча его в 1927–28 г. намечена с превышением против довоенного примерно на 10%. Ясно, что Донбасс оказался восстановлен силами партийных, хозяйственных и профессиональных организаций. Но это ни в каком случае не может служить прикрытием тех вопиющих недостатков, которые обнаружены.

Недавно к нам заехал один красный командир, окончивший Военную академию, – тов. Сухоруков, он сам бывший донецкий рабочий. Перед отъездом его в Донбасс я попросил его поговорить с теми рабочими, которых он знает, с которыми он воевал, лично, неофициально записать беседы с ними и прислать мне эту запись. Тов. Сухоруков мою просьбу выполнил.

Материал, собранный им, по моему мнению, является чрезвычайно ценным, так как это не есть какая-нибудь хроникерская заметка, не беседа рабочего с административным лицом, а разговор с бывшим своим товарищем по станку. И мы, конечно, этот материал в своей практической работе постараемся использовать.

Вот, например, что говорил ему член партии с 17 года, привожу отдельные места из разговора: «Вот уже несколько лет, как я веду активную борьбу с подхалимством, бесхозяйственностью и непорядками... всюду я выступаю и критикую, слишком резко выступаю, задевая при этом многих из администрации, рудкома и бюро коллектива. До 26 г. я был выдвиженцем, получал 120 руб., а потом меня задвинули, перевели на 45 рублей.

Все то, что я говорил на производственных совещаниях, выявляя бесхозяйственность и непредусмотрительность администрации, я был прав.

Члены рудкома и бюро коллектива не спускаются в шахты, не поддерживают связи с рабочими, замкнулись в тесный кружок... Рабочие говорят про них, что они, когда проезжают мимо, смотрят «через дугу», лишь бы не встречаться со взглядом рабочего.

Я 30 лет работаю на шахтах, столько же участвую в рабочем движении, 3 года был на фронтах, а в данный момент стою на перепутье. Да не я один, многие из нас. Не знаю: или сдать партийный билет и уйти от политической жизни, или временно прекратить активную борьбу с недостатками и выждать немного, посмотреть, что будет дальше».

Конечно, этот рабочий-партиец неправ, когда он ставит вопрос о сдаче партийного билета и уходе от политической жизни, конечно, это упадочничество и его нельзя ставить в пример, но это голос, отражающий в известной мере действительность, конечно, не всего Донбасса, но некоторых мест Донбасса. Одним из решающих выводов из шахтинского дела должно быть то, что мы должны массовую работу усилить в таком направлении, чтобы ближе подойти к каждому рабочему, к каждому партийцу, не только внимательно прислушиваться к голосу каждого из них, практически помочь каждому устранить те недочеты, которые его жмут, но и осуществлять те указания, которые он дает по общим вопросам нашего строительства.

Нет сомнения, что наши задачи в области массовой работы очень сложны. Нельзя думать, что, мол, «шапками закидаем», что легко решить эти вопросы. Тут выдвигается ряд таких материальных вопросов, которые чрезвычайно трудно сразу разрешить.

Тот, кто бывал в Донбассе, тот знает, что условия жизни рабочего там чрезвычайно тяжелые: низкая зарплата, страшный квартирный кризис, ужасно отсталая культурная жизнь.

Вот, например, один из рабочих – забойщик, член партии, по поводу материальных условий и рабочего дня говорил тому же тов. Сухорукову: «Сидим под забоем не меньше 10 час. ежедневно, работая 23–25 дней в месяц... сидим в забое как проклятые до 5–6 час. вечера... Часто не хватает порожняка, иногда сидишь бестолку 2–3 часа».

И на вопрос: «Почему вы сидите под забоем 10 часов?» – отвечает: «Если ограничиться 6-ю часами, то при существующих расценках умрешь с голоду».

Я целиком присоединяюсь к тому, что к осуществлению 6-часового рабочего дня на подземных работах нам необходимо приступить немедленно, связав это дело с проведением новых мероприятий по механизации работ.

Жилищные условия, как я уже говорил, тоже очень тяжелые, казармы не все имеют элементарные удобства. Или вот возьмите еще бани. Не только общественных, но и так называемых технических бань, которые нужны рабочим при выходе из шахты, – ничтожное количество. Необходимо было по договору за год ассигновать один миллион двести тысяч рублей на постройку бань, фактически же израсходовано на эту цель лишь 30%, в то время когда нужда в банях в Донбассе чрезвычайно велика.

Одним из наших больших недостатков является и то, что мы в области культурного обслуживания революционного пролетариата Донбасса крайне мало делаем. Построили несколько дворцов культуры, но в смысле обслуживания их сделали еще очень мало.

Нужно поставить вопрос о том, чтобы, действительно, материально немножечко раскошелиться и улучшить условия жизни донецкого рабочего. Донецкий пролетарий заслужил это.

Сложности нашей массовой работы определяются еще и настроениями рабочих. Если коснуться вопроса о настроениях рабочих, то я должен сказать не прикрашивая, что оно в ряде мест не особенно блестящее.

Ввиду краткости времени я считаю необходимым остановиться на одной из причин, вызвавших это. Мы недавно проводили кампанию перезаключения колдоговоров[101] и пересмотра норм выработки.

И вот, я считаю нашей большой ошибкой то, что мы проводили одновременно с колдоговорной кампанией пересмотр норм выработки.

Вместо того чтобы провести пересмотр норм выработки на основе конкретного учета, действительно реальной возможности, постепенно переходя от одного цеха к другому, от завода к заводу, мы в данном случае вынуждены были проводить эту работу кампанейским путем, зачастую механически, огульно, гуртом, и, конечно, при таком положении неизбежны были отдельные грубые ошибки, отдельные недостатки. В ряде цехов крупнейших заводов мы имеем сейчас некоторое снижение. Конечно, это снижение зарплаты будет иметь место только в первые месяцы, так как в дальнейшем рабочий приловчится к новым нормам и в результате повышения производительности труда сумеет восстановить свой прежний заработок. Но временно в некоторых категориях имеется понижение зарплаты на 10–20 и в отдельных случаях на 30 рублей.

Люберецкий опыт мы должны были учесть более серьезно[102].

Я остановился на трудностях нашей массовой работы не для того, чтобы навеять уныние, а для того, чтобы мы ясно их ощущали и с соответствующей энергией взялись бы за их преодоление. Все эти трудности можно разделить на две части. С одной стороны, мы имеем ряд трудностей действительно объективных и трудно устранимых, но с другой – имеется много трудностей и недостатков, которые вполне могут быть устранены и на которые мы должны со всей силой приналечь, чтобы их нам устранить.

Ворошилов. А раньше кто вам мешал их устранять?

Каганович. Частью мешали наши промахи, недостаточное внимание к низовым звеньям, а частью, конечно, ряд общих условий.

Мы должны здесь сказать, что вообще борьба с оппозицией, которая велась в течение ряда лет, наложила большой отпечаток на нашу работу. Этой борьбой мы от конкретной деловой работы до известной степени были отвлечены. К делу подбора людей, к делу подбора работников в значительной мере подходили под политическим углом зрения, обеспечивающим сохранение единства партии, обеспечивающим правильную политическую линию. При этом иногда упускались из виду чисто деловые качества того или иного работника.

Я должен также сказать, что к этому прибавляются еще до известной степени и чисто местные украинские условия. Я не стану из-за недостатка времени приводить все эти местные условия и связанные с ними недостатки.

Орджоникидзе. Мы их знаем.

Каганович. Да, вы их знаете. Скажу только, что от гражданской войны, от разрушения хозяйства у нас остались элементы наместничества, атаманщины, батьковщины, элементы федерации, когда отдельные авторитетные лица представительствовали, заслоняли собой целую организацию.

В течение нескольких лет мы выкорчевывали эти болезненные явления то из одной, то из другой организации**.** Могут сказать – слишком медленно, могут сказать – поздно. Спорить не буду.

Шкирятов. Чем было бы скорее, тем лучше.

Каганович. Чем скорее, тем лучше было бы. Это верно.

Я считаю, что ближайшую избирательную кампанию – перевыборы бюро партячеек, перевыборы низовых профорганов мы должны поставить таким образом, чтобы внести в низовые кадры освежение, чтобы массы изгнали тех, кто прогнил, кто зазнался и зарвался. Мы должны на этих перевыборах развернуть инициативу масс. Нужно вообще в работе уделить больше внимания низовым звеньям, где фактически проводится творческая работа, и в области хозяйства, и в области профессиональной, и партийной.

Поэтому одним из серьезных выводов шахтинского дела должно быть большее внимание к конкретной работе низовых звеньев во всех их областях работы.

Конечно, высокая политика вещь очень хорошая, но мы часто вращаемся в сфере общих резолюций, пишем их уйму, и получается, что «резолюция на резолюции».

Вот здесь тов. Шварц цитировал резолюции, вынесенные по союзной линии и т. д. Я бы тоже мог здесь привести десятки постановлений ЦК и ЦКК КП(б)У, даже ЦК ВКП(б), предусматривавшие и предупреждавшие возможные прорывы.

Но в том-то и беда, что постановление зачастую остается у нас лишь постановлением, а проверка выполнения, проверка того, насколько практически это постановление претворяется в жизнь, – поставлена у нас еще чрезвычайно слабо.

Поэтому я считаю, что одним из центральных выводов из шахтинского дела должен быть вывод о реализации наших собственных постановлений и усилении проверки их выполнения.

Г о л о с а. Правильно.

Каганович. Вот мы сейчас обсуждаем вопрос о контрреволюции в Донугле. Предупреждали ли Донуголь о недостатках в работе треста? Предупреждали, и еще бульшими резолюциями. Я ознакомился с рядом протоколов производственных совещаний и с материалами союза горняков и должен сказать, что вовсе не считаю, что не было никакой критики и никаких указаний о недостатках. В прошлом году, например, мы объявили конкурс на лучшее рудоуправление, на лучшую шахту. Только по Луганскому округу участвовало в конкурсе свыше 10 000 рабочих. Ряд недостатков был вскрыт, но вся трудность заключается в том, что недостатки вскрываются, на них указывается, а в жизнь ничего не проводится, или, в лучшем случае, если и проводилось, то небольшая часть – именно мелочи. Самые же ценные, важные указания «идут под сукно». Вот конкретно о тех недостатках, которые обнаружены в Донугле, рабочие говорили еще задолго до их обнаружения.

Мы имеем даже такое положение в наших хозяйственных организациях, и в частности в Донугле, когда недостаточно решительно проводили в жизнь не только указания рабочих, но и директивы партийных комитетов. За примерами далеко ходить не нужно. Возьмем хотя бы изданное здесь постановление о реорганизации трестов. Как это постановление проведено (или, скорее, не проведено) в жизнь – вам всем известно.

По Донуглю мы у себя тоже давали по этому вопросу директиву еще $1^1/_2$ года назад. Но директива не проведена в жизнь, а проверить мы не проверили. И каковы же результаты? Мне рассказывали коммунисты, члены правления Донугля, бывшие низовые работники, товарищи Левченко и Абакумов, что, по их мнению, при нынешней системе управления не только коммунисты не разберутся в таком крупном хозяйстве, как Донуголь, но и запутаются даже честные спецы.

Централизм в работе невероятнейший. Например, капитальное строительство Донугля.

По капитальному строительству треста 14 000 названий работ, а каждое название, в свою очередь, имеет пять подразделений, которые рассматриваются и утверждаются в Донугле. К этому можно еще прибавить то, что программа строительства? начи-

ная с октября и по март месяц этого года? пересматривалась уже не менее семи раз и до конца года, вероятно, еще будет не раз пересмотрена.

Не говоря уже о неизбежности крупных просчетов, такая система вполне естественно снимает с рудоуправления ответственность за стоимость работ и даже за целесообразность и необходимость производить ту или иную работу в данное время.

Или вот возьмем схему аппарата управления Донугля[103]. Она настолько сложна и так плохо работала, что комиссия, выделенная однажды самим трестом для обследования положения дел в тресте, пришла к такому заключению: «Пропадают важные служебные бумаги, чертежи. Здесь какой-то заколдованный круг, так как самое тщательное произведенное комиссией расследование не могло установить, в каком именно месте и пункте своего движения исчезали эти бумаги и чертежи».

И получается, таким образом, что за ту или иную ошибку в работе и винить-то никого нельзя. Запутывается ответственность лиц за поручаемое им дело, приучаются люди к безответственности, так как при таком построении аппарата отыскать, кто и за что должен действительно отвечать, почти невозможно.

Теперь ясно, по-моему, что контрреволюционеры сознательно запутывали и водили наших товарищей за нос. Комиссия в своих выводах указывает: «Внимательное рассмотрение всех вопросов приводит к заключению об отсутствии у кого-либо из работников Донугля преднамеренного, умышленного, какого-либо неправильного действия. Поэтому комиссия не занялась высвечиванием персональных виновников».

Можно сказать, люди наступили вначале прямо на хвост контрреволюции – сами заявляют, что в Донугле какой-то заколдованный круг, важные документы вдруг в каком-то месте пропадают (и это не раз), а затем говорят, что отсутствие преднамеренного, умышленного и проч. Теперь, конечно, ясно, что эти «пропажи» – дело рук спецов-вредителей.

И совершенно естественно, что коммунисты, работающие в Донугле при существующей сейчас системе управления, при всем своем желании и при всех своих способностях не могут справиться, не могут уследить за работой такой громадной и запутанной машины. Вот почему вопрос о реорганизации Донугля становится перед нами, особенно сейчас, во всей своей остроте.

Сейчас еще трудно установить размеры нанесенного нам вреда, но уже имеющиеся материалы показывают, что вред нанесен громадный, как это можно уже со всей отчетливостью заключить из материалов следствия ГПУ Украины. Здесь я должен сказать, что следствие на Украине развернулось сейчас так, что мы подходим к главному центру вредительства, а что такой центр существовал, в этом сомнений быть не может, шахтинские контрреволюционеры имели связь не только с харьковскими спецами, но и с московскими. Технический совет, который заседал здесь под председательством знаменитого Рабиновича, был по существу совет не технический, а вредительский.

Вам уже известно очень много фактов этой вредительской работы. Поэтому подробно останавливаться на них не стану. Хочу только привести несколько наиболее характерных фактов. К таким можно отнести, например, дело с шахтой «Американка». Эта шахта строилась по проекту одного американца, предварительно была рассмотрена техническим советом. И вот, когда на эту шахту было израсходовано уже больше миллиона рублей, технический совет вдруг постановляет приостановить работы по постройке шахты и закрыть ее.

И только после того, как коммунисты, члены правления Донугля, пришедшие из низовой работы, начинают протестовать, приводя ряд доказательств о нецелесообразности закрытия шахты, – с ними «милостиво» соглашаются. Шахта теперь существу-

ет и по самому уменьшенному варианту будет давать добычу уже с начала будущего года.

Я бы мог вам привести также ряд фактов, когда в шахтах с крупными запасами угля, которые были начаты в проходке еще в дореволюционное время, и по сей день не окончены проекты. В то же время открывались шахты в большинстве случаев с небольшими запасами угля, которые после непродолжительной их эксплуатации должны были выходить из строя.

С оборудованием дело обстояло не лучше. Присылали машины на такие шахты, где надобность в этих машинах наступит через 2 года; на те же шахты, где машины действительно были необходимы сейчас, они еще не прибыли.

Я считаю, что после пленума мы ни в коем случае не должны ограничиться только этой резолюцией; нам нужно будет после пленума серьезно проработать и на опыте этого крупнейшего и важнейшего треста обнаружить и вскрыть те наши конкретные недостатки, которые имеются в работе хозяйственных организаций. Нужно помочь товарищам-хозяйственникам овладеть тем делом, которое им поручено, а помочь можно не столько похвалами, сколько деловой критикой и проверкой выполнения ими партийных решений. И в руководстве хозяйством со стороны парторганизаций имеются большие недочеты. Мы часто верим на слово, не вникая глубоко в изучение материалов, или ограничиваемся общим докладом.

Вот, например, в прошлом году мы заслушали доклад Донугля, приняли по докладу резолюцию[104]; как полагается, одобрили – всегда ведь одобряют или в лучшем случае умалчивают.

Ворошилов. Всегда одобряют, а нужно бы подумать хорошенько.

Каганович. А вопрос об импортном оборудовании, который потом обнаружился как один из самых больных вопросов в работе Донугля, не только не был поставлен, но даже не был освещен в докладе Донугля.

Или приходит к нам в Политбюро ЦК Украины Югосталь и ставит вопрос о том, что надо ходатайствовать об отпуске на столько-то миллионов импортного оборудования. Мы заслушали, обсудили и поддержали просьбу Югостали. А потом оказывается, что это импортное оборудование лежит неиспользованным.

Ворошилов. А почему же вы поддержали?

Каганович. Это и есть наши недостатки в руководстве хозяйством, которые мы должны исправить.

Ворошилов. Самобичеванием не занимайся.

Каганович. А ты не мешай самокритике. Самым вредным было бы самовосхваление или умалчивание, увертывание. Я об этом говорю не потому, что хочу самобичеваться, – смешно для большевика выступать в роли самобичующегося и посыпать главу пеплом – дело не в этом. А дело заключается в том, что мы должны вскрыть все эти недостатки для того, чтобы их исправить и в дальнейшем не получать такие сюрпризы, как шахтинское дело.

Несколько слов еще по двум вопросам, о советах и о кадрах.

Вот здесь поднимался вопрос о советах – о советской власти в Донбассе. Конечно, «не такий чорт страшний, як його малюють». Советы в Донбассе существуют, в каждом поселке – поселковый совет. Но у них нет материальной базы.

Полтора года тому назад после объезда Донбасса мною был поставлен вопрос о том, что советы в Донбассе, не имея почти никакой материальной базы, конечно, не могут развернуть активной работы и пользуются поэтому слабеньким авторитетом среди рабочих. И действительно. Водопровод находится на территории шахты, он не может быть выделен в коммунальное хозяйство. Жилища находятся в ведении рудо-

управлений, и ассигновки, утверждаемые вами здесь в Москве на постройку жилищ, идут не через коммунальный банк и не через коммунальное хозяйство, а через Донуголь. Он же и строит, он же и сам распределяет жилплощадь среди рабочих.

Ведь для того, чтобы передать всю эту материальную базу советам, мы должны перечислить все это имущество Донугля на местное хозяйство, должны повысить зарплату рабочим, чтобы возместить необходимую плату за коммунальные услуги и т. д. и т. д. Это, конечно, колоссальнейшая реорганизация. Примерно год тому назад я беседовал по этому вопросу с тов. Ломовым, который мне ответил, что сейчас, в середине хозяйственного года, невозможно менять всю структуру и передавать советам имущество.

У нас же по поручению Политбюро ЦК Украины разработано положение о поселковом совете, функции которого определены как органа действительно местной единицы власти. В ближайшее же время мы это положение начинаем проводить в жизнь. Но нужно скорее решить вопрос о материальной базе совета, и тогда не будет надобности говорить о том, что в Донбассе нет советской власти.

По вопросу о кадрах. Я считаю, что вопрос о кадрах, вопрос о подборе людей, наряду с вопросом о контроле над проведением в жизнь наших решений, является центральным в наших выводах по шахтинскому делу. Гвоздь вопроса, как говорил Ильич на XI съезде партии, конечно, в людях[105]. У нас же в смысле подбора людей имеются такие недостатки, которые требуют того, чтобы мы занялись этим вопросом особенно серьезно.

Конечно, имеющийся у нас сейчас кадр хозяйственников – это лучшее, что партия могла дать. Это верно. Но мы вступили сейчас в самую сложную полосу хозяйственного строительства – полосу реконструкции нашей промышленности на основе бывшей технической базы. Мы сейчас орудуем сотнями миллионов, миллиардами рублей. И, конечно, одним пролетарским чутьем, одной способностью импровизации не можем особенно двинуться вперед.

Наши хозяйственные работники должны сейчас, так сказать, перевооружиться, должны более решительно и серьезно взяться за подготовку себя к тем важнейшим задачам, которые стоят перед нами в их работе. Нужно поднять культурный уровень, грамотность нынешнего кадра хозяйственников, конечно, не нужно ударяться в крайность и освободить хозяйственников, как некоторые предлагают, совершенно от общественной работы. Этого делать нельзя. Хозяйственник должен заниматься общественной массовой работой, он не должен быть только узким специалистом в своей области работы. Другое дело – временное освобождение части работников (и здесь тов. Бубнов совершенно прав) для специальной переподготовки.

В то же время вопрос о подготовке командного состава для низового и среднего звена нашей промышленности является также особо важным, коренным вопросом. У нас имеются тысячи старых пролетариев, мастеров, рабочих с опытом работы в течение десятилетий. Если подготовить грамотного практика рабочего и поставить его на ту или иную работу на заводе, в цеху, вместе с молодым, окончившим ВУЗ, тогда у нас и получится теоретически грамотный инженер или техник со старым пролетарием, имеющим колоссальный практический опыт на производстве. Я думаю, что польза от этого будет огромная. Необходимо сейчас в подготовке молодых специалистов взять большую целевую установку, необходимо больше организовать дела набора и разделения, а главное, больше связать учащихся с производством и с органами хозяйственного управления. Конечно, мы должны будем отказаться от установленной «схемы».

Многие товарищи находятся в плену у схемы вместо учета существа задачи. Вот, по поводу передачи некоторых технических ВУЗов в ВСНХ отдельные товарищи ука-

зывают, что, мол, «принципиально нельзя разрушать систему нашего народного просвещения, что придется с/х ВУЗы отдать земельным органам, а медицинские НКЗдраву» и т. д. Товарищи, я думаю, нельзя доводить мысль до логического абсурда. В данном случае речь идет о чем? Речь идет о том, чтобы мы подготовили для самого важного участка фронта, где у нас получился прорыв, – для промышленности – командный состав. Кто может его больше всего подготовить? Тот, кто больше всего заинтересован, кто ближе к этому стоит.

Скрыпник. Тот, кто умеет.

Каганович. Тов. Скрыпник, насчет умения, я думаю, можно в одинаковой степени и у ВСНХ, и у НКПроса найти уменье и неуменье.

Скрыпник. Металл вырабатывают на заводе, а инженеров – педагоги.

Каганович. Нельзя цепляться за голую схему. Педагоги могут учить будущих инженеров и тогда, когда ВТУЗы будут у ВСНХ. Надо, чтобы была целевая установка. Нельзя вопрос о подготовке командного состава для промышленности ставить только с точки зрения культурнической. Этот вопрос нужно ставить с точки зрения заинтересованности подготовки себе командного состава, и нельзя тут, конечно, впадать в схематизм. Нечего бояться «нарушения» схемы.

По моему мнению, нужно поддержать предложение о передаче ВСНХ нескольких ВТУЗов, надо еще расширить сеть краткосрочных курсов, которые подготовят нам рабочих, техников, штейгеров и т. д. Этим самым мы сумеем себя постепенно и систематически оградить от вредителей из среды старых специалистов, которые затирают, которые не дают хода не только молодым, но и тем старым честным специалистам, которые стоят ближе к нам, ближе к партии.

Г о л о с а. Перерыв. Перерыв.

Председатель. Объявляется перерыв. Следующий первый оратор тов. Молотов, затем тов. Ломов.

(П о с л е п е р е р ы в а.)

Председатель. Слово имеет тов. Молотов.

Молотов. В числе трех товарищей, командированных ЦК в Донбасс в связи с шахтинским делом, был командирован и я. Но ввиду того, что мне пришлось работать в комиссии по составлению резолюции, я не успел дать докладную записку о своей поездке. Поэтому прошу дать мне, как полагается, 40 минут. (С м е х.)

Г о л о с а. Просим.

Председатель. Есть предложение предоставить тов. Молотову 40 минут.

Г о л о с а. Дать, дать.

Молотов. Вопрос, который мы обсуждаем в связи с шахтинским делом, имеет исключительно большое значение для нашей хозяйственной работы. До сих пор вопросы индустриализации страны мы обсуждали в такой связи: индустриализация и средства для нее, индустриализация и техника, индустриализация и план и т. п. Шахтинское дело выдвигает перед нами вопрос об индустриализации в такой постановке: индустриализация и вопрос о людях, вопрос о кадрах, вопрос о руководителях. Это во-первых. А во-вторых, шахтинское дело заостряет наше внимание на вопросе об участии масс в руководстве производством. На этих двух вопросах я и думаю остановиться.

Прежде чем перейти к этим вопросам, хочу сказать о том противоречии, которое каждому из нас бросается в глаза в связи с шахтинским делом. Это противоречие, как известно, заключается в следующем: с одной стороны, вскрылась глубокая подрывная работа вредителей в нашей экономике, с другой – за последние годы мы быстро шли по пути хозяйственного роста. В частности, это противоречие ярко сказывается в са-

мом Донбассе. Производственная программа по углю в Донбассе (в целом) в настоящем году должна превысить 28 млн. тонн, по отношению к довоенному уровню это составит больше 112%. Значит, Донбасс в этом году переходит за довоенную черту. Значит, Донбасс восстановлен.

Однако это лишь одна сторона дела. Другая сторона, вскрывающая крупнейшие недостатки нашей хозяйственной работы, заключается в вопросе о себестоимости продукции. С себестоимостью продукции Донугля дело обстоит вовсе не так благополучно, как с количественным ростом его продукции. Так, в прошлом году себестоимость продукции Донугля поднялась на 4% против предыдущего года, и это несмотря на то, что производительность труда рабочих возросла на 8%. Конечно, вопрос о высокой себестоимости связан не только с угольной промышленностью. В истекшем хозяйственном году наша индустрия как раз в этой области почти не сдвинулась с места. В настоящем году намечено снижение себестоимости на 6%, причем и это задание, как теперь принято выражаться, считается «напряженным», почти что непосильным. Между тем себестоимость теперешней промышленной продукции настолько велика, что предполагаемое снижение на 6%, если даже оно будет осуществлено, будет совершенно недостаточным и прямо мизерным успехом нашей хозяйственной работы.

Вот почему внимание партии и рабочего класса должно быть особенно заострено к тем тормозам развития советского хозяйства, которые перед нами вскрываются в связи с шахтинским делом. А эти тормозы, несомненно, велики, и преодоление их должно в огромной мере развернуть внутренние силы хозяйственного строительства в условиях советской системы.

Из поездки в Донбасс я мог бы привести ряд примеров того, как не только в Шахтинском районе теперь раскрывается явно преступная деятельность наших врагов-вредителей. Так, в Щегловском руднике мне рассказывали о двух шахтах, преступно затопленных одним из арестованных теперь инженеров-вредителей, Кузьмой. Этим инженером здесь была затоплена в 1920 году шахта Григорьевка, имеющая, по данным рудоуправления, запас лучшего угля в 300 миллионов пудов, а в 1922 году была затоплена другая шахта – Берестовка, имеющая запас такого же угля в 700 млн. пуд. Теперь в Щегловском руднике работает одна крупная шахта – Пастуховка, с плохим, крайне зольным углем. Эта последняя за нерентабельностью должна быть скоро закрыта. Про две затопленных шахты теперь говорят, что восстановление их было бы нецелесообразно из-за происшедших в них разрушений, и потому теперь поставлен вопрос о закладке новой шахты. Вредительская работа Кузьмы и его агентов теперь раскрыта, но богатейший Щегловский рудник, как видите, подорван. Понятно, что некоторые старые рабочие Щегловского рудника и теперь плачут, когда рассказывают о преступлении Кузьмы. Плакал и теперешний заведующий Щегловским рудоуправлением тов. Фесенко – коммунист, донбасский рабочий, когда рассказывал про это дело.

Но, скажут, это было сравнительно давно, 6–8 лет тому назад. Однако и теперь, до последнего момента явно преступная вредительская работа наших врагов в Донбассе не прекратилась. На ряде других рудников Донугля и на таком крупном предприятии Югостали, как Макеевский завод имени Томского, до сих пор открываются вопиющие контрреволюционные подвохи нашему производству. Из того, что мне пришлось видеть и слышать в Сталинском округе, у меня сложилось твердое представление, что вредительская работа Шахтинского района явно находит свое продолжение в ряде других районов Донбасса. Это требует от партии, профессиональных союзов и всех наших хозяйственников усиленного внимания к борьбе с недостатками в хозработе, не предаваясь успокоению по поводу имеющихся уже крупных количественных результатов в росте хозяйства.

Отсюда перейду к вопросу о людях, к вопросу о хозяйственных кадрах. Именно этот вопрос встал перед нами во весь рост, и прежде всего потому, что на него мы не обращали должного внимания. А теперь этот вопрос связан с вопросом о методах работы хозяйственников, с вопросом об отношении к старым буржуазным специалистам, с вопросом о подготовке новых кадров красных специалистов, с вопросом о выдвиженцах-рабочих. Так он и поставлен в проекте резолюции Политбюро.

Остановлюсь прежде на вопросе о методах работы наших хозяйственников.

Тов. Куйбышев напрасно доказывал ошибочность такого мнения, что все наши хозяйственники представляют собою не что иное, как комиссаров плохого типа. Ошибочность этого мнения очевидна.

Г о л о с а. Правильно.

Молотов. Среди наших хозяйственников немало превосходных руководителей отдельных предприятий и целых трестов. Однако комиссарский характер работы представляет типичное явление для многих и многих хозяйственников. А между тем задачи теперешних руководителей советских предприятий настолько велики и сложны, а опыт десятилетней хозяйственной работы настолько богат, что партия должна поставить во весь рост задачу перехода к новым методам хозяйственной работы. Между тем теперешние условия работы хозяйственников нередко превращают их в комиссаров, и притом в комиссаров **плохого** типа. На этом мы и должны сейчас заострить внимание партии и рабочего класса.

В первый период Октябрьской революции комиссарский метод работы сыграл исключительно важную роль, и без него мы бы не могли приняться за восстановление хозяйства, как и за строительство Красной Армии. В этот первый период мы начали с того, что на отдельные предприятия и в целые хозяйственные объединения формально назначали комиссаров. Но от этого метода хозяйственного руководства мы уже давно отказались. Формально давно уже на предприятиях у нас не комиссары, а управляющие и директора. Однако по существу комиссарский характер работы является во многих отношениях типичным, во многих отношениях характерным для наших хозяйственников и в настоящее время. Да и партия до сих пор не ставила перед хозяйственниками задачу отказа от этих методов работы и перехода к новым методам, к действительному овладению всей производственной жизнью предприятия.

Сами условия работы хозяйственников до сих пор были таковы, что мешали и мешают нашим хозяйственникам полностью овладеть порученным им делом. Взять хотя бы такой факт, как частая сменяемость хозяйственников. Приведу один пример из этой области, касающийся Макеевского завода, где работает свыше 13 тысяч рабочих. Этот завод был пущен, после некоторого перерыва, в 1924 году и входит в качестве основной единицы в состав Макеевского комбината. И вот, оказывается, за четыре последних года в Макеевском комбинате уже шестой по счету управляющий комбинатом и седьмой директор этого Макеевского завода. Прибавьте к этому, что один из наиболее долго управлявших комбинатом, тов. Кирилкин, занимая этот пост 11 месяцев, провел в Харькове и в Москве за это время целых пять месяцев. А ведь это одно из крупнейших предприятий не только Донбасса, но и всего Советского Союза! Такое положение со сменой управляющих крупнейшими предприятиями не может привести ни к чему хорошему; будь хоть семи пядей во лбу тот хозяйственник, который ставится на несколько месяцев во главе Макеевского комбината, он ничем другим, как плохоньким комиссаром, сделаться не может. Возьмите другую сторону дела. Нашим хозяйственникам приходится принимать активное участие в местной общественной жизни, и от этого мы ни в коем случае не можем отказаться. В результате на практике на хозяйственника падает бесконечное количество всяких отчетов и докладов, заседа-

уний и комиссий. Ряд хозяйственников в Донбассе мне говорили о том, что бульшее количество дней в неделе они оторваны от непосредственной производственной работы на всякие другие дела. Попробуйте после этого по-настоящему овладеть всей жизнью предприятия! Если к этому прибавить те условия, которые для работы хозяйственника на месте создаются в результате недостатка планирования в центре, в результате сугубого централизма, который душит инициативу руководителя предприятия, то станет еще яснее исключительная трудность условий работы наших хозяйственников.

Наконец, следует остановиться и на правовых условиях, в которые поставлен хозяйственник. Здесь следует остановиться на приказе № 33.

Приказ № 33 имел в свое время положительное значение как приказ, подчеркивавший необходимость строгой ответственности технических руководителей в предприятии за порученное им дело. Но на основе этого приказа были изданы такие так называемые «типовые положения» для отдельных отраслей промышленности, которые поставили хозяйственников-руководителей в совершенно ненормальные условия. Эти «типовые положения» ввели на предприятии такие нормы, при которых фактическим руководителем важнейших сторон производства, и прежде всего фактическим руководителем всего технического персонала, делался технический директор. Несмотря на оговорки о том, что сам технический директор утверждается с согласия директора предприятия, роль главного специалиста в предприятии настолько была подчеркнута в этих «типовых положениях», что в значительной мере права директора предприятия были обрезаны. В текстильной же промышленности было принято такое «типовое положение», которое в корне подрывает положение директоров предприятий, ставя их в прямую зависимость от главного специалиста в тресте. В этом положении прямо говорится: «Заведующий фабрикой нанимается и увольняется заведующим техническо-производственной части комбината с утверждением директором комбинатом». Здесь уже не только технический персонал, но и директор предприятия отданы в подчинение техническому руководителю треста, что сказано к тому же столь выразительным языком, как «нанимается и увольняется». При таком положении коммунист-руководитель не может стать настоящим руководителем предприятия. Несмотря на то, что в прошлом году было издано новое положение о взаимоотношениях хозяйственников-руководителей и технических специалистов и это положение создает необходимое единство руководства на предприятиях, обеспечивая полное руководство за директором предприятия, еще и до сих пор указанные «типовые положения» дают себя знать на многих предприятиях. Тот, кто попытается это отрицать, сделает большую ошибку.

Мне пришлось натолкнуться на факт открытой борьбы спецов за восстановление полного действия приказа № 33. В Сталине мне показали резолюцию собрания инженеров и техников Макеевского завода, вынесенную ими на своем собрании 16 февраля этого года. В этой резолюции макеевские специалисты резко протестовали против методов работы нового директора завода, обвиняя его в неправильном отношении к специалистам, в зажиме в отношении технического персонала и т. п., при этом резолюция демагогически выставляла инженеров и техников сугубыми защитниками рабочих. По моему предложению в Макеевском заводе было устроено общее собрание техников и инженеров, где я обратился к присутствующим с предложением объяснить, чем вызвана их резолюция 16 февраля. В результате этого собрания, на подробностях которого я не буду здесь останавливаться, была вынесена новая резолюция. В этой резолюции острые углы первого решения были сглажены, но зато резолюция оканчивалась следующим выводом: «Необходимо в ближайшем будущем провести в

жизнь положение о правах и обязанностях технического персонала на основе приказа ВСНХ за № 33». Вот тогда мы, и особенно тов. Сталин, занялись внимательным чтением приказа № 33 и тех «типовых положений», которые были изданы на основе этого приказа. То, что выяснилось в результате наших раскопок, я уже сказал. Сейчас мне остается только подчеркнуть тот факт, что и до сих пор инженеры и техники открыто ведут борьбу за полное восстановление действия этого приказа № 33, несмотря на то что не только ВСНХ, но и правительством, ЦИКом и Совнаркомом этот приказ в прошлом году заменен новым постановлением, меняющим правовое положение директора предприятия. После этого нельзя говорить о том, что приказ № 33 уже потерял свое значение на практике. Должен к этому добавить, что на совещании в Сталине директор Сталинского комбината тов. Базулин, видный хозяйственник в Донбассе, тоже говорил о том, что до недавнего времени известный спец – Свицын, теперь арестованный, был в Югостали тем лицом, которое назначало и смещало весь технический персонал. Таким образом, и здесь до недавнего времени технический персонал зависел больше от технического директора, чем от руководителя треста. Все это говорит о тех ненормальных условиях работы хозяйственников-коммунистов, на которые мы должны обратить теперь серьезнейшее внимание.

У нас есть известные кадры хозяйственников, которые прочно, целиком овладели своим делом, роль которых в предприятии не ограничивается ролью плохого комиссара, но является ролью настоящего руководителя.

Ройзенман. Правильно.

Молотов. Однако задача полного овладения предприятием, задача овладения не только административной, но и производственно-технической стороной дела по-настоящему до сих пор не была поставлена, да до недавнего времени мы ее и не могли поставить. Именно потому, что теперь у нас накопился огромный хозяйственный опыт, что у нас создались свои кадры хозяйственников, мы и должны по-новому поставить задачу перед хозяйственниками-коммунистами, руководящими предприятиями. Теперь, когда промышленность наша перешагнула довоенный уровень, когда мы развертываем огромное капитальное строительство, когда дело рационализации приобретает исключительно важное значение, – теперь перед хозяйственниками должна быть поставлена более сложная, чем раньше, задача – овладеть в полном смысле слова всей производственной жизнью предприятия. Шахтинское дело, показывающее, насколько плохо мы еще овладели делом производства, насколько легко нас было до сих пор надувать и опутывать в хозяйственной работе, – ставит ребром перед нашими хозяйственниками задачу овладения производственно-технической стороной дела. Этот вывод является важнейшим выводом для дальнейшей работы хозяйственников. То, что было невозможно в первый период Октябрьской революции, то, с чем мы должны были мириться в прошлом, то на одиннадцатом году революции уже нельзя оставить по-старому. Вместо слепого доверия к работе специалистов, вместо столь еще частого штемпелевания всех и всяких прожектов спецов необходимо со всей остротой поставить вопрос не только о законном и абсолютно необходимом для коммуниста минимуме недоверия в отношении к буржуазным специалистам, но и о действительном и систематическом изучении всей производственной жизни предприятия и на этой основе, на основе роста знаний и усиленной учебы у квалифицированных специалистов, полного овладения жизнью предприятия. В этом партия и профсоюзы должны оказать всяческую поддержку нашим хозяйственникам.

Теперь о специалистах. Важнейшим вопросом в связи с шахтинским делом является вопрос о том, как могла группа явных вредителей, явных контрреволюционеров оставаться неразоблаченной в своей работе в течение ряда лет. Ясно, что наряду с де-

лом вредителей мы должны помнить о том факте, что пассивное отношение к вредительским преступлениям было у значительной части не участвовавших в контрреволюционной организации инженеров и техников. Этот последний факт имеет не меньшее значение, чем самый факт контрреволюционного вредительства в Донбассе. Наличие кастовой замкнутости и пассивного отношения к хозяйству советского государства со стороны массы техников и инженеров здесь сказалось в такой резкой форме, что на этом факте необходимо заострить внимание партии и рабочих. Следует еще отметить тот факт, что шахтинское дело ГПУ раскрыло без всякого содействия кого-либо из специалистов. Такого положения мы ни в каком случае не можем терпеть в дальнейшем. Тем более что здесь явно вскрываются крупнейшие недочеты нашей работы, работы партии и особенно работы профессиональных союзов. Эти недочеты сказались здесь в очевидном неумении с нашей стороны подчинить своему влиянию и по-настоящему привлечь к работе основные кадры специалистов.

В связи с этим я приведу мнение Владимира Ильича о методах привлечения специалистов. В своей речи «Об очередных задачах советской власти» в 1918 году Ленин говорил об этом таким образом: «Лучшие организаторы и крупнейшие специалисты могут быть использованы государством либо по-старому, по-буржуазному (т. е. за высокую плату), либо по-новому, по-пролетарски (т. е. созданием той обстановки всенародного учета и контроля снизу, которая неизбежно и сама собою подчинила и привлекла бы специалистов)»[106].

Так Ленин говорил ровно десять лет тому назад, в апреле 1918 года. С тех пор мы прошли очень большой стаж хозяйственной работы.

В первый период нам пришлось поставить элементарную задачу: сломить массовый саботаж специалистов и заставить их работать для пролетарского государства. Этого мы добились сравнительно быстро. Затем потребовалось особое внимание к делу создания благоприятных материальных и бытовых условий для работы специалистов. И в этом отношении сделано за прошедшие годы немало. В течение всех этих лет партия и профсоюзы вели постоянную борьбу с огульно отрицательным отношением к буржуазным специалистам со стороны отсталых рабочих. Эта борьба, борьба со спецеедством, дала также свои положительные результаты. Все мы, ездившие по поручению ЦК в Донбасс, Ярославский, Томский и я, констатировали, что в массе рабочих нет спецеедческих настроений. К честным работникам-специалистам рабочие относятся вполне сознательно и работают под их руководством хорошо.

Однако вопрос об отношении к специалистам и в настоящее время вовсе нельзя считать решенным удовлетворительно.

Шахтинское дело вскрывает в весьма острой форме наличие злобных врагов рабочего класса среди определенной части специалистов, главным образом из бывших собственников и некоторых особо привилегированных в прошлом элементов. Это дело показало особенно ярко новые методы борьбы контрреволюционной буржуазии с рабочим классом. Притупившееся чутье коммуниста нередко явно облегчало работу контрреволюционных вредителей. Последние, в свою очередь, достаточно изучили наши недостатки и слабости, достаточно присмотрелись ко многим и многим из наших работников, чтобы бить по очень чувствительным для пролетарского государства местам и при этом долго оставаться незамеченными в своей подрывной работе. С другой стороны, наше влияние, влияние партии и профсоюзов, среди массы специалистов оказалось совершенно недостаточным даже для того, чтобы на несколько лет раньше вскрыть преступления шайки вредителей в Донбассе. Вот почему вопрос о методах использования специалистов пролетарским государством должен теперь требовать особого внимания со стороны нашей партии.

Если вдуматься в то, что говорил Ленин десять лет тому назад о двух методах использования буржуазных специалистов, то следует признать, что наше использование специалистов все еще в основном идет «по-старому» методу, «по-буржуазному». Это значит, что в методе использования специалистов до настоящего времени мы обращали главное внимание на вопрос о высоком жаловании, премии и т. п. И мне кажется бесспорным, что, при всей необходимости усиленного внимания к материальным и бытовым нуждам специалистов и в дальнейшем, главное сейчас лежит не в этой плоскости. В самом деле, вряд ли можно сейчас защищать необходимость дальнейшего значительного увеличения окладов и премий специалистам. В этом отношении, в отношении окладов и премий, в большинстве случаев идти вверх уже нецелесообразно. Следовательно, «старый», «буржуазный» метод использования специалистов в основном нами использован, и, не отказываясь от него в дальнейшем, мы должны признать очевидную недостаточность этого метода в настоящих условиях. Чего у нас действительно не хватает в деле использования специалистов, так это развития «нового», «пролетарского» метода. Ленин указывал, что «новый», «пролетарский» метод использования специалистов заключается в таком «всенародном учете и контроле снизу», который делает неизбежным переход массы специалистов на сторону пролетарского государства. Вот в этом направлении мы и должны теперь усиленно работать. На одиннадцатом году революции именно на эту задачу и должно быть направлено особое внимание руководящего класса советского государства. Этот пролетарский метод использования специалистов предъявляет особо высокие требования в отношении работы профсоюзов. Предпосылками для пользования этим методом являются значительное развитие плановых элементов в нашем хозяйственном строительстве, с одной стороны, и рост работы производственных совещаний и конференций внизу – с другой. Эти предпосылки (плановое руководство хозяйством и участие рабочих масс в руководстве производством) приобрели уже крупнейшее значение, и в этом отношении 1928 г., конечно, несравним с 1918 г.

На работе производственных совещаний я еще остановлюсь дальше, здесь же считаю нужным подчеркнуть значение той работы профсоюзов, которая должна по-настоящему включить массу специалистов в общую семью профессионально-организованных работников пролетарского государства. Подлинно советское, пролетарское влияние профсоюзов на массу техников и инженеров сейчас совершенно недостаточно. На эту задачу профсоюзы явно не обращали внимания. Между тем у нас есть все основания рассчитывать, что в современных условиях мы можем повести за собой и подчинить своему политическому руководству основную массу технического персонала. Тов. Рыков абсолютно прав, что мы не должны требовать от каждого специалиста расписки в том, что он стоит за социализм, что он принципиально высказывается за пролетарскую революцию. К тому же такая расписка, действительно, оказалась бы во многих случаях просто фальшивой. Но, вместе с тем, внимательным отношением к материальным и бытовым нуждам специалистов, вовлечением инженеров и техников в работу производственных совещаний, сближением массы специалистов с основными кадрами рабочего класса в общей профессиональной организации, развитием политической работы в этой среде мы могли бы теперь добиться того, чтобы основная часть техников и инженеров, ее подлинная масса, честно и с энтузиазмом работала для пролетарского государства. Теперь же профсоюзами в этом отношении почти ничего не делается.

Мне приходилось знакомиться в Донбассе с работой ряда инженерно-технических секций при профсоюзах. Ни в одном случае я не мог найти хорошего примера работы инженерно-технической секции, но зато в ряде случаев я видел, что инженерно-

технические секции находятся либо под прямым влиянием враждебных нам элементов, либо являются замкнутой группой во главе с привилегированной верхушкой спецов. Как правило, инженерно-технические секции занимаются только шкурными вопросами, отвоевыванием себе прав, преимуществ, премий и т. п. Такое положение не может вести к сплочению специалистов вокруг наших советских и профессиональных органов. Зато на такой почве процветает кастовая обособленность этой части работников советского хозяйства, что так помогает прикрытию преступлений вроде шахтинского дела. Такое положение в дальнейшем нетерпимо, мы должны тут добиться решительного перелома. Мы должны развернуть широкую работу профсоюзов среди специалистов, с тем чтобы теперь, действительно, в деле использования специалистов в нашем государстве на первое место был выдвинут «новый», «пролетарский» метод. В начале второго десятилетия пролетарской революции пора вспомнить указание Ленина об использовании пролетарского метода влияния на основную массу специалистов.

Кратко остановлюсь на вопросе о новых кадрах красных специалистов.

Из поездки в Донбасс я имел возможность убедиться, что во многих случаях отношение старых специалистов к нашим красным специалистам несочувственное и нередко открыто враждебное. Между тем теперь выходят тысячи новых работников из наших ВТУЗов, и мы должны добиться благоприятных условий для их работы. В связи с этим должен быть поставлен по-новому и вопрос о подготовке красных специалистов.

Роль ВСНХ в этой подготовке должна быть радикально изменена. Возражения Наркомпроса против передачи некоторых ВТУЗов в ведение ВСНХ имеют слишком ведомственный характер. Опыт военного ведомства нам показал, что возможность подготовлять собственные кадры сыграла огромную роль в деле создания подлинно новой, подлинно Красной армии. Нельзя к ВСНХ относиться таким образом, что его дело только заниматься машинами, оборудованием, сырьем и т. п. ВСНХ – важнейший государственный орган, управляющий всей нашей промышленностью. Необходимо, чтобы ВСНХ имел возможность воспитывать и подготовлять для своей работы руководителей, иначе ему не справиться с делом огромных капитальных работ и радикальной рационализации производства. Думать, что Наркомпрос может подготовить для всех отраслей промышленности нужных специалистов (не говоря уже о том, что на Наркомпросе лежит задача подготовки всяких других специалистов), – это значит за видимостью хорошей схемы забыть о решении труднейшей практической задачи. ВСНХ распоряжается не только машинами, но и огромными кадрами работников. Надо, чтобы распоряжение этими кадрами было теснейшим образом связано с делом подготовки их. Для этого необходимо провести передачу части ВТУЗов, хотя бы в виде опыта, в распоряжение ВСНХ.

Наконец, вопрос о выдвиженцах.

В Сталинском округе мне бросилось в глаза, что дело выдвиженчества в промышленных предприятиях за последнее время быстро шагает вперед. На крупных металлургических предприятиях и в ряде рудников я познакомился с данными по выдвижению рабочих на ответственную административно-техническую работу. При этом большой кадр выдвиженцев-рабочих теперь работает не только на низших постах десятников, заведующих участками и т. п., но и на весьма важных постах помощников начальников и начальников цехов, помощников заведующих шахт и т. п. Есть и крупные ненормальности в деле выдвиженчества. Так, в большинстве случаев выдвиженчество сводится к выдвижению только коммунистов. Или такой пример: на Макеевском заводе завели огромный «резерв выдвиженцев», достигающий свыше 300 кандидатов, что, несомненно, ведет к развитию нездорового карьеризма. Эти и подобные

извращения необходимо исправить. Но главный недостаток выдвиженчества заключается в том, что совершенно не обращается внимание на задачу специального производственного обучения рабочих-выдвиженцев. О необходимости специальной квалификации для выдвиженцев говорят, но ничего на практике не делают. Эта задача не поставлена на ноги: руководства хозяйственных органов в этом отношении нет, а профсоюзы еще не обратили на это дело внимания. Между тем, если дело останется в таком положении, то идея выдвиженчества будет дискредитирована. Необходимо обратить внимание на развитие специальных, в частности вечерних, курсов для постановки специального обучения выдвиженцев. Только при такой специальной подготовке, только при развитии подобных курсов роль коммуниста-выдвиженца не будет сводиться к занятию мелочами и всякими «неприятными» для администрации делами с рабочими.

Мне остается хоть в двух словах остановиться на вопросе об участии рабочих масс в деле руководства производством. В связи с этим я хотел бы подчеркнуть те обязанности партийных и профессиональных организаций Донбасса и вместе с тем наших центральных органов, которые лежат на них в отношении обслуживания насущнейших нужд рабочих Донбасса.

В первые годы нашей мирной хозяйственной работы в Донбассе особенно сильно сказался пафос восстановления своей промышленности. Для восстановления своей промышленности рабочие Донбасса шли на любые жертвы. Партийные и профессиональные организации были также всецело захвачены этим настроением. В свое время тов. Пятакову из-за слишком администраторского перегиба не удалось найти правильного подхода к этому основному настроению донецких рабочих. Но зато тов. Рухимовичу это в свое время удалось даже «слишком». Это привело к тому, что в течение определенного времени – так было 3–4 года тому назад – партийные и профессиональные организации Донбасса в значительной мере находились под гегемонией Донугля. Как известно, здесь получился даже перегиб в сторону чрезмерной зависимости парт- и профорганов от Донугля. Это выражалось одно время и в широкой материальной зависимости проф- и парторганов от местных хозяйственных организаций. К сожалению, и до сих пор даже материальная зависимость от хозорганов местных массовых организаций далеко не уничтожена, а с этим, конечно, нужно решительно покончить. Но то, что и сейчас приходится подчеркнуть, – это отсутствие во многих случаях «лица» у местных партийных и профессиональных организаций, на что до сих пор нередко и справедливо жалуются рабочие Донбасса. К сожалению, и до сих пор «лицо» местных партийных и профессиональных организаций слишком похоже на лицо хозяйственных органов, а в результате страдает защита насущнейших нужд рабочих.

Пример с несоблюдением 6-часового рабочего дня на подземных работах в Донбассе является весьма показательным. Надо, впрочем, учесть, что до последнего времени этот вопрос вряд ли мог быть актуальным в Донбассе. Дело восстановления Донбасса настолько захватывало рабочих, а вместе с ними и местные организации, что рабочие шли на отказ от законного права точного осуществления 6-часового рабочего дня в отношении ряда категорий подземных работ. Законодательство о труде нарушалось, но зато Донецкий бассейн шел успешно по пути восстановления, – и это примиряло рабочих с нарушением их прав. Однако такое положение не может быть терпимо в настоящих условиях. Советское государство добилось восстановления Донбасса; в легкой промышленности вводится 7-часовой рабочий день; во всех отраслях промышленности развертываются широкие рационализаторские мероприятия. Эти успехи хозяйственного строительства советского государства нельзя не использо-

вать для того, чтобы значительно улучшить условия работы горняков. В связи с этим совершенно неотложной является ликвидация всяких нарушений Кодекса о труде в отношении подземных рабочих. И все же местные организации до сих пор не решаются поставить этого вопроса. На собрании партийного актива в Сталине я выдвинул мысль о необходимости точного соблюдения 6-часового рабочего дня согласно Кодекса законов о труде. И даже председатель окружного профессионального совета выступил на активе с заявлением, что это неосуществимо, что это несвоевременно, а другие товарищи и вовсе обошли в своих речах этот вопрос. Настолько до сих пор пафос хозяйственного строительства отодвигает у местных работников те задачи, которые теперь являются неотложными в деле защиты насущнейших нужд рабочих.

Трудность проведения этой меры не могла не сдерживать инициативы местных организаций в данном вопросе. Поэтому со стороны Центрального Комитета партии здесь необходима ясная директива. Ликвидация нарушений Кодекса закона о труде и правильное проведение 6-часового рабочего дня на подземных работах должны быть осуществлены в течение ближайшего периода. Это требует ряда мероприятий по механизации работ в шахтах, ряда мер по более рациональной организации использования рабочей силы. Однако осуществимость 6-часового рабочего дня на подземных работах вытекает из того, что до сих пор нередки случаи, когда фактически производственная работа под землей ограничивается $3^1/_2$–4 часами.

Удовлетворение ряда других острых бытовых нужд рабочих Донбасса должно быть также сдвинуто с места. Сюда относятся вопросы о воде, о жилище, о бане, о культурных учреждениях в рабочих районах. Необходимо, чтобы рядом практических мероприятий уже в ближайшее время советская власть и партия подчеркнули свое стремление добиться скорейшего сдвига в улучшении положения донецких рабочих.

Все эти мероприятия, в свою очередь, должны во многом помочь усилению активности рабочих в деле их участия в управлении производством.

Производственные совещания уже стали играть в нашей промышленности крупнейшую роль. Несмотря на то, что профессиональные и партийные организации, не говоря уже о хозорганах, совершенно не сумели еще развернуть эту работу, производственные совещания переходят от мелких вопросов к важнейшим вопросам производства. Развить работу производственных совещаний и значительно расширить практику временных контрольных комиссий – это значит идти по тому действительно пролетарскому пути организации хозяйства, без которого не может быть подлинных успехов хозяйственного строительства в Советской республике. Это должны запомнить наши хозяйственники. Те профсоюзы, которые не подойдут к этому делу вплотную, далеко не отразят растущих запросов рабочих. Рабочий не только болеет за производство, не только готов нести жертвы для поднятия хозяйства, но у него уже в огромной мере сказывается стремление активно участвовать в управлении производством. Надо всячески помочь развитию этого стремления в рабочих массах, ибо участие рабочих в руководстве производством, несомненно, даст нам гораздо более крупные успехи в подъеме хозяйства, чем мы имели до сих пор.

Шахтинское дело вскрыло перед нами многочисленные недостатки хозяйственной работы. Ответственность за это лежит не только на местных организациях, но и на центральных. В конце концов, главную ответственность перед рабочим классом несет партия. Особенно большую ответственность партийные организации несут за то, что они до сих пор не проявляли должной чуткости к указаниям со стороны рабочих на эти недостатки, а между тем в этих указаниях со стороны рабочих, в частности в Донбассе, не было недостатка. Мне пришлось ознакомиться с заявлением рабочего Омельченко с Макеевских рудников, с которым он обращался еще в начале 1925 г. к

местным партийным и профессиональным органам и в котором справедливо указывал на ряд фактов возмутительной бесхозяйственности. И тогда тов. Омельченко кончал свое заявление предположением, что на Макеевских рудниках дело не обходится без экономической контрреволюции, но тогда на это дело не обратили серьезного внимания, а теперь большинство указаний тов. Омельченко подтвердилось. А сколько других заявлений рабочих прошло незамеченными со стороны наших партийных организаций! А между тем эти факты свидетельствуют о явном непонимании своего коммунистического долга со стороны партийных руководителей. Вот почему там, где говорится о недостатках хозяйственного руководства, как и там, где говорится о недостатке связи профсоюзов с массами, – там тем самым указывается на недостаток чуткости партийных организаций к голосу рабочих, на непонимание партийными органами своих обязанностей в деле руководства хозяйственной работой. Вот почему до сих пор приходится встречаться с такими фактами, которые прямо вопиют об отсутствии настоящей связи и чуткости наших организаций в отношении к рабочим.

Я должен огласить записку одного рабочего. Эта записка свидетельствует о том, насколько беззащитными чувствуют себя в некоторых случаях рабочие, несмотря на наличие всех наших профессиональных, партийных и других организаций. Только невнимательность и нечуткость организаций к защите повседневных интересов рабочих могла продиктовать рабочему Осину своеобразную «подписку», которую он дал одному из инженеров Рутченковского рудника. Вот эта «подписка»: «Инженеру Богдановичу, от рабочего Осина. Подписка. Гавриил Селивестрович, я даю слово, что больше никогда не буду ослушиваться вас, куда бы вы меня ни посылали, хотя бы в пропасть, никогда не откажусь. К сему – Николай Осин. 21 сентября. И прошу снять с меня пункт 3-й. Осин». Эта записка рабочего Осина могла быть продиктована только его отчаянием и могла появиться на свет только потому, что тов. Осин не нашел настоящей защиты у наших партийных и профессиональных организаций. Как выяснили мы на месте, тов. Осин действительно был доведен до крайности теми прижимами, которые в отношении него допускал инженер Богданович, арестованный теперь по вредительскому делу. [С другой стороны, эта «подписка» говорит о том, насколько оторваны наши профессиональные и партийные организации от подлинной жизни рабочих, насколько они малоактивны в вопросах, столь кровно касающихся рабочих.] Эта «подписка» могла появиться только потому, что, с одной стороны, наши партийные и профессиональные организации были нечутки к защите насущнейших нужд рабочего, и с другой – оторваны от того, что делается в производстве, в каких условиях работают рабочие.

Вывод из всего этого, как в отношении партийных, так и профессиональных организаций, заключается в том, что и те и другие должны ближе подойти к производству, должны вплотную и по существу заняться руководством хозяйственной работой, должны усиленно работать над выращиванием новых кадров и вовлечением в дело управления хозяйством широких масс, и притом во многом и многом усилить внимательность и чуткость к запросам и нуждам рабочих масс.

Председатель. Товарищи, будем продолжать заседание или закроем его?

Г о л о с а. Закрыть.

Председатель. Заседание закрывается. Завтра первым оратором Ломов, вторым Сталин.

ЗАСЕДАНИЕ ШЕСТОЕ

Утро, 10 апреля

Председатель (Рыков). Слово имеет тов. Ломов, следующий тов. Сталин. Тов. Ломов просит полчаса.

Г о л о с а. Дать ему, возражений нет.

Ломов. Вот уже скоро полтора года я сижу и работаю в тресте Донуголь. Должен отметить, что такого размера предательства я, конечно, ни в Донугле, ни в другом тресте не ожидал. Для того чтобы вы судили о том, какое количество арестовано у нас специалистов, я назову вам основные цифры старых кадров. В тресте насчитывается приблизительно человек 200–250 старых инженеров; всего арестовано свыше 160 человек.

Г о л о с а. Меньше.

Крыленко. Старых сколько?

Ломов. Тов. Крыленко, вы послушайте и услышите. Из этих 160 человек около 120 арестованных спецов старых. Таким образом, если присмотреться к тому «командному» составу спецов, который был в тресте Донуголь, то в общем итоге разгром коснулся большинства из них, оказавшихся предателями, людьми, которые стремились вредить нашему хозяйству. Несмотря на эту систематическую работу по предательству и вредительству, я должен отметить, что показатели по эксплуатации, по непосредственной добыче далеко не всегда неблагоприятны в тресте Донуголь.

Как шло восстановление хозяйства всего Донбасса? Если в 1921–22 году, когда бассейн перешел к нам, мы давали приблизительно 5511 тыс. тонн, то в 26–27 году добыча со 100% в 21–22 г. поднялась до 354%, т. е. почти до 20 млн. тонн, а в 27–28 году она будет составлять (мы идем сейчас по программе) около 22 млн. тонн. Увеличение добычи за последние годы шло достаточно быстро, на 25% в 26–27 г., и в этом году, в 27–28 г., в 1-е полугодие добыча увеличилась на 20 с лишним процентов. Одновременно с увеличением добычи шла работа по рационализации. Я укажу на цифры добычи угля и антрацита механическим путем. В первом полугодии 26–27 года было добыто механическим путем (врубовыми машинами) 1255 тыс. тонн, в первом полугодии 27–28 года – 2518 тыс. тонн, т. е. мы добычу механическим путем за одно полугодие удвоили. И теперь добыча механическим путем составляет свыше 23% на март месяц, т. е. мы по сравнению с мирным временем, когда механическим путем добывался 1% примерно, мы уже теперь добываем почти четверть всей добычи механическим путем, причем я должен отметить, что наша линия заключается в том, чтобы на твердых породах, на антраците базировать главную массу врубовых машин. Поэтому в самом архипредательском районе, – в шахтах на Власовке, Донецко-Грушевском, 65% добычи идет механическим путем.

От этих цифр перейдем к вопросу о себестоимости. Тов. Молотов указывал, что за прошлый год себестоимость дала неблагоприятный показатель, т. е. за прошлый год себестоимость увеличилась на 4% по сравнению с предыдущим годом. Тов. Молотов ска-

зал только половину того, что надо было сказать. Дело в том, что программа ВСНХ, утвержденная СТО, сознательно предусмотрела это повышение себестоимости; себестоимость была назначена в 10 руб. 97 коп., а фактически мы сработали по 10 руб. 85 коп. за тонну, т. е. она была ниже программы. Программное повышение себестоимости происходило потому, что страна требовала уголь и были пущены в ход нерентабельные шахты, которые не могли давать по более пониженной себестоимости этого угля. В первом квартале предыдущего года, вы помните, так и стоял вопрос – импортировать ли нам в СССР уголь или увеличить во что бы то ни стало размер добычи, для того чтобы дать этот уголь нам сюда в страну. Пришлось всячески нажимать, и мы тогда не импортировали в СССР угля, а Ленинград пустили на нашем донецком угле.

Как обстоит дело в настоящее время, в первом полугодии, с себестоимостью? Конечно, окончательные цифры себестоимости будут только тогда, когда мы закончим год и когда по производственному отчету мы сумеем учесть все элементы этой себестоимости, но уже сейчас ясно, что себестоимость первого полугодия где-то чрезвычайно близко падает, или немножко больше, или немножко меньше, но где-то рядом с той цифрой себестоимости, которая утверждена нам правительством. Причем я должен отметить, что вместо 10 руб. 97 коп. за тонну себестоимость этого года за тонну значительно ниже – 10 руб. 44 коп. Несмотря на это, я повторяю, в первом квартале мы сработали лучше, немножко хуже в январе и феврале и значительно лучше в марте. Что я хочу сказать, приводя эти цифры? Я этими цифрами хочу сказать, что в области эксплуатации, где работа несколько проще, говоря грубо, где мы имеем возможность непосредственно следить, здесь и наши рудоуправляющие оказались крепче, здесь и мы держим крепче вожжи в своих руках.

Этот вывод напрашивается совершенно очевидно. Я не хочу этим сказать, что здесь все обстоит благополучно. Я утверждаю, что здесь тоже десятки дефектов, тысячи недостатков, но в этой области мы имеем целый ряд наглядных достижений, мимо которых нельзя пройти. Возьмите последнюю цифру добычи за март. Мы дали добычу в 121 млн. пуд., при количестве рабочих значительно меньшем. На декабрь месяц у нас было трудящихся по эксплуатации 162 тысячи; на март месяц мы имели 153 тыс. и дали ту же добычу. В Донецком бассейне мы имеем сейчас на март месяц рекордную цифру по производительности, когда производительность выше программы, несмотря на то, что она увеличена по сравнению с прошлым годом на 13 с лишним процентов, и когда рабочие Донбасса в марте превысили производительность мирного времени. Это является рекордом за все время существования Донецкого бассейна.

При этих условиях я резко размежевываю нашу работу в области эксплуатации от работы в области нового капитального строительства. Здесь значительно хуже. Если мы непосредственно воспитали, создали кадры, выдвинули целый ряд низовиков шахтеров в рудоуправляющие, которые в области эксплуатации разбираются, то в области капитального строительства дело обстоит значительно хуже, и прежде всего в области проектирования. В области проектирования мы вынуждены были опираться на руководящий состав спецов – старые кадры. Были ли у нас более молодые кадры, которые могли бы руководить проектированием? Я утверждаю, что таких кадров у нас еще не было и пока почти нет.

Тот перерыв, который существовал в выпусках инженеров (с 1917 г. до 1923–24 у нас не было выпусков), создал естественный разрыв. Тот молодой инженер, который пришел после 23 г., почти не был на производстве еще, он не имеет практики по созданию новых крупных единиц по последним европейским и американским образцам,

и в этом отношении мы вынуждены были опираться на старые кадры, а эти старые кадры оказались предательскими кадрами. Как мы до сих пор старались избежать этого предательства? Мы вместе с Госпланом и вместе с ВСНХ собрали лучших представителей профессуры, собрали лучших представителей горного дела, и каждый из этих профессоров отвечает за проектирование той или другой шахты. Здесь упоминалось по поводу шахты Киселевки, которая заложена была неправильно, закладка ее предполагалась на более толстые пласты, а оказалось, что пласт значительно тоньше. За эту шахту отвечал член Госплана СССР проф. Терпигорев. За шахту «Скачинский» в Несветае[107] – проф. Скачинский, самая крупная величина во всем СССР. Под его руководством ведется эта разработка. Итак, каждая шахта из крупных, капитальных проходила через этот ареопаг – технический совет со всеми профессорами. Каждая шахта была поручена тому или другому профессору, который отвечает за ее проектировку. В таких условиях менять тот или другой чертеж, ту или иную деталь чрезвычайно трудно для людей, которые технически малограмотны.

Что мы делали в последнее время для того, чтобы перестраховаться? Мы обратились к помощи заграничников. У нас проектировал профессор из Германии Гейзе, а из Америки фирма «Стюарт» и целый ряд других фирм. В целом ряде случаев мы знаем, что когда русские техники проектируют, то через полтора года дают в карандаше проект, а фирма «Стюарт» дала через $2^1/_2$ месяца не в карандаше, а окончательный проект.

Ягода. Руками теперь арестованного инженера Крыжановского*.

Ломов. Это еще надо проверить. Но, товарищи, я считаю и это недостаточным. Мы полагаем, что необходимо часть проектов передать на консультацию заграничным фирмам, но это только коррективы. До тех пор, пока не будет у нас собственных кадров, своих инженерных кадров, мы постоянно будем встречаться и работать в чрезвычайно тяжелых условиях.

Как, товарищи, мы подходили к вопросу о хозяйстве в тресте? Прежде, до войны, хозяева давали добычи с 3 тысяч шахт. При нашей системе мы даем добычу больше довоенной всего с 285 шахт. Мы поставили основную установку на отбор лучших шахт и с них даем больше добычи, чем до войны. При таких условиях создавалась и структура самого треста, складывалось и то хозяйствование, которое имеется. Теперь совершенно ясно, что уже в нашей опоре на старых специалистов мы, конечно, переборщили, мы доверяли тем, кому нельзя было доверять. От капитализма мы получили жреческую замкнутую касту старых спецов.

Это для нас было ясно. Но приблизить к себе эту касту специалистов нам не всегда удавалось, чаще не удавалось, также не удалось ее разбить. Однако на местах в рудоуправлениях нам удалось выдвинуть очень много молодых инженеров. Не забывайте, что молодые инженеры пошли в ход только с 23–24 года. Но здесь надо прямо сказать, что наша система хозяйства не отвечает тому, чтобы выдвигать и продвигать молодых товарищей. Очень часто на местах нет таких должностей, которые можно было бы предоставить молодому инженеру, которому еще надо подучиться. И **не только** на хозяйственников надо здесь валить; но нужно иметь в виду и то, что при проведении режима экономии – кто в первую очередь попадает под сокращение? В первую очередь попадает под сокращение молодой, еще не оперившийся инженер, который только учится. Его режут и выбрасывают. А как же ему учиться, как не на производстве? Совершенно ясно, что проблема выдвижения молодых инженеров поставлена очень своевременно, но нужно ее поставить не в плоскости митинговых ре-

* Так в тексте (ред.).

чей, а создать такой порядок, систему, при которой этот молодняк имел бы работу и мог бы продвигаться вперед.

Но я считаю, что проблема выдвижения молодых инженеров затемнила другую проблему, не менее важную, – проблему создания средних и низших кадров для нашей промышленности.

Если вы посмотрите последние бельгийские горные журналы, то там вы встретитесь с чрезвычайно интересным обследованием, которое проведено по инициативе бельгийских горнопромышленников, – обследованием реорганизации каменноугольной промышленности в Германии. Они утверждают, что Германия в области развития своей каменноугольной промышленности обязана главным образом тому, что в ней был создан десятницкий кадр, кадр людей, которые безоговорочно преданы интересам предприятий и на которых базируется процветание и рационализация каменноугольной промышленности Германии.

Как в этом отношении обстоит дело в нашей промышленности? Я считаю, что в этой области делается чрезвычайно мало. То, что делается, делается обычно по инициативе треста, и я утверждаю, что в тот момент, когда здесь делаются нападки, что мы, хозяйственники, в этом отношении ничего не делаем, – я утверждаю, что Донуголь сделал в этом смысле больше, чем другие. Я приведу факты, и пусть товарищи об этом судят.

Помимо 26 школ горпромуча, с 3600 учеников, из которых до 50% подземных квалификаций, мы имеем по подготовке низшего горного надзора следующие курсы.

Курсы аттестационных десятников, срок обучения 9 месяцев, 2400 человек.

Курсы десятников машинных лав при Сталинской опытной станции, обучается 120 человек, курс обучения 5-месячный. (Снятие с работы, стипендия.)

Курсы хронометристов, срок обучения 3-месячный, обучается 60 человек, все они на стипендии, и все сняты с работы.

Как мы подходим к нашим кадрам десятников, которые получают право ответственности?

Курсы в Сталине, Новочеркасске: обучается из рабочих 60 человек набора 1926–27 года. Выпуск предполагается в 1929–30 году.

У каждого курсанта производственный стаж от 5 до 20 лет. Коммунистов среди них 70%. Все сняты с работы, и все на нашей стипендии.

Вечерние районные курсы ответственников в шахтах – 40 человек, и на рудниках 100 человек, всего 140 человек. Все обучающиеся – выдвиженцы.

Я не касаюсь еще ряда мероприятий в этой области, но я убежден, что основное решение вопроса в значительной степени заключается в создании выдвиженцев из рабочих, из которых можно создать и выковать очень хороший кадр ответственных десятников.

На что мы здесь натолкнулись? Мы натолкнулись на величайшую рутину. Прежде всего, от этих рабочих с 20-летним производственным стажем по всем правилам искусства требуют чуть не высшую математику на экзаменах. Все эти курсы, все эти программы и испытания ни к черту не годятся. Они отдают величайшей затхлостью, и здесь мы пока не перешибем рутины.

Необходимо в этом смысле пересмотреть все наши требования к этим работникам-ответственникам, имеющим громадную практику за плечами, в сторону упрощения теоретической части испытаний. В этом направлении, товарищи, мы еще чрезвычайно мало делаем.

Перехожу к вопросам, которые были поставлены в докладе тов. Рыкова, о которых говорил и тов. Каганович в своем слове. У нас, говорит тов. Каганович, был це-

лый ряд ошибок в закладке мелких шахт. Да, товарищи, есть эти ошибки. Сколько этих ошибок? Тов. Каганович убил числом – 33 шахты. Но дело в том, что в общем итоге расход на эти 33 мелкие шахты составляет всего около 4% тех затрат, которые были произведены трестом по проходке всех дополнительных шахт, средних и мелких. Целесообразно или нецелесообразно решило правительство ориентироваться на мелкие и средние шахты? Вопрос этот решался года три тому назад, и я считаю, что этот вопрос был решен правильно. У нас не было тех крупных шахт, которые дали бы немедленно добычу угля, который нам нужен был во что бы то ни стало. Здесь надо вспомнить, что тов. Рухимовичу пришлось в два месяца произвести закладку всех этих шахт. Здесь были, несомненно, и предательство, и в отдельных случаях ошибки, но если вы возьмете, например, нефтяную промышленность Америки и спросите, сколько скважин закладываются впустую при способе «дикой кошки», то вам ответят: скважин без нефти оказывается свыше 40%. Известный процент на ошибки здесь должен быть положен. При проходке этих 33 шахт были и крупные ошибки, было, повторяю, и предательство, но все-таки 4% не есть такой уж большой процент, как у нас иногда замахиваются некоторые любители «мирового масштаба». Позвольте обратиться к мелким шахтам, сколько они дают добычи? Два слова о программе добычи. ВСНХ в начале года установил программу добычи 1,4 млрд. пудов, после этого он дает новую программу – вы слишком широко шагаете, реже шаг – программу снизили до 1370 миллионов пудов. Мы сокращаем рабочих, принимаем меры, чтобы выполнить уменьшенную программу, теперь вдруг дается новая директива – «дайте не меньше 1,4 миллиарда». План Донугля предусматривает по пятилетке увеличение добычи на 55%, а по программе Госплана на 57%. Но теперь приезжают представители ВСНХ и говорят: помилуйте, пятилетку нужно перестроить, чтобы добыча увеличилась к концу пятилетки на все 100%, а не на 57%. При таких скачках в мыслях чрезвычайно трудно работать. Теперь, когда нам нужно увеличение добычи, мелкие шахты со своими 250 миллионами пудов добычи восполняют тот пробел, который у нас имелся бы без них. 250 млн. – это то реальное, что имеет государство и правительство от этих мелких шахт. Как дальше мелкие шахты будут развиваться? Они дадут, по нашим предположениям, к концу пятилетки добычу до 500 млн. пуд. Я считаю, что эта цифра весьма реальна и значительна. Не забывайте к тому же, что мы даем в настоящее время 1,4 млрд. пудов. Поэтому те, которые сейчас наплевательски настроены по отношению к мелким шахтам и думают, что мелкие шахты провалились, ошибаются, это настроение нужно перебороть.

Тов. Рыков поднимает чрезвычайно большой второй вопрос. Он говорит: расчеты предателей были на то, чтобы в процессе работы приблизительно в 29–30 году создался бы прорыв между нашей добычей, когда запоздают крупные капитальные наши проходки, а старые шахты будут выработаны. Возможно, что такие расчеты были у предателей-специалистов. Рассмотрим пятилетку Госплана. Я вижу, как у нас развивается добыча. В 31–32 году полтора миллиарда пудов будут давать основные действующие шахты. Дополнительные шахты, мелкие и средние, должны давать около 400 млн. пуд., и новые капитальные шахты должны давать 344 млн. пуд. Вообще, в течение двух ближайших лет мелкие и средние шахты и основные старые нагрузку свою выдерживают без снижения, поэтому расчет специалистов мог быть на 344 млн., которые должны дать новые капитальные проходки. Что задержка проектов имела место – это факт бесспорный, и по таким шахтам, как «Ново-Щербининская» и «Карл», мне кажется бесспорным, что специалисты всячески затягивали проектировку и главным образом проходку.

Вопрос, который нас интересует здесь: как мы сумели бы выкрутиться из этого дефицита, который был бы обнаружен, если бы не подоспели все новые капитальные

шахты? Я утверждаю, что нам здесь пришлось бы нажать, несмотря ни на что, на средние и мелкие шахты.

Теперь обращаюсь к организационной структуре нашего треста и к его реорганизации. Еще месяца полтора-два тому назад мы создали комиссию под председательством тов. Левченко, раньше рудоуправляющего, теперь моего зама, для того чтобы провести реорганизацию всего нашего громадного треста, имеющего 160 тысяч трудящихся. Это предприятие, которое гораздо больше всех существующих в мире предприятий, и управлять им чрезвычайно тяжело. Мы так же, как и товарищи, здесь выступавшие, бьем в сторону децентрализации. Но мы считаем, что надо исходить при реорганизации не столько из передачи прав рудоуправлению, сколько, как мне кажется, надо сделать основою, от которой мы танцуем, вопрос о правах самой шахты, самого рудника. В общем итоге, если рудоуправление чувствует зажим со стороны треста, то и шахты и рудник чувствуют не меньший зажим со стороны рудоуправления. И в тот момент, когда мы переходим к укрупнению рудоуправления (вместо имеющихся 27 к 10–12), наша задача заключается в том, чтобы рудник получил все производственные права, которые дают ему возможность охватить всю производственную жизнь своего предприятия. Эта разработка проекта реорганизации почти закончена. Я надеюсь, этот проект проверят другие, вышестоящие наши органы и помогут нам его провести. Этот проект уже частично нами проводится в Шахтах, на трех рудоуправлениях, которые являются основной изюминкой всего антрацитового Шахтинского района.

Освободиться от зажима старых специалистов необходимо, но делать это таким образом: выдвигая новые, молодые кадры. Совершенно правы товарищи, которые говорят, что в сословие спецов-«жрецов», в среду старых техников и инженеров всячески не пускают молодежь, это совершенно правильно. Как приходилось действовать в этом направлении? Прежде всего, через полгода, когда я пришел в трест, я упразднил одну должность технического директора, который фактически сосредоточивал в своих руках все управление производственно-технической частью треста. Ни на одну минуту я не думал, что он предатель, не поэтому я пошел на это.

Я просто думал, что не народилось еще такого инженера, который мог бы в своих руках, в своей персоне сосредоточить управление таким трестом, который дает уже $1^1/_2$ млрд. добычи. Мы пошли по тому пути, что во главе эксплуатационной части производственного управления поставили одного из лучших выдвиженцев – нашего шахтера-рудоуправляющего тов. Абакумова; во главе всей производственной части, с подчинением ей новых работ, капитальных работ, поставили лучшего нашего выдвиженца среди старейших рудоуправляющих тов. Левченко. Мы старались постепенно подбирать вожжи, правда, делали это медленнее, чем надо. Мы, как я уже указывал, в вопросе специалистов, несомненно, имели к старым специалистам гораздо больше доверия, чем они этого заслуживают.

Позвольте теперь остановиться только на паре вопросов. Теперь работать в тресте чрезвычайно трудно. Специалисты, которые остались, часто стараются перекладывать ответственность с одного на другого. После ареста немцев у нас в Рутченкове оказалась такая, например, картина: надо было во что бы то ни стало пускать новую турбину без приемки ее от немцев. Я послал с приказом инженера Морозова, который должен был пустить эту турбину. Я получил от него такую телеграмму: «Приказ выполняю, турбину пускаю, ответственность слагаю». Вот это, понимаете, проклятое сложение ответственности – оно теперь пронизывает сначала до конца напуганного спеца, и надо нам своей политикой заставить, чтобы они не воспользовались новым курсом, который, по-моему, безусловно правилен, для «сложений ответственности».

Томский. Ты должен послать короткую телеграмму: «Сажаю».

Ломов. Тов. Томский, все-таки он пустил турбину, и хорошо пустил, а у меня осталось два электрика-инженера на трест, которые способны на это дело. Если я их тоже посажу, я боюсь, не перегну ли я палку и не придется ли завтра самому пускать турбины.

Я считаю, что не надо здесь говорить, будто открытие сделали вдруг. Приказ № 33 тов. Дзержинского действует, а мы все меры приняли к его отмене! Я считаю, что об этом вопросе неправильно товарищи говорят. Вот пример. Еще летом текущего года комиссия главгортопа объезжала предприятия Донбасса. Какое она вынесла заключение по поводу того, что у нас творится на предприятиях? Она вынесла следующее заключение: специалист загнан в бутылку, хозяйственник сидит у него на шее; надо специалисту увеличить права согласно приказа № 33. Это дело было в июле, комиссия главгортопа из ответственных директоров и коммунистов. Я хочу здесь сказать, что пусть ВСНХ не прячется за то, что...

Шкирятов. В комиссии были, наверное, и специалисты?

Ломов. Были и специалисты, и коммунисты. Так что с этой стороны линия по приказу № 33 довольно «робко» отменялась. Приказ № 33 у нас полностью не проводился. Тов. Рухимович должен помнить (я это помню хорошо), как ему Дзержинский в упор ставил так: «что ты, башибузук, сидишь и специалистов поджимаешь под коммунистов?» Было это или нет? Я считаю, что курс взят партией правильно. Перемена ориентации в этом вопросе нужна, но здесь надо помнить товарищам, которые иногда забывают это, что прежний курс был общий курс, а не курс, который процветал только в Донугле. Надо не робко вокруг этого ходить, а сказать это прямо, как мы, большевики, умеем говорить.

Скажу еще только два слова. Вот кричат – зажим, зажим. Я согласен, зажим надо решительно отвергнуть, а то, что ВСНХ и Москва установили для Донугля порядок, когда по капитальным работам требуют представлять данные по 16 тысячам позиций и 7 раз переделывать в этом году эти «позиции»... Что это такое, товарищи? Вот вы говорите, что у нас зажим и централизм, а разве здесь, в Москве, все чисты как агнцы? Я считаю, что линию борьбы за децентрализацию нужно продолжить дальше, до Москвы, ибо 16 тысяч позиций у нас совершенно оторвали всякое время и наши честные специалисты погрязают в этой бюрократической истории.

Я убежден, что курс, который партия в общем итоге взяла, – верный. Абсолютно верно, что очень часто у нас наши отдельные хозяйственники – комиссарят. Но я все-таки утверждаю, что кадры, которые создаются в тресте «Донуголь», кадры хозяйственников по эксплуатации, – неплохие кадры, и хотя сейчас нас бьют, я буду утверждать, что это такие хозяйственники, которые все-таки восстановили Донбасс и умеют входить в детали производства. Среди них назову Гринько, в Рутченкове с 7-летним стажем рудоуправляющего, неплохой хозяйственник Тягнибеда, инженер-коммунист на Вознесенке Киселев, коммунист с 1904 г., прошел всю Америку, работал в Америке на шахтах, а теперь на Мушкетовке, окончивший недавно наш горный институт в Екатеринославе – Зубков, коммунист неплохой, который сидит на Чистяковке, Власов, который поставлен на Екатеринославку, наш красный инженер-коммунист. И если так перечислить эти кадры, то не надо изображать дело таким образом, что у нас среди коммунистов-хозяйственников ничего как будто бы не создалось. В военном ведомстве, дескать, все создалось, а мы еще только в начальной стадии. Нет, товарищи, красных хозяйственников создать гораздо труднее, чем хороших спецов в военном деле. Я думаю, что это гораздо труднее, тут курс будет более длительный, больше надо труда и терпения, но что мы хозяйственника уже создаем и уже у

нас появляются первые кадры – это надо отмечать с любовью для того, чтобы эти кадры росли еще больше и крепли.

Председатель. Слово имеет тов. Сталин.

Сталин. Так как речи предыдущих ораторов достаточно обстоятельно осветили шахтинское дело, то мне придется остановиться лишь на некоторых вопросах, требующих дополнительного разъяснения.

Первый вопрос – это вопрос о характере наших прений. Вы видите, что наши прения по вопросам порядка дня пленума, как по вопросу о хлебозаготовках, так и по вопросу о шахтинском деле, – проходят под знаком жесточайшей самокритики. Критика своих собственных ошибок, самокритика партийных, советских и хозяйственных организаций – таков общий тон наших прений. Чем это объяснить? Откуда взялась эта «безудержная» самокритика? И вообще, нужна ли нам такая самокритика?

Эта волна самокритики началась у нас еще с XV съезда партии. Она, эта самокритика, не только необходима – она нужна нам как воздух, как вода. По каким причинам? По крайней мере, по трем причинам.

Во-первых, потому, что наша страна есть страна диктатуры пролетариата, она управляется при помощи одной, коммунистической партии, которая не делит и не может делить власти с другими партиями, – стало быть, мы сами должны вскрывать и исправлять свои ошибки, если хотим двигаться вперед, ибо их некому больше исправлять. Отсюда необходимость самокритики. Это понятно само собой, и распространяться об этом не буду.

Во-вторых, потому, что после XV съезда, ликвидировавшего оппозицию[108], создалась новая обстановка в партии, с которой мы не можем не считаться. Новизна обстановки состоит в том, что у нас нет или почти нет больше оппозиции, ввиду чего есть опасность, что партия, разгромив оппозицию, захочет почить на лаврах, захочет маленечко заснуть, закрыв глаза на недостатки нашей работы. Ну, а для того, чтобы этого не случилось, мы должны были еще на XV съезде дать лозунг всемерного усиления самокритики как одного из важнейших средств для нашего продвижения вперед.

В-третьих, потому, что за последнее время у нас в партии произошли некоторые изменения в отношениях между вождями и массой, с каковыми изменениями мы также должны обязательно считаться. В чем состоят эти изменения? Они состоят в том, что руководящие круги нашей партии поднялись слишком высоко, их авторитет усилился чрезмерно, и они стали для широких народных масс почти что недосягаемыми. То обстоятельство, что такая группа авторитетных руководителей у нас существует, это обстоятельство представляет величайшее завоевание нашей партии. Но тот факт, что массы начинают смотреть на этих руководителей снизу вверх, зажмурив глаза, и не решаются часто критиковать их, – этот факт представляет величайшую опасность отрыва массы от ее руководителей, или, вернее, опасность отрыва руководителей от широких рабочих масс. Реально эта опасность может кончиться, с одной стороны, отходом масс от руководящих верхов и недоверием к ним и, с другой стороны, – зазнаванием руководящих верхов. А что может быть хорошего, если руководящие верхи зазнаются и начнут смотреть на массы сверху вниз? Ясно, что ничего хорошего из этого не может выйти. Но чтобы этого не случилось, надо держать все время открытым клапан самокритики, надо дать советским людям возможность «крыть» своих вождей, критиковать их за ошибки, чтобы вожди не зазнавались, а массы не отдалялись от вождей.

Вот те основания, которые породили у нас общую полосу самокритики, получившую особое развитие со времени XV съезда нашей партии и наложившую свой отпечаток на всю работу нынешнего объединенного пленума ЦК и ЦКК.

Именно поэтому надо приветствовать инициативу «Правды» в деле организации «Листка рабоче-крестьянской инспекции»[109]. По тем же основаниям надо приветствовать инициативу «Комсомольской правды», открывшей свои страницы для критики наших недочетов и самокритики нашей организации. Следовало бы только пожелать, чтобы критика была глубокой и серьезной, а не скользила по поверхности.

Ругают иногда критиков за несовершенство их критики, за то, что критика оказывается иногда правильной не на все 100%. Это ошибка, товарищи. Это большое заблуждение. Нельзя требовать, чтобы критика была правильной на все 100%. Кто предъявляет к критике такие требования, тот уничтожает всякую возможность критики, особенно возможность критики со стороны рабочих и крестьянских масс. Где же простому рабочему или крестьянину организовать самую что ни на есть стопроцентную критику? Это утопия, товарищи. Если критика содержит хотя бы 5–10% правды, то и такую критику надо приветствовать, выслушать внимательно и учесть здоровое зерно. В противном случае нам пришлось бы заткнуть глотку всем тем сотням и тысячам наших литераторов и критиков из низов, которые недостаточно еще искушены в своей критической работе, но устами которых говорит сама правда. И именно для того, чтобы не тушить самокритику, а раздуть ее, именно для этого необходимо внимательно выслушивать всякую критику советских людей, если она даже является иногда не вполне и не во всех своих частях правильной. Только при этом условии могут получить массы уверенность, что им не «влетит» за несовершенную критику и что их не «засмеют» за некоторые ошибки в критике.

Почему я об этом говорю? Потому что некоторые ораторы не вполне ясно представляют себе значение и цели самокритики. Некоторые из товарищей рассуждают так: ежели раздули самокритику, то это значит, что хотят обязательно снять кого-то (с м е х). А некоторые думают, что ежели критикуют практику Наркомпроса, то это значит, что хотят разорить Наркомпрос в пользу ВСНХ. Все это, конечно, неправильно. Речь идет не о том, чтобы снять кого-либо или разорить один наркомат и усилить другой. Нет, товарищи, не об этом идет речь. Речь идет о том, чтобы выявить недостатки нашей практики по управлению страной и, выявив эти недостатки, изменить нашу практику в духе облегчения и ускорения нашего развития. Об этом, а не о чем-либо другом идет речь, товарищи. А если хотите знать мое личное мнение, то я стою за то, чтобы никого из хозяйственников не снимать в связи с шахтинским делом. Ищут здесь обвиняемых. Нечего искать обвиняемых, товарищи. Если хотите, мы все здесь обвиняемые...

Г о л о с а. Правильно.

Сталин. Начиная с центральных учреждений партии и государства и кончая низовыми организациями. Дело идет о том, чтобы вскрыть недостатки нашей работы и ликвидировать их общими силами. А для этого нужны самокритика, честная критика недостатков нашей работы и желание исправить эти недостатки.

Так обстоит дело с первым вопросом.

Второй вопрос, которого мало коснулись здесь товарищи, – это вопрос о классовой подоплеке шахтинского дела. В самом деле, где скрываются корни шахтинского дела, и на какой основе классового порядка могла возникнуть эта экономическая контрреволюция? Есть товарищи, которые считают шахтинское дело случайностью. Они обычно говорят: мы порядком здесь прозевали, недоглядели, но если бы не дали зевка, то никакого шахтинского дела не было бы у нас. Что зевок тут есть, и зевок порядочный, – в этом не может быть никакого сомнения. Но объяснять все зевком – это значит не понять сути дела. О чем говорят факты? Факты говорят, что шахтинское дело есть экономическая контрреволюция, затеянная частью буржуазных спецов, вла-

девших раньше угольной промышленностью. Факты говорят, далее, что эти спецы, будучи организованы в тайную группу, получали деньги на вредительство от бывших хозяев, [в Европе] сидящих теперь в эмиграции, и от контрреволюционных антисоветских капиталистических организаций на Западе. Факты говорят, наконец, что эта группа буржуазных спецов действовала и разрушала нашу промышленность по указаниям капиталистических организаций на Западе. О чем же все это говорит? О том, что мы имеем здесь дело с экономической интервенцией западноевропейских антисоветских капиталистических организаций в дела нашей промышленности. Была в свое время интервенция военно-политическая, которую удалось нам ликвидировать в порядке победоносной гражданской войны. Теперь мы имеем попытку экономической интервенции, для ликвидации которой нам не потребуется гражданской войны, но которую мы должны все-таки ликвидировать и которую мы ликвидируем всеми доступными нам средствами.

Глупо было бы предположить, что международный капитал оставит нас в покое. Нет, товарищи, это неверно. Классы существуют, международный капитал существует, и он не может смотреть спокойно на развитие страны строящегося социализма. Раньше он, международный капитал, думал опрокинуть советскую власть в порядке прямой военной интервенции, попытка не удалась. Теперь он старается и будет стараться впредь ослабить нашу хозяйственную мощь путем невидной, не всегда заметной, но довольно внушительной экономической интервенции, организуя вредительство, подготавливая всякие «кризисы» в тех или иных отраслях промышленности и облегчая тем самым возможность будущей военной интервенции. Тут все увязано в узел классовой борьбы международного капитала с советской властью, и ни о каких случайностях не может быть речи. Одно из двух: **либо** мы будем вести и впредь революционную политику, организуя вокруг рабочего класса СССР пролетариев и угнетенных всех стран, и тогда международный капитал будет нам всячески мешать в нашем продвижении вперед; **либо** мы откажемся от своей революционной политики, пойдем на ряд принципиальных уступок международному капиталу, и тогда международный капитал, пожалуй, не прочь будет «помочь» нам в деле перерождения нашей социалистической страны в «добрую» буржуазную республику. Есть люди, которые думают, что можно нам вести революционную внешнюю политику и вместе с тем добиться того, чтобы нас целовали за это западноевропейские буржуа. Я не буду доказывать, что такие люди не имеют и не могут иметь ничего общего с нашей партией. Англия, например, требует от нас, чтобы мы установили с ней сферы влияния где-либо, скажем в Персии, в Афганистане или Турции, причем она уверяет, что готова установить с нами «дружбу», если мы пойдем на эту уступку. Что же, может быть, пойти на это, товарищи?

О б щ и й в о з г л а с. Нет!

Сталин. Америка требует, чтобы мы отказались принципиально от политики мировой революции, уверяя нас, что все пошло бы хорошо, если бы мы пошли на такую уступку. Что же, товарищи, может быть, пойти на эту уступку?

О б щ и й в о з г л а с. Нет!

Сталин. Мы могли бы установить «дружеские» отношения с Японией, если бы согласились поделить с ней Маньчжурию. Можем ли мы пойти на эту уступку?

О б щ и й в о з г л а с. Нет!

Сталин. Или, например, от нас требуют, чтобы мы «смягчили» монополию внешней торговли и согласились платить все военные и довоенные долги. Может быть, пойти на это, товарищи?

О б щ и й в о з г л а с. Нет!

Сталин. Но именно потому, что мы не можем пойти на эти и подобные им уступки, не отказавшись от самих себя, – именно поэтому мы должны быть готовы к тому, что международный капитал будет нам устраивать и впредь все и всякие пакости, все равно, будет ли это шахтинское дело или что-нибудь другое, подобное ему.

Вот в чем классовые корни шахтинского дела.

Почему могла удаться у нас военная интервенция международного капитала? Потому, что в нашей стране существовали целые группы военных специалистов, генералов и офицеров, сынков буржуазии и помещиков, которые всегда были готовы подкопаться под самые основы советской власти. Могли ли эти офицеры и генералы организовать серьезную войну против советской власти без финансовой и иной поддержки международного капитала? Конечно, не могли. Мог ли международный капитал без помощи этой группы белогвардейских офицеров и генералов организовать серьезную интервенцию? Я думаю, что не мог бы. У нас были тогда товарищи, которые думали, что военная интервенция была случайностью, что если бы мы не освободили Краснова, Мамонтова[110] и т. д., то интервенции не было бы. Это, конечно, неверно. Что освобождение Мамонтова, Краснова и других белогвардейских генералов сыграло свою роль в деле развития гражданской войны – в этом не может быть сомнения. Но что корни военной интервенции лежат не в этом, а в классовых противоречиях между советской властью, с одной стороны, и международным капиталом с его генеральским охвостьем в России – с другой, в этом также не может быть никакого сомнения.

Могли ли у нас организовать шахтинское дело некоторые буржуазные спецы, бывшие шахтовладельцы, без финансовой и моральной поддержки международного капитала, без перспективы на то, что международный капитал может помочь им в деле низвержения советской власти? Конечно, не могли бы. Мог ли международный капитал организовать у нас экономическую интервенцию, вроде шахтинского дела, без наличия некоторой группы буржуазных спецов в нашей стране, готовых идти на вредительство? Ясно, что не мог бы. Есть ли у нас вообще такие группы буржуазных специалистов, готовых идти на экономическую интервенцию, на подрыв советской власти? Я думаю, что есть.

Г о л о с. Много их.

Сталин. Я не думаю, чтобы их могло быть много. Но что у нас существуют некоторые незначительные группы буржуазных контрреволюционных специалистов, гораздо более малочисленные, чем это имело место во время военной интервенции, – в этом не может быть сомнения. Соединение этих двух сил и дает почву для экономической интервенции в СССР.

В этом именно и состоит классовая подоплека шахтинского дела.

Теперь о практических выводах, вытекающих из шахтинского дела.

Я хотел бы остановиться на четырех практических выводах, о которых нам сигнализирует шахтинское дело.

1) Ленин говорил, что вопрос о подборе людей является одним из основных вопросов строительства. Шахтинское дело показывает, что мы плохо подбирали наши хозяйственные кадры, и не только плохо подбирали, но ставили еще эти самые кадры в такие условия, которые затрудняют их рост. Здесь говорилось о приказе № 33 и особенно о «типовом положении», сопровождающем этот приказ. Характерную особенность этого типового положения составляет то, что оно отдает почти все права техническому директору, оставляя за директором право улаживать конфликты, «представительствовать» и играть на балалайке. Ясно, что при таких условиях наши хозяйственные кадры не могли развиваться в достаточной степени. В свое время этот приказ был абсолютно необходим, ибо он был дан в тот момент, когда у нас не было вовсе своих

хозяйственных кадров, когда мы не умели управлять промышленностью, и поневоле приходилось передать основные права техническому директору. Но теперь этот приказ превратился в оковы. Теперь у нас имеются свои хозяйственные кадры, имеющие опыт и могущие развиться в настоящих руководителей нашей промышленности. И именно поэтому пора отменить устаревшее типовое положение, заменив его новым. Говорят, что невозможно коммунистам, особенно же рабочим коммунистам-хозяйственникам, овладеть химическими формулами и вообще техническими знаниями. Это неверно, товарищи. Нет в мире таких крепостей, которых не могли бы взять большевики-рабочие. Не такие крепости мы брали в своей борьбе с буржуазией. Все дело в том, чтобы иметь желание овладеть техническими знаниями и вооружиться настойчивостью и большевистским терпением. Но, чтобы изменить условия работы наших хозяйственных кадров и помочь им стать настоящими и полноправными хозяевами дела, необходимо отменить старое типовое положение, заменив его новым. В противном случае мы рискуем искалечить наших людей. Разве Рыкунов был хуже любого из нас, например, года три тому назад? Чем объяснить, что люди вроде Рыкунова стали опускаться и разлагаться, сливаясь в своем быту с буржуазными спецами? Объясняется это нашей неправильной хозяйственной практикой, объясняется это теми условиями подбора и работы наших хозяйственных органов, которые затрудняют их развитие, которые превращают их в хвостик буржуазных спецов. С такой практикой надо покончить, товарищи.

2) Второй вывод, о котором сигнализирует нам шахтинское дело, состоит в том, что мы плохо обучаем кадры в наших ВТУЗах, мы плохо вырабатываем наших красных спецов. Это вывод, от которого никак не отвертеться. Я с удовольствием слушал тов. Андреева, его действительно революционную речь. Он предлагает повернуть руль в деле улучшения нашей практики. Это совершенно правильно. Но он, к сожалению, допустил одну ошибку, на которой надо остановиться. Тов. Андреев согласен изменить нашу практику во всех областях нашего управления – и в области партийной, и в области профсоюзной, и хозяйственной. Но он оставляет одну область нетронутой – область выработки новых красных специалистов. Он хочет оставить это дело по-старому, не понимая, что старая практика по обучению и выработке новых специалистов и техников нуждается в серьезных изменениях, не понимая, что и здесь нужно повернуть руль в сторону улучшения нашей практики. Тов. Андреев уверяет, что между старыми и новыми спецами происходит классовая борьба. Это верно лишь отчасти, так как среди новых спецов встречаются иногда такие хлюсты, которые не уступят в пакостях некоторым старым контрреволюционным спецам. Но если действительно имеются тут элементы классовой борьбы, а они здесь в самом деле имеются, то что из этого следует? Из этого следует лишь одно: надо вооружить новых спецов таким образом, чтобы они побеждали в борьбе со старыми спецами, а не терпели поражения. А что мы теперь видим? Новые молодые спецы то и дело терпят поражение в борьбе со старыми спецами. Почему? Потому что они учились по книжке, они спецы от книжки, но у них нет практического опыта, они оторваны от производства, и они, естественно, терпят поражение. А разве нам такие спецы нужны? Нет, не такие спецы нам нужны, будь они хоть трижды молодыми спецами. Нам нужны такие специалисты, все равно являются ли они коммунистами или некоммунистами, которые бы были сильны не только теоретически, но и по своему практическому опыту, по своим связям с производством. Молодому спецу, который не видал шахты и не хочет лезть в шахту, молодому спецу, который не видал завода и не хочет пачкаться на заводе, такому спецу никогда не одолеть старых, закаленных в практическом опыте специалистов. Легко объяснить поэтому, что не только старые специалисты и не только наши хозяй-

ственники, но и рабочие встречают нередко таких молодых специалистов в штыки. Но для того, чтобы не было таких неожиданностей с молодыми спецами, необходимо изменить их обучение, причем изменить надо таким образом, чтобы молодые спецы с первых же лет своего обучения во ВТУЗах имели неразрывную связь с производством, с фабрикой, с шахтой и т. д. А кому легче всего провести эти изменения в практике обучения молодых специалистов – Наркомпросу или ВСНХ? Я думаю, что ВСНХ было бы легче провести это улучшение. Я думаю, что мы выиграли бы в темпе выработки новых, действительно опытных специалистов, если бы мы передали хотя бы несколько ВТУЗов в ВСНХ. Я думаю, что при этих условиях молодые специалисты были бы лучше вооружены в борьбе со старыми буржуазными специалистами. Мы имели бы тогда десятки ВТУЗов в руках Наркомпроса и несколько ВТУЗов в руках ВСНХ, между ВСНХ и Наркомпросом установилось бы соревнование, они вынуждены были бы улучшать дело обучения молодых специалистов, и мы в результате всего этого ускорили бы дело выработки новых специалистов.

Вот как обстоит дело, тов. Андреев.

Почему это дело может удаться ВСНХ легче, чем Наркомпросу? Не потому ли, что в Наркомпросе сидят люди менее опытные или менее способные, чем в ВСНХ? Конечно, нет. С этой точки зрения, ВСНХ и Наркомпрос занимают, так сказать, одинаковое положение. В чем же тогда разница?

Разница, во-первых, в том, что ВСНХ непосредственно заинтересован, и заинтересован он больше, чем какой-либо другой наркомат, в скорейшей выработке лучших техников по специальностям, и ВСНХ имеет возможность сосредоточить на этом свое основное внимание. Другое дело Наркомпрос. Наркомпрос должен вырабатывать математиков, историков, естествоведов, врачей, юристов, технических специалистов всякого рода и т. д. Ясное дело, что Наркомпрос не имеет возможности в одинаковой степени сосредоточивать свое внимание на всех этих отраслях обучения. С этой точки зрения, надо считать, что Наркомпрос перегружен и его можно было бы с успехом разгрузить, передав несколько ВТУЗов ВСНХ.

Разница состоит, во-вторых, в том, что самый преподавательский состав ВСНХ мог бы подобрать более целесообразно, чем Наркомпрос, ибо у ВСНХ имеются не только профессора-теоретики, но и практические знатоки промышленности, могущие преподавать во ВТУЗах. А это имеет немаловажное значение.

Разница состоит, наконец, в том, что ВСНХ легче будет связать ВТУЗы с промышленностью в силу своего положения. Едва ли можно доказать, что Наркомпрос находится в этом отношении в равном положении с ВСНХ. А связь студентов с промышленностью является основным моментом, облегчающим выработку лучших специалистов из молодых кадров.

Говорят, что за границей ВТУЗы сосредоточиваются в руках министерства народного просвещения, а не частных капиталистов. Допустим, что это так.

Куйбышев. Не везде.

Сталин. Я допускаю, что это так. Оно так и должно быть. Я думаю, что выработка специалистов должна находиться в руках государства или государственного наркомата, а не в руках частных капиталистов. Но у нас разве об этом идет речь? Мы ведь передаем несколько ВТУЗов не частным капиталистам, а ВСНХ, который является таким же государственным наркоматом, как и Наркомпрос, с той, однако, разницей, что ВСНХ является общесоюзным наркоматом, а Наркомпрос – республиканским, причем эта разница говорит не против ВСНХ, а за ВСНХ.

Вот почему я думаю, что ежели мы передадим несколько ВТУЗов ВСНХ и обеспечим при этом участие ВЦСПС и его органов в деле руководства этими ВТУЗами, то

мы можем лишь выиграть как в деле выработки новых специалистов, так и в деле набора учащихся из числа рабочих.

Значит ли это, что Наркомпрос в этом отношении обречен на гибель? Конечно, нет. В Наркомпросе останется большинство ВТУЗов, а соревнование между Наркомпросом и ВСНХ может дать только плюсы. Допустим, что мы не передали бы ни одного ВТУЗа ВСНХ. Значит ли это, что мы тем самым загубили бы дело? Нет, не значит. Это значило бы «лишь» то, что мы проиграли бы в темпе выработки новых специалистов. А темп имеет для нас серьезнейшее значение.

Фигатнер. Эти ВТУЗы были бы в привилегированном положении.

Сталин. Нет, тов. Фигатнер, это вовсе не обязательно. Дело идет не о привилегированности, а о том, как бы получше связать некоторые ВТУЗы с производством.

Ходоровский. Здесь у нас нет спора с ВСНХ.

Сталин. Нет, тов. Ходоровский, речь идет не о нынешних руководителях ВТУЗов, а о том, чтобы изменить и улучшить практику обучения ВТУЗовских студентов.

Ходоровский. Я не про то.

Сталин. Говорят, что передача нескольких ВТУЗов ВСНХ означает ломку нынешней системы, ломку нынешней схемы обучения. Это неубедительно, товарищи. Нельзя доводить схему до абсурда. Мы никогда не обязывались быть рабами схемы и никогда не клялись в абсолютной верности той или иной схеме. Известно, например, что год назад, когда встал у нас вопрос о командном составе нашей промышленности, мы организовали Промышленную академию при ВСНХ[111]. Эта академия существует и теперь и, как говорят знатоки дела, развивается нормально. Известно, что тогда был у нас спор о том, в составе какого наркомата организовать Промышленную академию: в составе ВСНХ или Наркомпроса. Спор был решен в пользу ВСНХ. Стало быть, мы несколько «сломали», если хотите, схему. Выиграли ли мы от этого? Я думаю, что выиграли. Известно далее, что высшие военные школы находятся в руках Наркомвоена, а не Наркомпроса. Хорошо ли это или плохо? Знатоки дела говорят, что это очень хорошо, так как это обстоятельство облегчает дело выработки командных кадров по военному управлению. Есть ли это некоторый «слом» или изменение схемы? Ясно, что есть. Так в чем же дело, товарищи? Неужели мы убоимся улучшить дело обучения новых кадров промышленности из-за боязни перед схемой?

Есть ли у нас какой-либо опыт, говорящий о том, что передача некоторых специальных ВУЗов заинтересованным ведомствам или организациям дает хорошие результаты? Я думаю, что у нас есть такой опыт. Взять, например, партию. Она имеет свои ВУЗы, как известно. И именно потому, что она руководит непосредственно своими ВУЗами, именно поэтому нашу партию можно считать одной из наиболее обеспеченных организаций в смысле наличия кадров, от уездных работников до областных. Что же, может быть, передать эти ВУЗы Наркомпросу во имя схемы? Или, например, военное ведомство. Известно, что средняя и высшая военные школы (Академии Генштаба) сосредоточены в руках военного ведомства. В этих школах обучается около 25–26 тысяч студентов. И что же? Можно с уверенностью сказать, что военная отрасль является одной из самых обеспеченных отраслей в смысле выработки своих кадров, от ротного командира до командующего округом. Хорошо ли это, товарищи? Я думаю, что хорошо. Но если идти по схеме, то следовало бы эти школы передать в Наркомпрос.

Я знаю, что есть разница между выработкой кадров хозяйственных и кадров военных. Тов. Ломов совершенно прав, когда он говорит, что военные кадры вырабатываются легче, чем кадры хозяйственные. Оно и понятно, хозяйственное дело сложнее и труднее, чем дело военное. Но именно потому, что хозяйственное дело сложнее,

именно поэтому необходимо сделать шаг вперед в сторону передачи некоторых ВТУЗов в руки ВСНХ и ВЦСПС. Это и полезно будет и логично, ибо мы поворачиваем во всей нашей практике, стало быть, должны повернуть и в области обучения хозяйственных кадров.

Крайне странно, что некоторые товарищи боятся сделать шаг вперед в сторону улучшения дела. Откуда эта боязнь, и приличествует ли она большевикам? Я думаю, что кое-кто из Наркомпроса уподобляется чеховскому герою, который боялся шевельнуться: «как бы чего не вышло». Этот чеховский герой, как известно, ходил все время с зонтиком и в галошах, и в дождливую и в знойную погоду, – «для осторожности». Скажем, вылез таракан, показал усы – наш герой шарахается: «как бы чего не вышло». Но мы не можем, товарищи, уподобляться чеховскому герою. Мы не можем так двигать дело вперед. Мы должны сделать шаг вперед в этом деле, хотя бы шажок, обеспечивающий ускорение дела выработки новых специалистов.

Г о л о с. Шажок серьезный.

Сталин. Не очень серьезный, товарищи. Два года тому назад мы этот вопрос мусолили и потом утопили его бюрократически в какой-то комиссии, которая с большим трудом родила, наконец, Промышленную академию при ВСНХ. Но это было два года назад. Теперь мы имеем предостережение, тревожный сигнал в виде шахтинского дела. Неужели этого недостаточно для того, чтобы сделать новый шажок вперед?

Куйбышев. Не сделать ли более смелый шаг?

Сталин. Тов. Куйбышев, я против более смелого шага.

Куйбышев. Я только за один шаг: всего 8 ВТУЗов.

Сталин. Давайте ограничимся 2–3 ВТУЗами, посмотрим, на что способен ВСНХ, который заинтересован в этом деле больше, чем любой другой наркомат. (С м е х.) Ежели он покажет, что он способен на большее, тогда видно будет.

Г о л о с. А если не способен?

Сталин. 3) Третий вывод касается вопроса о втягивании широких рабочих масс в дело управления промышленностью. Как обстоит дело в этом отношении по данным шахтинских материалов? Очень плохо. До безобразия плохо, товарищи. Доказано, что кодекс законов о труде нарушается, 6-часовой рабочий день под землей не выполняется, условия охраны труда попираются. А рабочие терпят. А профсоюзы молчат. А парторганизации не принимают мер к ликвидации этого безобразия. Рабочих оглушили, говоря им, что партия требует от них 7-часового рабочего дня под землей, – и рабочие работают, ибо они готовы работать больше, если укажет партия. Кому нужен этот обман, и для чего он практикуется? Для чего это издевательство над рабочими, которые имеют все основания именоваться героями, а не просто рабочими? Тов. Молотов, ездивший недавно в Донбасс, лазил там по шахтам и расспрашивал шахтеров об условиях их работы. Знаменательно, что ни один из шахтеров не счел нужным жаловаться на условия. «Как живется вам, товарищи?» – спрашивает их Молотов. «Ничего, товарищ, неплохо живется», – отвечают ему шахтеры. «Я еду в Москву, скажите мне, что я должен передать центру?» – спрашивает Молотов. «Скажите там, что нам живется неплохо», – отвечают ему шахтеры. «Слушайте, товарищи, я ведь не иностранная делегация (о б щ и й с м е х), я русский и приехал сюда для того, чтобы узнать от вас правду», – говорит им Молотов. «Нам все одно, тов. Молотов, мы говорим лишь правду, и иностранцам, и нашим», – отвечают ему шахтеры. Вот вам физиономия наших шахтеров. Это не просто рабочие, а герои. В этом именно и состоит богатство того морального капитала, который мы успели накопить в сердцах рабочих. И подумать только, что мы растрачиваем этот неоценимый моральный капитал так безбожно и преступно...

Г о л о с а. Правильно.

Сталин. Как дурные и никчемные наследники величайшего наследства Октябрьской революции! Но, товарищи, держаться долго на старом моральном капитале и растрачивать его так безрассудно – нельзя. Пора покончить с этим. Давно пора. Если сказано работать 6 часов, так надо исполнять это честно и добросовестно. А кто этого не хочет выполнять, тех четвертовать! Если есть рабочие профсоюзы, которые обязаны отстаивать повседневные интересы рабочего класса, так надо добиться того, чтобы эти профсоюзы пользовались соответствующими правами и чтобы они не увиливали от своих обязанностей. Для этого у нас и существует рабочее государство. Если говорят, что дело с выдвижением рабочих обстоит плохо, то надо понять, что при нарушении элементарных условий охраны труда оно не может обстоять хорошо. Если дело дошло даже до того, что кое-кто из рабочих в шахтинском районе усумнился: «их ли это власть (т. е. буржуазии) или наша», то надо понять, что при таких порядках у нас не будет никакого втягивания широких рабочих масс в дело управления промышленностью. Пора, пора покончить с этими беспорядками в нашей промышленности!

4) Наконец, четвертый вывод, касающийся вопроса о проверке исполнения. Шахтинское дело показало, что дело с проверкой исполнения обстоит у нас из рук вон плохо во всех областях управления, и в области партийной, и в области промышленной, и профсоюзной. Пишутся резолюции, рассылаются директивы, но никто не хочет позаботиться о том, чтобы спросить себя: а как обстоит дело с исполнением этих резолюций и директив, исполняются они на деле или кладутся под сукно? Ильич говорил, что одним из серьезных вопросов в деле управления страной является вопрос о проверке исполнения. Но именно в этом вопросе дело обстоит у нас из рук вон плохо. Руководить – это еще не значит писать резолюции и рассылать директивы. Руководить – это значит проверять исполнение директив, и не только исполнение директив, но и сами директивы, их правильность или ошибочность. Смешно было бы думать, что все наши директивы правильны на все 100%. Этого не бывает и не может быть, товарищи. Проверка исполнения в том именно и состоит, чтобы наши работники проверяли в огне практического опыта не только исполнение наших директив, но и правильность самих директив. Поэтому прорехи в этой области означают прорехи во всем нашем руководстве.

Взять, например, проверку исполнения по чисто партийной линии. Мы обычно вызываем секретарей окружкомов и губкомов для докладов в ЦК, проверяя исполнение директив ЦК. Секретари докладывают, признавая недостатки в своей работе. ЦК обличает их и выносит трафаретные резолюции с указаниями – углубить и расширить работу, подчеркнуть то-то и то-то, обратить серьезное внимание на то-то и то-то и проч. (С м е х.) Секретари уезжают на места с этими резолюциями. Потом их вновь вызываем, и опять то же самое насчет углубления, расширения и т. д. и т. д. Я не говорю, что вся эта работа остается без пользы. Нет, товарищи, это дело имеет свои хорошие стороны в смысле воспитания и подтягивания организаций. Но надо признать, что этот метод проверки исполнения уже недостаточен. Надо признать, что этот метод должен быть дополнен другим методом, а именно методом рассылки на местную работу членов нашей партийно-советской верхушки.

Г о л о с. Это хорошее дело.

Сталин. Я говорю о рассылке наших руководящих товарищей на временную работу на места не в качестве командующих, а в качестве обычных работников, поступающих в распоряжение местных организаций. Я думаю, что это дело имеет большую будущность и оно может улучшить дело проверки исполнения, если его выполнять честно и добросовестно.

Угаров. Надо, чтобы приезжающие товарищи жили не в доме директора.

Сталин. Директора бывают разные, тов. Угаров. Недавно я смотрел пьесу «Рельсы гудят»[112], где действующим лицом выводится коммунист-директор из рабочих. Посмотрите эту пьесу, и вы увидите, что директор-рабочий является страдальцем, которого надо поддерживать всячески.

Г о л о с а. Правильно! Но не всякий.

Сталин. Его подкарауливают нэпманы, под него подкапывается тот или иной спец, его атакует жена, и, несмотря на это, он выдерживает борьбу, он выходит из борьбы незапятнанным. Отчего бы не остановиться в квартире такого директора тому или иному члену ЦК?

Так вот, товарищи, соответствующий проект резолюции Политбюро о рассылке наших руководящих товарищей на временную местную работу надо принять обязательно. Если члены ЦК, члены президиума ЦКК, наркомы и их заместители, члены президиума ВЦСПС, члены президиумов ЦК профсоюзов, в том числе и тов. Шварц...

Г о л о с. В первую очередь.

Сталин. Если они будут систематически приезжать на места и вести там работу, с тем чтобы присмотреться к работе, изучить все трудности, все минусы и плюсы, то уверяю вас, что это будет самой действительной и самой эффективной проверкой исполнения. Это будет самым лучшим средством обогатить опыт наших уважаемых руководителей. И если бы это вошло в систему, а это должно войти обязательно в систему, то уверяю вас, что законы, которые мы пишем здесь, и директивы, которые мы рассылаем, были бы куда жизненней и правильней, чем это имеет место в настоящее время.

Председатель. Слово имеет тов. Угланов.

Г о л о с а. Перерыв!

(П о с л е п е р е р ы в а.)

Председатель. Товарищи, ко мне за подписью целого ряда членов ЦК поступило предложение о том, чтобы в дальнейшем увеличить регламент с 10 минут до 15 для выступающих в прениях, но с тем, чтобы строго этого держаться. Чубарь вносит поправку: формально всем увеличить до 15 минут, фактически до 40 минут (с м е х). В списке ораторов 62 человека.

Скрыпник. Не пугайте, все равно всем не дадите.

Председатель. Какие предложения по поводу этого?

Г о л о с а. Оставить старый порядок.

Председатель. Кто за прежний «беспорядок» (с м е х)? Кто за то, чтобы увеличить время ораторам до 15 минут? Большинство. Слово имеет тов. Угланов.

Угланов. Тов. Сталин в первой части своей речи указал на то, что важнейшим условием обеспечения нашей дальнейшей успешной работы является решительное и последовательное вскрытие всех наших недостатков путем самокритики. Я попытаюсь осветить ряд вопросов, идя в этом направлении. Алексей Иванович в своем докладе сказал, что нам нужна сейчас объективная оценка обстановки. Так вот, если дать объективную оценку обстановки нашего хозяйственного строительства под углом зрения шахтинских событий, то я считаю, что мы должны признать, что мы как партия очень плохо руководим и плохо овладеваем тем гигантским размахом социалистического строительства, которое ведется по нашим же директивам.

Микоян. Правильно.

Угланов. Вот какую можно дать общепринципиальную оценку той обстановки, которая сейчас есть.

В подтверждение этой оценки я попытаюсь рассмотреть ряд отдельных вопросов, связанных с хозяйственным строительством. Перейду к вопросу о кадрах хозяйственников. Я считаю, что преодоление тех трудностей, которые стоят у нас на пути социалистического строительства, очень во многом зависит от людей. В дальнейшем наша задача заключается в том, чтобы поднимать новых людей, но от нас еще больше зависит то, чтобы как можно лучше работать с теми кадрами работников-хозяйственников, которые за эти десять лет у нас сложились. А что мы с кадрами хозяйственников до сих пор плохо работали – это безусловно. Давайте посмотрим по всей нашей линии, начиная с низов, от ячеек и кончая ЦК, много ли мы до настоящего времени уделяли внимания и времени нашим хозяйственным кадрам. Не во всякой ячейке считают целесообразным порою хорошего партийца-хозяйственника вводить в бюро ячейки, при этом говорят – «он хозяйственник». В районных и уездных комитетах партии за последние годы сдвиги у нас есть, там к хозяйственникам внимание стало побольше. Но если говорить с точки зрения учета опыта и трудностей, которые имеют в работе кадры хозяйственников, а они имеют огромный опыт в работе и у них много трудностей, то мы как-нибудь по-настоящему все больше и больше охватываем этот опыт и эти трудности в работе хозяйственников или нет? Надо прямо сказать, что крайне слабо охватывали, и поэтому задача работы с существующими кадрами хозяйственников приобретает важнейшее значение. И мы в практике Московского комитета примерно за последние три года в эту точку неуклонно бьем, по части усиления партийного руководства среди хозяйственников, путем привлечения хозяйственников ближе к руководящим органам партийных организаций. Мы поставили задачу, чтобы хозяйственник-партиец был бы, с одной стороны, общественник-партиец, руководитель масс, с другой стороны, чтобы он был превосходным организатором хозяйства. И мы эту линию ведем. Когда мы ставим вопрос о людях, задача сейчас заключается в том, чтобы новых людей поднимать, а с другой стороны – работать усиленно с теми, которые есть.

Несколько слов о том, что мы швыряемся зря директорами. Мы этот вопрос в конце января – феврале на пленуме МК поставили. Почему? Потому что у нас в практике Московской организации швыряться хозяйственниками-директорами тоже было стало в моду входить. Тут мы могли наблюдать небрежность, неразборчивость в нападках на хозяйственников очень часто. Сейчас Центральный Комитет этот вопрос ставит, и это в значительной степени двинет дело и даст возможность больше спросить с хозяйственника, подтянуть его, но вместе с тем и поддержать его. За плохую работу – взбучка, за хорошую работу – поддержка. Я считаю, что одна из форм работы с хозяйственниками – это поставить своей задачей устраивать почаще совещания хозяйственников при партийных комитетах, начиная с райкомов и кончая Центральным Комитетом партии, для того чтобы обобщать их опыт, итоги их работы, направлять их работу и т. д. Тогда меньше будет сожительства партийных работников, хозяйственников-коммунистов со специалистами. А то ведь получается: люди копошатся в своем деле, редко связываются с партийными комитетами, а копошатся партийцы-хозяйственники, находясь среди спецов. Вот почему и бывает, что обывательщина заедает и теряется острота коммунистического недоверия и стойкость. Если мы поставим планомерную задачу учета опыта, выяснение мнений и т. д. среди хозяйственников, это даст возможность лучше организовать хозяйство и укрепить кадры.

О специалистах. Нужно сказать, что мы среди специалистов своей общей политикой завоевали громадное большинство. Часть из них, грубо говоря, около 1/3, состоит из мошенников, саботажников и т. д., но большая же часть – 2/3, так сказать, работает добросовестно, правда, из этих двух третей часть работает с пассивностью, с

прохладцей, но большинство мы завоевали на свою сторону. Но сказать, чтобы повседневно мы их организовывали, это будет неправдой, тут мы работаем плохо, начиная снизу и доверху. В ячейках, на фабриках и заводах и сейчас еще чертом смотрят, грубо говоря, на инженерно-технические секции. Как директор предприятия относится к инженерно-технической секции? Тоже плохо. Директор предприятия обязан по уставу ВЦСПС входить в инженерно-техническую секцию. Входит он туда? Нет, не входит, внимания не обращает. Наши партийные ячейки на предприятиях обращают внимание на инженерно-технические секции? Не обращают внимание. Смотрят на них, как на назойливую муху. То же самое и по профсоюзной линии. Несколько лет тому назад холодок был насчет этого, «на кой черт организуете эти инженерно-технические секции», и сейчас еще такой предрассудок в отношении инженерно-технической секции в профсоюзных кадрах кое-где сохранился.

И само собой понятно, если мы сами не оказываем нашего организационного воздействия на инженерно-технические силы, конечно, там будет консервативность, застойность и т. д. И отсюда вытекает то, что молодых инженеров эти старички консерваторы берут за горло. У нас Московский комитет в связи с шахтинским делом устроил совещание инженеров-коммунистов, и нам товарищи очень многое рассказали о тех недостатках в работе партийных организаций, а также и в Московском комитете. Задача сейчас заключается в том, чтобы по этой линии решительнейшим образом работу охватить.

О новых силах. Что новые силы затираются – это безусловно. Что имеют место среди молодежи «Хлестаковы», которые не хотят работать, это тоже факт.

Но, с другой стороны, товарищи, то, что раньше, год-два тому назад, можно было не замечать, сейчас это надо замечать. У нас сейчас появляются кадры безработных, не могущих поступить на работу молодых инженеров. С одной стороны, не могут поступить, потому что не пускают, а с другой стороны – потому что предприятия взять не могут, потому что у них нет ассигновок на административно-технический персонал. Расходы срезаются у нас правительством...

Г о л о с а. Правильно.

Угланов. Надо на эти вещи посмотреть, надо прощупать. Мы срежем, и получается такое положение, что, например, в Швеции на деле, о чем упоминал в докладе тов. Рыков, 15 инженеров и техников, у нас два. Если хотите иметь хотя бы пять, так надо денег давать. Вот в чем дело.

Теперь вопрос о научно-исследовательских институтах, об овладении нами научно-технической мыслью. Я этим вопросом последний год интересуюсь. Что мы имеем в научно-исследовательских институтах до сего времени? Затирку. Затирают в научно-технических институтах коммунистов, хода не дают. Некоторые руководители научно-технических институтов так прямо и заявляют: коммунистам тут, мол, нечего специальными науками заниматься. Им нужно заниматься агитацией и пропагандой; им нужно заниматься теорией социализма. Это дело научно-исследовательской работы, это дело людей особого склада и т. п. Против этого нужно вести решительную борьбу. И я считаю, что эта плохая работа, слабое продвижение коммунистов на научно-исследовательскую работу, плоха от того, что руководство в ВСНХ, вытекающее из научно-технического управления ВСНХ, плохое. Там имеются товарищи некомпетентные, не пользующиеся доверием среди наших выдающихся ученых.

Г о л о с а. Верно.

Угланов. Ряд товарищей коммунистов, выдающихся крупных ученых, в том числе тов. Губкин, ректор Горной академии, фактически из коллегии научно-технического управления ВСНХ вышиблены. Мы можем указать ряд товарищей, которых свели

на нет. Государственный нефтяной исследовательский институт фактически оттерт и никакого влияния на развивающееся капитальное строительство в нашей нефтяной промышленности не имеет. При тов. Дзержинском было утверждено положение о научно-исследовательских институтах, в частности о нефтяном. Началось ассигнование средств. Теперь вновь дело тормозится. Научно-исследовательскому институту нефтяному дают какие-то жалкие 300 000, а все миллионы геологическому комитету. А кто сидит в этом геологическом комитете? Все зубры. А научно-исследовательские учреждения, где начинают складываться новые научные кадры, новые силы, эти учреждения жмут, лишней копейки не дают. Это можно доказать. В распоряжении Московского комитета эти материалы имеются. Точно так же эти материалы имеются и в распоряжении тов. Орджоникидзе, в ЦКК.

Вопрос о нашей более высокой позиции в области науки и техники надо поставить по-настоящему. И надо в ближайшее время, после этого пленума ЦК, РКИ, ВСНХ, заняться этим делом, и научно-техническое управление ВСНХ подчистить по-настоящему, и людей поставить настоящих, с тем чтобы это дело двинуть.

Г о л о с а. Правильно.

Угланов. Теперь вопрос о работе среди специалистов. Тов. Молотов говорил о том, что нужно вести работу среди специалистов по-пролетарски, а не по-буржуазному. Работа со специалистами по-пролетарски возможна и будет успешна, при условии, конечно, тогда, когда мы всей силой, всей организованностью, больше, чем до сих пор, навалимся на это дело. Это с одной стороны. С другой стороны – когда мы новым кадрам, выходящим из наших высших учебных заведений, придадим первостепенное значение.

По вопросу о передаче нескольких ВУЗов из НКПроса в ВСНХ. Я сам в 1920 г., когда пришел из армии, работал в Ленинграде секретарем губпрофсовета, я тоже стоял за то, чтобы передать некоторые ВТУЗы, особенно технические ВУЗы, хозяйственным органам. Нас тогда Владимир Ильич поправил, указав нам, что «вы нарушаете программу нашей партии о политехническом образовании»[113], и мы тогда прекратили обсуждение этого вопроса. С тех пор прошло 8 лет, у нас обстановка меняется, и я думаю, что можно попробовать передать некоторые технические ВУЗы – ВСНХ. Я думаю, что от этой пробы мы нашей партийной программы не испортим, а если ошибемся, дадим ход назад.

Скрыпник. Времена меняются, и принципы меняются?

Угланов. Нет, тов. Скрыпник, в изменившейся обстановке нужно сделать тот или иной маневр.

Г о л о с. Правильно, Николай Алексеевич!

Скрыпник. Хоч гирше, абы инше.

Угланов. Я считаю, товарищи, что работать по-пролетарски со специалистами – это значит лучше организовать, лучше применять наши новые кадры, обеспечить им возможность лучшей учебы. Это – работа по-пролетарски. Но можем ли мы сейчас уже признать и сказать, что снимаем с очереди задачу по-буржуазному оплачивать спецов, что с ними возиться не придется нам в этом направлении? Я считаю, что это было бы ошибкой. Возиться по-буржуазному, с точки зрения повышенной оплаты, возиться еще придется. Следует платить по-буржуазному, более высоко оплачивать тех специалистов, которые умеют хорошо дело делать, и в итоге выйдет настоящее пролетарское дело. Никаких извращений тут нет. Я так смотрю на дело.

Теперь следующий вопрос. Алексей Иванович говорил, что из всего шахтинского дела вытекают два основных направления: плохая работа низовых партийных, профессиональных, советских и хозяйственных органов и чрезмерный централизм. Разрешите разобрать и эти вопросы.

Вопрос о плохой работе треугольника. Конечно, у нас на предприятиях, а также и в вышестоящих партийных, профессиональных и хозяйственных организациях имеется немало недостатков. Если посмотреть на предприятия, то здесь имеется нечуткость к запросам масс со стороны профессиональных организаций и произвол со стороны администрации и зажим со стороны партийных организаций. Например, в Москве, у нас это, конечно, не сплошное явление, но эти факты имеют место. Этого мы не можем отрицать. Вопрос о работе треугольника приобретает важнейшее значение. Этот вопрос старый, но он будет постоянно новым, над ним придется работать и работать. За недостатком времени я его, к сожалению, подробно разобрать не могу.

Следующий вопрос наших недостатков в хозяйственном строительстве – вопрос, поднятый тов. Рыковым, вопрос о чрезмерном централизме. Я должен сказать, что вопрос работы низовой партийной, советской и профессиональной организации усложняется и создает лишние трудности, главным образом от ошибок в планировании и централизме вышестоящих органов. Разрешите разобрать ряд вопросов. Вот та плановая чехарда, о которой много говорят, она, конечно, в известной степени происходит и от работы низовых организаций. Директор завода, секретарь ячейки, председатель заводского комитета иногда в стремлении расширить, перестроить свой завод напирают, требуют, и в результате напора с мест получаются иногда дутые планы. Но это бывает только на одну треть, а две трети работ капитальных и перестроек зависят все же от решений вышестоящих органов. Вот когда на низу, на предприятии рабочие сталкиваются с проекта на другой проект, со стройки на перестройку, конечно, это ничего другого не может вызвать, как вполне законное недовольство, резкую критику и т. д. Вот скажите, пожалуйста, когда на целом ряде предприятий у Югостали и на отдельных у нас в Москве и кое-где еще валяется импортное оборудование, еще не использованное, как это отражается на настроениях рабочих? Вызывает недовольство! Спрашивается, во многом ли виноваты низовые партийные организации? Нет. Нам надо тут на самих себя посмотреть по линии хозяйственной, партийной, профессиональной и советской. В конечном счете мы творим политику в высших органах и т. д. Вся эта несуразица в управлении, она является крупнейшим тормозом для работы низовых партийных организаций, она вызывает недовольство рабочих. Рабочий сначала толкается к директору, затем начинает пробираться выше. В критике рабочих в данный момент центр тяжести начинает перемещаться с директора на высшие органы. Центр тяжести начинает двигаться, и правильно двигается, но для того, чтобы всю эту машину увязать, нам нужно вопрос о планировании и централизации хозяйства поставить на должную высоту. Здесь у нас дело обстоит плохо.

Второй вопрос, связанный с централизацией и планированием, – перебои со снабжением сырьем промышленности. Месяц тому назад на заседании Политбюро я тов. Микояну задавал вопрос: т. Микоян, будет ли обеспечена льняная текстильная промышленность льном? Он говорит: будет! А у меня в руках документы, что и в этом году, как в прошлом году, $1^1/_2$–2 месяца льняные фабрики будут стоять, потому что 1 миллион 200 тысяч пудов льна не хватит. А как это произошло? Это произошло потому, что все хозяйственники определили, что сбор льна может быть $8^1/_2$ миллионов пудов, а Наркомторг определил сбор в 9 200 000 пудов. Соответственно этому составили большой контингент экспорта, а льна-то оказалось меньше. И таким образом, у нас опять эта область промышленности простоит $1^1/_2$–2 месяца, и мы будем переплачивать громадные деньги за простой, а мы знаем, что в Москве только по тресту «Текстильноткань» в прошлом году мы потерпели убытки за простой 719 тыс. рублей, а об убытках других льняных трестов мы уже не говорим. Вот где ошибки централизма и планирования высших органов. Как ни кричи – ни черта не выходит. Вот у нас в Моск-

ве есть маленький меховой трест. Нам нужно сырье, но нам его не дают заготовлять. Наркомторг так все централизовал, что нам в Москве даже, черт возьми, кошек ловить и драть не дают. (С м е х.)

Создается такая беспредельная волокита, что дела полезного не сделаешь, и я глубоко убежден, что его так зацентрализуют, что все сырье останется. Вот и выворачивайся. А тут неизбежно произойдут остановки из-за перебоев со снабжением сырьем льняных фабрик. Мы должны иметь в виду, что вопросы о централизации, о планировании хозяйства требуют к себе самого внимательного отношения. Следующий пример, что мы имеем с централизацией. Вот у нас имеются стекольно-фарфоровые тресты – легкая индустрия производит такие вещи, как посуду, горшки, стаканы, стекольные изделия и т. п., кажется, только успевай выбрасывать на рынок, работа этой промышленности должна находиться в самом блестящем состоянии. Но оказывается, что в последние годы эта промышленность хронически бывает не в состоянии выплачивать своим рабочим заработную плату в срок, не имеет оборотных средств и т. д. Оказывается, что она так централизована, что всю продукцию обязана сдавать через Продасиликат. А это такое неповоротливое детище, так оно нас душит, что продукция фарфортреста и мостеклофарфора часто остается лежать у него на складе, а фарфортрест не в состоянии выплачивать всю заработную плату. И в то же время СТО объявляет выговор и отдает под суд правления трестов за то, что они не выполняют директив о реализации продукции трестов через Продасиликат. Вот как мы централизуем. Можно централизовать, можно планировать, можно и нужно проводить продукцию через систему синдикатов, но не всегда. Если имеются стандартизованные изделия, это можно проводить, но нельзя в этом отношении идти по одному шаблону в отношении всех производств. Надо приноровляться к условиям рынка, надо учитывать, надо быстро поворачиваться. Если есть перегибы, все это надо предусмотреть и устранить. Я не хочу на этом вопросе останавливаться за недостатком времени у меня для этого вопроса, но думаю, что вообще по вопросу о хозяйственном строительстве нам на следующем пленуме Центрального Комитета придется остановиться поподробнее. Ибо если мы хотим руководить по-настоящему, то мы должны этими вопросами хозяйственного строительства заняться, и их обходить нельзя. Централизовать и планировать дело так жестко, как это делается сейчас, на данной стадии хозяйственного развития, нельзя, такой централизм будет перерождаться в бюрократический централизм, тормозящий хозяйственное развитие и подрывающий инициативу рабочих масс.

Еще я хотел сказать о силах рабочего класса. Что мы имеем подъем настроения рабочего класса в деле социалистического строительства – это несомненно. Силы рабочего класса неисчерпаемы. Но нам, если мы хотим этот подъем сделать непрерывным, если мы хотим продолжить этот подъем, если мы хотим, чтобы он расширялся, захватывал все новые и новые слои рабочего класса, – нам нужно делать как можно меньше ошибок, как можно реже делать ошибки, стараться не допускать тех грубых ошибок, которые у нас иногда бывают, теперь делать грубых ошибок нам нельзя. Когда я присматривался и прислушивался к настроениям рабочих месяца полтора-два тому назад, а я бываю регулярно на заводах, я заметил, что рабочих очень сильно взволновало дело со Среднеазиатским водохозяйством[114]. Внимание рабочих было сильно заострено на этом деле. Это чувствовалось на каждой фабрике, на каждом заводе. Вообще, внимание рабочих заостряется на тех крупных неудачах, которые у нас бывают. Но особенно взволновало рабочих это новое шахтинское дело. Внимание рабочих к этому делу привлечено необычайно. Настроение рабочих такое, что, поскольку я могу судить о московских рабочих, можно наверняка сказать, что у рабочих неисчерпаема воля и энергия для преодоления всех недостатков, для преодоления всех труднос-

тей, которые стоят на нашем пути. Но в то же время рабочие все тверже говорят: «Поменьше недостатков, поменьше допускайте ошибок. Мы работаем здорово на производстве, но вы в дальнейшем не должны делать тех грубых промахов, которые вы иногда допускаете». Мне думается, для того, чтобы все силы, всю энергию, весь заряд в рабочем классе сохранить для дальнейшей работы, наша задача состоит в том, чтобы все внимание сосредоточить на преодолении тех ошибок, которые мы делаем, на преодолении подчас очень грубых ошибок. Когда мы проводим сейчас фактическое перезаключение колдоговоров, рабочие говорят: что же, черт возьми, вы на нас здорово нажали, но вы-то сами плохо хозяйствуете! Действительно, если посмотреть на фактическое положение дел, то мы увидим, что против довоенного времени наши рабочие работают в ряде отраслей промышленности в полтора или даже в два раза сильнее. Рабочие говорят: «Вот мы как работаем, а вы хозяйничаете плохо, часто спотыкаетесь, неэкономно работаете, небережливо относитесь к деньгам». Это действительно так. Нам нужно улучшить наше хозяйствование, нужно к каждой копейке относиться бережливо, нужно деньги сохранять. Вот в эту точку надо бить. Линия нашей партии на индустриализацию страны совершенно правильная, но мы сейчас должны направить наше внимание на то, чтобы деньги хорошенько считать, чтобы расходовать их как следует. Из этого вот вытекает планирование и т. д. В связи с этим вопрос о привлечении широких рабочих масс к делу социалистического строительства становится наиболее актуальным. Какие формы привлечения широких масс к этому делу у нас имеются? Производственные совещания. На них я не буду останавливаться. Производственные конференции. На этом я остановлюсь. Мы в Москве каждый год устраиваем производственные конференции по хозяйственным органам. Эти производственные конференции устраиваются на исходе старого хозяйственного года, перед наступлением нового хозяйственного года. На этих производственных конференциях обсуждаются все вопросы хозяйственного строительства данного объединения. Это является большим шагом вперед. Но мы не удовлетворяемся этим шагом, мы пошли в Москве на то, что сейчас при хозорганах, в виде опыта, для чего выделено 100 хозорганов, создали рабочий актив с предприятий того треста или управления, который находится на территории Московской губернии, рабочий актив начинает вести эту работу. Со стороны профсоюзов, я прямо должен сказать, имеется некоторый холодок к этому делу, нет достаточного внимания. Это выходит оттого, что профсоюзы недооценивают этого дела. Но этот метод работы – рабочий актив при хозорганах от предприятий – это является важнейшим делом. Я не знаю, попал ли материал, касающийся этого дела, в разработку ЦК партии, но мы очень рекомендуем товарищам из других парторганизаций этим делом заняться, поставить это дело. Благодаря этому подымается на каждом предприятии группа людей, которые доходят в хозяйственных вопросах уже не только до директора, но и до треста. Причем эта работа ведется систематически, что имеет, конечно, очень важное значение. Эта работа захватывает все новые и новые области хозяйственного строительства. Мне кажется, этот опыт надо широко развить и в других организациях. Это помогает разбивать косность, преодолевать консерватизм и ту сухость, которая имеется у руководителей, хозорганов, у профессионалистов, у партийцев. На это нужно идти.

Теперь надо сказать о партийном руководстве. Само собой понятно, для того чтобы удалить все эти недостатки, которые имеются, ясно, что только тогда дело хорошо пойдет, когда партия возьмет это дело в свои руки. И теперь я считаю, что нам нужно несколько пересмотреть методы нашей работы. Мы за эти последние годы, в силу того, что в меньшей степени вынуждены были заниматься хозяйственными делами, потому что два года дрались с оппозицией, и у нас дело шло так, что мы только занима-

лись проработкой директив, шедших сверху. Сейчас, когда мы вступили в новую полосу нашей жизни, разгромив оппозицию, когда есть возможность развить работу по хозяйственным вопросам, задача заключается в том, чтобы делать меньше ошибок и промахов, руководителям партийных, профессиональных и хозяйственных организаций и всем нам нужно начать разработку директив, а не только проработку. Конечно, это нужно начать в первую очередь в партии. Нужно использовать большой опыт всех категорий работников в этом деле и двинуть его вперед.

Тов. Сталин дал общую линию, но, поскольку мы каждый день копошимся с этими делами, мы приходим к выводу, что без этого абсолютно не обойдемся и сейчас по этой линии нужно пойти. Разработка директив при участии и учете опыта работников партийных организаций, профессиональных, хозяйственных, и мы таким путем должны пойти по всем линиям, и по линии хозяйственной, и по линии профсоюзной, и по линии партийной. Тогда можно будет двинуться вперед крайне успешно. Затем нужно поставить задачу о необходимости организации более систематической проверки исполнения решений. Я считаю, что для того, чтобы обеспечить лучшую организацию хозяйства, нам нужно идти так, чтобы снизу доверху и сверху донизу связаться с нашим кадром и сделать активными все кадры наших хозяйственников, профессионалистов. Нечего и говорить о важности активности работников партаппарата. Я считаю, что это нужно сделать, если мы хотим быстрей дело двинуть. Действительно, нужно сказать, чтобы самокритика была, начиная от ячейки до ЦК и от ЦК до ячейки, от ВЦСПС до завкома и от завкома до ВЦСПС, от ВСНХ до директора предприятия и от директора до ВСНХ. Я думаю, что нужно заострить вопросы самокритики. Мне показалось, что тов. Сталин не удовлетворен прошедшими на пленуме прениями, и я решил сразу же после тов. Сталина заострить этот вопрос, чтобы товарищи погорячей высказались.

Как тут по-серьезному организовать дело? Вот опыт Москвы. У меня было такое дело – пришел ко мне заведующий хлебным делом МСПО и говорит: плохо дело, никакой дисциплины в хлебопекарнях нет, плохой хлеб выпекают. Я говорю: давайте для того, чтобы московский пролетариат кормить хорошим хлебом, соберем коммунистов-пекарей. Собрали коммунистов председателей завкомов, заведующих хлебопекарнями, секретарей ячеек. Представитель хлебного отдела МСПО сделал доклад, представитель Союза пищевиков сделал содоклад. После этого товарищи высказывались, часиков 7 сидели, я тоже туда пришел, и думаю, мы после этого в состоянии будем дело двинуть. Мы не видели целого ряда недостатков, а когда пришли живые люди, то они нам рассказали. Выбрали комиссию для разработки резолюции, как лучше наладить дело. Мы ее рассмотрим в Бюро МК и утвердим. До сего времени мы мало это делали, теперь это надо делать, потому что ты можешь вести правильную политическую линию, но нельзя считать себя компетентным по всем хозяйственным вопросам. Другой пример. Коммунальное хозяйство в Москве – это дело нам обходится в 100 млн. руб. каждый год. Мы заслушали доклад заведующего коммунальным хозяйством тов. Лаврова, обсудили вопросы об общем направлении коммунальной политики. Много нужно построить, а как строить, мы этого хорошо не знаем. Мы решили – давайте лучше соберем человек 600 актива из коммунальников и представителей из основных рабочих районов и обсудим эти вопросы. Пусть тов. Лавров повторит им свой доклад, они заслушают его, укажут недочеты, отметят успехи и выдвинут необходимые вопросы. Мне кажется, что это нужно делать и по партийной линии, и по профессиональной, и по советской линии.

(Реплику тов. Сухомлина не слышно.)

Никакого бюрократизма из этого не выйдет, а выйдет очень полезное дело. Выйдет из этого очень полезное дело, и мы увидим очень много новых людей – кто у нас есть, – и мы в состоянии будем пополнить наш кадр. Вот как мы смотрим.

Я думаю, что силы наши партийные огромные, весь вопрос только в том, чтобы в условиях нашего хозяйственного строительства получше их организовать, и тогда у нас дело пойдет великолепно.

Председатель. Слово имеет тов. Акулов.

Акулов. Приходится только благодарить ЦК за то, что он путем посылки ряда ответственных работников на места вскрыл целый ряд недостатков в нашей местной работе. Мало этого, приходится благодарить и за то, что эти вопросы поставили, наконец, на пленуме. Шахтинское дело заставило нас поднять целый ряд вопросов, которые, на первый взгляд, как будто не имеют к контрреволюции прямого отношения.

Постышев. Значит, нужно благодарить шахтинское дело?

Акулов. Я не благодарю шахтинское дело, но у нас, товарищи, случается очень часто, что, пока нам в каком-нибудь районе не дадут хорошей встряски, мы не ставим эти вопросы в порядок дня. Наша беда, что нам приходится эти вопросы ставить тогда, когда у нас открывается какая-нибудь язва в нашем организме.

Сталин. Рабинович постарался.

Акулов. Я думаю, что после того, что здесь говорилось, многого не скажешь. Мне хотелось бы только сказать несколько слов относительно общих условий работы в Донбассе. Тов. Молотов был совершенно прав, когда говорил, что в Донбассе что не удалось Пятакову – удалось сделать Рухимовичу. Это не значит, что Рухимович был плохим хозяйственником, это один из лучших наших хозяйственников, но в Донбассе создалась такая обстановка, что интересы Донугля над всем прочим превалировали. Ведь, скажем, 3–4 года тому назад мы в Донбассе имели такие факты, как подписание секретарем ячейки приказа рудоуправляющего по шахте, что рабочие не имеют права раньше 12 часов дня выезжать из шахты на поверхность. Имелись факты подписей таких приказов секретарями ячеек. В Донбассе мы имели факты, которые прошумели на всю нашу советскую федерацию, – это когда рабочим не заплатили за работу в праздничные дни, и пришлось для того, чтобы убедить местные организации оплатить рабочим в двойном размере или компенсировать им дни отдыха, вопрос ставить на Политбюро ЦК Украины.

Я хочу этими двумя фактами иллюстрировать ту общую обстановку, которая была и которую приходилось менять, и менять путем упорной борьбы. И корни того, что было несколько лет тому назад, эти корни еще остались в Донбассе, и остались в достаточном количестве.

Я хочу остановиться на вопросе о треугольнике. Правда, этого вопроса касался тов. Рыков, касался ряд других товарищей, но они касались его как-то вскользь. Пусть меня не обвинят в ведомственной точке зрения, но я скажу, что расстановка сил в этом треугольнике (а с этим треугольником входит в соприкосновение рабочая масса) заставляет желать лучшего. Тов. Сталин указывал здесь на пьесу «Рельсы гудят», он назвал, и правильно назвал, хозяйственника страдальцем. А вы обратили внимание на фигуру профсоюзника в этой самой пьесе? (С м е х.) Вы над этим смеетесь, но вы не понимаете, если вы смеетесь, товарищи, извините меня, что за утрированной фигурой профсоюзника скрывается нечто большее. Ведь эта фигура является проводником наших идей в беспартийной рабочей массе, а эту фигуру выставляют в таком возмутительном виде. Это значит, что у нас в рядах наших партийных организаций нет еще должной установки на эту самую фигуру. Наше отношение к хозяйственнику – одно, к руководителю партийной организации – другое, а представителей профсоюзной организации мы третируем. Я считаю, что этого смеха не должно было бы быть. Сердце у меня обливалось кровью, когда я видел, в какой форме автор выставляет этого профсоюзника (с м е х). Ведь это пойдет в массы.

Г о л о с. Надо запретить пьесу.

Акулов. Не запретить пьесу, я не против пьесы, а против вашего смеха над профсоюзным работником.

Гольцман. Правильно, правильно, нечего на зеркало пенять, коли рожа крива.

Акулов. Я хочу привести несколько фактов. Всеукраинский комитет горнорабочих заключил договор с Донуглем о повышении норм выработки. Договорились с Донуглем, подписали определенные условия, приходит этот договор на места и в рудоуправление. И вот на местах, между прочим в Золото-Тошковском районе[115], который обследовал тов. Ярославский, партийная организация решает повысить норму не на 1,3%, а на 3%. Профсоюзник начинает протестовать. Когда он заявляет, что у нас и так в вопросах нормы перегиб, его вызывают в партийную организацию и говорят: ты член партии? Член партии. Постановление районного партийного комитета знаешь? Знаю. Не разговаривай и проводи, что тебе приказано.

Я бы мог привести целый ряд фактов из области «внедрения» профсоюзной демократии. Я оглашу только одну характерную телеграммку от одной партийной организации: «Срочно высылайте председателя рудкома вместо такого-то». Вы видите отношение к профсоюзной организации. Председатель рудкома – это какой-то багаж. Мы не знаем, почему это случилось, почему сняли председателя рудкома. Мы знаем, что на этом руднике снимается не первый председатель рудкома, ибо там хозяйственник (хороший хозяйственник), с которым трудно сработаться. И вот вам характерная телеграмма: ответственный профсоюзный работник расценивается именно таким образом, что его можно высылать в виде посылки, раз на месте не оказывается соответствующего кандидата. Это иллюстрация к тому, как проводится демократия в наших профессиональных организациях.

Здесь все выступавшие в прениях говорили о хозяйственниках, специалистах и о многом другом, но, к удивлению, никто не сказал ни слова о профсоюзниках, их только ругали.

Г о л о с. Шварц много говорил.

Ходоровский. Раз ругали, значит сказали.

Акулов. Тов. Шварц говорил о том, какие директивы давались по нашему союзу и пр., а я подхожу к вопросу о кадрах. Мы имеем на предприятиях, и не только в Донбассе (если бы то, что вскрылось в Донбассе, было присуще только Донбассу – это полбеды), мы имеем везде, что хозяйственник значительно влиятельней, что у нас хозяйственник интеллектуально значительно сильней профсоюзника. Вы говорите здесь о создании новых хозяйственных кадров, о повышении квалификации существующих у нас кадров, а сказал кто-нибудь из вас о повышении квалификации и о создании кадров профсоюзников? А ведь вы, товарищи, задаете профсоюзам нелегкую работу. Ведь когда вы говорите о повышении квалификации хозяйственников, когда вы говорите о том, чтобы хозяйственнику на предприятии предоставить больше прав и т. д., ведь вы одновременно поручаете защиту интересов рабочих против извращений, которые могут быть со стороны этого хозяйственника, – профсоюзам. Профсоюзники должны быть, по тем заданиям, какие даются партией, сильными работниками, они должны хорошо разбираться в экономике. Вы вменяете ему в обязанность, хотя бы постановкой вопроса на этом пленуме, разбираться и в технике.

Г о л о с. Даже в импорте оборудования.

Акулов. Я об импорте оборудования не говорю. Профсоюзник должен разбираться и в культурной работе. Он лучше всего разбирается в оргработе, потому что установленные организационные формы работы изменяются незначительно. Он должен хорошо разбираться в культработе, потому что культработа на предприятии, культра-

бота в союзе имеет большое значение. Эта работа дифференцируется каждый день. И я считаю, что нужно точно так же говорить и о повышении квалификации наших профсоюзников. Мало этого. Это только одна сторона дела, вторая –создание условий работы. Никуда не годится, когда, скажем, директива вышестоящих профессиональных организаций, будет ли это ВЦСПС, будет ли эта директива ЦК Союза, когда эта директива может игнорироваться. Нужно дать возможность профсоюзникам, если они получили директиву по своей линии, согласованную вверху с соответствующими организациями, нужно дать возможность проводить ее в жизнь, а мы на местах имеем явления, что эти директивы кладутся под сукно, а когда о них напоминают – не в такой карикатурной форме, как это сделано в пьесе, когда о них напоминают, профсоюзника призывают в партийный комитет и говорят: замолчи. Исполняй то, что приказываем. Создание условий, наряду с выработкой кадров, тоже имеет большое значение.

Я, к сожалению, за недостатком времени не могу остановиться на структуре Союза горняков. Об этом тоже можно было бы поговорить много. Я остановлюсь на отношении центра к Донбассу. Года четыре тому назад в Донбассе была комиссия Ярославского, которая была послана туда Центральным Комитетом в связи с знаменитым «капустинским делом»[116], в том же шахтинском районе. По докладу комиссии тов. Ярославского была принята резолюция, и в этой резолюции отмечались многие из тех недостатков, которые отмечаются и сейчас. Эта резолюция оказалась забытой. Мало того. Отношение центральных органов к Донбассу, по-моему, зачастую было прямо недопустимым. Тов. Рыков говорит, что он не знал, что в Донбассе был отменен 6-часовой рабочий день на подземных работах. Конечно, каждый член Политбюро не обязательно должен знать все, что где делается, хотя тов. Рыков был председателем ВСНХ в это время. Возьмем вопрос техники безопасности, для нас, в горном деле, имеющий большое значение. В Донбассе в 26 г. было исключительно подробное обследование Народного комиссариата труда. Писался ряд статей в руководящих органах нашей партии и в органе ВЦСПС. Была большая литература по этому поводу. Между прочим, и ЦК Союза горняков выпустил брошюру, в которой отметил, на основании материалов, которые были собраны, основные недостатки. И характерно внимание к этому основному вопросу. Посылается эта брошюра руководителям центральных учреждений, не говоря уже о Пятакове, товарищам Рыкову, Рудзутаку, Томскому, Куйбышеву и целому ряду других. Многие из них члены Политбюро. Просили познакомиться – и что получили? Получили урезку кредитов на технику безопасности на полтора миллиона рублей. Это один факт.

Здесь точно так же говорилось о большой некультурности всех работников в Донбассе. Я считаю, что об этом приходится говорить, не только касаясь Донбасса, но и многих других глухих углов нашего социалистического отечества. А возьмите школьное строительство. Я хочу иллюстрировать только отношение центральных органов советской власти к нему. Ведь всякому понятно, что Донбасс нельзя рассматривать как единицу, которая в отношении школ может сидеть на местном бюджете, что Донбасс – территория, благодаря работе которой держится, в конце концов, наша промышленность. И вот, когда украинское правительство на основании обследования положения школьного дела в Донбассе ставит вопрос об отпуске соответствующих кредитов от союзного правительства на это дело, потому что донбасские округа бедны, у них местного бюджета почти нет, это грошовый местный бюджет, что, вы думаете, мы получаем что-нибудь? Мы не получаем ничего.

Я не буду говорить о жилстроительстве и проч., я коснусь только вопроса о рабочем дне. Мы приветствуем постановку вопроса о рабочем дне, но мне бы хотелось

предупредить ЦК (я говорил по этому поводу лично с тов. Сталиным), что не нужно, приняв соответствующий пункт резолюции, не нужно этот пункт публиковать.

Г о л о с. Почему?

Акулов. Я скажу, почему. Дело ЦК как угодно решать этот вопрос. Но в шестимесячный срок этого не сделать. Введение 6-часового рабочего дня для всех подземных рабочих – это такая технически большущая работа сейчас, что вы не проведете ее в течение шести месяцев, а не проведя ее, вы, дав обязательство, оскандалитесь. Эта работа связана с пересмотром норм, с массовым пересмотром норм, понижением норм, эта работа связана с пересмотром всей работы шахты. Шахта – это не завод, где в известный час прекратили работу и все осталось на месте, эта единица несколько сложнее.

Вынося постановление о проведении 6-часового рабочего дня, нужно будет взвесить вопрос и о сроках и тех материальных потерях, которые при этом произойдут. И проводить такое дело быстро, публиковать об этом прежде, чем не будут взвешены все обстоятельства, установлены сроки для проведения, не следует. Я, к сожалению, не могу остановиться более подробно, время у меня истекло, я бы просил дать мне хотя бы три минуты.

Г о л о с а. Дать, дать.

Акулов. Я считаю, что я, кажется, единственный из тех, кто старался держаться в пределах регламента, прошу я немного.

Косиор. Старался, да не вышло.

Г о л о с а. Дать пять минут.

Акулов. Я в пять минут вполне уложусь.

Я хотел бы сказать несколько слов по поводу пунктов резолюции, которые говорят о нашем трудовом законодательстве. Мне кажется, здесь вкралась я не скажу ошибка, но какое-то недоразумение. Например, пункт 5 раздела 5 говорит: «Обеспечить в течение 6 месяцев, согласно Кодекса законов о труде, полное осуществление 6-часового рабочего дня на подземных работах, связав это...» и т. д. Кодекс законов о труде не говорит о 6-часовом рабочем дне для всех подземных рабочих. Кодекс говорит об особых списках Наркомтруда, которые устанавливают категории рабочих, пользующихся 6-часовым рабочим днем. А если мы примем эту резолюцию, да она еще не так будет истолкована, пойдет в массы, вы увидите, что потребуется пересмотр нашего законодательства.

Несколько слов о дополнительных отпусках. Тут также дополнительными отпусками могут пользоваться не все категории подземных рабочих, а по особому списку, выработанному Наркомтрудом.

Сталин. А разве там сказано «для всех»?

Акулов. Видите, тов. Сталин, формулировка этого пункта такова, что нужно, чтобы и рабочие ее поняли. Ведь важно, не как мы понимаем эту резолюцию, а как ее поймут рабочие. С этой точки зрения, эта формулировка неудовлетворительна.

Сталин. (Ч и т а е т 4-й п у н к т). Ведь здесь сказано: «Согласно Кодекса».

Акулов. Я думаю, лучше будет сказать точнее, тов. Сталин, ведь от этого ничего не убудет.

Сталин. А разве это раньше нарушалось?

Акулов. У нас нарушалось, потому что список рабочих, имеющих право на 6-часовой рабочий день, у нас значительно больше, чем это предусмотрено списком Наркомтруда. Но у нас дело в другом: рабочий, работая даже 6 часов чистых, все-таки в шахтах задерживается больше, чем 6 часов. Вот какие явление нужно устранить.

Томский. Что это за мягкие термины: «задерживается»? Скажи проще: «рабочий работает больше».

Акулов. Михаил Павлович, если бы я сказал, что опытный забойщик работает больше, чем 6 часов, это неправда. Есть рабочие, которые управляются раньше 6 часов, но есть рабочие, которые задерживаются.

Гольцман. Почему?

Акулов. Шахты – это не завод. Вы должны спуститься в шахту, дойти до забоя, а есть шахты, где идти от ствола до забоя нужно $2^1/_2$ версты. Ведь рабочий пришел на завод и тут же приступает к работе, а тут нужно спуститься в шахту и еще идти до забоя, подчас очень большое расстояние.

Об обстоятельстве, на которое указывал в своем докладе тов. Томский, которое, кажется, есть и в резолюции по вопросу об обмерах и обвесах наших рабочих, я тоже хотел дать фактическую справку. Это вопрос, разрешение которого потребует дополнительных затрат.

[**Томский**. Или лишит дополнительных расходов.]

Акулов. Тогда нужно в резолюции сказать, что центр на это соответствующие средства отпустит.

Гольцман. А тебе-то что?

Акулов. Я здесь говорю как член ЦК партии, и я хочу сказать вам...

Орджоникидзе. Вы вовсе не обязаны как член ЦК высказываться против того, чтобы рабочим дать 6-часовой рабочий день.

Акулов. Тов. Серго, решая целый ряд вопросов, связанных с положением рабочих в каменноугольной промышленности, ЦК должен пойти на значительную затрату средств, должен это обстоятельство учесть.

Г о л о с. И записать.

Акулов. Так как мы требуем на это денег. И записать [потому что иначе, когда мы придем к вам, вы скажете, делайте как угодно. Я это привожу как иллюстрацию не потому, что я так хочу. Не делайте этого. Вопрос взвешивания угля – это вопрос больших капитальных работ на всех шахтах. Это значит, что нужно на всех шахтах пустить весы. Почему? Потому что у нас есть вагонетки определенного размера, вагонетки, скажем, в сорок пудов. Вагонетка недогружена, на нее дается определенная скидка. И вот это-то и вызывает недовольство рабочих. Поэтому вопросы, связанные с проведением резолюции в этой части, нужно будет подчеркнуть]. Нужно будет подчеркнуть в этой резолюции, что вопросы, вызывающие целый ряд затрат, должны быть разрешены и с материальной стороны, иначе из этого ничего не выйдет. Я за проведение этой резолюции, за проведение шестичасового рабочего дня, мы над этим бьемся вот уже два года, за дополнительные отпуска, за сокращение работы в предпраздничные дни [по этому поводу в резолюции ничего нет. По этому поводу нет никаких предложений. Я считаю, что потом получится так: придут к вам хозяйственники, мы их будем поддерживать в вопросе об ассигновании необходимых средств, вы столкнетесь с этим делом, вы должны будете этот вопрос разрешать. А вы пишете, что предлагаете разрешить это в шестимесячный срок], но и за отпуск средств на все это. Вопрос о средствах поэтому должен быть также разрешен. Вот все, что я хотел сказать.

Председатель. Слово имеет тов. Томский, следующий тов. Луначарский.

Томский. Товарищи, шахтинский вопрос ставит перед нами возможность двух опасностей. Первая – это удариться в панику, перекритиковать так, что потерять всякую меру и веру в собственные силы. Такая опасность возможна. Все, дескать, у нас плохо, криво, не заметить наших достижений и упасть духом. Вторая опасность – это то, что постепенно у этого колючего растения, называемого шахтинским делом, один за другим острые шипики переломать, сделать его совершенно гладкой вещью, а в конечном счете закончить аккордом, что все прекрасно в этом лучшем из миров! Непра-

вильная постановка о том, «кому живется весело и вольготно» из коммунистов в СССР – хозяйственнику или профсоюзнику? Я думаю, что никому из тех, **кто работает**, вольготно не живется. Путь секретаря губкома или окружкома не устлан розами, несладко живет профессионалист, поверьте, несладко; несладко живет и хозяйственник. Это можно было знать без пьесы «Рельсы гудят». Поэтому не нужно в театры ходить, чтобы это знать. (С м е х.) Несладко живет и народный комиссар в Москве, у всех много забот, неприятностей, волнений.

Сталин. Кому же сладко живется?

Томский. Пустяковый вопрос о том, кому сладко живется. После того, как здесь очень много и очень хорошо говорилось по общему вопросу, мне очень мало придется сказать, ибо то, что я мог сказать, я, правда, коротко, сжато, но в основном изложил в своей записке в Центральный Комитет, мне придется коснуться еще кое-каких деталей. Я боюсь, что со стороны некоторых выступавших товарищей хозяйственников проявлено желание смягчить этот вопрос. Желая избежать того, чтобы из всего этого вопроса не получилась неправильная установка об отношении к хозяйственникам, чтобы не приняли всех хозяйственников под одну скобку, что, дескать, все хозяйственники плохи, не умеют, не знают и т. д., чтобы отсюда не получился разгром авторитета хозяйственников, товарищи начали смягчать сделанные ошибки. А отсюда получилось, что цифры говорят хорошее, все хозяйственники ребята не плохие, кадры, мол, хозяйственников-коммунистов уже создали, а когда все это в целом возьмешь, получается, что все хорошо. О чем же шум, о чем тогда волноваться?

А волновались вот о чем: мы знали, что в технике мы целиком в руках буржуазных специалистов, мы это знали. Мы подозревали то, что не всегда нам удается управлять так, как нам этого бы хотелось. Это мы подозревали. Но чего мы никогда не подозревали, это то, что не мы управляем, а иногда спецы нами целиком управляют. Пускай это мы на одном куске фронта обнаружили, на шахтинском фронте, но это факт. Не только они управляют как хотят, не только они водят нас за нос, как они хотят. Единственное, в чем мы сомневались, это то, что мы руководим рабочей массой, что это-то в наших руках твердо, мы знаем рабочих насквозь, с их настроениями, нуждами и заботами, но и этого не оказалось, они (спецы) нас отделили от рабочего класса, они командовали рабочими и расправлялись с рабочими, как повар с картошкой, и мы не слышали голоса, жалоб, предупреждений рабочих! Я говорю сейчас только о шахтах, это для нас было катастрофическое положение, хуже, чем положение английского короля, он хоть «правит, но не управляет», там оказалось (я говорю только о шахтах), что мы не только не управляли, но и не правили. Что там делалось над рабочими? Мы же там были, сами видели...

Орджоникидзе. Это как – оптимизм или пессимизм, критика или перекритика?

Сталин. Перекритиковал.

Орджоникидзе. Что же, отвечай!

Томский. Отвечу, не торопись, поспешность не всегда добродетель (с м е х). Вот на этом участке фронта мы вскрыли очень тяжелую картину. Один из инженеров-обвиняемых – Самойлов показал на допросе следующее. Когда его спросили: как вам удалось сделать так, чтобы...

Г о л о с. Вокруг пальца водить.

Томский. Чтобы люди, чтобы никто из коммунистов, из профессионалистов не замечали, не видели, что вы делали? Он рассказал, немножко занавеску приоткрыл. Мы, говорит, устанавливали «хорошие отношения». Благодаря системе «хороших отношений» люди не так бдительно за нами следили. Я не буду читать показаний Самойлова, они, вероятно, многим известны. Система таких «хороших взаимоотноше-

ний» показывает, что там существовал не треугольник, а там существовала комета: спецы, а за ними Микоянхвост (с м е х). Тов. Микояну могу сказать, что она напоминает современную советскую лавку, а за нею хвост...

Микоян. Столовую ЦК и цекистов в хвосте, в том числе и Томского.

Ворошилов. Это твой оптимизм, Миша?

Косиор. Томский новую комету открыл.

Томский. Ядром были специалисты, за ними шли хозяйственники, за хозяйственниками шли профессионалисты и партийцы. То, что там вскрылось, в Шахтах, как совокупность всех недостатков, несомненно в отдельных частях это имеется не только там, но там показался наш наиболее показательный один уголочек, в котором сконцентрировались различные недостатки. Опыт Шахт показал, что наше руководство, наше обсуждение хозяйственных вопросов на партийных и профессиональных собраниях было поверхностным обсуждением. В цифры, которые приходили и утверждались, никто не вникал. Партийные органы в Шахтах, которые руководили там хозяйством, не вникали в то, какие цифры они обсуждали, брали их на слух. Боюсь, что это не только в Шахтах. И когда тов. Ломов приходит на эту трибуну и читает ряд цифр, то у него получается, что «в общем все прекрасно в этом лучшем из миров». Этим выводом я вовсе не намерен требовать от тов. Ломова, и это не нужно в нашей коммунистической среде, чтобы тов. Ломов вышел и стал бы покаянные речи произносить. Этого никто не требует, но мы вправе ожидать, чтобы тов. Ломов рассказал нам, как там дошло дело до того, что ты – основной руководитель Донугля – об этом думаешь, как это ты допустил то, что было в Шахтах, и не только в Шахтах, но и по другим местам Донбасса, чем ты это объясняешь. Этого мы не получили от тебя. На этот вопрос: отчего это произошло и чем это вызвано? – мы не получили ответа. И я просто на правах старой дружбы могу говорить: я знаю, и все мы знаем, – несмотря на то, что тов. Ломов очень хороший коммунист, старый, славный революционер и честнейший человек, – я тебе говорю: я твоей цифре ни одной не верю, которые ты здесь оглашал. Ибо глупо было бы думать, что я или кто другой не видим наших успехов. Так, некоторые профессионалисты Донбасса подходили ко мне и говорили: что же вы теперь отрицаете все? все, по-вашему, вкривь и вкось? Да нет, все это вздор. Мы знали Донбасс, когда он был разрушен, затоплен, разорен, и знаем, что теперь он дает более миллиарда пудов, и тут, конечно, колоссальная заслуга хозяйственников, и не только их. Мы начали с того, когда мы рабочего горняка овсом кормили, а порой и ничем его не кормили. А он работал. Когда союза не было, никакого союза не было, мы начали его строить, в частности с тов. Полонским, он это знает, в 1919 году, в 1920 только его построили, а в 1923 г. обнаружили, что он на профессиональный союз все еще не похож, и тогда в 1923 г., по моему требованию, была назначена комиссия Ярославского, которая этот союз и всю систему Донбасса переворошила. Только после 1923 года начинает он становиться союзом, и, конечно, с 1923 по 1927 год он, союз, имеет большие достижения. Это я говорю тов. Акулову и другим профессионалистам. Имеется целый ряд достижений, но не в них сейчас дело, а в ошибках и недостатках, мимо которых мы не можем пройти, ибо их нужно вскрыть, изучить для того, чтобы в будущем их не делать. Поэтому я и не могу благодушно относиться к таким цифрам. Почему я говорю о поверхностности руководства? А вот почему. Все мы кричим: «Механизация! Врубовые машины!» Правильно, но что вы говорите, сколько вы можете давать угля механическим путем? Это очень гордо звучит – механизация, машина врубовая и т. д. А станет ли здесь кто-нибудь оспаривать то, что вы используете врубовые машины не больше 25% их возможной производительности? Этого никто не станет оспаривать. Я утверждаю, что вы механическим путем не можете использовать врубовую машину

больше 25%. Поэтому для меня сомнительна эффективность этих затрат вложения на машины, когда мы можем использовать их только на 25%. У капиталистов она используется на 100%, там эти затраты имеют смысл, но имеют ли они смысл при 25% использования машины? Может быть, здесь ряд ошибок: не ту систему выписали, нет инструкторского кадра и все прочее. Ошибки допустимы, всюду бывают. Но когда механизация идет таким образом, как у вас, когда дают машину, – поправьте меня, если я ошибаюсь, – которая, работая круглые сутки, производит 180 тонн, валит уголь, но, оказывается, мало уголь навалить, нужно его отвезти, тут стоп: вагонеток нет, порожняка нет. Спешно налаживается порожняк, но, оказывается, лошади не успевают его отвозить. Надо электровоз. И получается, что эта машина одну смену работает, а две смены стоит, и смену-то работает неполную. Врубовая машина вещь хорошая, но когда действуют таким образом, что ставят ее, совсем не подумавши, то как же так? Почему это? Могут обмануть Ломова и всех нас вместе с Ломовым любой плохонький инженер относительно того, куда идет направление пласта – кверху, книзу, какой пласт разрабатывать, ничего этого мы не понимаем. Они могут обмануть нас и на системе машин.

Но вот такое дело: в Шахтинском районе была совершена при капиталистах проходка Бессергеневская, она имеется, имеется ствол над ней, капер и проч., а директор не знает, что есть такая проходка, рассчитанная на добычу 50 млн. пуд. в год. Почему он об этом не знает? Да ее на план не нанесли. Никто о ней не знал. Ходят люди мимо нее, глаза таращат, но что к чему – неизвестно. Я воображаю, как этот авторитетный хозяйственник на конференциях выступал: я, дескать, свою промышленность, свое хозяйство знаю как пять пальцев, все насквозь знаю, а на самом деле ни черта он не знал. Ведь это же факт: год качают воду, два качают воду, а она все не убывает. Я понимаю: ни я, ни Ломов не специалисты по пластам, по системам машин и т. д., но если качаешь год, качаешь два года, а вода все не убывает, как же этот так (с м е х).

Ну, конечно, после этого можно сказать: кадры у нас хозяйственные хорошие, партийные – хорошие, профессионалисты – парень к парню, на подбор, но... «маленькие недостатки механизма», со всяким бывает. И вот, «маленьким недостатком механизма» этих хороших хозяйственников была бытовая смычка со спецами. Это показывает, что, когда такая вещь происходит, всегда имеется маленькая гниль. Была «маленькая гниль» не только у профсоюзов, которые тащились в хвосте масс, но была эта «маленькая гниль» везде, была она и в парторганизациях. Тов. Андреев правильно сделал, когда взял и разогнал все бюро. Эти хозяйственники снимаются с работы после открытия этого дела. Но куда они направляются, и что говорит о них окружком? Окружком дает им такие аттестаты, что каждый из вас лет 20 в партии поработает, потом пойдет в Общество старых большевиков[117] и то таких аттестатов не получит: «Энергичный, талантливый, способный...». Они с этими аттестатами переходят на другую работу. Гончаренко из Власовского рудоуправления переходит в Щербиновское, Солдатенко из Щербиновского во Власовское. (С м е х.) То же самое Шейкин, который уходит в Первомайск в Луганский округ. Что это такое? Обывательщина, система «своих ребят», «как этого человека обижать». А как передвигались люди? Шредер, кажется, работал там председателем рудкома, по обстоятельствам таким, что рабочие, произнося его фамилию, к этому присовокупляли имена его родителей (с м е х), пришлось его снять. Куда же его снимают? Его делают секретарем окружного отдела горнорабочих. Вот вам подбор людей. Что же, это разве не показывает, что в Шахтинской парторганизации тоже изрядно прогнило? Сплошная гниль. Руководство хозяйственными вопросами поверхностно. Да, поверхностно.

Из этого мы должны сделать для себя соответствующий вывод. Я посмотрел пар-

тийные протоколы шахтинских конференций. Они из года в год упоминают о так называемых «донецких неполадках», из года в год выносят об этом резолюции. В 25 году была принята эта резолюция, представитель Донугля приехал, заслушал доклад и принял эту резолюцию. А надо сказать, что там, в Донбассе, без согласия Донугля ничего не делается, ибо Донуголь может с гордостью сказать: ты едешь на автомобиле, так это автомобиль Донугля; ты едешь по земле, так это земля Донугля, куда бы ты ни приехал, но кровать, на которую ты ложишься спать, это кровать Донугля. И воздух и вода – все Донугля, там ничего не делается без Донугля. На другой конференции в 26 году такая же резолюция, в 27 году такая же резолюция.

Происходит это оттого, что никто не следит за выполнением принятого. Резолюцию вынесли, а следит ли кто-нибудь за ее выполнением – никто не смотрел. Нам нужно сделать, чтобы за этим смотрели, и хорошо бы послушать, что хозяйственники и профессионалисты думают, чем они объясняют происшедшее, какие они считают неполадки в их организации важнейшими, обусловившими все остальные.

Я считаю, что товарищи из Донугля и вообще украинские товарищи слишком поздно поставили вопрос об уродливом централизме Донугля[118]. Вот маленькая картина: врубовые машины – прекрасная вещь, но вы знаете, что, если не будет хороших лопат, эти врубовые машины плохо будут работать. Недаром один английский товарищ, литейщик, сказал, что литейное дело в СССР надо ставить с хорошей лопаты. Когда мне рабочие говорили: тов. Томский, лопат нет, – я им ответил: ну, чего другого, а лопаты-то поди есть. Они говорят: лопаты-то есть, да ручки плохие, прямые ручки, либо нужно нагибаться, либо ткнешь ею – она ломается. Я спрашиваю инженера, который со мной ходил: почему ручки плохие? Он говорит: «Такие Донуголь присылает. Я знаю, чего они требуют, они требуют французские ручки на лопатах». – «А почему нельзя их сделать?» – «Видите ли, ручки на этих лопатах делаются из букового дерева или из кизиля». – «А почему у нас нельзя, когда у нас есть целые леса буковые?» Он говорит: нельзя. Почему? Леса-то могут быть, а вот ручек нет. (С м е х.) Вы знаете, как я себя чувствовал: уперся в стену – баста, больше некуда податься. Что же я ему могу ответить, когда он говорит: леса есть, а ручек нет. Для того, чтобы мне, члену Политбюро, разрешить этот вопрос о ручках, я, наверно, поехал бы в Харьков к Ломову, меня бы он принял, но не всех он может принимать. Он, вероятно, поговорил бы со мной о ручках к лопатам. А иначе дело обстоит, когда инженер знает, что нет ручек, и говорит: это меня не касается, я ничего не знаю – это знают в Донугле. Попробуйте здесь добыть хорошую лопату. Что же может сделать производственное совещание? Любой хозяйственник или профессионалист должен писать в Донуголь. Посмотрите вы на вашу систему в Донбассе, на систему партийных отношений. Это не похоже на московскую систему. Попробуйте вы из какого-нибудь района списаться с общемосковским трестом, минуя МК и Угланова, он вам накрутит, у него не забалуешь. А у вас в Донбассе окружком непосредственно, минуя все инстанции, обращается в Донуголь. Это ничего. Но ваши райкомы, минуя окружком, тоже сносятся с Донуглем.

Каганович. Теперь нет.

Томский. Я спрашивал, в частности Кадиевский райком: всегда ли вы через окружком сноситесь с Донуглем или нет? Он говорит: не всегда, большей частью по мелочам, минуя окружком. Что же получается? Донуголь – машина гигантская, сильная организация. Ты живешь на земле Донугля, квартира у тебя Донугля, пользуешься прислугой Донугля, вода Донугля, свет Донугля, ничего без Донугля, никуда без него не денешься, и при такой организации он разговаривает с отдельными районами, и те тонут в аппарате Донугля. Перед ними стена стоит, и ничем ее не прошибешь.

Вы говорили, что цифры себестоимости такие-то и такие-то. Позвольте указать на две вещи, возбуждающие мое сомнение в этих цифрах. Я охотно признаю свою ошибку, если мне докажут, что я ошибаюсь, но у меня есть такое подозрение, что средства, отпускаемые на капитальное строительство, расходуются не на капитальное строительство, а на эксплуатационные расходы. Я приведу два примера: 235 тысяч рублей по Власовскому рудоуправлению израсходовано на эксплуатационные нужды. Тут сидят представители Шахтинской организации, я это им говорил на активе, и никто меня не опроверг. Никто из хозяйственников не выступал и ничего не опроверг. Я указал, что не только по этому рудоуправлению, но и по Донецко-Грушевскому 145 тыс. из средств капитального строительства израсходовано на эксплуатационные нужды. Таким образом, имейте в виду, при мне не было специалиста-бухгалтера, сам я в этом деле мало понимаю, некогда было книги смотреть, поэтому на глаз, из разговоров с людьми, которые имеют отношение к этому, выяснил, что по двум рудоуправлениям, по одному 235 и 145 тыс. по другому, израсходовано на эксплуатационные расходы из нужд капитального строительства. Никто не опроверг – там хозяйственники, директор сидел. А что это значит? Это значит, если средства капитального строительства расходовать на нужды эксплуатационные – значит снижение себестоимости идет за счет тех средств, которые мы отпускаем на капитальное строительство. Могу я после этого на 100% или на 80% верить цифрам, которые мне подносят о себестоимости?

А вот вам другая картинка, как проводится снижение себестоимости, – это по коксобензоловому заводу. Там много временных рабочих, нам стало непонятно, и мы спросили: что это за временные рабочие? Оказывается, что там это такой рабочий, который был раньше в штате, а потом из штата переведен во временные рабочие с тем же содержанием и с теми же правами. Но разница та, что раньше он проходил по штату и входил в счет эксплуатационных расходов, а теперь он проходит как временный рабочий и оплачивается по счету капитальных работ. Вот как снижают себестоимость. Если после этого вы мне будете показывать диаграмму красную, синюю, зеленую о снижении себестоимости, я скажу, что это красиво, хорошо, но неубедительно до тех пор, пока профорганизации и партийные организации не подойдут вплотную, не посмотрят сами, носом не ткнутся, как расходуются средства, отпущенные на капитальное строительство. Здесь должна быть проявлена максимальная внимательность, должно кое-где проверить, и мы увидим наверняка, что там неправильное расходование средств капитального строительства. Мы говорим рабочим: терпите, нужно строить, нужно индустриализировать страну, нужно строить новые фабрики и заводы, терпите, мы должны сами от себя оторвать эти деньги, ибо нам займов иностранная буржуазия не дает. Терпят год – ничего нет, два плохо, три плохо, четыре плохо – тогда нам с вами попадет от рабочих, и рабочие живо раскритикуют нас, если эти основные средства, которые мы выкраиваем с таким трудом на капитальное строительство, будут по кусочкам утекать. Мы будем цифрами довольны, цифры у нас хорошие, снижение себестоимости по квадратикам, на ватманской бумаге, будет превосходное, но только что из этого будет получаться в действительности?

Я позволю себе сказать пару слов о контроле. Тут жаловались на то, что много контроля. Я за то, чтобы как можно меньше контроля, как можно лучше контроля, и за то, что мало того что проконтролировали недостатки, нашли, указали, записали, главное проследить, устранены ли эти недостатки, без этого нет контроля. Когда жалуются: много контроля, – я согласен, что хозяйственнику живется не сладко, его все время дергают контролеры. Я поинтересовался, кто финансы контролирует, куда капиталы идут. Кто-то говорил, я не помню кто, кажется, Куйбышев или кто-то другой

говорил о Днепрострое – о финансовом контроле. Я поинтересовался и спросил у Затонского, что это такой за финансовый контроль. Кто финансы контролирует? И оказывается, раньше контролировала ревизионная комиссия, затем хозяйственники сказали, что ревизионные комиссии ни черта не делают, они нам не нужны. Мы согласились, устранили ревизионные комиссии. Контролировала раньше финансы РКИ, потом сказали, так как РКИ орган-де чиновничий, бюрократический, который будет по книгам сзади хозяйственника ползать, освободили от контроля РКИ. Кто же теперь контролирует, как расходуются деньги капитального строительства, эксплуатационные расходы? Существует специальный финансовой контроль. Нигде его почти нет, а где он есть, он совершенно формальная и бюрократическая и мертвая штука. Если думают положиться на контроль чиновников Наркомфина как образец пролетарской общественности и правильного расходования сумм важнейшего направления, то из этого ровно ничего не выйдет. Мы соглашались, пойдем на то, чтобы сократили контроль как можно меньше, но уж контролировать давайте как следует.

Теперь я хотел сказать несколько слов о рабочем дне. Алексей Иванович тут ошибся, сказав, что я не знал о нарушении 6-часового рабочего дня в Донбассе. Он, вероятно, тогда не дослышал, когда мы обсуждали на комиссии этот вопрос. Я сказал, что я знаю, что у нас 8-часовой рабочий день, и я думаю, что старики подтвердят то, что Владимир Ильич знал, что у нас в Донбассе фактически 8-часовой рабочий день для подземных рабочих. Мы должны были ввести его в горной промышленности. Без этого мы не подняли бы Донбасс.

Но теперь я хотел сказать несколько слов вообще о рабочем дне в Донбассе, действительно ли он 8-часовой, как это говорят, или же он не 8-часовой. Я думал, что 8-часовой, а узнал, что 9-часовой и $9^1/_2$-часовой. Конечно, с какого конца, товарищи, считать этот рабочий день. Если считать его с того момента, как рабочий сел в забой и ударил киркой, и до того момента, как он эту кирку положил, то ведь так рабочий день никто не исчисляет. Фактически-то он работает не больше $4^1/_2$ часов. Вот я хотел бы, чтобы при всех разговорах о рабочем дне, о том, полный или неполный рабочий день, нагрузка есть или недогрузка, интенсивный или экстенсивный рабочий день, чтобы каждый из вас проверил, можно ли непрерывно работать 8 часов? В природе нигде не бывает, даже у Форда, этого непрерывного 8-часового рабочего дня, когда бы у человека ни на минуту не переставала двигаться рука. Попробуйте, возьмите 2 полуфунтовые гири и проделайте в течение 8 часов вот такую манипуляцию – одну руку вверх, другую вниз и т. д. (С м е х.) Только не просите меня после этого говорить речи на ваших похоронах. (С м е х.) Так никто работать не может, нигде так не работали, и нигде так не работают. У нас горняки свое кайло и обушек через каждые 15 минут кладут, устают они, иначе невозможно работать. Рабочий день считается везде и всюду – так понимают его профессионалисты и хозяйственники – с того момента, когда говорят рабочему: ты обязан явиться в такой-то день и работать с такого-то часу и до того момента, когда он покидает территорию своего завода. Вот это называется рабочим днем. Иногда территория мастерской находится очень далеко, приходится идти полторы версты или версту, но в большом хозяйстве с этим не считаются.

Так что вот в данном случае сейчас встает вопрос о передвижке людей внутри шахт, которые тянутся на версты. В Англии он везде разрешается тем, что людей возят. Может быть, у нас неизвестен этот вопрос? Извините, у меня есть документ, который показывает, что спецы обсуждали в шахтинском районе вопрос о системе доставки людей по шахтам. Извините, он не новый. Почему у нас такой длинный рабочий день? У нас рабочие по часу тратят на ожидание наряда, назначения на работу, затем на спуск, затем там под землей он идет порой несколько километров по ужасной дороге, кувыр-

кается. Так для того, чтобы ввести действительно 6-часовой рабочий день, нужно эту нелепую систему нарядов, при которой они толкутся, как на бирже, ожидая, когда им определят место работы, устранить. Вот почему я в своих предложениях считал, что первым шагом нужно немедленно приступить хотя бы к фактическому 7-часовому рабочему дню практически, чтобы в ближайшем времени перейти к 6-часовому рабочему дню. Но я буду приветствовать и подпишусь обеими руками под ясно выраженной волей большинства комиссии за действительно 6-часовой рабочий день под землей.

Вот тов. Акулов, и это является ошибкой всех донбассовских работников, они пытаются смягчить формулировку: видите ли, горняки не работают больше 8 часов, а они только «задерживаются под землей»... Что это значит – «задерживаются»? Т. е. он, понимаете ли, возьмет, например, и остановится с приятелем посидеть на куче угля и поговорить о театре, о хорошей погоде и прочее! Не так это дело делается, а делается так, что задержки всегда не только больше 8 часов, но и больше 9 часов в общем в день получаются. Но, в конце концов, это я не ставлю в вину профработникам Донбасса, и не в этом главное дело. Дело заключается в том, что для меня и было ново в Донбассе, что работница на конфетной фабрике в Москве и в Ленинграде под праздник кончает на 2 часа раньше работу, а горняк в субботу не имеет права кончить на 2 часа раньше. Кто лишил его этого права? И тут начинается путаница. Даже профсоюзники говорят в свое оправдание, даже Семен Шварц говорит, что они же отбили уголь и его надо откатить сегодня же, оставить нельзя. Этот довод годится для каждого рабочего дня. Если забойщик работает 12 часов и наколотит угля, его нужно же откатить? В общем, нормального рабочего дня нет. Что ты 6 часов работай, что 8, что 10, уголь наколотишь, кто-то откатить сверх этого времени должен. Как хотите, так и организуйте, но должен быть нормальный рабочий день, и никак не выйдет объяснение, что в субботу человек должен работать на 2 часа больше.

Неправильно толкование, что тот, который колотит уголь киркой, должен получить месячный отпуск, его труд вредный, а рабочему, который откатывает этот уголь и тоже работает под землей, тому достаточно две недели отпуска. Только то, что забойщик более квалифицированный, более напористый, он отвоевал себе это право на дополнительный 2-недельный отпуск, а наиболее обездоленного, не умеющего оказать сопротивление, коногона, мы лишаем дополнительного отпуска на 2 недели. Я не говорю о медпомощи, о грубости, которая царит по всему Донбассу. В этом кто виноват? Профсоюзы. Но не только профсоюзы, но и партийные органы, которые за этим не смотрят. Если прочитать заявления, которые были мне поданы во время посещения шахты, что там говорят рабочие? Медпомощь плоха, груб врач, выдаются записки на гульбу. Что это значит? Это значит, что приходит рабочий на работу, и потому что для него не готов уступ и он не может приступить к работе, а это везде и всюду на всех заводах называется простоем по вине предприятия, рабочий получает записку на право прогула без оплаты! Ему говорят: «Слушай, вот тебе записка, иди погуляй. Для тебя нет работы, иди погуляй бесплатно». – «Как же я погуляю?» «Я дам тебе записку, что ты не злостный прогульщик». Рабочий идет, «гуляет».

Неправильна защита тов. Акулова обвесов и обсчетов. Значит ли это или нет, что нельзя обойтись без обсчетов и обвесов? Если поставить вопрос, что дорого обойдется, это неверно. Я еще раз повторяю, что я согласен ответить перед всякой комиссией, но утверждаю, что не только обсчеты, обвесы, которые, как вы говорите, происходят из-за вагонеток и отсутствия весов, но вот пропадают упряжки. Какой тут нужно прибор установить? Почему это происходит? Вот по Шахтинскому району в Власовском рудоуправлении около 1000 упряжек в месяц пропадало. Какой нужно прибор поста-

вить, чтобы не пропадали упряжки? Обмеры отчего происходят? Отчего горняк работает, не зная, по какой расценке он работает? Вот здесь тов. Чувиркин из Луганска. Все это я говорил и в Луганске, и в Шахтах – и никто меня не опроверг. Что же вы думаете, вы сможете меня опровергнуть? Не опровергнете. Что здесь полное невнимание к рабочим со стороны профсоюза горняков – это факт, не подлежащий никакому сомнению. Это нужно решительно исправить и нельзя оправдать.

Сталин сказал: нам нужно культивировать, поощрять самокритику. Это правильно, ибо без самокритики мы не избавимся от обывательщины, от системы «своих ребят», а при этом невозможен контроль и никакой орган партии не сможет выполнить своей задачи.

По-моему, второе, что вытекает из самокритики, должно ей сопутствовать, – это научить коммунистов, в первую голову коммунистов, а вместе и всех беспартийных рабочих, жаловаться. Владимир Ильич об этом несколько раз говорил, это была одна из его любимых идей – научить рабочих и крестьян жаловаться.

Сталин. Если не откроешь клапана самокритики, никто не сунется жаловаться.

Томский. Тогда надо эти клапаны открыть. Теперь почему-то происходит дело таким образом, что у нас не умеют жаловаться. Я не стану вас утруждать чтением документа, довольно длинного, но суть его я изложу, это из другого дела. Из Шахт перенесемся в Чиатуры, там концессионер. Рабочие грузинские работают на вольном воздухе, десяток-полтора человек. Льет проливной дождь, они требуют выдать им непромокаемые плащи. Им выдают полотняные, холщевые плащи. Сильный горный дождь, они через 10 минут промокают до нитки, говорят: «не можем работать», бросают работу, требуют у десятника: иди к инженеру, проси непромокаемые плащи. Десятник идет к инженеру, говорит, что рабочие не хотят работать, давайте непромокаемые плащи, рабочие требуют плащи. Инженер отвечает: запиши фамилии рабочих, завтра их уволить. Рабочие увольняются. Они спрашивают инженера, за что вы нас уволили. Инженер морочит их в течение нескольких дней и, наконец, говорит: если напишете мне документ о том, что вы впредь этого не будете делать, тогда я вас на работу возьму. Вот вам документ, аналогичный документу, оглашенному тов. Молотовым: «Заведующему Мгвимевской горной секции». Фамилии рабочих всех записаны, я не берусь читать фамилии, боюсь переврать, 7 фамилий (В. Иобашвили, Ш. Гаприндашвили, Севериан Гаприндашвили, Григ. Гаприндашвили, Вано Абиадзе, К. Шукакидзе, Вано Читадзе).

«Заявление. Докладываем, что мы в настоящее время находимся снятыми с завода № 26 с 11 июня, за что мы считаем себя виновными и потому просим простить нам нашу вину и по вашему предложению допустить к работе, и при этом мы даем честное слово, что впредь с нашей стороны больше не будут повторяться подобные случаи».

Дальше подписи. Резолюция: «Согласен простить и вернуть на работу, если согласится со мною Грузинский марганец. 17.VI.27 г. П. Сакварелидзе». (Высшее начальство.) Внизу подпись. «За простой не получаем», те же подписи. Вторая резолюция: «Конторе. Пустить на работу с 20 числа июня. 18.VI. П. С.».

О чем это свидетельствует? Когда наше государственное предприятие – здесь хозяйственный перегиб, слишком увлеклись в одну сторону, не по той линейке или только по одной линейке пошли. Рационализировать производство и подымать производительность труда, все это можно. Но ведь это делает... предприниматель. Где союз, где там органы советской власти, где там органы Наркомтруда? Почему рабочие не пожаловались, а пошли на такое унижение? Критика – это хорошо, но не это главное или это не единственное, нужно научить рабочего жаловаться. Нам нужно как-то так по-

ставить всю систему наших органов, чтобы где бы то ни было, всюду и везде рабочий нашел путь, куда и как ему жаловаться. Мы этому его еще не научили.

Я приведу вам маленький пример о том, что царит в кругах партийцев. Мне приходилось в Донбассе разговаривать с разными товарищами. Некоторых мы спрашивали официально, стенограмму вели. Вот что они говорят: вот вы говорите, почему мы не жаловались, не критиковали? Попробуйте пожаловаться, покритиковать, так по башке получишь.

Конечно, отчасти виноват был тот зажим, который не давал людям говорить. А с другой стороны, разве это оправдание для коммуниста? Так разве мы в свое время поступали, что если грозит тебе опасность потерять место, так рот не открывай, молчи! Если бы мы так рассуждали, то никогда бы мы в этом зале не сидели, а сидели бы где-нибудь в другом месте. Что такое за коммунист, который рассуждает: «если я голос подниму, так меня за это с места прогонят, поэтому я молчу». Какой ты к черту коммунист! Чем этот коммунист отличается от чиновника? Если мы говорим, с одной стороны, об отсутствии партийной демократии или извращении ее, которое мешает развитию критики, активности, то, с другой стороны, мы должны, обязаны встряхнуть рядовых коммунистов, научить их жаловаться и не поощрять, а клеймить тех, которые критикуют только тогда, когда это позволяет начальство, когда это безопасно, которые борются только тогда, когда это безопасно, критиковать хорошо только тогда, когда за это повышают по должности и т. д. Так нельзя.

Два слова о красных специалистах. Товарищи, я думаю, что спор о ВТУЗах, об их судьбе, я должен откровенно сознаться, что я по этому вопросу позорно колебался, и сейчас продолжает у меня оставаться колебательное состояние, несмотря на те заманчивые перспективы, которые сулит т. Сталин, ибо нужно сказать по совести, мне кажется, что не столько важность вопроса в том, кто будет управлять ВТУЗами, сколько в том, как будут управлять и кто будет в этих учебных заведениях учиться.

Г о л о с а. Правильно.

Томский. Сейчас у нас в учебных заведениях учится около 40%, а местами около 22% рабочих. Так мы красных специалистов не создадим никогда. У нас создалась такая система, что мы мало думаем о том, что будет дальше с этим красным специалистом, окончившим вузовцем. Когда они кончают, то либо застревают в канцеляриях хотя бы того же ВСНХ, и самые раскраснейшие специалисты-коммунисты оседают там в роли технических секретарей, или порой они даже меняют специальность и застревают служащими по различным другим канцеляриям. Чья тут вина? Вину я беру отчасти и на себя, на профсоюзы, но и на всех остальных. Я не могу отделять себя от профсоюза: виноват профсоюз, виноват я; виновата партия, я тоже виноват, потому что я член ЦК; хозяйственники виноваты, мы тоже тут виноваты, потому что мы руководим хозяйственниками. У нас поставлено дело так, и я вижу в этом главное зло: мы выделяем рабочего, посылаем его учиться, и миссия выдвигающей, пославшей его учиться организации на этом окончена. Рабочий отрезает канат, связывающий его со своей организацией, и плывет в Москву. Попадает здесь в большинстве случаев в нездоровую обстановку, попадает порой в такие слои учащихся, которые проникнуты мещанскими настроениями. Проходит год за годом, он забыл, кто его послал в ВУЗ или в ВТУЗ, и ищет, как бы ему устроиться. Некоторые из них меняют специальность для того, чтобы не уезжать из Москвы, и оседают в ней ненужным канцелярским балластом. Разве так должно быть? Я не буду развивать ту мысль, которая меня в данный момент интересует и о которой нам рано или поздно придется говорить, – это о кадрах вообще и подготовке партийных, профессиональных, хозяйственных и других кадров. Но мы должны изменить отношение к ученому рабочему и детям рабочих и ком-

мунистов. У нас бывает так: ты не ученый, ты рабочий от станка, ты наш, мы тебя любим и уважаем. Когда же тебя снимают, ты идешь на рабфак, оканчиваешь ВУЗ, ты другой, ты стал чужой, ты не наш, ты стал интеллигент. Мы делаем тебя красным специалистом, но все-таки куда тебе до рабочего от станка. А я думаю, что если бы Угланов, Ворошилов, если бы все мы, старые рабочие, окончили какой-нибудь ВУЗ или ВТУЗ, мы бы были немножко сильнее, чем мы есть сейчас. Мы, например, жалеем, что не окончили. А у нас быть интеллигентом считается вроде как позором. Ведь эта наша, вышедшая из рабочих рядов техническая интеллигенция, та интеллигенция, которая нарождается в переходное время от капитализма к социализму. Оценка ее должна совсем по-новому ставиться, старые мерки не годны. Мы должны создать свой слой интеллигенции, пролетарской, которая явилась бы неразрывной частью, сектором единого рабочего класса. Из нее мы должны вербовать и наших культурных работников, и наших работников для профсоюзов, для партии. Вы не думайте, что сейчас можно обойтись на профработе, ни черта не зная. Возьмите тарифное дело, культурно-просветительное дело, они требуют большой специальности. Мы не можем теперь ограничиваться специальными тарифными работниками, они у нас уже приобретают более узкие уклоны: это – специалист по зарплате, это – по вопросам труда, законодательства о труде и т. д. Требуются чрезвычайно большие занятия и подготовка. Мы больше не можем подготавливать человека кустарным способом. Мы должны строже смотреть за составом комсомола, за системой выдвижения комсомольцев, пропускать их через партийный профессиональный контроль, но комсомол должен явиться главным поставщиком тех молодых, надежных пролетариев, которых мы должны обучать, воспитывать таким образом, чтобы ни на минуту тот, кто выдвигается рабочими организациями, партийными, профессиональными и кооперативными, не отрезал бы от них канат, чтобы он сохранял со своей организацией связи и во время, и по окончании учебы. У нас должна быть такая система, чтобы тот, кто учится за счет рабочего класса, за то, что его рабочий класс обучил, вывел в люди, обязан был отслужить рабочему классу на определенных началах определенный срок.

Г о л о с а. Правильно!

Томский. Какова же моя точка зрения в результате колебания по поводу ВТУЗов и ВУЗов? Я думаю, что можно согласиться с предложением тов. Сталина, потому что всякие опыты с Наркомпросом мы уже делали. Здесь все идет не так, как мы хотим, новых опытов не выдумаешь с Наркомпросом, давайте попробуем другой опыт. Я, конечно, не думаю, что мы должны связывать себе руки, не думаю, что этот опыт на все 100% себя оправдает. А не оправдает, кто нам тогда запретит сказать, что опыт не удался, в этом наша ошибка, мы сделали ошибку, и давайте вернемся к старому или новому опыту, иначе как найти верный путь? Тут не столько принципиальный вопрос, сколько практический, но в данный момент он связан с целым рядом других вопросов. Кого мы будем вербовать? Как мы построим внутреннюю жизнь студенчества, и как мы будем на этого студента смотреть?

В заключение я должен сказать, что, если мы ограничимся одной хорошей резолюцией и будем заботиться о «чести своего мундира», а тут для всякого ясно, что и у профессионалистов, и у хозяйственников сквозит большая боязнь за «честь своего мундира», как бы в этой свалке она не пострадала, как бы не пострадал «наш авторитет», если мы будем поддерживать честь мундира и ограничимся вынесением одной хорошей резолюции, – это будет еще одна хорошая резолюция, и только. Но если по первому вопросу мы сказали, что была трудная полоса, хлебозаготовки, но теперь мы все разобрали по-хорошему: с середняком союз укрепили, кулака ущемили, бедняка за собой закрепили, – очень все хорошо, но хвосты-то у лавочек есть. Нельзя забывать,

что хвосты есть. Если мы забудем, что хвосты есть, то плохой будет наша хорошая резолюция. Если мы здесь по шахтинскому делу вынесем резолюцию, которая будет единогласно принята, то не забывайте, что нам многое нужно сделать, нужно пересмотреть весь громадный аппарат Донугля, разобрать его по винтикам и пересмотреть всю эту машину. Ни один профессионалист не может снять друг с друга ответственности. Нужно посмотреть в других местах, нет ли где кое-каких элементов шахтинского дела. Если мы самокритику не разовьем, если будем ее понимать так, что хорошо, если, например, Серго сам себя критикует, но плохо, когда он критикует меня, если мы так будем рассуждать, то дело у нас вперед не двинется, в особенности если мы не научим рабочих жаловаться.

И скажу еще, товарищи. То, что тов. Акулов говорил в первой части своей речи, можно свести к одной фразе: не забывайте, что резолюции XV и XIV съездов мы проводим плохо, – это резолюции об отношении к профсоюзам[119].

Председатель. Слово имеет тов. Луначарский.

Луначарский. Я считаю своим долгом воспользоваться этим выступлением, чтобы предостеречь вас от шага, который я считаю ошибкой. Тут, конечно, дело не в ведомственности, не в объеме полномочий того или иного ведомства или уменьшении его престижа, а дело в том, что мы этот вопрос несколько знаем, и было бы стыдно, если бы мы не знали его после 10 лет работы. Поэтому я хотел бы, чтобы меня здесь выслушали прежде, чем будет принята резолюция о передаче нескольких ВТУЗов ВСНХ.

Этот вопрос уже много раз ставился и рассматривался с величайшим вниманием.

Прежде всего, скажу несколько слов не о постановке вопроса в тесной связи с компромиссным решением о 2–3 учебных заведениях, а о принципиальном вопросе, т. е. вопросе о двух системах, которым решается все: есть ли подготовка новых поколений, от начальной школы до специалиста, одна единая область, в которой все крепко держится вместе, так что нельзя оторвать одно звено от остальных; или правильно говорил тов. Сталин, выставлявший тезис, что каждому ведомству легче готовить для себя специалистов: Наркомздрав лечит – он будет готовить врачей, а Наркомзем будет готовить агрономов и т. д. Есть только две настоящих формулы, две точки зрения. Если говорить о решительности и четкости большевистской мысли, то она должна стоять на той или другой точке. Обе эти точки зрения обсуждались при организации Наркомпроса при участии Владимира Ильича. После чрезвычайно внимательного рассмотрения вопроса было решено покончить со всяким ведомственным разнобоем в этом отношении. Мы взяли все школы в одни руки – частные школы, школы министерства финансов, торговли и промышленности, их было решено все собрать в один кулак коммунистического просвещения.

В 1920 году, в январе-феврале, началось большое движение хозяйственников, которые говорили, что Наркомпрос недостаточно развернул профессионально-техническое образование, не обеспечивает их новыми силами, что надо этот вопрос пересмотреть. Была устроена большая комиссия под председательством Троцкого. Работала два месяца. Троцкий сначала стоял на той точке зрения, чтобы раздать ВУЗы по ведомствам. Это первоначально. Затем Владимир Ильич вызвал его к себе, имел с ним достаточно длительную беседу, после чего получился довольно крутой переворот в мнениях Троцкого, он высказался за создание Профобра[120], ответственного перед всеми ведомствами, для которых готовит людей, как это имеется сейчас, обслуживающего все ведомства, но находящегося в едином Наркомпросе.

Полтора года тому назад тов. Дзержинский вновь начал поход в этом же направлении. В конце концов, после очень внимательного рассмотрения вопроса комиссией, где было собрано много специалистов, ректоров, профессоров и т. д., было решено,

что нет никаких оснований для того, чтобы думать, что при передаче этих вузов ведомствам будет какой-нибудь плюс.

Тов. Андреев произнес здесь, по словам тов. Сталина, очень вдумчивую, хорошую, революционную речь, но какая-то лукавая его подвела, и как только он дошел до ВУЗов, он-де заговорил несуразные вещи. Это не так. Тов. Андреев как раз сидел несколько месяцев в особой комиссии из хозяйственников и просвещенцев, которая внимательнейшим образом рассматривала вопрос о том, как спецы подготовляются и как распределяются, и на основании серьезнейшего изучения пришла к определенным выводам. Тов. Андреев был в комиссии до тех пор, как он отправился на Северный Кавказ, и он пришел к выводу, что было бы в высшей степени нерациональным пойти по линии наименьшего сопротивления и передать ВУЗы отдельным ведомствам, ибо суть дела, причина недочетов не в этом, а в том, что мельком отметил тов. Томский. И вдруг такая штука в настоящее время произошла, оказывается, что после внимательного государственного рассмотрения дела несколько раз, после того, как с отъездом тов. Андреева в комиссию для продолжения работы вошел т. Косиор, вдруг в результате шахтинских событий решаются сделать «шажок», но шажок настолько решительный, что за ним последуют, конечно, и шаги, и это вдруг, на глазок! Сторонники этого взгляда были выслушаны, противники не были выслушаны. И вот мы читаем теперь эти строки роковые в резолюции. Если, как говорил тов. Сталин, дается право критики вождей, позвольте мне покритиковать немного тов. Сталина. По моему мнению, так решать такого важнейшего вопроса нельзя, он не продуман и не изучен. Прежде всего, позвольте мне сказать, что компромиссное решение, которое здесь дается и на котором остановился тов. Сталин, никого не устраивает. [Тов. Сталин аргументирует здесь при помощи давнего довода, что всякое ведомство лучше готовит для себя специалистов. Говорилось о военном ведомстве, о военном ведомстве я скажу потом.] Это прекрасно видно из того, что тов. Куйбышев тут же после того, как оказались ненужными галоши и зонтик, что погода для него хорошая и что не стоит бояться тараканов, сейчас же зонтик опустил и начал требовать побольше ВТУЗа. Тов. Сталин вынужден был очертить своим авторитетным перстом границу, дальше которой ВСНХ пока не должен заходить, это однако не обеспечивает нас от дальнейшего натиска. Но я должен сказать, что этот компромисс негоден. Чего вы, собственно, хотите, с точки зрения результатов? Это опыт? Опыт чего? Создания привилегированных учебных заведений?

Г о л о с. Правильно.

Луначарский. Что, вы будете скрывать, что вы уже ищете финансовую базу для этих учреждений, что дадут несколько миллионов, может быть, несколько десятков миллионов на «избранные» ВТУЗы? Вы создадите какую-то ВСНХовскую опричнину, где все студенты получают больше, чем студенты других ВУЗов, где профессора будут получать большее жалование, чем профессора других ВУЗов, где оборудование будет лучше, чем в других ВУЗах. И тогда ВСНХ будет говорить: вот мои деточки, а от бедной земщины, нищей, которая остается в невозможных условиях, от нее ВСНХ отвернется совершенно. Но разве ВСНХ нужны только студенты из 3 учебных заведений? Нет, ему нужны студенты из всех ВТУЗов. Это разделение, эта грань, которая у нас получится, внесет величайший разврат, внесет зависть, стремление пойти туда, где дороже платят, и разрушит единую систему политических мероприятий, разрушит единство методологии, которые сейчас существуют. Вы говорите: сделаем опыт. Что значит сделать опыт? Тов. Лобов сказал, что если через год-два окажется хорошо... Конечно, будет хорошо, если дадут миллион, тогда вы сможете лопать дальше. (С м е х.)

Сталин. В резолюции сказано, что ВСНХ отчисляет на все ВТУЗы, а не только на свои.

Луначарский. Это хорошо, но это не решает вопроса. Тов. Сталин хочет сказать о том, что другие ВТУЗы будут получать известный процент. Разумеется, иначе было бы совсем неподобно. Мы, конечно, кое-что будем получать. Нельзя поставить на остальных ВТУЗах крест и выбрать только три. Говорят об опыте, но что значит провести до конца этот опыт? Когда он даст свои результаты? Через год-два? Чтобы знать, кого доставляет учебное заведение, нужно, чтобы студент окончил это учебное заведение и два-три года провел на практике. Конечно, никто не может поручиться, что результат этого опыта был бы менее хорош, если бы проведение его было бы возложено на Наркомпрос. Дайте три учебных заведения ВСНХ и три учебных заведения Наркомпросу с абсолютно одинаковой дотацией. Посмотрим, что из этого получится. Может быть, у ВСНХ будет снижение типа* к практику-инженеру без достаточных научных основ, и, может быть, мы во ВТУЗах НКП сделаем такого инженера, который действительно сможет приспособляться ко всем новым условиям хозяйства и окажется действительно на высоте теперешней технической культуры. Во всяком случае, опыт этот раньше 5–6 лет никакого результата дать не может.

Переходя к вопросу о всей системе, я должен сказать, что, если дальнейшие шаги будут сделаны, а они будут сделаны, конечно, здесь получится огромная масса неудобств: в разных ведомствах будут студенты и профессора, партии трудно будет соединить это дело в единство под своим руководством. У нас есть масса учебных заведений, у которых много факультетов и которые обслуживают целый ряд ведомств. Придется их дробить. И т. д. и т. д. Все это принималось во внимание, когда мы говорили, что нельзя дробить партобразование.

Козыряют военным ведомством, что оно будто бы само себе подготовляет специалистов. Это неверно. Они передали нам военно-геодезическое дело, военно-инженерное дело, военно-путейское дело, военно-химическое дело, военно-техническое дело, военно-ветеринарное дело. Мы не вносили этого вопроса в Политбюро или сюда, на пленум ЦК, они сами пришли и нам сказали: мы с этим не справляемся...

Ворошилов. Ничего подобного, это неверно!

Луначарский. И так как мы, сказали нам заведующие военно-учебными заведениями, в этих частях нашей системы не считаем нужным в такой мере соблюдать дисциплину и проводить по-военному обучение, мы это дело передаем вам. Для спецов армии и для флота надо не только давать техническое образование, но воспитывать военный дух и военную дисциплину, это есть часть военной службы. Кто же против этого спорит? И где, в какой стране военная учеба не рассматривалась, начиная с кадетского корпуса, с маленьких детей, которых они подготавливали для себя, как военная служба? Об этом не может быть спору. Но военное ведомство передало нам уже 8 военно-учебных заведений, которые мы сделали факультетами ВТУЗов, обслуживающих совнархозы и прочие ведомства, и они не остановятся на этом, будут делать это дальше. По всем предметам, которые носят характер не строго военный, кто утверждает программу? ГУС Наркомпроса. К кому обращаются за квалификацией профессуры? К ГУСу Наркомпроса. Вот что есть на самом деле, т. е., другими словами, военное ведомство там, где ему не мешает препятствие громадных соображений о воспитании военной дисциплины и военного духа, там он это дело передает Наркомпросу. Фактически он передает те ВУЗы, которые находятся по отношению к военному ведомству в таком же положении, как ВТУЗы вообще по отношению к Совнархозу. Совнархоз пока своей армии и своего флота не имеет.

Чубарь. Есть там военная охрана.

---

* Так в тексте. Имеется в виду «снижение требований» (ред.).

Луначарский. Военную охрану они могут себе сами воспитывать. Какие же аргументы приводились? Совнархоз тоже имеет у себя Промышленную академию, и будто мы спорили, не давали ему ее. Неверно, мы никогда не спорили, а вопрос шел так: не хотите ли вы построить академию на базе наших ВТУЗов, например на базе МВТУ, где есть великолепное оборудование и не нужно тратить новых денег. Единственный спор, который между нами шел. Разве в Наркомздраве нет собственных институтов по усовершенствованию врачей? Есть такие во многих местах – курсы по переподготовке, по повышению уровня, сверхучебные заведения. Мы никогда на них не претендовали, они в большинстве случаев находятся в разных ведомствах, для служащих этих ведомств. Мы никогда не протестовали против этого.

Товарищи, конечно, мы очень хорошо понимаем, что это вопрос важный, и не рассуждаем так, что наши аргументы очень сильны, а аргументы противоположной стороны не имеют за собой ничего. Мы так к делу не относимся. Нужно это проверить совместно на серьезной работе, и мы только одного просим – не принимайте наобум этих двух строчек. Из-за трех месяцев ничего не развалится, Совнархоз нисколько не пострадает. Может быть, когда вы заслушаете наш отчетливый доклад через три месяца, вы действительно поверите нам, что этой меры не нужно проводить. Вы, по крайней мере, обдумайте свое решение.

Говорилось здесь, что имеется непосредственная связь между этим вопросом и шахтинским делом. Спрашиваю: что это за связь, какая тут связь имеется? Прямой связи нет, конечно; вы же не думаете, чтобы шахтинские предатели вышли из наших ВТУЗов (с м е х) и что это было результатом плохой политики Наркомпроса. Косвенная связь бросается в глаза. Какова она? Оказалось, что наши старые спецы еще менее доброкачественны со стороны социалистической, еще меньше есть возможности полностью использовать их, чем мы думали. Надо поторопиться с тем, чтобы получить получше и побольше новых людей, выпускаемых нашими ВТУЗами. Из этого делается вывод: давайте отдадим три учебных заведения совнархозу. А занимался ли кто-нибудь изучением того, каков наш вузовец, знает ли кто-нибудь об этом? Мы дали уже 6000 инженеров, за этот год мы выпустим пять тысяч примерно, эти цифры никому не известны. А знает ли кто-нибудь в ВСНХ, куда их дели, куда посадили, какие результаты от них получаются? Мы сейчас только своими силами такое расследование проводим, произвели широкую анкету, которая издана тов. Ходоровским. Результаты этой анкеты говорят о том, что выпускные работы сейчас ничуть не ниже довоенных. Там, где новые инженеры работают на тех или иных заводах, а мы имеем сведения с десятков заводов, там они оказываются на высоте своих задач. Если хотите привести какие-нибудь другие доказательства иной оценки – приводите, но их пока мы не видим. Когда мы спрашиваем совнархоз, сколько вам нужно студентов, какого качества, нам долго ничего не отвечали, сейчас некоторые цифры дали, они совпадают отчасти с нашими, нового ничего здесь нам не дали, а долго молчали, совсем не могли сказать. Но если потрудитесь спросить совнархоз, как использовал он эти молодые силы, тут он ничего не знает. (Ш у м, р а з г о в о р ы.)

Вы думаете, что это аргумент против меня, я докажу, что нет. Говорят, они не следят за этим, потому что сами себе человеческого сырья не производят, поэтому и не заботятся, как употребляют это человеческое сырье; но что бы вы сказали о заводе, который, получая откуда-нибудь сырье, металл, например, говорил: так как я это сырье не произвожу, то и не отдаю себе отчета, как оно у меня расходуется? За то, что совнархоз, получая в свое распоряжение этих людей, не умеет с ними распорядиться, ему дают еще и подготовку этих людей – это считается блестящей логикой нашего времени. Я считаю, что это совершенно нелогично. Раз мы вступили на путь самокритики...

Молотов. А в Наркомпросе все ли так благополучно?

Луначарский. В Наркомпросе чрезвычайно много неблагополучно, и мы постоянно находимся под вашей критикой и ударами и очень благодарны за это, и мы ничего другого не просим: дайте нам время подготовить доклад и пригласите кого угодно содокладчиком, совнархоз, РКИ или самого черта, мы согласны (с м е х), пусть он разрушит ту картину, которую мы вам дадим, но действуйте с открытыми глазами и знанием дела. Я повторяю, раз мы вступили на путь благословенной критики, позвольте мне рассказать сегодняшние сведения, которые я получил, – закончилось обследование научных учреждений совнархоза в Ленинграде, в результате оказалась слабая постановка дела и отрыв от промышленности. Это, знаете, заставляет немножко насторожиться. Ученые учреждения, которые созданы для того, чтобы поддерживать промышленность, оторвались от промышленности.

Гольцман. Ваши похуже.

Луначарский. Если мои только похуже, но не совсем проваливаются по сравнению с вами, вас нужно клеймить, потому что вы сравните, какие у вас бюджеты и какие у меня, и когда вы сравните, вы увидите, что на каждую советскую копейку мы даем больше, чем вы.

Последний аргумент тов. Сталина. Он говорил, что у этого Луначарского какой-то Мюр и Мерилиз[121]. Он готовит и химиков, и юристов, и путейцев и т. д. до бесконечности.

Сталин. Я не говорил, что Мюр и Мерилиз.

Луначарский. Если одно отделение от него оторвать, ему только легче будет. А вы посмотрите – совнархоз чего только не производит? Тут вам и уголь, и металл, и дерево, и химический продукт (с м е х), оторвите же и от них что-нибудь. Тов. Сталин говорил: как это так может быть, чтобы коллегия Наркомпроса могла обнять все. Ну, а как коллегия совнархоза все обнимает? Если идем по пути централизации, то всегда будет большое многообразие огромных кругов, которые, хочешь не хочешь, надо учиться обнимать, и, разумеется, разбивать их не нужно, нельзя тасовать отдельные куски как карты, одну сюда, одну туда – устраивать компот и думать, что это есть рационализация. Шаг вперед, товарищи, не нужно бояться тараканьих усов, не нужно ходить в галошах во время дождя – это все так, но прежде чем делать шаг и шажок, надо быть уверенным, что он сделан подлинно вперед, а не назад. Куда формально ведет этот шажок? К тому, что было в царской России.

Скрыпник. Правильно.

Луначарский. Формально это есть шаг назад, а по существу извольте обследовать, извольте посмотреть, здесь ли у нас болит, отсюда ли дурные качества наших красных спецов.

Я кончаю тем, что прошу вас, товарищи, отложить вопрос – не на два года, не надо бояться, тов. Сталин, новой бюрократической комиссии, я сам боюсь их и избегаю их, я считаю, однако, что за эти два года мы избегли ошибки и, я надеюсь, избежим еще этой ошибки, когда настоящим образом обследуем это дело. Даже бюрократическая комиссия лучше, чем необдуманное решение, и я призываю к тому, чтобы этого необдуманного решения не принимать.

Председатель. Вечернее заседание в 6 часов вечера. Первый оратор тов. Абрамов, второй тов. Рухимович, третий тов. Чубарь.

Объявляю утреннее заседание закрытым.

ЗАСЕДАНИЕ СЕДЬМОЕ

Вечер, 10 апреля

Председатель (Косиор Ст.). Слово имеет тов. Абрамов.

Абрамов. Шахтинское дело заставляет нас всех снова поставить резко вопрос относительно условий и способов ведения экономической работы профессиональными организациями и вовлечения широких рабочих масс в управление производством. Не касаясь тех общих причин, обусловивших возникновение шахтинского дела там на месте, на которых здесь останавливался целый ряд товарищей, я хотел бы остановиться на тех моментах, которые мешали профессиональным организациям проводить экономическую работу так, чтобы обеспечить нам больший контроль над работой хозяйственных организаций и особенно специалистов.

Какие основные тормозы имеются для работы в этой области у низовых профессиональных организаций? Мне кажется, что здесь нужно прежде всего остановиться на тех причинах, на которых здесь останавливались при оценке работы наших хозяйственных кадров. В самом деле, если частый пересмотр производственных программ и планов, если хаос, который царит в этой области и на местах и в центре, затрудняет работу хозяйственных организаций и хозяйственников, то это же самое обстоятельство чрезвычайно затрудняет работу нашим низовым организациям, обсуждение этих производственных программ и вовлечение в обсуждение последних широкие рабочие массы. Мы ведь имеем такое положение, когда эти производственные программы составляются по директиве центральных хозяйственных организаций, наспех. В силу этого не только невозможно вовлечение широких рабочих масс в обсуждение их, но и низовые профессиональные организации не в состоянии обсудить производственные программы и планы. Часто бывают такие случаи: составляется производственная программа и план, а через некоторое время возвращаются в таком виде, что их потом не узнают профессиональные организации. Это обстоятельство часто вызывает апатию у низовых союзных организаций к этому чрезвычайно серьезному делу, потому что они ставят вопрос так: сколько ни обсуждай, сколько предложений ни вноси, все равно это не учтется, все равно все это будет сломано и ничего не останется.

Второй вопрос, который также чрезвычайно затрудняет экономработу, – это отсутствие прав у низовых наших хозяйственных ячеек (шахт, рудников и т. д.).

И наконец, мы имеем еще одно обстоятельство, которое мешает развертыванию экономической работы на низу, – это чрезмерная перегруженность профессиональных работников. Если вы возьмете наших низовых профработников, работающих на тарифно-экономической работе в рудкомах и шахткомах, то они обязаны три раза в день бывать на раскомандировках с 5 часов утра до 7, с 1 часу дня до 3 и с 10 вечера до 11. Кроме этого, они обязаны в неделю раза два или три побывать в шахте, на целом ряде заседаний, собраний и т. д. И таким образом, низовой профработник лишен возможности обдумывать целый ряд вопросов экономического порядка, касающихся данной шахты, рудника и т. д. Если к этому прибавить отсутствие квалификации, экономичес-

кую неграмотность наших профессиональных работников, ведущих эту работу, то обстановка становится чрезвычайно тяжелой для ведения экономработы нашими низовыми профессиональными организациями. Когда мы имеем такую картину на низах в отношении наших профессиональных организаций, само собой понятно, что для нас, сидящих на центральной союзной работе, работа тоже усложняется. Мы, не имея заключения, не имея мнения низовых профессиональных организаций по целому ряду хозяйственных вопросов, часто работаем вхолостую. Мы часто выдвигаем целый ряд общих вопросов, отрываясь от конкретной действительности того или иного рудника, того или иного района, того или иного промысла и т. д. Вот почему наша здесь работа иногда, как я уже сказал, проводится вхолостую. И если принять во внимание, что перекройка этих планов, как здесь я указывал, происходит в центре чрезвычайно часто, причем эта перекройка обычно происходит в недрах узких ВСНХовских и госпланов-ских комиссий, состоящих из спецов, то руководящие работники союзов лишены возможности, в силу этих причин, оказывать то или иное влияние на характер того или иного производственного плана, программы и т. д.

Я хотел бы остановиться на втором вопросе, который вызвал здесь большие прения, это о 6-часовом рабочем дне в Донбассе. Он ставился в такую плоскость: можно или нет провести 6-часовой рабочий день в Донбассе? Прежде всего, несколько слов относительно того, как обстояло дело фактически с этим положением. Здесь уже указывали на то, что непроведение 6-часового рабочего дня объясняется целым рядом обстоятельств; топливный голод, финансовые затруднения и т. д. Мы за последние годы неоднократно ставили этот вопрос. В частности, перед Наркомтрудом в начале 1926 года резко был поставлен вопрос о нарушении 6-часового рабочего дня в Донбассе, в связи с обследованием Наркомтруда и ЦК Горняков. Но этот вопрос застыл в своем решении, наша вина, может быть, заключается в том, что, имея все время перед глазами тяжелое финансовое положение Донугля, запаздывание с выплатой заработной платы, мы, находясь под впечатлением тяжелого финансового положения Донецкого бассейна, не заостряли этот вопрос о 6-часовом рабочем дне в смысле его немедленного проведения в жизнь. Сейчас он поставлен ребром. Я лично считаю, что 6-часовой рабочий день провести можно. Никаких особых причин, которые бы заставляли не проводить или создавали бы большие трудности в проведении этого вопроса, у нас нет. Если мы к 8-часовому рабочему дню соответственным образом приноравливаемся, то технически и практически нет никаких особых обстоятельств, которые не давали бы возможность провести 6-часовой рабочий день. Когда мы ставили этот вопрос в Центральном Комитете Горняков, то у нас не с этой стороны возникал целый ряд затруднений. Мы задавались вопросом таким, что нужно сделать для того, чтобы проведение 6-часового рабочего дня не вызвало больших дополнительных затрат. Потому что если мы не сможем уничтожить целый ряд так называемых технических неполадок донбасских, которые там несомненно имеются, то нам придется в целом ряде мест снижать нормы выработки, а это значит нести дополнительные расходы государству. Вот почему перед нами встал вопрос, как организовать работу с точки зрения использования рабочей силы и с точки зрения использования механизмов, чтобы потребовалось наименьшее количество дополнительных средств при проведении 6-часового рабочего дня. У меня лично возникают и другие вопросы. Как лучше поступить: оставаться ли при 6-часовом рабочем дне при 3 или 2 сменах или, может быть, для того чтобы использовать на 100% оборудование, основной капитал, организовать работу не только в 2–3 смены, но и 4 смену и тем самым уменьшить капитальные затраты для выполнения определенного производственного задания в данный момент. Вот почему мы решили этот вопрос проработать под углом зрения этих самых основных положений:

сколько потребуется дополнительных средств, и потребуется ли, для того, чтобы на практике осуществить 6-часовой рабочий день; как нам организовать работу на шахтах: в 2–3 смены или, может быть, в 4 смены, для того чтобы использовать на сто процентов основной капитал в горной промышленности, потому что этот вопрос не так прост. В Америке мы имеем такое положение, когда шахты работают всего в одну-две смены. Американцы находят это для себя чрезвычайно выгодным. Мы же работаем, как правило, три смены. Вот почему, товарищи, поскольку этот вопрос поставлен, его несомненно нужно принять, и нужно сейчас и нам, профессионалистам и хозяйственникам, так повести работу, чтобы действительно ускорить разрешение этого чрезвычайно важного для горного дела и рабочих вопроса.

Третий вопрос – это вопрос обмеров, пропажи упряжек, незнания рабочими расценок. Об этом говорится в письменных предложениях тов. Томского, говорили об этом здесь и выступавшие на пленуме ЦК. Имеет ли это место или нет? Несомненно, товарищи, это имеет место и в Донбассе, и в некоторых других горняцких районах. В чем тут дело? Нужно, товарищи, иметь в виду, что это обусловливается отчасти целым рядом особенностей горного дела. Завести где-нибудь поденщину на заводе гораздо проще, чем на шахте; на последней при раскомандировке посланный рабочий часто не попадает на ту работу, на которую он был назначен десятником, перегоняется в шахту надзором; поэтому у десятника та или иная упряжка иногда пропадает. То же самое трудно с учетом целого ряда других положений.

Томский. Единственно, что верно, это шахта не завод, а завод не шахта.

Абрамов. Нет, тов. Томский, не только это, я сейчас скажу. Я говорю, что это обусловливается некоторыми общими причинами для горного дела, но эти безобразия обусловливаются и целым рядом причин от нас зависящих. Я об этом как раз сейчас хочу сказать. У нас чрезвычайно скверно поставлен учет рабочей силы, это несомненно. Использование рабочей силы тоже самое скверное. Донуголь только теперь приступает к упорядочению этого дела. У нас чрезвычайно скверно дело обстоит с квалификацией низшего надзора. Десятники маракуют в своих записных книжках черт знает что, а потом контора не может разобраться, что там записано.

Если мы пойдем по линии упорядочения учета и использования рабочей силы, то целый ряд недостатков изжить можем. Но основное, что у нас скверно, это нормирование труда. Нормирование горных работ дело чрезвычайно трудное и до революции никогда не проводившееся. Только не так давно мы этот вопрос детальнейшим образом проработали и начали подходить к составлению урочного положения для горных работ. В этом отношении нашему Союзу пришлось преодолеть колоссальные трудности, потому что в недрах Донугля мы встретились с чрезвычайно большим сопротивлением специалистов, которые вопрос нормирования труда в горной промышленности саботировали. Тов. Рухимович это может подтвердить. Наш Украинский комитет издал специальное небольшое урочное положение, с тем чтобы попробовать провести его в жизнь. Специалисты отрицали возможность применения этого, как мы выражаемся, нормировочника. Затем еще раз было выработано положение, уже совместно с Донуглем. И что же вы думаете, проводится ли оно сейчас или нет? До сих пор этот нормировочник или урочное положение не проводится в жизнь. Я считаю, что здесь в большой степени вина хозяйственных организаций. Но имеется известная вина и наших союзных организаций, которые в должной мере этим делом не занимаются. Этот вопрос, несомненно, должен быть разрешен.

Председатель. Слово имеет тов. Рухимович.

Рухимович. Я хочу несколько слов сказать по общему вопросу, который поставлен в связи с шахтинской историей и который является центральным и в то же время

сложнейшим вопросом сегодняшнего дня. Речь идет о том, чтобы изменить коренным образом методы работы во всех областях; речь идет о перегруппировке сил, о перестроении рядов и, главное, о вовлечении новых сил для того, чтобы обеспечить иную, более рациональную работу в области хозяйства. Что мы имеем сейчас? Факт, который никто не станет отрицать: мы имеем сравнительно малое вовлечение активности рабочих масс в дело строительства. Мы имеем значительное отставание их участия по сравнению с ростом сил в стране и с темпом самого строительства. Наряду с этим минусом в нашей работе мы имеем и следующую невероятно сложную обстановку в работе вообще. Первое, в крестьянской стране, проводя быстрый темп развития промышленности, мы обязаны перепрыгивать в области техники от допотопной машины до районной станции, от допотопного способа добычи угля к врубовой машине. Мы обязаны поэтому обратиться к мобилизации и использованию всех технических сил как внутри страны, так и черпанию технических сил по возможности извне. И поэтому первое время мы фактически оказываемся в большей, сравнительно, зависимости от них, что представляет некоторую угрозу для нас.

Дальше, мы обязаны сейчас, используя «передышку», быстрым темпом завозить то оборудование, которое необходимо как для заполнения узких мест, так и для подъема уровня техники. Причем, когда мы приобретаем за границей оборудование, то в каждой стране мы встречаем стену; скажем, в Германии, когда речь шла о реализации германского кредита, когда речь шла о том, чтобы котельное хозяйство усилить в стране, и вопрос встал о закупке большого количества котлов, мы получили сразу котельный картель. Когда нужно было приобретать турбины, мы получили картель по этой линии; когда нужно было закупить трубы, мы получили картель труб, т. е. мы встречаем стену, которая смотрит на нашу страну как на колонию. Хозяйственники не уверены, когда начнут приобретать то или иное оборудование, что они получат из-за границы то качество, какое для них необходимо, и нет у нас уверенности, что мы получим то, чего хотим, и что нас не надуют в ценах. Товарищи, это тоже одно из крупнейших затруднений в деле нашего строительства.

[**Ворошилов**. А думаешь, нэпман знает, чего ты хочешь?

Рухимович. Клим, я сейчас перейду к этому.] И, наконец, последнее. Мы имеем сравнительно длительную «передышку», и поэтому мы имеем кое-где стирающуюся грань между коммунистом и специалистом, не только хозяйственником и специалистом, но и коммунистом, работающим в области партийной, профессиональной и т. д. Этого, товарищи, скрывать нельзя, но мы имеем более стертую грань между хозяйственником и специалистом, так как он в большей мере соприкасается с такими элементами, как инженеры, техники и рынок. И поэтому для того, чтобы наладить нам дальше работу так, чтобы машина двигалась, куда мы хотим, чтобы предупредить разложение, мы обязаны постепенно, с ростом сил и способностей хозяйственников, освобождаться от этой зависимости по линии спецов, самим больше и глубже погружаться в изучение процессов производства. Каким образом можно привлечь спеца? Можно, товарищи, это сделать двумя путями.

Тов. Молотов здесь задавал вопрос, каким путем мы сейчас пойдем: пролетарским методом или будем использовать еще буржуазный метод по привлечению специалистов? Я скажу на это, что можно идти только первым путем, но, товарищи, тогда мы должны некоторое время нести издержки, иметь то, что называется замедленным темпом. Можно идти только вторым путем, но это будет не наш путь, надо идти сейчас комбинированным способом. Надо будет и сейчас у специалистов вызвать стимулы, о чем говорил совершенно правильно и своевременно тов. Угланов.

Теперь, на какой стадии находимся мы в 1928 г. по владению производством? Мо-

жем ли мы сейчас больше и ближе подойти к самому производству, но так, чтобы превратить спецов только в консультантов? До этого мы еще, товарищи, не доросли. У нас нет кадра своих молодых специалистов еще. Мы можем больше и глубже этим делом заниматься, мы можем в области эксплуатации уже шире и глубже охватывать эти вопросы, но когда дело касается (я на пленуме хочу это со всей откровенностью сказать), когда дело касается перехода на иные рельсы промышленности, подъема уровня техники в стране, здесь мы слабы. Вот возьмите маленький пример – подмосковный бассейн. Когда речь идет о проблеме подмосковного бассейна, мы имеем в нашей стране три течения на этот счет. Есть определенная группа, которая оценивает так развитие подмосковного бассейна; есть другая группа, которая расценивает иначе; есть третья группа, которая расценивает совершенно по-иному. Никто не уверен, что за этими группами не скрываются какие-то лапы иностранных капиталистов. Никто не уверен, что здесь не происходит какая-то игра. Но мы можем только на основании проработки материалов этих групп выбирать то решение вопроса, которое ближе и которое кажется нам выгоднее, но сами-то мы прорабатывать этих проблем не можем еще, поэтому зависимость от специалистов еще огромная. Отсюда вывод: мы должны сейчас, на основе шахтинской истории, взять твердый курс на то, чтобы глубже и больше заниматься непосредственно вопросами производства, мы должны все сделать, чтобы в более короткий срок иметь новые кадры, но мы должны, товарищи, это делать по ступеням для того, чтобы до прихода новых кадров специалистов здесь не получилось просчета, не получилось перерыва по обслуживанию специалистами промышленности.

Теперь я перехожу к вопросам Донбасса. То, что случилось в шахтах, и то, что имеет место в Донбассе, та диверсионная группа, которая открыта и которая показывает нам нечто другое, кроме нашей неумелости в работе, мы имеем, оказывается, еще иное одно зло, сознательное вредительство, которое тормозит как темп развития нашей промышленности, так и темп улучшения материального положения рабочих. Этот факт показывает, что, ежели бы мы не имели этой злой руки, мы шли бы гораздо более быстрым темпом. Но как мы к этому вопросу подходили на протяжении ряда лет в Донбассе? Я сейчас об этом буду говорить. Необходимо вспомнить историю Донбасса. Что мы имели в 20 году? Была комиссия Троцкого[122], которая пришла к следующему заключению, что надо на протяжении 5 лет развить Донбасс таким образом, чтобы в 26 г. он давал полтора миллиарда пудов. После этого была организована комиссия Данчича[123], которая уже проанализировала и подытожила состояние Донбасса, которая изучала по отдельным факторам, которые там есть, и которая должна была сказать, как же нужно восстанавливать Донбасс, с цифровыми материалами в руках. И вот перед тем, как сказать, к чему она пришла, я должен коротко сказать, как мы на это дело смотрели в 23 году. 29 мая 1923 г., когда еще тов. Чубарь был в УГКП, была создана комиссия Политбюро ЦК под председательством тов. Цюрупы[124], задачей которой было решить, куда и как должен идти Донбасс. Туда, в эту комиссию, мы писали следующие строчки: «в последнее время все начинают убеждаться, что план комиссии Данчича (а я о нем сейчас буду говорить) неправилен, нежизненен и, наконец, что самое главное, составлен без учета новой обстановки». И вот, товарищи, что мы сделали? Когда я был в Донугле, что сделал губком Донецкий, что сказал тов. Чубарь, когда я к нему пришел и сообщил наше решение? Все согласились Данчича снять. Мы решили Данчича снять и не проводить плана комиссии Данчича. А что он требовал? Что комиссия Данчича преподнесла Москве для решения вопроса? Вот что. На протяжении пяти лет, т. е. к 1927–28 г., мы должны иметь не как Троцкий сказал – $1^1/_2$ миллиарда, а 3 варианта: первый вариант – 1615 миллионов, второй вариант – 1442 мил-

лиона и третий вариант – 1230 миллионов. Мы в этом году, к вашему сведению, имеем даже не вариант максимальный – 1615, а имеем 1720 миллионов, т. е. еще больше на сто миллионов пудов. Чего же требовал Данчич для выполнения своего плана? А вот что: он требовал для решения этого вопроса 388,9 миллионов золотых рублей. Вот почему мы этот план отвергли сразу и сказали, что план нежизненный, для страны непосильный. А что мы затратили за эти годы? Мы истратили 242 миллиона по Донуглю и 50 миллионов по всем остальным комбинатам, т. е. 292 миллиона червонных рублей, поймите, червонных, а не золотых рублей, и это параллельно с добычей на 100 миллионов пудов больше. И кроме того, мы заложили 17 новых крупных шахт.

Почему это случилось, и какое тут чудо? Только разрешите мне еще несколько минут продолжить.

Г о л о с а. Просим.

Рухимович. А вот, товарищи, почему так получилось. Мы с самого начала вели борьбу только по одной линии, что нам в нашей стране сейчас с нашими знаниями приступить к крупному капитальному строительству без учета техники заграничной нельзя, вредно, мы могли бы только наделать массу глупостей. Хотя немало мы их наделали после, подымая махину Донбасса. Мы боролись за среднюю шахту. Эта борьба, о ней знает Политбюро, началась еще с 1921 года. Но когда мы вступили в Донуголь в конце 23 г., мы эту линию начали проводить до конца. Какой вопрос мы должны были тогда поставить? Мы поставили в 1924 г. вопрос таким образом: давайте мы пошлем людей своих за границу для учебы, и давайте параллельно с этим, чтобы не оказалась пророком та польская комиссия, которая считала насчет 1929–30 года, что мы можем оказаться без топлива, чтобы этого не оказалось, развернем действующие шахты и среднее шахтное строительство. И к вашему сведению, против этого была отчаянная борьба в Москве, и не только со стороны специалистов, а со стороны таких ретивых товарищей, как Смилга. Здесь есть живые свидетели этой борьбы. Он писал записку тов. Дзержинскому, здесь есть люди, которые видели эту записку, что в начале 1925 г., весной, мы, т. е. Смилга, гарантируем, при партизане Рухимовиче в Донбассе, что Донбасс пойдет под откос, будет кризис топлива и мы будем ввозить топливо из-за границы в большом количестве. Так ставил вопрос тов. Смилга. А мы говорили: вы можете пророчить сколько угодно, а страна, бывшая с органическим дефицитом, как Гриневецкий выражался, будет иметь топливо.

Мы послали осенью 1924 г. того самого Кирилкина, тов. Сталин, который так хорошо играет на гитаре...

Сталин. На балалайке.

Рухимович. Послали его в Америку с профессором Скачинским и инженером Чинакалош, послали для того, чтобы они там изучили постановку дела. Параллельно с этим в 25 году мы поставили вопрос о посылке ряда рудоуправляющих с главными инженерами в Европу. И параллельно с этим поставили вопрос о посылке коммунистической части в Берлин для реализации рудного импортного оборудования. Я спрашиваю, когда недавно в Политбюро стоял вопрос об импортном оборудовании, вы знаете, что, несмотря на глупости, несмотря на ряд крупнейших ошибок, который был допущен нами в Донугле, несмотря на это, ЦКК не вынесла даже выговора Донуглю. Почему? Тов. Крестинский, кажется, здесь сидит, он должен сказать, какое представительство в Берлине лучше всех реализовало заказы импортного оборудования. Оказывается, что лучше всех это дело было реализовано Донуглем. А что мы этим сделали?

Председатель. Тов. Рухимович, ваше время уже давно истекло.

Рухимович. Прошу мне дать еще минут 10.

Г о л о с а. Дать.

Председатель. Кроме тех, кто записался вчера, сегодня еще записалось 10 человек. Рухимович просит дать ему 10 минут. Кто за это? Имеете еще 10 минут.

Рухимович. Теперь для меня понятно, что в тех материалах, я о них говорить не буду, где арестованные говорят, что они хотели затопить Донбасс, что они действительно стремились затопить Донбасс и что, если бы эти «контрреволюционные» турбины не работали, т. е. если бы не было тех лиц, ответственных коммунистов, которые посланы за границу и реализовали это оборудование, мы бы в настоящее время имели очень тяжелое положение в Донбассе. Но, к счастью, кривая выручила. Я должен сказать, что сейчас то, что открыло ГПУ, если отбросить то, что можно и должно отбросить, эта книга должна служить лучшей библией для дальнейшего ведения дел.

Г о л о с а. Правильно.

Рухимович. Мне кажется, что сейчас вскрылось то, чего мы, коммунисты, работающие в Донугле, к сожалению, не замечали. Там обнаружилось следующее: специалисты все время на месте, да и не только на месте, но и в центре, а мы не обеспечили коммунистического влияния в производственной части, оттирали коммунистов. А что мы делали для того, чтобы привлечь коммунистов, и что из этого получилось? Одна маленькая справочка. 16 декабря 25 года – это ответ как раз тов. Андрееву на учебу Гончаренко и Шейкина: «Придавая особо важное значение... (ч и т а е т) ... Во изменение положения о рудоуправлениях, вместо одного зама иметь двух, из них одного коммуниста». Но что получилось? Получился не только приказ, тов. Клим, а получилось то, что 27 человек было выделено для обучения. Но, к сожалению, у нас в Донбассе политотдельские навыки остались. Я о них совершенно открыто буду говорить. Выделили не тех, кого следует, и мы дали им не ту работу, какую нужно. Когда тов. Молотов здесь выступает и говорит, что Пятаков переадминистрировал, а Рухимович все подмял, то я должен сказать, что ведь не в Рухимовиче дело. Дело в том, что в Донбассе была пятаковщина, была трудармия, были политотделы. Нужен был ряд лет для того, чтобы этот политотдельский дух изничтожить. Этого нельзя сделать в один или в два года. И когда тов. Шварц здесь выступает и говорит, что в 23–24 г. я так ставил вопрос относительно зарплаты, – да, тогда так и ставили вопрос, а что же, можно было разве иначе поднять Донбасс в первые годы? Были и приемы политотдельские.

Рыков. Почему ряд лет нужен?

Рухимович. Для того, чтобы политотдельские приемы прекратить. Я не знаю такого положения вещей, чтобы сразу можно было от этого избавиться.

Рыков. Непонятно.

Томский. Требуется эпоха. (С м е х.)

Рухимович. Требуется эпоха. Я думаю, товарищи, что практика в Донбассе и та обстановка, о которой знают товарищи Молотов, Томский и Ярославский, практика там проводилась таким образом, что в год или в два нельзя было изжить политотдельских приемов.

Перехожу к выступлению т. Томского. Тов. Томский совершенно правильно подметил, что рабочая масса внизу по сути-то дела сейчас прижата, молчит и боится сказать. Тов. Томский совершенно прав, когда он говорит, что по линии материальной мелочами его все время ущемляли. Можно было этого не делать. Но, тов. Томский, когда ставится вопрос в ином разрезе, когда затрагиваются вопросы водопровода, жилищ, бань и др., т. е. все бытовые вопросы, можно ли это резко сразу улучшить? Я думаю, правильно будет сказать: благодаря лучшему хозяйствованию, благодаря вовлечению в это дело самих рабочих будет меньше промахов на каждой капитальной работе. Если сверх этого механически делать прибавки, то неправильно, потому что тогда получится еще больший разрыв цен, чем он имеется сейчас.

Теперь по отношению к Бессергеневке – шахте, которая рядом была, но о ней никто не знал. Тов. Томский, во-первых, в инвентарной книге рудоуправления эта Бессергеневка есть.

Томский. Есть?

Рухимович. Я это говорю на пленуме здесь – есть. И во-вторых, в книге Данчича не указана Бессергеневка, а указано следующее – что на восточном склоне от Петропавловки, а это и есть этот пласт, есть тоже месторождение, которое требует разработки. Это есть в книге Данчича.

Томский. Что было занесено в книгу: пласт или Бессергеневская проходка?

Рухимович. Я не буду говорить о деталях и злоупотреблениях там. Вы выступали и говорили, что существует такая шахта, но вы о ней, мол, не знали.

Крыленко. Не знали.

Рухимович. Я говорил, что в инвентарной книге она была.

Крыленко. Данчич, кажется, не нашел у себя в книге.

Рухимович. Перед тем, как писать отчет в Политбюро в 23 году, я три раза изучал эту книгу Данчича, и там есть буквально следующее: к восточному склону от Петропавловки есть месторождение для выработки. Я не знаю, о чем говорит Данчич, я говорю о том, что написано.

Крыленко. А если Данчич говорит, что нет?

Рухимович. Я не знаю, что Данчич говорит, я говорю, что им написано. Я хочу сказать следующее: что в самом Донбассе, если бы мы, когда мы тратили на средние шахты, и на мелкие, и на крупные действительно по тем месторождениям, которые являются наиболее выгодными, которые являются максимально лучшими для использования в данное время, само собой разумеется, у нас работа шла бы лучше, если бы рабочие на данном предприятии продумывали, изучали, прощупывали, какие шахты лучше разрабатывать, конечно, было бы лучше. Мы этого не делали, мы не привлекали рабочие массы в это важнейшее дело, и это наша вина, но сказать о том, что мы не знали шахт, – это неверно.

Дальше, пример насчет врубовых машин. Я должен сказать, тов. Томский, что они неправильно используются, но мы начали внедрять их в Донбасс, недавно выписали машину «Суливан» из Америки[125], начали выписывать английские машины, начали выписывать машины из Германии и начали прощупывать, на каком руднике, на каком пласте лучше их использовать.

Крыленко. Вы начали прощупывать, на каком пласте не нужно их использовать.

Рухимович. Я должен сказать, тов. Крыленко, я не отказываюсь, что мы имеем ряд ошибок, не отказываюсь, но, тов. Крыленко, сидевший в Донугле с 1903–4 г. коммунист Киселев, который ездил в Америку и видел там всю механизацию, он распределял машины и, может быть, он ошибался. Конечно, за ошибки несем мы все ответственность.

Крыленко. Неверно.

Г о л о с. Выдвинули Киселева за успехи.

Рухимович. Он остался в Донугле работать все время, вы напрасно думаете.

Заканчивая, хочу сказать следующее, что сейчас совершенно правильно предложение тов. Томского в отношении пересмотра до последнего винтика каменноугольной промышленности и затем других, так сказать, решающих отраслей. Это правильно. Правильно то, что хозяйственнику нужно идти сейчас не по линии наименьшего сопротивления, а работать значительно труднее, это каждый хозяйственник должен знать. Но для того, чтобы он работал или, вернее, мог бы справиться с работой, для этого хозяйственнику нужна огромнейшая поддержка и разгрузка от ряда работ. И вот,

когда мы подходим, тов. Томский, к каменноугольной промышленности, мне казалось бы, что здесь нужно тоже не под влиянием отдельных настроений, так сказать, не перегибая палку в ту или другую сторону – или крайний оптимизм, или крайний пессимизм, – а по-деловому подойти к этому тресту, я не сомневаюсь, что он в дальнейшем будет иметь более крупные успехи, будет лучше работать и будет лучше обеспечено материальное положение самих рабочих, это правильно. Но, тов. Томский, и здесь надо это делать продуманно и осторожно, нужно эту работу провести не в неделю и две, а сесть и изучить; быть может, понадобится 3–4 месяца, но для того, чтобы действительно поставить точки над «и» и над всей системой каменноугольной промышленности в целом.

Томский. В частности, я не вижу такой продуманности в плане электрификации Донбасса.

Председатель. Слово имеет тов. Жданов.

Жданов (Лысьва). Шахтинское дело поставило перед нами не только проблему нашей борьбы с экономической контрреволюцией, не только контроля над специалистами, но поставило во всю широту вопрос правильного ведения дела не с точки зрения опоры на старых специалистов, а на новых кадрах наших специалистов-техников и инженеров, которые должны явиться нашими помощниками в социалистическом строительстве, особенно из рабочих.

Если говорить здесь о старых специалистах, я, конечно, не могу думать, что все они прохвосты и мошенники, но есть основание до некоторой степени толковать об этом. У нас есть такие примеры в нашем районе. Как будто все по существу хорошо, рабочие втянуты в производственные совещания, большинство из старых специалистов тоже ходит на эти совещания, но часть из них заметно относится к этому безучастно, особенно к производственным совещаниям, рабочие предложения совещаний хотя и проводятся, но с большой натяжкой. Новые специалисты, инженеры-техники, ходят на эти совещания и ведут не только общественно-организационную работу, но больше всего упирают в вопросы производства. И вот тут до некоторой степени замечается со стороны отдельных специалистов придирка к этим, так сказать, новым специалистам. Что это значит? Значит это, по-моему, что тут кое-чем попахивает. Только потому, что технический отдел загружает новых специалистов бумажной волокитой, им некогда быть в цехе.

Дальше, здесь в проекте резолюции говорится, что слаб контроль и т. д. Я согласен с этим, но скажу, что это не везде так. Я вот приведу пример. У нас проходила колдоговорная кампания, и тут мы имеем кое-какие результаты. Почему? Да потому, что профсоюзы умели с этим делом справиться. Там, где профсоюзы гибки, там, где профсоюз и фабзавком более работоспособны, они привлекают на свою сторону рабочих. Проработан ли вопрос о колдоговорной кампании? Проработан. Он не только проработан на активе, он проработан на всех цеховых рабочих собраниях. Хотя времени было очень мало, мы тем не менее имеем кое-какие результаты не только в колдоговорной кампании, но и в отношении себестоимости продукции и повышения ее выработки на 5%.

Дальше в проекте резолюции говорится, что на примере Донбасса уродливо сказывается чрезмерный централизм хозуправлений. Я с этим вполне согласен. Что такое централизм? Я понимаю, что централизм имеет свое место там, где он необходим, а вот у нас такие примеры: вот вам на заводе хозяйственная часть по снабжению, которая пишет заводоуправлению в технический отдел, а тот пишет Уралмеду, а Уралмед еще дальше и т. д. В конце концов получается вот что. Если говорить, как работает мартеновский цех, который является основным нервом, рельсовым путем, по которо-

му должен катиться весь состав поезда нашей промышленности, то получается, что плавка в печи, а трубки еще везут на лошадях. Это, видите ли, централизм. Мы ждем, когда гром грянет, тогда и перекрестимся. Правильно говорили другие товарищи, что нужно больше самостоятельности дать заводам, чтобы бумажная волокита не волоклась. У нас нет кирпича, нет сифонных хороших трубок, нет в цехе изложниц. Получается один ответ: писали, запрашивали, толку никакого. Поэтому, я считаю, эту волокиту надо изжить.

Дальше, в проекте резолюции говорится, что мы должны смотреть за всей нашей работой. Правильно! Но вот я никак не могу согласиться с тем, что за 10 лет, на 11 году существования советской власти, мы все-таки прохлопываем, как здесь выражались. Что это значит? Как могло получиться, что мы имеем такие результаты, как гнойный нарыв в Донбассе? По-моему, прав Алексей Иванович, который говорит в своем докладе, в своих выводах, что в Донбассе партийное руководство и руководство профсоюзов было плохое. Здесь мало было руководства не только со стороны компартии и советской власти. Надо, по моему мнению, не только сидеть в кабинетах, писать большие и хорошие резолюции, надо больше уделять внимания самому производству, быть в цехе, прислушиваться к голосу рабочих, их запросам и предложениям, смотреть, что делается в том или другом цехе, а у нас получается наоборот. Что же мы имеем? А вот что мы имеем. Допустим, какой-нибудь заведующий цехом только то и работает, что пишет сведения, так сказать, статистические, для заводоуправления, технорука и т. д. А в результате не получается никакой работы. Между тем технорук приходит, особенно с молодого инженера, если он имеется в том или ином цехе, спрашивает как с заведующего: а почему у тебя неладно? Почему у тебя так? Технорук забыл, что он загрузил инженера бумажной волокитой. Что, разве это нормальная работа? Я считаю, что такая работа не может быть нормальной.

Итак, все то, что здесь говорилось выступавшими товарищами по отношению к Донбассу и по отношению вообще нашей работы и нашей промышленности, показывает, что надо будет хорошенько взяться за это дело. Надо вырвать с корнем все эти нарывы, гной, который мешает нам в нашей повседневной работе. И проект резолюции, который предложен на разрешение нашего пленума, он, возможно, будет иметь кое-какие дополнения, но его надо будет целиком принять.

Кроме того, надо не только ограничиться этой резолюцией, а надо будет взяться обеими руками за эту работу и повести ее так, чтобы действительно дальше не было никаких промахов. Только тогда наша работа наладится и не будет тех недовольств со стороны рабочих, которые мы имеем в результате недостатков нашей работы. Поэтому я считаю, что все то, что здесь говорилось, надо будет провести в жизнь, и мы тогда победим, выйдем победителями.

Председатель. Слово имеет тов. Ворошилов. Следующий тов. Ярославский.

Ворошилов. Я не хочу касаться тех вопросов, которые здесь в достаточной мере были освещены с различных точек зрения. Мне хотелось бы остановиться только на одном вопросе. Вопрос этот непосредственно связан с мероприятиями, которые мы должны будем в ближайшее время провести для того, чтобы не только ликвидировать безобразия, обнаруженные шахтинскими событиями, а предупредить возможность появления их на будущее время. Мне сдается, товарищи, что какие бы решения мы ни выносили, если не предпримем ряда организационных шагов, мы вынуждены будем вновь столкнуться с подобного же рода затруднениями в строительстве нашего хозяйства.

Вопрос о подготовке кадров своих специалистов является краеугольным камнем настоящего момента. Мы сравнительно легко справимся с задачей привлечения широ-

кой общественности пролетарских масс к делу строительства. Мы справимся также с улучшением качества работы советских, профессиональных и партийных организаций. Все это доступно, все это сравнительно легко нам удастся достигнуть. Но мы не справимся с задачей подготовки командного состава промышленности, преданного нашему государству и партии, если не разрешим этого вопроса так, как его надлежит разрешить. Я лично являюсь, может быть, одним из наиболее крайних сторонников того, чтобы командный состав промышленности готовился самой промышленностью. Недостаток резолюции, предлагаемой на ваше усмотрение, заключается в том, что мы, по выражению тов. Луначарского, делаем только один шажок. Я за то, чтобы сделать несколько шагов, т. е. отобрать все ВТУЗы у Наркомпроса и передать их промышленности.

Скрыпник. Пойти форсированным маршем?

Ворошилов. Никакого форсированного марша нет здесь, тов. Скрыпник, а есть задача, которую мы должны так или иначе разрешить. Без разрешения вопроса о создании квалифицированных кадров инженеров и других специалистов неразрешимы и проблемы строительства. Нам придется еще значительное время опираться, или во всяком случае использовать, конечно разумно, старых специалистов. Без них мы пока обойтись никак не можем. Будучи поставленными в эти условия, мы вынуждены форсированным порядком создавать своих специалистов и одновременно системой мер ассимилировать старых спецов, [чтобы они наших красных специалистов натаскивали, учили, без этого, товарищи, наши вновь испеченные ни в коем случае специалистами, способными руководить нашей промышленностью, годными для разрешения тех кардинальнейших огромных задач, которые перед ними встанут, безусловно, не будут], делать их честными сотрудниками пролетариата.

Красные специалисты на первых порах будут нуждаться в помощи старых, в их опыте. Без этой помощи, без увязки работы начинающих наших специалистов с опытными старыми честными спецами нам не обойтись. Тов. Луначарский очень ошибается, утверждая, что только в одном котле, под одним колпаком возможна подготовка необходимых кадров специалистов, которые затем будут обслуживать все разнообразные нужды государственного и хозяйственного строительства. Если идти по этому пути, Анатолий Васильевич, тогда нужно быть последовательным до конца. Предложите ликвидировать все школы, которые не находятся в вашем ведении, в частности школы военного ведомства. Требуйте передачи этих школ Наркомпросу. Вы говорите, что предлагающие резолюцию делают робкий шажок, да еще не в ту сторону, а назад, к старому прошлому, и не делаете анализа этому прошлому. В старое время, как известно, много школ было – министерства финансов, путей сообщения, торговли и промышленности и военного министерства. Причем опыт показал, что это было не так уж плохо. Во всяком случае, военные школы, не попавшие под общий наркомпросовский колпак, развиваются хотя и не блестяще, есть и у нас много недочетов, но они, развиваясь, решают те задачи, которые перед ними государство поставило. Мы в наших военных школах и академиях выработали уже соответствующие командные кадры Красной Армии. Государство имеет красных командиров, надежных, советских и умелых. Вы же забрали или, вернее, унаследовали путейские школы, министерства финансов и другие, а где ваши спецы? Где питомцы этих ВТУЗов? Они или блистательно отсутствуют, или присутствие их совсем не заметно в нашем строительстве.

Луначарский. А вы это изучите и убедитесь, что это не так.

Ворошилов. Я этим вопросом интересовался, Анатолий Васильевич, и утверждаю, что дело обстоит именно так. Во всяком случае, то, что дал стране НКПрос, по-

ка ни в коей мере ни может конкурировать с могучими кадрами комсостава Красной Армии. По этой части военное ведомство имеет неоспоримые достижения. Системой различных мероприятий мы добились того, что командный состав мы имеем свой. Командный состав, который мы получили от царской армии, к настоящему времени если не на 100, то на 99% стал вполне надежным, нашим, мы его ассимилировали, слили с молодыми красными кадрами. У вас этого нет. Анатолий Васильевич говорит, что нужно решать вопрос о подготовке командных кадров для хозяйства не передачей части или всех ВТУЗов ВСНХ, а заставить промышленность заинтересоваться этими вопросами. Пускай она, промышленность, вместе с НКПросом занимается этим делом, готовит себе нужных специалистов. Товарищи, что у нас было на протяжении всей истории нашего существования? Был председателем ВСНХ Алексей Иванович Рыков, неплохой хозяйственник, неплохой большевик и прочее. Затем, после Алексея Ивановича, был тоже неплохой хозяйственник и прекрасный большевик Дзержинский. Теперь в ВСНХ целая плеяда хороших партийцев и неплохих хозяйственников. Почему же на протяжении этих трех «эпох», если так можно выразиться, вы не заставили заинтересоваться этим важнейшим делом наших хозяйственников? Почему столь уважаемые товарищи и ответственнейшие государственные деятели не интересовались, не интересуются и вы выражаете сомнение, что вообще когда-нибудь заинтересуются этим для них важнейшим вопросом? Что, Рыков был плохой хозяйственник? Конечно, нет. Почему же он не увязал хозяйства, промышленности с наркомпросовским ВТУЗом, почему он не организовал подготовку командных кадров для хозяйства? Почему не поставлено дело таким образом, чтобы предприятия и весь промышленный аппарат были бы теми или иными нитями, если не канатами, связаны с высшей школой, призванной снабжать социалистическое строительство строителями-техниками?

Луначарский. Потому, почему только на XV съезде крепко поставили вопрос о культурной революции.

Ворошилов. Почему этим вопросом не занимался (а если занимался, то безуспешно) покойный Феликс Эдмундович Дзержинский? Почему мы теперь наблюдаем то же самое, что было в 1922, 23, 25 и т. д. годах? Почему? Очевидно, дело не в лицах, а в системе, во взаимоотношениях ведомств. И дело, разумеется, тут не только в системе учреждения тов. Луначарского или ВСНХ, а в системе всего госаппарата, во взаимоотношениях, которые мы имеем между различными ведомственными органами и всякими организациями. Одним словом, были какие-то причины, мешавшие и Наркомпросу и ВСНХ добиться разрешения задачи правильной постановки дела выработки и воспитания пролетарских специалистов. Вот почему я нахожу, что нужно передать все ВТУЗы ВСНХ. Но так как эта мысль покажется многим архиеретической, я думаю, можно ограничиться пока передачей ВСНХ 3–5 ВТУЗов. Тов. Луначарский боится эксперимента. Думаю, что это будет не проба, а начало разрешения столь важного, не терпящего отлагательства вопроса.

Скрыпник. Доказать нужно.

Ворошилов. Доказательства сейчас приведу. Здесь говорили относительно военного ведомства, и очень много. Между прочим, здесь говорилось и о том, что военному ведомству легче подготовлять свой командный состав, чем готовить специалистов для промышленности.

Г о л о с. А почему ты свои школы передал?

Ворошилов. Это неверно. (Ш у м в з а л е.) Подождите вы тут шуметь. Неверно то, что нам легче готовить командный состав, чем тов. Луначарскому, вот о чем я говорю, а вы кричите, не разобравши, в чем дело. Нам нелегко готовить командный состав.

Мы готовим красных командиров, как вы знаете, из крестьян или рабочих по преимуществу. Из крестьянина выработать командира нелегко, потому что мы его должны политически обрабатывать столь долго и столь серьезно, что эта задача становится иной раз нам не по силам. Настоящих пролетариев в военные школы мы почти не получаем. Бытовые и прочие условия в Красной Армии таковы, что они ни в какой степени не могут служить приманкой для хороших пролетарских кадров. Партия и профессиональные союзы так мало уделяют этому вопросу внимания, что при комплектовании наших школ сплошь и рядом мы всегда испытываем чрезмерные затруднения. Мы не получаем достаточного количества кандидатов, из которых могли бы выбрать то, что нам нужно. И тем не менее кое-как справляемся с нашей задачей.

У нас, товарищи, в настоящее время около 26 тыс. учащихся. Мы имеем школы, где подготовляем нормального командира, т. е. военного специалиста-командира взвода, командира роты и т. д. Кроме того, мы подготовляем техников разных специальностей – ружейных мастеров, строителей, механиков, мотористов, химиков, путейцев, топографов и т. д.

Скрыпник. Мюр и Мерилиз!

Ворошилов. Мы имеем 6 военных академий, где подготовляем высших специалистов – инженеров различных специальностей: в Военно-технической, Воздушной и Морской академиях, врачей в Военно-медицинской академии, политических работников в Военно-политический академии. [Мы готовим инженеров не плохих, а хороших, лучше, чем ваши инженеры, и вы об этом можете спросить тех, которые ими пользуются, 160 человек выпустили. Мы подготовляем специалистов в нашей воздушной академии, специалистов-инженеров воздушного флота, и вам их никогда не передавали и не собираемся передавать.] И, наконец, мы готовим общевойсковых командиров в Военной академии. Наши специалисты и инженеры, выпущенные из академий, значительно превосходят по своей подготовке окончивших гражданские ВТУЗы.

Что мы передали Наркомпросу из наших ВУЗов и почему? Подготовляя для Красной Армии командный состав, мы все время озабочены тем, чтобы его подготовлять возможно дешевле и рациональнее. У нас было когда-то около 200 школ и курсов со 120 тысячами учащихся. В данное время осталось 68, и учатся в них 26 тысяч. Раньше у нас было две однородных академии – инженерная и артиллерийская. Пришлось их слить в одну, назвав ее Военно-техническая академия. При слиянии некоторые факультеты мы упразднили, передав Наркомпросу подготовку некоторых специалистов, например электриков, которых армии нужно 50–60 человек в год.

Ходоровский. А военных химиков?

Ворошилов. Химическая школа у нас имеется. Командиров-химиков мы готовим. Что же касается инженеров-химиков, то в военное время страна должна давать нам много специалистов этой квалификации, а для мирного времени ежегодно нам нужен какой-нибудь десяток человек. Военно-техническая академия готовит нам эти необходимые для мирного времени кадры инженеров-химиков. Затем мы ликвидировали военно-хозяйственную академию – бывшую Интендантскую. Инженеров этой специальности нам нужно всего 114 человек. У вас в Плехановском институте как раз и готовятся инженеры-технологи, которые нам нужны как приемщики высшей квалификации. Вот и все, что Наркомпрос называет передачей ему военных академий. Вы думаете, что Наркомпрос самостоятельно обучает даже указанные категории спецов? Ничего подобного. При ВТУЗах образованы **наши** военные отделения, числом всего 5, с нашими начальниками, со штатом военных преподавателей, с нашим комплектованием и полным содержанием личного состава слушателей и военных преподавателей. Лишь общие вопросы преподавания лежат на Наркомпросе.

Ходоровский. По общим вопросам.

Ворошилов. Да, по общим вопросам. Мы были бы чудаками, если бы из-за десятка нужных нам специалистов мы держали бы академию для их подготовки. К тому же, должен сообщить, что с текущего года военно-хозяйственное отделение при Плехановском институте решено ликвидировать, и разрабатывается вопрос о передаче электротехнического отделения (из Электротехнического института) в нашу Военно-техническую академию.

Ветеринарные институты есть у Наркомпроса. Мы никогда ветеринарных институтов не имели. Казанский ветеринарный институт снабжал и царскую армию. И теперь Наркомпрос готовит военных ветеринаров по нашей программе, при нашем начальнике, с нашим составом преподавателей по военным вопросам в специальном отделении. После сообщенного вам должно казаться странным утверждение Анатолия Васильевича, что мы, не справившись с подготовкой специалистов, якобы пошли на поклон к Наркомпросу.

Г о л о с. Дайте своего начальника.

Г о л о с. На каких условиях вы заключили договор с ВСНХ?

Ворошилов. Я скажу, почему ВСНХ не может пойти путем, который мы установили с Наркомпросом. Должен засвидетельствовать, что у нас отношения с товарищами Луначарским и Ходоровским по всей линии самые дружеские, хорошие, нормальные, никаких недоразумений не бывает.

Почему же ВСНХ не мог этого сделать? Потому что он хуже нас? Ничего подобного.

Орджоникидзе. Клим, Милютин говорит, что у тебя Красная Армия, конечно, все с тобой будут в дружеских отношениях.

Ворошилов. В настоящее время промышленность нуждается в большом количестве надежных и подготовленных специалистов, а их НКПрос дать не может. Пройдет 5–10 лет, и, возможно, ряд отраслей промышленности будет обеспечен красными спецами. Вот тогда все высшие учебные заведения будут переданы в общий котел тов. Луначарского. Тогда взаимоотношения между ВСНХ и НКП будут нормальные и хорошие, потому что будут договариваться уже равные стороны. А сейчас положение такое, что ВСНХ предъявляет требования НКПросу, который не совсем представляет, чего, собственно, от него хотят, не понимает, какие задачи стоят перед кадрами учащихся, находящихся в стенах его ВТУЗов.

Тов. Луначарский упрекал нас, что мы делаем один «шажок» назад, пытаясь передать пару ВТУЗов ВСНХ. А вот, тов. Луначарский, я вам приведу одну такую справку. В прошлом году, при комплектовании наших нормальных школ, на испытании лиц, окончивших семи- и девятилетку вашей сети, выяснилось, что они не выдержали экзамена по программе даже первой ступени. Из общего числа державших экзамены 28% провалилось в 1926 г., т. е. окончившие девяти- и семилетку не выдерживали испытания по программе старой народной школы. В прошлом году мы подвергли испытанию такое же, примерно, количество, и провалилось уже 36%. Тут уже не шажок, тов. Луначарский, а целый прыжок, и прыжок, как видите, явно назад. И вот, Анатолий Васильевич, если вы на это обстоятельство обратите внимание, вы увидите, что у вас своих хлопот полон рот. Я должен прибавить, что среди этих не выдержавших испытания очень много рабочих, хороших ребят, наших по социальному положению людей. Мы не могли их принять в военные школы, потому что они были совершенно безграмотны. А почему они оказались безграмотны? Потому что Наркомпрос не мог справиться со своей основной задачей. Нельзя охватить одним ведомством разнообразнейшие задачи народного образования и подготовки нужных стране специалистов

без того, чтобы не нанести ущерба той или другой стороне дела или обеим вместе. Поэтому я полагаю, что Наркомпрос сделает хорошее дело, если главное внимание уделит народному просвещению в буквальном смысле слова, передав пока часть своих ВТУЗов ВСНХ. Я убежден, что только ВСНХ, подобно Наркомвоенмору, в состоянии разрешить в ближайшее время задачу создания квалифицированных, верных пролетарскому государству командных кадров промышленности. И только после этого мы вполне будем гарантированы от повторения шахтинских событий.

Председатель. Слово имеет тов. Ярославский.

Ярославский. Я считаю необходимым напомнить, прежде всего, что еще в ноябре 23 года мы отмечали явления, которые мы сейчас наблюдаем в Донбассе. А казалось бы, за пять лет можно было в корне исправить те недостатки, что мы тогда отметили. Тогда в Донбассе был целый ряд стачек. За 9 месяцев 23 года была 121 стачка, с количеством участников около 70 тысяч человек. Конечно, сейчас ничего подобного нет. Конечно, когда сейчас говорят о том, что мы рисуем сплошь мрачную картину, то я думаю, что это происходит оттого, что нашей задачей было отметить то, что надо исправить, поэтому мы отмечали недостатки. Если тогда было чрезвычайно мало рабочих в партийной организации, то сейчас мы имеем парторганизации в несколько раз возросшие, у нас окрепла организация горнорабочих, выросла культработа, имеется целый ряд построенных дворцов культуры (хотя говорят, кстати, что дворцы культуры есть, а культуры в них нет, культпросветработа в них поставлена отвратительно). Конечно, вырос в огромной степени жилищный фонд. Но когда мы подойдем к тому, **как** строятся эти жилища, то мы должны будем признать, что они строятся **так же** отвратительно или, может быть, еще более отвратительно, чем они строились 5 лет тому назад, строятся **без всякого контроля со стороны рабочих**. Если вы посмотрите, как удовлетворяются культурные потребности рабочих, то за 5 лет мы хотя сделали успехи, но, во всяком случае, далеко не такие, которые мы могли бы сделать, если бы этому фронту уделяли достаточное внимание. Я обращаю внимание на то, что мы тогда предупреждали, что, в частности, в Шахтинском районе уделяют недостаточное внимание к тому, что на рудниках налицо чуждые, антисоветские элементы. Мы подчеркивали это тогда. Но не обратили до сих пор достаточного внимания на опасность, о которой мы предупреждали. Но тогда, кажется, тов. Каменев выступил против нашей характеристики положения, говорил, что если верно то, что мы нарисовали, тогда вроде того что у нас советской власти там нет, и старались тогда, я бы сказал прямо, **смазать** этот вопрос.

Мы все очень рады, что **сейчас этого смазывания нет**. Но вместе с тем надо принять все меры к тому, чтобы этого смазывания не получилось через некоторое время, когда острота положения пройдет. У нас часто бывает так: когда трахнут нас по башке, мы начинаем принимать самые решительные резолюции, а пройдет некоторое время, успокоятся, и опять начинаются прежние, осужденные нами методы работы. Тут надо перелом сделать очень большой, выдержать большое сопротивление.

На этом пленуме очень много внимания сосредоточили на том, как нам подготовить новую **смену специалистов**, **как** нам подготовить смену хозяйственников, производственников, которые могли бы руководить производством в Донбассе и во всем СССР. Не кажется ли вам, товарищи, что прения здесь очень сильно перегнуты в сторону того, что главное – это в ВУЗах обеспечить подготовку специалистов. Мы как будто несколько забываем, что главная, основная масса руководящих работников воспитывается непосредственно на производстве. Что получается у нас с производственными совещаниями, призванными помочь выдвижению кадров руководителей, воспитанию их и рационализации нашего производства? Здесь приводили много примеров,

я мог бы их привести десятка два, о которых рассказали сами рабочие, а также и инженеры, о том, как проводятся производственные совещания. Несколько лет мы говорим о том, что надо поставить их на надлежащую высоту, что надо предложения рабочих премировать, а что на самом деле происходит, хотя бы с фондом премирования? Я беру Артемовский район, где я только что был. Фонд премирования по многим предприятиям не выделен совершенно. По 23 наиболее крупным предприятиям из фонда премирования в 56 650 руб. использовано только 5589 руб., т. е. 9%. **По союзу горнорабочих использовано только** 1,86%. Прямо смешно, когда Щербининское рудоуправление из фонда 4800 руб., которые оно имеет специально для этой цели, дает рабочим **40 руб., или 0**,8%. А потом, когда кончается год, смета закрывается, фонд не используется. 1,8% этого фонда используется примерно по Союзу горняков, а в среднем по всем предприятиям около 9%. На Горловке, Лисичанском и Гришинском рудниках имеется в общей сложности 10 тысяч руб. фонда премирования **и не было ни одного случая премирования**. Может быть, рабочие выдвигают предложения, которые нельзя премировать? В этом отношении рабочие рисуют прямо ужасную картину. Когда изобрел Ермилов гидравлический пресс для выжимки смазочного масла, что давало большую экономию, он в 26 году представил этот проект, а **Щербининское рудоуправление потеряло его чертежи**. Мы имеем изобретателя Внукова, который изобрел прибор для выяснения проходок. После того как он очень долгое время добивался узнать, чем его дело кончилось, добивался, чтоб его дело разобрали, его просто уволили, несмотря на протесты рабочих. Конечно, кое-кому кажется неудобно иметь людей, которые требуют, чтобы занимались их изобретением. Но если мы будем так относиться к тому, как рабочие сами стараются поднять свою квалификацию, стараются улучшить производство, рационализировать его, улучшить, тогда никакие красные спецы нам не помогут и никакие ВТУзы. То же самое в отношении выдвижения беспартийных на такие технические должности, где они по своему опыту могли бы это выполнить. Тут тов. Шварц говорил, и за этот аргумент все спецы-горняки хватаются, что горное дело – это не наука, а искусство; но если это искусство, то у рабочих, которые работают 20–30 лет, не меньше его, этого искусства, чем у любого техника, который приходит только что из какого-нибудь ВТУза. Не меньше. В этом отношении существует более чем холодное, прохладное отношение к рабочим, которые выдвигаются. Даже рабочие, которые кончают горные техникумы, не используются, к ним отношение сплошь и рядом самое отвратительное. Мне говорил Пасечник, руководитель Лисичанского техникума, на собрании следующее: «Был случай в нашем районе такого рода. Рабочий забойщик Лисичанского района окончил Лисичанский горный техникум. Он пришел в рудоуправление к инженеру и говорит: я окончил техникум и желаю стажироваться. Инженер спрашивает: откуда ты? Тот отвечает: я лисичанский забойщик. Нам таких лисичанских забойщиков не надо! Вот как ответил инженер».

Так вот, если такой подход будет к оканчивающим техникумы рабочим: «Ты нам не нужен, а нам нужен такой, который кончил когда-то какое-нибудь реальное училище, нужен такой, которого инженер знает как «своего», – то опять-таки вы будете посылать отсюда молодых специалистов, а они будут наталкиваться там на стенку, которую им придется прошибить. Тот же тов. Пасечник говорил на собрании: «С рабочими, окончившими техникум, которые едут в центральный Донбасс, разговаривать не хотят. Директора-коммунисты прежде всего идут совещаться с главным инженером, можно ли принять такого-то или нет». Здесь надо самым резким образом изменить положение.

То же самое я хотел бы сказать относительно экзаменационной системы. Нам рабочие неоднократно жаловались на то, что они приезжали сюда с командировками, а

в центре экзаменационная комиссия так смотрит на дело, что, если он на какой-нибудь вопрос не ответит, а сын попа, который никогда в свое время не был забойщиком, ответит на вопрос, принимают поповича, а его, забойщика, не принимают, ему говорят: приезжай через год, и он едет обратно на рудники. Следовательно, надо обеспечить во всех наших экзаменационных комиссиях такой порядок и такой состав, чтобы рабочий, который имеет достаточно большой производственный стаж, даже в том случае, если он не обладает книжными знаниями, какими обладает сын попа, чтобы он поступил и чтобы можно было помочь. Вот почему, когда у нас сейчас поговаривают иногда о том, что надо рабфаки уничтожить, мы должны самым решительным образом подчеркнуть, что рабфаки, дающие возможность подготовиться рабочему, не могут быть уничтожены и их надо поддержать еще на довольно значительное время.

Тов. Сталин здесь поставил во всю широту вопрос относительно критики и самокритики. Надо с полной серьезностью отнестись к тому, какие мы трудности здесь встретим, критика и самокритика понимаются очень условно, я бы сказал **уродливо** в целом ряде организаций. Когда в Славянском районе тов. Мышкин, инструктор ЦК, выступал с докладом, ему был задан вопрос: «**Можно ли нам в своем выступлении касаться отдельных членов партии и критиковать хозяйственников**, которые здесь находятся?» Видите, там, где была установлена диктатура хозяйственника, это еще вопрос, можно ли критиковать хозяйственников. Были случаи, когда из-за нетерпимого отношения к критике, из-за «зажима» старым рабочим приходится сдавать партийные билеты. В Шахтинском районе ведь вышло за последнее время из партии несколько сот рабочих – больше, чем было принято. Я привел в своем докладе ряд примеров такого зажима и нетерпимого отношения, я мог бы эти примеры увеличить. Если мы не возьмем решительный курс на крутой перелом в этом отношении, если мы будем наказывать тех, кто будет еще практиковать зажим, то мы ничего не сделаем. Мы должны иметь в виду, что, может быть, все-таки в некоторых районах нам придется под этим углом зрения руководство заменить.

Ведь вы поймите, какое положение было, ну хотя бы на Константиновском заводе. Во главе стоял Бондаренко, тот самый Бондаренко, который здесь пускал пыль в глаза о «достижениях» на Константиновском бутылочном заводе, бесстыдно врал перед съездом о тех «достижениях», которые там будто бы имеются. И вот этот товарищ, он как руководит? Он – член бюро райкома, но в то же время он хозяин этого района. Он так и говорит товарищу по партии: я хозяин, а ты – батрак. Он диктует циркуляры по всем партячейкам, он, хозяйственник, диктует циркуляр по всем профколлективам. Он заменяет все. Тов. Томский в 1923 г. говорил о Шахтинском районе, что это есть плохонький политотдел при хозяйственнике. Это он говорил про партийную организацию. К сожалению, кое-где партийные организации, видимо, сохраняют такое положение политотдела при хозяйственнике.

По целому ряду районов имеется сейчас неблагополучие в партийных организациях. Мы должны были очень резкие и крутые меры провести в Артемовском районе, в Сталинском районе Донбасса, у нас имелись еще недавно очень неблагополучные явления с советским аппаратом в Криворожском округе. Только что мы на пленуме ЦКК разбирали дело Сочинского района, недавно было ряжское дело, потом Нерехтский уезд Костромской губернии[126]. Вот это все точащие, гнойные язвы, которые надо лечить, и когда здесь товарищи выходят на трибуну и говорят: хорошо, что у нас этого нет, у нас нет шахтинской истории, – товарищи, не надо успокаиваться, надо самым внимательным образом посмотреть, а нет ли в самом деле у нас чего-нибудь этакого под боком, а мы не замечаем. Конечно, когда сейчас все безобразия, которые совершались в Артемовском районе, связываются с именем Сергея Артемова[127], называют «ар-

темовщиной», я хотел бы просить товарищей, нельзя ли все-таки не связывать этой гнойной истории с именем Артемова, нельзя ли связать это с другим именем, потому что, в конце концов, Артемовская организация, она в целом, в массе своей здоровая организация, так же как и организация всего Донбасса, если взять массу рабочих.

Заканчивая, я хотел бы несколько предостеречь от возможных перегибов в таком вопросе, как разгрузка хозяйственников от партийных обязанностей. Вот тов. Андреев подчеркивал, что мы должны раскрепостить хозяйственников, должны считать их основную хозяйственную работу партийной работой, партийной нагрузкой. Это в основном правильно. Это есть работа, на которую его поставила партия, и это его **основная партийная работа**. Но, товарищи, ведь здесь сейчас возможно такое толкование: военная работа – это партийная работа, учеба – это партийная работа, хозяйственная работа – это партийная работа и т. д. Ну, а **массовую работу, работу среди рабочих**, массовую работу по воспитанию ленинского и октябрьского набора будут вести платные лектора и платные пропагандисты?

Я хотел предостеречь против такого толкования, когда мы хозяйственника, т. е. одного из наиболее культурных и политически воспитанных работников, освободим совершенно от всяких других обязанностей, кроме непосредственно связанных с ведением хозяйства. Здесь мы наткнемся на такое толкование, которое может привести к тому, что хозяйственник совершенно оторвется от партийных собраний, совершенно оторвется от производственных совещаний и т. д. Из него будет хороший специалист, может быть, это нужно, но он, в конце концов, так далеко оторвется от линии партии, от партийных интересов, которые не входят в эту узкую производственную область, что, пожалуй, мы тут можем кое-какой урон потерпеть. Против этого я и считаю необходимым предостеречь.

Председатель. Товарищи, подано письменное предложение о том, чтобы из всего списка ораторов, а там записано несколько десятков человек, дать еще слово Покровскому, Орджоникидзе, Надежде Константиновне Крупской и на этом прения закончить.

Г о л о с а. Правильно.

Председатель. Голосую, кто за это предложение? Принято. Тов. Покровский имеет слово.

Г о л о с а. Перерыв! Лучше перед заключительным словом.

Рыков. Мне для заключительного слова потребуется очень немного времени, так что четырех ораторов можно выслушать.

Объявляется перерыв.

(П о с л е п е р е р ы в а.)

Председатель. Тов. Покровский, следующий Орджоникидзе.

Покровский. Товарищи, мы здесь слышали много хороших общих рассуждений в пользу передачи части технических ВУЗов ВСНХ. Мне думается, что пленум к этому вопросу должен подойти конкретно, как нас учил Ленин ко всем вопросам подходить конкретно, что одних общих рассуждений тут слишком мало, тем более что, как я постараюсь показать, эти общие рассуждения основаны в некоторой части на не совсем ясном и точном представлении о фактах. Я поэтому, повторяю еще раз, общих рассуждений здесь воспроизводить не буду, и товарищи, которые думают, что я буду защищать целостность системы просвещения и проч. принципиальные вещи, очень ошибутся и разочаруются, не знаю, в хорошую или в плохую сторону.

Я думаю только остановиться на некоторых практических вопросах, которые мне по роду моей работы очень близко и хорошо известны и о которых здесь, к сожале-

нию, ничего не говорили. Прежде всего, я не слыхал ничего о том, какой человеческой силой предполагают провести ту реформу, которую предлагают пленуму. Сейчас есть один центр технического образования – Главпрофобр. Но, хотя этого прямо никто не говорил, как будто подразумевается и намеки были довольно ясные, что руководство этим центром со стороны наших партийных сил недостаточно. На один центр этих сил не хватает. И вот мне говорят: так как не хватает сил на один центр, то давайте устроим два центра. Товарищи, это же попытка опровергнуть знаменитую теорему элементарной математики, что часть всегда меньше целого. Тут пытаются доказать, что часть может быть больше целого. Вот есть единица, она недостаточна, разобьем пополам – будет больше единицы. Как это будет, я не понимаю.

Тут тов. Куйбышев очень хорошо и очень много говорил о комиссарах плохого типа и объяснял, откуда получаются комиссары плохого типа. Ставят человека, не понимающего сути производства, к производству. Он, конечно, руководить производством не может и занимается игрой в бюрократические бирюльки. Верно, очень верно, но позвольте спросить, разве то, что верно по отношению к заводу, к шахте, неверно по отношению к ВУЗу? Разве может руководить ВУЗом человек, не будучи теоретически подготовленным к этому? Разве можно импонировать профессорам ВУЗов, стоя гораздо ниже их в смысле подготовки? Разве возможна такая вещь? Почему мы во главе Красной Армии (я буду о ней особо говорить) ставим испытаннейших наших вождей, выдвинувшихся в гражданскую войну, а вот академического человека, меня, никто не поставит во главе Красной Армии? Почему? Потому что на меня военные специалисты и герои гражданской войны будут смотреть сверху вниз, и совершенно правильно. Пришел какой-то штафирка, который на войне не был, в огне не был, теоретической подготовки не имеет, и начинает командовать. Они будут вполне правы. Если мы представим себе, что те люди, которые теоретически стоят не на высоте, будут стоять во главе ВУЗов, этим мы создадим именно комиссаров плохого типа. Фактически, хозяевами в этих ВУЗах, во всей этой системе будут старые профессора, люди, которые дело знают и стоят на надлежащей теоретической высоте, а на какой высоте стоят в политическом отношении – вы сами судите. А теперь я скажу как раз по своему положению не в Наркомпросе, а вне Наркомпроса, что я знаю, как обстоит дело с нашими партийными теоретическими силами, потому что я имею честь принадлежать к комиссии, которая как раз создана для того, чтобы регулировать работу наших исследовательских учреждений на предмет рационального использования наших партийных научных сил. И я знаю, что, извините за выражение, этих сил у нас кот наплакал, и только при крайней экономии мы эти силы могли бы использовать и из этих сил создать более или менее почтенных размеров ударный кулак.

Возьмем экономику, т. е. такую область, где мы наготовили специалистов больше, чем где бы то ни было в другой области. Сейчас огромный спрос на экономистов-теоретиков во всех наркоматах. И что получается? Чтобы снабдить надлежащим теоретическим руководством колхозный отдел Наркомзема, нам приходится закрывать один из семинариев Института красной профессуры, урезывать это необходимейшее для нас учреждение для того, чтобы получить соответствующих специалистов в Наркомземе. Для того чтобы поставить плановую работу одного из наркоматов, у нас снимают ученого секретаря экономической секции Коммунистической Академии, центральной секции Академии. Мы должны если не закрывать, то, во всяком случае, свертывать эту секцию. Вот какая картина. Это картина форменного Тришкиного кафтана, мы отрезаем полу для того, чтобы зашить дыру в рукавах. И это в области экономики, где у нас есть силы сравнительно большие.

А чтобы большие силы были у нас в области техники и точных наук, на которых стоят ВТУЗы, этого я не думаю, тут этих сил еще меньше. А между тем никто ни слова не сказал, какой же человеческий материал предполагается привлечь к этому делу. Между прочим, говорят, это как-то образуется. Товарищи, так нельзя, это чисто конкретный вопрос распределения сил. В той комиссии, о которой я говорил, мы изо всех сил бьемся, чтобы упростить систему, устранить параллелизм, потому что мы провалимся без этого. Мы создаем научно-исследовательские институты, где якобы есть коммунистическое руководство, а на самом деле там нет никакого руководства, потому что там сидят полтора коммуниста, которые по своему научному уровню ниже тех спецов, которые управляют институтом. А нам предлагают дробить эти силы дальше. Я прошу дать мне как члену и председателю этой комиссии директиву, что мне делать, потому что мы ведем линию на объединение, а тут нам предлагают не объединяться, а разбрасываться. Или же, повторяю, мы будем сажать людей, которые теоретически не подготовлены, которые профессуре импонировать не могут, которых профессура, с позволения сказать, может водить за нос, и мы получим комиссара плохого типа. Вот вам первое практическое затруднение.

Другое практическое затруднение, товарищи. Тут два термина употребляются, которые, так сказать, взаимно запутывают положение. С одной стороны, в резолюции говорится (сколько я помню) предрешить передачу **ВСНХ** тех или других ВТУЗов, а здесь говорят все время о необходимости, чтобы **промышленность** себе готовила свой состав. Но, дорогие товарищи, к сожалению, промышленность и ВСНХ – это не есть две величины, которые совершенно покрывают друг друга. Позвольте вам привести перечень наших ВТУЗов, наиболее крупных, и кого они обслуживают. Вот вам Ленинградский политехникум. Там есть кораблестроительное отделение, кораблестроительный факультет, который обслуживает, конечно, НКПС.

Г о л о с. У нас находится судостроение в ВСНХ.

Покровский. Допустим, что в ВСНХ. Следующий факультет уже совершенно бесспорен – индустриально-земледельческий, он, конечно, обслуживает Наркомзем. Затем Московское высшее техническое училище, там есть инженерно-строительный факультет, который обслуживает коммунальное хозяйство, все городское строительство, обслуживает также отчасти НКПС – он, во всяком случае, обслуживает не только ВСНХ. Там есть электротехнический факультет, который обслуживает наполовину всеми слабыми токами Наркомпочтель и отчасти тот же НКПС, сигнализация и т. д., а по линии сильных токов обслуживает коммунальное хозяйство – там есть трамвай. Ну, трамвай это мелочь, вы скажете, промышленность не в этом. Вот вам другая картина. Возьмите вы Плехановский институт, там мы имеем экономический факультет, который, главным образом, обслуживает Наркомторг и кооперацию, а не ВСНХ.

Г о л о с. Неверно.

Покровский. Возьмите вы лесоустроительный факультет Уральского политехникума, вы увидите, что он обслуживает Наркомзем.

Так что вам для того, чтобы уложить в ведомственные рамки ВСНХ все эти учебные заведения, вам придется их перекроить, т. е. произвести очень сложную операцию над ними. Тут приводили против Наркомпроса аргумент: почему это Наркомпрос готовит и юристов, и историков, и инженеров и т. д. Тут будут говорить то же самое: почему для Наркомпочтеля, для НКПС и для Наркомзема будет готовить ВСНХ? Причем я должен сказать, что мы привыкли к тому, что мы Мюр и Мерилиз или ГУМ. Мы держим у себя все отделы в порядке. Я очень сомневаюсь, чтобы ВСНХ сразу отрешился от ведомственности в этом отношении. И я очень боюсь, что с передачей в ВСНХ ВТУЗов те факультеты, которые обслуживают ВСНХ, будут любимчиками, на

них будет сыпаться всякая благостыня, а другие факультеты будут в забросе. И в результате получится то, что из вопроса казалось бы мелкого – переброски двух-трех ВУЗов в ВСНХ – получится растаскивание этих учреждений по наркоматам. Ведь мы же создавали с большим трудом эту систему, а вы это хотите одним махом разрушить. Вот вам другая, чисто конкретная трудность, которая стоит на этом пути.

Теперь я хочу перейти дальше к самой аргументации. Да извинят меня соответствующие ораторы, в этой аргументации есть очень большие изъяны. Некоторые указывают, что вот, мол, военное ведомство и партия поставили дело хорошо, потому что их ВУЗы находятся в их ведомстве. В отношении военного ведомства это по большей части верно, но относительно партии я только сейчас услыхал, что партия в ведомственном порядке управляет Институтом красной профессуры, потому что мне как ректору приходится иметь дело со многими учреждениями, и с НКФином, и с финансовым отделом ЦИКа, и с ученым комитетом ЦИКа, и с РКИ, которая сделала мне недавно нечто вроде выговора за строительство.

Ворошилов. С РКИ, к «сожалению», нам всем приходится иметь дело, это «зло» общее, Михаил Николаевич.

Покровский. Я скорее считаю это благом, чем злом. Но дело в том, что с партией мы имеем дело только по линии методической или идеологической. В вопросах идеологии тут партия полный хозяин. Но позвольте сказать, разве ВСНХ не имеет аналогичных прав у нас во ВТУЗах? Позвольте привести отрывок из декрета, изданного еще в мае 1920 г.

Г о л о с. При Ильиче.

Покровский. Да, при Ильиче, этот декрет проредактирован Ильичом. «Преподавание должно вестись на основе практического изучения производственных процессов и организации производства на государственных предприятиях. Планы работы студентов на этих предприятиях устанавливаются высшими техническими учебными заведениями по соглашению с соответствующими хозяйственными органами»[128]. План работы устанавливается по согласованию с хозяйственными учреждениями. И сейчас в области методики учебных планов и т. д. ВСНХ имеет все права. К сожалению, он их не реализует или реализует очень слабо, чисто формально. Но никто не мешает ВСНХ это реально использовать, войти к нам с соответствующими силами, принять участие в проработке и т. д. И сейчас все это имеется, так что та линия, по которой партия управляет всеми своими ВУЗами, она вполне может быть осуществлена и другими учреждениями, без перевода учебного заведения в какое-либо ведомство. Так что единственный аргумент, который остается достаточно убедительным, – это вопрос с военным ведомством, но тут тов. Ворошилов дал очень хороший аргумент против себя. Он говорит: а ваши школы 2-й ступени дают совершенно негодный материал, 28% проваливаются.

Ворошилов. 36% в 1927 году провалилось.

Покровский. Ну прекрасно, 36% – это еще лучше. Это сказано, конечно, для того, чтобы ущипнуть НКПрос. Недурно. Но в общей-то системе это что значит? Это значит, что ВСНХ нам заявит, как только у него будет заминка, а заминка у него будет: знаете, что дают нам школы 2-й ступени? И вывод. Давайте школы второй ступени передадим в ВСНХ (с м е х). А затем, когда школы второй ступени будут переданы и окажется, что негодный материал дают школы первой ступени, тогда школы первой ступени также придется передать в ВСНХ. Товарищи, вы напрасно думаете, что это утверждение – беллетристический пример. Люди, которые шли по пути, указанному тов. Ворошиловым, в старое время, потому что это система старых ведомственных учебных заведений, имели последовательность: при Николае I в Морской кадетский

корпус принимали пяти лет, и при этих будущих моряках на первое время состояли не воспитатели, не учителя, а просто няньки, которые носы утирали (с м е х).

Ворошилов. У нас и сейчас есть две такие школы: воспитанники сами следят за носами.

Покровский. Так что, последовательно рассуждая, мы можем дойти до того, что даже ясли ведомственные учредить (с м е х), и это вещь возможная.

Таким образом, товарищи, как вы видите, эти ссылки на ведомственные учебные заведения не без большой натяжки, не без больших недоразумений в чисто фактической области. В руководстве учебным делом в наших ВТУЗах мы никогда не отказывали ВСНХ и никогда не откажем, а если откажем, то ВСНХ, опираясь на этот закон, имеет право пойти куда следует и призвать нас к порядку. Я думаю, что Анатолий Васильевич со мной не разойдется.

Луначарский. Совершенно правильно.

Покровский. В этой области он может быть удовлетворен без всякой передачи, а передача, как я указывал, не может совершиться без самой серьезной ломки не только в системе наших ВТУЗов, но и в системе каждого отдельного ВТУЗа. Не уложите вы этого никогда в ведомственные рамки. Нам говорят, что это опыт или шажок. Шажки бывают разные. Я недавно, спускаясь по лестнице ЦК, освещаемой режимом экономии, сделал шажок и потом пролежал три дня в постели. (С м е х.) Я считал (как считают авторы предлагаемого нам проекта), что мне стоит только ступить ногой – и я на площадке. Я так и сделал, но там оказалось еще три ступеньки. Если мы сделаем такой шажок, то как бы не получилось, как это было со мной. При этом тут указывают, что результаты этого шага будут настоящим образом выявлены только через 6 лет.

Г о л о с. Семь.

Покровский. Четыре года нужно для того, чтобы студенты, набранные по новым правилам, прошли курс, и два года нужны для практики. А вот, товарищи мне подсказывают, что, пожалуй, нужно не 6, а 7 лет. Вот вы произведете опыт, а через 7 лет окажется, что этот шажок будет так же удачен, как мой шажок на лестнице ЦК. Я не хочу стоять на ведомственной позиции, чтобы все оставить за Наркомпросом, мы не настаиваем, чтобы вопрос был решен в этом смысле сейчас же. Мы только говорим: бей, но выслушай! А выслушать вы нас не можете в этих четвертьчасовых речах, создайте комиссию, которая, во-первых, обследует, какую продукцию дает Главпрофобр и его ВТУЗы, и этой комиссии или др. комиссии, в порядке объединения, упрощения, устранения параллелизма лучше этой же, поручите разработать вопрос о том, что конкретно делать с высшим техническим образованием. Может быть, вы решите, что ни одного учебного заведения не нужно оставлять в Главпрофобре, все от нас отнимете, но это будет другой разговор, когда это будет в результате всестороннего обсуждения вопроса, а не в таком порядке обсуждения, как сейчас. (З в о н о к п р е д с е д а т е л я.)

Искусственный глаз уже моргает, так что я кончаю. (С м е х.)

Председатель. Слово имеет тов. Серго.

Орджоникидзе. Я лишен возможности сейчас отвечать здесь товарищам, которые жалуются на выговоры и т. п., вынесенные им ЦКК – РКИ. Это и не требуется сегодня, хотя я не скрою, что очень мало приятного выслушивать с этой трибуны от тов. Покровского упреки в том, что ему вынесли выговор [за то, что он прекрасный ученый, величайший историк и все прочее, а хозяйство Академии не умеет вести. Чем же я виноват? Ей богу, я не виноват, но не об этом мы будем говорить]. Я не буду отвечать также тов. Луначарскому, который с чертями и дьяволами закончил по нашему адресу. Пускай будет так. Ильич требовал со стороны ЦКК – РКИ вести работу невзирая на лица. Мы по мере возможности это выполняем. [Если плохо, надо поправить.

Я тов. Луначарского просил бы выйти и сказать, если наши решения, которые были приняты по отношению к нему, неправильны, пусть он об этом заявит.

Луначарский. Нет, нет, много довольны! (С м е х.)

Орджоникидзе. Очень довольны или нет, но, во всяком случае, это не моя вина. И, я думаю, тов. Луначарский не хочет иметь предметом обсуждения на пленуме те вопросы, которыми он очень недоволен.

Луначарский. Правильно.]

Орджоникидзе. Обсуждаемый вопрос имеет громадное значение. Наши хозяйственники поступили не так, как это им надо было. Вместо того чтобы воспользоваться большим днем промышленности и выдвинуть перед партией все те основные вопросы, без разрешения которых трудно будет работать хозяйственникам, одновременно не замазывая свои недостатки, они приняли позу самозащиты, как будто кто-нибудь их обвиняет, как будто кто-нибудь говорил, что все ни к черту не годится, что никаких успехов нет и во всем виноваты только одни хозяйственники. Извините, дорогие товарищи, если вы такого мнения о себе, что все плюсы и минусы от вас только зависят, то вы глубоко ошибаетесь. Никто не говорил, что все ни к черту не годится, что мы не продвинулись вперед, не об этом речь шла. А речь идет о том, как нам в связи с шахтинским делом вести дальше нашу работу, чтобы мы не были в плену у наших буржуазных спецов. Как нам поставить работу наших красных директоров, чтобы они на самом деле управляли порученным им предприятием, а не штемпелевали то, что им преподносят. На это ответа нет. Неважную услугу оказал тов. Косиор своими статьями в «Правде»[129]. Тов. Косиор, между прочим, никак не может забыть, что он давно уже не директор завода или треста, а заместитель председателя ВСНХ. Он все время жалуется, что того-то нет, то-то плохо и т. д. А как все это исправить, тов. Косиор, об этом надо говорить. Он думает, что он до сих пор продолжает сидеть в Грозном или Харькове. Между прочим, такое положение гораздо выгоднее. [Я тоже, когда сидел в Тифлисе, разносил всех и вся, а когда приехал сюда, оказывается, покажи, как надо исправлять.

Ворошилов. Теперь стал разносить еще гораздо больше.]

Орджоникидзе. Мы сегодня выпустили книжку «Дефекты капитального строительства»[130]. Нами она не сочинена, эти дефекты, которые здесь написаны, имеются в жизни, и думаю, что мы правильно поступаем, когда кричим об этом, чем если бы мы их замазывали, ибо, если бы мы стали исправлять их через три года, было бы страшно поздно, тогда уже не исправишь. А сотни миллионов идут на это дело. Можно ли относиться к этому спокойно? Конечно, нет. Неправы товарищи, которые боятся такой критики, какая у нас теперь. Они утверждают, что у нас идет бесшабашная критика, что наши газеты заполнены только одной критикой и т. д. По-моему, это происходит оттого, что мы вообще отучились от всякой критики. И вот теперь, когда кого-нибудь чуточку тронешь, уже начинается вой о подрыве основ и т. д. Нет, товарищи, самокритика только начинается, и начинается с большой оглядкой, так что в этом направлении опасность нам не грозит. Возьмем такой пример: совсем недавно в Твери только за то, что тов. Кондратьев, недурной хозяйственник, выступил против секретаря и председателя губернского КК, его распяли прямо на кресте, и мы вынуждены были здесь взгреть и секретаря, и председателя губернского КК, последнего мы сняли. Вот вам и самокритика. Когда я спрашивал председателя губернского КК, за что вы тов. Кондратьева распяли, он мне ответил, что тов. Кондратьев критикует руководство. Какое руководство? Если тебя, председателя губернского КК, критикнули, надо, значит, за это распять? Вчера тов. Сталин передавал мне, со слов Молотова, что в Сталине инженера-партийца гоняли за то, что он нарзан выпивает. Наша окружная

КК совсем загоняла этого несчастного инженера-коммуниста. Говорят, что он хороший работник, но почему-то его невзлюбили, хотят выжить, но не находят причин.

Г о л о с (со скамеек украинской делегации). Это не так.

Орджоникидзе. Я там не был, я передаю это со слов тов. Сталина, которому передал об этом случае тов. Молотов. Когда не находят причин, тогда начинают заглядывать в его тарелку, что он ест, начинают заглядывать в бутылку, что он пьет. Выясняется, что он пьет нарзан, а раз так, то это, несомненно, контрреволюция. У нас, когда на заводе рабочие выступают, то они начинают с того, что я, несмотря на то, что, может быть, за это окажусь за воротами завода, все-таки скажу правду. Как вы думаете, это говорит о большой самокритике? Недавно я был на заводе «Каучук». Прекрасные рабочие, прекрасное настроение. Целых 12 человек выступали, самым решительным образом вытаскивали все наши недостатки. Ни один из них не ставил вопроса о заработной плате, ни один из них не ставил вопроса о том, что мыла нет, что масла не хватает. Ни один не поставил личного характера вопроса. Но каждый из них, выступая, говорил: а мы все-таки побаиваемся. Мы пока еще часто маленькими недостаточками занимаемся, маленькие недостаточки критикуем. [И на этом выезжаем, а то, что побольше, этого мы не трогаем. В газету пошлешь, десятки раз надо напоминать, чтоб напечатали, потому что после – покоя не дают. Так что говорить об этом не приходится. Выступает Косиор, и в своем выступлении он все дело свел и относительно работы со спецами, и относительно того, как сделать наших директоров настоящими хозяевами заводов, чтобы они, несчастные, знали, что у них делается, а не подмахивались просто под бумажками, – все эти большие вопросы он свел к тому, что, мол, обследования покоя не дают.]

Тов. Косиор И. разразился в своей статье и в своей речи здесь о тех бесчисленных обследованиях, которые не дают покоя нашим хозяйственникам. Я целиком согласен с тов. Косиором, что те обследования, которые проводятся, подчас представляют собой сплошное безобразие, в том числе иногда и те обследования, которые проводятся РКИ. Я на пленуме ЦКК говорил, что обследования, которые мы делаем, очень часто никуда не годятся. Когда дело уже испорчено, тогда мы начинаем обследование и размазывание. А вот чтобы предупредить это вовремя, вовремя поднять вой – это мы не всегда умеем. По тов. Косиору выходит, что в многочисленных обследованиях целиком и полностью повинна РКИ. Так ли это? Возьмем тот пример, который здесь привел тов. Бубнов. Из обследований Химугля только 4 раза ревизовала РКИ, а 130 раз ВСНХ. Неужели за это надо ругать нас, а не себя, тов. Косиор? Он мне только что говорил, что в Баку 6 месяцев сидят и ревизуют, – безобразие, недопустимо. Здесь сидит председатель Азнефти тов. Баринов, он дал такую справку: да, с октября месяца ревизуют, ревизуют 6 месяцев, но кто? Органы ВСНХ, а мы за полтора года единственный раз и по постановлению Политбюро отправили туда нашу комиссию, которая там пробыла около 24 дней, а все остальные 5 месяцев 8 дней ревизует Косиор (с м е х). Чем же мы виноваты?

Косиор Ст. Какой Косиор? (С м е х.)

Орджоникидзе. Иосиф. Эти обследования надо довести до минимума, но от контроля не нужно пытаться освободиться.

Вот тов. Косиор привел в своей статье относительно Югостали, что там покоя не дают. По-моему, лучше было об этом не говорить, но раз ты привел, я позволю разъяснить, в чем тут дело. Югосталь выписала импортного оборудования на десятки миллионов рублей, привезли его, а теперь валяется оно там, и неизвестно, когда будет пущено в ход. Как вы думаете, откуда мы это узнали? Украинское РКИ это прозевала, как и мы. ВСНХ? Нет. Наркомторг? Нет. Из Чехословакии сообщили – монтер, кото-

рый был чехословацкой фирмой прислан для установки оборудования, он написал в Чехословакию, что оборудование, которое большевики закупили у нас, валяется здесь и ничего с ним не делают. Тот сообщил в торгпредство, торгпредство – Микояну. Микоян получает это и ведет переписку с ВСНХ, который долго не соглашается на совместную проверку, а когда, наконец, согласились и проверили, оказалось, что сообщение монтера правильно. Политбюро приказало нам расследовать это дело, причем оказалось, что на 20 млн. руб. оборудования валяется. Кто распоряжался этим оборудованием? Не тов. Косиор, а Свицын, тот самый, который сидит в тюрьме и который, по заявлению ГПУ, получал доллары от польского правительства, а по заявлению Молотова, этот Свицын имеет привычку сам все делать, а коммунистов держать у себя как хвост кометы, выражаясь словами тов. Томского. Я, товарищи, прямо говорю, из того опыта, который у меня накопился за полтора года «ревизорской» работы, в высшей степени неблагодарной работы, неприятной работы, что контроль у нас недостаточен и его надо поставить на должную высоту. Надо так поставить это дело, чтобы нам не приходилось узнавать то, что делается у нас дома, из Чехословакии. ЦК отшлепал нас публично за шахтинское дело и был абсолютно прав. Как слепые щенята вертелись около Шахт и не заметили, что там делается. Так нельзя продолжать.

Говорят о том, что в год раз производить обследование. Но если в половине года сообщат из Чехословакии, что оборудование валяется, что же мы должны – ждать 6 месяцев? Извините, проверим тотчас же, если это окажется необходимым.

Межлаук. Не только чехов, и нас слушайте, мы полгода об этом говорим.

Орджоникидзе. Во всяком случае, тов. Межлаук, я не знаю ни одного случая, когда бы вы заявили: проверьте, в таком-то месте плохо обстоит дело с использованием заграничного оборудования. А чехи заявили нам об этом. Что же делать? Что же ты будешь оспаривать, если на то пошло дело, когда в прошлом году весной было указано на то, что капитальное строительство у нас идет из рук вон плохо, и когда с докладом об этом мы вошли в СТО и Политбюро, никто иной, как тов. Межлаук поднял буквально [всех спецов против нас в газетах и поехал в Ленинград в Гипромез – вот РКИ так и так, и выступал за постановления всех этих специалистов. Нечего, по-моему, об этом говорить.

Межлаук. Неверно, никогда я специалистов против партии не поднимал] все, чтобы доказать, что все обстоит благополучно. Ты никогда не будешь отрицать того, что на второй день после появления статьи Гвахария относительно недочетов нашего капитального строительства ты выступил с заявлением в печати, что вот в Гипромезе у тебя сидят такие-то спецы, у них производственный стаж столько-то лет, столько-то профессоров, и этим профессорским стажем хотел заглушить нас.

Вот тов. Сухомлин на пленуме ВСНХ Украины жалуется, что отчетность душит их. Много требуют, это верно, тов. Сухомлин, но кто же требует, вы же сами требуете и сами жалуетесь (с м е х). Вы же сами, больше никто.

Сухомлин. Нет, неправильно. Создают бесчисленные, часто ненужные требования, предъявляемые ВСНХ.

Орджоникидзе. Когда мы в прошлом году немножко поднажали и чуть-чуть подсократили эту отчетность, то теперь, как только в СТО или Совнаркоме нужны какие-нибудь сведения, а у ВСНХ их нет, то сейчас же по нашему адресу заявляют: РКИ-де отчетность сократила, теперь поэтому ничего не можем давать (с м е х).

А вот посмотрите, что пишет один инженер-контрреволюционер, арестованный в Тифлисе, связанный с шахтинским делом: «Не было с нашей стороны предпринято никаких серьезных и продуманных работ в сторону освобождения техников от бумажной волокиты, что вредило прямому их назначению, т. е. правильной производствен-

ной работе и правильному составлению заказов на нужные материалы. Вот это последнее, собственно говоря, и есть та нить, по которой передается от неуловимой злой воли то, что теперь названо плановым вредительством. По ней в числе нужных бумаг проходит много ненужных, которые создают техникам периферии целый круговорот, где они вольно или невольно превращаются в участников вредительства. Будучи занятыми этими бумагами, нужными какому-нибудь столоначальнику, спецу центра, сидящему с видом творящего важное дело, местные техники отрываются от основного производства и тем приносят вред, одни с радостью, другие – невольно, ибо и они туда же втянуты».

Они великолепно нас опутали этими бумагами, и теперь каждое прикосновение к этой бумаге кое-кто считает чуть ли не преступлением.

Я думал, товарищи, что надо бы нашим хозяйственникам, которых никто не обвиняет в том, что они в чем-либо виноваты (в Шахтах имеются контрреволюционеры вроде Березовского какого-то, что же – Рухимович в этом виноват, или Пятаков, или Ломов виноват? Чепуха. У нас контрреволюционеры имеются и в Шахтах, и в Москве, и в Ленинграде, и в Сибири, и на Урале), подумать над тем, каким образом все-таки эта сволочь в продолжение нескольких лет у нас хозяйничала и мы могли не заметить этого.

Тут я должен, товарищи, сказать, что больше надо не хозяйственников винить, а самих себя. Тов. Угланов и другие говорили о том, в какие условия мы ставим наших хозяйственников. Как только человек стал хозяйственником, так и знай, что тебя перестают считать настоящим партийцем. Больше того, у нас до сих пор о советской работе такое представление, будто она недостойна настоящего члена партии, и когда того или другого товарища выдвигают на советскую работу, он говорит: ну, я на это не пойду, я партийный работник. [Я как-то Сталину говорил, черт вас дери, вы меня наркомом сделали, как бы беспартийным не сделали.] Вот такое отношение к советским работникам глубоко ошибочно и вредно. Нельзя думать, что мы сегодня обсуждаем недочеты только в Шахтинском районе. Эти недочеты у нас имеются не только в Шахтах. Возьмите наш аппарат хозяйственный и государственный, и вы в ряде случаев увидите массу таких прелестей, которым место не в наших аппаратах, а там, у Менжинского, у Ягоды.

Что мы увидели на днях в Артемовске, в Сталине, в Шахтах и в Сочи? Мы видим в этих местах разложившиеся верхушки организации. В Шахтах около 400 рабочих вышли из партии, подав заявление о том, что они протестуют против тех безобразий, которые имеются в производстве. На их заявления не обращается внимания. Я спрашиваю окружную контрольную комиссию, которая там сидит и только смотрит, не пьет ли кто нарзан, разговаривала ли она с этими рабочими, почему они уходят? Нет. Об этом рассказывает т. Осьмов, член ЦКК, который туда ездил. А намного ли это лучше Сочи? Там председатель исполкома, секретарь районного комитета партии черт знает что делали, пьянствовали, всячески развратничали, транжирили деньги. Продолжалось это больше чем полтора года, и надо было отсюда из Москвы послать человека, чтобы все это раскрыть.

Вот здесь, товарищи, основной недочет, по-моему. Основа наших успехов – это здоровая партийная организация, в противном случае мы будем иметь всяких Березовских. Все зависит от того, какова наша организация: где наша организация здоровая, там и Березовских будет меньше, и тут надо признать, что в этой полосе Донбасса и Северного Кавказа кое-где верхушки нашей организации оказались гнилыми. Вчера здесь выступал тов. Каганович. Некоторые говорят: что же он выступает и говорит, а кто же ему мешал исправить все это? По-моему, это неверно. Он сказал то, что есть,

и ему предстоит большая работа. Вот тов. Андреев здесь сказал блестящую речь, он ни в какой мере не отвечает ни за шахтинское, ни за сочинское дело, и ему тоже предстоит громадная работа. То, что говорил здесь тов. Сталин и другие товарищи относительно самокритики, если это не останется на бумажке, – а некоторые товарищи думают именно так: ну, это говорится так, «по соображениям высшей политики», – то тогда мы во многом застрахуем себя от тех неприятностей, о которых говорим сегодня здесь. Надо со всей решительностью предупредить товарищей, что сказанное здесь надо всерьез проводить в жизни.

С чем мы имеем дело в Сочи, Артемовске, Сталино? Работавшие там известны нам в прошлом как люди, преданные партии и советской власти. Почему же они так позорно разложились? Да потому, что подпали под влияние чуждых нам элементов, попали им в плен. Владимир Ильич говорил, как иногда бывает так, что побежденные навязывают свою культуру победителям. Очень часто совершенно незаметно это бывает и с нами. Вот те юбилеи, которые бывают на международных конгрессах, всякие торжества, банкеты, ей-ей, это все навязано, это от побежденных, которые хотят навязать нам свой быт и свою «культуру». Партия должна решительно ударить по этой линии. [По линии партии главным образом, ибо, как бы ни ругали отдельных лиц, что бы мы ни говорили, если мы не поднажмем на нашу партию, без которой ни единого правильного шага не в состоянии сделать, то у нас дело не пойдет. И главным образом Украине и Северному Кавказу это надо учесть, по этой линии пойти главным образом, и тогда дело выйдет.]

Еще одно слово. Тут говорили относительно того, что мы хозяйственников чрезвычайно нагружаем партийной работой. Это не годится. Не годится, что мы людей нагружаем так, что они буквально задыхаются. Но если бы кто-нибудь из хозяйственников вздумал, что нужно освободиться от партийной работы и опеки, то можно быть уверенным, что через 6 месяцев он бы оказался в руках Свицыных и т. п. дряни. Без партии, без тесной связи с нею, без ее контроля ничего не выйдет. Я кончил.

Г о л о с а. О передаче ВУЗов скажи.

Орджоникидзе. Насчет передачи ВУЗов. [Говорят, скажи. Некоторые товарищи знают, что я против этой передачи, и вызывают меня на это.] Я считаю, что вообще нужно было бы, чтобы Наркомпрос вел эту работу и ему всемерно помогать, но если пленум решит, чтобы три ВТУЗа передать Куйбышеву и Рухимовичу, от этого не разорится ни ВСНХ, ни Наркомпрос. (С м е х.)

Председатель. Слово имеет тов. Крупская.

Крупская. Вопросы, которые мы обсуждаем на этом пленуме, по сути дела, не новые. Все эти вопросы в том или другом разрезе мы уже обсуждали на предыдущих съездах, на предыдущих конференциях, теперь только эти вопросы встали более концентрированно, более остро. Тут у нас количество перешло в качество. Если посмотреть, как высказывался Владимир Ильич в 21–22 и 23 году, то все эти вопросы затрагивались им. Например, вопрос о [спецах] враждебных советской власти элементах. По поводу этого вопроса он говорил: «Мы победили врагов, победили капиталистов, а теперь этот враг уже среди нас, но мы его в экономической обыденщине не видим». Вот как раз это шахтинское дело. В экономической обыденщине мы этого врага, который среди нас, не заметили.

Дальше, Владимир Ильич высказывался на XI съезде прямо о Донбассе, и, характеризуя то, что происходило в Донбассе, он говорил, что причина этого заключается в том, что мы администрирование отделяли от политики[131]. Вот, я думаю, что сейчас, когда мы говорим о шахтинском деле, из этих высказываний, из этих рассказов, которые были, мы видим, что тут повторяется та же самая история, что администрирова-

ние отделялось от политики. Если бы администрирование и политика были тесно связаны, то не могло бы получиться такого пренебрежения к рабочим, такого невнимания к рабочим, того невнимания к рабочим, о котором тут так много и так ярко говорили. Тут это один узел был. Вообще, вопрос, который тут разбирается, шире, чем шахтинское дело. Повсюду, во всех областях мы сплошь и рядом отделяем администрирование от политики, и от этого в значительной мере растет бюрократизм, потому что часто время уходит на обсуждение таких вопросов, которые, если к ним подойти с точки зрения политики, окажутся совершенно просто разрешимы.

Затем дальнейший вопрос, вопрос об учебе, Владимир Ильич связывал как раз с Донбассом. Но ставил он вопрос не о ВУЗах, а ставил вопрос о том, как надо учиться у врага, как надо учиться у капиталиста. Он писал в письме одному товарищу: а этого «врага» (врага он брал в кавычках), окружили ли вы его по всем правилам военного искусства? И вот об этой учебе, которая дает возможность окружать врага по всем правилам, он говорил, что это учеба суровая, это учеба не школьного типа, а учеба из жизни, учеба на ошибках, учеба у врага. И он говорил: при коммунизме учеба будет менее суровая, а теперь для нас это вопрос жизни и смерти. И вот эта постановка остается. Я думаю, на шахтинском деле это особо ярко видно. Но было бы совершенно нецелесообразным, если бы мы взяли и разрешили весь вопрос таким образом, что заменили бы вопрос о суровой учебе, который перед всеми коммунистами стоит, – заменили бы тем, что создали при ВСНХ три ВУЗа. Это звучало бы насмешкой. Вопрос не в том.

Я хочу остановиться на том, что мы часто забываем, что мы сами обсуждаем. Когда мы принимали программу партии, мы в вопросе о просвещении провели то, за что высказывался Маркс. Тогда, говоря о школе, мы говорили о политехнической школе, мы говорили о необходимости теснейшей связи, теснейшей увязки всего просвещения с производством. Если мы посмотрим на Европу, на Америку, мы увидим, что там эта связь идет не только по линии ВУЗов, стремятся провести эту связь по всей линии сверху донизу. О такой связи говорил Маркс, о такой связи говорил Владимир Ильич. А если мы вместо этого сведем все к вопросу о нескольких ВУЗах, в чьем ведомстве будут эти ВУЗы, так мы этот большой принципиальный вопрос, имеющий для нашей страны колоссальнейшее значение, мы этот вопрос сведем к мелкой административной мере. Наркомпрос боролся с первых шагов за связь с производством. Если это не осуществлялось, то не осуществлялось сначала потому, что мы переживали годы разрухи, а потом потому, что навстречу не шли хозяйственники, ВСНХ не шел. Возьмем частный вопрос – о практике студентов. Наркомпрос бьется за эту практику студентов. А что студенты рассказывают, как у них практика проводится? На них смотрят враждебно. Когда они приходят на практику, что им предлагают? Студент-текстильщик, например, должен работать у станка, а ему вместо этого администрация предлагает три раза в день смотреть на градусник, какая температура в мастерской. Это же издевательство, а не помощь от ВСНХ. Когда приходишь с чем-нибудь, требуешь каких-нибудь ассигновок и т. д., со всех требуют плана, а тут ВСНХ требует, чтобы ему на слово поверили, что он поставит лучше ВУЗы, а практических предложений никаких он не вносит. Практические предложения выдвигались в свое время НКПросом, говорилось о том, как надо инженеров воспитывать, учитывалось и то, что Тейлор говорил, учитывалось и то, что немцы говорят, учитывалось, что целый ряд специалистов за границей говорили о том, как надо воспитывать такого студента, из которого бы вышел настоящий хозяйственник, могущий управлять производством. Учитывалась также книжка Тейлора, которую сугубо советовал Владимир Ильич читать, книжка об управлении промышленными предприятиями Тейлора[132]. Тейлор раз-

вивает целую систему, как надо воспитывать инженеров, как инженер должен на производстве работать у станка, какие работы на фабрике выполнять. Ведь это разработано в систему. НКПрос прекрасно это знает. Но если он не проводит это в жизнь, то потому, что это ведомственно ставится: ах, это дело НКПроса, мы вам помогать не будем, это ваше дело, как хотите, так и делайте. Вот когда мы студентов к себе возьмем и т. д. и т. п. А какой практический план предлагается? Этого плана нет. Опасность заключается не в том, что перейдут три промышленных ВУЗа в ВСНХ, а опасность заключается в том, что мы большой вопрос о теснейшей увязке всего образования с промышленностью, с производством культуры, с экономикой подменяем вопросом о 2–3 ВУЗах и спорим, на эти споры затрачиваем столько времени, сколько не следовало бы затрачивать после того, как мы приняли программу нашей партии. По этому вопросу, по вопросу о том, как подготовлять красных спецов, мы собирались говорить на партийном совещании, которое, предполагалось, будет этой весной. Но вместо партийного совещания мы приходим, и нам на пленуме предлагают проект передачи ВУЗов. Ведь придется ВСНХ устраивать свой «профобрик». Ведь Куйбышев, Косиор, члены президиума ВСНХ, которые заняты по горло вопросами производства, которые должны им заниматься, потому что, если они не будут заниматься организацией производства, так это дело у них станет, они должны будут свой главпрофобрик создать. Почему же они думают, что тот Главпрофобр, который они у себя в ВСНХ создадут, целесообразнее поставит эту работу? А главное, тот пункт, который предлагается, создает иллюзию, что дело в одних ВУЗах, а не в том, чтобы на всех стадиях просвещение тесно связывалось с производством.

Председатель. Заключительное слово имеет тов. Рыков.

Рыков. В своем заключительном слове я хочу ограничиться только краткими замечаниями по затронутым вопросам, так как по существу вопроса целый ряд ораторов уже исчерпал тему с такой полнотой, что трудно что-либо еще сказать и дополнить.

Прежде всего по поводу самих прений. Мне кажется, что всех выступавших по шахтинскому вопросу ораторов можно разбить на две части: одни, которые **искали правых и виновных** в лице отдельных лиц или учреждений; другая часть товарищей искала **коренных причин того**, что вскрылось в шахтинском деле.

Мне кажется, что вся первая группа не понимала, в чем дело, и меньше всех понял это дело, к сожалению, тов. Шварц (д в и ж е н и е в з а л е). О нем, кроме этого, я ничего не скажу, так как едва ли нужно на пленуме Центрального Комитета еще дальше характеризовать его выступление.

Угаров. И то довольно.

Рыков. Корень событий (мы, мне кажется, должны это совершенно твердо установить) заключается в общих недостатках методов нашей работы по всей той сети партийных, профессиональных и хозяйственных организаций, которые, во-первых, приводят нашу партию в соприкосновение с широкой рабочей массой, а во-вторых, приводят ее в соприкосновение со специалистами. Мы стали перед крупнейшими принципиальными вопросами об отношении партии к беспартийным рабочим и должны сделать вывод, что кое-что в этих отношениях необходимо изменить и улучшить, и об отношении партии и рабочего класса к специалистам и применении таких методов контроля над ними, которые обеспечивали бы правильное выполнение поручаемых им работ. К этому сводится сущность вопросов, вставших в связи с шахтинским делом.

Конечно, для того, чтобы добиться положительных результатов, нельзя ограничиться одним установлением тех или иных общих недостатков, придется кое-какие «пни выкорчевывать». Но тов. Сталин был совершенно прав, когда говорил о том, что

привычно называть «оргвыводами», ибо нельзя коренные вопросы нашего строительства заменить вопросами тех или других, даже кардинальных персональных перестановок. И в «выкорчевывании пней» все-таки нужно соблюдать такую меру, чтобы совершенно здоровые «пни» не залетали на нашу почву с украинской почвы, на которой они великолепно растут и становятся очень здоровыми деревьями. Если самая «выкорчевка пней» теперь неизбежна, то все же необходимо исходить из того, что она вовсе не самый желательный метод в разрешении больных вопросов. Необходимо поставить все наши кадры в такие условия работы, чтобы вовремя кого нужно поправить и научить. Я к этому вопросу вернусь еще после. Сейчас я хочу коснуться некоторых частных вопросов.

Прежде всего, вопрос о ВТУЗах. Я ставил вопрос не о том, передавать ВТУЗы или нет. Я поставил вопрос о том, что необходимо нам, на пленуме Центрального Комитета, заслушать кардинальной важности вопрос об образовании новых кадров специалистов, что от этого вопроса нельзя отвертеться передачей двух-трех или пяти ВТУЗов из одного ведомства в другое. Допустим, вы передадите три высших учебных заведения в ВСНХ, но ведь Наркомпрос РСФСР выпускает в год около шести тысяч студентов, а Наркомпрос Украины ведь тоже кого-то как-то выпускает. Мы с вами ни на одном пленуме ЦК вопроса о постановке высшего и специального образования не слушали. Допустим, правы те, которые видят в плохой работе Наркомпроса РСФСР или Украины одну из причин шахтинского дела, так нужно же вскрыть ее, черт возьми. Ведь за те пять-шесть чет, когда ВСНХ будет проделывать опыт над тремя ВТУЗами, Наркомпрос будет продолжать выпускать на ваш взгляд негодные новые кадры специалистов. За эти пять-шесть лет будут выпускаться какие-нибудь кадры? Будут, без этого же не обойдемся. Что же, вы хотите, поставив такой вопрос, уйти с пленума, ничего не сказав по существу? Я на Политбюро сказал, что предпочитаю любое радикальное решение этого вопроса, не побоюсь никакие ВТУЗы и ВУЗы передать куда угодно, но я не могу в передаче трех или пяти ВТУЗов из одного ведомства в другое видеть какое-либо решение этого большого вопроса.

Здесь тов. Каганович говорил, что слишком придерживаются установленных схем, что нельзя останавливаться перед необходимостью ломать систему. Тысячи систем сломаем, когда это нужно. Но давайте обсудим, что, где, как, для чего ломать, об этом никто ведь не говорил. В этом все несчастье. Этот вопрос имеет гораздо большее, кардинальное значение, чем это кажется на первый взгляд, здесь есть что проверить и над чем подумать, какие директивы дать.

Об аргументации тов. Ворошилова – почему, мол, Наркомпрос того-то не сделал, кадров не создал, а те, кого выпускал, оказались плохими и т. п. Но нам ведь говорят, что новые кадры не хуже довоенных, что студенты, окончившие у нас, по своим знаниям, по сравнению с заграницей, не хуже, чем до войны. Может быть, это не так, давайте проверим и улучшим дело. А я спрашиваю тов. Ворошилова, каково состояние научных институтов ВСНХ, на которые расходуется около 20 миллионов рублей в год? Они работают в составе ВСНХ, там, где, по его словам, все приспособлено к тому, чтобы была связь с производством, с фабриками и заводами, к применению научного опыта, развитию изобретательской инициативы. А на самом деле несчастье в том, что там до сих пор этой связи с производством добиться не удалось.

Г о л о с. Правильно.

Рыков. Если мы, по мнению тов. Ворошилова, имеем десятилетний опыт с Наркомпросом, то также имеем не меньший опыт с научными учреждениями, которые находятся в недрах ВСНХ, и до сих пор не можем установить необходимой связи научных институтов ВСНХ с фабриками и заводами. Почему это происходит?

Г о л о с. Спросите у себя самих.

Рыков. Это происходит отчасти потому, что мы слишком часто вместо решения вопросов по существу ограничиваемся перестановкой учреждений с одного места на другое; потому что одним бюрократическим решением, одной переменой вывески вопросы не решаются. ВСНХ бьется над тем, чтобы установить связь военной промышленности с промышленностью мирной, мы все ему в этом помогаем, и думаете, что уже добились толку? В одном отделе металлургическая промышленность, в другом – химическая, в третьем – текстильная, в четвертом – военная, они друг с другом переписываются без конца, а связи производственной нет. И теперь мы заседаем с Куйбышевым и Ворошиловым и бьемся над тем, чтобы установить эту совершенно необходимую связь. Аргументация тов. Ворошилова не дает ничего для решения вопроса о кадрах.

Но, повторяю, ничто ведь нас не заставляет внезапно этот вопрос решать. Мы там, где возможно, обсуждаем вопросы, продумываем их, учитываем опыт. Я думаю, что этот вопрос нужно обсудить не только в этом собрании, но чтобы его предварительно обсудили, продумали, продискутировали открыто. Мы же с вами от этого только выиграем. Сейчас мало решить вопрос о хозяине трех ВТУЗов – это значило бы замазать вопрос. Ведь за три месяца ничего особенного не сделается, зачем же спешить? Но, помимо этого, как можно считать нормальным порядок, при котором и ЦК нац. партий, и Совнарком, и те работники, которые работают в области Наркомпроса, узнают об этом вопросе уже после того, когда по нему будет принято решение. Ведь по ВУЗам комиссия при ЦК, возглавляемая сначала тов. Андреевым, а потом Косиором Станиславом, высказалась против раздачи ВТУЗов по ведомствам.

Косиор. Пока не высказалась.

Рыков. Но высказалось большинство ее и председатель комиссии – Станислав Косиор. Все об этом знают, а потом вдруг предлагается совершенно противоположное решение. Ведь никто не имел возможности высказать своего мнения по этому поводу. Что же, горит, что ли, под нами? Почему такая внезапность? Мое предложение – всесторонне обсудить этот кардинальный вопрос – является, по-моему, единственно целесообразным. По-моему, вредно приучать и ЦК, и всю партию, и страну к внезапному разрешению вопросов, которые можно обсудить и в партии, и в стране, и в Совнаркоме, и выслушать товарищей, наиболее осведомленных в этом вопросе. Мы часто вынуждены решать вопросы, не запросив места, не продискутировав, не обдумав их, но это не плюс, а минус нашей работы, и это делается тогда, когда без этого нельзя обойтись. Но здесь ведь можно без этого обойтись. Принятие этого решения, на мой взгляд, было бы неправильно, во-первых, потому, что оно ничего, никак не решает, и, во-вторых, потому, что вся наша система ВУЗов сама по себе начнет разлагаться немедленно. Три ВУЗа вы передадите сегодня, остальные будут искать себе хозяев завтра же, обязательно будут искать себе хозяев на завтрашний день. Тов. Кубяк уже начинает разговаривать насчет Тимирязевской академии. (С м е х.) И он совершенно прав. Иначе и быть не может! Вся система Наркомпроса будет работать только из-за сегодняшнего дня, не зная, что будет завтра. Нельзя выдумать лучшего способа испортить дело, как принять это решение.

Я хотел бы, чтобы по этому вопросу еще поспорили. Этот вопрос ведь не такого порядка, чтобы создать повод для образования какого-либо вида платформы (с м е х) или группировки внутри партии. Его можно решить и так и эдак, не затрагивая классов. Это не вопрос об отношении к деревне и классовом расслоении, в нем нет ничего похожего на «термидор». По такому вопросу нужно и можно спорить, не видя в этом никаких оснований ни для каких группировок, ни для идейной борьбы. Это деловой вопрос об образовании кадров.

Второй вопрос, на котором я хочу кратко остановиться в заключительном слове, несмотря на то, что я очень подробно касался его в своем докладе, это вопрос о специалистах. Я опасаюсь, что заявление тов. Андреева о том, что в отношении к буржуазным специалистам речь идет о классовой борьбе, может быть не так понято. Конечно, в известном смысле это классовая борьба, но мы должны исходить из того, что часть специалистов мы должны и можем отвоевать и уже отвоевали на свою сторону. По этому поводу тов. Ленин говорил, что одним методом рабочий, подпольщик, революционер приходит к коммунизму, другим методом придет агроном и третьим методом придет инженер-специалист. Мы должны стремиться к тому, чтобы все большую и большую часть специалистов перетянуть на свою сторону, перетянуть же на сторону коммунизма капиталистов, разумеется, невозможно – с ними только борьба. Если, исходя из этой общей установки, охарактеризовать положение со специалистами в настоящий момент, необходимо установить, что расслоение в кругах специалистов уже начинается. Если подтолкнуть это дело еще сильнее силами партии, силами профсоюзов, мы кастовую замкнутость среди специалистов разобьем и сумеем создать в их собственной среде гораздо более близкую к нам группировку и вместе с ними повести борьбу с наиболее буржуазными и враждебно к нам относящимися специалистами. Этот начавшийся уже процесс дифференциации специалистов нужно усилить, оформить и наиболее близким нам элементам в среде технической и научной интеллигенции всячески помочь.

Второй вопрос, которого касался здесь тов. Молотов, относительно буржуазного и пролетарского метода завоевания специалистов. Он совершенно нрав, что пролетарский метод, связанный с массовым контролем, приближением широких масс ко всем вопросам хозяйства, их культурным подъемом, с тем, чтобы каждый специалист работал под стеклянным колпаком, чтобы оценка его деятельности была доступна массам, нужно применять в первую очередь. Но и с использованием буржуазного метода еще не кончено. Мне кажется, что система хорошей оплаты специалистов не должна измениться не только но отношению к заграничным, но и по отношению к нашим специалистам. Мне кажется, что, особенно в отношении иностранных специалистов, предстоящий период нашего строительства будет характеризоваться тем, что в целом ряде случаев мы будем за большие деньги покупать больших специалистов и в Америке, и в Западной Европе. Без этого нам не обойтись, и если мы миллион рублей затратим на это дело, он сэкономит нам десятки и сотни миллионов в области индустриализации, темпа развития и т. д.

Молотов. Это правильно, но нужно прибегать больше к пролетарскому методу.

Рыков. Нужно прибегать к обоим методам, и к пролетарскому, и к буржуазному. В применении буржуазного метода привлечения к нам специалистов мы сделали больше, продвинулись уже дальше, чем в применении пролетарского метода, но мы должны сохранить в своих руках оба метода.

И третий вопрос – относительно ответственности. Положение специалистов, которое они занимали в силу приказа № 33, теперь никуда не годится. Его нужно отменить полностью и целиком, поставив специалиста под контроль хозяйственника, и поставить его при этом так, чтобы он **ни в коем случае не оказался безответственным консультантом**. Такое положение, которое вытекает из приведенной тов. Ломовым телеграммы «выполняю, но не отвечаю», абсолютно нетерпимо. Если мы дело доведем до таких безответственных условий работы специалистов, а сами все-таки пустить турбины, проектировать шахту и т. п. не можем, то кто же должен будет отвечать? Хозяйственник не может, а спец не хочет отвечать. В этом деле нужно уметь заставить его отвечать за взятую на себя работу. Перемена положения спеца в области руководства

должна быть сопряжена с повышением его ответственности за все технические дела и вопросы, которые ему поручены. Я уже говорил на ряде съездов, что с безымянностью в технических вопросах, с такого рода бюрократически волокитным положением, когда не узнаешь, какой специалист за что отвечает, должно быть решительно покончено. Ответственность специалистов за порученную им работу в пределах их компетенции должна быть усилена по сравнению со всем тем, что мы имели до сих пор.

Я предполагал еще сказать несколько слов по поводу жалоб Иосифа Косиора, но тов. Серго эту тему в значительной мере исчерпал. Хочу только указать, что его ссылка на контрольные цифры и промфинплан неверна. Допустим, что Иосиф Косиор прав, что промфинплан изменил предположения контрольных цифр в отношении промышленности. Но ведь изменение произошло в пользу промышленности. Ведь разница промфинплана от контрольных цифр в том, что размер вложения в промышленность, размер капитальных работ больше, чем в контрольных цифрах, а тут жалуются, что вследствие этого приходится свертывать капитальные работы. Если бы тов. Косиор в своей работе в ВСНХ руководствовался своими собственными предложениями, то мы не имели бы теперь жалоб на недостаток средств и необходимость в отдельных случаях свертывать работы. В начале года у нас были контрольные цифры, потом по промфинплану работы по промышленности вообще и капитальным затратам в частности были увеличены, затем постановлением Политбюро еще более увеличены размеры ассигнований, и все-таки в результате мы имеем сокращение или уменьшение темпа в некоторых работах. Избегнуть этого методом Иосифа Косиора невозможно.

О «многоугольнике». Я и у тов. Косиора, когда он сюда приехал, и у целого ряда других товарищей, занятых на хозяйственной работе, просил, чтобы они, испытав на своей мученической спине всю нашу безобразную бюрократическую работу, дали такого рода рецепт, чтоб спасти от бюрократизма их преемников на трестовской и производственной работе. И мне Косиор отвечал так же, как он отвечал Серго: «Пускай это Серго делает!» Почему это должен Серго делать? Мы нарочно перевели ряд ответственных работников, которые жаловались на наши истязания, с мест в центр, чтобы при помощи их эти безобразия уничтожить, однако они и тут, в Москве, продолжают жаловаться так же, как и раньше. Рухимович ругается так же, как и во время своей работы в Донбассе, Косиор ругается так же, как и во время его пребывания в Грознефти. На все наши предложения и вопросы, что делать, наши указания, что главная вина в них самих, что и бюрократическая волокита исходит из их недр, мы ничего, кроме жалоб, в ответ не получаем. Я предлагал этот самый промфинплан, который, по-моему, в таком виде мы никогда вовремя составить не сможем, упростить, собрал товарищей, занимающихся этим делом, и говорил: «Товарищи, давайте упростим, скажите, что и как сделать?» А они после всего этого везде и всюду ходят и ругаются: у нас, говорят, волокита, бюрократизм и всякие такие вещи. В чем же тут дело? Ведь план в его деталях мы не утверждаем. Я для облегчения их работы провел в законодательном порядке постановление, что мы из всех отраслей промышленности слушаем и утверждаем план развития, кажется, 3–4 главных отраслей. В детали капитальных работ мы ни в какой мере не вмешиваемся. Те сотни названий каких-то капитальных работ, которые составляются в хозорганах, мы не утверждаем ни в СНК, ни в СТО. На соблазн рассматривать эти бесконечные списки мы, извините, ни одного раза не пошли и не пойдем. Если, по вашему мнению, у нас что-то еще слишком централизованно, то скажите, ведь вы не можете пожаловаться на невнимательное отношение к любому вашему предложению в этом направлении.

О профессионалистах. Мне кажется, что из всего того, что говорили выступавшие тут товарищи о профессионалистах, особенно знаменательна фраза Томского, что

«резолюции XIV и XV съездов о профсоюзах мы выполняем плохо». Несомненно, необходимо улучшить работу профсоюзов, укрепить их кадры, всемерно им помочь и т. д. Это, несомненно, нужно сделать. Но на опыте Донбасса мы видим ведь совершенно чудовищную вещь, и объяснять недостатки работы в 1928 г. тем, что было в 1922–23 гг., и ссылаться на какие-то политотделы, которые когда-то там были, это ни на что не похоже. С того времени прошло 6 лет, причем тут, черт возьми, эти политотделы? Донбасс был и остается центром рабочего внимания. Революционный классовый материал для работы профсоюзов там совершенно исключительный, и говорить, что там нельзя было найти партийные кадры, кадры для организации профсоюзов, – это значит говорить заведомую неправду. Ведь пример беседы тов. Молотова с рабочими (о которой тут рассказывал тов. Сталин) говорит о том, что, несмотря на все творившиеся там безобразия, преданность горняков советской власти совершенно исключительная. Чувствуется, что все, что происходит у нас, их дело, что они проникнуты до последнего нашей борьбой за социалистическое строительство. Это энтузиасты советского строя и коммунистического общества, и не создать из этих людей профсоюзов – это сущее безобразие, объяснить, оправдать это даже тем, что Шварц вместо Ленина будет цитировать свои собственные речи (с м е х), – невозможно.

Шахтинское дело поставило на очередь дня вопрос о методе работы профсоюзов, о профсоюзных кадрах, о руководстве ими в таком ответственнейшем районе, как Донбасс, самом большом промышленном районе в Союзе.

Общий итог. На этом пленуме мы обсуждали два вопроса: вопрос о хлебозаготовках и вопрос о шахтинском деле.

Каждый из них мог быть разбит и разбивался в речах ораторов на целый ряд мелких вопросов, вплоть до отношения цены крысы к цене хлеба или чего-нибудь в этом роде. Но оба они ставят целый ряд общих принципиальных вопросов. Этим, конечно, я не хочу сказать, что те практические предложения, которые мы выносим, имеют малое значение. Они имеют гигантское значение. Нужно не забывать, что одно из главных наших несчастий заключается в том, что резолюций у нас много, извращений резолюций тоже достаточно, а дела мало. Ведь это несомненный факт. Но за практическими вопросами необходимо видеть общее и принципиальное.

Основное в связи с вопросом о хлебозаготовках сводится к тому, что мы при несколько иных условиях должны обеспечить союз с середняком. То, что мы с беднотой усилили связь на основе последней кампании, – это совершенно несомненно. Но то, что с середняком вопрос стал несколько сложнее, чем это было раньше, это точно так же несомненно.

В связи с этим, по-моему, один из главных выводов в отношении деревни заключается в том, чтобы в короткое время, усиливая организацию бедноты, ставя по-новому вопрос о колхозах, **выровнять** нашу линию по отношению к середнякам. Теперь мы производим усиленный нажим на кулацкую верхушку, которая от звена к звену давит на середняка. Мне кажется, что часть речи тов. Иванова с Северного Кавказа, в которой он говорил о том, что теперь и с середняком стало лучше, чем было когда-либо, неправильна. Несомненно то, что те затруднения, которые у нас были, объясняются целым рядом специфических обстоятельств этого года. Но в них есть кое-что, что может определить такого же рода затруднения в области хлебозаготовок и в следующие годы. Это главное. Дело в том, что мы вступили в такую стадию капитального строительства, вступили в такую стадию борьбы за социалистические элементы в деревне, что разрешить эти задачи, не нажав на верхушку с гораздо большей силой, чем это было раньше, мы не сможем. Но это будет неизбежно сопровождаться сокращением посевных площадей этих верхушечных слоев. Нужно будет какими-то новыми, более

сильными методами стимулировать расширение посевной площади других групп, способствовать росту колхозов, совхозов и т. д. Необходимо иметь в виду, что совершенно недостаточно предотвратить сокращение посевных площадей, необходимо добиться их расширения. Это выполнимо только в том случае, если союз с середняком будет укрепляться и в настоящий период более сильного, чем раньше, наступления на кулака. В этом заключается, мне кажется, новизна обстановки.

Шахтинское дело. Я уже сказал, что за отдельными частными вопросами оно поставило много общих вопросов. Контрреволюционные заговоры сами по себе не являются для нас случайностью. Остатки буржуазных слоев и интеллигенция будут время от времени, конечно, выдвигать такого рода группы. Неслучайно и то, что наши враги пытались нанести нам удар в Донбассе, одном из главных центров нашего хозяйства. Но наше внимание должно быть в первую очередь направлено к тем причинам, которые обеспечили возможность 6-летней организованной работы контрреволюционной группы в таком пролетарском районе, как Донбасс. Мне кажется, что положение у нас таково, что нельзя отнести такие возможности вредительской работы индивидуально только к Донецкому району, к этому пролетарскому кулаку. Кое-что из недостатков нашей работы, которые обеспечили возможность 6-летней работы вредителей в Донбассе, есть, конечно, в целом ряде иных пунктов. Тов. Серго совершенно правильно перечислил целый ряд случаев, которые раскрылись за последний год. Но особенно характерна история с Ибрагимовым, когда пред. ЦИКа Автономной Республики был бандитом[133], причем он был бандитом до вступления в партию, был бандитом в составе партии, бандитом попал в председатели Крымского ЦИКа. О нем нельзя сказать, что он переродился или изменился. Он никогда не менялся, как был бандитом, так и оставался им. На протяжении ряда лет этого не замечали ни мы, ни организация в Крыму, ни партийные организации, ни советские.

Какие-то условия определили и этот совершенно вопиющий случай. Мне кажется, что эти условия общие с теми, какие мы установили в шахтинском районе, а именно: недостаток критики, самокритики, самодеятельности, участия масс в руководстве и хозяйственной жизнью, и строительством, и всей советской работой. Если бы этого не было, то ни один из этих случаев, которые перечислил тов. Серго, или факт с Ибрагимовым не могли бы иметь места.

Поэтому выводы, которые мы делаем из шахтинского дела, мне кажется, должны идти дальше и не ограничиваться в своем применении одним Донбассом. В данном случае товарищи-украинцы (это же относится и к Северному Кавказу) должны исходить из того, что то, что вскрыло шахтинское дело, это не специфическая черта украинской действительности. Она выразилась в Донбассе несколько более ярко, чем в остальных районах, но она дала возможность установить болезнь, которая проникла гораздо дальше, болезнь, которой заражены некоторые звенья и нашей профсоюзной, и нашей хозяйственной, и нашей партийной организации. **Эту болезнь нужно во что бы то ни стало излечить**.

Мне кажется, что излечить ее перестановкой отдельных лиц вряд ли можно. Необходимо дать совершенно иной тон нашей профсоюзной, партийной, хозяйственной и советской работе. Необходимо поставить в другие условия работу наших кадров. Привлечение масс к руководству работой, сближение с массами, оживление самой работы является основным средством, чтобы излечить эту болезнь на территории всего Союза.

Председатель. Предлагается по этому вопросу выбрать комиссию.

Г о л о с а. Резолюцию за основу надо принять.

Председатель. Принять резолюцию в основу и разрешить единственный спорный вопрос. Значит, разрешите голосовать сперва резолюцию как основу и специаль-

но голосовать пункт относительно ВТУЗов. Кто за то, чтобы резолюцию положить в основу? Кто против? Воздерживается? Принято единогласно.

Петровский. Алексей Иванович, может быть, мы вопрос о ВТУЗах еще немножко продискутируем в комиссии, а потом уже отформулированное предложение внесем на пленум?

Г о л о с а. Правильно.

Скрыпник. Надо голосовать.

Председатель. Голосуется предложение о том, чтобы пункт относительно ВТУЗов из этой резолюции исключить и поставить на обсуждение ближайшего пленума. Предложить Политбюро поставить на повестку ближайшего пленума общий вопрос о подготовке кадра специалистов и обязать Политбюро подготовить доклад и тезисы.

Голосуется это предложение. Кто за него? Товарищи, надо считать. Кто против этого? Меньшинство. Значит, разрешение этого вопроса откладывается до ближайшего пленума.

Теперь состав комиссии: Рыков, Сталин, Молотов, Томский, Ярославский, Орджоникидзе, Куйбышев, Каганович, Шварц, Андреев, Киров, Угланов, Шверник, Сырцов, Чубарь, Ломов, Акулов, Мирзоян, Менжинский.

Томский. Предлагаю Догадова.

Председатель. Догадова. Давайте Догадова!

Г о л о с а. Ворошилова! Рухимовича!

Председатель. Ворошилова и Рухимовича.

[**Скрыпник**. Сухомлина.

Председатель. Еще кто? Нет.

Г о л о с. Янсона.

Председатель. Янсона.]

Г о л о с а. Довольно, хватит.

Председатель. Значит, с добавлением: Догадова, Ворошилова, Рухимовича. Это будет 21 или 22. Возражения есть или нет? Нет.

Дальше я предлагаю следующее заседание, для того чтобы дать возможность комиссии окончить работу, назначить завтра в 12 часов.

Г о л о с а. В час. В час.

Председатель. В час? Можно и в час, если вы отвергнете предложение за большими подписями, в котором сказано, что группа делегатов просит поставить краткое сообщение приехавшего из Женевы Литвинова.

Г о л о с а. На фракции Сессии.

Председатель. Разрешите раздать всем членам объединенного пленума речь тов. Литвинова, сказанную им на конференции[134]. Голосуется, кто за это предложение о докладе тов. Литвинова? Мало. Отклоняется. Значит, завтра в час.

Кубяк. Политбюро при обсуждении вопроса о ликвидации кооперативных советов решило вынести этот вопрос на частное совещание членов Центрального Комитета. Поэтому завтра в 10 час. утра будет совещание по вопросу о ликвидации кооперативных советов. Совещание будет происходить здесь.

ЗАСЕДАНИЕ ВОСЬМОЕ

Утро, 11 апреля

Председатель (Рыков). Для доклада о результатах работ комиссии по вопросу о хлебозаготовках слово имеет тов. Микоян.

Микоян. Товарищи, я полагаю, что нет надобности читать всю резолюцию, надо огласить лишь те поправки, которые были приняты. Я считаю, что не требуется мотивировать поправки, это будет ясно из самого характера поправок. Принятые поправки сводятся к следующему: на стр. 7, ежели у вас на руках имеется резолюция, вы это увидите, во втором разделе вместо 3, 4 и 5 пунктов мы предлагаем внести следующую поправку: «удар по кулаку».

Рыков. На какой странице?

Микоян. На 7 странице, второй раздел, вместо пунктов 3, 4 и 5 – «удар по кулакам скупщикам-спекулянтам, злостно спекулирующим хлебом...» (ч и т а е т).

Вторая поправка – это на 8 странице, начало раздела 3. Мы заменили первые три строки следующей формулировкой: «Центральный Комитет констатирует улучшение и освежение партийной работы в деревне, ослабление роли и влияния кулачества, оживление работы среди бедноты».

Рыков. Давайте обсуждать каждую поправку отдельно.

Г о л о с. И немножко пореже.

Микоян. Можно.

Председатель. Хотите, чтобы тов. Микоян огласил еще раз?

Г о л о с а. Нет!

Председатель. Предложение комиссии по главе 2. Желает кто-нибудь слово?

Г о л о с а. Нет!

Председатель. Голосуется внесенная комиссией поправка. Кто за предложение комиссии? Большинство. Дальше.

Микоян. 3-й раздел. У нас какой был переход? Второй раздел начинался с принятых мер и оканчивался тем, что отмечал успехи хлебных заготовок. 3-й раздел начинался с оценки изгибов, искажений, однако, как товарищи в прениях указывали, здесь не было у нас прямых итогов классовых сдвигов в деревне, что было, между прочим, в письме Центрального Комитета от 13 февраля[135]. Поэтому комиссия сочла нужным предпослать главу об искажениях. Первый абзац посвящен там положительным итогам, которые мы имеем, с указанием отрицательных сторон, этим отрицательным моментам посвящен целый раздел. Этот переход заключается в следующем. Я прочту: «Центральный Комитет констатирует улучшение и освежение партийной работы в деревне» и т. д. (ч и т а е т).

Председатель. Желает ли кто-нибудь слово? Голосую. Кто за внесенную поправку? Принято. Дальше.

Микоян. На странице 9 вместо 2 абзаца включается следующая формулировка: «объединенный пленум ЦК и ЦКК полагает...» (ч и т а е т).

Председатель. Желает кто-нибудь слово? Голосуется. Кто за предложение комиссии? Принято. Дальше.

Микоян. На 10 странице того же 3-го раздела с конца во втором абзаце, где перечисляются меры советской власти по обеспечению семенной кампании, сколько мы отпускаем ссуды и т. д., добавлено: «отпускается больше, чем в двойном размере...» (ч и т а е т).

Председатель. Желает кто-нибудь слово? Голосуется. Кто за предложение комиссии? Принято.

Микоян. Также в конце абзаца, где говорится о расширении посевной площади, мы привели урожайность.

Председатель. Возражений нет? Принято.

Микоян. В конце добавили фразу: «а также принять меры к обеспечению в будущем году производственной базы колхозов...» (ч и т а е т).

Председатель. Голосуется. Кто за это предложение? Принято.

Микоян. К главе реорганизации хлебозаготовительного аппарата. Я здесь, пожалуй, прочитаю все поправки, ввиду важности этой главы, вызывавшей наибольшие споры комиссии.

В первом пункте мы слово «объединенный» вычеркнули, поставив «общесоюзный».

Дальше, на 11 странице 1-я строка, говорится: «передать их имущество и аппарат». Мы приняли: «Передать их аппарат и имущество с зачислением последних в счет акций соответствующих органов», т. е. имущество переходит в «Союзхлеб» и зачисляется за счет акций соответствующих органов.

Третья строка этой страницы, где говорится: «их заинтересованность и прочие». Мы вычеркиваем до конца этого пункта и принимаем следующую редакцию: «Установить заинтересованность...» (ч и т а е т). То новое, что внесено в этот пункт и против всей нашей практики и против тезисов, заключается в том, что, помимо распределения прибылей между акционерами (поскольку прибылей может и не быть, или поскольку они могут быть финансовыми махинациями сведены на нет), мы приняли предложение тов. Чубаря, чтобы независимо от прибылей определенная сумма – копейка или полкопейки, это не определяет пленум ЦК – отчислялась с каждого заготовленного пуда хлеба по данному округу, республике, краю и т. д.

Вот та поправка, которая была принята.

Председатель. Желает кто-нибудь слова? Голосуется. Кто за предложение, внесенное комиссией? Принято.

Микоян. Во втором пункте на этой же странице, где говорится, что кооперация сдает заготовленный системой потребительской кооперации хлеб в порядке общесоюзного плана, мы поставили скобки, где говорится: «т. е. не считая местных внеплановых заготовок». Отсюда нужно заключить то, что не весь хлеб, который кооперация заготовит, входит в общесоюзный план заготовок.

Председатель. Желает кто-нибудь слова? Голосую. Кто за предложение комиссии? Принято.

Микоян. В четвертый пункт, где говорится о МСПО, мы внесли некоторые редакционные изменения и следующие дополнения, где говорится о своевременной отгрузке; в конце мы приняли следующее: «За своевременным исполнением основными заготовителями своих обязательств по гендоговорам МСПО».

Председатель. Желает кто-нибудь слова? Голосуется. Кто за предложение, внесенное комиссией? Принято.

Микоян. Кроме того, комиссия решила войти со следующим предложением, ко-

торое должно быть особым постановлением пленума и не войдет в эту резолюцию. «Объединенный пленум ЦК и ЦКК поручает Политбюро не позже конца июля заслушать доклад НКТорга и ВСНХ о плане заготовительной кампании и плане реализации товаров промышленных на деревенском рынке, а также о мерах, принятых НКТоргом и ВСНХ во исполнение данного постановления пленума ЦК».

Председатель. Желает кто-нибудь слово? Голосуется. Кто за принятие этого предложения? Принято.

Микоян. Поправки все.

Председатель. Голосую в целом, в окончательной редакции. Кто за? Кто против? Воздержался? Единогласно вместе с тов. Любимовым. (С м е х.) Слово имеет тов. Косиор.

Косиор. Товарищи, в связи с тем, что тов. Андреев сейчас работает на Северном Кавказе, мы предлагаем освободить его от обязанностей члена Оргбюро.

Вместо него мы предлагаем ввести в состав Оргбюро тов. Баумана, который будет работать в аппарате ЦК. Кроме того, Баумана предлагаем ввести кандидатом в Секретариат. Еще предлагаем дополнить кандидатский список членов Оргбюро тов. Антоновым.

Председатель. Кто желает высказаться? Кто за это предложение? Принято. Слово имеет тов. Молотов.

Молотов. Товарищи, разрешите не делать доклада о плане работы Политбюро и пленума ЦК. План состоит из ряда вопросов, которые вы знаете по проекту предложений Политбюро. Если есть какие-нибудь вопросы по поводу плана, тогда я отвечу на те вопросы, которые будут поставлены.

Скрыпник. Тов. Молотов, а вчерашнее решение комиссии?

Молотов. Согласно вчерашнего решения пленума, вопрос о ВТУЗах перейдет с Политбюро на пленум ЦК.

Председатель. Слово имеет тов. Каминский.

Каминский. Я прошу вставить в план работ Политбюро и пленума ЦК, там, где доклад «О состоянии колхозного и совхозного строительства», в качестве докладчика Колхозцентр, потому что в докладе в основном будет идти речь о работе кооперации по колхозному движению.

Председатель. Имеется предложение вставить в качестве докладчика – Колхозцентр. Возражений нет? Принимается.

Есть еще какие-нибудь поправки? Голосуется. Кто за предложение Политбюро с поправкой тов. Каминского? Принято.

Разрешите объявить перерыв на 10 минут.

(П о с л е п е р е р ы в а.)

Председатель (Молотов). Слово для доклада комиссии по резолюции о шахтинском деле имеет тов. Рыков.

Рыков. Товарищи, в резолюцию по вопросу о шахтинском деле внесено большое количество поправок. Из них большая часть имеет стилистическое значение. Разрешите в своем сообщении ограничиться докладом о тех поправках и тех дополнениях, которые имеют существенное или принципиальное значение.

Петровский. Правильно!

Г о л о с а. Правильно!

Рыков. К ним относятся – на странице 5, в п. 1, где речь идет относительно работы производственных совещаний. Мы перередактировали в комиссии так: «вовлечение масс в дело руководства производством поставлено совершенно неудовлетвори-

тельно». Это остается старое. Дальше идет новое: «информация рабочих о плане и ходе производства носит чисто формальный характер. Вопросы производства, рационализации его, капитального строительства и т. д. не прорабатываются на производственных совещаниях, а в некоторых случаях имеются даже преследования рабочих за критику недостатков работы администрации».

Г о л о с. Правильно!

Рыков. Дальше мы изменили следующий абзац таким образом. Скобки сняли и вместо скобок поставили двоеточие, и нужно читать дальше так: «профсоюзы не работают систематически над поднятием значения производственных совещаний: плохая организация производственных совещаний, редкостность их, игнорирование их работы со стороны технического персонала, а иногда и коммунистов-хозяйственников; отсутствие надлежащего контроля за выполнением принятых решений».

Дальше, остается старая фраза: «практика временных контрольных комиссий на предприятиях совершенно недостаточна», после чего: «фонд премирования за ценные предложения и изобретения совершенно не использован, а по отдельным производствам даже не выделен. Совершенно неудовлетворительно поставлена экономическая работа в органах профсоюзов: райкомах, губотделах, ЦК, межсоюзных организациях, особенно по линии участия в деле капитального строительства, в вопросах рационализации производства, ведения мероприятий по удешевлению себестоимости и руководства работой производственных совещаний».

Здесь введены две мысли. Раньше речь шла только об информации, тогда как в целом ряде случаев «информируют» очень много, но информация носит чисто формальный характер: докладчик отговорил, присутствующие отслушали, и все расходятся. И после этого ничего в природе не меняется. Мы вставили другой элемент проработки этих вопросов и втягивание рабочих через производственные совещания в руководство промышленностью. Вот, значит, одна основная поправка, которая тут введена.

Другая идет по этой же линии втягивания в руководство производственной и хозяйственной работой профессионально организованных рабочих, но уже по линии верхушечных и средних звеньев профессионального союза, чтобы их заставить – и в губотделах, и в райкомах, в ЦК и межсоюзных организациях, – чтобы их заставить больше заниматься вопросами экономического строительства и привлечь профсоюзные организации к участию в руководстве хозяйственной жизнью.

Голосовать отдельно?

Молотов. Есть, товарищи, возражения против этих поправок?

Г о л о с а. Нет.

Молотов. Считается принятым.

Рыков. На странице шестой вопрос о 6-часовом рабочем дне. Мы изменили редакцию. В комиссии были споры на тему о том, сколько рабочие под землей работают. Так как у нас не было никаких данных установить точное количество часов – 3, 4, 5, – то была принята такая редакция этого пункта: «особенно должен быть выделен вопрос относительно 6-часового рабочего дня на подземных работах, причем плохая организация труда приводит к тому, что значительная часть времени затрачивается непроизводительно». Так что здесь тот же факт заостряется без точного обозначения времени. Рабочий работает сверх 6 часов, но значительная часть этих часов идет не на производительную работу, а на то, что он куда-то не то за лампочкой ходит, не то в рудники, не то под землей, но не работает вообще.

Скрыпник. Еще раз прочитайте.

Рыков. Вместо пункта, где сказано: «Несмотря на то, что фактическое производство работ под землей часто не превышает $3^1/_2$–4 часов», у нас сказано: «Причем пло-

хая организация труда приводит к тому, что значительная часть рабочего времени затрачивается непроизводительно».

Скрыпник. А первая часть остается?

Рыков. Остается та же самая.

Г о л о с а. Хорошо сказано!

Молотов. Есть ли возражения против этой поправки?

Г о л о с а. Нет!

Молотов. Принимается.

Рыков. Дальше, на этой же странице 6-й, третья строка снизу, конец фразы. Фраза сама говорит так: «При подборе работников, как правило, отсутствует серьезная проверка прошлой работы. Нередко снятого за плохую работу хозяйственника переводят на новую, даже большую работу». Чтобы это еще больше подчеркнуть, мы записали так: «Очистка хозяйственных органов от этих элементов и выдвижение новых кадров хозяйственников».

Г о л о с а. Хорошо!

Рыков. Усиленно подчеркнули.

Молотов. Есть ли возражения против этой поправки?

Г о л о с а. Нет!

Рыков. Теперь на странице 8-й, §3, относительно специалистов. Тут было редактировано так, что в первую очередь улучшение материальных и бытовых условий, во вторую очередь поднятие технической квалификации, и совершенно был упущен момент борьбы с ними как с кастой. То, что мы говорили о необходимости расслоения специалистов и большего привлечения к себе наиболее близких к нам элементов. Мы стремились учесть вот эти вопросы, которые дебатировались на пленуме. В новой редакции §3 первая фраза остается той же, она гласит так: «Поручить фракции ВЦСПС шире развернуть работу профессиональных союзов среди массы специалистов, инженеров и техников». Дальше идет новая редакция: «Профессиональные союзы должны добиваться создания благоприятных условий для поднятия технической квалификации специалистов, привлечение их к работе производственных совещаний, преодоления остающейся до сих пор кастовой замкнутости, узких корпоративных настроений среди специалистов, внедрения в их среду производственной и профессиональной дисциплины, сохраняя в то же время чуткое отношение к делу улучшения материальных, бытовых и культурных нужд специалистов». Мы стремились подчеркнуть то новое и актуальное, что выявилось в результате шахтинского процесса и в конце оставили ту задачу, которую осуществляли и раньше.

Молотов. Слово имеет тов. Коростелев.

Коростелев А. Товарищи, я предлагаю включить в эту резолюцию пункт о необходимости вести эту работу и среди научных работников. Шахтинское дело вскрыло недостатки работы профсоюзов среди инженерно-технического персонала, но мы пока что не можем быть уверенными, что такие же настроения не имеются и среди научных работников. Поэтому усиление работы профсоюзов надо также вести и по линии научных работников. Необходимо, чтобы здесь было уделено большее внимание той же самой проблеме, которая сейчас стоит в деле подготовки кадров и в деле работы среди технической интеллигенции. Я вот предлагаю эту поправку сюда включить.

Томский. Я думаю, не надо вносить эту поправку. ВЦСПС учтет.

Рыков. Я предлагаю обсудить это на следующем пленуме. Здесь речь идет о трудовой дисциплине и о работниках на производстве, а не о работающих в ВУЗах. Вопрос о ВУЗах будет поставлен на следующем пленуме.

Коростелев. Я удовлетворен тем, что предлагает тов. Рыков.

Молотов. Следовательно, поправка комиссии принимается.

Рыков. На странице 9 вставлен новый пункт в конце раздела. В 7 разделе, где речь идет об укреплении и расширении Промышленной академии при ВСНХ, вставлено: «а также расширить курсы красных директоров». Кроме Промышленной академии, теперь и курсы существуют, но для переквалификации не кадров специалистов, а администраторов и хозяйственников эти курсы недостаточны. Дается директива их расширить.

После 8-го вставлен новый пункт о том, что во всем этом деле работы над специалистами и рабочими-выдвиженцами должны быть в максимальной степени привлечены профессиональные союзы. Это не только задачи хозяйственников, но и профессионалистов.

«Во всем деле создания новых красных специалистов, усиления квалифицированных рабочих, выдвиженцев и т. п. обеспечить максимально широкое и активное участие профессиональных организаций».

Молотов. Есть возражения против этого добавления? Нет. Принимается.

Рыков. О 6-м пункте мы голосовали вчера, и сегодня решение объединенного пленума не изменялось.

Дальше поправок нет, до раздела 4-го в конце десятой страницы. Туда перенесен к пункту 1-му последний абзац этой резолюции, абзац 7-й перенесен без изменений, и это больше конструктивная поправка. Не думаю, чтобы она нуждалась в голосовании. Более существенная поправка – на 11 странице, после § 3-го, относительно контрольных комиссий. Комиссия объединенного пленума нашла, что опыт работы контрольных комиссий уже теперь достаточен для того, чтобы их широко применять на других предприятиях. Мы их вводили в качестве опыта и только на отдельных небольших предприятиях. Из этого исходили в своей работе и профессиональные организации, и хозяйственники. Мы предлагаем принять такого рода решение: «Опыт целиком и полностью подтвердил целесообразность существования временных контрольных комиссий в общей системе фабрично-заводских организаций как органов производственных совещаний и необходимость более широкого применения и большего внимания к их работе со стороны профессиональных и хозяйственных органов».

Молотов. Есть возражения против этой поправки? Нет. Принимается.

Скрыпник. Почему временные?

Рыков. Потому что они часто создаются по отдельным заданиям, а не в качестве постоянных органов по всем вопросам, над которыми работает производственное совещание.

В четвертом пункте сказано было так: «В целях приближения профорганов к рабочим массам». Теперь сказано: «В целях улучшения работы профсоюзов в деле обслуживания непосредственных нужд рабочих масс и широкого привлечения их в повседневную работу». Дальше сказано после слов «В Донбассе» – «и в других районах», чтобы шахтбюро были предоставлены права фабзавкомов. Опыт Донбасса распространяется на все горные районы.

Молотов. Есть возражения? Нет. Принято.

Рыков. Сюда же внесено в соответствии с констатированием недостатков в работе профсоюзов по экономической линии и участие в хозяйственной жизни и руководстве, как вывод; редактирован этот же пункт, который гласит: «Предложить ВЦСПС обеспечить усиление экономработы во всей системе организации профсоюзов...» (ч и т а е т).

Последний абзац объясняется тем, что профсоюзы сами иногда не могут справиться с этим, им нужна помощь хозяйственников в смысле информации, чтобы они

были в курсе экономических вопросов и экономической работы, нужно участие партийных органов, чтобы из-за бюрократической волокиты местных, профессиональных и хозяйственных органов не была сорвана эта директива.

Молотов. Есть возражения? Нет. Принято.

Рыков. Дальше маленькие поправки, отдельные перестановки, но в конце 5-го абзаца комиссия предлагает вставить новый, следующий абзац, который гласит так: «Считать ближайшей непременной обязанностью как хозорганов, так равно профессиональных и партийных организаций всемерную заботу об улучшении бытовых условий горнорабочих (бани, казармы, столовые и т. п.). Особо строгую ответственность возложить за правильность расходования ассигнуемых на это средств».

Скрыпник. Там говорится о казармах. Я считаю, что казарменный способ жилищного строительства является одним из самых худших. Он является суррогатом жилищ. Я считаю неудобным, чтобы в резолюции пленума было указано на казармы вместо общего указания на необходимость обеспечения жилищами. Почему указывают на казармы, когда есть другие способы строительства – коттеджный и другие?

Рыков. Я не огласил поправку в 3-м пункте, которая идет в направлении предложения Скрыпника. Там, где сказано о водоснабжении, комиссия предлагает сказать: «Поручить ВСНХ СССР и СТО в текущем году разработать вопрос об улучшении водоснабжения и благоустройства рабочих поселков Донбасса». А финансовый план, утвержденный в этом году, отнесен к вопросам водоснабжения. Что касается казарм, я согласен с тов. Скрыпником, что неудобно, но они все-таки есть. Тут не говорится о том, чтобы казармы строить новые, а говорится, исходя из факта, что в казармах живет огромное количество рабочих и все показания профсоюзов и товарищей, которые объезжали Донбасс и были в этих самых казармах, указывают на безобразное состояние их, поэтому, по-моему, голову прятать под крыло невозможная вещь и тут нужно сказать полными словами. Что нужно улучшить жилище, это мы знаем, но, пока мы не имеем достаточного улучшения, нужно, чтобы и казармы были в лучшем положении, чем были до сих пор.

Г о л о с а. Правильно.

Молотов. Есть ли поправки к этому пункту?

Скрыпник. Я вношу свою поправку: вместо слова «казармы» говорить «жилище», ибо речь идет не об улучшении существующих, а о построении новых, равно как не об улучшении бань, а о построении новых. Поэтому вопрос идет не об улучшении имеющихся казарм, а о том, чтобы строить жилища в виде казарм.

Молотов. Кто за поправку тов. Скрыпника? Кто против? Большинство.

Рыков. Теперь на стр. 12, там в 4-м абзаце...

Скрыпник. У меня еще одна поправка; на стр. 11, 5 раздел, говорится: «поручить ЦК Украины представить в 2-месячный срок...» (ч и т а е т).

Это право наши поселковые советы имеют, вопрос идет о подведении под них материальной базы, об обеспечении их определенными источниками средств, это мы уже выполнили, мы выработали план, и имеется закон у нас, но необходимо иметь определенную базу. «Черт возьми деревню, когда крестьян нет», – говорили помещики в 61-м году после «освобождения» от крепостного права; теперь можно сказать: «Черт возьми поселковые советы, если у них нет никаких возможностей». Права у поселковых советов имеются, но они не обслуживают материальных нужд рабочих, ибо у поселковых советов в одном кармане вошь на аркане, в другом блоха на цепи. Мы на Украине эти средства не можем дать, здесь необходимо дать поручение и Политбюро ЦК ВКП(б) о проведении обеспечения поселковых советов определенными средствами. Сейчас дает Донуголь обеспечение, материальное благоустройство. До-

нуголь с удовольствием передаст заботу об устройстве рабочих поселковым советам потому, что не будет тратить средств и передаст заботу другим. Поэтому необходимо забронировать за поселковыми советами определенные средства для проведения этих нужд.

Рыков. Здесь сказано, что предложить ЦК КП(б)У представить предложение о работе поселковых советов в Донбассе в направлении передачи им обслуживания бытовых нужд рабочих. Член ЦК КП(б)У боится, что он, представив это в Политбюро, забудет о деньгах, но так как, кроме Скрыпника, в составе ЦК КП(б)У есть много других членов, относительно которых я вам гарантирую, что они об этом не забудут, то я предлагаю предложение Скрыпника отвергнуть. (С м е х.)

Скрыпник. Остроумно, но не остро.

Молотов. Что вы предлагаете, тов. Скрыпник?

Скрыпник. Обеспечение за этими поселковыми советами необходимых источников средств.

Молотов. Голосую. Кто за дополнение тов. Скрыпника? Предложение тов. Скрыпника отклоняется.

Рыков. На странице 12, там, где говорится относительно хозяйственников, сказано, что их нужно освободить от частой дачи формальных отчетов. В комиссии было правильное указание на то, что иногда они присутствуют, потому что делают отчет, но часто они участвуют в комиссиях без всякого отчета. Сидят в комиссии на заседании без определенных занятий. Вот мы туда включили директиву, что их от участия без надобности в такого рода заседаниях и комиссиях можно освободить. Эта поправка гласит так: «Разгрузить их от участия в заседаниях, когда в этом нет достаточной необходимости». Это немного слабо сказано, и я предлагаю сказать так: «Когда в этом нет настоятельной необходимости». Это лучше.

Молотов. Есть возражения против этой поправки? Нет. Принято.

Рыков. Там, где речь идет о товарищах, которые были выбраны в какой-нибудь орган, а после того, как их уже не выбрали, почему-то сложилась традиция, раз рабочий от станка куда-нибудь выбран и от станка отошел, ему по гроб жизни нужно гулять в каком-нибудь административном, хозяйственном или профессиональном органе – к станку он уже не возвращается. Такая традиция уже создалась. Но здесь было сказано не совсем ясно об этом, и мы несколько стилистически постарались это исправить, и вышло так: «Возложить на партийные организации ответственность за то, чтобы члены выборных органов, профессиональных и партийных, замененные по выборам новыми товарищами, не переводились только потому, что они были ранее выбраны на другую ответственную работу, а направлялись бы на низовую работу или на производство». К этому мы добавили новый смысл: «Наряду с этим поручить Политбюро разработать мероприятия для борьбы с засорением советского, хозяйственного и другого аппарата негодными и бюрократическими элементами и для усиления выдвижения новых, более способных и более связанных с массами кадров». Этим мы приняли совершенно правильное указание Андреева, потому что у нас, особенно в советской работе, есть такая традиция: кто уже однажды в жизни поработал членом коллегии, то его уже на другую работу переместить гораздо труднее, чем, допустим, во Франции сместить Пуанкаре и выбрать нового премьер-министра. Но это относится не только к этому, так как во всей системе нашего управления существует своего рода местническая борьба за места. Если человек имеет определенный чин, как, допустим, я председатель Совнаркома, то мне уже быть председателем губисполкома по гроб жизни нельзя. С этой традицией нужно решительно покончить, и для этого мы вставили этот пункт. Затем мы пытались сформулировать в виде директивы основную

мысль тов. Сталина, которую он мотивировал в своем выступлении здесь. Это относительно критики.

Она вышла у нас так. Это относится ко всему этому абзацу и гласит: «Главнейшим условием для обеспечения успешного проведения всех намеченных мероприятий должно быть действительное проведение в жизнь лозунгов XV съезда о самокритике, о проведении внутрипартийной демократии и о действительной борьбе с недостатками в работе партийных, советских, профессиональных и хозяйственных органов».

Молотов. Есть возражения против этого дополнения? Нет возражений.

Рыков. Я вам огласил только важнейшие поправки. Мы кое-какие пункты переставили из одного абзаца в другой, внесли целый ряд поправок мелкого характера, только уточняющих смысл. Мы обсуждали в комиссии также вопрос об опубликовании этой резолюции. Было несколько предложений о том, что в составе этой резолюции есть отдельные пункты, которые едва ли нужно опубликовывать. К ним относится хотя бы вопрос о том, что состав специалистов в целом ряде областей нужно пересмотреть, перевести некоторых с места на место, с тех фабрик, где они были собственниками, на те фабрики, где они не были собственниками, и вообще проверку сделать. Одни говорили, что этот параграф не нужно публиковать. Другие предлагали не опубликовывать параграфа, касающегося совершенно явного нарушения Кодекса законов о труде. Речь идет об опубликовании в открытой печати. Конечно, по партийным организациям резолюция должна пойти полностью.

В результате обмена мнений решили, что по установившемуся обычаю резолюции не всегда опубликовываются, и до сих пор Политбюро определяло форму опубликования. И в данном случае, соглашаясь совершенно с тем, что не все должно быть опубликовано в открытой печати, разрешение этого вопроса – что публиковать и как опубликовывать – нужно предоставить Политбюро.

Г о л о с а. Правильно!

Молотов. Есть ли возражения против этого предложения комиссии? Нет.

Голосую резолюцию в целом. Кто за утверждение резолюции в целом? Кто против? Нет таковых. Резолюция принята единогласно. Повестка пленума исчерпана. Объявляю заседание объединенного пленума законченным.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ПРОТОКОЛ №2
ЗАСЕДАНИЯ ОБЪЕДИНЕННОГО ПЛЕНУМА ЦК И ЦКК ВКП(б)
ОТ 6–11 АПРЕЛЯ 1928 ГОДА

ПРИСУТСТВОВАЛИ:

Члены ЦК ВКП: тт. Акулов, Андреев А. А., Антипов, Артюхина, Бадаев, Бауман, Бубнов, Бухарин, Ворошилов, Гамарник, Голощекин, Догадов, Жуков, Зеленский, Кабаков, Каганович, Калинин, Квиринг Э. И., Киржиж, Киров, Кнорин, Колотилов, Комаров, Косиор И. В., Косиор С. В., Котов, Кржижановский, Крупская Н. К., Кубяк, Куликов, Куйбышев, Лепсе, Лобов, Ломов, Любимов, Медведев, Менжинский, Микоян, Михайлов, Молотов, Москвин, Орахелашвили, Петровский Г. И., Постышев, Пятницкий, Рудзутак, Румянцев И., Рухимович, Рыков, Скрыпник, Смирнов А. П., Сокольников, Сталин, Степанов-Скворцов*, Стецкий, Стриевский, Сулимов, Сырцов, Толоконцев, Томский, Угаров, Угланов, Чичерин, Чубарь, Чудов, Шварц С., Шверник, Шмидт В.

Кандидаты в члены ЦК: тт. Алексеев, Анцелович, Баранов, Брюханов, Варейкис, Гей, Грядинский, Жданов, Иванов В. И., Икрамов, Кодацкий, Калыгина, Каминский, Киселев А. С., Клименко, Кондратьев Т., Криницкий, Леонов, Лозовский, Ломинадзе, Марков, Межлаук, Мельничанский, Михайлов-Иванов, Мирзоян, Мусабеков, Николаева, Носов, Осинский, Ошвинцев, Полонский В. И., Румянцев К., Рындин, Рютин, Семенов, Соболев, Строганов, Сухомлин, Уншлихт, Урываев, Хатаевич, Цихон, Чаплин, Чувырин, Чуцкаев, Элиава, Эйхе.

Члены ЦКК ВКП: тт. Алексеева Ф., Антонов В. Г., Антонов, Афанасьев, Бармашева, Бауэр, Бахтина, Беленький, Богданов, Богданов И. А., Борьян, Булин, Буссе, Васильев, Вейнберг, Викман, Викснин, Вишнякова, Вожжев, Галеев, Гальева, Галушкин, Герасимов, Гольцман, Гончаров, Горчаев, Горшков, Гречаный, Григорьева, Гросман, Грузель, Грязев, Грязев А. М., Гуревич, Гусев, Десов, Дирик, Долидзе, Дюжев, Евреинов, Егоров, Елизаров, Енукидзе, Жданов, Завицкий, Загребельный, Зайцев Г. А., Зайцев Г. М., Зайцев, Зангвиль, Затонский, Землячка, Ильин, Каганович, Калашников В. С., Калашников М. И., Калманович, Калнин, Караваев, Караев, Каримов, Кары-Кулиев, Карпов, Клинов, Клюев, Книга, Кобылин, Ковалев, Кожевников, Козлов, Коковихин, Колобов, Комиссаров, Кондратьев, Кононенко, Копань, Копьев, Коростелев А. А., Коростелев Г. А., Коротков, Косарев, Крыленко, Кузьмин, Кузьмина, Ладошин, Ларин, Ларичев, Лебедев, Лебедь, Левитин, Лежава, Ленгник, Лисицин, Локацков, Ляксуткин, Магер, Мазуров,

---

* Так в тексте (ред.).

Майоров, Макеев, Мальцев, Манжара, Махарадзе, Медведев, Мильчаков, Милютин, Митрофанов, Мороз, Муценек, Назаретян, Назаров, Насиров Хайдулла, Никитин, Никаноров, Новоселов, Орджоникидзе, Островский, Осьмов, Павлуновский, Пастухов, Петерс, Петров, Перекатов, Плешаков, Подвойский, Позерн, Покко, Полин, Радус-Зенькович, Реденс, Рейнвальд, Рывкин, Розенгольц, Розит, Розмирович, Ройзенман, Романов, Сахарова, Сахьянова, Семков, Серганин, Сергушев, Сиротов, Смидович, Сольц, Старанников, Старостин, Степованый, Стрельцов, Студитов, Стуруа, Стэн, Тальберг, Терехов, Трилиссер, Трушечкин, Тыщенко, Ульянова М.И., Фабрициус, Фатеев, Фигатнер, Фектер, Филлер, Хасман, Цветков, Цылько, Шацкин, Швейцер, Шеболдаев, Шкирич, Шкирятов, Шлок, Штраух, Шушков, Юносов, Юркин, Юрцен, Яковлев, Яковлев Я.А., Янсон, Ярославский.

Члены Центральной Ревизионной Комиссии: тт. Быкин, Владимирский, Лепа, Лядов, Рябинин, Рябов, Степанов, Юревич.

СЛУШАЛИ: **ПОСТАНОВИЛИ:**

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 7 АПРЕЛЯ 1928 г.

1. Хлебозаготовки текущего года и организация хлебозаготовительной кампании на будущий год (тов. Микоян).

а) Одобрить в основе внесенный Политбюро проект резолюции по вопросу 1: хлебозаготовках текущего года и об организации хлебозаготовительной кампании на 1928–29 г.

б) Для рассмотрения поправок и дополнений и окончательного редактирования резолюции создать комиссию в следующем составе: тт. Микоян, Бухарин, Молотов, Любимов, Чубарь, Шверник, Каминский, Лобачев, Иванов Вл., Эйхе, Смирнов А.П., Варейкис, Угланов, Комаров, Петровский, Вейцер, Эйсмонт, Семенов (Украина), Яковлев Ал., Фигатнер, Лепа, Вербицкий, Калманович, Грядинский, Майоров.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 10 АПРЕЛЯ 1928 г.

2. Доклад комиссии Политбюро о практических мероприятиях по ликвидации недостатков, обнаруженных в связи с шахтинским делом (тов. Рыков).

а) Одобрить в основе внесенный Политбюро проект резолюции о шахтинском деле и практических задачах в деле борьбы с недостатками хозяйственного строительства, исключив из резолюции пункт о передаче некоторых ВТУзов в ведение ВСНХ с тем, чтобы Политбюро поставило на обсуждение ближайшего пленума ЦК доклад о мерах улучшения подготовки красных специалистов и хозяйственников.

б) Для рассмотрения поправок и дополнений и окончательного редактирования резолюции создать комиссию в следующем составе: тт. Рыков, Сталин, Молотов, Томский, Ярославский, Орджоникидзе, Куйбышев, Каганович, Шварц, Андреев, Киров, Угланов, Шверник, Сырцов, Чубарь, Ломов, Акулов, Мирзоян, Менжинский, Догадов, Ворошилов, Рухимович.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 10 АПРЕЛЯ 1928 г.

3. Проект резолюции о хлебозаготовках текущего года и организации хлебозаготовительной кампании на будущий год (доклад комиссии пленума ЦК) (тов. Микоян).	а) Утвердить проект резолюции с поправками, внесенными комиссией пленума ЦК. б) Объединенный пленум ЦК и ЦКК поручает Политбюро не позже конца июля заслушать доклад НКТорга и ВСНХ о плане заготовительной кампании и плане реализации товаров промышленных на деревенском рынке, а также о мерах, принятых НКТоргом и ВСНХ во исполнение данного постановления пленума ЦК.
4. Об изменении состава Оргбюро и Секретариата ЦК (тов. Косиор).	а) Освободить тов. Андреева от обязанностей члена Оргбюро ЦК. б) Ввести тов. Баумана в состав членов Оргбюро ЦК и кандидатов в члены Секретариата ЦК. в) Ввести в состав кандидатов в члены Оргбюро тов. Антипова.
5. План работы Политбюро и пленума ЦК (тов. Молотов).	а) Утвердить внесенный Политбюро проект плана работы Политбюро и пленума ЦК на 1928 г. с поправкой: добавить в число докладчиков по вопросу о состоянии колхозного и совхозного строительства – Колхозцентр.
6. Проект резолюции по вопросу о шахтинском деле и практических задачах в деле борьбы с недостатками хозяйственного строительства (доклад комиссии ЦК) (тов. Рыков).	а) Утвердить проект резолюции с поправками, внесенными комиссией пленума. б) Поручить Политбюро определить, какая часть резолюции не подлежит опубликованию в печати.

ОПРОСОМ ЧЛЕНОВ ЦК ОТ 11–15.II.28 г.

7. О Наркомземе (ПБ от 9.II.28 г., пр. № 9, п. 42).	а) Освободить т. Смирнова А. П. от должности наркомзема РСФСР и назначить его секретарем ЦК ВКП, оставив первым заместителем Председателя СНК РСФСР. б) Назначить т. Кубяка Наркомом земледелия РСФСР, освободив его от должности секретаря ЦК.

ОПРОСОМ ЧЛЕНОВ И КАНДИДАТОВ ЦК И ЧЛЕНОВ ЦКК ОТ 17–24.III.28 г.

8. Постановление президиума ЦКК от 14.III. и Политбюро ЦК от 17.III. о Колгушкине Ф. Т.	Утвердить следующее постановление президиума ЦКК и Политбюро ЦК: а) Колгушкина Ф. Т. исключить их рядов ВКП(б). б) Принимая во внимание, что Колгушкин все годы революции проявил в своей работе преданность делу советского государства, считать возможным использование его на ответственной хозяйственной работе.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

О ХЛЕБОЗАГОТОВКАХ ТЕКУЩЕГО ГОДА И ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ НА 1928/29 ГОД

Резолюция по докладу тов. Микояна, принятая единогласно объединенным пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б) 11 апреля 1928 года

I

На фоне быстрого подъема производительных сил страны вообще, роста ее государственной промышленности в особенности и после третьего хорошего в общем урожая хлебозаготовительная кампания текущего хозяйственного года натолкнулась на ряд затруднений, одно время грозивших вылиться в общий народнохозяйственный кризис (опасность перебоев в заготовках хлеба, в заготовках сырья и в снабжении им промышленности, перебоев в снабжении городов, опасность нарушения экспортно-импортного плана и т. д.).

В основе этих затруднений лежало резкое нарушение рыночного равновесия, причем обострение диспропорции в рыночных отношениях (платежеспособный деревенский спрос, с одной стороны, предложение промышленных товаров – с другой) объясняется повышением доходности деревни, в особенности ее зажиточных и кулацких слоев.

Повышение платежеспособного спроса деревни, взятого сравнительно с промышленно-товарным предложением, объясняется рядом причин неодинакового значения: понижением промышленных цен при одновременном повышении цен на продукты технических культур и животноводства; повышением удельного веса этих отраслей внутри сельского хозяйства вообще; значительно возросшей суммой заработков от отхожих промыслов, что связано с расширением строительства в первую очередь. Это возрастание покупательных фондов деревни не было сбалансировано ни соответствующим ростом товарного предложения (которое, по расчету на деревню, выросло в своей массе, но благодаря снижению цен не выросло по своему ценностному выражению), ни соответствующим повышением налогового обложения зажиточных слоев деревни, ни обложением доходов неземледельческого характера. С другой стороны, имелось резкое несоответствие цен на зерновой хлеб и цен на продукты технических культур и животноводства, причем с точки зрения налогового обложения производство зерна было поставлено в условия менее выгодные по сравнению с другими отраслями сельского хозяйства. Все эти причины, взятые вместе, понизили стимулы к реализации именно **хлебных** излишков: производственно-натуральное потребление хлеба, образование хлебных запасов и т. д. поднялись за счет сокращения предложения хлеба на рынке. Эта **экономическая** обстановка неразрывно была связана со своим **социально-классовым** выражением. В связи с дальнейшим расслоением деревни она дала возможность кулачеству, удельный хозяйственный вес которого возрос, хотя

главная масса хлеба и не находится у него в руках, использовать свои позиции на рынке и оказать вместе с частником довольно значительное влияние на всю рыночную конъюнктуру.

Кулачество могло использовать эту конъюнктуру, тем более что заготовительные организации, как государственные, так и кооперативные, не обнаружили ни единства выступлений на рынке (вместо этого была ожесточенная конкуренция и, следовательно, объективная помощь частнику и кулаку), ни необходимого темпа в развертывании работ; вместе с тем не было развернуто своевременно широких операций по завозу промышленных товаров в надлежащие сроки соответственно условиям спроса со стороны основных хлебозаготовительных районов. С другой стороны, парторганизации, в особенности в связи с дискуссией, прошли мимо важнейших очередных задач, связанных с хлебозаготовками, в расчете, что хлебозаготовки автоматически будут давать положительный результат, а некоторые отдельные элементы партии, в особенности в деревне, не оказались способными проводить достаточный отпор кулачеству и соответственно подымать к активной роли бедняцко-середняцкие слои деревни.

Таким образом, создавшаяся экономическая конъюнктура, использование ее со стороны кулачества, ошибки при выполнении операционного плана распределения промтоваров (опоздание с их завозом), ошибки планирования вообще (недостаточность обложения деревенской верхушки, чрезмерное расхождение цен на зерно и цен на другие продукты сельскохозяйственного производства и т. д.), временное отставание роста промпродукции, наконец – что играло крайне существенную роль – недостаточная организованность и активность аппарата (в том числе и партийного) привели в целом к крупнейшим хозяйственным затруднениям, развернувшимся на фоне громадного роста производительных сил и социалистического их сектора, затруднений, которые не имели бы места при своевременном правильном сбалансировании основных элементов хозяйства и устранении недочетов хозяйственного и партийного аппарата.

II

Для того чтобы парализовать угрозу общехозяйственного кризиса и обеспечить не только снабжение хлебом городов, но и отстоять взятый партией темп индустриализации страны, ЦК должен был принять ряд мер, в том числе и экстраординарного порядка. Эти меры ставили своей ближайшей целью:

1) усиление завоза и производства промтоваров и снабжение деревенского рынка в хлебозаготовительных районах даже за счет временного оголения городов;

2) извлечение части деревенских накоплений в денежной форме под углом зрения обложения верхних слоев деревни – с одной стороны и производительного применения значительной части извлеченных средств в самой деревне – с другой (заем укрепления крестьянского хозяйства; закон о самообложении; жесткая дисциплина в сроках изыскания платежей и т. д.);

3) удар по кулакам и скупщикам-спекулянтам, злостно спекулировавшим хлебом, взвинчивавшим цены на хлеб и угрожавшим голодом рабочим, бедноте и Красной Армии (применение 107 статьи, раздача 25% конфискуемого по суду у спекулянтов хлеба деревенской бедноте в ссуду и проч.);

4) образование действительно единого фронта хлебозаготовительных организаций и прекращение конкуренции между ними;

5) обеспечение советской политики стабильности цен на хлеб при политике понижения цен на промтовары, вопреки колебаниям в этом вопросе отдельных элементов кооперативного, советского и партийного аппарата;

6) вмешательство партии в хлебозаготовительное дело и мобилизация сверху донизу партийных сил для успешного проведения хлебозаготовительной кампании;

7) проверка и чистка советского кооперативного и партийного аппарата в хлебозаготовительных районах от явно разложившихся элементов, не видящих классов в деревне и не желающих «ссориться» с кулаками.

Объединенный пленум ЦК и ЦКК считает, что без проведения этих и подобных им мероприятий не могли быть устранены серьезнейшие затруднения в области заготовок хлеба.

Объединенный пленум одобряет поэтому целиком и полностью линию Политбюро, данную в директивных письмах от 6 января и 13 февраля сего года по вопросам хлебозаготовок.

Теперь мы можем с полным основанием констатировать, что указанные мероприятия партии, в известной своей части носившие чрезвычайный характер, обеспечили крупнейшие успехи в деле усиления хлебозаготовок. Если за первое полугодие по 1 января заготовки зерновых хлебов отставали от прошлого года на 128 млн. пудов, то за три месяца текущего года (с 1 января по 1 апреля) удалось заготовить на 110 млн. пудов больше, чем за тот же период прошлого года, т. е. почти полностью наверстать потерянное, причем заготовки (за 9 месяцев) всех культур составляют 644 млн. пудов против 617 млн. пуд. прошлого года. Следовательно, налицо имеется общее превышение заготовок, при некотором недоборе по линии зернового хлеба.

Таким образом, удалось смягчить, а затем и изжить перебои в снабжении городов, Красной Армии и рабочих районов, предупредить снижение реальной заработной платы, ликвидировать недоснабжение хлебом хлопководческих и льноводческих районов, а равно и районов лесных заготовок и, наконец, создать известные минимальные хлебные резервы.

Объединенный пленум ЦК и ЦКК обращает, однако, внимание всех парторганизаций на то, что за оставшийся третий квартал текущего хозяйственного года предстоит еще – для выполнения плана – заготовка хлеба и маслосемян более высокая, чем в соответствующие периоды двух прошлых лет. Это налагает на все партийные организации обязанность, не успокаиваясь достигнутыми успехами, продолжать кампанию с неослабным вниманием и настойчивостью.

III

Объединенный пленум ЦК и ЦКК констатирует улучшение и освежение партийной работы в деревне, ослабление роли и влияния кулачества, оживление работы среди бедноты и повышение авторитета советской власти среди основных масс крестьянства, несмотря на известное недовольство верхушечного слоя середняков, в особенности в связи с имевшими место извращениями и перегибами.

Эти извращения и перегибы, допущенные местами со стороны партийных и советских органов, подлежат самой категорической отмене, и партия обязана объявить им самую решительную борьбу, ибо они грозят дать длительный отрицательный как экономический, так и политический результат.

Сюда относятся все методы, которые, ударяя не только по кулаку, но и по середняку, фактически являются сползанием на рельсы продразверстки, а именно: конфискация хлебных излишков (без всякого судебного применения 107 статьи); запрещение внутридеревенской купли-продажи хлеба или запрещение «вольного» хлебного рынка вообще; обыски в целях «выявления» излишков; заградительные отряды; принудительное распределение облигаций крестьянского займа при расчетах за хлеб и при продаже дефицитных товаров крестьянству; денежные выдачи по почтовым перево-

дам, когда часть посылок выдается облигациями займа или другими бумагами; административный нажим по отношению к середняку; введение прямого продуктообмена и т. д. и. т. п.

Объединенный пленум ЦК и ЦКК самым категорическим образом заявляет, что такого рода извращения партийной линии не имеют ничего общего ни с партийным курсом вообще, ни с теми экстраординарными мероприятиями, которые ЦК проводил в жизнь в связи с особыми трудностями, обнаружившимися во время текущей хлебозаготовительной кампании. Объединенный пленум ЦК и ЦКК требует беспощадной борьбы с такими методами и немедленной ликвидации подобных перегибов и извращений, ибо они нарушают основы экономической политики партии, угрожают экономической связи между городом и деревней, подрывают систему кредита и грозят ослаблением союза рабочего класса и основных масс середняцкого крестьянства.

Лозунг XV съезда партии «развивать дальше наступление на кулачество» осуществим лишь на основе «новой экономической политики», являющейся единственно правильной формой сочетания крупной социалистической индустрии и мелкого крестьянского хозяйства, и на почве строгого проведения революционной законности пролетарского государства. Наступление на кулачество, таким образом, должно развиваться на основе дальнейшей товаризации основных масс крестьянского хозяйства, усиления экономического оборота между городом и деревней, подъема сельского хозяйства (недостаточность которого также была отмечена XV партийным съездом); оно должно развиваться путем систематического роста налогового обложения кулачества, ограничения его эксплуататорских стремлений (законодательство о труде, аренде, земельная политика вообще, классовый принцип в машиноснабжении и кредитовании сельского хозяйства и т. д. и т. п.), с одной стороны, и с другой стороны – путем всемерной и всесторонней поддержки кооперирования широких масс крестьянства, всех видов коллективного хозяйства, организации деревенской бедноты и систематического роста всех форм и методов государственно-планового воздействия на рынок и мелкое крестьянское хозяйство.

«Новая экономическая политика» есть именно тот путь, по которому твердо идет партия и через который только и возможно социалистическое преобразование хозяйства страны. Поэтому злостная агитация кулачества, нэпманов и их подголосков об отмене нэпа должна встретить решительный отпор со стороны партии. Поэтому же партия должна особенно решительно ликвидировать извращения и перегибы, которые наблюдались на практике и еще не изжиты до конца, несмотря на соответствующие предупреждения Политбюро ЦК.

Объединенный пленум ЦК и ЦКК полагает, что затруднения в хлебозаготовках, имевшие место в этом году, нельзя считать случайностью. Эти хлебозаготовительные затруднения связаны с трудностями быстрого темпа индустриализации страны, диктуемого пролетарскому государству всей международной и внутренней обстановкой, и с ошибками планового хозяйственного руководства. Эти затруднения были усугублены и осложнены стремлением кулацкой части деревни и спекулянтов использовать их, взвинтить цены на хлеб и сорвать советскую политику цен. Поэтому, поскольку затруднения в хлебозаготовках могут еще появиться в будущем, партия с тем большей настойчивостью должна добиваться того, чтобы неослабно выполнялся лозунг XV съезда партии о «дальнейшем наступлении на кулачество», о регулировании частного рынка и систематическом вовлечении единоличного крестьянского хозяйства со стороны кооперативных и государственных организаций в русло социалистического строительства.

Вместе с тем объединенный пленум считает, что по мере ликвидации затрудне-

ний в хлебозаготовках должна отпасть та часть мероприятий партии, которая имела экстраординарный характер.

Объединенный пленум ЦК и ЦКК поручает Политбюро принять все меры к тому, чтобы обеспечить в будущей хлебозаготовительной кампании бесперебойный ход заготовок, учитывая уроки, вынесенные партией из ошибок и недочетов хлебозаготовок текущего года.

В области основных экономических мероприятий объединенный пленум ЦК и ЦКК считает прежде всего необходимым добиться более правильной пропорции между отдельными элементами народного хозяйства и надлежащей плановой увязки их между собой.

Констатируя значительное расширение продукции промышленности, в особенности работающей на широкий рынок (27 проц. роста против 15 в прошлом году), объединенный пленум ЦК и ЦКК поручает Политбюро принять меры к тому, чтобы, во-первых, избегнуть сезонного сокращения промышленной продукции летом; во-вторых, образовать специальный резерв наиболее ходовых промышленных товаров для маневрирования ими в разгар хлебозаготовительной кампании.

Констатируя отпуск со стороны государства семенной ссуды на обсеменение ярового клина в размере больше, чем двойном, по сравнению с прошлым годом (29 млн. пуд. против 13 млн. пуд. в прошлом году); увеличение размера авансов, выдаваемых крестьянству по контрактации, до 135 млн. рублей с лишним; отпуск более чем в двойном размере ассигнований на колхозное строительство (всего специальных средств для колхозов отпущено 65 млн. руб.); общее увеличение ассигнований на сельское хозяйство свыше 717 млн. руб., что должно оказать крупное влияние на развитие сельского хозяйства, – объединенный пленум ЦК и ЦКК поручает Политбюро принять все меры к обеспечению роста урожайности посевных площадей вообще, посевных площадей под зерновыми культурами в особенности, а также принять все меры к обеспечению в будущем году значительного усиления производственной базы колхозов, в особенности путем расширения производства сложных машин и тракторов внутри СССР.

Констатируя освобождение 35 проц. маломощных хозяйств от сельхозналога как одно из важнейших достижений последних лет и увеличение сельхозналога для верхушечных слоев деревни, объединенный пленум ЦК и ЦКК поручает Политбюро обратить особое внимание на уловление неземледельческих доходов кулачества, на известное перераспределение налогового обложения между обложением производства зерна и других отраслей сельского хозяйства и на взыскании сельхозналога в точные, законом установленные сроки.

IV

Для обеспечения вышеуказанных директив и в целях создания единого фронта заготовительных организаций, как государственных, так и кооперативных, что является необходимой предпосылкой успешной заготовительной политики и осуществления народнохозяйственного плана вообще, объединенный пленум ЦК и ЦКК постановляет:

В области реорганизации заготовительного аппарата:

1) провести унификацию государственного хлебозаготовительного аппарата, образовав общесоюзное акционерное общество «Союзхлеб» путем слияния Хлебопродукта и местных госзаготовительных и мельничных организаций (Укрхлеб, Кавхлеб, Сибторг, Казхлеб и др), передав их аппарат и имущество с зачислением последнего в счет акций соответствующих органов Союзхлебу и обеспечив в работе Союзхлеба

влияние и содействие местных органов; установить заинтересованность акционеров и местных органов в успешной работе Союзхлеба путем распределения прибылей в соответствии со структурой акционерного капитала и отчисления с единицы заготовляемых продуктов в местные бюджеты, обеспечив, далее, сдачу другими мельничными объединениями, не сливающимися с Союзхлебом, всех излишков своих заготовок (за покрытием местных нужд) Союзхлебу на договорных началах;

2) в отношениях между государственной и потребительско-кооперативной заготовительными организациями (Союзхлеб – с одной стороны, Центросоюз и Вукоспилка – с другой) выработать и провести в жизнь систему генеральных договоров, согласно которым весь хлеб, заготовленный системой потребительской кооперации в порядке общесоюзного плана (т. е. не считая местных внеплановых заготовок), сдается непосредственно ближайшим элеваторам, мельницам, пристанционным и пристанским пунктам Союзхлеба;

3) для работы мельниц и элеваторов установить такие условия, которые обеспечивали бы их полную нагрузку и непосредственную связь населения с ними (непосредственный завоз хлеба, заготовленного кооперативами; особые надбавки к цене на хлеб, доставленный прямо на мельницы и элеваторы, и т. д.);

4) обеспечить заготовки для МСПО непосредственно по гендоговорам, заключаемым им с основными заготовителями. В целях выполнения гендоговоров основными заготовителями для МСПО установить специальные районы заготовок и отгрузок и специальные мельницы для Москвы с предоставлением МСПО права иметь в этих районах уполномоченных, наблюдающих за своевременным исполнением основными заготовителями своих обязательств по гендоговорам с МСПО и информирующих МСПО о состоянии заготовок и отгрузок.

В области **реорганизации регулирующего аппарата** объединенный пленум ЦК и ЦКК постановляет:

1) обеспечить за Наркомторгом СССР право общесоюзного комиссариата в деле организации и регулирования как заготовок, так и использования хлебных ресурсов, получаемых в порядке плановых заготовок;

2) провести укрепление аппарата Наркомторга на местах как с точки зрения поднятия квалификации работников, так и с точки зрения количественного усиления работающего персонала;

3) создать при НКТорге СССР постоянное, регулярно созываемое совещание из руководителей основных заготовительных органов и представителей важнейших хлебозаготовительных районов для выработки оперативных планов, методов хлебозаготовок и т. д. под непосредственным руководством наркома.

Объединенный пленум ЦК и ЦКК обращает особое внимание на необходимость всемерного укрепления кооперации (потребительской и сельскохозяйственной), усиление кадрового состава ее работников, укрепление внутренней кооперативной дисциплины, расширение охвата крестьянского населения, развитие кооперативной общественности, обеспечение классовой политики и т. д.

Стремясь всемерно к обеспечению единства выступлений всех государственных и кооперативных организаций на хлебном рынке, объединенный пленум ЦК и ЦКК возлагает на партийные организации обязанность решительной борьбы со всеми и всяческими проявлениями нарушений и обходов заготовительной политики и дисциплины, местничеством, ведомственностью, формальным отношением к оперативным планам (хлебофуражный баланс, необоснованные заявки и т. д.).

Считая необходимым рационализацию всего хозяйственного аппарата, занятого

заготовкой, переработкой и сбытом хлеба, объединенный пленум ЦК и ЦКК возлагает обязанность на коммунистов-работников советского аппарата и на парторганизации добиться значительного дальнейшего снижения накладных расходов как по заготовке и сбыту хлеба, так и по мукомолью и хлебопечению.

Объединенный пленум ЦК и ЦКК предлагает всем парторганизациям обратить сугубое внимание на установление безоговорочной революционной дисциплины при выполнении общехозяйственных планов, ибо при быстром темпе социалистического строительства и развертывания в связи с этим капитальных работ, при величайшем напряжении всех сил и ресурсов пролетарского государства лишь при осуществлении суровой пролетарской дисциплины во всем хозяйственном аппарате можно без более или менее значительных перебоев идти вперед по пути к социализму.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ПЛАН РАБОТЫ ПОЛИТБЮРО И ПЛЕНУМА ЦК НА 1928 ГОД

Утвержденный объединенным пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б)
11 апреля 1928 г.

1. Апрель. **Итоги хлебозаготовительной кампании** 27/28 г. **и мероприятия по обеспечению новой кампании**. Доклад НКТорга. С перенесением в пленум.

2. – **Программа Коминтерна**.

3. **Май. О мерах улучшения высших и средних технических учебных заведений с точки зрения выработки и правильного распределения красных спецов и хозяйственников. Доклад комиссии ЦК. С перенесением в пленум**.

4. – **О мерах улучшения постановки дела радио и кино**. Доклад комиссии ЦК.

5. – **О всеобщем обязательном первоначальном образовании**. Доклад комиссии ЦК. С перенесением в пленум.

6. Июнь. **Доклад НКПС о состоянии и финансовом положении ж. д. транспорта**. Содоклад ЦКК – РКИ. С перенесением в пленум.

7. – **Положение строительного дела и меры удешевления строительства**. Доклад комиссии тов. Лукашина. Содоклад РКИ. С перенесением в пленум.

8. – **Доклад правительственной комиссии о первых итогах и дальнейшем проведении 7-часового рабочего дня. С перенесением в пленум**.

9. Июль. **О реорганизации НКТорга СССР**. Доклад НКТ. Содоклад РКИ.

10. – **Проверка практики рационализации в промышленности**. Доклад ВСНХ. Содоклад РКИ.

11. Август. **О состоянии обороны страны**. Доклад комиссии тов. Рыкова и Реввоенсовета.

12. – **Доклад НКЗ РСФСР и УССР и Колхозцентра о состоянии колхозного и совхозного строительства. С перенесением в пленум**.

13. Сентябрь. **Контрольные цифры народного хозяйства на 28/29 г. Доклад Госплана. С перенесением в пленум**.

14. – **Промфинплан на** 28/29 г. Доклад ВСНХ СССР. С перенесением в пленум.

13. – **Итоги выполнения экспортно-импортного и валютного планов на** 27/28 **г. и планы на 28/29 г**. Доклад НКТорга и НКФина.

16. Октябрь. **Итоги исполнения бюджета** 27/28 г. **и план на 28/29 г**. Доклад НКФина.

17. – **Опыт объединения банков и** реорганизация Госбанка. Доклад Госбанка и содоклад РКИ.

18. – **Доклад ЦК КП(б)У об итогах политической и хозяйственной работы на Украине**.

19. Ноябрь. **Об итогах и дальнейших мерах борьбы с бюрократизмом государственного и хозяйственного аппарата**. Доклад РКИ – ЦКК. С перенесением в пленум.

20. – **Пятилетний план развития народного хозяйства**. Доклад Госплана с содокладами ведомств по соответствующим вопросам. С перенесением в пленум.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

ШАХТИНСКОЕ ДЕЛО И ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ В ДЕЛЕ БОРЬБЫ С НЕДОСТАТКАМИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Резолюция по докладу тов. Рыкова, принятая единогласно объединенным пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б) 11 апреля 1928 г.

Шахтинское дело привело к раскрытию контрреволюционной вредительской организации в Донбассе. Это дело приобрело явно общесоюзное значение, так как вскрыло **новые формы и новые методы борьбы буржуазной контрреволюции против пролетарского государства, против социалистической индустриализации**. Политическое значение этого дела подчеркивается тем, что вредительская организация в Донбассе, созданная бывшими шахтовладельцами и группой особо привилегированных в прошлом специалистов, была связана с бывшими русскими и иностранными собственниками, а также с иностранной военной разведкой и, помимо других задач, ставила своей целью срыв обороны Советского Союза и прямую подготовку к интервенции и к войне с СССР.

Обнаружение контрреволюционного заговора в Донбассе, как и ряд других фактов экономического вредительства, саботажа и проч., свидетельствует о том, какие исключительные трудности приходится преодолевать пролетариату в деле строительства социализма. Если, несмотря на это, советское государство быстро шло по пути хозяйственного восстановления и роста, то это является новым доказательством исключительных преимуществ и огромных внутренних сил советской системы, в частности советской промышленности, и ярко подчеркивает широчайшие возможности дальнейшего хозяйственного и культурного подъема СССР под руководством рабочего класса.

Известную роль в деле преодоления этих трудностей сыграло и то обстоятельство, что на протяжении 10 лет после Октябрьской революции большая часть технической интеллигенции перешла к искреннему сотрудничеству с советской властью, поддерживая на деле индустриализацию страны.

Вместе с тем обнаруженный заговор вскрывает вопиющие недостатки и ошибки в нашей хозяйственной работе и в самой системе хозяйственного управления, притупление коммунистической бдительности и революционного чутья наших работников в отношении классовых врагов, неудовлетворительность работы по вовлечению рабочих масс в дело руководства производством, отрыв руководящих органов массовых организаций, профессиональных и партийных, – от повседневных нужд и запросов рабочих и явную слабость партийного руководства хозяйственным строительством.

Особенно выпукло на примере Донбасса вскрываются следующие наши недочеты.

а) **Методы работы руководителей-хозяйственников и отношение к специалистам**. На примере Донбасса видно, что во многих предприятиях роль руководителей

до сих пор остается по преимуществу ролью **плохого комиссара в промышленности**, т. е. вместо действительного управления предприятием сводится к так называемому «общему руководству». Вместо проверки работы специалистов и систематической учебы на совместной работе с ними у хозяйственников-коммунистов, не работающих над поднятием своей производственно-технической квалификации, зачастую устанавливается слепое доверие к их работе. Вместо бдительного контроля и осуществления строгой ответственности специалистов за выполняемую ими работу преобладает штемпелевание готовых планов и предложений без проверки. Как правило, отсутствует проверка и исполнение утвержденных планов. Вместо внимательного отбора и деловой поддержки лучших по квалификации и проверенных на работе специалистов при систематической и решительной борьбе с недобросовестными и саботажническими элементами – отсутствие серьезного внимания к этой важнейшей задаче. Вместо создания благоприятной общественной обстановки для успешной работы преданных производству специалистов – сближение с отдельными группами из них на основе приятельской бытовой смычки (совместной выпивки, обывательского отношения к оценке их работы и т. п.). Недопустимость такого положения особенно сказывается в настоящий момент, когда размах хозяйственного строительства, в частности размах капитальных работ, приобрел огромные размеры. В теперешних условиях отсутствие у хозяйственников знакомства с производственно-технической стороной предприятия, частая перестановка их с одной работы на другую, перегруженность делами непроизводственного характера (отчеты, доклады, поездки в центр) и другие условия, превращающие хозяйственников в комиссаров, и притом **плохого** типа, т. е. в работников, не отвечающих по-настоящему за порученное дело, – особенно недопустимы.

Между тем приток красных специалистов на работу в предприятия также совершенно недостаточен. Приходящие красные специалисты из молодежи нередко встречают открыто враждебное отношение со стороны старых специалистов. С другой стороны, привлечение иностранных специалистов и иностранной технической помощи происходит без надлежащего руководства и контроля.

Профорганизации инженеров и техников проникнуты кастовым духом и узкоцеховыми настроениями. Нередко они захвачены чуждыми пролетариату элементами, противопоставляют себя пролетарскому государству и профсоюзам и работают фактически без руководства со стороны последних. В результате отдельные саботажнические элементы из буржуазных специалистов не встречают должного отпора со стороны большей части инженеров и техников, добросовестно относящихся к своему делу.

Несмотря на рост кадров выдвиженцев-рабочих на производстве (от десятников и мастеров до начальников цехов), не уделяется достаточного внимания их специальному обучению поручаемому им делу. Функции их нередко сводятся к мелочам и администрированию по «неприятным» для специалиста делам с рабочими. Нередки случаи однобокого выдвижения исключительно коммунистов, что создает опасность отрыва партийцев от рабочих и способствует насаждению карьеризма в партийных организациях.

б) **Профсоюзы и вовлечение масс в дело руководства производством**. Вовлечение масс в дело руководства производством поставлено совершенно неудовлетворительно.

Информация рабочих о плане и ходе производства носит часто формальный характер; вопросы производства, рационализации его, капитальных работ и т. д. не прорабатываются на производственных совещаниях, а в некоторых случаях имеется даже преследование рабочих за критику недостатков работы администрации. Профсоюзы не работают систематически над поднятием значения производственных совещаний:

плохая организация производственных совещаний, редкость их созыва, игнорирование работы производственных совещаний со стороны технического персонала, а иногда и коммунистов-администраторов, отсутствие надлежащего контроля за выполнением принятых решений. Практика временных контрольных комиссий на предприятиях совершенно недостаточна. Фонд премирования за ценные предложения и изобретения совершенно не используется, а по отдельным производствам даже не выделен. Совершенно неудовлетворительно поставлена экономработа в органах профсоюзов: райкомах, губотделах, ЦК, межсоюзных организациях, особенно по линии участия в деле капитального строительства, проведения рационализации производства, а также проведения мероприятий по удешевлению себестоимости и руководства работой производственных совещаний.

С другой стороны, профорганизации не сохраняют своего «лица», т. е. не выполняют своей особой роли в защите повседневных нужд рабочих. Авторитет профсоюзных работников мал, повседневная связь их с рабочими в цехах, шахтах, казармах и т. п. слаба. Совершенно недостаточна борьба с нарушениями Кодекса законов о труде и вообще против извращения сущности советской политики в рабочем вопросе, как то: против лишения рабочих сокращенного рабочего дня в предпраздничные дни и работы в дни отдыха; против практики неоплаченных простоев, происходящих по вине предприятия; против нарушения правил об отпусках и прозодежде и т. п. Крайне слаба борьба органов НКТруда и профсоюзов против невнимательности администрации к делу охраны труда и борьбы с травматизмом. Нередко отсутствует систематическое привлечение виновных за упущения, ведущие к несчастным случаям; невнимательны к этому делу также органы РКИ и прокуратуры.

*Особо должен быть выделен вопрос относительно несоблюдения 6-часового рабочего дня на подземных работах и, в связи с этим, таких недостатках в организации труда в шахтах, которые приводят к непроизводительной затрате значительной части рабочего времени.

в) **Партийные органы и руководство хозяйственной работой**. Руководство парторганизаций в отношении хозяйственных органов зачастую сводится к общим декларативным резолюциям. Как правило, отсутствует проверка проведения в жизнь принятых в отношении хозорганов директив. Особенно сказывается недостаток чуткости к заявлениям рабочих о хозяйственных недостатках и об ошибках в работе профессиональных и партийных органов. Нет надлежащего руководства работой профсоюзов как в деле массового вовлечения рабочих в руководство производством, так и в деле обеспечения чуткости и настойчивости профсоюзов в защите интересов рабочих при нарушениях Кодекса о труде, грубом обращении администрации с рабочими и т. п. Сплошь и рядом местные партийные органы ограничиваются формальной бюрократической критикой недостатков местных учреждений и центральных хозорганов – вместо активной борьбы за устранение самих недостатков. При подборе работников, как правило, отсутствует серьезная проверка прошлой работы; нередко снятые за плохую работу хозяйственники переводятся на новую и даже большую работу вместо очистки хозорганов от этих элементов и выдвижения новых кадров хозяйственников. При назначении на ответственную работу сказываются нездоровая «семейственность», «дружеские связи» и т. п. Слаб контроль за работой хозяйственников в отношении отчетности их за свою работу перед рабочими, и вместе с тем недостаточна помощь хозяйственникам в создании условий, благоприятных для их работы по поднятию производства и усилению своей производственно-технической квалификации (учебы). В ряде случаев оста-

* Звездочкой отмечены абзацы, не вошедшие в резолюцию, опубликованную в печати (ред.).

ется материальная зависимость парторганизаций от хозорганов, категорически запрещенная партией.

Многие недостатки и ошибки местных органов усугубляются грубыми бюрократическими извращениями и ошибками **центральных** органов. К числу последних относится недопустимое запаздывание утверждения хозяйственных **планов**, частая их перекройка, что подрывает работу предприятий, ведет к растрате государственных средств и увеличивает безответственность хозяйственников и специалистов за их работу. На примере Донбасса уродливо сказался чрезмерный **централизм** в хозяйственном управлении (Донуголь), что, с одной стороны, способствовало усилению бюрократических извращений, волокиты, бесправия и безответственности низовых хозработников, а с другой – затрудняло влияние местных организаций на работу предприятий. Наконец, серьезное отрицательное значение имеет то обстоятельство, что на практике почти не проводился в жизнь **декрет о трестах**, изданный 29 июня 1927 г., – в особенности в части, устанавливающей взаимоотношения управляющих предприятий (директоров) с техническими руководителями-специалистами и изменявший прежде изданные положения («Типовое положение», установленное приказом по ВСНХ № 33, 1926 г.). Эта практика, поставившая весь технический состав в непосредственную зависимость от технического руководителя, мешала установлению действительного единства управления и уменьшала роль управляющего предприятием (директора).

Эти извращения в системе управления, несомненно, способствовали длительной безнаказанности контрреволюционных вредителей.

Вскрывшиеся на примере Донбасса крупнейшие недостатки и ошибки хозяйственной работы характерны для большинства промышленных районов и делают необходимым скорейшее проведение ряда **практических мероприятий** для их устранения.

I
В ОТНОШЕНИИ СПЕЦИАЛИСТОВ

Рассматриваемые в связи с шахтинским делом факты с исключительной резкостью подчеркивают необходимость улучшения дела использования специалистов науки и техники в нашей промышленности, транспорте и т. д. Для этого теперь особенно необходимо усиление проверки их работы и действительное установление строгой ответственности за поручаемое им дело наряду с постоянной заботой о благоприятных условиях их труда. Беспощадно карая злостных саботажников и вредителей, необходимо вместе с тем улучшить условия работы подавляющей массы честных, преданных своему делу работников-специалистов. Всемерному привлечению к производственно-технической работе добросовестно работающих квалифицированных специалистов ни в коем случае не должно мешать наличие в их среде таких настроений и предрассудков, которые все еще являются неизбежным наследием прошлого, пережитками буржуазного строя. Борьба со спецеедством, хотя и значительно ослабленным работой партии и профсоюзов, должна и впредь вестись со всей последовательностью и твердостью. Необходимо при этом добиваться, чтобы основная масса инженеров и техников стала действительно активными и сознательными помощниками социалистического строительства. Особое внимание необходимо сосредоточить на вопросе о подготовке новых кадров красных специалистов и значительном расширении использования их на производстве.

Исходя из этого, объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) постановляет:

*1. Предложить ВСНХ и подчиненным ему хозяйственным органам сосредоточить в ближайшие месяцы особое внимание на проверке личного состава специалис-

тов (и особенно бывших собственников), начиная с наиболее важных промышленных предприятий. Соответствующие меры провести также в отношении специалистов на транспорте, в плановых органах и т. д.

2. Осуществить меры но обеспечению условий для наиболее плодотворного развития научно-технической мысли, особенно путем постановки широкого освещения научно-технических вопросов в соответствующей прессе (специальной и проч.), открытого обсуждения их как в специальных организациях ученых и техников, так и на съездах, совещаниях и широких общественных собраниях, организации для этого специальных диспутов и т. п.

3. Поручить фракции ВЦСПС широко развернуть работу профсоюзов среди масс специалистов (инженеров и техников). Профсоюзы должны добиваться создания благоприятных условий для поднятия технической квалификации специалистов, вовлечения их в работу производственных совещаний, преодоления оставшейся до сих пор кастовой замкнутости и узкокорпоративных настроений среди специалистов, а также укрепления в их среде производственной и профсоюзной дисциплины, сохраняя в то же время чуткое отношение к делу удовлетворения материальных, бытовых и культурных нужд специалистов.

4. Организовать систематическое привлечение иностранных специалистов для работы на наших предприятиях, а также привлечение иностранной технической помощи по отдельным заданиям, с установлением правильного руководства ими и надлежащих форм контроля.

5. Расширить и улучшить дело систематического командирования наших специалистов за границу для усвоения достижений новейшей техники, особенно расширив для этого посылку за границу молодых, наиболее отличившихся специалистов и студентов ВТУЗов.

6. Обеспечить решающее влияние ВСНХ вместе с профсоюзами (при руководстве партии) в деле набора и распределения студентов ВТУЗов и техникумов и контроль ВСНХ в деле постановки обучения в них. При приеме и особенно при прохождении курса обеспечить преобладание рабочих.

7. Укрепить и расширить Промакадемию при ВСНХ СССР, а также расширить курсы красных директоров.

8. Предложить ВСНХ расширить и укрепить сеть краткосрочных курсов по подготовке и переподготовке кадров низших и средних звеньев хозяйственного управления (десятников, мастеров, техников и т. п.) из рабочих-выдвиженцев.

9. Во всем деле создания новых кадров красных специалистов, усиления квалификации рабочих-выдвиженцев и т. п. обеспечить максимально широкое и активное участие профессиональных организаций.

II
В ОТНОШЕНИИ ХОЗЯЙСТВЕННИКОВ-КОММУНИСТОВ

В соответствии с ростом и сложностью хозяйственного строительства хозяйственники должны поставить перед собой задачу путем получения спецзнаний и изучения техники производства овладеть производственно-технической стороной дела. Из основного кадра этих хозяйственников-практиков и кончающих ВТУЗы красных специалистов партия должна теперь более, чем когда-либо ранее, выдвигать красных пролетарских специалистов на замену чуждых социалистическому строительству элементов из среды буржуазных специалистов. В этом одна из основных задач хозяйственного строительства, без успешного осуществления которой не может быть прове-

дена социалистическая индустриализация. Осуществление этого курса требует скорейшего проведения ряда практических мероприятий.

В связи с этим объединенный пленум ЦК и ЦКК постановляет:

1. Предложить ВСНХ в кратчайший срок провести во всех промышленных предприятиях постановление ЦИК и СНК СССР от 29 июня 1927 года («Положение о государственных промышленных трестах») и приказ ВСНХ СССР от 4 октября 1927 г. («Типовое положение»), дабы обеспечить за дирекцией предприятия действительное руководство в управлении предприятием и отменить типовое положение, установленное приказом ВСНХ № 33.

2. Хозяйственникам, прошедшим большую практическую школу и проявившим способности в деле управления, облегчить приобретение производственно-технической квалификации путем посылки на учебу, командировок за границу (с точными заданиями и под строгим контролем ВСНХ), снабжения технической и экономической литературой и т. п.

3. Поручить РКИ в месячный срок добиться максимального сокращения обследований предприятий со стороны центральных и местных органов и обеспечить повышение качества самих обследований, а также надлежащее изучение их результатов и наблюдение за устранением замеченных обследованием недочетов.

4. Предложить ВСНХ провести коренную реорганизацию Донугля, устранив излишнюю централизацию и расширив самостоятельность его низовых органов (рудоуправлений шахт).

III
В ОТНОШЕНИИ ВЫДВИЖЕНЦЕВ

1. Выдвижение рабочих на административно-техническую работу связать с такими мероприятиями, которые обеспечивали бы выдвиженцам возможность учебы по своей специальности на особых курсах, техникумах и т. п. Увеличить и упорядочить посылку за границу отдельных групп квалифицированных рабочих для спецподготовки.

2. Усилить инициативу профессиональных и партийных организаций в деле выдвижения рабочих на административно-техническую работу при обеспечении за администрацией должного влияния в этом деле возможности нести полную ответственность за работу выдвиженцев.

3. Выдвижение на хозяйственную работу как партийных, так и беспартийных производить в строгом соответствии с действительной пригодностью к новому делу выдвигаемого товарища.

IV
О ВОВЛЕЧЕНИИ МАСС В ДЕЛО РУКОВОДСТВА ПРОИЗВОДСТВОМ

1. Поставить систематическую и своевременную информацию рабочих как о производственных планах, так и о выполнении их, по-прежнему всемерно добиваясь улучшения и усиления трудовой дисциплины среди рабочих и служащих и поднятия производительности их труда. Равным образом хозорганы и профсоюзы должны добиваться большей плановой и финансовой дисциплины, большей четкости, систематичности и ответственности в работе всего административно-технического персонала.

2. Добиться систематической работы производственных совещаний в цехах и предприятиях, особенно в отношении практики проведения рационализаторских мероприятий и капитальных работ на предприятиях.

3. В крупных предприятиях, особенно там, где имеются серьезные недочеты в строительстве и в использовании оборудования, а также где проводятся крупные капитальные работы, необходимо немедленно создать временные контрольные комиссии рабочих с участием в них технического персонала.

Опыт целиком и полностью подтвердил целесообразность существования временных контрольных комиссий в общей системе фабрично-заводских рабочих организаций как органа производственных совещаний, необходимость их более широкого применения и большего внимания к их работе со стороны партийных, профессиональных и хозяйственных органов.

4. Предложить ВЦСПС обеспечить усиление экономработы во всех профсоюзах, особенно по линии участия профорганизаций, в деле капитального строительства, в вопросах рационализации производства, проведения мероприятий по удешевлению себестоимости и руководства работой производственных совещаний. Партийные и хозяйственные органы обязаны оказать такое содействие профсоюзам в этой работе, чтобы на деле осуществить эту директиву.

V
ОБ УЛУЧШЕНИИ УСЛОВИЙ ТРУДА И БЫТА РАБОЧИХ В ДОНБАССЕ

1. Немедленно устранить имевшиеся нарушения Кодекса об условиях труда в отношении проведения сокращенного рабочего дня в предпраздничные дни, недопущения работы в установленные дни отдыха, недопуска женщин на подземные работы и практику неоплачивания простоев, происшедших по вине предприятия. Ответственность за проведение этого возложить на правление Донугля и ЦК Горняков.

2. Привлекать к строгой судебной ответственности представителей администрации за невнимательное отношение к делу охраны труда и техники безопасности работы.

3. Предложить ВСНХ СССР и СТО уже в текущем году разработать вопрос об улучшении водоснабжения и благоустройства рабочих поселков в Донбассе и утвердить финансовый план связанных с водоснабжением работ.

4. В целях улучшения работы профорганов в деле обслуживания насущных нужд рабочих масс и широкого вовлечения рабочих в работу профорганизаций реорганизовать сеть низовых организаций профсоюза горняков в Донбассе и других районах таким образом, чтобы теперешние шахтбюро получили права фабзавкомов. ЦК Союза горняков должен добиться при проведении этой меры укрепления авторитета и большей связи своих органов с массами.

5. Поручить ЦК КП(б)У представить в 2-месячный срок предложение о работе поселковых советов в районах Донбасса в направлении передачи им обслуживания бытовых нужд рабочих.

*6. Обеспечить в течение 6 месяцев, согласно Кодекса законов о труде, полное осуществление 6-часового рабочего дня на подземных работах, связав это дело с проведением новых мероприятий по механизации работ и т. п. Обязать ВЦСПС и ВСНХ в 2-месячный срок представить первый доклад по этому вопросу.

7. Считать ближайшей и непременной обязанностью как хозорганов, так равно и проф- и парторганизаций всемерную заботу об улучшении бытовых условий горнорабочих (бани, казармы, столовые и т. п.). Особо строгую ответственность возложить за правильность расходования ассигнуемых на это средств.

VI
ОБ УЛУЧШЕНИИ ПАРТИЙНОГО РУКОВОДСТВА

1. Одобрить решение Севкавкрайкома от 22 марта о роспуске бюро Шахтинского окружкома.

2. Поручить ЦК и ЦКК КП(б)У произвести проверку работы тех парторганов Донбасса, где необходимо ликвидировать ошибки неправильных исключений из партии (за «недопустимую» критику и пр.), остатки «семейственности» в подборе работников и др.

3. Вменить в обязанность парторганизациям добиться решительного перелома в работе хозяйственных органов в деле проверки работы специалистов, а в работе профорганов – в деле привлечения рабочих масс к участию в руководстве производством.

4. Возложить на парторганизации ответственность за создание нормальных условий для работы хозяйственников, в частности освободить хозяйственников от частой дачи формальных отчетов, разгрузить их от участия в заседаниях и обязать их действительной отчетностью перед рабочими массами.

5. Вменить в обязанность парторганизациям осуществить надлежащее руководство работой хозорганов в области капитального строительства, обеспечив при этом действительную проверку проведения утвержденных планов работы и правильного расходования ассигнованных на это дело средств.

6. Возложить на парторганизации ответственность за то, чтобы члены выборных органов (профессиональных, партийных), замененные по выборам новыми товарищами, не переводились только потому, что они были ранее избраны, на другую ответственную работу, а направлялись бы на низовую работу или на производство. Наряду с этим поручить Политбюро разработать проект для борьбы с засорением советского, хозяйственного и др. аппаратов негодными и бюрократическими элементами и для усиления выдвижения новых, более способных и более связанных с массами кадров.

Главнейшим условием для обеспечения успешного проведения всех намеченных мероприятий должно быть действительное проведение в жизнь лозунга XV съезда о самокритике, а также значительное улучшение работы парторганизаций в деле проведения внутрипартийной демократии и усиленной повседневной борьбы с недостатками в работе партийных, профессиональных, советских и хозяйственных органов.

Отдельным специальным постановлением принять:

«В целях усиления борьбы с недостатками местной работы, а также для улучшения практики руководства центральных органов объединенный пленум ЦК и ЦКК постановляет, что члены ЦК, члены президиума ЦКК, наркомы и их заместители, члены президиумов ВЦСПС и ЦК союзов не меньше чем полтора-два месяца в году должны проводить на местной работе».

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

ДИАГРАММЫ К ДОКЛАДУ ТОВ. МИКОЯНА «О ХЛЕБОЗАГОТОВКАХ ТЕКУЩЕГО ГОДА И ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ НА БУДУЩИЙ ГОД» НА ОБЪЕДИНЕННОМ ПЛЕНУМЕ ЦК И ЦКК ВКП(б)

I. Динамика индексов цен

II. Соотношение динамики реальной и номинальной месячной зарплаты рабочих крупной промышленности

III. Нарастающие итоги хлебозаготовок

IV. Изменение доли кооперации и госорганов в плановых заготовках

V. Численность заготсети всех заготовителей

VI. Перемол зерна цензовым мукомольем

VII. Доля производителя в цене потребителя муки в Москве

ДИАГРАММА № 1

ДИНАМИКА ИНДЕКСОВ ЦЕН

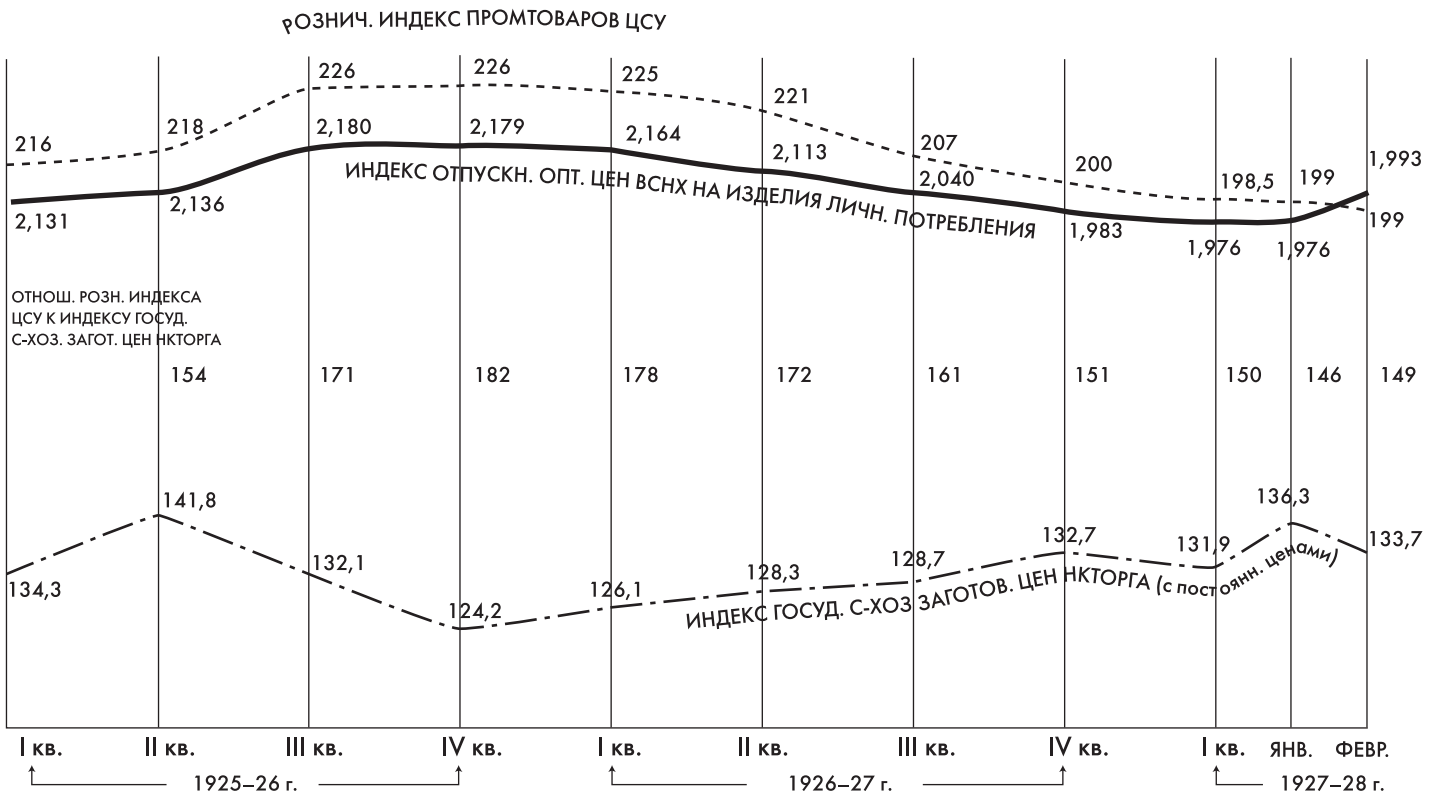


ДИАГРАММА № 2

СООТНОШЕНИЕ ДИНАМИКИ РЕАЛЬНОЙ И НОМИНАЛЬНОЙ МЕСЯЧНОЙ ЗАРПЛАТЫ РАБОЧИХ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

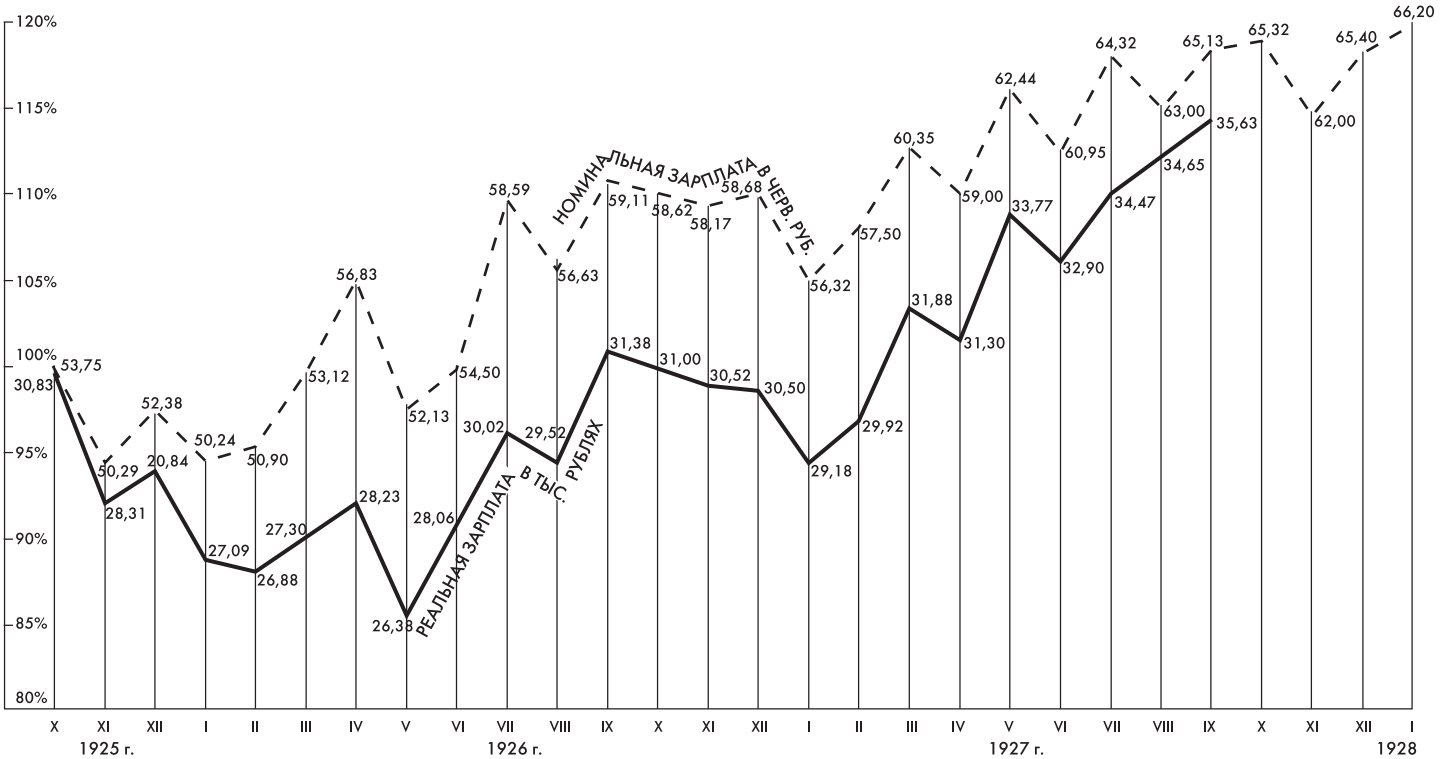


ДИАГРАММА № 3

НАРАСТАЮЩИЕ ИТОГИ ХЛЕБОЗАГОТОВОК
с маслосеменами. (в тыс. тонн)

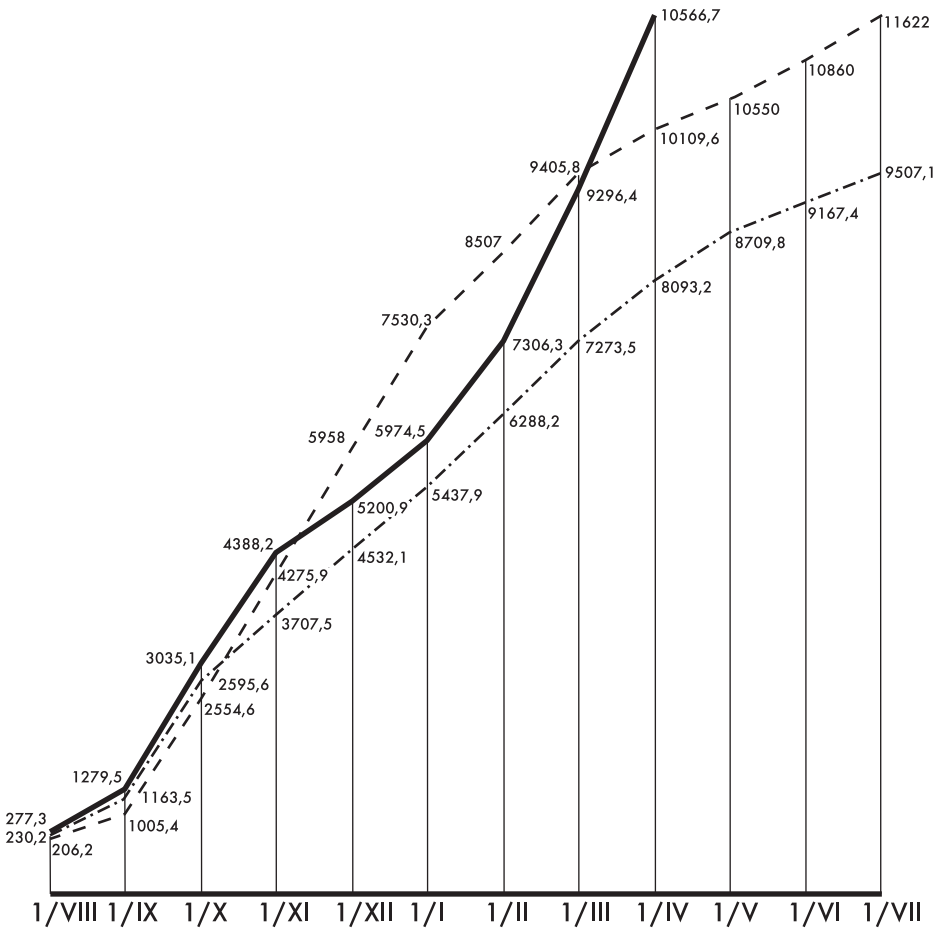
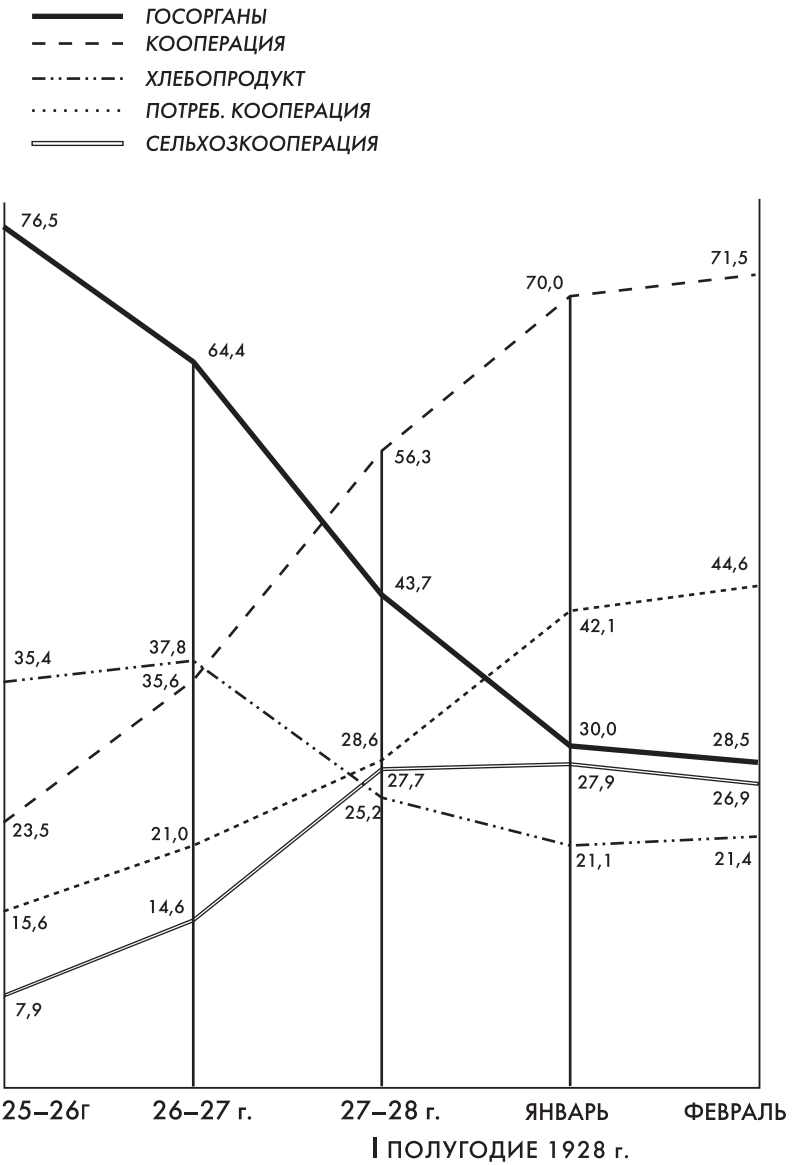


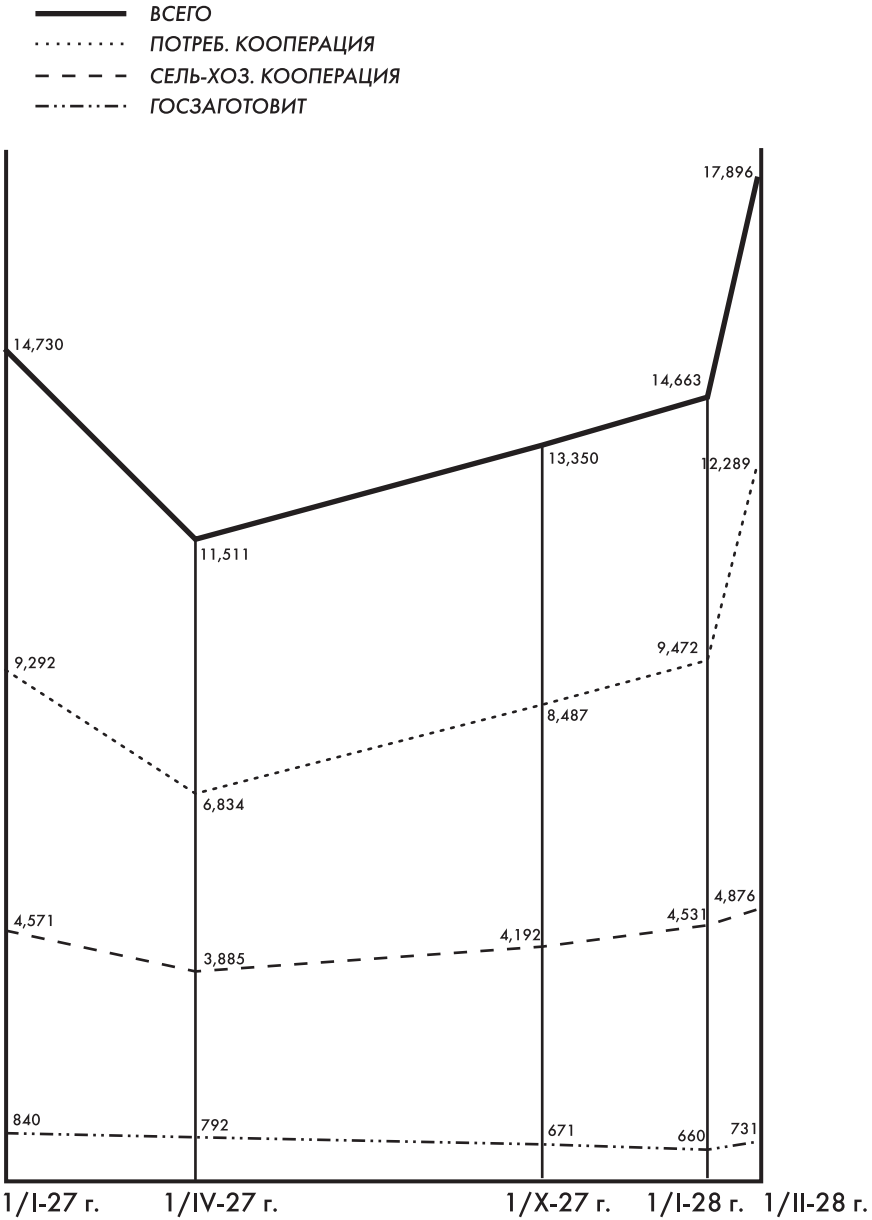
ДИАГРАММА № 4

ИЗМЕНЕНИЕ ДОЛИ КООПЕРАЦИИ И ГОСОРГАНОВ В ПЛАНОВ. ЗАГОТОВКАХ

в %%



ЧИСЛЕННОСТЬ ЗАГОТСЕТИ ВСЕХ ЗАГОТОВИТЕЛЕЙ



ПЕРЕМОЛ ЗЕРНА ЦЕНЗ. МУКОМОЛЬЕМ В МИЛЛ. ПУД.

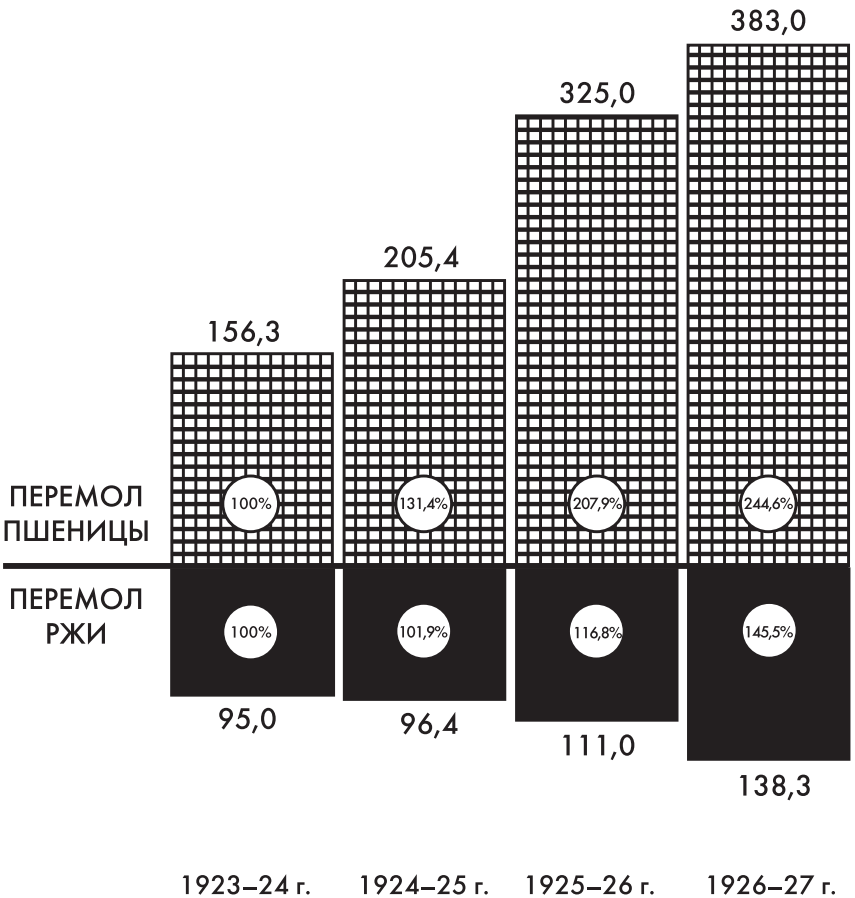
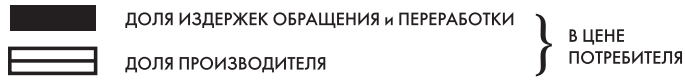


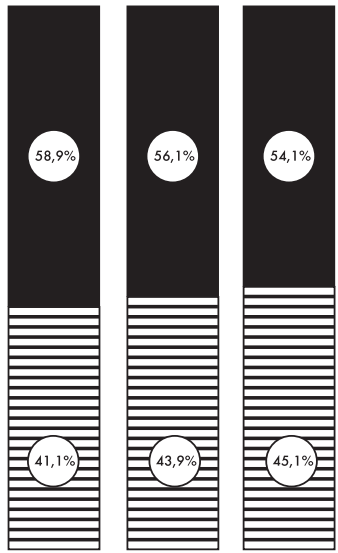
ДИАГРАММА № 7

ДОЛЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЯ В ЦЕНЕ ПОТРЕБИТЕЛЯ МУКИ В МОСКВЕ



РЖАНАЯ МУКА
100%

РОЗНИЧН. ЛОБАЗН. ЦЕНА ХЛЕБОПРОД.



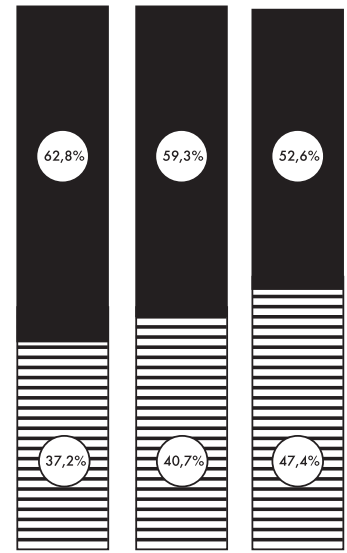
СРЕДНЯЯ ПО СОЮЗУ ЦЕНА ХЛЕБОПРОДУК.

I ПОЛУГ. II ПОЛУГ. I ПОЛУГ.

1926–27 г. 1927–28 г.

ПШЕНИЧНАЯ МУКА
100%

РОЗНИЧН. ЛОБАЗН. ЦЕНА ХЛЕБОПРОД.



СРЕДНЯЯ ПО СОЮЗУ ЦЕНА ХЛЕБОПРОДУК.

I ПОЛУГ. II ПОЛУГ. I ПОЛУГ.

1926–27 г. 1927–28 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

В ПРЕЗИДИУМ ОБЪЕДИНЕННОГО ПЛЕНУМА ЦК И ЦКК ВКП(б)

В своем выступлении на заседании пленума 7 с.м. тов. Лепа, касаясь вопроса о методах распространения займа укрепления крестьянского хозяйства, утверждал, что некоторые указания, получавшиеся на местах из центра, могли быть истолкованы в данной обстановке хлебозаготовительной кампании как указания о допустимости административного нажима и принуждения. При этом в качестве примера им было процитировано несколько фраз из подписанного мною циркуляра Наркомфина.

Так как соответствующий абзац циркуляра Наркомфина от 27 февраля с.г. за № 0207/4 был процитирован тов. Лепой неполностью и с выпуском как раз в той части абзаца, которая прямо говорит о недопустимости административного воздействия при продаже займа, я привожу цитату полностью: «Реализация займа проводится на основе контрольных цифр (задание). Вол(рай)исполкомы получают задания от окруфинотделов* и разбивают его по сельсоветам. Сельсоветы, руководствуясь данными о состоятельности отдельных крестьян (данные об отхожих заработках, сельхозналога и пр.), определяют для себя, на какую приблизительно сумму должен был бы подписаться каждый крестьянин села. Надо при этом иметь в виду, что целесообразно, чтобы бедняцкие элементы деревни, даже освобожденные от уплаты сельхозналога, участвовали в займе, хотя бы в незначительных суммах. Такое участие создает обстановку, воздействующую на состоятельные слои деревни.

Составленные для себя сельсоветами цифры прикидки размещения займа по отдельным хозяйствам ни в коем случае не должны быть объявлены и **не должны носить характера обязательной разверстки**.

В некоторых районах на сельских сходах выбирают комиссии, которые должны определить причитающуюся с каждого крестьянина сумму займа. Такая практика неприемлема и должна быть отменена. Указанные выше цифры прикидки по хозяйствам являются секретным материалом, которым сельсовет пользуется **только** при переговорах с крестьянином и для руководства работой контрагентуры. Переговоры с крестьянами могут вестись в различном порядке. Целесообразно, чтобы сельсовет вызывал к себе наиболее зажиточных крестьян и поручал переговоры с бедняцкими и середняцкими слоями контрагентам. Цифра, намеченная сельсоветом, является той суммой подписки, на которую желательно уговорить крестьянина. **Однако в случае его несогласия нельзя применять никаких мер административного воздействия для того, чтобы заставить его купить облигации на эту** сумму. В этих переговорах нельзя только ограничиваться указаниями на государственную необходимость и на политическое значение займа. Наряду с доводами политического порядка нужно обязательно подробно разъяснить выгоды займа лично для крестьянина».

---

* Так в тексте. Имеются в виду окружные и уездные финансовые отделы (ред.).

Считая истолкование тов. Лепой подписанного мною циркуляра НКФина как оправдывающего «принудиловку» совершенно недопустимой попыткой свалить вину на тех, кто к ней ни в какой мере не причастен, и полагая, что приведенная выше мною полная цитата целиком это подтверждает, прошу настоящее мое заявление приложить к протоколу пленума от 7 апреля.

Кандидат в ЦК ВКП(б), народный комиссар финансов СССР
Н. Брюханов
8.IV.28 г.

РГАСПИ Ф. 17. Оп. 2. Д. 339–354. Подлинники.

ДОПОЛНЕНИЯ

ДОПОЛНЕНИЕ 1

БАЛАНС ЗЕРНОВЫХ ХЛЕБОВ ЗА 1925/26, 1926/27 С/Х ГОДЫ И ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ НА 1927/28 С/Х ГОД ПО СССР (В МЛН. ПУДОВ)

Таблица № 1. Баланс села

Статьи прихода и расхода	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.		
			Доклад в СТО 22/VII	Доклад в СТО 26/VIII	Доклад в СТО 18/XI
ПОСТУПЛЕНИЕ					
I. Запасы сельского населения к началу года (невидимые)	153,5	423,7	711,6	711,6	720,8
II. Сбор отчетного года	4.515,7	4.749,3	4.560,9	4.655,4	4.617,4
В том числе:					
1) крестьянские хозяйства	4.420,4	4.653,2	4.467,9	4.562,6	4.525,7
2) совхозы и колхозы	95,3	96,1	93,0	92,8	91,7
Итого поступило в распределение	4.669,2	5.173,0	5.272,5	5.367,0	5.338,2
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ					
I. Потребление сельского населения	3.685,2	3.806,6	3.740,6	3.772,3	3.807,4
В том числе:					
1) Обсеменение полей	704,4	720,8	737,9	746,6	751,3
2) Продовольствие	1.648,9	1.660.2	1.679,2	1.692,5	1.692,9
3) Прокорм скота и птицы	1.121,7	1.272,6	1.211,9	1.221,0	1.251,0
4) Прочие расходы (распыл, лузга, самогон, порча продуктов и т.д.)	210,2	153,0	111,6	112,2	112,2
II. Запасы сельского населения к концу годам	423,7	720,8	867,7	898,6	896,4
В том числе:					
Накопление из урожая отчетного года			156,1	187,0	175,6
III. Фонд для снабжения городского населения, образования видимых запасов и экспорта (сальдо села)	270,2	297,1	664,2	696,1	634,4
Итого распределено	4. 669,2	5.173,0	5.272,5	5.367,0	5.338,2

Таблица № 2. Баланс СССР в целом

Статьи прихода и расхода	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.		
			Доклад в СТО 22/VII	Доклад в СТО 26/VIII	Доклад в СТО 18/XI
ПОСТУПЛЕНИЕ					
I. Запасы к началу отчетного года	238,3	535,7	843,6	843,6	843,6
В том числе:					
1) Запасы сельского населения (невидимые)	153,5	423,7	711,6	711,6	720,8
2) Экстренные запасы городского населения	–	–	–	–	15,9
3) Запасы торговые (видимые)	81,8	112,0	132,0	132,0	106,9
II. Сбор отчетного года	4.547,5	4.776,7	4.587,8	4.682,3	4.644,3
В том числе:					
1) Крестьянские хозяйства	4.420,4	4.653,2	4.467,9	4.562,6	4.525,7
2) Совхозы и колхозы	95,3	96,1	93,0	92,8	91, 7
3) Посевы на городских землях	31,8	27, 4*	26,9	26,9	26,9
Итого поступило в распределение	4.785,8	5,312,4	5.431,4	5.525,9	5.487,9
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ					
I. Потребление сельского населения	3.685,2	3.806,6	3.740,6	3.772,3	3.807,4
II. Потребление городского населения	379,5	394,9	415,7	415,7	415,7
В том числе:					
1) Обсеменение полей	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5
2) Продовольствие	270,9	280,2	295,5	295,5	295,5
3) Прокорм скота	95,3	100,6	105,6	105,6	105,6
4) Прочие расходы (распыл, лузга)	9,8	10,6	11,1	11,1	11,1
III. Потребление армии и промышленности	60,0	70,0	75,0	75,0	75,0
IV. Запасы н концу года	535,7	843,61	1019,7	1.050,6	
В том числе:					
1. Невидимые:					
а) перешедшие от прежних лет	153,5	423,7	711,6	711,6	720,8
б)накопленные из урожая отчетного года	270,2	297, 1	156,1	187,0	175,6
2. Экстренные запасы городского населения	–	15,9	–	–	15,9
3. Видимые торговые и государственные страховые запасы:					
а) перешедшие от прежних лет	84,8	112,0	132,0	132,0	106,9
б) накопленные из урожая отчетного года	27,2	–5,1	20,0	20,0	170,6
V. Экспорт	125,4	160,0	180,4	212,3	
И т о г о распределено	4.785,8	5.312,4**	5.431,4	5.525,9	5.487,9
В том числе:					
Фонд для накопления видимых запасов и для экспорта	152,6	154,9	200,4	232,3	170,6

* Не подлежит оглашению. ЦСУ СССР. Предположительный хлебофуражный баланс СССР на 1927/28 с/х год. С приложением некоторых основных показателей состояния сельского хозяйства за 1926/27 год. Издание ЦСУ СССР. М. 1927. С. 8–9.

**В том числе неувязка баланса 37,3 млн. пуд., или 0,70% от всей суммы поступления.

ГА РФ. Ф. Р–5446. Оп. 55. Д. 1618. Л. 140–165.

ДОПОЛНЕНИЕ 2

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В ЮЖНЫХ РАЙОНАХ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Исх. № 1670/с

7 марта 1928 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
Экземпляр № <...>[136]

Всем организациям ВКП(б), всем коммунистам-хозяйственникам, всем ответственным работникам промышленности и профсоюзов, ответственным работникам РКИ и ОГПУ[137]

Прилагаемые документы об экономической контрреволюции в южных районах угольной промышленности представляют исключительный интерес для каждого партийца, для каждого ответственного работника.

Рассылая эти документы, ЦК обращает внимание товарищей на следующие обстоятельства.

Обнаруженный заговор в области экономического строительства вскрывает впервые с достаточной полнотой новые формы борьбы со стороны контрреволюции и новые методы этой борьбы. Документы говорят о том, что в ряде областей угольной промышленности враги рабочего класса, бывшие шахтовладельцы и их антисоветские друзья из спецов, ставшие потом техническими руководителями наших хозяйственных и плановых организаций, поставили своей целью систематический срыв нашей строительной работы. Эту цель они практически проводили в жизнь в продолжение 5–6 лет путем прямой порчи машин, путем поджогов, затопления шахт, приведения в негодное состояние заводов и рудников, преступного и нарочито бесхозяйственного «применения» оборудования, провокационного обращения с рабочими и злостного использования практики социалистической рационализации во вред интересам рабочего класса, причем они сумели систематически обходить и обманывать наших хозяйственных, профессионалистских и всяких иных работников, не встречая поэтому соответствующего отпора с их стороны. В этой контрреволюционной работе ряд крупнейших спецов был связан не только с бывшими шахтовладельцами, но и с военной агентурой капиталистических государств. Наконец, в этих кругах злостных врагов советской власти шла явная подготовка к интервенции и войне против СССР.

Документы говорят о фактах контрреволюционного вредительства в одном из районов угольной промышленности, в Шахтинском районе прежде всего и потом в некоторых других районах Донбасса. Весьма вероятно, что факты такого вредительства имеются и в других отраслях нашей промышленности. Достаточно вспомнить о поджогах, организованных на Сормовском заводе, в Ленинграде, в Брянске, в Баку и т. д. Если, несмотря на эти и подобные им факты опаснейшего вредительства, мы имеем все же из года в год растущие успехи в области нашего строительства, то это говорит о необыкновенной внутренней прочности советской власти, о здоровой основе нашей советской промышленности и об огромной силе рабочего класса, парализующей разрушительные действия разветвленной системы вражеской агентуры в наших хозяйственных организациях. Ясно, что без этого злостного саботажа и непрерывных попыток взорвать дело социалистического строительства успехи этого строительства были бы гораздо значительнее.

Ясно, с другой стороны, что обнаруженный заговор вскрывает вопиющие недостатки в нашей собственной работе, в работе хозяйственников, профессиональных организаций, партийных организаций, органов РКИ и ОГПУ. Именно эти недостатки, притупившие революционное чутье и коммунистическую бдительность наших ответственных работников, позволили заклятым врагам советской власти в течение ряда лет проводить перед самым носом «коммунистических руководителей» свою политику систематического срыва социалистического строительства и подготовки к военной интервенции.

Совершенно очевидно, что **хозяйственники-коммунисты** Шахтинского района оказались в значительной мере в плену у буржуазных спецов, превратившись в молчаливых регистраторов всех планов, предложений и затей этих злостных саботажников. Коммунисты-хозяйственники, видимо, забыли, что буржуазные спецы, и прежде всего бывшие акционеры бывших капиталистических компаний, представляют чуждую рабочему классу прослойку, что руководить такого рода спецами невозможно без систематического контроля над ними, что систематический контроль над такого рода спецами предполагает известный минимум здорового коммунистического недоверия ко всей этой прослойке, что без такого недоверия коммунист-хозяйственник рискует неминуемо превратиться в хвостик буржуазных спецов. Понятно, что это обстоятельство не может служить оправданием так называемого спецеедства, которое не различает между честными работниками-специалистами и саботажниками социалистического строительства и против которого необходима систематическая и упорная борьба. Но, борясь со спецеедством и учась у спецов, стремясь все более и более привлечь их на свою сторону, хозяйственник-коммунист должен вместе с тем иметь бдительный и действенный контроль над работой буржуазных спецов, ни на минуту не забывая, что он сам в конце концов должен стать настоящим руководителем данного хозяйственного организма и овладеть не только административной, но и производственно-технической стороной дела. Курс партии, теперь более, чем когда бы то ни было ранее, должен быть курсом на замену чуждых пролетарскому делу элементов из среды буржуазных спецов красными пролетарскими спецами по всему фронту работы, и по административно-организаторской, и по чисто технической линии. При этом необходимо обратить особое внимание как на быстрейшую подготовку пролетарских техников и инженеров через вузы, так и на техническое обучение хозяйственников-администраторов.

ЦК устанавливает, что **профсоюзные работники** оказались далеко не на высоте положения. Они позволили заговорщикам-инженерам реализовать свои контрреволюционные планы по отношению к целым заводам и шахтам. Они допустили прямое издевательство над рабочими со стороны буржуазных спецов, от саботажа в жилищном

строительстве до случаев битья рабочих и лишения их воздуха в шахтах. Это указывает на крайнюю слабость профсоюзных организаций, на их оторванность от производства, на отсутствие элементарной чуткости к насущным нуждам как производства, так и особенно рабочих масс. Ясно, что ликвидация этих недостатков является первым шагом к ликвидации всех и всяких безобразий, отмеченных в документах.

ЦК устанавливает далее, что **партийные организации**, которые должны были бы стоять тверже всех на посту и которые обязаны были поправлять ошибки и хозяйственников, и профсоюзников, обнаружили совершенно исключительную слепоту. Они ухитрились «не заметить» ни контрреволюционной политики буржуазных спецов, ни ошибок хозяйственников. Ошибки партийных организаций тем более глубоки и недостатки их должны быть оценены тем более сурово, что рабочие не раз обращали внимание партийных организаций на недопустимое поведение буржуазных спецов Шахтинского района. Совершенно ясно, что это обстоятельство сигнализирует определенную опасность общего характера, выходящую далеко за пределы Шахтинского района. Нечего и говорить, что без немедленной ликвидации этих вопиющих недостатков партийных организаций не может быть и речи о серьезной борьбе с контрреволюционными саботажниками и вредителями нашего социалистического строительства.

ЦК устанавливает, наконец, что органы РКИ не поставили своевременного вопроса о недостатках, отмеченных в документах, а органы ОГПУ, несомненно, опоздали с раскрытием этого важнейшего заговора. Отмечая несомненные заслуги ОГПУ, ПП ОГПУ на Северном Кавказе, тов. Евдокимова и начальника ЭКУ тов. Зонова в деле раскрытия заговора, ЦК не может не отметить вместе с тем, что органы ОГПУ запоздали с раскрытием заговора.

Затруднения в области хлебозаготовок заставили партию принять ряд решительных мероприятий, улучивших как дело хлебозаготовок, так и партийную работу в деревне. Нет сомнения, что шахтинское дело требует от партии такого же вмешательства и проверки работы как хозяйственных и профессиональных организаций, так и самих партийных органов. Нечего и говорить, что партия добьется и здесь, как и в области хлебозаготовок, решительных успехов. Тот факт, что партия сплочена теперь как никогда, а оппозиция повержена в прах, этот факт является как нельзя более благоприятным обстоятельством для устранения отмеченных выше недостатков в области хозяйственного строительства. Без этого факта мы не смогли бы в достаточной мере овладеть делом хлебозаготовок. Нет сомнения, что этот же факт даст нам возможность двинуть силы партии на дело ликвидации контрреволюционного вредительства. Проверка нашего партийного аппарата с точки зрения его близости к широким массам рабочего класса; проверка нашего профессионалистского аппарата с точки зрения его чуткости к нуждам рабочих масс и к запросам нашей промышленности; проверка нашего хозяйственного аппарата с точки зрения выработки кадров наших красных специалистов; проверка всех рычагов и винтиков партийно-советского механизма с точки зрения втягивания миллионных масс рабочего класса в социалистическое строительство, – такова ближайшая задача.

ЦК извещает, что он назначил особую комиссию по выработке практических мероприятий по всем отраслям нашей строительной работы, долженствующих ликвидировать упомянутые недостатки.

ЦК извещает, что шахтинское дело будет подлежать судебному разбирательству, что процесс будет иметь широкое общественное и политическое значение и что его необходимо будет использовать:

а) для прямого втягивания миллионных рабочих масс в дело социалистического строительства;

б) для расслоения технической интеллигенции и закрепления за советской властью всех надежных элементов этой интеллигенции;

в) для мобилизации широких рабочих масс против врагов советской власти и разрушителей социалистического строительства, для мобилизации внимания всех коммунистов в целях охраны наших заводов и шахт от покушений со стороны врагов рабочего класса;

г) для уничтожения недостатков нашей работы, вскрытых шахтинским делом;

д) наконец, для заострения внимания всей партии и рабочего класса на деле выработки надежных кадров красных специалистов.

ЦК ВКП(б)

7.III.1928 г.

С. С. С. Р.
ОГПУ ПРИ СОВНАРКОМЕ

2 марта 1928 г.
№ 3146

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Препроводилка к «Обзору»*

В ЦК ВКП(б) тов. Сталину.

Полномочным представительством ОГПУ СКК открыта мощная контрреволюционная вредительная организация, многие годы оперирующая в Донугле. Ввиду того, что означенное дело вышло из рамок данного района и дальнейшее развитие его упирается в необходимость производства следствия в Харькове (правление Донугля), в Москве (ВСНХ СССР), нами дано распоряжение следствие по означенному делу сосредоточить в Москве, так как совершенно ясно из дела вытекает, что эта организация руководит вредительством не только в нашей угольной промышленности, но и в других отраслях нашего хозяйства.

Суть дела сводится к следующему.

В Донецко-Грушевском, Власовском, Несветаевском, Щербиновском, Горловском рудоуправлениях, а также в правлении Донугля и в ВСНХ СССР эта организация в течение ряда лет занималась и занимается систематическим разрушением Донугольского хозяйства.

Деятельность этой организации направляется из Польши (Дворжанчик, бывш. акционер Донецко-Грушевского рудоуправления) и Германии (Шкаф, бывш. председатель акц. о-ва ДГРУ, Ауэрбах и Игнатьев, бывш. акционеры ДГРУ, – некоторыми членами акц. о-ва «Ропит» и Парамоновым) через Московский (ВСНХ СССР) и Харьковский (правление Донугля) центры. Задания из Германии получаются как инженерами Донугля, командируемыми за границу, так равно передаются и специалистами германских фирм, приезжающими в СССР (Майер, Отто, Вегнер от А. Е. Г., Вестлер от

* Сохранена орфография подлинника (ред.).

«Ф. Зейферт», Костер и Байштыгер от «Кнаппа»). Работа ведется на средства, получаемые из-за границы, из Польши и Германии.

Организация ставит перед собой широкие задачи, различные на разных этапах развития самой организации. В 1919–20 гг. задачи сводились к тому, чтобы при отступлении красных «сохранить в переходный момент имущество и оборудование рудников в полной ценности», но впоследствии программа организации стала значительно шире.

«... Уже в 1925–26 г.г. вопрос встал иначе – в плоскости нанесения прямого вреда сов. власти посредством приобретения ненужного имущества за границей, вкладывания капитала нерационально, заторможения его обращения, понижения качества продукции, повышения себестоимости продукции, увеличения зольности в угле – посредством этого нанесения в первую очередь вреда транспорту, уменьшения возможности конкуренции с заграницей и т. д. **Все это было направлено к подрыву хозяйства не только Донугля, но и остальной индустрии СССР. Разговор в организации идет уже не о сбережении ценностей для старых хозяев, а о прямом вредительстве советскому хозяйству**». (Показания инж. Березовского Н. Н.)

С более полной увязкой специалистов Донугля с заграницей, с изменившейся обстановкой, осознанием своей силы и почти полной безнаказанности, по указке из-за границы организация в конце 1926 г. производит переоценку ценностей – программа организации пересматривается, дополняется и увязывается с возможностью интервенции в СССР. План, охватывающий деятельность организации в новом объеме, должен поступить из-за границы в 1928 г. Организацией на места даны уже конкретные задания по проведению крупных аварий, выведению из строя крупных установок (котлов, электростанций, турбин и т. п.), но пока не указаны сроки выполнения. Инж. Березовский так характеризует третий этап работы организации:

«...**С 1927 г., я считаю, начался третий этап нашей работы, в смысле увязки всей нашей деятельности с интервенцией в СССР**. Третий этап – это вопрос о возможности интервенции. В связи с этим этапом должны были получиться более точные указания. **Нами уже была проведена большая подготовительная работа на случай интервенции**, нужно было обдумать каждому на месте, каким образом можно было нарушить деятельность предприятия, т. е. остановить его самодеятельность.

Так как уголь является основой всего хозяйства, и в первую очередь транспорта, тяжелой индустрии и химической промышленности, **то нами ставился вопрос по сути дела о срыве всей промышленности СССР во время интервенции**. Было дано задание на места изыскать возможность крупного вредительства, в смысле выведения из действия основных установок, котельных, турбин, так чтобы немедленно понизить темп добычи и тем самым вызвать кризис во всем хозяйстве. Поражения, наносимые рудникам, должны быть такими, чтобы после, в конце концов, их можно было бы восстановить, – рудники не должны быть разрушены окончательно. **Задачи третьего этапа сводились к тому, чтобы быстро и сильно понизить обороноспособность страны**. Кроме этого, тут встала очень серьезная задача, чтобы при переходе рудников обратно к белым сохранить их ценность от возможного разрушения таким способом, чтобы рудники совершенно не исчезли, дабы при приходе белых старые хозяева не очутились у разбитого корыта».

В осуществление поставленных задач организация произвела ряд действий, нанесших колоссальный ущерб нашему хозяйству. На Донецко-Грушевском, Власовском, Несветаевском рудоуправлениях посредством целого ряда мероприятий организация действовала на рабочих и толкала их на выступления против советской власти, партийных и профессиональных организаций, вызывала волнения и забастовки. Для

этого при работах нарушались все правила по горной безопасности. Вентиляция в шахтах, вообще недостаточная, умышленно разрушалась. Широко, как система проводились неправильные расценки, неправильные замеры сделанных работ, обсчеты рабочих. Рабочие жилища умышленно не ремонтировались и постепенно разрушались. Ремонт и новые постройки производились умышленно плохо. Обращение с рабочими было недопустимо грубое, вплоть до избиения. По показаниям ряда обвиняемых, такая деятельность специалистов вызывала не только недовольство рабочих, но и приводила во многих случаях к забастовкам. Ряд забастовок в 1922–24–26 и 27 гг. вызван умышленно.

На крупные суммы денег производятся за границей закупки совершенно ненужного оборудования. **Заказы проводятся так, что сроки заказов назначаются для выполнения или раньше, или позже необходимого времени**, и поэтому крупные машины приходят из-за границы раньше, чем устроены для них временные помещения. Рудникам обещают новое оборудование, те не особенно поддерживают старое – оно разрушается, новое оборудование запаздывает и очень сильно, – и рудоуправление оказывается в безвыходном положении. Практикуется также присылка ненужных механизмов, задержка необходимых и разновременная присылка частей машин. Все это приводит к крупным затратам, и в конечном счете происходит в крупных размерах иммобилизация капитала Донугля.

Организация умышленно неправильно использовала оборудование. Работа врубовых машин организовывалась так, что они не давали полного экономического эффекта. Врубовые машины, приспособленные для работы на твердых пластах, направлялись на мягкие угли, и наоборот. В одних и тех же условиях работы сосредоточивались машины самых разнообразных систем и марок, что требовало громадного количества запасных частей и большего количества лишней квалифицированной рабочей силы, вело к уменьшению добычи, большим затратам на ремонты и т. п. Вредительство в котельном и электрическом хозяйстве заключалось главным образом в том, чтобы при максимальных затратах топлива, рабочей силы и денежных средств дать наименьший эффект, т. е. дать как можно меньше энергии.

Инженеры, входящие в организацию, занимались также и непосредственной порчей машин. По показаниям инж. Чернокнижникова, Березовского, Башкина, Бабенко, Самойлова, штейгера[138] Гавришенко и др., все они занимались непосредственной порчей машин, ими было произведено большое количество крупных и мелких аварий. Так, например, Гавришенко умышленно разрушал лебедки, делал попытку сжечь трансформатор и аппаратуру Власовской подстанции и т. д., инж. Чернокнижниковым путем перекачки воды из кочегарки выведена из строя турбина. По заданию Вегнера, представителя фирмы А. Е. Г., инж. Башкиным испорчена подъемная машина. В общем, организацией произведены сотни аварий.

Под видом рационализации организация умышленно проводила работы, приносящие крупный вред хозяйству. По показаниям Башкина от 26.I.28 г., на шахте Артем электровозная откатка была устроена так, что чрезвычайно легко могло быть крушение. Там же транспортировка угля была рационализирована таким образом, что, кроме боя подвижного состава, ничего не давала. На шахте № 2 Самойловым В. Н. был произведен ряд ненужных работ или работ, носивших разрушительный характер, и принесены крупные убытки хозяйству. Умышленно производились завалы посредством чрезмерного разгона уступа и плохого крепления. Умышленно, вместо выдачи угля на гора, ежедневно оставляли большое количество под землей. Была произведена большая вредительская работа посредством применения американского метода «системы вилок» при добыче угля. Данная система может быть применена только при ус-

тойчивой кровле и хорошем креплении. На литере «А» этих условий не было. Такая деятельность организации дала крупные убытки.

Организация умышленно пустила в эксплуатацию ряд нерентабельных шахт («Красненькая», «Фрунзе», «Тагро» и «Землячка») с затратой на их восстановление свыше 600 000 руб., дающих очень незначительное количество угля (5 000 000), по качеству никуда не годного и не имеющего сбыта, и приносящих ежегодно убыток свыше 150 000 р., не считая работы механизмов и рабочей силы, могущих быть использованными на основных шахтах.

Произвела умышленно завалы шахт: проходки им. Красина на ДГРУ (б. шахта Поповка), шахты № 5 на Власовке. Затопила шахту Ново-Азовскую и пыталась взорвать шахту им. Воровского. Организацией затоплено большое количество наиболее мощных пластов. Так, например, на шахте «Октябрьская революция» второй пласт, на шахте № 2 – восточное крыло шахты, на шахте им. Воровского – часть второго пласта, на шахте «Мировая коммуна» – углубленческий пласт шахты и т. д., и производила откачку (вернее, задерживала ее) по 5–7 лет. Из них откачаны только пласты на шахтах: им. Воровского и «Октябрьская революция», но работы на них не производятся до сих пор. И громадное количество других аналогичных случаев.

По показаниям некоторых арестованных, предполагалась переброска в СССР оружия. Точно такие, по непроверенным данным, имеются указания о переброске из-за границы денег для организации повстанческих отрядов в казачьих районах.

Стимулы, побуждавшие специалистов выполнять приказания и поручения своих бывших хозяев, были как идеологического, так равно и материального порядка. Инженеры и техники, состоявшие в организации, почти регулярно получали ежемесячное дополнительное вознаграждение, обычно равняющееся месячному окладу жалования, и, кроме того, получали единовременно суммы денег от 100 до 500 р. за выполнение отдельных поручений. Так, инж. Березовский, по его личным показаниям, передал Колганову (главинжу ДГРУ), Кузьме (главинжу Власовки) и другим для работы – около 200 000 р. Из этих денег Березовский оставил лично себе 20 000 р. Инж. Башкин показывает, что он от Горлецкого, Березовского, Колганова и Кузьмы получил в разное время за диверсионную деятельность 16–17 тысяч руб. Фамилии работающих в организации специалистов сообщались за границу, и там, по крайней мере на имя главных персонажей, вкладывались в банк значительные суммы как вознаграждение за контрреволюционную деятельность в СССР.

Для более полного ознакомления Вас с данным делом при сем препровождаем Вам обзор по делу об экономической контрреволюции в Шахтинском округе, составленный ПП ОГПУ по СКК.

Зам. пред. ОГПУ **Г. Ягода**

Москва
2.III.1928 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ВВЕДЕНИЕ К ОБЗОРУ ПО ДЕЛУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В ЮЖНОМ КАМЕННОУГОЛЬНОМ РАЙОНЕ

I

Длительное наблюдение за специалистами, работающими в Донецко-Грушевском рудоуправлении, и тщательный анализ многочисленных поломок и аварий показали, что на ДГРУ имеется определенная группа специалистов, занимающихся разрушением Донугольского хозяйства.

В состав группы, занимающейся вредительством, входят бывш. акционеры ДГРУ, их родственники и специалисты, работавшие раньше. Персонально входят инженеры: Антонов, Колганов, Секкозан, Колодуб Е., Колодуб К., техники: Колодуб А., Гавришенко, Васильев, инж. Самойлов, Беленко, – т. е. 5 акционеров, 6 родственников и 11 чел., связанных материальными интересами, родством и дружбой.

Идеология этой группы в основном монархическая, но входят в нее и более левые элементы. Во всяком случае, левее кадетов в этой организации почти никого нет.

В показаниях своих от 29.I.28 г. Гавришенко определяет идеологию данной группы следующими чертами:

«...Политические убеждения у различных лиц различные – есть монархисты, есть кадеты, в общем это сбор всех частей – конгломерат. Им необходимо только одно – **свержение советской власти и восстановление вместо нее капиталистического порядка**».

Из последних показаний обвиняемых инженеров – Гавришенко, Башкина, Бабенко и др. – устанавливается, что группа вредителей, работающих на Донецко-Грушевском р/у, является только ячейкой мощной контрреволюционной организации, охватывающей весь Донуголь и ведущей свою работу по указанию из-за границы (см. обзор стр. 12–13*).

II
КОНТРРЕВОЛЮЦИОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «ВРЕДИТЕЛЕЙ»

Центр организации находится за границей. В него входит ряд германских фирм и б. акционеров Донецкого района. Из лиц, входящих в центр, известны Парамонов и Шкаф. Задачи организации Гавришенко в показаниях от 29.I.28 г. определяет так:

«...Свержение советской власти и восстановление капиталистического порядка. Борется она всеми мерами, какие в ее средствах. Одно из этих средств – это препятствовать восстановлению Донугольного хозяйства посредством выработки плохих углей из дорогих рудников; сохранение промышленных пластов, имеющих крупное хозяйственное значение, укрытие выгодных шахт и пуск нерентабельных, порча механизмов и нецелесообразное их использование, закупка за границей ненужного оборудования, – словом, производством крупных затрат нецелесообразно, бесхозяйственно, для приведения финансов Донугля в напряженное состояние, создавая недостачу угля, дорогую стоимость продукции и одновременно сохраняя весь Донугольский бассейн для старых хозяев».

---

* Нумерация страниц по оригиналу (ред.).

Для осуществления задач **в Харькове создан центр, куда входят инженеры: Горлецкий, Березовский, Казаринов и Деттер**.

На рудоуправлениях имеются резидентуры, в которые обычно входят главинж и ряд ответственных инженеров.

Так, в организацию на ДГРУ входят: главинж Колганов, Самойлов, Бабенко, Гавришенко, Колодуб Е., Колодуб А., Колодуб К., Костенко, Беленко, Космодамианский и др.

Связь с заграницей осуществляется через иностранных представителей – Бадштибера, Отто, Майера и других.

Все эти представители от иностранных фирм привозят задания по разрушению машин, различных установок, турбин, – задания по вредительству. Собирают различные сведения от членов организации и передают за границу. Переписка ведется шифром (см. обзор).

III
ЗАХВАТ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ В ДГРУ. ПОДБОР СВОИХ ЛЮДЕЙ. ВЫЖИВАНИЕ КОММУНИСТОВ. РАБОЧИЙ ВОПРОС

Вредители на Донецко-Грушевском р/у захватили в свои руки инженерно-техническую секцию. В ИТС вошли: председателем – Антонов, членами – Бабенко, Колодуб Е., Гавришенко. Вредители через ИТС подбирали своих людей и увольняли неудобных. Выжили всех коммунистов и сотрудников, лояльно настроенных по отношению к советской власти. Приняли на работу в ДГРУ быв. акционеров – Самойлова, Верескунова и др., сына генерала – бывшего белого офицера Усанова и других.

При распределении премий и пособий выдавали их без законных оснований не членам ИТС, а членам организации вредителей.

Делали попытку освободить арестованного инж. Беленко путем организованного нажима на администрацию и профессиональные организации. На нелегальном собрании решили бойкотировать всякого другого инженера, который пойдет работать вместо Беленко.

Перечисленные выше лица (члены организации) организованно, посредством целого ряда мероприятий, действовали на рабочих, толкали их на выступления против соввласти, партийных и профессиональных организаций, вызывали волнения и забастовки.

Для этого при работах **нарушались все правила по горной безопасности**. Паление производилось самым безобразным образом: палилось по 14–20 бурок единовременно, на далеком расстоянии, ручным способом, что категорически запрещалось горным надзором. Запальщику ежеминутно грозила смерть.

Вентиляция в шахтах, вообще недостаточная, умышленно разрушалась, чтобы прекратить доступ воздуха в шахты. Инж. Башкин сознался, что он сразу сжег 6 вентиляторов, и рабочим было настолько тяжело, что они бросили работу.

Широко, как система проводились обсчеты рабочих, неправильные расценки и т. п. Рабочих при расчетах систематически обманывали, обещали одну зарплату, выдавали из другого расчета, обсчитывали, оскорбляли.

С рабочими данная группа специалистов обращалась невозможно. Из многочисленных показаний установлено, что рабочих жестоко избивали на рудниках до революции и при белых. Особенной свирепостью отличались Гавришенко и Гузер. Гавришенко бил рабочих кастетом. На ночь провинившихся пленных красноармейцев

приказывал запирать в инструментальные ящики. **Дикое и недопустимо грубое обращение с рабочими и избиение их продолжалось и при советской власти**.

Рабочие жилища умышленно не ремонтировались, от времени разрушались. Даже минимальных удобств для жилья не предоставлялось рабочим. При таких условиях происходили массовые заболевания, ропот и недовольство на советскую власть – и все это, в конечном счете, отражалось на производстве.

Из показаний обвиняемого инж. Усанова А. И. от 23.XI.27 г. видно, что основные казармы, №№ 10, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 23 и 26, были разрушены, ремонта им не давалось, **а если они и ремонтировались или производились новые постройки, то делалось это умышленно плохо. Плохое состояние жилищ вызывало большую заболеваемость среди рабочих**, ропот и недовольство на партийные, профессиональные организации и советскую власть.

В результате Усанов приходит к таким выводам:

«... Я точно уяснил себе, что проводится сознательно разрушительный хаос... Что проводимые работы разрушают производство... Продолжение работ в стройотделе порядком, изложенным мною в показаниях, вело и ведет к определенному разрушению производства».

Такая «деятельность» специалистов вызывала не только ропот и недовольство рабочих, но и приводила к постоянным волнениям, а во многих случаях и к забастовкам. Ряд забастовок, в 1922, 24, 26 и 27 гг., по показаниям инженеров Гавришенко и Башкина, были вызваны умышленно.

IV
ЗАКУПКА ЗА ГРАНИЦЕЙ НЕНУЖНЫХ МЕХАНИЗМОВ. НЕПРАВИЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБОРУДОВАНИЯ. УМЫШЛЕННАЯ ПОРЧА ВРУБОВЫХ МАШИН

Из показаний Башкина и Гавришенко устанавливается, что группой инженеров наносится совершенно непоправимый вред для Донугольского хозяйства закупкой за границей умышленно ненужного оборудования на крупные суммы. Заказы за границей проводятся так, что сроки заказов назначаются для выполнения и раньше необходимого времени, и позже необходимого времени. Крупные машины приходят из-за границы раньше, чем для них устроены даже временные помещения. Или же обещают рудникам дать новое оборудование, те не особенно поддерживают старое, оно разрушается, новое оборудование запаздывает, и очень сильно, – и рудоуправления оказываются в безвыходном положении. Очень часто заказывается несоответствующее оборудование, или практикуется разновременная присылка частей каких-либо машин. Также практикуется присылка ненужных механизмов и задержка необходимых. Довольно часто присылают самые необходимые машины без запасных частей. Все это приводит к очень крупным затратам, обременительно ложащимся на бюджет Донугля. В конечном счете, происходит в крупных размерах иммобилизация капитала.

Работа врубовых машин была умышленно организована так, что того экономического эффекта, который должен получиться при правильной постановке работы, не было. Врубовые машины, приспособленные для работы на твердых пластах, направлялись на мягкие угли, и наоборот. **В одних и тех же условиях работы сосредоточивались машины самых разнообразных систем и марок**, что требовало и громадного количества запасных частей, и большого количества лишней квалифицированной рабочей силы, вело к уменьшению добычи, большим затратам на ремонты и т. п.

Кроме неправильного распределения врубовых машин по зарубкам и нецелесообразного их использования технически, **инженеры, входящие в организацию, занимались непосредственно порчей машин**. Гавришенко в своих показаниях от 25.I.28 г. говорит, что ему от главинжа Колганова было дано задание портить врубовые машины.

Вредительство в котельном и электрическом хозяйстве заключалось не только в прямой поломке машин, но и главным образом в том, чтобы при максимальных затратах топлива, рабочей силы и денежных средств дать наименьший эффект, т. е. дать как можно меньше энергии. Башкин, в своем показании от 23.I.28 г., рассказывает, что в 1925 г. ему от Колганова, в присутствии инж. Горлецкого, Кузьмы и Самойлова, было дано задание, касающееся общекотельного хозяйства: котельное хозяйство сильно не развивать, чтобы, таким образом, рудники не имели в достаточном количестве энергии для того, чтобы откачиваться. Такая же система проводилась на электростанции.

V
ВРЕДИТЕЛЬСТВО ПОД ВИДОМ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА

Под видом рационализации производства умышленно проводились работы, приносящие крупный ущерб хозяйству. По показаниям Башкина от 26.I.28 г., на шахте Артем электровозная откатка была устроена так, что чрезвычайно легко могло быть крушение. Там же транспортировка угля была рационализирована таким образом, что кроме боя подвижного состава ничего не давала.

На шахте № 2 Самойловым В. Н. был произведен ряд ненужных работ или работ, носивших разрушительный характер, и принесены крупные убытки хозяйству.

Этой группой умышленно производились завалы посредством чрезмерного разгона уступа и плохого крепления. Умышленно вместо выдачи угля на гора ежедневно оставляли большое количество под землей.

По показанию инж. Башкина от 21 января 28 г., была произведена большая вредительная работа посредством применения американского метода «системы вилок» при добыче угля. Данная система может быть применена только при устойчивой кровле и хорошем креплении. На литере «А» этих условий не было. Получены крупные убытки.

На шахте имени Воровского, несмотря на правильно разработанный план, фактически работы производились неправильно. Зав. шахтой Гавришенко проводил однокрылые работы, а литер 1-го пласта вел к сбросу. Это удорожало себестоимость продукции.

Проведен был и ряд других вредительных работ.

VI
УМЫШЛЕННОЕ УКРЫТИЕ МОЩНЫХ ПЛАСТОВ И РЕНТАБЕЛЬНЫХ ШАХТ

Самойлов на шахте «Октябрьская революция» вел работу так, чтобы сохранить основной пласт, усиливая добычу на восточном уклоне 1 пласта, в то время как западный уклон эксплуатировался значительно слабее. Все же данные были за то, чтобы разрабатывать усиленно западный уклон. Самойлову было известно о состоянии того и другого уклона.

Завадским и Гавришенко были затоплены литеры «Ц» и «Б», и в течение 3 лет Гавришенко этот литер умышленно не откачивал. Гавришенко сознался.

На речке Кадмовке Парамоновым заложено было 3 шахты. Был обнаружен пласт от 22 до 24 вершков угля хорошего качества. Шахты были начаты эксплуатацией до войны, но потом остановлены. Кузьма и Овчарек знали об этих шахтах, но разведки вели в совершенно противоположной стороне. В настоящее время на Кадмовке все стволы завалены благодаря тому, что за ними никто не смотрел.

Перед революцией около р. Грушевки намечалась закладка большой шахты для того, чтобы выбрать нижележащее поле. Это поле имеет два пласта, «Грушевский» и «Рыхлый». Запасы определялись около 300 млн. пудов. Об этом знали все специалисты ДГРУ. С приходом соввласти разговор об этом проекте, в силу общих воззрений специалистов, был прекращен.

Шахта № 5 умышленно была завалена специалистами, несмотря на то, что имела богатые эксплуатационные возможности. Уголь по качеству – один из лучших в районе.

Умышленно данной группой специалистов была укрыта Бессергеневская проходка. Разведки Бессергеневских месторождений дали богатые результаты. Шахта была заложена капитально, с бетонированными стволами большого сечения. Обвиняемый Беленко показывает следующее:

«...Эта проходка, по своему простиранию и богатству исследования, рассчитывалась добычей на 30 млн. пуд. в год. И она через несколько времени не уступала бы первоклассной шахте «Артем»... Все предпосылки и нежелание начать разработку Бессергеневской проходки дают основание полагать, что она сохраняется с определенной целью».

Экспертиза подтвердила ценность Бессергеневской проходки.

Самойловым на шахте «Октябрьская революция» без достаточных оснований начата разработка рыхлого пласта, заведомо убыточного. Рыхлый пласт дает сейчас уголь, засоренный колчеданом. Выемка углей обходится дороже, чем на других пластах. На восстановление рыхлого пласта нецелесообразно затрачены большие средства.

При наличии таких капитальных раскрыш, почти уже законченных, как Бессергеневка, р/у в лице Колганова и др. инженеров умышленно начало новые невыгодные проходки. К таким проходкам принадлежит «Аюта». «Аюта» заложена без геологических исследований, исключительно на основании указаний быв. владельца Марченко. Заложена на пережиме пластов, что не допускается техническими возможностями, на болоте и ключах, где много воды. Администрация «Аюту» затопила.

VII
УМЫШЛЕННАЯ ПОРЧА МАШИН

Зав. шахтой Воровского Гавришенко совместно с машинистом Литовченко неоднократно производил аварии сортировки. Гавришенко умышленно разрушал лебедку (тягальную машину) и симоновские лебедки. Он же делал попытку сжечь трансформатор с шахты Воровского и аппаратуру Власовской подстанции.

На Власовке по заданию из-за границы инж. Башкиным было сожжено 6 вентиляторов и произведен ряд других разрушений машин. Башкин на допросе 23.I.28 г. показывает, что представитель фирмы А. Е. Г. Майер умышленно испортил подъемную машину электростанции, вынув оттуда шплинт, что могло бы произвести катастрофу, если бы механиком не был произведен своевременно осмотр.

Инж. Чернокнижниковым на руднике «Октябрьская революция» была испорчена турбина. Турбина была попорчена путем перекачки воды из кочегарки. Вода попала в

турбину и смяла лопатки семи рядов. Остановка турбины грозила затоплением всех шахт ДГРУ. С большими трудностями удалось провести линию на Власовку. Поломка турбины до сих пор отражается на производстве ДГРУ.

При установке новой турбины на Власовке работы умышленно были затянуты на несколько месяцев. Турбина была умышленно поставлена неправильно. Арестованный Гавришенко показывает следующее:

«...Установление и пуск в эксплуатацию новой турбины рассчитаны на 15 атмосфер рабочего давления, с перегревом пара 350° по Цельсию; в то же время кочегарка станции, которая обслуживает турбину, имеет давление не больше 12 атмосфер, с перегревом в 300° по Цельсию; для нормальной работы турбины недостает 3-х атмосфер давления и 50° температуры. Когда нагрузка достигает 5000 киловатт, турбина начинает терять обороты и падает напряжение. Такие же явления происходят, если начинается небольшое падение давления на 1–2 атмосферы. Таким образом, установка новой турбины полных результатов не дает. Работает она поэтому в более сыром, чем должна, пару, и ей грозит довольно быстрый износ. Заказана она в Германии, фирма А. Е. Г.».

Арестованный инженер Башкин указывает, что турбина была умышленно неправильно заказана и поставлена.

Интересен не только самый факт неправильной постановки турбины, а и **задание, привезенное из заграницы Майером, о разрушении только что поставленной турбины**. Башкин показывает, что Майер привез задание о немедленном выводе из строя последней турбины.

VIII
УМЫШЛЕННЫЕ ВЗРЫВЫ, ЗАВАЛЫ И ЗАТОПЛЕНИЯ ШАХТ

Шахта Крыленко – быв. Макарьевская – является одной из самых замечательных в районе. Качество угля – лучшее в Донбассе. Выдача угля до революции была до 20 000 пуд. в сутки. Шахта умышленно затоплена в 1917 г. и все время не откачивается, т. е. откачивалась и подтапливалась вновь. Окончательная откачка шахты произведена только в конце 1927 г. – начале 1928 г.

Проходку им. Красина – б. Поповку – организация «вредителей» думала завалить. Проходкой руководил инж Беленко, и когда они вместе с Гавришенко осматривали проходку и нашли, что там имеются большие наносы и плывуны, Гавришенко срочно сообщил об этом Колганову, и они решили завалить шахту, проведя крепление вместо кирпича или бетона деревом. Ствол шахты завалить не удалось, так как напор плывуна оказался меньше, чем они рассчитывали, но ствол шахты искривило.

Шахта им. Воровского является одной из основных шахт Донецко-Грушевского рудоуправления. Чтобы вывести ее из строя, делалась попытка шахту взорвать. Для этого было заложено за крепь 3 пуда динамита. Взрыв не произошел благодаря случайному обнаружению динамита рабочими. Также благодаря случайности взрыв не произошел и при второй попытке.

Этой же группой специалистов была затоплена Ново-Азовская шахта. Шахта была рассчитана на добычу 10 млн. пуд. в год. Качество угля хорошее. Шахта была великолепно оборудована и рассчитана на 20-летнюю эксплуатацию. Имела богатые перспективы. Инженер Бабенко, затопивший шахты, 12.XII.27 г. показывает следующее:

«...Березовский, как настроенный тогда антисоветски, предложил мне затопить шахту для того, чтобы уменьшить уголь, с целью вредительства соввласти, – это было как раз в тот момент, когда республика остро нуждалась в угле. Мысля одинаково

в то время с Березовским, я договорился с ним и путем подъема насоса выше затопили второй ствол и второй пласт. Этим была предрешена ее остановка, и она попала в приказ по Донбассу о ликвидации этой шахты».

IX
УМЫШЛЕННЫЙ ПУСК НЕРЕНТАБЕЛЬНЫХ ШАХТ

Шахта «Красненькая»

Из показаний большого количества свидетелей и обвиняемых, а также актов экспертизы совершенно очевидно, что пуск шахты «Красненькой» в эксплуатацию был экономически нецелесообразен. Средства, затраченные на восстановление «Красненькой», могли быть использованы значительно выгоднее при вложении в другие шахты, например Ново-Азовский рудник или Бессергеневскую проходку.

Экспертная комиссия в составе нач. горного округа инжен. Жолковского, ст. окружного технического инспектора инж. Спасевича, представителя ДГРУ инж. Черенкова, теплотехника инж. Ходарева, специалиста по машинным установкам Кучера, зав. шахтой Волкова, секретаря ячейки ВКП(б) Баранова, председателя рудкома Широкова, представителей рабочих Мешкова, Пономаренко, Шишенкова и инструктора по врубовым машинам Пономарева – установила:

«...Шахта «Красненькая» выработана во всех полезных пластах, разрабатывается только частично рыхлый пласт. Пускал эту шахту в эксплуатацию А. Колодуб в 1926 г., т. е. тот же человек, который и останавливал ее, зная заведомо, что шахта в полезных пластах выработана. Шахта не дает и не даст экономического эффекта. Затраченные средства не оправдают себя за все время эксплуатации. Шахта даст уголь, который никуда не идет, качество его скверное».

Данная комиссия, в конечном счете, приходит к таким выводам: «**это – прямая экономическая контрреволюция или злостная бесхозяйственность, граничащая со злым умыслом**».

Шахта им. Фрунзе – быв. Слатина

Экспертиза в составе шахтинского горного окружного инженера Галадж, представителя ИТС – инж. по безопасности Несветаевского р/у Моллер, зам. главн. инж. Петровского р/у – горн. инж. Сахарова, окр. тех. инспектора – горн. инж. Топилина, представителя ячейки ВКП(б), зав. шахтой «Красненькая» Бологова, представителя рудкома Гончарова, представителя от рабочих – Твердохлебова – установила положение шахты, аналогичное с «Красненькой».

«... Ее не было никакого смысла восстанавливать, и ни при каких обстоятельствах затраченные средства не оправдают себя. Шахта им. Фрунзе, как и «Красненькая», давали, могут дать только убыток... Качество угля плохое. Сбыта нет».

Шахта «Землячка»

Та же комиссия, в том же составе, обследовала и шахту «Землячка». Результаты обследования следующие:

«... Затрачено на восстановление 93 000 р. Средства не оправдают себя, шахта убыточна. Уголь скверного качества, и сбыта его нет... Все моменты аналогичны с данными по шахтам «Красненькая» и «им. Фрунзе».

Шахта «Тагро»

Та же комиссия при расследовании шахты «Тагро» выявила:

«...Шахта, вследствие ее убыточности, весной этого года закрыта самим р/у. Средства не оправдают себя. Имевшиеся запасы угля, количество коего определить трудно, но по данным р/у на сентябрь с.г. – 9310 тонн, потеряли свое качество».

Арестованный Гавришенко в своих показаниях от 26.I.28 г. показывает следующее:

«...Вредительская работа б. главн. инж. Колганова выражается: 1) в пуске рыхлого пласта на шахте «Окт. революция», который, кроме того, что не имеет сбыта, дорог в разработке и уменьшает выгодность предприятия; 2) в пуске шахты «Красненькая», тоже вырабатывающей тот же рыхлый пласт; 3) в пуске шахты б. Слатина, тоже вырабатывающей тот же рыхлый пласт; 4) в пуске шахты быв. Таганрогского т-ва, вырабатывающей тот же рыхлый пласт. Средняя продажная цена всех пластов не более 17 коп. при 30% плиты, а в выработке обходится не менее 20 коп., так как при добыче в 5 млн. пуд. р/у несет убыток в 150 млн. руб., не менее, плюс задалживание механизмов, пошедших на электрооборудование и могущих усилить механизацию шахт, вырабатывающих уголь лучшего качества и более дешевый».

Чрезвычайно интересны выводы комиссии, которая указывает, что работы ведутся разрушительные для производства. Выводы эти комиссия сделала, не имея представления о приведенных показаниях обвиняемых (приведенных показаний тогда еще не было, так как обвиняемые в то время еще не сознались).

Комиссия приходит к тому, что в пуске шахт «Красненькая», «им. Фрунзе», «Землячка» и «Тагро» виновны – главный инженер Колганов, Андрей Колодуб и горный отдел р/у. На затраченные средства можно было восстановить с определенной полезностью шахту Ново-Азовскую и развить работы в шахте «Пролетарская диктатура» по литеру «Ц», а в шахте «Воровского» по 2-му пласту, о чем не могло не знать р/у и руководящий состав.

Экспертиза констатирует, что на шахтах маленьких и убыточных, как «Красненькая», «им. Фрунзе», «Землячка», работы ведутся удовлетворительно. На шахтах основного значения, как-то: «Пролетарская диктатура», «Октябрьская революция», «Воровского» и «Красина», – работы ведутся беспланово, бесхозяйственно и разрушительно для производства. Несмотря на явный убыток шахт «Красненькая», «им. Фрунзе», «Землячка», «Тагро», на огромное накопление углей, на невозможность их сбыта, экспертная комиссия констатирует, что р/у разработало проект их эксплуатации на 5 лет, т. е. до 1933.

X
КРАТКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБВИНЯЕМЫХ

1. **Гавришенко Н. А.** – работал при белых в контрразведке, выдавал рабочих на расстрел. Систематически избивал рабочих. Уличен во взяточничестве. Умышленно произвел большое количество аварий и различных поломок машин. Занимался систематически разрушением нашего хозяйства.

2. **Колганов Н. Е.** – главный инженер ДГРУ, руководил всей работой по вредительству на ДГРУ. Тесно связан с Харьковским центром. Получал задания из-за границы. По показаниям Гавришенко, передает за границу, в Польшу, сведения через инженера Кузьму.

3. **Васильев Ф. Т.** – быв. меньшевик, быв. мелкий шахтовладелец, при белых был сельским атаманом, а также помощником атамана банды Кучума. Чрезвычайно груб с рабочими, бил рабочих. С одного рудника снят, так как рабочие хотели вывезти его на

тачке. Имеются показания Денисова Г. М., партийца, от 6.XII.27 г., на Васильева Ф. Т. как на провокатора.

4. **Колодуб Емельян** – при белых работал в контрразведке. Оборудовал помещение контрразведки на свой счет. У него на квартире останавливался Чернецов, знаменитый белый партизан, в 1919 г. расстрелянный красными. До революции разгонял профсоюзы. В бытность свою зав. фабзавучем довел школу до забастовки.

5. **Бабенко С. А.** – Кладько К. Н. 27. X.27 г. показал следующее: «Я неоднократно видел в контрразведке Бабенко Сергея Александровича. Бабенко в то время был зав. Макарьевским рудником, или, точнее, заведывал Самойловским рудником. Бабенко С. А. был в таких же хороших отношениях со всеми руководителями контрразведки, как и Колодуб, и несомненно давал контрразведке нужные ей сведения».

6. **Колодуб А.** – бывш. акционер шахты «Красненькая». При белых был связан с контрразведкой. До революции участвовал в разгоне рабочих массовок и профсоюзов. Устанавливал в Антропроме среди рабочих сыск. Грубым обращением с рабочими вызывал нарекания на советскую власть. Один из рабочих ходил в засаду с ружьем, чтобы Колодуба Андрея застрелить. Приказал плотнику стесать с бревна советский герб и изрубить герб в щепки. Не давал делать красную звезду во время Октябрьских праздников. Вывешенный на «Аюте» во время Октябрьских торжеств красный флаг приказал снять, заявив: «снять красную тряпку, что она там мотается».

7. **Березовский Н. Н.** – бывш. акционер Антропрома. Один из руководителей по вредительной работе в Донугле. Инициатор затопления шахты Ново-Азовской. Один из инициаторов попытки взрыва на шахте «Воровского».

8. **Самойлов В. Н.** – бывш. шахтовладелец. Один из организаторов попытки взрыва на шахте «Воровского». Вместе с Колгановым руководил вредительной работой на ДГРУ.

9. **Куприянов П. Я.** – агент щахтинской контрразведки, 22.XII.27 г. показывает: «5 месяцев мне пришлось работать в щахтинской контрразведке агентом и стражником. За этот период времени мне пришлось наблюдать, что бывш. шахтовладелец Самойлов Василий Никифорович очень часто и днем и вечером приезжал в контрразведку и вел разговоры или с нач. контрразведки Прудентовым, или с его заместителем – Монастырским, или с адъютантом – Максом».

10. **Колодуб Константин** – сын шахтовладельца. По специальности горный инженер. Бывш. белый офицер. Заявлял, что соввласть не дает ему спокойно жить, что она недолговечна, что этой власти он служить и работать не хочет.

Радин П. М. 26.I.28 г. показывает: «К. Е. Колодуба, сына углепромышленника, я хорошо помню. Осенью 1918 г., когда в Шахтах были белогвардейцы, он, Колодуб, будучи офицером белой армии, кажется в чине поручика или подпоручика, был связан с контрразведкой и вылавливал революционных рабочих».

11. **Литовченко** – был в Красной Армии. Перебежал к белым и передал генералу Семилетову секретный приказ. По его указанию было поведено наступление на Шахты, которые были заняты отрядом Семилетова. При этом было на одном руднике зарублено 90 рабочих, на другом около 300. Есть подозрения, что Литовченко работал в белой контрразведке, но следствием это пока не установлено.

12. **Усанов** – сын генерала. В бытность белых – служил у них. Обнаружены при обыске подозрительная карта и черносотенная листовка. Сознался в том, что развалил вверенные ему работы.

Характеристики остальных обвиняемых – аналогичны.

ВЫВОДЫ
(См. обзор)

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ОБЗОР
по делу об экономической контрреволюции в южных районах угольной промышленности

I

Длительное наблюдение за специалистами, работающими в Донецко-Грушевском рудоуправлении, привело нас к выводам, что часть специалистов, тесно между собой связанных, занимается противосоветской деятельностью. Тщательный анализ многочисленных поломок и аварий выявил, что все они происходят в большинстве случаев у определенных лиц. Эти данные заставили нас обратить самое серьезное внимание на деятельность определенной группы специалистов, изъяв часть из них с ДГРУ.

Целым рядом свидетельских показаний и сознаний самих арестованных установлено, что на ДГРУ специалисты занимаются разрушением Донугольского хозяйства.

В состав группы, занимающейся вредительством, входят бывш. акционеры ДГРУ, их родственники и специалисты, работавшие с ними раньше. До 1919 г. в разное время на ДГРУ работали:

а) бывш. акционеры о-ва «Грушевский антрацит» – Горлецкий, Рабинович, Шкаф;

б) управляющий этого р/у (в то время оно носило название акц. о-ва «Грушевский антрацит») – Емельян Колодуб, он же акционер шахты «Красненькой» и Антрацитно-промышленного т-ва;

в) управляющий шахты «Красненькая» – его брат Андрей Колодуб;

г) на Бессергеневской проходке работал сын Емельяна Колодуба – Константин Колодуб;

д) на шахте № 2 работал родственник Емельяна Колодуба – штейгер Гавришенко;

е) на той же шахте № 2 работал родственник Емельяна Колодуба – Бабенко;

ж) на шахте «Красненькая» работал Самойлов – акционер этой шахты и пайщик «Антропрома» – родственник Емельяна Колодуба;

з) на шахте «Антропром» работал Верескунов – акционер этой шахты;

и) на шахте «Петропавловка» под руководством Колодуба работал техник Колганов – близкий знакомый Емельяна Колодуба;

к) на шахте «Петропавловка» под руководством Колодуба работал его хороший знакомый инженер Башкин;

л) Васильев под руководством Гавришенко работал на шахте № 2 десятником (в 1918 г. сам владел маленькой шахтой);

м) в акц. о-ве работал техник Космодамианский, на руднике «Петропавловка» – инженер Березовский Н. Н.;

н) инженер Попов, знакомый Колодуба, под его управлением работал на шахте № 2 и «Петропавловке»;

о) на руднике «Благовещенский» работал штейгер Нашивочников В. Н. – ставленник Колодуба Е.;

п) в горном округе работал связанный близкой дружбой с Емельяном Колодубом инженер Секкозан;

р) таким образом, из всех перечисленных выше специалистов, работавших в ДГРУ, мы имеем 7 акционеров, 6 человек, связанных родственными отношениями, и 17 чел. близких знакомых;

с) с 1919 г. на том же самом ДГРУ работают все те же – Колганов, Секкозан, Колодуб Е., Колодуб К., Колодуб А., Гавришенко, Самойлов, Беленко, Васильев, Нашивочников и два новых специалиста – Антонов и Усанов, – т. е. на р/у мы снова видим тех же 3 акционеров, 6 родственников и 13 человек, связанных родством и дружбой, а остальные – часть бежала за границу, а часть устроилась в Донугле и ВСНХ.

Идеология этой группы очень четко очерчена в показаниях самих арестованных. В основном в организацию входили лица с монархическими убеждениями, но были и более левые. Во всяком случае, левее кадетов в этой группе организации почти никого нет.

О своих политических убеждениях обвиняемый Космодамианский показывает следующее:

«...Старую монархию я, конечно, не могу признать. Она была из ставленников немцев. Монархи, которые знают Россию, знают нужды русского народа и из русских достойны управлять Россией, а старой монархии предпочел бы выборное начало всего русского народа и всех классов. Монархи из русских, любящих Россию, достойны России. Старую монархию или, вернее, ее представителей я разлюбил, потому что она неспособна была провести войну с немцами умышленно».

На вопрос: как вы относитесь к евреям, считаете ли вы их врагами русского народа или нет? – Космодамианский ответил:

«...Евреи – конкуренты русской интеллигенции. Это мне неприятно. Евреи всегда стараются занять должности подальше от опасности. Не шли в ряды русской армии. Сейчас ВУЗы заполнены евреями, и они сидят на ответственных постах. Это мне неприятно – я считаю, что евреи должны самоопределиться. Мне неприятно, что в России идет еврейское засилие, а русская интеллигенция стоит в стороне. Ненормально и то явление, что во главе наркоматов и трестов стоит много евреев».

Инженер Башкин в своих показаниях о вредительной работе упоминает также мимоходом об идеологии вредителей:

«...Вспоминая отдельные факты из внутренней жизни среды, окружавшей меня, под влиянием которой я находился, я вспоминаю – на вечерах у инж. Н. Е. Колганова, по случаю какого-то торжественного события, когда собралось много технического народа ДГРУ – В. Н. Самойлов, Н. А. Гавришенко, С. Н. Бабенко, Н. Н. Нашивочников, Колодубы, Беленко и многих других из этой компании, – слышал, как злорадно говорили о скорой гибели Донецко-Грушевского рудоуправления...

Подвыпивши, **произносили тосты за скорое падение соввласти, пели „Боже царя храни“, „Всколыхнулся, взволновался тихий Дон“** и прочие казацкие песни».

Штейгер Гавришенко определяет идеологию группы следующими чертами:

«...В общем, к большевизму все относились отрицательно. По моему представлению, часть группы была, вероятно, за кадетскую республику, словом, за тот государственный распорядок, при котором промышленность могла капиталистически спокойно работать, т. е. на основе частной собственности».

В показаниях своих от 29.I.28 г. Гавришенко еще более точно и ярко определяет умонастроение данной группы специалистов:

«...Политические убеждения у различных лиц различны – есть монархисты, есть кадеты, в общем, это сбор всех частей – конгломерат, им необходимо только одно – **свержение сов. власти и восстановление вместо нее капиталистического порядка**».

Из последних показаний обвиняемых инженеров Гавришенко, Башкина и др. устанавливается, что группа вредителей, работающих на Донецко-Грушевском рудоуправлении, является только ячейкой мощной контрреволюционной организации, охватывающей весь Донбасс и ведущий свою работу по указаниям из-за границы.

II
КОНТРРЕВОЛЮЦИОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В ЮЖНЫХ РАЙОНАХ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

По показаниям обвиняемых инженеров Н. Н. Березовского, А. Б. Башкина и штейгера Н. А. Гавришенко, еще недостаточно проверенным и уточненным, центр организации находится за границей, в Германии. В него входят быв. акционеры Донецко-Грушевского рудоуправления из быв. акц. о-ва «Ропит» и «Власовки». Персонально пока выяснены Шкаф и Парамонов. Остальные персонажи не установлены.

Указанные лица, через германских инженеров, командируемых от различных фирм в СССР, имели чрезвычайно оживленную связь с инженерами Донугля. Иностранные специалисты привозили из-за границы задания от бывш. акционеров Донугольским специалистам, и последние, по указаниям из-за границы, или же всячески тормозили развитие нашего угольного хозяйства, или производили разрушение машин. Установлены следующие инженеры и техники, привозившие из-за границы задания: от А. Е. Г. приезжали – инж. Отто и монтеры – Майер и Вегнер, от фирмы «Кнапп» – акц. инженер Костер и монтер Бадштибер.

Организация, по показаниям инж. Гавришенко от 29.I.28 г., ставила себе следующие задачи:

«...**Свержение советской власти и восстановление капиталистического порядка**». Борется она всеми мерами, какие только в ее средствах. Одно из этих средств – это препятствовать восстановлению Донугольского хозяйства посредством выработки плохих углей из дорогих рудников; сохранения промышленных пластов, имеющих крупное хозяйственное значение, укрытие выгодных шахт и пуск нерентабельных, порча механизмов и нецелесообразность их использования, закупка за границей ненужного оборудования – словом, производство крупных затрат нецелесообразно, бесхозяйственно, для приведения финансов Донугля в напряженное состояние, создавая недостачу угля, дорогую стоимость продукции и одновременно сохраняя весь Донугольский бассейн для старых хозяев».

По показаниям инженера Березовского, задачи организации сводились к следующему:

«1. Сокрытие богатых месторождений в недрах и принятие мер, чтобы под тем или иным предлогом шахты, вскрывающие их, не закладывались.

2. Задерживать проходкой начатые шахты вскрытием месторождений, но, с другой стороны, принимать меры к покупке за границей крупных частей оборудования (подъемные машины) и заказам внутри страны оборудования с расчетом, чтобы оно было на месте, но не использовано.

3. Задерживать строительство сооружений, которые приносили бы пользу в данный момент, как, например, сортировки, чем влиять на ухудшение качества угля и тем срывать и транспорт и промышленность, потребляющие уголь.

4. Заняться диверсией сооружений, оборудования, паровозного парка, обогатительных фабрик, имея целью срыв добычи и удорожание продукции.

5. Сообщение заинтересованным государствам всех сведений о состоянии пред-

приятия, с цифровым материалом, освещающим существенную сторону производства и дающим возможность иметь представление о степени устойчивости производства.

6. Создание на предприятиях актов расстройства полного хода работ во время интервенции способами в каждом случае различными, но позволяющими все-таки восстановить работы при посредстве технического оборудования, доставленного из-за границы.

7. Не задерживать жилстроительства, установку новых крупных машин, выбрасывая устаревшие, электрифицировать рудничное хозяйство, чтобы значительно обновить и тем повысить ценность предприятия.

8. Все действия вредительства вести с достаточным умением, чтобы они не бросались в глаза отсутствием естественных причин, в крайнем случае даже допуская строительство, вредное для заинтересованного государства».

Для осуществления намеченных задач организация привлекает для работы необходимый технический персонал, стараясь низший технический персонал и рабочих не ставить в известность о своей контрреволюционной деятельности. По этому вопросу Гавришенко показывает следующее:

«...Осуществление намеченных мероприятий высший технический персонал проводит посредством нажима и своего авторитета на низший технический персонал и рабочую силу. Все это проводится под маркой машинизации, рационализации хозяйства, введения необходимых совершенств и т. п. Низший технический персонал и рабочая сила никоим образом не посвящаются в работу организации».

По показаниям обвиняемых Березовского, Колганова, Самойлова, Бабенко и Гавришенко выясняется, что вербовка велась Горлецким, Шадлуном, Березовским и Колгановым и что стимулами для работы в организации были как идеологические, так равно и материальные побуждения. Старые хозяева из-за границы присылали деньги для оплаты тех инженеров, которые работают по их заданиям. Организация также платила за выполняемые поручения своим членам из советских денег, выписывая премиальные, командировочные, увеличенный оклад жалования и т. п.

Центр, по показаниям арестованных, имеется в Харькове. В него входят инженеры: Горлецкий, Березовский, Казаринов и Деттер.

На многих р/у эта организация имела ячейки, обычно резидентом был глав. инженер р/у, который и подбирал себе необходимый контингент работников. На Власовском р/у, по показаниям инж. Башкина от 24.I.28 г., в организацию входили: главн. инженер Кузьма, зав. шахтой инженер И. Г. Горлов, зав. электрической станцией П. Э. Жданов, горн. техник М. Г. Юткин, стройтехник Л. Н. Кумпан, он – Башкин и др.

«...Задания гл. инженера Л. Б. Кузьма выполняли: 1) зав. шахтой, от которого зависел и темп и исполнение поручаемой ему вредительной работы на шахте; 2) инж. А. Н. Бредихин – по вредительству и механизации в подъемных и откаточных средствах; 3) инж. П. Э. Жданов – по плохой и недостаточной работе электростанции; 4) техник М. Г. Юткин – по вентиляции и горным подготовительным работам, земледелию, неправильности ведения ее и проч.; 5) стройтехнику А. Н. Купману давались задания – вредительные работы в новом строительстве, по новой проходке, электростанции, медленности исполнения, расточительности и бесхозяйственности».

По показаниям арестованного штейгера Гавришенко от 29.I.28 г., в организацию, работающую на Донецко-Грушевском рудоуправлении, входили следующие лица: главн. инженер Колганов, Самойлов, Бабенко, Гавришенко, Нашивочников, Колодуб Е., Колодуб А., Колодуб К., Костенко, Беленко, Никишин, Космодамианский, – все это высший или средний инженерно-технический состав.

По указаниям инж. Башкина и Гавришенко инженеры привозили из-за границы задания не только для центра в Донугле, но и передавали ряд заданий непосредственно инженерам рудоуправлений.

Задания, передаваемые ими, все касались порчи машин и различных паросиловых и электрических установок. Они непосредственно от себя передавали специалистам р/у деньги как за выполнение заданий по разрушению оборудования, так и за прием от них заказов. Ими же распространялись слухи, что интервенция в СССР намечена осенью 1928 года и что уже для интервенции все готово – и специальная армия, и авиафлот и т. п.

Переписки между членами организации избегали. Необходимые задания передавались как внутри СССР, так и из-за границы большей частью устно или, в более редких случаях, шифром. В письмах, привозимых иностранными инженерами из-за границы советским специалистам, вставлялись слова «шляпа» или «дождевое пальто». Во избежание всяких подозрений иностранные агенты привозили для передачи и вещи, указанные в письмах. «Шляпа» означала, что лицо, которому передается поручение, должно вести разрушительную работу по порче машин, медленную, мелкую, малозаметную, но убийственно действующую на производство. «Дождевик» или «дождевое пальто» означали, что нужно немедленно произвести крупный диверсионный акт.

Этим шифром передавались задания от инженера Башкина (брата арестованного инженера Башкина), работающего в Германии в фирме А. Е. Г., штейгеру Гавришенко, в своих показаниях от 29.I.28 г. тоже указывающему на существование шифра. На вопрос: кто поддерживал связь с заграницей? – он ответил: «Связь поддерживают иностранные инженеры и монтеры. Я лично знаю из них Вегнера, Байштыбера, Отто и Майера». На вопрос: каким образом они осуществляют связь с заграницей? – Гавришенко сообщил:

«... От главинжев они получают сводки и через представителей иностранных фирм, приезжавших из-за границы, передают эти сведения за границу, по назначению... Сводки шифрованные... Шифровал Колганов и я – большая часть работы по шифровке была возложена на меня».

Таковы в общих чертах задачи организации, ее построение и формы связи.

III
ЗАХВАТ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ. ПОДБОР «СВОИХ ЛЮДЕЙ». ВЫЖИВАНИЕ КОММУНИСТОВ. РАБОЧИЙ ВОПРОС

Группа вредителей на Донецко-Грушевском рудоуправлении, прежде всего, постаралась захватить в свои руки ИТС. В ИТС вошли – председателем Антонов, членами – Бабенко, Колодуб Емельян, делегатом восточного крыла – Гавришенко. Посредством захвата ИТС группа могла осуществить подбор необходимых для вредительной деятельности людей и увольнять неудобных. С ДГРУ вредители, через ИТС, выжили всех инженеров-коммунистов и сотрудников, лояльно настроенных по отношению к советской власти. Приняты же были на работу в ДГРУ бывш. акционеры – Самойлов, Верескунов и др., а из новых сотрудников – сын генерала, бывш. белый офицер Усанов, Романенко, бывш. управляющий акц. о-ва «Тагро» – Плошко и др.

Отношение данной группы к коммунистам и советски настроенным сотрудникам из показаний партийного инженера Лившица выясняется чрезвычайно отчетливо:

«... В марте 1926 г. я окружкомом ВКП(б) был направлен в ДГРУ и назначен на должность зав. участком, как горный инженер. До меня добыча участка была 3–4 тыс.

пуд. При мне поднялась до 20 000 пуд. в сутки. Надо сказать, что этот участок литер «Б» с приходом соввласти был затоплен, в то время зав. шахтой был Гавришенко, и восстановление начато было только в 1925 г. С начала моей работы и повышения добычи я сейчас же заметил нападки на меня со стороны Нашивочникова. Последний заявлял: «Прислали жида-коммуниста инженера, мы ему дали участок, пусть покопается». Это подтвердит и рабочий-электрик Кузин. С приходом на шахту техника Костенко нападки на меня усилились, и указанные лица при поддержке Колганова – главинжа, о чем знала ИТС в лице Антонова, Бабенко, Гавришенко, поставили вопрос перед Гончаренко о снятии меня, мотивируя это тем, что я не справляюсь с работой. Однако фактически добыча была рекордной, несмотря на умышленные тормозы со стороны Костенко и др., которые вмешивались в мои распоряжения и изменяли их в ущерб делу. Гончаренко в снятии меня отказал. Когда я увидел травлю меня со стороны указанных специалистов, я заявил об уходе сам. Я лично вижу и видел, что изжитие меня было построено на том, что в ДГРУ сгруппировалась определенная группа лиц – Колганов, Самойлов, Колодуб, Бабенко, Гавришенко, Нашивочников, Антонов, – эти лица подбирают только своих и избегают новых специалистов, стоящих на стороне советского производства. Путем организованного дискредитирования и клеветы указанная группа выжила хорошего инженера Либкинда, пом. зав. шахтой «Октябрьская революция» инж. Чепурного и ряд других».

Гавришенко показывает, что инженера Лившица «вышибли» техники Нашивочников, Костенко и др. через ИТС.

При распределении премий и пособий среди членов ИТС помощь оказывалась не членам ИТС, а членам организации вредителей. Члены же ИТС, несмотря на законные просьбы, получили отказ.

При распределении премий за работу ИТС организованно, посредством единовременного выхода из союза (хотели организованно выйти из профсоюза, но не вышли), пыталась повлиять на администрацию на предмет изменения порядка распределения премий, предложив администрации выдавать премии поквартально, а не в конце года, как предполагал Донуголь. Выступление это было с большим трудом локализовано при помощи профсоюзных и партийных организаций.

По показаниям зав. ТНБ инженера Коржа П. Е., выясняется физиономия председателя ИТС инженера Антонова как человека, настроенного далеко не советски и смотрящего на партийные и профсоюзные организации как на органы, мешающие нормальной работе.

«...Мне известно как участнику технических совещаний (объединенных союзом в 1922–1923 гг.), что инж. Антонов Петр Ильич всегда являлся застрельщиком жарких столкновений с союзными и партийными организациями. Дословных выступлений его за давностью я не помню, но Антонов П. И. требовал в своих выступлениях невмешательство в работу производства партийных и профсоюзных организаций, каковые он считал ненужными».

Особенно ярко действия этой группы проявились при попытке освободить арестованного ПП ОГПУ инж. Беленко. Указанная группа собрала нелегальное совещание, на котором решила бойкотировать всякого другого инженера, который пойдет работать вместо инж. Беленко. Обвиняемый Гавришенко Н. А. по данному случаю показывает следующее:

«...Такое совещание действительно было. На нем присутствовал и я. Официального характера оно не носило. На этом совещании ставился вопрос о том, что вместо Беленко необходимо назначить техника Бородина. Поправляюсь, что этот вопрос ставился у нас так: если Беленко не освободят, то всякого инженера, который займет его

место, – бойкотировать. Вопрос этот в такой плоскости ставился мною. Со мною были вполне солидарны и остальные присутствующие».

Перечисленные выше лица (члены организации) организованно, посредством целого ряда мероприятий, действовали на рабочих, толкали их на выступления против совласти, профсоюзных и партийных организаций и вызывали волнения и забастовки. Из многочисленных показаний по рабочему вопросу приводим ниже наиболее характерные. При работах нарушались все правила по горной безопасности. Паление производилось самым безобразным образом. Палилось по 14–20 бурок единовременно, на далеком расстоянии ручным способом, что категорически запрещалось горным надзором. Запальщику ежеминутно грозила смерть. Из показаний свидетеля Клюшнева П. М. чрезвычайно наглядно видно, какая система запалов производилась:

«...На руднике «Октябрьская революция» все правила подрывных работ не выполнялись, и подрывное дело было поставлено ими, вернее проводилось, безобразно, с явной опасностью как для жизни рабочих, так и для производства.

В уступы посылали палить по одиночке, систематически давали распоряжения по одному уступу палить от 20 до 30 и более бурок ручным способом. С таким массовым палением справиться было трудно и опасно. Однажды при массовом палении в 15 штреке я угорел, упал без сознания, потеряв 24 боевых патрона и оставив в шахте сумочку со 100 патронами. Я лично, да и все запальщики заявляли участковому технику, что знал и Самойлов, но никто совершенно никаких мер к устранению ненормальности не принял. Благодаря большому количеству паления выпалы просчитать было невозможно, благодаря этому динамит попадал в уголь и грозил несчастиями».

Вентиляция в шахтах вообще недостаточная, но она **умышленно разрушалась, чтобы прекратить доступ воздуха в шахты**. Инженер Башкин сознался, что он сразу сжег 6 вентиляторов, и рабочим было настолько тяжело, что они бросили работу. На шахте «Октябрьская революция» зав. шахтой Самойлов довел вентиляцию до того, что в шахте из-за недостатка воздуха переставали гореть лампочки. Самойлов заставлял рабочих работать в темноте. Трое рабочих из-за недостатка воздуха потеряли сознание. На все просьбы улучшить положение с вентиляцией Самойлов отвечал, что «меры приняты» или «обойдется так, потому что у советской власти нет денег».

Широко, как система проводились обсчет рабочих, неправильные расценки и т. п. Рабочих при расчетах систематически обманывали, обещали одну зарплату, выдавали из другого расчета, обсчитывали, оскорбляли. Как производились расчеты, видно из показаний рабочего Мишина К. И., данных 1.XII.27 г.:

«...В 106 ходу многие рабочие отказывались работать по тем причинам, что ход был ненормальный, не было пустоты, породу выдавали на гора, а ход был запущен, отстал от уступа и сел, – это было в октябре 1927 г. Рабочие требовали повысить расценки, требования были вполне справедливые, что подтверждал и рудком и охрана труда, но Нашивочников и Костенко расценок не повышали, а обманывали рабочих. Мне Костенко предложил работать в 106 ходу, я стал отказываться, Костенко пригрозил мне не дать совершенно никакой работы, и я вынужден был на работу пойти, причем Костенко пообещал за работу не обидеть, т. е. доплатить за все ненормальности. Однако после месячного замера Нашивочников и Костенко рассчитывали работу по 15 р. 30 к. за метр. Я со своей артелью в 6 чел. создали конфликт, каковой под сильным нажимом предрудкома Широкова уже был разрешен в нашу пользу. Такие явления обмана и ужимки рабочих со стороны Нашивочникова и Костенко были систематическими».

О том же говорят показания Широкова М. С. от 6.XII.27 г. Подтверждая изложенное выше, он добавляет:

«...В 1925 г. я был выбран в рудничный комитет шахты «Пролетарская диктатура», работал по линии тарифного отдела. С первых же дней я столкнулся с личностью А. Е. Колодуба – зав. шахтой «Красненькая». Поступали сплошные жалобы рабочих, что он, Колодуб, ведет неправильные работы, дерзко обращается с рабочими, неправильно нормировал труд рабочих, чем систематически не давал возможности рабочим дорабатывать своих тарифных ставок. Несмотря на то, что на шахте «Красненькая» было в то время 180 чел. рабочих, а примерно на шахте № 2 1800 чел., но на последней меньше было конфликтов, чем на шахте «Красненькая», – там были сплошные конфликты, каковые на 90% разрешались в пользу рабочих. Обострение и недовольство рабочих дошли до таких рамок, что они заявляли рудкому: «Если не уберете Колодуба, бросим его в шахту». По настоянию рудкома зам. управ. ДГРУ Крамич хотел снять Колодуба с должности зав. шахтой «Красненькая» и перевести на шахту № 2 – было издано на этот счет служебное распоряжение, каковое ИТС опротестовало. Вопрос о Колодубе был перенесен на заседание президиума Союза горняков, где было решено создать комиссию по выявлению взаимоотношений зав. шахтой Колодуба с рабочими.

Комиссия в составе председателя, меня и чл. президиума окружкома ВСГ, от хозоргана Овчарова и от ИТС – Нашивочникова нашла в действительности полное безобразие на руднике, как в ведении самих работ, так и в отношении Колодуба к рабочим. Нашивочников всячески старался смазать все факты и прикрыть Колодуба. Я лично и представитель хозоргана Овчаров потребовали немедленного снятия Колодуба, и Колодуб был снят. Со снятием Колодуба положение на шахте «Красненькой» во всех отношениях сразу пошло на улучшение».

Рабочий Бутов показывает о том же:

«...С начала работ нам не давалась расценка, в одном и том же месяце за несколько упряжек было по 3 р. 41 к. на 9 чел. и на 24 – по 1 р. 50 к. за одну и ту же работу. Рабочие начали волноваться. Я пошел к предрудкома Марченко, он сказал, что это ненормально, и был создан конфликт. Один раз на этой почве собралась группа человек 6 и с криком хотела идти в р/у требовать правильного расчета, но я остановил их и повел в Рудком, где конфликт был разрешен в пользу предприятия. Во второй такой же случай – летом 27 г. – рабочие, человек 10, хотели бросить работу и уйти с предприятия, о чем я заявил секретарю ячейки Олейникову; последний вызвал предрудкома Марченко уладить конфликт, и вопрос был разрешен в нашу пользу. Обсчет рабочих был весьма часто. Все это было на проходке Красина. Проходкой ведал инж. Беленко. Дело было в 1927 г.».

С рабочими данная группа специалистов обращалась невозможно. Из многочисленных показаний свидетелей установлено, что рабочих жестоко избивали на рудниках до революции и при белых. Особенной свирепостью отличался Гавришенко. Гавришенко бил рабочих кастетом. На ночь провинившихся пленных красноармейцев приказывал затворять в инструментальные ящики. **Дикое, недопустимо грубое обращение с рабочими и избиение их продолжалось и при советской власти**.

Из показаний свидетеля рабочего Полухина Г. И. от 1.XII.27 г. видно:

«...Отношение Нашивочникова к рабочим было дерзкое и оскорбительное, я это испытал лично на себе. У меня была сильно больная жена с грудным ребенком, после родов, и я в течение 1,5 месяцев в 1927 г. просил какое-либо помещение у Нашивочникова – теплое, так как жил в коридоре, а был октябрь месяц. В этот исключительный случай Нашивочников обязан был содействовать мне, но Нашивочников не только не обратил внимания, но выгнал меня вон из кабинета».

Из показаний Морозова – кузнеца с шахты № 2, от 22. X.27 г. установлено:

«...В 1923 г. Гавришенко избил двух рабочих, пришедших за получением зарплаты. Рабочие были не коренные горняки, а крестьяне из центральных губерний. Зарплата выдавалась бонами, и боны через окошко выдавал Гавришенко. Когда рабочие пришли и постучали в окошко, Гавришенко открыл его, и когда рабочий просунул голову, Гавришенко ударил его по лицу так, что полилась кровь. Я предложил рабочему пойти со мной в шахтком, но рабочий ответил мне: «Власть ихняя (т. е. Гавришенко), если я пожалуюсь на них, то завтра же меня сократят».

Другой случай был, когда очередь рабочих стояла у дверей; дверь была заперта. Рабочий постучал в дверь, чтобы спросить, почему прекратили выдачу зарплаты. Гавришенко выскочил из комнаты, ударил рабочего в грудь так, что он упал на меня. Гавришенко затворился снова в комнате. Рабочие в шахтком не пошли. Среди рабочих были большие волнения, говорили, что власть их не защищает, и те, которых они гнали в Черное море, снова возвратились, стали у власти и избивают рабочих».

Из показаний Рыковского:

«... В 1927 г. Гавришенко в нарядной ударил Петрова и при этом сказал: «Где те милые 18 и 19 годочки. Я бы с ними не так расправился – и на душе приятно. Бывало, не успеешь в контрразведку позвонить, как получаешь ответ: готово, на мушке ваша сволочь. И справляешь после этого три дня поминки».

Из показаний нескольких рабочих:

«...Андрей Колодуб грубым обращением с рабочими вызывает нарекания на совласть и волнения. Один из рабочих ходил в засаду с оружием, чтобы Андрея Колодуба застрелить. Но остальные рабочие его отговорили.

Беленко систематически грозил рабочим увольнением (показания рабочего Суркова). Это было, когда рабочие подходили к Беленко по своим материальным вопросам. Беленко грозил: «Разогнать рабочих с рудника». Крыл матерщиной.

Беленко говорил: «Вы хозяева, а мы ваши работники», и надсмехался. Такое отношение Беленко волновало рабочих, они собирались кучками и несколько раз думали писать заявление. Это подтвердят рабочие Торпцев, Горбатов, Бутов, Карасев и др.».

Из показаний рабочего Бутова:

«...Беленко просто ничего не хотел признавать. Были случаи, когда рабочие от его действий плакали. Плакал рабочий Романов. Беленко его гонял с места на место за то, что он не имел достаточной квалификации бурильщика. Беленко гонял Романова не только с должности бурильщика, но и не давал никакой работы. Это вызывало возмущение всех рабочих. Из-за грубости Беленко с проходки уходили квалифицированнейшие рабочие. Ушли, как я помню, Монгаров, Попов и др.»

Из показаний рабочего Петрова Г. М. устанавливается:

«...В 1927 г. я работал на руднике Воровского как машинист врубовой машины, был на хорошем счету. Однажды весной того же года я зашел в нарядную, где был зав. шахтой Гавришенко и машинист Рыковский. Не успел я войти в нарядную, как на меня ни с того ни с сего набросился Гавришенко, схватил меня за шиворот, толкнул в дверь. Я упал, а Гавришенко запер дверь нарядной. На этом все закончилось. Я промолчал, боясь потерять место, а скоро перешел на шахту «Петропавловку». Более показать ничего не могу. С Гавришенко сталкивался весьма мало».

Случаев избиения можно привести в несколько раз больше и еще больше подчеркнуть полную безответственность специалистов и систему, проводимую ими.

Рабочие жилища умышленно не ремонтировались, от времени разрушались. Даже минимальных удобств для жилья рабочих не предоставлялось. При таких условиях происходили массовые заболевания, ропот и недовольство на советскую власть, и все это в конечном счете отражалось на производстве.

Показания свидетеля рабочего Скурыдина Т. Н. от 7.XII.27 г.:

«... Проживаю я в квартире № 10 рудничной колонии 4-й шахты «Пролетарская диктатура». В этой казарме живет 4 семьи. Казарма общая, не имеет перегородок. Каждая семья живет в углу. Казарма наполовину в земле. Окна казармы на уровне с поверхностью земли, все побитые, запиханные тряпками, забитые досками и железом. Двери также побитые. В стенах казармы такие щели, что кошка может пролезть. Посредине казармы имеется плита, обогревавшая всю казарму. Она неисправна, дымит; имеется еще и другая плита, но та совсем неисправна и не топится. Крыша казармы худая. Когда шли дожди, то во всей казарме была вода. Вся одежда и все вещи были мокрые. Сейчас в морозы в казарме холодно, чуть теплее, чем на улице. Сараев не имеется. Уголь перевозится и ссыпается в казармы, он весь промерзший. Когда он оттаивает, то получается вода и испарения от этого угля, пока он не протает, дня три-четыре холод в казарме.

Живу я в этой казарме вторую зиму. Неоднократно мы обращались к Нашивочникову. Он, чтобы отвязаться от нас, посылал нас на «Красненькую», говоря, что она входит в колонию шахты «Красненькая». На шахте «Красненькая» нам говорили, что она принадлежит к колонии шахты «Пролетарская диктатура». Я считаю это издевательством со стороны Нашивочникова. Сам-то он живет в шикарной квартире».

Показания свидетеля рабочего Левченко Н. Н. от 2.XII.27 г.:

«... Я живу в 34 казарме 3 года. Казарма в плохом состоянии, крыша течет, в квартирах сыро, рамы оконные и двери разрушены – в квартирах холод и развиваются заболевания. У меня лично простудился ребенок – девочка болела 1 год и в том же году умерла. Я настаивал, как и другие, на ремонте квартир, но строители совершенно не обращали внимания на это, – я обращался к Усанову и лично к Басневу.

Жилищный вопрос, безобразное отношение к ремонту жилищ возмущало рабочих; если иногда производился ремонт, то в холодное время. Ясно, эти ремонты никакой цели, кроме излишних затрат, не вызывали».

Показания свидетеля рабочего Полухина Г. И. от 1.XII.27 г.:

«... В 1926 г. я жил в казарме № 15 – эта казарма в безобразном состоянии. Двери перекошены и не закрывались, оконные рамы также были все перекошены, потолок провисший и грозил завалом. В помещении зимой стоял сильный холод, и рабочие простужались и болели; особенно сильно холод отражался на детях, они болели сплошь. Рабочие, благодаря таким условиям, недовольствовали. Недовольства носили острый характер, рабочие проклинали всех и говорили, что их мучают, подавали массовые заявления о ремонте зав. шахтой Нашивочникову и зав. стройотделом Усанову, я лично сам заявлял 2 раза, они не принимали никаких мер».

Показания свидетеля рабочего Харичева К. И. от 1.XII.27 г.:

«... Я живу в казарме № 20 рудничной колонии шахты № 2 ДГРУ. Эта казарма старая и уже разрушается – расходятся стены. Крыша совсем скверная. Капитального ремонта ей не давалось. Обещал нам зав. стройотделом шахты № 2, фамилии его не знаю, что весной 27 г. будет произведен этой казарме капитальный ремонт, но такового не сделано. В такой казарме жить опасно, а живет в ней 7 семейств. Стены казармы подперты столбами, чтобы они не падали, но если столбы подгниют, то неминуема катастрофа. В моей квартире есть такие щели в стене, что проходят 2 пальца. Когда идет дождь, то во всех квартирах полно воды. Из-за этого многочисленные заболевания среди рабочих. Летом этого года вместо того, чтобы перекрыть крышу, производили штукатурку казармы. Это не одна казарма в таком положении. Таких полуразрушенных казарм, в которых живут рабочие и которым не дают ремонта, если не ошибаюсь, шесть: №№ 9, 20, 22, 23, 24 и др. Мне пришлось прошлой осенью жить в

казарме № 9. Она полуподвальная, в ней раньше хранилась мука, а затем ее обратили в казарму для жилья».

Из показаний обвиняемого инж. Усанова А. И. от 23. XI.27 г. видно, что основные казармы №№ 10, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 26 были разрушены, ремонта им не давалось, а если ремонтировали, а также и проводили новые постройки, то умышленно плохо. Плохое состояние жилищ вызывало большую заболеваемость среди рабочих, ропот и недовольство на партийные, профессиональные организации и советскую власть.

В результате Усанов приходит к таким выводам:

«...**Я точно уяснил себе, что проводится сознательно разрушительный хаос. Бороться с ним я был не в силах. Сознавая, что проводимые работы разрушают производство, я невольно становился соучастником всего этого**, и, чувствуя, что дело кончится плохо, рано или поздно все вскроется, весной т. г. я обратился с заявлением в Моспинское, Чистяковское и Рутченковское р/у, желая уйти из ДГРУ. Продолжение работ в стройотделе порядком, изложенным мною в показаниях, вело и ведет к определенному разрушению производства, о чем заведомо знают инж. Баснев и инж. Колганов и ряд других специалистов».

Такая «деятельность» специалистов вызывала не только недовольство и ропот рабочих на профсоюзы, парторганизации и соввласть, но и приводила к постоянным крупным волнениям и во многих случаях – к забастовкам.

В 1922 г. была большая забастовка на почве невыдачи пайков. Забастовка была организована Гавришенко. Он расставлял пикеты и не давал рабочим опускаться в шахты.

В 1924 г. была организована при поддержке ряда специалистов забастовка на почве неправильных расценок за работу.

В 1927 г. 5.I. была 1,5 дневная забастовка на почве спуска рабочих в шахту на поломанном подъеме. Вал у подъема предварительно умышленно сломал инж. Вегнер.

В 1927 г. 22.III – на Власовке была 2-дневная забастовка на почве неправильных норм выработки. Нормы выработки были умышленно проведены Кузьмой без согласования с соответствующими организациями.

Чрезвычайно показательна забастовка учеников ЦИТа в январе 1927 г. Из показаний свидетеля, бывш. зав. школой Герасимова М. Н., от 12.II.27 г. видно:

«...В январе 1927 г. ученики ЦИТа забастовали. Причины следующие: помещение мастерской старое, разрушенное, грозившее ежеминутным падением. Крыши и стены дырявые. Помещение не отапливалось. Пока тепло, с риском можно было работать в этом помещении, но с наступлением холодов – работать нельзя, это равносильно было бы работе на открытом воздухе. **Деньги на ремонт были, Колодуб, как всегда, никаких энергичных мер не принимал. После забастовки мастерскую ЦИТа перевели в баню**».

В своем допросе от 29.I арестованный инж. Гавришенко подтвердил, что забастовка была вызвана умышленно.

Такова была проводимая система, таковы были результаты.

IV
ЗАКУПКА ЗА ГРАНИЦЕЙ НЕНУЖНЫХ МЕХАНИЗМОВ. НЕПРАВИЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБОРУДОВАНИЯ

Из показаний Башкина и Гавришенко устанавливается, что группой инженеров наносится совершенно непоправимый вред для Донугольского хозяйства закупкой за

границей ненужного оборудования на крупные суммы. Заказы за границей проводятся так, что сроки заказов назначаются для выполнения и раньше необходимого времени, и позже необходимого времени. Крупные машины приходят из-за границы раньше, чем для них устроены даже временные помещения. Или же обещают рудникам дать новое оборудование, те не особенно поддерживают старое, оно разрушается, новое оборудование запаздывает, и очень сильно, и рудоуправления оказываются в безвыходном положении. Очень часто заказывается несоответствующее потребности оборудование или практикуется разновременная присылка частей каких-либо машин. Также практикуется присылка ненужных механизмов и задержка необходимых. Довольно часто присылают самые необходимые машины без запасных частей. Все это приводит к очень крупным затратам, обременительно ложащимся на бюджет Донугля. В конечном счете, происходит в крупных размерах иммобилизация капитала.

Инж. Башкин в своих показаниях от 24.I.28 г. обращает внимание на это:

«...Уже тогда я подметил, что с выполнением заграничных заказов и внутри страны по целому ряду крупного оборудования, как-то: паропроводов, моторов к вентиляторам, насосов и моторов к ним, кранов для установки турбины, поступающих в р/у Горловское и Рутченковское, – происходит что-то непонятное. Так, в Рутченковке в выстроенной новой кочегарке, по последнему слову техники, стоят собранными и обмурованными 6 водотрубных котлов. Часть котлов совершенно готова к пуску, но нет паропровода, давным-давно заказанного за границей. Необходимость в большом количестве пара и электроэнергии самая острая – при мне, за какие-нибудь два часа времени, с электростанции по несколько раз выключались шахты № 3,4 и Первомайское р/у. Шахты вокруг все газовые. Тогда уже управляющий т. Кирилкин бесновался, что вот здание и фундамент для установки новой турбины готовы, есть сведения, что турбина из Германии отправляется и через 1–1,5 месяца прибудет, а о кране нет и слуха. То же самое я услышал и в Горловке. Познакомившись поверхностно с паросиловыми хозяйствами, я узнал, что турбины на электростанциях шахт №№ 1 и 8 работают без резервов. Что с новой кочегаркой, где установлено было 4 водотрубных котла по 400 кв. метров с ценными механическими решетками Ленинградского машиностроительного завода, – готовы уже несколько месяцев, и теперь поставлен временный паропровод к турбинам и 2 котла пущены в ход. Проект котельной исполнял Московский теплотехнический институт, на сжигание в этих котлах антрацитового штыба и мелких отбросов коксового производства (коксина) и пр. установку вела фирма «Тепло и сила», и вот, вместо того, чтобы получать 25 кгр. пара с 1 кв. метра поверхности нагрева этих котлов на вышеупомянутом топливе, теплотехники еле набирали 10–12 кгр., и то при добавлении 50% лучшего полноценного угля. К этому работа котлов часто останавливалась, так как подвижная ценная механическая решетка портилась и рвалась».

Относительно заказа, чрезвычайно крупного, на турбины в Германии фирме «А.Е.Г.» Башкин в протоколе от 31.I.28 г. показывает следующее:

«...Для расширения Власовской электростанции Донуглем была заказана турбина в 5000 клв. фирме А.Е.Г. в Берлине в 1926 г., и тогда же было заказано еще 2 турбины по 6000 клв. той же фирме А.Е.Г. в Берлине, только позже на 1 месяц или даже чуть ли не одновременно. Кроме того, Донуголь через 1 год заказал той же фирме еще 1 турбину в 6000 клв. **Считаю, что заказ для Власовской электростанции сделан умышленно неправильно**. Стоимостью 5000 клв. и 6000 клв. турбины незначительно отличаются друг от друга, а однотипность, которую Донуголь выбрал для своих новых станций мощностью по 6000 клв. в одном агрегате, имеет громадное значение; так, например, является возможность иметь в запасе меньше резервных частей. В слу-

чае аварии и отсутствия какой-либо части можно было бы быстро перебросить с соседнего р/у. Кроме того, не пришлось бы много времени тратить на составление проекта чертежей и моделей на трубы и много других частей... **Полученная для Власовки турбина в 5 тыс. клв. является, кроме того, не последним типом**. Из крупных недостатков установленной на Власовке турбины отмечаются: во-первых, двойной конденсатор, позволяющий якобы чистить турбину на ходу, т. е. не останавливая ее. На чистку конденсатора всегда тратится до 6–7 дней, и вот в новых турбинах устраиваются двойные конденсаторы, при которых одна половина чистится, а другая работает. В поставленной на Власовке, да и на Рутченковке и Горловке турбинах имеются двойные конденсаторы, а чистить их на ходу нельзя, и все равно для чистки турбины придется останавливать. Объясню эту невозможность чистки турбинных конденсаторов: камера, из которой происходит всегда чистка конденсаторов, устроена обычной конструкции, как и в турбинах с ординарными конденсаторами, при чистке каковых идущие из конденсатора грязная вода и грязь неминуемо должны смешиваться с засасываемым в генератор (электрическая часть турбины) охлаждающим воздухом, чего ни в коем случае допустить нельзя, иначе может сгореть и генератор. Чистить же конденсатор на ходу турбины спереди тоже крайне неудобно, так как этому мешают насосы, трубопровод и нужно устраивать какое-то приспособление. Для рудников же, работающих исключительно на плохой воде, чистка конденсаторов в турбинах на ходу турбин является колоссальной выгодой. **В данных, кажется, 3-х турбинах, а особенно в Горловке и Рутченковке, где охлаждающаяся вода грязная, такие конденсаторы являются преступлением при заказах**. Кроме того, у Власовской турбины направляющие лопатки залиты в чугунные колеса нефрезерованными, тогда как уже во всех новых типах турбин направляющие лопатки всегда фрезеруются. **Такой крупный недостаток был известен заказывающим Власовскую турбину инженером, ездившим за границу, и ее заказали умышленно**».

Касаясь постройки новой электростанции на Власовке, где с котельными установками ничего не могут проделать, Башкин в своем показании от 23.I.28 г. указывает:

«...Это шло не из рудников, а из центра. Это – задание центра Берлинского и Харьковского. Когда Донуголь получил лицензию, через АРКОС[139] был послан заказ на котлы знаменитой в Лондоне фирме «Бабкок и Вилькокс». При заказе была для меня полная неожиданность, что котлы будут с такой решеткой, которая не приспособлена к сжиганию штыба и не будет иметь приемочных гарантий. Где видно, чтобы при заказе 18–19 котлов не была оговорена каждая калория, – такой оговорки не было. Когда котлы были поставлены, антрацит не стал гореть, получилась скандальная история, англичанин хотел бежать. При настойчивости все-таки удалось зажечь антрацит. На решетке должен был бы быть штыб, пара не получилось, никакой работы не было. Котлы нужны были до зарезу, но нельзя было работать. 3 котла стало, пришлось бросить штыб и взять семечки. Это проделывалось после целого ряда дополнений и изменений. Когда работа наладилась, то и то вырабатывалась норма – 18 по Гюте, установленная 25 лет тому назад. Для обследования приезжал проф. Соловьев. Но раз нет никаких гарантий, то с кого же спрашивать».

На вопрос: как вы считаете – котлы с такими недочетами в конструкции заказаны умышленно или ошибочно? – Башкин ответил:

«...Не думаю, чтобы при заказе 18 котлов можно было допустить такую ошибку. То, что должно было двигать решетку – ответственных частей, – не было ни у кого – ни на Первомайке, нигде. Котлы перебрасывались с Первомайки на Перворучку, потом опять на Первомайку и т. д. без конца».

Не приводя дальнейших примеров, которых имеется огромное количество, мы

считаем, что и на этих явлениях чрезвычайно ясно показывается вредительная деятельность при даче заказов за границу.

Работа врубовыми машинами организована была так, что того экономического эффекта, который должен получиться при правильной постановке работы, не было. Врубовые машины, приспособленные для работы на твердых пластах, направлялись на мягкие угли, и наоборот. В одних и тех же условиях сосредоточивались машины самых разнообразных систем и марок, что требовало и громадного количества запасных частей, и большого количества лишней квалифицированной рабочей силы, вело к уменьшению добычи и большим затратам на ремонты. Обвиняемый инж. С. А. Бабенко в своих показаниях от 20.XII.27 г. приводит следующий факт:

«... Года два тому назад Д. У. прислал 17 американских врубовых машин «Джефри». Прислал их отдел механизации во главе с бывш. директором-распорядителем акц. о-ва «Грушевский антрацит» – Горлецким Н. Н. Он, кажется, являлся акционером указанного о-ва. Эти врубовые машины рассчитаны на мягкие зарубки. В нашем же районе – зарубки крепкие, – об этом, безусловно, отдел механизации Д. У. знал. В результате врубовые машины давали мало производительности, систематически требуя беспрерывных ремонтов. Я лично писал в Д. У., что машины не годятся. Говорили об этом все, однако 15 машин и по сие время остаются в р/у и попорчены от 30 до 50%. Стоимость каждой машины до 10 тысяч рублей. В то же время на крупных рудниках работают машины «СЛЕ» – где могут быть применимы «Джефри». Об этой истории хорошо знает Никишин».

Из показаний свидетеля Рыковского В. В. – мастера по врубовым машинам – от 2.I.28 г. устанавливается, что подобная система распределения машин проводилась и на шахте «Октябрьская революция»:

«... В 1926 г., когда я уже был десятником по врубовым машинам, на шахте Воровского появился представитель фирмы «Кнапп» – монтер Бадштибер; он сразу остановился в квартире Гавришенко и прожил недели две-три. Привез этот монтер две машины Кнаппа № Д3. Эти машины, рассчитанные на мягкие зарубки, на шахте Воровского ничего полезного не дали, а только систематически портились, машинисты недорабатывали норм, и создавались беспрерывные волынки. Стоимость каждой машины 10 000 руб. Я с первых же дней заявил Гавришенко: «Николай Андреевич, машины никуда не годятся и у нас на шахте не пойдут». Гавришенко мне ответил: «**ты меньше болтай, язык держи за зубами, лучше будет, так и надо**». Причем немец-монтер сам говорил, что машины плохие, но Гавришенко говорил мне, что: «**это не важно, надо машины хвалить и добиться насыщения района кнапповскими машинами**», и Гавришенко усиленно хвалил машины. В этот период дом Гавришенко посещал какой-то инженер-немец, той же фирмы, с первого Госрудника, из русских специалистов – Беленко В. И. Кнапповские машины бездействовали вплоть до 1927 г.».

Громадный вред при работе приносило и сосредоточивание на одной и той же работе машин различных систем. Инженер Башкин в своих показаниях от 21.I.28 г. довольно подробно останавливается на этом вопросе:

«... Перехожу к методу применения врубовых машин на шахте «Артем». Вначале, до прихода на рудник инж. Л. Б. Кузьма, было 7 машин «Суливан С.8». Затем поступили 4 машины Кнаппа, после них 15 штук Суливана, 2 шт. Воолла, на складе стояла одна машина Деймонда и 1 машина изготовления Краматорского завода. Вот винегрет 5–4 типов примененных на шахте «Артем» машин. Каждый из типов требовал своих отдельных запасных частей, своих зубцов и обученного еще машиниста. Кроме того, и с электрической частью была такая же картина. Условия для работ благодаря тому создались невозможные. Всегда не хватало ни зубков, а тем более для машин Кнаппа,

которые требовали очень сложный зубок и его с большим трудом удалось научиться изготовлять в своей мастерской, а то давай заграничные, – ни других запасных частей. И вот полученные из Германии машины Кнаппа решил главный инженер применить для верхней зарубки на Мелиховке. Работа никуда не годилась, бились, бились, так и бросили эту затею. Нежелание подобрать какой-нибудь один тип врубовых машин, наиболее подходящих к условиям Власовского пласта, принесло и принесет огромный вред как в производительности самих машин, так и в стоимости выемки».

Кроме неправильного распределения врубовых машин по зарубкам и нецелесообразности их использования технически, инженеры, входящие в организацию, занимались непосредственно порчей машин. Гавришенко в своих показаниях от 25.I.28 г. показывает, что ему было дано задание от главн. инж. Колганова портить врубовые машины. Свидетель Лунзин И. П. – монтер врубовых машин – в показаниях от 3.I.28 г. приводит факты умышленной поломки машин:

«...В 1926 году на руднике были получены 4 машины («Джефри»). Я, согласно существующих правил, долго настаивал перед Гавришенко проверить машины. Гавришенко мне ответил: «**не ваше дело, спускайте без проверки**». Приказание Гавришенко я выполнил, машины не пошли, а через несколько месяцев их куда-то отправили на другие рудники. Я неоднократно говорил Н. А., что машины портятся, – он мне отвечал: «**это хорошо, испортим, а потом ремонтировать будем», что и получилось**. В 23 уступе машина «Джефри» сильно застопорилась, я сказал: «Н. А., надо отремонтировать машину, она испортится», – он – Гавришенко – мне ответил так же: «**пусть ломается, а потом в ремонт ее**».

Штейгер Гавришенко на вопрос, заданный ему: какими способами он и другие техники портили врубовые машины, – показал:

«...Оставляли врубовые машины без своевременного осмотра, отчего происходило их застопоривание; не следили за смазкой их – даже хорошая врубовая машина, если ее своевременно не смазать, быстро изнашивается и портится. Смазочный материал давали такой, который производил горение, загрязнение, стопорку, порчу машин; вместо необходимых и рекомендуемых фирмами смазочных материалов мы употребляли мазут и др. вещества, вредящие машинам».

Машины, по показаниям Гавришенко, портились также неправильным подбором запасных частей:

«...Запасные части есть выписанные из Америки и есть такие, которые изготовляются в России. По калибру они не подходят друг к другу, и при соединении американских частей с русскими происходит застопоривание машины».

Вредительство в котельном и электрическом хозяйстве заключалось не только в прямой поломке машин, но и главным образом в том, чтобы при максимальной затрате топлива, рабочей силы и денежных средств дать наименьший эффект, т. е. дать как можно меньше энергии. Башкин в своем показании от 23.I.28 г. рассказывает, что в 1925 г. на совещании, где присутствовали он и Колганов, инженеры Горлецкий и Самойлов, ему было дано задание, касающееся общекотельного хозяйства: котельное хозяйство сильно не развивать, чтобы, таким образом, рудники не имели в достаточном количестве энергии для того, чтобы откачивать. В том же показании Башкин говорит, что из Винницы был выписан некто Мартынюк, кажется, родственник главн. инж. Кузьмы. По поручению Кузьмы его устроили теплотехником на Власовке, причем дано было задание вредить в области теплотехники. Вредительство сводилось к следующему: «тепловые процессы должны быть такими и должны быть указания кочегарам такие, чтобы плохо грелись котлы». Инструктировать его в этом направлении должен был Башкин.

Также Башкин показывает, что ему было дано задание от главн. инж. Колганова в отношении электропередачи – вести ее так, чтобы получаемой энергии было недостаточно, чтобы была перегрузка. Для того чтобы Донецко-Грушевскому р/у недоставало энергии, большое количество электроэнергии передавали на проходку «Ропит». На вопрос: хватило ли бы Власовской энергии для нормальной работы ДГРУ? – Башкин сообщил:

«...При таких способах ведения работы механизации, какие ставил Колганов, – нет. Не было определенного часа, а давали энергию когда вздумается. Была большая перегрузка. Если бы врубовые машины работали ночью, то была бы свободная энергия – их пускали днем, и благодаря этому была большая нагрузка, сильно перегружали».

V
ВРЕДИТЕЛЬСТВО ПОД ВИДОМ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА

Под видом рационализации производства проводились работы, приносящие крупный ущерб хозяйству р/у. Наиболее характерная из них следующая: установленная в шахте «Артем» электровозная откатка имела разлиновки и стрелки, уложенные в места, разработанные глав. инж. Кузьмой и зав. шахтой. Инж. Башкин в протоколе от 26.I.28. показывает:

«...По их заданиям была уложена стрелка возле восточного капитального уклона такой конструкции и типа, что в случае ее открытия возможен был якобы нечаянный въезд целого груженого состава поезда с электровозом в этот уклон, что угрожало целой катастрофой и уклону, и поезду. Такой случай чуть было не произошел летом этого года и окончился благополучно исключительно благодаря случайному тихому ходу поезда и находчивости ведшего поезда машиниста электровоза, иначе все полетело бы в уклон (электровоз, машинист, сорок груженных углем вагонеток и провожающий). Незаметным вредительством являлось оставление плохого состояния рельсового главного откаточного пути по коренным ходам шахты, по которым действовала электровозная откатка, который имел массу дефектов в стыках, в нивелировке, в расширениях и пр., что электровозы часто ломались, вплоть до отскакивания скатов, ломались оси у них, бурились и т. д. Это вызывало, помимо дорогостоящих и неприятных ремонтов, и остановку производства».

В тех же показаниях Башкин приводит факт совершенно необыкновенной рационализации по транспортировке угля. Такого порядка рационализация приводит к бою подвижной состав, к громадным расходам и плохому состоянию парка.

«...Крупной вредительской работой, проводимой главн. инженером и по его заданию зав. шахтой, является колоссальный урон, принесенный стране быстрыми износами шахтных вагонеток. Происходило это как будто совсем незаметно, но давало громадный износ и благодаря существующей на шахте «Артем» системе наклонов плоскостей, по которым вагонетки должны были автоматически доходить до своего места. И вот, благодаря ошибочно установленному и не устраненному большому углу наклона вагонетки, получая большой разгон, с громадной силой ударялись о только что у конечного пункта установленную вагонетку и очень быстро разрушались. Таких пунктов в шахте и на поверхности шахты «Артем» очень много. С увеличением добычи росло и это вредительство. Разрабатывалась масса изобретений, ничего не сделали и даже отменили ранее существующие тормоза в виде наклонно прибитых между рельсами, приподнятых с одного конца досок, которые являлись хотя примитивными, но все же замедляющими быстрый ход вагонеток тормозами. Так как вагонетка обо-

рачивалась в работе не менее трех раз в сутки и каждая такая вагонетка, что называется, с большого размаха летела поочередно в опрокид, из него на центральную откатку, а затем и клеть, – то быстрому износу подвергались и эти приспособления, но это было устранено затем постановкой вагонодержателей, а с боем вагонеток дело не улучшилось. Обычно вагонетка из 3-мм железа, употребляемая на всех прочих шахтах, на шахте «Артем» оказывалась непригодной, пришлось заказывать и изготовлять в своих мастерских из железа 5–6 мм, но они не выдержали в работе больше двух лет. Это повело к колоссальным расходам на восстановление имущества подвижного состава. Приобретение на пополнение боя от 400–500 ваг. в год для шахты «Артем» за последние 2 года вызвало затраты громадной суммы 125–150 тыс. рублей и не дает гарантии в хорошем состоянии парка».

Свидетель С. А. Жуков – десятник шахты № 2 – показывает: «Касаясь деятельности Самойлова В. Н. при существовании соввласти должен отметить, что **таковая носила злостный разрушительный характер, причем это разрушение прикрывалось** с его, Самойлова, стороны **хозяйственной целесообразностью**». На шахте «Октябрьская революция» под руководством Самойлова произведен целый ряд совершенно ненужных, ничем не оправдываемых работ. Часть из них для иллюстрации системы вредительства ниже приводим:

«...В 1925 году я работал на участке вновь строящегося бремсберга № 27 на уступах в должности десятника. Бремсберг прокладывался крайне медленно, в месяц проходили 2–3 сажени, а нормально в среднем проходка бремсберга заключается в 8 саж. Порожняка не давали, породу не увозили, словом, бремсберг своего назначения не выполнил.

Но еще хуже обстоит дело с ходом № 19. Этот ход прокладывался с 1923 г. или с 1924 г., и прокладка тянулась до 1926 года, не была закончена и брошена. Для каждого было очевидно, что прокладка этого хода – это бесполезная затрата средств, ничем не оправдываемая. Затраченные на проходку хода № 19 огромные средства пропали даром, ход не использован, заброшен.

Около 6 месяцев тому назад было приступлено к устройству кверхшлага[140]; на эти работы, по словам Самойлова, ассигновано около 100 тысяч рублей, применение электровозов в данном случае значительно бы увеличило подачу, а тем самым производительность, и понизило бы себестоимость. Поэтому, естественно, эти работы необходимо было провести в кратчайший срок, дабы полнее использовать механизацию. Несмотря на такую очевидную истину, работа тянется свыше 6-ти месяцев и, по слухам, якобы уже приостановлена. Между тем на эти работы израсходовано уже 40–50 000 руб. Разумеется, сейчас оставлять работы нельзя. Нет необходимости бросать зря такую сумму, но, с другой стороны, если работы будут идти таким темпом, как сейчас, то к моменту окончания их кверхшлаг будет использован лишь в течение короткого времени, не больше года, и, естественно, не оправдывает себя».

Группой, проводящей подземные работы, постоянно, там где только можно производились завалы. Обыкновенно для этого уступ слишком разгоняли в длину и ставилось плохое крепление. При завале уступа ссылались на слабую кровлю и неквалифицированную рабочую силу. Арестованный Гавришенко на вопрос: было ли распоряжение, чтобы систематически производить завалы? – дал точный и ясный ответ:

«...Завалы производились несистематически, что могло бы вызвать вполне законные подозрения, а по возможности там, где это удобно. Обычно ставилось плохое крепление».

Отставание выдачи угля на гора от зарубки проводилось вредителями в довольно широких размерах. Ежедневно тысячи пудов угля оставались под землей, хотя могли

бы быть своевременно выданными. Этот интересный вопрос Гавришенко в своих показаниях осветил с достаточной полнотой:

«...У нас действительно было такое задание дано Колгановым, чтобы выдача угля отставала от зарубки и оставалась в шахте, но таким порядком большого вреда мы принести не могли, хотя в целом по р/у это и давало порядочные убытки».

По показанию инженера Башкина от 21.I.28 г. была проведена большая вредительная работа посредством применения американского метода «системы вилок» при добыче угля. Данная система может быть проведена только при устойчивой кровле и хорошем креплении. На литере «А» не было этих условий.

«...Что из этого вышло: затратились средства на устройство камер для трансформаторов, скреперных лебедок, приобретение трансформаторов, кабеля, установки и прокладки их. В результате вместо ожидаемой при таких случаях производительности вилки в 100 вагонеток – их едва набиралось 40. И несмотря ни на что, эту работу продолжали все время, увеличивая количество вилок и перенося оборудование из выработанных печей в новую. Канаты не успевали заменять, скрепера ломались, листовое котельное железо в 6–7 мм не выдерживало и рвалось, и все потому, что условия пласта были неподходящие, а поэтому и система работы не годилась. И на литере «А», как и на 70 бремсберге, эту работу продолжали годами, покамест не окончили нижний участок. Конечно, понять, для чего это делалось, легко было бы и неспециалисту».

На шахте им. Воровского, несмотря на правильно разработанный план, практически работы производились неправильно. Зав. шахтой Гавришенко проводил однокрылые работы, а литер 1-го пласта вел к сбросу. По данным вопросам показал нижеследующее:

«...Задание давал Колганов. Штреки выходили в 2 раза длиннее и производительность по откатке в 2 раза меньше».

Это удорожало себестоимость продукции. Относительно литера 1-го пласта – его не нужно было повертывать год тому назад:

«...А начать соединение со вторым литером. Р/у не стало это делать, потому что будто бы своевременно не заказало тягальные машины; на самом же деле тягальная машина была отдана на «Петропавловку». Делалось это для того, чтобы себестоимость угля была дороже».

Крупная вредительская работа была организована Кузьмой на Власовке (70 бремсберг). Кузьма механизировал доставку антрацита по типу курных углей. Доставка антрацита с бремсберга шла по железным решеткам, уложенным под углом 20° на протяжении 200 саж. Подача к рештаку велась по 4 штрекам, и над рештаком в каждом штреке было установлено по одному опрокидывателю. Инж. Башкин в своих показаниях от 21.I.28 г. о такой транспортировке антрацита показывает:

«...С самого начала многие из техников скептически относились к этому методу механической доставки с расстояния 200 саж. Ясно – полученная скорость при таком крутом падении была настолько велика, что развивалась бешеная скорость, и % выхода крупного антрацита из этого участка очень снизился, а сама работа на этом участке оказалась опасной для рабочих. Получался антрацитный водопад, и летели как брызги его куски во все стороны. Сколько было при этом ушибленных рабочих, сколько было затрачено железа, что-то около 4 тысяч пудов, и ремонт их (рештаков) стоил бешеные деньги. Железо протиралось быстро, во время работы выскакивали рештаки целыми звеньями, и нужно было постоянно их латать, чинить и пр. и пр. Когда выработали этот участок, у всех вырвался вздох облегчения. Это сможет подтвердить и техник И. И. Костенко. Стоимость и качество угля из этого участка вытекает сама собой».

Так группа инженеров, противников соввласти, под видом рационализации, ме-

ханизации нашего производства занималась вредительной деятельностью, приносившей огромный ущерб Донугольскому хозяйству.

VI

УМЫШЛЕННОЕ УКРЫТИЕ ОТ СОВВЛАСТИ МОЩНЫХ ПЛАСТОВ И РЕНТАБЕЛЬНЫХ ШАХТ

Со слов обвиняемого Колодуба Константина видно, что Самойлов вел работу так, чтобы сохранить основной пласт. Он усиливал добычу на восточном уклоне первого пласта, в то время как западный уклон эксплуатировался значительно слабее. Все данные же были за то, чтобы разрабатывать усиленнее западный уклон. Условия на западе были лучше, и пласт имел большую мощность. Дальше Колодуб Константин показывает, что он не может объяснить, «чем руководствовался в данном случае Самойлов», и дальше он говорит, что Самойлову было прекрасно известно «о состоянии того и другого уклона».

Из показаний свидетеля Власова В. А. от 19.XI.27 г. установлено, что литер «Б» и «Ц» шахты № 2 был затоплен. Этот литер – лучший и полезный участок на шахте. Рабочие требовали восстановления литера на всех производственных собраниях. Инж. Бабенко С. А., который был тогда зав. шахтой № 2, категорически отказывал в восстановлении литера. На все вопросы он отвечал: «литер нет целесообразности восстанавливать, это требует больших средств, а шахта недолговечна, лет на 5, на 6». В то же время Бабенко восстановил бремсберг № 5, который был уже на выработке. Через месяц после восстановления бремсберг был остановлен за ненадобностью. По затоплению литера «Ц» и «Б» шахты № 2 обвиняемый инж. Бабенко дает следующие показания:

«...Литер «Ц» и «Б» были затоплены в 18 или 19 году с отступлением белых и перед приходом соввласти. Гавришенко не говорил мне, каким путем он затопил литер, но он это сделал, когда бежал с белыми. Я уже говорил, что специалисты не могли примириться с соввластью в своем большинстве, и в данном случае Гавришенко. Момент затопления, я полагаю, вам скажет точно б. механик Пушкарский Александр Тихонович, он служит на проходке Бухарина, и Федоров Степан Иванович – монтер шахты № 2, литер «Ц», – кажется, тоже путем подъема насосов или по распоряжению Гавришенко Н. А. или Завадского, точно не помню, но ясно – они действовали в целом сообща и умышленно.

При затоплении литера «Б» были погребены под водой плунжерный насос и вентилятор. Литер был в затоплении до января 1924 г. Причем до этого момента на шахте был Гавришенко. До моего прихода на шахту в 1924 г. эти лица не откачали литер, т. е. они откачивали его, а потом притапливали опять. Вступив в должность зав. рудником, я откачивал воду за полгода, причем Гавришенко был снят от меня и переведен на «Воровский» через весьма непродолжительное время. Характерно, что при мне прекратились порчи насосов, в то время как в бытность Гавришенко они часто портились».

Обвиняемый Гавришенко Н. А. в своих показаниях от 25.I.28 г. сознается, что литер затопил он по директиве Березовского:

«...Директиву о затоплении литера «Ц» получил от Березовского Н. Н. Мне было запрещено чистить трубы, и умышленно не выписывался лес длинный, необходимый для крепления литера, говоря, что такового нет на рынке. И была разработана тягальная паровая машина для переделки на электрическую, так что фактически ремонтом литера заниматься было нельзя».

Свидетель Чадаев Алексей Иванович 25.I.28 г. показал: «На речке Кадмовке Парамонов вел разведки антрацита – я там работал сам. Было заложено 3 шахты – это на

расстоянии одной версты от шахты «Артем». Все три шахты дали хорошие результаты, был обнаружен пласт от 24 верш. до 22 верш., уголь хороший качеством. Однако штольная шахта была заложена на углубленческий пласт глубиной 200 метров, другая 88 метров на рыхлый пласт и третья, вертикальная шахта – на 48 метров. Эти шахты были начаты эксплуатацией, но в войну были приостановлены по каким-то соображениям Парамонова, хотя они и имели все богатые данные. Об этих шахтах знали – быв. Парамоновский служащий техник Винокуров, Некрасов А. Е., а позже Кузьма и Овчарек. В 1925 или 1926 г. меня вызвал Кузьма и начал спрашивать об этих шахтах. Я ему сказал все хорошие результаты и предлагал ему расчистить шахты, он мне ответил: «посмотрим», но вместо расчистки шахт начали бурить работу в противоположную сторону к х. Табунщикову, в местах, где заведомо не было никаких месторождений, бурили скважину «Степановку», куда убили сотни тысяч рублей, т. е. Кузьма начал бурить там, где бурил в старое время Парамонов с помощью шведов и ничего не нашел.

На Кадмовке все стволы уже, благодаря тому, что за ними не смотрели, завалены. Имея все данные о залежах на Кадмовке, помимо бесцельных разведок по линии х. Табунщикова, Кузьма начал проходку «Бухарина»; скоро будет 2 года, как ведут ее, затратили около 500 000 руб., результатов еще нет, шахта с сильной водой, шахта заложена на границе старых выработок рудников «Старо-Азовской» и «Греманова», – **следовательно, если «Бухарин» и вступит в эксплуатацию, то его работы будут однокрылыми и шахта не оправдает затрат на ее прохождение**.

Обвиняемый Бабенко С. А. в своих показаниях от 13.XII.27 г. сообщает: «Перед революцией около реки Грушевки намечалась закладка большой шахты для того, чтобы выбрать нижележащее поле. Это поле имеет два пласта – «Грушевский» и «Рыхлый». Запасы поля определялись около 300 млн. пудов. С закладкой этой шахты можно было закрыть дорогостоящие шахты «Крыленко» и № 2, вернее, с пуском в эксплуатацию новой шахты. На старом плане точки этой шахты были намечены. К приходу соввласти и до последнего дня об этом проекте знал я, Колганов и ряд других лиц, но с приходом соввласти разговор об этом проекте, в силу общих воззрений специалистов, был прекращен, так как на устойчивость власти никто не рассчитывал».

Показание Попиниса Антона Доминикеевича от 23.I.28 г. о шахте № 5: «Шахту № 5 я хорошо знаю. Рыхлый пласт на ней совершенно не работался, а пласт углубленческий, мощностью от 24 до 28 вершков, имеет уголь весьма хорошего качества. В шахте засечено было 20 уступов. В революционный период шахту остановили, было это без меня, я был в армии, и как ее остановили – я не знаю. Но мне известно, что уже при соввласти за стволом не смотрели совершенно, и он в 23 или 24 году разрушился и его засыпали. Шахта при мне давала до 25 т пуд. в сутки, ствол пропускал в сутки 1000 вагонеток, уголь в шахте так называемый серебристый стульняк; шла главным образом плита.

Аналогичная история наблюдается и с другими шахтами на 1-м госруднике.

В шахте № 4 осталось много угля, она почти не работала, шахта стоит, ствол закрыт. Мощность пласта и качество углей аналогично шахте № 5. Глубина шахты 44 м».

Показания Жердева Семена Козьмича от 25.I.28 г. о шахтах № 5 и № 1: «Шахту № 5 и № 1 я хорошо знаю, я на них проработал почти всю жизнь. Шахта № 5 имела лучший серебристый «стульняковый уголь» – шахта № 5 выдавала в сутки 1000 вагонеток, а шахта № 1 – по 120 вагонеток в час, залежи богатые. Перед наступлением соввласти шахты остановили. Остановил их инженер Некрасивый – служащий Парамонова, говоря: «это дело не ваше, а хозяйское». А когда пришла соввласть, Некрасивый бежал с белыми, забрав с собой всех рудничных лошадей. Этот Некрасивый – палач рабочего класса, при белых он устроил тюрьму для рабочих – при управлении, где сей-

час «красный уголок», и туда за малейшее слово бросали рабочих, истязали их. С приходом соввласти вперед Некрасивый, а потом главинж Кузьма забросили ствол шахты № 5 и он обрушился; когда он обрушился, туда, я хорошо помню, бросили до 100 вагонеток, якобы закрепить обрушение; шахты № 5 и № 1 не вырабатываются, несмотря на то что там лучший уголь. В 1921 г., когда был механик Чернокнижников С. Е. – бывш. Парамоновский служащий, он разрушил подъемную машину, шахту № 1 и № 5, машины паровые в 80 и 100 сил. Машины разрушили, и до сих пор рама машины № 1 лежит на шахте № 1 около трубы и пропадает. Более показать ничего не могу».

Обвиняемый Башкин на вопрос: по чьему распоряжению засыпана шахта № 5? – показал:

«В. Что представляет собой шахта № 5?

О. Очень хороший шестичетвертовый пласт.

В. Какая была выработка в год до революции?

О. 10 млн. пудов.

В. Какова себестоимость угля?

О. Уголь близко, поэтому себестоимость дешева.

В. Какое количество угля?

О. Уголь был не крупный, крупный был забран. Для механизированных способов работы очень удобный.

В. Это сделано с вредительной целью или нет?

О. С вредительной, **по заданию Березовского**. Задания были оставлены Парамоновым».

Пласты Бессергеневской проходки были укрыты от правления Донугля. В 1911 г. шахтовладельцем Буросовым была заложена недалеко от рудника «Петропавловка» Бессергеневская раскрыша. Разведки Бессергеневских месторождений дали богатые результаты. К прохождению шахты были привлечены итальянцы, и шахта закладывалась капитально, с бетонированными полами, большого сечения. Буросов продал раскрышу акц. о-ву «Грушевский антрацит», управляющим которого был Емельян Колодуб. Все данные указывают на то, что район Бессергеневки весьма богат залежами антрацита, Бессергеневская проходка была пройдена на несколько десятков саженей, плывуны у него забраны в железные кессоны, ствол фундаментально забетонирован. Дальнейшему прохождению раскрыши помешала начавшаяся гражданская война. Об этой проходке знают Колодуб, Колганов, Бабенко и др. техники. Но она почему-то заброшена и не числится даже по р/у в списке консервированных шахт. Из показаний обвиняемого Беленко выясняется:

«...Проходка Бессергеневская, пройдена около 100 м итальянским подрядчиком, ствол закреплен железобетоном. До пласта не дошли, залежи очень богатые, так же, как на Петропавловке, если не лучше. Эта проходка входила в акц. о-во «Грушевский атрацит», управляющим коей был Колодуб К. Как ни странно, но эта проходка заброшена, хотя о залежи богатств и ее отличном состоянии подробно знают Колодуб Е., Самойлов, Колганов, Гавришенко и др. В данное время предполагается закладка новой шахты у дома Колганова, где проходят те же пласты, что и на Бессергеневке, но на это потребуется много средств и времени, а на Бессергеневке все серьезные работы уже проделаны на 75%, поэтому **новую шахту закладывать нет смысла, а продолжать Бессергеневку. Эта проходка** по своему простиранию и богатству исследования рассчитывалась добычею на 30 млн. пудов в год. И она бы через **несколько времени не уступала бы** первоклассной шахте «Артем». Планы и чертежи сохранились. О них хорошо знают Бабенко, Колодуб, Колганов и Гавришенко, но управляющий рудниками и парторганизации не знают. Все предпосылки **о нежелании начать**

разработку Бессергеневской проходки дают основание полагать, что она сохраняется с определенной целью».

Показания обвиняемого Колодуба Константина устанавливают:

«...Колганов, Гавришенко и др. знали, что они пускают в эксплуатацию малополезные шахты вроде «Тагро» и «Красненькой». Об этом знал и горный надзор в лице инж. Антонова. Одновременно с этим задерживалась эксплуатация полезных пластов на руднике Воровского и «Октябрьская революция» или окончание проходки Бессергеневской, где в 1915 г. я работал. Шахта закладывалась капитально, были при мне пройдены плывуны, об этой проходке и ее полезности знали Колганов, Гавришенко, Бабенко, я, Самойлов. **Если эту шахту в эксплуатацию не пускали, то здесь была цель, за что говорит сама логика вещей**. Шахту в эксплуатацию нужно было пустить».

Экспертиза подтвердила ценность Бессергеневской проходки и установила, что для возобновления работ проходки требуется установка котла, копра и тягальной лебедки, что не потребует особых затрат. Экспертная комиссия в своих выводах констатировала, что невосстановление работ на Бессергеневке можно объяснить только благодаря полному безразличию руководящей группы специалистов по восстановлению и развертыванию нашей промышленности.

Обвиняемый Башкин в своих показаниях от 23.I.28 г. указывает, что Березовским было дано задание об укрытии проходки Бессергеневки и чтобы были приняты все меры к сохранению пластов. Из тех же показаний Башкина видно, что Горлецкий давал задание Колганову и Самойлову, сводящиеся к следующему:

«...Что нужно основные рудники Антропрома сохранить – они могут остаться, там имеются хорошие промышленные пласты, которые не надо разрабатывать, а только на них производить подготовительные работы, без выработки недр. Недра необходимо сохранить. Как раз в это время проходило описание Донбасса, в составлении которого принимал участие и я, учитывая указания Горлецкого».

Из приведенных выше фактов с совершенной очевидностью видно, что задания инж. Горлецкого и Березовского очень точно выполнялись.

Укрывая пласты, имеющие хозяйственное значение, вредители, во исполнение директив о добыче плохого угля из дорогих рудников, разрабатывали невыгодные пласты и начинали закладывать заведомо убыточные проходки. Из показаний свидетеля техника Степаненко А. А. от 16.XI.27 г. установлено, что на шахте «Октябрьская революция» по инициативе Самойлова началась разработка рыхлого пласта; рыхлый пласт дает сейчас уголь, засоренный колчеданом. Выемка углей обходится дороже, чем на других пластах, вследствие наслойки породы над углем в 6–7 вершков, работы проводятся по зарубке вручную. Пласт маломощный, всего до 12 верш., с прослоем колчедана вверху. На восстановление рыхлого пласта затрачены большие средства, определяющиеся в десятках тысяч рублей. Рыхлый пласт вперед был восстановлен на западное и восточное крыло, т. е. уступы № 11, 12, 13 и 14. Западное крыло было остановлено вследствие полнейшей убыточности и невозможности работ. Восточное двумя уступами продолжает разрабатываться. Эти два уступа сейчас дают около 3000 пуд. угля. В это количество входит и 5–6% колчедана, уголь имеет большую серность, сбыт такого угля может быть только случайным, и он сбывается сейчас благодаря смешению с углем 1 и 2 пласта. **Для меня лично становится странным, почему вскрыт этот пласт, я бы лично никогда не начал этих работ и считаю, что средства, затраченные на него, – явный убыток**.

Я лично считаю, что не понимать всего Самойлов, как имеющий большой опыт, не мог и делал это все, безусловно, с целью или от озлобленности, как лишенный бывш. капиталов».

При наличии таких капитальных раскрыш, на три четверти уже законченных, как Бессергеневская, – р/у в лице Колганова и Андрея Колодуба без достаточных оснований начинало новые проходки. К этим проходкам принадлежит «Аюта». «Аюта» заложена без геологических исследований, исключительно на основе указаний бывш. шахтовладельца Марченко. Заложена на пережиме пластов, что не допускается техническими возможностями, на болоте и ключах, где много воды, что при геологических исследованиях было бы предусмотрено. В данное время работы по «Аюте» приостановлены вследствие того, что заложенные 3 бура дали сильные воды. Несмотря на это, было заложено 4 новых бура, которые дали опять громадный приток воды, и «Аюту» затопило. Экспертная комиссия в составе инж. Галандж, инж. Топилина, главн. механика Андреева, механика раскрыш Золотарева, профуполномоченного Румянцева, представителя от рабочих – монтера Бубнова пришла к выводам.

«...1. Задание по пуску шахты в эксплуатацию 1 октября 1927 г. в силу ряда изложенных выше моментов считать сорванным.

2. При детальных буровых разведках можно было определить наличие водяных жил, – чего, очевидно, проделано не было.

3. Отсутствие резервных котлов грозит полной остановкой работы уклона, и работы стоят. Переброшенный третий котел будет установлен не ранее как через 1,5 месяца».

Надо отметить, что имелось в наличии достаточно насосов и достаточной мощности, но что они не были пущены своевременно в работу, и проходка «Аюта» затоплена исключительно по вине руководящих работой инженеров.

По заявлению управляющего производством управления Д. У. т. Абакумова, вследствие невыгодности проходки «Аюта» постановлено ее закрыть.

VII
УМЫШЛЕННАЯ ПОРЧА МАШИН

Группа вредителей занималась порчей машин и самостоятельно, и по заданиям из-за границы. Вопрос о порче врубовых машин инженерно-техническим составом на ДГРУ и Власовке уже был нами освещен с достаточной полнотой в данном обзоре (см. обзор, стр. 19). Для иллюстрации вредительства в этой области приведем несколько конкретных фактов порчи машин.

Согласно акту экспертно-технической комиссии от 9.VIII.27 г., состояние подъема № 2 на шахте им. Воровского такое: «Машина новая. Выбита часть зубьев в барабанной шестерне, нарушен фундамент, наблюдается игра барабанов в подшипниках, нарушены фундаментальные болты, подушки тормозной ленты. Машина может попортиться более, что грозит временной остановкой шахты. Полученная новая шестерня не использована и около года стоит около здания подъема без окраски, что влечет порчу шестерни путем ржавы, и следы ржавчины есть».

Зав. Гавришенко обязан был настаивать на замене подъема и сменить шестерню. Гавришенко в своих показаниях указывает, что, когда он получил шестерню и положил ее на окно, в это время вошел Колганов и спросил: «Для чего вам новая шестерня?» Узнав, что для замены в подъеме № 2, срочно прислал механика Андреева с приказом об отмене замены старой шестерни новой.

Согласно тому же акту, сортировка установлена год тому назад совершенно новая. «Сортировка долгое время не смазывалась, вследствие чего разваливало подшипники. Сортировка сильно разрушена. Верх побит, верхние кулаки корцевого элеватора изношены, диски транспортной ленты сработаны и требуют замены новыми. Срок службы сортировки, безусловно, сократился».

Эту сортировку машинист Литовченко предложил своему помощнику Нетребскому сломать. Литовченко сознался в предложении, сделанном Нетребскому, о поломке сортировки, а также и в том, что он занимался систематической порчей сортировки. Зав. шахтой Гавришенко не только не снял Литовченко и не предал суду, но перевел его на работу в шахту к вентилятору. Литовченко в ту же ночь сжег подшипники в вентиляторе, и на некоторое время была приостановлена работа шахты.

Согласно тому же акту, симоновская лебедка получена на шахту новой более года назад. Пришла в полное разрушение. Разбита одна большая шестерня. Лебедка эксплуатируется всего несколько месяцев, сейчас выдана на гора. Выбытие из строя задержало проходку литера 2-го пласта, и лебедка заменена новой. К работе на **лебедке Гавришенко не должен был допускать некомпетентное лицо** (подростка). Лебедка стоит сейчас в ремонте. Обвиняемый Гавришенко в своих показаниях от 29.I.28 г. в объяснение этого факта показывает: «Машины портили умышленно, симоновки мы заставляли работать с большой нагрузкой и не по назначению, они не давали того экономического эффекта, который должны были бы дать, ломались и ставились в ремонт».

В том же акте относительно скреперной лебедки говорится: «Установлена в феврале месяце 1927 г. новой, взамен выбывшей симоновской. К работе на ней Гавришенко допустил площадочного рабочего Киппа, что ненормально. У лебедки была разбита шестерня 4 раза. В результате поломки лебедки – задержано прохождение литера 2-го пласта около 3-х месяцев». Обвиняемый Гавришенко в своих показаниях на вопрос: какие машины вы лично, или по вашему заданию, портили? – ответил: «Мы умышленно портили тягальную машину, давали ей большую перегрузку, и она постоянно ломалась».

В этом же акте ставился вопрос о действии Гавришенко по непринятию мер при пожаре трансформатора. Состояние трансформатора таково: железобетонная камера трансформатора разрушена. Эта камера построена с ведома Гавришенко как завшахтой. После разрушения часть камеры была забита досками, что недопустимо. Распределительная доска трансформатора уже в ножках погнута. Трансформатору грозил и грозит завал. Трансформатор загорался несколько раз от несоответствующе поставленных контактных проводов внутри трансформатора. Загорание трансформатора, при наличии при нем 70–80 пудов горючего, грозило пожаром, взрывом трансформатора, с могущими быть жертвами и, безусловно, большой, на несколько месяцев, остановкой шахты. Непринятие со стороны Гавришенко никаких мер к проверке и установке причин загорания трансформатора в течение 3-х раз дает основание расценивать это как техническую неграмотность Гавришенко в электричестве или его злой умысел, разрушение предприятия, но при загорании трансформатора, если Гавришенко и не знаком с электричеством, он должен был принять меры к детальной проверке причин загорания.

В этом же акте состояние электроподстанции определено так: три автомата с ведома Гавришенко были заклинены и работали как простые масляные выключатели, это было вызвано перегрузкой врубовых машин, несоответствием предохранителей на врубовых машинах и неурегулированностью самих автоматов. Такое положение, при отсутствии заклеймения, грозило частой остановкой машин, падением добычи и порчей автоматов. При заклинении автомата врубовые машины грелись, мог сгореть гибкий кабель, мотор и трансформатор. Установленный на Поповку автомат бездействует, что вызвало тоже излишнюю затрату средств, пока безо всякой пользы. Обвиняемый Гавришенко в показаниях от 29.I.28 г. на вопросы: какие давались задания вам и кем по вредительству на электроподстанции на шахте Воровского, и что вами было сделано? – показал:

«...В самой постройке электроподстанции особых дефектов нет; в работе машин дефекты имеются; неправильные установки машин производились по заданию главинжа Колганова».

Директива заклинить выключатели, по показанию Гавришенко, была им дана механику Красову. Задание преследовало цель – нанесение вреда электроподстанции.

«...Когда была построена подстанция, то там не было проверено приборов. Старая подстанция была настолько изношена, что не было на ней возможности работать и было нужно перейти работать на новую подстанцию. Так как приборы не были еще готовы, проверены, то возможность заклинить выключатели была. Этим преследовалась цель сжечь всю аппаратуру подстанции и тем самым остановить всю работу на руднике».

Экспертиза, обследовавшая вопрос поломки машин на руднике Воровского, не имея у себя на руках признания Гавришенко в порче им машин, пришла к выводам, что «из всех приведенных фактов наблюдается целый ряд порчи машин и оборудования рудника, что надо расценивать или как злостную бесхозяйственность, или как злой умысел с вредительной целью производству со стороны Гавришенко и злой умысел со стороны Литовченко».

На Власовском р/у была произведена порча подъемника, причем был вынут шплинт, что при опускании рабочих в шахты привело бы к катастрофе. Катастрофы не последовало только вследствие проверки механиком подъемника.

Обвиняемый Башкин 23.I.28 г. на допросе показал следующее: что он, Башкин, получил задание от представителя фирмы «А. Е. Г.» Майера о порче подъемной машины и электростанции. На электростанции не было ничего им сделано, а на подъемной машине была произведена поломка тормоза. Поломка была произведена инж. Вегнером, проникшим в машину, загримировавшись под Башкина.

Башкин показывает, что им по заданию Кузьмы было сожжено шесть вентиляторов.

По его же, Башкина, поручению один из машинистов делал попытку остановить работу шахты. Для этого он опрокинул мотор, предварительно сняв его с болтов и разрезав провода. При наличии резервов работа была остановлена на 6 часов, при отсутствии резервов шахта могла остановиться на продолжительное время. По приказанию же Башкина было произведено заземление проводов, и вся работа была остановлена почти на сутки. Это было рассчитано и на человеческие жертвы.

В 1924 году на руднике «Октябрьская революция» механиком Чернокнижниковым была испорчена турбина. Турбина была попорчена путем перекачки воды из кочегарки. Вода попала в турбину и смяла лопатки – 7 рядов. Порча могла произойти или по злой халатности, или просто по злой воле. Остановка турбины грозила затоплением всех шахт ДГРУ. Пришлось линию вести на Власовку и остановить больную турбину (показания свидетеля Андреева). Обвиняемый инженер Башкин показывает, что воду из кочегарки на колеса турбины можно пустить только умышленно. В ночь, когда сломалась турбина, происходила попойка техперсонала ДГРУ, и на долю кочегаров достался чуть ли не бочонок вина. Это было необходимо для того, чтобы повредить турбину. Турбина поломана по заданию Колганова. Такая поломка грозила аварией. Только случайно не произошла катастрофа. Башкин показывает следующее:

«...Больную турбину отправили в ремонт. Выход из строя здоровой турбины грозил затоплением всех рудников Дон-Грушевска, но благодаря счастливой случайности пошли новые котлы на Власовке, – аварии не случилось. При даче задания был и Березовский».

Арестованный Гавришенко показывает, что турбина испорчена по заданию Березовского. На вопрос: какая цель преследуется порчей турбины? – Гавришенко ответил:

«...На одной турбине беспрерывно работать нельзя, для очистки и ремонта ее необходима остановка работы в течение $1^1/_2$ месяца на 3–4 дня. Кроме этого, вторая турбина была больная и могла работать с 50% нагрузкой».

К установке турбин должны были приступить в ноябре-декабре 1926 года. К работе по снятию с фундаментов двух старых паровых машин по 450 лош. сил, на месте которых должна быть установлена новая, было приступлено в августе месяце 1926 г. Работа хотя и велась в две смены, но она подвигалась очень медленно и фундамент под новую турбину был закончен только лишь в марте месяце 1927 г., т. е. с опозданием на 3–4 месяца.

Задержка в приступлении к установке турбины произошла по следующим причинам.

Через Харьковские отделы Донугля.

Кран прибыл из-за границы в апреле месяце, подкрановая конструкция колонн в апреле месяце. Перекрытие для пола вообще Харьков не заказывал. Главинж знал об этом, но не принял раньше мер к заказу. Его пришлось срочно приготовить на месте. Паропровод для временного присоединения новой турбины к старому паропроводу Харьков заказал так, что его пришлось изготовить на месте перед самым окончанием и пуском турбины.

Благодаря вредительной работе в Харькове к сборке турбины удалось приступить лишь только с мая месяца, и вся работа могла бы быть законченной к 1 сентября, но здесь опять проявилась такая же история, как и с краном, это – опоздание харьковским отделом Донугля выполнения монтажа распределительного устройства и заводами Донугля водопроводных труб. И только к 1 ноября, благодаря вредительной работе Харькова, турбина была закончена на 6 месяцев позже возможных сроков. Кроме задержек главинжа Л. Б. Кузьма в новой работе по расширению кочегарки электростанции, где должны были быть установлены 3 новых водотрубных котла, вместо того, чтобы приступить к этой работе с весны 1927 г., оттянули производство работ до октября м-ца, и уже в холода в ноябре пришлось закончить часть бетонных работ, и здание так и осталось незаконченным.

Арестованный Гавришенко показывает, что турбина установлена неправильно:

«...Установление и пуск в эксплуатацию новой турбины рассчитаны на 15 атмосфер рабочего давления с перегревом пара в 350° по Цельсию, в то же время кочегарка станции, которая обслуживает турбину, имеет давление не больше 12°, с перегревом в 300° по Цельсию, для нормальной работы турбины не достает 3° давления и 50° температуры. Когда нагрузка достигает 50 тысяч киловатт, турбина начинает терять обороты и падает напряжение. Такие же явления происходят, если начинается небольшое падение давления на 1–2 атмосферы.

Таким образом, установка новой турбины полных результатов не дает. Работает она поэтому в более сыром, чем должна, пару, и ей грозит довольно быстрый износ. Заказана она в Германии, фирма «А. Е. Г.».

Аналогичные показания дает и Башкин.

Но интересен не только самый факт неправильной постановки турбины, а и задание, направленное из-за границы с Майером, о поломке только что поставленной турбины. Башкин показывает, что Майер привез задание о немедленном выводе из строя последней турбины.

За громоздкостью материала мы больше показаний об умышленной порче машин не приводим, но их имеется огромное количество.

VIII

УМЫШЛЕННЫЕ ВЗРЫВЫ, ЗАВАЛЫ И ЗАТОПЛЕНИЯ ШАХТ

Шахта «Крыленко» – бывш. Макар* – является одной из самых замечательных в районе. Качество угля лучшее в Донбассе. Выдача угля до революции была до 20 тысяч пуд. в сутки. Шахта затоплена в 1917 г. и все время не откачивалась, т. е. откачивалась и подтапливалась вновь. Окончательная откачка шахты произведена в конце 1927 г. Показания арестованного инж. Бабенко от 21.XII.27 г. следующие:

«...Литер «В» (центральный) на шахте «Крыленко» был затоплен один раз в 1917 г., в шахту прорвалась вода из речки Грушевка – литер был затоплен до 58 хода, не помню, была ли затоплена шахта перед приходом соввласти, – об этом должен знать старший монтер шахты Рождественский. Шахта имеет прекрасное качество углей, лучшее во всем Донбассе и считающееся мировым, равным «кардифу». Мне известно, что литер откачивался очень медленно, а одно время шахта совершенно стояла. Литер то откачивали, то вновь подтапливали, убив на это дело большие средства. Шахту «Крыленко» всегда обходили, и если не хватало энергии, то шахту выключали, т. е. ток ей не давали и ее топило. В текущем 27–28 операционном году было решено откачать литер «В» окончательно. На откачку литера и восстановление шахты потребовалось бы примерно тысяч 5, а с проходкой бремсберга № 68 добычу можно было увеличить до 25 тысяч пудов в сутки. Сейчас шахта в среднем стоит на 15 тыс. пудов. Подъем шахты сейчас не загружен. Все изложенное удорожало себестоимость продукции, и уголь был дороже, чем уголь с углубленческих пластов всех других шахт, но точных цифр я сейчас дать не могу, это можно проверить через бухгалтерию.

В. Кто знал персонально, что шахта «Крыленко» имеет большую ценность по качеству углей и что работу на ней можно было развить? Выгодней ли эксплуатация этой шахты по отношению к «Красненькой», на восстановление коей затрачено более 155 000 руб.?

О. О ценности углем в шахте «Крыленко» знал поголовно каждый из специалистов и ДГРУ, и работники Д. У., как-то Бояршинов, Горлецкий и Березовский, и знали, что развить работу было можно и нужно. Эксплуатация шахты «Крыленко» по отношению шахт, но точных цифр я сейчас дать не могу, годней, а если бы сменили подъемную машину и тягальную лебедку на более мощные, ценность коих я не знаю, то шахта могла бы выдать до 30 т пуд. в сутки.

В. Как расцениваете вы то положение, что заведомо убыточные шахты открывали, а хорошую шахту забрасывали?

О. Искажение всякой плановости, что было известно Колганову, Березовскому, а о политической физиономии и действиях последнего я говорил».

Проходку им. Красина – б. Поповку – организация думала завалить. Проходкой руководил инж. Беленко, и когда они вместе с Гавришенко осматривали проходку и нашли, что там имеются большие наносы и плывуны, Гавришенко срочно сообщил об этом Колганову, и они решили завалить шахту, проведя крепление вместо кирпича или бетона – деревом. Колганов в своих показаниях от 29.I.28 г. на вопрос: какое вредительство было проведено в отношении Поповки? – ответил:

«...Плывуны нельзя проходить деревянной крепью, но мы этой деревянной крепью прошли, рискнули. Обыкновенно плывуны проходят бетонно, т. е. железобетоном или кирпичом. Сделано это было по моему распоряжению».

---

* Так в тексте (ред.).

Несмотря на такое явно преступное распоряжение, ведущее к завалу шахты, чтобы прикрыть его хозяйственной целесообразностью, оно рекламировалось как новое достижение в области техники. Емельяном Колодубом в газете помещается статья под заглавием «Справимся с плывуном». Содержание статьи приводим:

«...При проходке шахты на вновь открытые пласты на Поповке встретилась порода плывун (водоносный песок). Углубка шахты в плывунах представляет весьма серьезную горную работу, требующую знаний и опыта.

Были примеры у нас же на Грушевском месторождении, когда новые шахты заваливались при проходке без предосторожностей, без использования достижений техники применительно к условиям проходки плывучих пород.

В этих шахтах работы производились обычным способом, и при попытках проходки плывуна стены шахт рушились, шахта заваливалась. В свое время инженеру Отто удалось пройти шахту, ныне известную под именем шахты Брадле, только на третьем месте: две проходки, по достижению плывучих глин, заваливались. В данном случае толща плывучих глин была менее одного метра.

На новой проходке (шахта Красина вблизи х. Поповки) на новые пласты в начале текущего года на глубине 18 м встретился пласт водоносного песка-плывуна мощностью около 1 метра.

Техническими силами рудоуправления был составлен проект проходки плывуна забивной крепью. Проект этот удачно выполнил техник Беленко. Благодаря удачному выполнению правильно составленного проекта опасное место по углубляемой шахте пройдено успешно и закреплено не менее надежно, чем вся остальная глубина шахты.

Выполнение проходки шахты в плывуне забивной крепью – это редкий случай удачного исполнения исключительной опасности горной работы дешевым способом».

Подлинная же цель крепления проходки «Красина» вместо железобетона деревом была другая. Расчет был простой: деревянное крепление не выдержит напора плывуна, будет прорыв, и произойдет завал шахты. В своих показаниях Гавришенко от 29.I.28 г. по этому вопросу дает исчерпывающий отчет:

«...На шахте Поповка имеются большие наносы и плывуны; при таких условиях в старых наших шахтах крепление производилось кирпичной кладкой. Я увидел, что можно завалить шахту, доложил об этом Колганову, и Колганов дал мне задание крепить ствол шахты деревом, крепить так, чтобы шахта завалилась. Беленко были даны в этом направлении точные указания. Беленко проводил крепление умышленно плохо, но ствола шахты завалить нам все-таки не удалось, а произошло только его искривление».

Шахта им. Воровского является одной из основных шахт Донецко-Грушевского рудоуправления. Последние задания по добыче для нее были определены в 10 миллионов пудов. До революции она принадлежала предпринимателю Самойлову. Березовский еще в 1920–21 г. делал попытку вывести эту шахту из действующих. Он брался провести вопрос в соответствующих органах, доказав, что эта шахта для государства не нужна и будет нерентабельна; вопрос этот не был поставлен только потому, что основные действующие персонажи – Березовский, Самойлов и др. – не могли между собой договориться.

Самойлов В.Н. в своих показаниях от 30.I.28 г. так освещает данный случай:

«...Примерно так в 1920–21 г. он же, Березовский Н.Н., встретив меня в райуправлении, предложил мне как-нибудь зайти вечером к нему на квартиру; он жил тогда в доме около шахты «Красненькая» (бывшая конвертная фабрика, потом районный базсклад), что я и сделал в скором времени. При моем посещении он начал говорить, что советская власть непрочна, что могут быть перемены в управлении страной, а не-

зависимо от этого в ближайшее время предстоит пересмотр всех рудников с точки зрения определения их выгодности разработки для государства. Имея это в виду, он предполагал доказать, где это нужно, что шахта Воровского для страны неинтересна, что ее нужно поставить на консервацию или сдать в аренду. В последнем случае должно появиться на свет мое заявление с бывш. на этой шахте совладельцами на предмет взятия шахты в аренду, но при этом мы должны иметь в виду его как участника в предполагаемом деле, так как он хочет иметь вообще приличный заработок, что он сумеет быть для общего дела полезным, так как имеет связи вообще, а с аппаратом, распоряжающимся техническими и хозяйственными материалами, в частности.

На это предложение, чтобы не ссориться с таким сильным человеком, каким он был в то время, я, несмотря на то, что не искал в то время предпринимательской работы, тем не менее не дал ему отрицательного ответа, а сказал, что буду помнить его предложение и переговорю с бывшими товарищами по руднику.

Этот разговор я передал Колодубу Е. К., на что он мне сказал, что не думает заниматься пока никакими предприятиями, но, независимо от этого, посоветовал мне подальше держаться от Березовского Н. Н., так как он, в конечном счете, не постесняется надуть сначала одних, а потом разделаться также и с нами. Полагаю, что Колодуб Е. К. помнит этот разговор и не откажется подтвердить его».

Вопрос относительно выведения шахт «Воровского» и «Октябрьская революция» из действующих не сходил с повестки дня у организации на ДГРУ и в Донугле. Если одну из них невозможно было поставить на консервацию или сдать в аренду, то можно было помешать дальнейшей разработке другой шахты. В конце концов было постановлено шахту «Октябрьская революция» взорвать. Взрыва не последовало, потому что:

«...Когда динамит должен был взорваться, то до этого он был случайно обнаружен рабочими и вынут. Такая же случайность спасла шахту от взрыва и во второй раз».

Этой же группой специалистов была затоплена Ново-Азовская шахта. Шахта принадлежала раньше Азовскому о-ву. В нее до революции было вложено капитальных затрат на $17^1/_2$ млн. руб. Остановленная шахта была рассчитана на добычу 10 млн. пуд. в год. Качество угля хорошее. Шахта была в распоряжении Власовского р/у, затем ее передали в ДГРУ. Передача совершалась около года. Оборудование с нее растрачено, и шахта разоружена. Из допросов обвиняемых и свидетелей, а также и экспертизы, обследовавшей данный вопрос, установлено, что шахта была великолепно оборудована, рассчитана на 20-летнюю эксплуатацию. Разрабатывался пока только рыхлый пласт, а углубленческий еще не был затронут, что естественно увеличивало запасы шахты. Шахта имеет богатые перспективы. Состояние шахты видно из показаний инженера С. А. Бабенко от 12.XII.27 г., затопившего эту шахту:

«...Шахта Ново-Азовская расположена к северо-востоку от рудника «Мировая коммуна», примерно на две с половиной версты у линии ж. д., соединяющей станции Шахтная и Власовка. Новая шахта принадлежала Азовской угольной компании. Держатели капиталов в этой компании были участники Русско-Азовского коммерческого банка. Шахта Ново-Азовская заложена на 2 рабочих пласта и 3 рыхлый пласт. Мощность 1-го рабочего пласта 16 вершков, 2-го пласта – 10–11 вершков и пласт 3-й мощностью в 1 сажень. На запад качество хуже, и улучшающееся – на восток и вглубь. Угли были удовлетворительного состояния, и 3 пласт одинаков по качеству Власовского рудника. На шахте работало 2 врубовых машины, была оборудована новая электроподстанция, где стояли трансформатор и умформер (преобразователь). Было сделано новое здание сортировки и получены части таковой. Оборудована механическая мастерская, построена рабочая колония. В таком состоянии шахта осталась к приходу

соввласти, и разрабатывался рыхлый пласт – шахта давала в сутки от 2 до 4 тысяч пуд. Причем при откачке воды можно было начать работу на углубленческом пласте, насосы для этого можно было достать на Власовке».

Несмотря на все положительные данные Ново-Азовской шахты, она была затоплена инженером Бабенко по предложению инженера Березовского. Бабенко в своих показаниях 12.XII.27 г. рисует такую картину:

«...Весной 1921 г. я был назначен на шахту Ново-Азовскую в качестве главтехника, коему были присвоены функции заведующего, назначил меня туда инженер Н. Н. Березовский. Я лично, как и Березовский, знал, что эксплуатацию шахты можно было развить и шахта имеет большую ценность и богатые эксплуатационные перспективы. После одного из докладов Березовскому о состоянии шахты, точно когда – не помню, но скоро после того, как я перешел на шахту, **Березовский, как настроенный тогда антисоветски, предложил мне затопить шахту для того, чтобы уменьшить уголь, с целью вредительства соввласти. Это было как раз в тот момент, когда республика остро нуждалась в угле. Мысля одинаково в то время с Березовским, я договорился с ним и, путем подъема насоса выше, затопил 2-й ствол и 2 пласт. Этим была предрешена ее остановка, и она попала в приказ по Донбассу о ликвидации этой шахты**».

Кроме того, Березовский дал задание скрыть от учета рабочий углубленческий пласт, что и дало основание в дальнейшем Березовскому говорить о нерентабельности этой шахты.

IX
ПУСК НЕРЕНТАБЕЛЬНЫХ ШАХТ

Шахта «Красненькая»

Из показаний большого количества свидетелей и обвиняемых, а также актов экспертизы совершенно ясно видно, что пуск шахты «Красненькая» в эксплуатацию был экономически нецелесообразен. Средства, затраченные на восстановление «Красненькой», могли бы быть использованы значительно выгоднее при вложении в другие шахты, например в Ново-Азовский рудник или Бессергеновскую проходку.

Из показания свидетеля Бологова Андрея Георгиевича явствует:

«...Эта шахта в прошлом принадлежала Василию Никифоровичу Самойлову и Ко. Кто был в компании, я точно указать не могу, но начал прохождение этой шахты при частном владельце штейгер Андрей Кириллович Колодуб, о чем он мне говорил лично сам. **Шахта «Красненькая» еще до революции выработала 1 и 2 промышленные пласты и была остановлена**. В 1920 г., т. е. с приходом соввласти, тот же Андрей Колодуб шахту «Красненькую» пустил в эксплуатацию, но в начале 1922 года, в связи с ветхим оборудованием и наступившим кризисом продовольствия, шахта была вновь остановлена. Часть служб, как по кочегарке, откатки, шкивные установки, были разобраны, и шахта была разобрана*. Вскрытый запас рыхлого пласта в тот момент был также незначительный – в 900 тыс. пуд., уголь раздавленный, плохого качества, породы сыпучие, и было вполне ясно, **что продолжать эксплуатацию и восстанавливать ее – это значит наносить заведомый убыток государству**; несмотря на все изложенное выше, 8 октября 1925 г. на шахту «Красненькую» служебной запиской за подписью управруда и главинж. Колганова был назначен в качестве заведующего

* Так в тексте (ред.).

штейгер Андрей Кириллович Колодуб, каковой и приступил к восстановлению шахты «Красненькой». Результаты этого восстановления были таковы: ствол шахты был отремонтирован на 5 саж., вставлен новый сруб, остальная часть ствола на 32 саж. была оборудована проводниками, стволовыми балками и др. необходимыми сооружениями. Воздвигнут совершенно новый копер с копровыми шкивами, устроена приемная площадка и новая эстакада. Рядом с эстакадой построена по проекту Колодуба А. К. (все другие работы также проектировал он) новая сортировка. Сортировка механическая, она со дня ее пуска в эксплуатацию до настоящего момента полезной работы не дает. Пропускаемый через сортировку уголь вновь приходится просеивать вручную. Я лично, как и другие рабочие, не раз говорил Колодубу А., что «сортировка никуда не годится». Он, Колодуб, отвечал: «не одна сортировка, мною построенная, такая, такие сортировки даже строятся за границей». О том, что сортировка никуда не годится, я лично заявлял главинжу Колганову и штейгеру Бабенко – все они соглашались, что сортировка никуда не годится, и отвечали мне: будем строить новую сортировку».

«...На восстановление и оборудование шахты р/у затрачено свыше 155 000 руб., помимо этого с восстановлением шахты р/у было вынуждено вперед арендовать, а потом купить помещение у сельхозкооператива, за которое было уплачено 20 тыс. руб.».

«...Добываемый уголь качеством плохой. Уголь никуда не идет, в 1926 г. – тысяч двадцать рядового угля превратилось в штыб, и до сих пор штыбовые отвалы увеличиваются».

«...Все затраченные средства не оправдывают себя, и я об этом заявлял ранее».

Не останавливаясь на всех недостатках в проектах и работах А. Колодуба при восстановлении им шахты «Красненькая», мы сошлемся на акт экспертизы, из которого видно, что восстановление данной шахты совершенно нецелесообразно.

Экспертная комиссия в составе нач. горн. округа инж. Жолковского, старшего окружного технического инспектора инж. Спасевич, специалиста по машинным установкам Кучера, зав. шахтой Бологова, секретаря ячейки ВКП(б) Баранова, представителя рудкома Широкова, представителей рабочих – Мешкова, Пономаренко, Шушенкова и инструктора по врубовым машинам Пономарева установили:

«...Шахта «Красненькая» выработана во всех полезных пластах, разрабатывается только частичный рыхлый пласт. Пускал эту шахту в эксплуатацию Андрей Колодуб в 1926 г., т. е. тот же человек, который и останавливал ее, заведомо зная, что шахта в полезных пластах выработана. Шахта не дает и не даст экономического эффекта. Затраченные средства не оправдают себя за все время эксплуатации. Шахта дает уголь, который никуда не идет, качество его скверное».

Данная комиссия в конечном счете приходит к таким выводам: **это прямая экономическая контрреволюция или злостная бесхозяйственность, граничащая со злым умыслом**.

Вторая экспертиза в составе нач. шахтинского горного округа инж. Галандж, представителя ИТС – инж. по безопасности Несветаевского рудоуправления Моллер, заместителя главн. инженера Петровского р/у, горн. инж. Сахарова, окружного техн. инспектора горн. инж. Топилина, представителя ячейки ВКП(б), зав. шахтой «Красненькая» Бологова, представителя рудкома Гончарова, представителя от рабочих Твердолхлебова, – установила:

«...Восстановление безусловно начато с ведома главинж. и горнотдела р/у. Предварительного проекта на восстановление и строгой, требуемой наукой и коммерческо-промышленной задачей, проработки вопроса не было, о чем свидетельствуют прилагаемые документы и справки р/у, подписанные главинжем Колгановым».

«...На восстановление и оборудование, по данным р/у, Донуглем было ассигновано 130 тыс. рубл., в данном случае Донуголь исходил безусловно из предложений, представленных ему р/у. Фактически р/у затратило на восстановление шахты «Красненькой» 155 468 руб. **Произведенные затраты на восстановление шахты «Красненькой» ничем не оправдываются**.

1. Шахту «Красненькая» можно было эксплуатировать через рудник № 2, чего не могли не знать работники р/у, имевшие в своем распоряжении чертежи и в прошлом являющиеся служащими этих рудников. **На это потребовались бы незначительные затраты**.

2. Шахта «Красненькая» рассчитана на $4^1/_2$ г. при общей добыче 8 900 000 пуд. Программное задание на 25/26 и 26/27 гг. было – 2 320 000 пуд. Фактически добыча – 2 285 000 пуд. Себестоимость средняя на 25/26 год определялась франко-вагон 9,48 р. за тонну и средняя за 26/27 гг. – 10,76 р. за тонну, **т. е. себестоимость увеличивается**.

Средняя же продажная цена угля – 9,15 за тонну, **т. е. уголь продается в определенный убыток**. В целом количество углей ниже среднего. Уголь быстро выветривается и от действия солнечных лучей рассыпается. Этот уголь берет местное крестьянство, но в незначительном количестве и при крайней необходимости. Рабочие брать этот уголь на отопление своих квартир отказываются. Запасы угля на сентябрь 27 г. выражаются в 3870 тыс. тонн, наибольший процент углей обречен на потерю коммерческого качества».

Шахта им. Фрунзе – бывш. Слатина

Положение шахты – аналогичное с «Красненькой». Та же самая комиссия, которая обследовала шахту «Красненькую», при обследовании шахты имени Фрунзе пришла к следующим выводам:

«...На восстановление шахты затрачено 172 164 р., при ассигновании на нее Донуглем 144 000 р. – аналогично с шахтой «Красненькой», ее не было никакого смысла восстанавливать, и ни при каких обстоятельствах затраченные средства не оправдывают себя. Шахта им. Фрунзе, как и «Красненькая», давали и могут дать только убыток. Уголь себестоимостью в среднем 10,75 за тонну продается в определенный убыток в среднем 9,15 за тонну. Качество угля плохое, что видно из прилагаемого анализа. Запасы угля огромные, и они увеличиваются, так как сбыта нет».

Шахта «Землячка»

Вышеуказанная комиссия, обследовавшая «Красненькую», обследовала и шахту «Землячка». Результаты обследования следующие:

«...Затрачено на восстановление 92 344 р., **средства не оправдывают себя – шахта убыточная**, уголь скверного качества, и сбыта его нет. На складах скопилось угля в сентябре 1927 г. – 13 929 тонн, запасы увеличиваются, уголь степляется и теряет свое качество, т. е. все моменты, аналогичные с данными на шахтах «Красненькая» и «Фрунзе».

Шахта «Тагро»

Обвиняемый инж. Бабенко С. А. в своих показаниях от 13.XII.27 г. о «целесообразности» и «необходимости» пуска «Тагро» в эксплуатацию показывает следующее:

«...1 и 2 пласты на шахте «Тагро № 1» были еще выработаны до революции. Эта шахта принадлежала Таганрогскому т-ву, один из акционеров этого т-ва Максимов – Царицынский лесоторговец. Последнее время шахта Тагро № 1 вырабатывала

рыхлый пласт и в период гражданской войны была заброшена. Пласт шахты от 10 до 11 вершков мощностью. Уголь качеством неудовлетворительный, скоро разрыхляется. В 1921 г., несмотря на недоброкачественность шахты, ее начали восстанавливать. Кто был инициатором ее восстановления, я точно не знаю – или Либкинд или Колганов, но безусловно последний должен был знать о состоянии шахты. Восстанавливали ее, безусловно, на основании каких-то данных, из которых было ясно, что восстановление ее нецелесообразно, т. к., насколько мне известно, в р/у были колебания за пуск ее или против пуска – это мне пришлось установить из слов Секкозана. Восстановлена эта шахта была как раз в тот момент, когда были отпущены первые солидные кредиты на развертывание нашей каменноугольной промышленности. Когда я перешел в горный отдел р/у, то шахта «Тагро» уже эксплуатировалась, давала она от 3 до 5 тысяч пудов в сутки. Уголь шахты подвергался весьма тугому сбыту. К моменту моего перехода в р/у на шахте скопились запасы угля АРШ – достигали 800 тысяч пудов, причем эта шахта давала самый дорогой уголь по р/у. Явный убыток и нецелесообразность восстановления и эксплуатации шахты вынудили р/у весной текущего 1927 г. приостановить работы шахты «Тагро». Эта шахта дала большой, невозместимый убыток стране, который я даже затрудняюсь определить, – об этом, конечно, не могли не знать руководители р/у. При восстановлении шахты все эксплуатационные работы повели на запад, где запасы угля были незначительны, а на север идти было нельзя, т. к. там были старые выработки и шахте грозило возможное затопление. Можно и нужно было поле шахт «Тагро» разрабатывать через шахту Фрунзе, на это не потребовалось бы особых затрат и создания особого аппарата, из шахты Фрунзе на поля выработки шахты «Тагро» идет главный коренной ход».

Та же комиссия при обследовании шахты «Тагро» выявила, что:

«...На восстановление шахты было затрачено 40 449 рублей. **Шахта, вследствие ее убыточности, весной текущего года закрыта самим р/у. Средства не оправдают себя**. Имевшиеся запасы угля, количество коего определить трудно, но, по данным р/у на сентябрь сего года, в 9310 тонн, потеряли свое качество».

Показания обвиняемых инженеров Бабенко, Башкина и Гавришенко по вопросу о пуске в эксплуатацию нерентабельных шахт – «Красненькой», «Тагро», «Фрунзе» и «Землячка» сводятся к тому, что пускать эти шахты в эксплуатацию абсурдно; и можно только при одном условии – принесения ущерба советскому хозяйству.

Башкин показывает:

«...Я знаю, что это явно невыгодные рудники для выработки, и пускать их при наличии Ново-Азовской Бессергеневки – это явный абсурд».

Бабенко показывает:

«...Красненькая, Тагро и Землячка были восстановлены под давлением Д. У. и группового директора Березовского, но о нерентабельности шахты «Красненькая» и «Тагро» было всем заведомо ясно и известно. В то же время при непосредственном участии Н. Н. Березовского делался нажим на закладку новой шахты по направлению каменоломни, почему не заложили шахты – я не знаю, но разведка 1927 г. там дала отрицательные результаты, и закладка шахты там заведомо бы только убила капитал. Зная заведомо об убыточности шахт «Красненькой», «Тагро» и «Землячки», их продолжали эксплуатировать. Все санкционировалось Колгановым Н. Е., который был тесно увязан с Горлецким и Березовским. Горлецкий, приезжая в р/у, останавливался у Колганова».

Гавришенко показывает 26.I.28 г.:

«...Вредительская работа бывш. гл. инж. Колганова выражается: 1) в пуске рыхлого пласта на шахте «Октябрьской революции», который, кроме того, что не имеет сбыта, дорог в разработке и уменьшает выгодность предприятия. 2) Пуск шахты

«Красненькой», тоже вырабатывающей тот же рыхлый пласт. 3) Пуск шахты бывшей Слатина, тоже вырабатывающей тот же рыхлый пласт. 4) Пуск шахты бывш. Таганрогского т-ва, вырабатывающей тот же рыхлый пласт.

Средняя продажная цена всех сортов не более 17 коп. при 30% плиты, а в выработке обходится не менее 20 коп., так как при добыче в 5 миллионов пудов р/у несет убыток 150 тысяч рублей, не меньше, плюс задалживание механизмов, пошедших на электрооборудование и могущих усилить механизацию шахт, вырабатывающих уголь лучшего качества и более дешевый».

Гавришенко показывает 29.I.28 г.:

«... Вопрос был разработан Донуглем, инженерами Горлецким и Березовским. Задание пустить эти шахты было дано Колганову, причем для проведения этого задания специально приезжал инж. Березовский. Шахты явно убыточные, пускать их не имело никакого смысла: добычу из них можно повысить только при постановке действительно хорошего оборудования и при проведении работы рационально. Уголь качества никуда не годного, и сбыта все равно не будет. Сделано это исключительно для того, чтобы нанести крупный ущерб хозяйству Донугля. Вторая половина задачи состояла в том, чтобы при выполнении программы, данной правлением Донугля, сохранить хорошие пласты для старых хозяев».

Чрезвычайно интересны выводы комиссии, которая указывает, что работы ведутся разрушительно для производства. Выводы эти комиссия сделала, не имея представления о приведенных показаниях обвиняемых (приведенных показаний тогда еще не было, т. к. обвиняемые не сознавались).

Комиссия приходит к тому выводу, что в пуске шахт «Красненькая», «Фрунзе», «Землячка» и «Тагро» виновны Андрей Колодуб, гл. инж. Колганов и горный отдел р/у. **На затраченные средства можно было восстановить с определенной полезностью шахту Ново-Азовскую и развить работы в шахте «Пролетарская диктатура» по литеру «Ц», а в шахтах Воровского по 2-му пласту, о чем не могло не знать р/у и руководящий состав. Экспертиза констатирует, что на шахтах маленьких и убыточных, как «Красненькая», «Фрунзе» и «Землячка», работы ведутся удовлетворительно. На шахтах основного значения, как-то: «Пролетарская диктатура», «Октябрьская революция», «Воровского» и «Красина», работы ведутся беспланово, бесхозяйственно и разрушительно для производства. Несмотря на явный убыток шахт «Красненькая», «Фрунзе», «Землячка», на огромное накопление углей, на невозможность их сбыта, – экспертная комиссия констатирует, что р/у разработало проект их эксплуатации на 5 лет, т. е. до 1933 года**.

X
КРАТКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБВИНЯЕМЫХ

1. **Гавришенко Н. А.** – работал при белых в контрразведке, выдавал рабочих на расстрел. Систематически избивал рабочих. Уличен во взяточничестве. Умышленно произвел большое количество аварий и различных поломок машин. Занимался систематически разрушением нашего хозяйства.

Кладько Н. А. – старший агент шахтинской контрразведки, на допросе 27. X.27 г. показывает о деятельности Гавришенко следующее: «Касаясь личности Гавришенко Н. А., должен сказать, что Гавришенко, бывая неоднократно у нас в контрразведке, держал себя как свой человек. Подолгу разговаривал с Максом, одним из активнейших и идейных работников контрразведки, частенько выходили вместе и на фаэтоне Гавришенко куда-то уезжали.

Кроме указанного Макса, Гавришенко в контрразведке хорошо был знаком со всеми ответственными руководителями контрразведки, как-то: Филатовым, Монастырским, Авиловым и самим нач. контрразведки Прудентовым».

Прудентов П. Ф., быв. нач. щахтинской контрразведки, на допросе 22. X.27 г. сообщил следующее о Гавришенко: «я знаю Гавришенко Н. А., с которым меня познакомил мой помощник по контрразведке Филатов. Я знаю Гавришенко Н. А. очень хорошо, да и он меня должен знать. Гавришенко был свой человек в нашей контрразведке, был большим другом помощника моего Филатова, оба они часто кутили, и пристрастие их к спиртным напиткам их сближало и соединяло. Гавришенко Н. А. неоднократно посещал наше управление; посещения эти имели характер дачи того или иного сведения, нужного для нас и ценного по нашей контрразведывательной деятельности. Несомненно, что Гавришенко Н. А. одинакового с нами образа мысли и, приходя к нам в управление, делился с нами впечатлениями и сведениями по части состояния рабочей массы и их настроения. Работал Гавришенко Н. А. добровольно, секретным сотрудником он у нас не состоял, денег я ему не платил, да он и не нуждался в них, так как зарабатывал службой достаточно, вдобавок был интеллигентен, разговоров с ним об оплате его услуг у меня никаких не было. **По данным Гавришенко сведениям, например, был извлечен из шахты № 2 один красногвардеец, который по произведенному контрразведкой дознанию был присужден военно-полевым судом к расстрелу. Можно еще указать на двух рабочих – Чурсина и Семкина, из которых первый также был расстрелян**, и ряд других сведений, которые не упомнил; больше показать ничего не могу».

2. **Колганов Н. Е.**, главный инженер ДГРУ, руководил всей работой по вредительству на ДГРУ. Тесно связан с Харьковским центром. Получал задания из-за границы. По показаниям Гавришенко, передает за границу в Польшу сведения через инженера Кузьму.

Прудентов П. Ф. – на допросе 22.XII.27 г. о связи Колганова с контрразведкой показывает следующее: «когда после отступления шахтинской контрразведки из гор. Александро-Грушевска я прибыл в Ростов в штаб контрразведки всего Юго-Востока, то я остановился в штабе, где и провел все время, т. е. 4 или 5 суток, до отступления штаба из Ростова. Тогда же прибыл в Ростов и нач. новочеркасской контрразведки мичман (а потом поручик) Ильинский. Последний мне сообщил, между прочим, что он как-то летом 1919 г., месяц не помню, вместе с начальником штаба разведки полк. Глазовым ездил по делам службы в Шахтинский район и далее по Ю.-В. ж. д. для поимки каких-то контрреволюционеров (только, кажется, все это было провокацией). На обратном пути он, мичман Ильинский, познакомился как-то с зав. шахтой «Петропавловка» инж. Колгановым и был приглашен им к себе. Мичман Ильинский обладал красивым голосом – басом, жена Колганова тоже обладала недурным голосом сопрано. На этой почве мичман Ильинский встретил у Колганова самое радушное гостеприимство и пробыл у него с неделю, а потом неоднократно заезжал к нему. Таким образом у инженера Колганова зародились связи с нач. новочеркасской контрразведки. Ясное дело, что соединяло их не только то, что мичман Ильинский являлся подходящим партнером для Колгановой; служба мичмана Ильинского в органе разведки и нежелание инж. Колганова, чтобы приходили красные и завладели рудниками, – вот что, главным образом, соединяло мичмана Ильинского с инж. Колгановым, и связь их устанавливается именно на этой почве. Далее, инж. Колганов имел тесную связь с шахтинской контрразведкой, и не один раз его экипаж, запряженный парой серых в яблоках лошадей, останавливался у подъезда, где помещалась наша контрразведка. И опять-таки связь его с шахтинской контрразведкой определялась тем же страхом пе-

ред приходом красных. В свои посещения шахтинской контрразведки инж. Колганов делился с нами своими сведениями о настроении рабочих в Петропавловке, указывая на тех рабочих, которые выделялись среди последних или как агитаторы, или как отличающиеся своим большевистским характером. Конечно, по всем сведениям, даваемым инж. Колгановым, делались соответствующие разработки контрразведкой. Инж. Колганова я не один раз встречал и у инж. Потатуева, который жил во дворе владения, где помещалась контрразведка.

3. **Васильев Ф. Т.** – бывш. меньшевик, бывш. мелкий шахтовладелец, при белых был сельским атаманом, а также помощником атамана банды Кучума. Чрезвычайно груб с рабочими, бил рабочих. С одного рудника снят, т. к. рабочие хотели вывезти его на тачке. Имеются показания Денисова Г. М., партийца, от 16/XII.27 г. на Васильева Ф. Т. как на провокатора:

«Васильева Ф. Т. я знаю с 1903 г. по работе на Сулинском з-де, он был членом соц.-дем. подпольной организации. В 1905 г. он играл видную роль в революционном движении в Сулине и был арестован. После я встретился с Васильевым в 1909–10 гг. в гор. Шахтах, он работал на шахте № 2, оттуда был послан Е. К. Колодубом учиться на курсы десятника. В 1914 г. я работал на Власовке. По словам К. М. Чернокозова, перед мобилизацией на Власовку на велосипеде приезжал Васильев Ф. Т. к Чернокозову и вел разговор на темы, как мы, «власовцы», думали устроить проводы мобилизованных, в то время Васильев с власовцами не был связан, и вообще о его революционной работе было не слышно. После посещения Васильева тов. Чернокозов и ряд других товарищей были арестованы охранкой. По словам Чернокозова, пристав после ареста спрашивал его по тем вопросам, по каковым он говорил с Васильевым».

4. **Колодуб Емельян** – при белых работал в контрразведке, оборудовал помещение контрразведки за свой счет. У него на квартире останавливался Чернецов – знаменитый белый партизан, в 1919 г. расстрелянный красными. До революции разгонял профсоюзы. В бытность свою зав. фабзавучем довел школу до забастовки.

Кладько К. Н. – старший агент шахтинской контрразведки, при допросе 27. X.27 г. показал следующее: «Часто посещал контрразведку бывший управляющий ак. о-ва «Грушевский антрацит» – бывш. шахтовладелец Колодуб Емельян Кириллович. Знаю, что Колодуб Е. К. предоставил квартиру П. – нач. контрразведки, ротмистру, фамилию коего точно не помню, но, насколько мне помнится, Сазонову. Знаю, что помимо предоставления Сазонову квартиры Колодуб Е. К. снабдил квартиру эту необходимой обстановкой. В контрразведке Колодуб бывал как свой человек, и все ответственные руководители контрразведки, начиная с начальника ее – ротмистра Прудентова, его помощника Филатова и позже Монастырского, – относились к Колодубу очень внимательно, с почтением. Так же внимательно относились к Колодубу и др. работники контрразведки. Ясно, что такое отношение вытекало из особых полезностей Колодуба для контрразведки».

Прудентов П. Ф. – нач. шахтинской контрразведки показывает следующее: «посещали нас многие инженеры и техники, ставя нас в известность о настроении рабочих. Из них я припоминаю, что кроме Гавришенко у нас бывали Колодубы – Емельян и Андрей. Особенно ясно помню Емельяна Колодуба».

5. **Бабенко С. А.** – Кладько К. Н. 27. X.27 года показал следующее: «Я неоднократно видел в контрразведке Бабенко Сергея Александровича. Бабенко в то время был зав. Макарьевским рудником или, точнее, заведовал Самойловским рудником. Бабенко Сергей Александрович был в таких же хороших отношениях со всеми руководителями контрразведки, как и Колодуб, и несомненно давал контрразведке нужные ей сведения.

Прудентов П. Ф. – 28. X.27 г. на допросе показывает, что в контрразведке «часто бывал Элиадзе, Гузер и Бабенко».

Помимо того, Бабенко отличается зверским обращением с пленными красноармейцами, работавшими в шахте «Антропром».

6. **Колодуб А.** – бывший акционер шахты «Красненькая». При белых связан с контрразведкой. До революции участвовал в разгоне рабочих массовок и профсоюзов. Устанавливал в Антропроме среди рабочих сыск. Грубым обращением с рабочими вызывал нарекания на сов. власть. Один из рабочих ходил в засаду с ружьем, чтобы Колодуба Андрея застрелить. Приказал плотнику стесать с бревна советский герб и изрубить герб в щепки. Не давал делать красную звезду во время Октябрьских праздников. Вывешенный на «Аюте» во время Октябрьских торжеств красный флаг приказал снять, заявив: «Снять красную тряпку, что она там мотается».

Кладько К. Н. и Прудентов П. Ф. показывают, что у них в контрразведке бывал Колодуб Андрей.

Куприянов П. Я. на допросе 23.XII.27 г. показывает: «В 1919 г., при власти белых, мне пришлось служить около 5 месяцев в шахтинской контрразведке вначале агентом, а потом стражником. За этот период времени мне пришлось наблюдать очень часто посещения контрразведки и днем и вечером Колодубом Андреем Кирилловичем. Колодуб А. К., приходя в контрразведку, вел переговоры иногда с н-ком контрразведки Прудентовым, иногда с его заместителем Монастырским или же с его адъютантом Максом.

У Колодуба Андрея в 17–18 г. служила прислугой девушка лет 16. При отступлении белых в 18 г. Колодубы оставили ей на хранение свои вещи, которые она попрятала у своих родных и хранила до следующего занятия шахт белыми. Возвратившись с белыми, Колодуб Андрей, приняв от прислуги вещи, хранимые ею, якобы при проверке обнаружил пропажу одного платья жены. Прислуга была арестована и расстреляна. Основанием в расправе послужило еще и то, что брат ее был красногвардеец, отступивший с красными войсками».

7. **Березовский Н. Н.** – бывш. акционер Антропрома. Один из руководителей по вредительной работе в Донугле. Инициатор затопления шахты Ново-Азовской. Один из инициаторов попытки взрыва на шахте Воровского.

Костин Д. Е., писарь шахтинской контрразведки, 21.XII.27 г. показал следующее: «В контрразведке я служил писарем, занимался в комнате рядом с кабинетом н-ка шахтинской контрразведки ротмистра Прудентова и его пом. Монастырского, Сазонова и Филатова. Проход в указанные кабинеты был только через мою комнату, и я всегда видел, кто проходил к начальству контрразведки. Это было в 1919 году. Помню, к Монастырскому ходил штейгер шахты № 2 Гавришенко Н. А. с рудника Петропавловка, ходил инж. Березовский Н. Н. – он ходил к начальству контрразведки. Помню, что указанные лица приезжали на лошадях, а Гавришенко, кажется, приходил пешком. После посещения этих лиц контрразведка всегда брала с рудников рабочих пачками». Прудентов П. Ф., начальник шахтинской контрразведки, 3.I.28 г. показал:

«Припоминаю инж. Березовского, зав. рудником Петропавловка. Был высокого роста, плотный, с большими усами. Я с ним в хороших отношениях не был, следовательно, он приходил к нам в разведку или с сообщением о том, что у них происходит на шахтах, каково настроение среди рабочих, или же, может быть, по нашему приглашению, чтобы узнать от него те или другие интересующие нас сведения. И по данным им сведениям нашей разведкой принимались известные меры, как-то: обыски, аресты и т. п.».

Во время владычества белых рабочим в виде пайка давали хлеб, выпекавшийся в рудничной пекарне. Он был чрезвычайно скверного качества. Рабочие волновались.

Однажды это вылилось в протесты. Березовский заявил рабочим: «Вы дождетесь, что и таким хлебом вас не станут кормить». Были волнения. Березовскому предложили покинуть рудник, что он и сделал.

8. **Самойлов В. Н.** – быв. шахтовладелец. Один из организаторов попытки взрыва на шахте Воровского. Вместе с Колгановым руководил вредительной работой на ДГРУ.

Куприянов П. Я., агент шахтинской контрразведки, 22.XII.27 г. показывает: «5 месяцев мне пришлось работать в шахтинской контрразведке агентом и стражником. За этот период времени мне пришлось наблюдать, что бывш. шахтовладелец Самойлов Василий Никифорович очень часто и днем и вечером приезжал в контрразведку и вел разговоры или с нач. контрразведки Прудентовым, или с его заместителем Монастырским, или с адъютантом Максом».

9. **Башкин А. Я.** – пом. зав. электростанцией на Власовке. Имеет связь с заграницей. Получал из-за границы ряд заданий по разрушению машин. Произвел ряд крупных и мелких аварий.

Прудентов П. Ф. – 3.I.28 г. на допросе показывает: «Я припоминаю еще двух лиц, которые ходили не раз в 1919 г. в нашу разведку, – это был Башкин, по имени Абрам. Он был, как припоминается, механик на Петропавловке. Имел типичное еврейское лицо, был низкого роста, с большими ушами. Отличался зверским обращением с пленными красноармейцами».

10. **Колодуб Константин** – сын шахтовладельца. По специальности – горный инженер. Бывш. белый офицер, заявил, что советская власть не дает ему спокойно жить, что она недолговечна, что этой власти он служить и работать не хочет.

Радин П. М. – 28.I.28 г. показывает: «К. Е. Колодуба, сына углепромышленника, я хорошо помню. Осенью 1918 г., когда в шахтах были белогвардейцы, он, Колодуб, будучи офицером белой армии, кажется, в чине поручика или подпоручика, был связан с контрразведкой и вылавливал революционных рабочих. Я хорошо помню, как Колодуб К. Е. с агентом сыска приходил в наш дом искать красных. В этот же период Колодуб К. Е. забрал моих знакомых красногвардейцев – Паникова и Соловьева Игната. Эти красноармейцы были впоследствии расстреляны. Колодуб К. Е. являлся активным офицером, преследовавшим красных».

11. **Литовченко** – был в Красной Армии. Перебежал к белым и передал генералу Семилетову секретный приказ. По его указанию было поведено наступление на Шахты, которые были заняты отрядом Семилетова. При этом было на одном руднике зарублено 90 рабочих, на другом – около 300. Есть подозрение, что Литовченко работал в белой контрразведке, но следствием это пока не установлено.

12. **Усанов** – сын генерала. В бытность белых служил у них. Обнаружены при обыске подозрительная карта и черносотенная листовка. Сознался в том, что разваливал вверенные ему работы.

Характеристики остальных обвиняемых – аналогичны.

ВЫВОДЫ

Резюмируя вышеизложенное, мы приходим к следующим выводам.

1. На ДГРУ в течение нескольких лет работали бывш. акционеры «Грушевского антрацита», их ближайшие родственники и ряд преданных им специалистов, связанных с ними родством, дружбой и материально, а также ряд бывш. хозяев и арендаторов различных мелких шахт. Вся эта группа лиц, антисоветски настроенная, являлась частью организации, работающей в Донбассе, и занималась в течение ряда лет разрушением Донугольского хозяйства.

2. Данная группа (организация) через специалистов, работающих в правлении Донугля (инж. Горлецкого, Казаринова, Деттер), была связана с бывш. углепромышленниками Дворжанчиком (быв. акц. ДГРУ) в Польше, Шкафом (бывш. пред. акц. о-ва ДГРУ) в Берлине, Парамоновым, Ауэрбахом и др.

Бывшие хозяева через представителей некоторых германских фирм (Майер, Вегнер, Отто – от «А. Е. Г.», Костер от «Кнаппа») передавали специалистам Донугля и ДГРУ свои задания.

Стимулы, побуждавшие специалистов выполнять приказания и поручения своих бывш. хозяев, были как идеологического, так равно и материального порядка. Инженеры и техники, состоящие в организации, почти регулярно получали ежемесячное дополнительное вознаграждение, обычно равняющееся месячному окладу жалованья, и, кроме того, получали единовременно суммы денег от 100 до 500 рублей за выполнение отдельных поручений.

При перевороте в будущем главным лицам было обещано, что они будут акционерами различных предприятий, второстепенным персонажам были обещаны хорошие должности. В настоящее время они устраивались руководящей головкой на лучшие должности, их обеспечивали лучше материально, путем выдачи премий, сверхурочных, командировочных и т. п.

Почти все арестованные, проходящие по делу, при белых работали в контрразведке или были связаны с ней.

3. Бывш. акционеры из этой группы и их пособники фактически являлись хозяевами в ДГРУ. От них зависели прием и увольнение специалистов, т. к. ИТС была в их руках. От них фактически зависело разрешение целого ряда проблем в рабочем вопросе (жилстроительство, нормы выработки, зарплата и т. п.), потому что они располагали кредитами, они составляли планы, они вырабатывали нормы выработки, они нанимали рабочих и толковали колдоговора и т. п., чем они и воспользовались во вред совласти. От них зависели учет недр, план выработки ископаемых, постановка самого производства (его рационализация, механизация и т. п.).

4. Указанная группа полностью использовала данное положение вещей в целях противосоветской деятельности.

а) Провела громадное количество крупных и мелких аварий различных машин и установок.

б) Производила крупные установки (котлов, турбин и т. п.) и распределяла врубовые машины так, что даже и неспециалисту бросались в глаза бесхозяйственность в проведении работ и нецелесообразное использование оборудования.

в) Пустила в эксплуатацию, с затратой на их восстановление свыше 600 000 р., ряд нерентабельных шахт – «Красненькая», «Фрунзе», «Тагро», «Землячку», дающих очень незначительное количество угля (5 млн. пуд.), по качеству никуда не годного и не имеющего сбыта, и приносящих ежегодно убыток свыше 150 000 р., не считая работу механизмов и рабочую силу, могущих быть использованными на основных шахтах.

г) Произвела целый ряд умышленных завалов шахт, как-то: проходки имени Красина на ДГРУ, шахты № 5, бывш. Старо-Азовской на Власовке и многие другие.

5. Указанная группа специалистов затопила большое количество наиболее мощных и лучших пластов и шахт (шахту «Ново-Азовскую», восточное крыло шахты № 1, 2 пласт шахты «Октябрьская революция», 3 пласт шахты им. Воровского, углубленческий пласт шахты «Мировая коммуна» и т. д.) и производила их откачку (вернее, задерживала ее) по 5–7 лет. Из них откачаны только пласты на шахтах Воровского и «Октябрьская революция», но работы на них не производятся до сих пор. Такие явления сигнализировали о неправильной или злостной работе.

Ряд признаков (обсчеты рабочих, неправильные нормы выработки, грубое обращение, систематическое нарушение колдоговора определенными лицами, избиение рабочих, нежелание специалистов ремонтировать рабочие жилища и т. п.) ставили вопрос о полном неблагополучии во взаимоотношениях между специалистами и рабочими, а также обнажили и систему, проводимую данной группой специалистов, сводящуюся к созданию среди рабочих недовольства против парт. и профорганизаций и соввласти и ввоза* волнений и забастовок.

Поведение самих специалистов (попытка организованным порядком выйти из профсоюза, распределение пособий в ИТС, выживание с ответственных работ коммунистов и советски настроенных работников) ставило вопрос о противосоветских настроениях данной группы, ее активности, организованности и т. п.

Несмотря на вышеизложенное, приходится констатировать:

1. Что со стороны правления Донугля, управляющего ДГРУ, партийных и профессиональных организаций не было проявлено достаточного внимания к подбору специалистов, проверке их политических физиономий, их прошлого, а также учета их деятельности в настоящем.

Почти полное отсутствие какого бы то ни было контроля, хозяйского глаза как со стороны Донугля, так и со стороны соответствующих организаций.

2. Плохой учет недр и недостаточное внимание к возможностям их использования, вообще этой стороне работы уделялось недостаточно внимания.

Почти полное отсутствие партийного контроля со стороны Донугля, а также слишком безоговорочное и чрезмерное доверие специалистам в этом вопросе.

3. Недостаточное наблюдение со стороны управляющего ДГРУ и правления Донугля, а отчасти и со стороны парт. и профорганизаций за производством ДГРУ, допустивших специалистов к бесконтрольным действиям в области выработки производственных планов, пуска и остановки шахт и отдельных пластов, механизации и рационализации производства – постановки всей технической работы, лишившей производство руководящего партийного начала.

4. Недостаточное внимание со стороны профессиональных организаций при разборе бесконечных жалоб рабочих, недостаточная активность по выявлению и улучшению рабочего быта и улучшению рабочего жилстроительства, недостаточный нажим на администрацию Донугля в этих вопросах. Допущение захвата контрреволюционерами ИТР и т. д.

Все это говорит о том, что теперешнее положение вещей требует немедленного и серьезного вмешательства со стороны парт. и профорганизаций, а также и правления Донугля по устранению тяжелых недочетов в работе ДГРУ и Власовского рудоуправления.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 132. Л. 3–18. Подлинник. Типографский текст.

* Так в тексте (ред.).

ДОПОЛНЕНИЕ 3

Сталин И.В.

О РАБОТАХ АПРЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕННОГО ПЛЕНУМА ЦК И ЦКК

Доклад на собрании актива
Московской организации ВКП(б)
13 апреля 1928 г.[141]

Товарищи! Только что закончившийся объединенный пленум ЦК и ЦКК имеет одну особенность, выделяющую его из ряда пленумов, прошедших за последние два года. Особенность эта состоит в том, что он был чисто деловым пленумом, пленумом без внутренней партийной драки, пленумом без внутрипартийных обострений.

В порядке дня стояли самые животрепещущие вопросы: вопрос о хлебозаготовках, вопрос о шахтинском деле, наконец, вопрос о плане работ Политбюро и пленума ЦК. Вопросы, как видите, довольно серьезные. И все же, несмотря на это, прения на пленуме прошли в чисто деловом порядке, а резолюции были приняты единогласно.

Объясняется это тем, что на пленуме не было оппозиции. Объясняется это тем, что люди подходили к вопросам строго деловым образом, без фракционных выходок, без фракционной демагогии. Объясняется это тем, что только после XV съезда, только после ликвидации оппозиции партия получила возможность серьезно и вплотную подойти к практическим вопросам.

В этом положительная сторона и, если хотите, неоценимый плюс той полосы развития, в которую вступили мы после XV съезда нашей партии, после ликвидации оппозиции.

I
О САМОКРИТИКЕ

Характерной чертой в работе пленума, прений на пленуме и резолюций пленума является тот факт, что работа пленума от начала до конца прошла под знаком жесточайшей самокритики. Более того, ни один вопрос на пленуме, ни одно выступление не обошлось без критики недостатков нашей работы, без самокритики наших организаций. Критика наших недостатков, честная и большевистская самокритика партийных, советских, хозяйственных организаций, – таков общий тон работы пленума.

Я знаю, что в рядах партии имеются люди, недолюбливающие критику вообще, самокритику в особенности. Эти люди, которых я мог бы назвать «лакированными» коммунистами (с м е х), то и дело ворчат, отмахиваясь от самокритики: дескать, опять эта проклятая самокритика, опять выворачивание наших недостатков, – нельзя ли дать

нам пожить спокойно? Ясно, что эти «лакированные» коммунисты не имеют ничего общего с духом нашей партии, с духом большевизма. Так вот, в связи с наличием таких настроений у людей, встречающих самокритику далеко не с энтузиазмом, позволительно спросить: нужна ли самокритика, откуда она взялась, и какая от нее польза?

Я думаю, товарищи, что самокритика нужна нам как воздух, как вода. Я думаю, что без нее, без самокритики, наша партия не могла бы двигаться вперед, она не могла бы вскрывать наших язв, она не могла бы ликвидировать наши недостатки. А недостатков у нас много. Это надо признать открыто и честно.

Лозунг самокритики не есть новый лозунг. Он лежит в самой основе большевистской партии. Он лежит в основе режима диктатуры пролетариата. Если наша страна является страной диктатуры пролетариата, а диктатурой руководит одна партия, партия коммунистов, которая не делит и не может делить власти с другими партиями, – то разве не ясно, что мы сами должны вскрывать и исправлять наши ошибки, если хотим двигаться вперед, разве не ясно, что их некому больше вскрывать и исправлять. Не ясно ли, товарищи, что самокритика должна быть одной из серьезнейших сил, двигающих вперед наше развитие?

Лозунг самокритики получил особо сильное развитие после XV съезда нашей партии. Почему? Потому что после XV съезда, ликвидировавшего оппозицию, создалась новая обстановка в партии, с которой мы не можем не считаться.

В чем состоит новизна обстановки? В том, что у нас нет или почти нет больше оппозиции, в том, что ввиду легкой победы над оппозицией, которая (т. е. победа) сама по себе представляет серьезнейший плюс для партии, в партии может создаться опасность почить на лаврах, предаться покою, заснуть маленечко и закрыть глаза на недостатки нашей работы.

Легкая победа над оппозицией есть величайший плюс для нашей партии. Но она таит в себе свои особые минусы, состоящие в том, что партия может проникнуться чувством самодовольства и почить на лаврах. А что значит почить на лаврах? Это значит поставить крест над нашим движением вперед. А для того, чтобы этого не случилось, нам нужна самокритика – не та критика, злобная и, по сути дела, контрреволюционная, которую проводила оппозиция, а критика честная, открытая, большевистская самокритика.

XV съезд нашей партии учел это обстоятельство, дав лозунг самокритики. С тех пор волна самокритики нарастает, накладывая свою печать и на работу апрельского пленума ЦК и ЦКК.

Странно было бы бояться того, что враги наши, враги внутренние, так же как и враги внешние, используют критику наших недостатков, подняв шум: ага, у них, у большевиков, не все обстоит благополучно. Странно было бы бояться всего этого нам, большевикам. Сила большевизма в том именно и состоит, что он не боится признать своих ошибок. Пусть партия, пусть большевики, пусть все честные рабочие и трудящиеся элементы нашей страны вскрывают недостатки нашей работы, недостатки нашего строительства, пусть намечают пути ликвидации наших недостатков для того, чтобы в нашей работе и в нашем строительстве не было застойности, болота, гниения, для того, чтобы вся наша работа, все наше строительство улучшалось изо дня в день и шло от успехов к успехам. В этом теперь главное. А там пусть враги наши болтают о наших недостатках, – такие пустяки не могут, не должны смущать большевиков.

Наконец, есть еще одно обстоятельство, толкающее нас к самокритике. Я имею в виду вопрос о массах и вождях. За последнее время у нас стали создаваться некоторые своеобразные отношения между вождями и массами. С одной стороны, у нас выделилась, исторически создалась группа руководителей, авторитет которых поднимается

все выше и выше и которая становится почти что недосягаемой для масс. С другой стороны, массы рабочего класса прежде всего, массы трудящихся вообще поднимаются вверх чрезвычайно медленно, они начинают смотреть на вождей снизу вверх, зажмурив глаза, и нередко боятся критиковать своих вождей.

Конечно, тот факт, что у нас создалась группа руководителей, поднявшихся слишком высоко и имеющих большой авторитет, – этот факт является сам по себе большим достижением нашей партии. Ясно, что без наличия такой авторитетной группы руководителей руководить большой страной немыслимо. Но тот факт, что вожди, идя вверх, отдаляются от масс, а массы начинают смотреть на них снизу вверх, не решаясь их критиковать, – этот факт не может не создавать известной опасности отрыва вождей от масс и отдаления масс от вождей.

Опасность эта может привести к тому, что вожди могут зазнаться и признать себя непогрешимыми. А что может быть хорошего в том, что руководящие верхи зазнаются и начнут смотреть на массы сверху вниз? Ясно, что ничего, кроме гибели для партии, не может выйти из этого. Ну, а мы хотим двигаться вперед и улучшать свою работу, а не губить партию. И именно для того, чтобы двигаться вперед и улучшать отношения между массами и вождями, надо держать все время открытым клапан самокритики, надо дать советским людям возможность «крыть» своих вождей, критиковать их за ошибки, чтобы вожди не зазнавались, а массы не отдалялись от вождей.

Иногда смешивают вопрос о массах и вождях с вопросом о выдвижении. Это неправильно, товарищи. Речь идет не о выдвижении новых вождей, хотя это дело заслуживает серьезнейшего внимания партии. Речь идет о том, чтобы сохранить уже выдвинувшихся и авторитетнейших вождей, организовав постоянный и нерушимый контакт между ними и массами. Речь идет о том, чтобы организовать в порядке самокритики и критики наших недостатков широкое общественное мнение партии, широкое общественное мнение рабочего класса как живой и бдительный моральный контроль, к голосу которого должны внимательно прислушиваться авторитетнейшие вожди, если они хотят сохранить за собой доверие партии, доверие рабочего класса.

В этом смысле значение печати, нашей партийно-советской печати поистине неоценимо. В этом смысле нельзя не приветствовать инициативу «Правды» в деле организации «Листка рабоче-крестьянской инспекции», ведущего систематическую критику недостатков нашей работы. Необходимо только постараться, чтобы критика была серьезной и глубокой, а не скользила по поверхности. В этом смысле следует также приветствовать инициативу «Комсомольской правды», буйно и задорно атакующей недостатки нашей работы.

Иногда ругают критиков за несовершенство их критики, за то, что критика оказывается иногда правильной не на все 100 процентов. Нередко требуют, чтобы критика была правильной по всем пунктам, а ежели она не во всем правильна, начинают ее поносить, хулить.

Это неправильно, товарищи. Это опасное заблуждение. Попробуйте только выставить такое требование, и вы закроете рот сотням и тысячам рабочих, рабкоров, селькоров, желающих исправить наши недостатки, но не умеющих иногда правильно формулировать свои мысли. Это была бы могила, а не самокритика.

Вы должны знать, что рабочие иногда побаиваются сказать правду о недостатках нашей работы. Побаиваются не только потому, что им может «влететь» за это, но и потому, что их могут «засмеять» за несовершенную критику. Где же простому рабочему или простому крестьянину, чувствующему недостатки нашей работы и нашего планирования на своей собственной спине, где же им обосновать по всем правилам искусства свою критику? Если вы будете требовать от них правильной критики на все 100 про-

центов, вы уничтожите этим возможность всякой критики снизу, возможность всякой самокритики. Вот почему я думаю, что если критика содержит хотя бы 5–10 процентов правды, то и такую критику надо приветствовать, выслушать внимательно и учесть здоровое зерно. В противном случае, повторяю, вам пришлось бы закрыть рот всем тем сотням и тысячам преданных делу Советов людей, которые недостаточно еще искушены в своей критической работе, но устами которых говорит сама правда.

И именно для того, чтобы не тушить самокритику, а развить ее, именно для этого необходимо внимательно выслушивать всякую критику советских людей, если она даже является иногда не вполне и не во всех своих частях правильной. Только при этих условиях могут получить массы уверенность, что им не «влетит» за несовершенную критику и что их не «засмеют» за некоторые ошибки их критики. Только при этом условии самокритика может получить действительно массовый характер и действительно массовый отклик.

Само собой понятно, что речь идет здесь не о «всякой» критике. Критика контрреволюционера является тоже критикой. Но она ставит своей целью развенчание советской власти, подрыв нашей промышленности, развал нашей партийной работы. Ясно, что речь идет у нас не о такой критике. Я говорю не о такой критике, а о критике, идущей от советских людей, критике, ставящей своей целью улучшение органов советской власти, улучшение нашей промышленности, улучшение нашей партийной и профессионалистской работы. Критика нужна нам для укрепления советской власти, а не для ее ослабления. И именно для того, чтобы укрепить и улучшить наше дело, именно для этого партия провозглашает лозунг критики и самокритики.

Чего мы ждем прежде всего от лозунга самокритики, какие он может дать нам результаты, если он будет проведен правильно и честно? Он должен дать по крайней мере два результата. Он должен, во-первых, поднять бдительность рабочего класса, обострить его внимание к нашим недостаткам, облегчить исправление этих недостатков и сделать невозможными всякого рода «неожиданности» в нашей строительной работе. Он должен, во-вторых, поднять политическую культурность рабочего класса, развить в нем чувство хозяина страны и облегчить обучение рабочего класса делу управления страной.

Обратили ли вы внимание на то, что не только шахтинское дело, но и заготовительный кризис к январю 1928 года явились для многих из нас «неожиданностью»? Особенно характерно в этом отношении шахтинское дело. Пять лет работала контрреволюционная группа буржуазных спецов, получая директивы от антисоветских организаций международного капитала. Пять лет писались и рассылались нашими организациями всякого рода резолюции и постановления. Дело угольной промышленности у нас, конечно, шло все-таки вверх, так как советская система хозяйства до того жизненна и могуча, что она все же брала верх, несмотря на наше головотяпство и на наши ошибки. Пять лет эта контрреволюционная группа совершала вредительство в нашей промышленности, взрывая котлы, разрушая турбины и т. д. А мы сидели как ни в чем не бывало. И «вдруг» как снег на голову – шахтинское дело.

Нормально ли это, товарищи? Я думаю, что более чем ненормально. Сидеть у руля и глядеть, чтобы ничего не видеть, пока обстоятельства не уткнут нас носом в какое-либо бедствие, – это еще не значит руководить. Большевизм не так понимает руководство. Чтобы руководить, надо предвидеть. А предвидеть, товарищи, не всегда легко.

Одно дело, когда десяток-другой руководящих товарищей глядит и замечает недостатки в нашей работе, а рабочие массы не хотят или не могут ни глядеть, ни замечать недостатков. Тут есть все шансы на то, что наверняка проглядишь, не все заме-

тишь. Другое дело, когда вместе с десятком-другим руководящих товарищей глядят и замечают недостатки в нашей работе сотни тысяч и миллионы рабочих, вскрывая наши ошибки, впрягаясь в общее дело строительства и намечая пути для улучшения дела. Тут больше будет поруки в том, что неожиданностей не будет, что отрицательные явления будут вовремя замечены и вовремя будут приняты меры для ликвидации этих явлений.

Нам нужно поставить дело так, чтобы бдительность рабочего класса развивалась, а не заглушалась, чтобы сотни тысяч и миллионы рабочих, а не только десяток руководителей глядели в оба на ход нашего строительства, отмечали наши ошибки и выносили их на свет божий. Только при этом условии не будет у нас «неожиданностей». Но для того, чтобы добиться этого, нам нужно развить критику наших недостатков снизу, нам нужно сделать критику массовой, нам нужно воспринять и провести в жизнь лозунг самокритики.

Наконец, о подъеме культурных сил рабочего класса, о выработке у него навыков к управлению страной в связи с проведением лозунга самокритики. Ленин говорил:

«Главное, чего нам не хватает, – культурности, уменья управлять... Экономически и политически **НЭП** вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики. Дело «только» в культурных силах пролетариата и его авангарда»[142].

Что это значит? Это значит, что одной из основных задач нашего строительства является выработка в рабочем классе навыков и уменья управлять страной, управлять хозяйством, управлять промышленностью.

Можно ли выработать в рабочем классе эти навыки и это уменье, не развязав сил и способностей рабочих, сил и способностей лучших людей рабочего класса критиковать наши ошибки, отмечать наши недостатки и двигать вперед нашу работу? Ясно, что нельзя.

А что требуется для того, чтобы развязать силы и способности рабочего класса и вообще трудящихся и дать им возможность приобрести навыки к управлению страной? Для этого требуется, прежде всего, честное и большевистское проведение лозунга самокритики, честное и большевистское проведение лозунга критики снизу недостатков и ошибок нашей работы. Если рабочие используют возможность открыто и прямо критиковать недостатки в работе, улучшать нашу работу и двигать ее вперед, то что это значит? Это значит, что рабочие становятся активными участниками в деле руководства страной, хозяйством, промышленностью. А это не может не поднять у рабочих чувство хозяина в стране, их активность, их бдительность, их культурность.

Вопрос о культурных силах рабочего класса является одним из решающих вопросов. Почему? Потому что из всех существовавших до сих пор господствующих классов рабочий класс как господствующий класс занимает в истории несколько особое и не вполне благоприятное положение. Все господствовавшие до сих пор классы – рабовладельцы, помещики, капиталисты – были вместе с тем классами богатыми. Они имели возможность обучать своих детей знаниям и навыкам, необходимым для управления. Рабочий класс отличается от них, между прочим, тем, что он является классом небогатым, он не имел раньше возможности обучать своих сыновей знаниями и навыками управления, и он получил такую возможность только теперь, после прихода к власти.

В этом, между прочим, и состоит острота вопроса о культурной революции у нас. Правда, за десять лет своего господства рабочий класс СССР успел в этом отношении гораздо больше, чем помещики и капиталисты за десятки и сотни лет. Но международная и внутренняя обстановка такова, что достигнутых результатов далеко еще не достаточно. Поэтому всякое средство, могущее поднять уровень развития культурных

сил рабочего класса, всякое средство, могущее облегчить дело выработки навыков и уменья в рабочем классе управлять страной, промышленностью, – всякое такое средство должно быть использовано нами до дна.

Но из сказанного следует, что лозунг самокритики является одним из важнейших средств в деле развития культурных сил пролетариата, в деле выработки в рабочем классе навыков к управлению. Отсюда вытекает еще одно основание, говорящее за проведение в жизнь лозунга самокритики.

Таковы, в общем, основания, диктующие нам лозунг самокритики как лозунг дня.

Неудивительно поэтому, что работа апрельского пленума ЦК и ЦКК прошла под знаком самокритики.

Перейдем теперь к вопросу о хлебозаготовках.

II
ВОПРОС О ХЛЕБОЗАГОТОВКАХ

Прежде всего, несколько слов о существе хлебозаготовительного кризиса, разыгравшегося у нас к январю этого года. Суть дела состоит в том, что с октября прошлого года у нас заготовки стали падать, в декабре они дошли до низшей точки, а к январю этого года мы имели дефицит в заготовках хлеба в 130 млн. пудов. Урожай в этом году был у нас, пожалуй, не хуже, чем в прошлом году, может быть, он уступал немного прошлогоднему урожаю. Запасов в этом году от старых урожаев было больше, чем в прошлом году, и вообще считалось, что товарного хлеба в нашей стране в этом году не меньше, а больше, чем в прошлом году.

Сообразно с этим и был составлен план заготовок за год с некоторым превышением прошлогоднего плана. Однако, несмотря на это, заготовки пошли вниз, и мы имели к январю 1928 года дефицит в 130 млн. пудов. Создалось «оригинальное» положение: хлеба много в стране, а заготовки хлеба падают, создавая угрозу голода в городах и в Красной Армии.

Чем объясняется эта «оригинальность» положения? Не есть ли тут случайность какая-нибудь? Многие склонны объяснить это тем, что дали зевок, были заняты с оппозицией и кое-что не доглядели. Что зевок был действительно допущен – это, конечно, верно. Но объяснять все здесь зевком – значит впадать в грубейшую ошибку. Тем более нельзя объяснять заготовительный кризис случайностью. Такие вещи случайно не происходят. Это было бы слишком дешевым объяснением.

Каковы же были в таком случае условия, определившие заготовительный кризис?

Я думаю, что таких условий было у нас по крайней мере три.

Во-первых. Трудности нашего социалистического строительства в обстановке нашего международного и внутреннего положения. Я имею в виду прежде всего трудности развития городской индустрии. Надо бы забросать деревню всякого рода товарами, чтобы можно было извлечь из деревни максимум сельскохозяйственных продуктов. Для этого необходимо более быстрое развитие нашей индустрии, чем это имеет место теперь. Но для того, чтобы развить индустрию сильней, необходим более быстрый темп социалистического накопления. А добиться такого темпа накопления не так-то легко, товарищи. Отсюда нехватка товаров для деревни.

Я имею в виду, далее, трудности нашего строительства в деревне. Медленно растет сельское хозяйство, товарищи. Надо бы, чтобы сельское хозяйство развивалось семимильными шагами, чтобы хлеб дешевел, чтобы урожай подымался, чтобы удобрения применялись вовсю, чтобы машинное производство хлеба развивалось ускоренным темпом. Но этого нет у нас и не скоро будет, товарищи.

Почему?

Потому что наше сельское хозяйство является мелкокрестьянским хозяйством, трудно поддающимся серьезным улучшениям. Статистика говорит, что до войны у нас было индивидуальных крестьянских хозяйств около 16 млн. по всей стране. Теперь у нас имеется индивидуальных крестьянских хозяйств около 25 млн. Это значит, что мы являемся страной самого что ни на есть мелкокрестьянского хозяйства. А что такое мелкокрестьянское хозяйство? Это есть самое необеспеченное, самое примитивное, самое неразвитое и самое нетоварное хозяйство. А в этом вся суть, товарищи. Удобрения, машины, агрономические знания и прочие усовершенствования – это такие вещи, которые могут быть с успехом применены в крупных хозяйствах, но которые не имеют или почти не имеют применения в мелкокрестьянском хозяйстве. Вот в чем слабость мелкого хозяйства, и вот почему оно не выдерживает конкуренции с крупными кулацкими хозяйствами.

Есть ли у нас вообще крупные хозяйства в деревне, применяющие машины, удобрения, агрономические знания и т. д.? Да, есть. Это, во-первых, колхозы и совхозы. Но их у нас мало, товарищи. Это, во-вторых, крупные кулацкие (капиталистические) хозяйства. Этих хозяйств не так уж мало в нашей стране, и они все еще играют в сельском хозяйстве значительную роль.

Можем ли мы стать на путь поощрения частных крупных хозяйств в деревне? Ясно, что не можем. Отсюда вывод: нажать вовсю на развитие крупных хозяйств в деревне типа колхозов и совхозов, стараясь превратить их в хлебные фабрики для страны, организованные на основе данных науки. Этим, собственно, и объясняется, что XV съезд нашей партии дал лозунг о всемерном развитии колхозного и совхозного строительства.

Было бы ошибочно думать, что колхозы должны строиться только из бедняцких слоев. Это неверно, товарищи. Наши колхозы должны быть бедняцко-середняцкими, охватывающими не только отдельные группки и группочки, но и целые деревни. Надо дать середняку перспективу и указать ему, что он может развивать хозяйство лучше всего и скорее всего через колхозы. Если середняк не может подняться вверх, в кулацкую группу, а вниз спускаться было бы неразумно, то надо дать ему перспективу, что он мог бы улучшить хозяйство через колхозное строительство.

Но колхозов и совхозов пока что у нас мало, до безобразия мало. Отсюда трудности нашего строительства в деревне. Отсюда недостаточность хлебного производства.

Во-вторых. Из этого следует, что трудности нашего строительства в городе и в деревне являются той базой, на основе которой может разыграться заготовительный кризис. Но это еще не значит, что заготовительный кризис должен был разыграться именно в этом году. Известно, что эти трудности существовали не только в этом году, но и в прошлом году, – почему же именно в этом году разыгрался заготовительный кризис? В чем тут секрет?

Секрет состоит в том, что кулак получил в этом году возможность использовать эти трудности для того, чтобы взвинтить цены на хлеб, повести атаку против советской политики цен и затормозить тем самым нашу заготовительную работу. А удалось ему использовать эти трудности по крайней мере по двум причинам:

во-первых, потому, что три года урожая не прошли даром, кулак вырос за это время, хлебные запасы в деревне вообще, у кулака в особенности накопились за это время, и кулак получил возможность попытаться продиктовать цены;

во-вторых, потому, что кулак имел поддержку со стороны городских спекулянтов, играющих на повышение цен на хлеб и взвинчивающих таким образом цены.

Это не значит, конечно, что кулак является главным держателем хлеба. Главная и

основная масса, которая держит бульшую часть хлеба, – это середняк. Но у кулака имеется известный хозяйственный авторитет в деревне, и в вопросе о ценах он может иногда вести за собой середняка. Отсюда возможность для кулацких элементов деревни использовать трудности нашего строительства для спекулятивного взвинчивания цен на хлеб.

Но что значит взвинтить цены на хлеб, скажем, процентов на 40–50, как это делали, например, кулацко-спекулянтские элементы? Это значит, прежде всего, подорвать реальную зарплату рабочих. Допустим, что мы подняли бы тогда зарплату рабочим. Но в таком случае пришлось бы поднять цены на промышленные товары, ударив по материальному положению как рабочего класса, так и бедноты и середняка. А что это означало бы? Это означало бы прямой и несомненный подрыв всей нашей экономической политики.

Но на этом дело не кончается. Допустим, что мы подняли бы цены на хлеб процентов на 40–50 в январе или весной этого года, перед подготовкой к севу. К чему это повело бы? Мы дезорганизовали бы тогда сырьевую базу нашей промышленности. Хлопкоробы забросили бы хлопок и перешли бы на хлеб как на более выгодное дело. Льноводы забросили бы лен и перешли бы тоже на хлеб. Свекловоды поступили бы таким же образом. И так дальше и тому подобное. Короче: мы бы подорвали сырьевую базу нашей промышленности из-за спекулянтских аппетитов капиталистических элементов деревни.

Но и это не все. Если бы мы взвинтили цены на хлеб, скажем, весной этого года, мы бы наверняка зарезали бедноту, которая покупает весной хлеб как для продовольственных нужд, так и для обсеменения полей. Беднота и низшие слои середняков имели бы полное право сказать нам: вы нас обманули, так как мы вам продали наш хлеб осенью прошлого года по низким ценам, а вы теперь заставляете нас покупать хлеб по высоким ценам, – кого же вы защищаете, господа советские люди, – неимущих или кулаков?

Вот почему на спекулянтский удар кулачества по линии взвинчивания хлебных цен партия должна была ответить таким контрударом, который бы отбил охоту у кулаков и спекулянтов угрожать голодом рабочему классу и нашей Красной Армии.

В-третьих. Несомненно, что капиталистические элементы деревни не могли бы использовать трудностей нашего строительства в такой степени, в какой они использовали их на самом деле, и заготовительный кризис не принял бы такого угрожающего характера, если бы им не помогло в этом деле еще одно обстоятельство. В чем состоит это обстоятельство?

Оно состоит в расхлябанности наших заготовительных органов, в отсутствии единого фронта между ними, в конкуренции между собой, в нежелании вести решительную борьбу против игры на повышение хлебных цен.

Оно состоит, наконец, в инертности наших партийных организаций в районах хлебных заготовок, в их нежелании должным образом вмешаться в хлебозаготовительную кампанию, в их нежелании вмешаться в дело и положить конец общей расхлябанности на заготовительном фронте.

Упоенные успехами прошлогодней заготовительной кампании и полагая, что в этом году заготовки пойдут самотеком, наши заготовительные и партийные организации предоставляли все «воле божьей», очистив поле кулацко-спекулянтским элементам. А кулаки этого именно и ждали. Едва ли можно сомневаться, что без этого обстоятельства заготовительный кризис не мог бы принять такой угрожающий характер.

Не следует забывать, что мы, т. е. наши организации, как заготовительные, так и иные, держим в руках почти на 80 процентов снабжение деревни промтоварами и почти на 90 процентов все заготовки в деревне. Нечего и говорить, что это обстоятельст-

во дает нам возможность диктовать условия в деревне, при условии, что наши организации сумеют использовать это выгодное положение. Ну, а мы, вместо того чтобы использовать это выгодное положение, предоставили все самотеку и облегчили тем самым – конечно, помимо своей воли – борьбу капиталистических элементов деревни против советской власти.

Таковы, товарищи, условия, определившие заготовительный кризис конца прошлого года.

Вы видите, таким образом, что заготовительный кризис нельзя считать случайностью.

Вы видите, что заготовительный кризис выражает собой первое, в условиях нэпа, серьезное выступление капиталистических элементов деревни против советской власти по одному из важнейших вопросов нашего строительства, по вопросу о хлебозаготовках.

Вот в чем состоит, товарищи, классовая подоплека заготовительного кризиса по хлебу.

Вы знаете, что для ликвидации заготовительного кризиса и обуздания спекулянтских аппетитов кулачества партия и советская власть были вынуждены принять ряд практических мероприятий. Об этих мероприятиях говорилось достаточно много в нашей печати. О них говорится довольно подробно в резолюции объединенного пленума ЦК и ЦКК. Я думаю, поэтому, что нет необходимости повторяться здесь об этом.

Хотелось бы только сказать о некоторых чрезвычайных мероприятиях, которые были приняты ввиду чрезвычайных условий и которые, конечно, отпадут, поскольку не будет больше этих чрезвычайных условий. Я имею в виду применение 107 статьи. Статья эта принята ЦИК в 1926 году. Эта статья не применялась у нас в прошлом году. Почему? Потому что заготовки хлеба шли, как говорят, нормально, и не было оснований для применения этой статьи. Об этой статье вспомнили только в этом году, к началу 1928 года. А вспомнили о ней потому, что мы имели ряд чрезвычайных обстоятельств, созданных спекулянтскими махинациями кулачества и угрожавших голодом. Ясно, что если в будущем заготовительном году не будет чрезвычайных обстоятельств и заготовки пойдут нормально, 107 статья не будет иметь применения. И наоборот, если чрезвычайные обстоятельства наступят и капиталистические элементы начнут опять «финтить», 107 статья снова появится на сцене.

Было бы глупо говорить на этом основании об «отмене» нэпа, о «возврате» к продразверстке и т. д. Об отмене нэпа могут теперь помышлять лишь враги советской власти. Никому так не выгодна теперь новая экономическая политика, как советской власти. Но есть люди, которые думают, что нэп означает не усиление борьбы с капиталистическими элементами, в том числе и с кулачеством, на предмет их преодоления, а прекращение борьбы с кулачеством и другими капиталистическими элементами. Нечего и говорить, что такие люди не имеют ничего общего с ленинизмом, ибо таким людям нет места и не может быть места в нашей партии.

О результатах мероприятий, принятых партией и советской властью для ликвидации продовольственного кризиса, вам также известно. Коротко они состоят в следующем.

Во-первых, мы наверстали потерянное и заготовили хлеб, догнав, а местами даже перегнав прошлогодний темп заготовок. Известно, что за три месяца, за январь – март, мы сумели заготовить более чем 270 млн. пудов хлеба. Это, конечно, не все, что нам нужно. Нам еще предстоит заготовить более 100 млн. пудов. Но это все-таки то необходимое завоевание, которое дало нам возможность **ликвидировать** заготови-

тельный кризис. Мы можем теперь с полным правом сказать, что партия и советская власть одержали на этом фронте крупнейшие успехи.

Во-вторых, мы оздоровили, более или менее оздоровили наши заготовительные и партийные организации на местах, проверив на деле их боевую готовность и очистив их от явно разложившихся элементов, не признающих классов в деревне и не желающих «ссориться» с кулаком.

В-третьих, мы улучшили работу в деревне, придвинули к себе поближе бедноту и закрепили за собой подавляющее большинство середняков, изолировав кулачество и обидев несколько зажиточную верхушку середняков. Тем самым мы провели в жизни наш старый большевистский лозунг, данный Лениным еще на VIII съезде нашей партии: обопрись на бедноту, умей устраивать прочный союз с середняком, ни на минуту не прекращай борьбы с кулачеством.

Я знаю, что некоторые товарищи не вполне охотно приемлют этот лозунг. Странно было бы думать, что союз рабочих и крестьян в условиях упрочившейся диктатуры пролетариата означает союз рабочих со всем крестьянством, в том числе и кулачеством. Нет, товарищи, мы такого союза не проповедуем и проповедовать не можем. В обстановке диктатуры пролетариата, при условии упрочения власти рабочего класса, союз рабочего класса с крестьянством означает опору на бедноту, союз с середняком, борьбу с кулачеством. Кто думает, что союз с крестьянством при наших условиях означает союз с кулаком, тот не имеет ничего общего с ленинизмом. Кто думает вести в деревне такую политику, которая всем понравится, и богатым и бедным, тот не марксист, а дурак, ибо такой политики не существует в природе, товарищи. (С м е х, а п л о д и с м е н т ы.) Наша политика есть политика классовая.

Таковы, в общем, результаты наших мероприятий по усилению хлебозаготовок.

Несомненно, что при проведении этих мероприятий мы имели в нашей практике целый ряд перегибов и извращений партийной линии. Целый ряд случаев принудительного распространения займа, зажимов, направленных против кулачества, но бьющих, прежде всего благодаря нашему головотяпству, по бедноте и середнякам, неправильное применение 107 статьи и т. д., – эти случаи известны. Мы караем и будем карать виновников этих извращений со всей строгостью. Но было бы странно не видеть из-за этих извращений или забывать о тех благих и поистине серьезных результатах принятых партией мероприятий, без которых мы не могли бы выйти из заготовительного кризиса. Поступать так значит закрывать глаза на главное, выдвигая на первый план привходящее и случайное. Поступать так значит топить серьезнейшие успехи заготовительной кампании в ложке воды отдельных случаев извращений нашей линии, совершенно не вытекающих из принятых партией мероприятий.

Были ли у нас обстоятельства, облегчившие наши заготовительные успехи и нашу борьбу против наступления капиталистических элементов деревни?

Да, были. Можно было бы отметить по крайней мере два таких обстоятельства.

Это, во-первых, тот факт, что мы предприняли вмешательство партии в заготовительную кампанию и удар по кулацко-спекулянтским элементам после XV съезда нашей партии, после ликвидации оппозиции, после того, как партия достигла максимального единства, разгромив своих партийных врагов. Борьба с кулачеством не есть пустяковое дело. Чтобы разбить кулацко-спекулянтские махинации без каких-либо осложнений в стране, надо иметь абсолютно сплоченную партию, абсолютно крепкий тыл и совершенно крепкую власть. Едва ли можно сомневаться в том, что наличие этих условий сыграло значительную роль в том, что кулачество было вынуждено отступить сразу.

Это, во-вторых, что нам удалось связать наши практические мероприятия по

обузданию кулацко-спекулянтских элементов с кровными интересами рабочего класса, Красной Армии и большинства неимущих слоев деревни. То обстоятельство, что кулацко-спекулянтские элементы поставили перед трудящимися массами города и деревни призрак голода, нарушая к тому же законы советской власти (107 статья), это обстоятельство не могло не повести к тому, что мы имели за собой в борьбе с капиталистическими элементами деревни большинство деревни. Кулак безбожно спекулировал хлебом, он создавал этим величайшие трудности как в городе, так и в деревне, он нарушал к тому же законы советской власти, т. е. волю Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, – разве не ясно, что это обстоятельство должно было облегчить дело изоляции кулачества?

Получилась в известной степени такая же комбинация (конечно, с соответствующими оговорками), какая имела место в 1921 году, когда партия во главе с Лениным ввиду голода в стране поставила вопрос об изъятии ценностей из церквей на предмет приобретения хлеба для голодающих районов, построив на этом широчайшую антирелигиозную кампанию, и когда попы, уцепившись за ценности, выступили на деле против голодающих масс и тем самым вызвали озлобление масс против церкви вообще, против религиозных предрассудков в частности, против попов и их руководителей в особенности. Были тогда такие чудаки в нашей партии, которые думали, что Ленин понял необходимость борьбы с церковью лишь в 1921 году (с м е х), а до того времени он будто бы не понимал этого. Это, конечно, глупость, товарищи. Ленин, конечно, понимал необходимость борьбы с церковью и до 1921 года. Но дело вовсе не в этом. Дело в том, чтобы связать широкую массовую антирелигиозную кампанию с кровными интересами народных масс и повести ее таким образом, чтобы она, эта кампания, была понятна для масс, чтобы она, эта кампания, была поддержана массами.

То же самое нужно сказать о маневре партии, предпринятом в начале этого года в связи с хлебозаготовительной кампанией. Есть люди, которые думают, что партия только теперь поняла необходимость борьбы с кулацкой опасностью. Это, конечно, глупость, товарищи. Партия всегда понимала необходимость такой борьбы и вела ее, эту борьбу, не на словах, а на деле. Особенность предпринятого партией маневра в начале этого года состоит в том, что она получила в этом году возможность связать решительную борьбу против кулацко-спекулянтских элементов деревни с кровными интересами широких масс трудящихся и, связав их, сумела повести за собой большинство трудящихся масс деревни, изолировав кулака.

Искусство большевистской политики состоит вовсе не в том, чтобы стрелять без разбора из всех пушек по всем фронтам, не считаясь с условиями времени и места, не считаясь с готовностью масс поддержать те или иные шаги руководства. Искусство большевистской политики состоит в том, чтобы уметь выбрать время и место и учитывать все обстоятельства дела для того, чтобы сосредоточить огонь на том фронте, где скорее всего можно будет добиться максимальных результатов.

В самом деле, какие результаты имели бы мы теперь, если бы мы предприняли серьезнейший удар по кулачеству года три назад, когда мы не имели еще закрепленными за собой середняков, когда середняк был озлоблен и громил наших председателей волостных исполнительных комитетов, когда беднота была ошарашена результатами нэпа, когда мы имели всего лишь 75 процентов довоенной посевной площади, когда перед нами стоял основной вопрос о расширении производства продовольственных и сырьевых продуктов в деревне, когда мы не имели еще серьезной продовольственной и сырьевой базы для индустрии?

Я не сомневаюсь, что мы бы проиграли тогда борьбу, не сумели бы расширить посевную площадь до той нормы, до которой нам удалось довести ее теперь, подорвали

бы возможность создания продовольственной и сырьевой базы для промышленности, облегчили бы дело усиления кулачества, оттолкнули бы от себя середняка, и, возможно, мы имели бы теперь серьезнейшие политические осложнения в стране.

Что мы имели в деревне к началу этого года? Расширенную посевную площадь до довоенной нормы, окрепшую сырьевую и продовольственную базу для промышленности, закрепленное за советской властью большинство середняков, более или менее организованную бедноту, улучшенные и окрепшие партийные и советские организации в деревне. Разве не ясно, что только при этих условиях можно было рассчитывать на серьезный успех в деле организации удара по кулацко-спекулянтским элементам? Разве не ясно, что только умалишенные не могут понять всей разницы между этими двумя обстановками в деле организации широкой массовой борьбы против капиталистических элементов деревни?

Вот вам пример того, как неразумно стрелять без разбора из всех пушек по всем фронтам, не считаясь с условиями времени и места, не считаясь с соотношением борющихся сил.

Так обстоит дело, товарищи, с вопросом о хлебозаготовках.

Перейдем теперь к вопросу о шахтинском деле.

III
ШАХТИНСКОЕ ДЕЛО

Какова классовая подоплека шахтинского дела, где скрываются корни шахтинского дела, и на какой основе классового порядка могла возникнуть эта экономическая контрреволюция?

Есть товарищи, которые считают шахтинское дело случайностью. Они обычно говорят: мы порядком здесь прозевали, недоглядели, но если бы не дали зевка, то никакого шахтинского дела не было бы у нас. Что зевок тут есть, и зевок порядочный – в этом не может быть никакого сомнения. Но объяснять все зевком – это значит не понять сути дела.

О чем говорят факты, материалы по шахтинскому делу?

Факты говорят, что шахтинское дело есть экономическая контрреволюция, затеянная частью буржуазных спецов, владевших раньше угольной промышленностью.

Факты говорят далее, что эти спецы, будучи организованы в тайную группу, получали деньги на вредительство от бывших хозяев, сидящих теперь в эмиграции, и от контрреволюционных антисоветских капиталистических организаций на Западе.

Факты говорят, наконец, что эта группа буржуазных спецов действовала и разрушала нашу промышленность по указаниям капиталистических организаций на Западе.

Факты говорят, наконец, что эта группа буржуазных спецов действовала и разрушала нашу промышленность по указаниям капиталистических организаций на Западе.

О чем же все это говорит?

О том, что мы имеем здесь дело с экономической интервенцией западноевропейских антисоветских капиталистических организаций в дела нашей промышленности. Была в свое время интервенция военно-политическая, которую удалось нам ликвидировать в порядке победоносной гражданской войны. Теперь мы имеем попытку экономической интервенции, для ликвидации которой нам не потребуется гражданской войны, но которую мы должны все-таки ликвидировать и которую мы ликвидируем всеми доступными нам средствами.

Глупо было бы предположить, что международный капитал оставит нас в покое. Нет, товарищи, это неверно. Классы существуют, международный капитал существует,

и он не может смотреть спокойно на развитие страны строящегося социализма. Раньше он, международный капитал, думал опрокинуть советскую власть в порядке прямой военной интервенции. Попытка не удалась. Теперь он старается, и будет стараться впредь, ослабить нашу хозяйственную мощь путем невидной, не всегда заметной, но довольно внушительной экономической интервенции, организуя вредительство, подготовляя всякие «кризисы» в тех или иных отраслях промышленности и облегчая тем самым возможность будущей военной интервенции. Тут все увязано в узел классовой борьбы международного капитала с советской властью, и ни о каких случайностях не может быть речи.

Одно из двух:

либо мы будем вести и впредь революционную политику, сплачивая вокруг рабочего класса СССР пролетариев и угнетенных всех стран, – и тогда международный капитал будет нам всячески мешать в нашем продвижении вперед;

либо мы откажемся от своей революционной политики, пойдем на ряд принципиальных уступок международному капиталу, – и тогда международный капитал, пожалуй, непрочь будет «помочь» нам в деле перерождения нашей социалистической страны в «добрую» буржуазную республику.

Есть люди, которые думают, что нам можно вести освободительную внешнюю политику и вместе с тем добиться того, чтобы нас целовали за это западноевропейские буржуа. Я не буду доказывать, что такие наивные люди не имеют и не могут иметь ничего общего с нашей партией. Но именно потому, что мы не можем пойти на эти и подобные им уступки, не отказавшись от самих себя, – именно поэтому мы должны быть готовы к тому, что международный капитал будет нам устраивать и впредь все и всякие пакости, все равно, будет ли это шахтинское дело или что-нибудь другое, подобное ему.

Вот в чем классовые корни шахтинского дела.

Почему могла удаться у нас военная интервенция международного капитала? Потому что в нашей стране существовали целые группы военных специалистов, генералов и офицеров, сынков буржуазии и помещиков, которые всегда были готовы подкопаться под самые основы советской власти. Могли ли эти офицеры и генералы организовать серьезную войну против советской власти без финансовой и иной поддержки международного капитала? Конечно, не могли. Мог ли международный капитал без помощи этой группы белогвардейских офицеров и генералов организовать серьезную интервенцию? Я думаю, что не мог бы.

У нас были тогда товарищи, которые думали, что военная интервенция была случайностью, что если бы мы не освободили Краснова, Мамонтова и т. д., то интервенции не было бы. Это, конечно, неверно. Что освобождение Мамонтова, Краснова и других белогвардейских генералов сыграло свою роль в деле развития гражданской войны – в этом не может быть сомнения. Но что корни военной интервенции лежат не в этом, а в классовых противоречиях между советской властью, с одной стороны, и международным капиталом с его генеральским охвостьем в России – с другой, – в этом также не может быть никакого сомнения.

Могли ли у нас организовать шахтинское дело некоторые буржуазные спецы, бывшие шахтовладельцы, без финансовой и моральной поддержки международного капитала, без перспективы на то, что международный капитал может помочь им в деле низвержения советской власти? Конечно, не могли бы. Мог ли международный капитал организовать у нас экономическую интервенцию, вроде шахтинского дела, без наличия у нас буржуазии, в том числе некоторой группы буржуазных спецов в нашей стране, готовых утопить советскую власть в ложке воды? Ясно, что не мог бы. Есть ли

у нас вообще такие группы буржуазных специалистов, готовых идти на экономическую интервенцию, на подрыв советской власти? Я думаю, что есть. Я не думаю, чтобы их могло быть много. Но что у нас существуют некоторые незначительные группы буржуазных контрреволюционных специалистов, гораздо более малочисленные, чем это имело место во время военной интервенции, – в этом не может быть сомнения.

Соединение этих двух сил и дает почву для экономической интервенции в СССР.

В этом именно и состоит классовая подоплека шахтинского дела.

Теперь о практических выводах, вытекающих из шахтинского дела.

Я хотел бы остановиться на четырех практических выводах, о которых нам сигнализирует шахтинское дело.

Ленин говорил, что вопрос о подборе людей является одним из основных вопросов строительства социализма. Шахтинское дело показывает, что мы плохо подбирали наши хозяйственные кадры, и не только плохо подбирали, но ставили еще эти самые кадры в такие условия, которые затрудняют их рост. Говорят о приказе № 33 и особенно о «Типовом положении», сопровождающем этот приказ. Характерную особенность этого типового положения составляет то, что оно отдает почти все права техническому директору, оставляя за директором право улаживать конфликты, «представительствовать» и играть на балалайке. Ясно, что при таких условиях наши хозяйственные кадры не могли развиваться в достаточной степени.

В свое время этот приказ был абсолютно необходим, ибо он был дан в тот момент, когда у нас не было вовсе своих хозяйственных кадров, когда мы не умели управлять промышленностью и поневоле приходилось передавать основные права техническому директору. Но теперь этот приказ превратился в оковы. Теперь у нас есть свои хозяйственные кадры, имеющие опыт и могущие развиваться в настоящих руководителей нашей промышленности. И именно поэтому пора отменить устаревшее типовое положение, заменив его новым.

Говорят, что невозможно коммунистам, особенно же рабочим коммунистам-хозяйственникам, овладеть химическими формулами и вообще техническими знаниями. Это неверно, товарищи. Нет в мире таких крепостей, которых не могли бы взять большевики-рабочие. (А п л о д и с м е н т ы.) Не такие крепости мы брали в своей борьбе с буржуазией. Все дело в том, чтобы иметь желание овладеть техническими знаниями и вооружиться настойчивостью и большевистским терпением. Но чтобы изменить условия работы наших хозяйственных кадров и помочь им стать настоящими и полноправными хозяевами дела, необходимо отменить старое типовое положение, заменив его новым. В противном случае мы рискуем искалечить наших людей.

Разве некоторые опустившиеся хозяйственники были хуже любого из нас? Чем объяснить, что такие и подобные им товарищи стали опускаться и разлагаться, сливаясь в своем быту с буржуазными спецами? Объясняется это нашей неправильной хозяйственной практикой, объясняется это теми условиями подбора и работы наших хозяйственных работников, которые затрудняют их развитие, которые превращают их в хвостик буржуазных спецов. С такой практикой надо покончить, товарищи.

Второй вывод, о котором сигнализирует нам шахтинское дело, состоит в том, что мы плохо обучаем кадры в наших втузах, мы плохо подготовляем наших красных спецов. Это вывод, от которого никак не отвертеться. Почему, например, многие наши молодые специалисты не идут в дело, оказались непригодными для промышленности? Потому что они учились по книжке, они спецы от книжки, у них нет практического опыта, они оторваны от производства, и они, естественно, терпят поражение. А разве нам такие спецы нужны? Нет, не такие спецы нам нужны, будь они хоть трижды молодыми спецами. Нам нужны такие специалисты, все равно, являются ли они

коммунистами или некоммунистами, которые были бы сильны не только теоретически, но и по своему практическому опыту, по своим связям с производством.

Молодому спецу, который не видел шахты и не хочет лезть в шахту, молодому спецу, который не видел завода и не хочет пачкаться на заводе, такому спецу никогда не одолеть старых, закаленных в практическом опыте, но враждебных нашему делу специалистов. Легко объяснить поэтому, что не только старые специалисты и не только наши хозяйственники, но и рабочие встречают нередко таких молодых специалистов в штыки. Но для того, чтобы не было таких неожиданностей с молодыми спецами, необходимо изменить их обучение, причем изменить надо таким образом, чтобы молодые спецы с первых же лет своего обучения во втузах имели неразрывную связь с производством, с фабрикой, с шахтой и т. д.

Третий вывод касается вопроса о втягивании широких рабочих масс в дело управления промышленностью. Как обстоит дело в этом отношении по данным шахтинских материалов? Очень плохо. До безобразия плохо, товарищи. Доказано, что Кодекс законов о труде нарушается, 6-часовой рабочий день под землей не всегда соблюдается, условия охраны труда попираются. А рабочие терпят. А профсоюзы молчат. А парторганизации не принимают мер к ликвидации этого безобразия.

Один товарищ, ездивший недавно в Донбасс, лазил там по шахтам и расспрашивал шахтеров об условиях их работы. Знаменательно, что ни один из шахтеров не счел нужным жаловаться на условия. «Как живется вам, товарищи?» – спрашивает их этот товарищ. «Ничего, товарищ, неплохо живется», – отвечают ему шахтеры. «Я еду в Москву, скажите мне, что я должен передать центру?» – спрашивает он. «Скажите там, что нам живется неплохо», – отвечают ему шахтеры. «Слушайте, товарищи, я ведь не иностранец, я русский и приехал сюда для того, чтобы узнать от вас правду», – говорит им товарищ. «Нам все одно, товарищ, мы говорим лишь правду, и иностранцам и нашим», – отвечают ему шахтеры.

Вот вам физиономия наших шахтеров. Это не просто рабочие, а герои. В этом именно и состоит богатство того морального капитала, который мы успели накопить в сердцах рабочих. И подумать только, что мы растрачиваем этот неоценимый моральный капитал так безбожно и преступно, как дурные и никчемные наследники величайшего наследства Октябрьской революции! Но, товарищи, держаться долго на старом моральном капитале и растрачивать его так безрассудно – нельзя. Пора покончить с этим. Давно пора!

Наконец, четвертый вывод, касающийся вопроса о проверке исполнения. Шахтинское дело показало, что дело с проверкой исполнения обстоит у нас из рук вон плохо во всех областях управления, и в области партийной, и в области промышленной, и профсоюзной. Пишутся резолюции, рассылаются директивы, но никто не хочет позаботиться о том, чтобы спросить себя: а как обстоит дело с исполнением этих резолюций и директив, исполняются они на деле или кладутся под сукно?

Ильич говорил, что одним из серьезных вопросов в деле управления страной является вопрос о проверке исполнения. Но именно в этом вопросе дело обстоит у нас из рук вон плохо. Руководить – это еще не значит писать резолюции и рассылать директивы. Руководить – это значит проверять исполнение директив, и не только исполнение директив, но и самые директивы, их правильность или их ошибочность. Смешно было бы думать, что все наши директивы правильны на все 100 процентов. Этого не бывает и не может быть, товарищи. Проверка исполнения в том именно и состоит, чтобы наши ошибки проверяли в огне практического опыта не только исполнение наших директив, но и правильность самих директив. Поэтому прорехи в этой области означают прорехи во всем нашем руководстве.

Взять, например, проверку исполнения по чисто партийной линии. Мы обычно вызываем секретарей окружкомов и губкомов для докладов в ЦК, проверяя исполнение директив ЦК. Секретари докладывают, признавая недостатки в своей работе. ЦК обличает их и выносит тарифные резолюции с указанием – углубить и расширить работу, подчеркнуть то-то и то-то, обратить серьезное внимание на то-то и то-то и пр. Секретари уезжают на места с этими резолюциями. Потом их вновь вызываем, и опять то же самое насчет углубления, расширения и т. д. и т. д. Я не говорю, что вся эта работа остается без пользы. Нет, товарищи, это дело имеет свои хорошие стороны в смысле воспитания и подтягивания организаций. Но надо признать, что этот метод проверки исполнения уже недостаточен. Надо признать, что этот метод должен быть дополнен другим методом, а именно методом рассылки на местную работу членов нашей партийно-советской верхушки. (Г о л о с. Это хорошее дело!) Я говорю о рассылке наших руководящих товарищей на временную работу на места не в качестве командующих, а в качестве обычных работников, поступающих в распоряжение местных организаций. Я думаю, что это дело имеет большую будущность, и оно может улучшить дело проверки исполнения, если его выполнять честно и добросовестно.

Если члены ЦК, члены президиума ЦКК, наркомы и их заместители, члены президиума ВЦСПС, члены президиумов ЦК профсоюзов, если они будут систематически приезжать на места и вести там работу с тем, чтобы присмотреться к работе, изучить все трудности, все минусы и плюсы, – то уверяю вас, что это будет самой действительной и самой эффективной проверкой исполнения. Это будет самым лучшим средством обогатить опыт наших уважаемых руководителей. И если бы это вошло в систему, – а это должно войти обязательно в систему, – то уверяю вас, что законы, которые мы пишем здесь, и директивы, которые мы вырабатываем, были бы куда жизненней и правильней, чем это имеет место в настоящее время.

Так обстоит дело, товарищи, с шахтинским делом.

ОБЩИЙ ВЫВОД

Мы имеем врагов внутренних. Мы имеем врагов внешних. Об этом нельзя забывать, товарищи, ни на одну минуту.

Мы имели заготовительный кризис, который уже ликвидирован. Заготовительный кризис знаменовал собой первое серьезное в условиях нэпа выступление капиталистических элементов деревни против советской власти.

Мы имеем шахтинское дело, которое уже ликвидируется и несомненно будет ликвидировано. Шахтинское дело знаменует собой новое серьезное выступление международного капитала и его агентов в вашей стране против советской власти. Это есть экономическая интервенция в наши внутренние дела.

Нечего и говорить, что эти и подобные им выступления, как по линии внутренней, так и по линии внешней, могут и, пожалуй, будут повторяться. Наша задача – иметь максимальную бдительность и быть начеку. И если мы будем, товарищи, бдительны, мы наверняка побьем наших врагов в будущем так же, как бьем их в настоящем и били их в прошлом. (Б у р н ы е п р о д о л ж и т е л ь н ы е а п л о д и с м е н т ы .)

«Правда»
18 апреля 1928 г.
(№ 90)

ДОПОЛНЕНИЕ 4

Бухарин Н.И.

УРОКИ ХЛЕБОЗАГОТОВОК, ШАХТИНСКОГО ДЕЛА И ЗАДАЧИ ПАРТИИ К ИТОГАМ АПРЕЛЬСКОГО ПЛЕНУМА ЦК И ЦКК ВКП(б)

Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г.[143]

Товарищи!

После разгрома оппозиции вся наша партия, естественно, должна была засучив рукава приняться за деловую работу. В духе деловитости и самокритики проходила работа пленума. Это было самым характерным, что отличало только что закончившуюся сессию пленума ЦК и ЦКК. Пленум обсуждал два главных вопроса: хлебозаготовки и их уроки и шахтинское дело. От этих в высокой степени конкретных вопросов он неизбежно, разумеется, должен был подойти к некоторым крупным вопросам нашей общей внутренней политики. В самом деле, хлебозаготовки и уроки хлебозаготовительной кампании поставили, в сущности, вопрос об отношении между рабочим классом и крестьянством, вопрос об отношении между различными слоями крестьянства и специально вопрос о политике нашей партии по отношению к кулачеству.

Точно так же и шахтинское дело подвело нас к крупным проблемам, а именно к вопросу об отношении рабочего класса к технической интеллигенции, об отношении между партией и профсоюзами, партией и беспартийными массами; оно подвело нас вновь к проблеме внутрипартийной демократии, партийной дисциплины и т. д.

Мне, поэтому, придется не ограничиваться простым пересказом того, что было на пленуме, но постараться проанализировать те крупные вопросы, которые я только что назвал.

I
УРОКИ ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ

Экономика и классы

Начну с некоторого почти теоретического вопроса, а именно вопроса о производственных и рыночных пропорциях в нашем хозяйстве, с одной стороны, и социально-классовых силах в нашей стране – с другой. Это необходимо выяснить в первую очередь потому, что каждый член партии спрашивает себя: почему мы испытали крупнейшие затруднения в деле хлебозаготовок, и чем эти затруднения объясняются?

Являются ли они затруднениями абсолютно неизбежными? Означают ли они наличие крупного перевеса сил на стороне нашего противника – кулака, частника и т. д.? Являются ли они результатом наших собственных ошибок? Или же они объясняются известной комбинацией и наших ошибок, и наступления нашего классового противника? Если верно последнее, то в каком отношении стоят наши ошибки к силам нашего классового противника?

Прежде всего, я хотел бы указать на две возможные, на мой взгляд неправильные, постановки вопроса о причинах наших хозяйственных затруднений.

Одна, неправильная, односторонняя, однобокая, с известной точки зрения крайняя постановка вопроса гласит: во всем виновато нарушение основных рыночных пропорций, мало произвели промышленных товаров, большой спрос был в деревне, – и на этом анализе ставят точку. Это одна точка зрения, один подход.

Другой, тоже неправильный, тоже неверный подход состоял бы в следующем: дело, дескать, не в том, достаточно или недостаточно произвели мы промышленных товаров по сравнению с деревенским спросом; дело, дескать, не в том, была или не была у нас диспропорция на рынке, а в том, что у нас страшно разбогател кулак, усилилась его позиция в деревне, где он сомкнулся с середняком или с определенной частью середняка.

Можно формулировать дело таким образом: один, неправильный, односторонний, однобокий, подход состоит в том, что видят хозяйственные пропорции, хозяйственные формы, рыночные отношения, вещные потоки товарных масс, выбрасываемых на рынок, но не видят классов.

Другой, тоже неправильный и однобокий подход состоит в том, что видят классы, видят силы кулака, но не видят той общехозяйственной экономической базы, на которой развертывается борьба классов, не видят рыночных отношений, товарных потоков, идущих из города в деревню и обратно, не взвешивают рыночных пропорций, не ставят вопроса о диспропорциях и т. д.

Одна точка зрения видит хозяйственные формы и рыночные отношения, но не видит классов; другая – видит классы, их борьбу, но не видит рыночных отношений, хозяйственных пропорций. Обе эти точки зрения неправильны. Правильное, соответствующее действительности положение может быть формулировано таким образом: через борьбу хозяйственных форм, через рынок, через товарные массы, через регулирование этих товарных масс, через владение этими товарными массами, через отношения производства и через отношения рынка борются классы. Нельзя отделять одно от другого: классы от экономики, экономику от классов.

Если это так, то вполне понятно, какое значение имеет, скажем, вопрос об аппарате, о плановом руководстве в нашей стране. Если вследствие тех или иных просчетов наши плановые руководящие органы нарушили необходимые хозяйственные пропорции, то что это значит с точки зрения классовой борьбы? Это значит, что создается такое положение, которое легко может быть использовано нашим противником – кулаком, частником, буржуазией вообще; наш минус, наш проигрыш становится плюсом, выигрышем для классового врага.

Если же мы осуществляем правильное балансирование элементов народного хозяйства, держим их в известном равновесии, то наш классовый противник в борьбе против нас ограничен в значительно более узких пределах. Борьба его против нас, конечно, не уничтожается, не прекращается, она продолжается, но проходит в гораздо менее выгодной для нашего противника обстановке. Но если аппарат нашего планирования, управления, руководства ведет к нарушению той или иной серьезной хозяйственной пропорции, от чего происходит дезорганизация рынка, то наш классовый

противник приобретает гораздо большее значение. Он уже может использовать конъюнктуру. Раз вода немножко замутилась, наш противник может гораздо более энергично, ловко, с гораздо большим успехом использовать эту сложившуюся конъюнктуру в своих хозяйственных интересах против нас. Удельный вес его силы станет возрастать, ибо зевки руководства, планирования и управления дают ему возможность использовать создавшуюся хозяйственную конъюнктуру.

Ошибки планирования и руководства являются, говоря вообще, либо ошибками в генеральной линии политики, ошибками политической линии, либо ошибками текущего руководства, конъюнктурными ошибками. Если мы имеем дело с ошибками первого порядка, то это означает, что наш противник длительно использует такого рода положение, что он нас длительно будет бить. Таких ошибок у нас, до сих пор по крайней мере, не было. У нас бывают, однако, довольно серьезные конъюнктурные ошибки. Конъюнктурные ошибки не являются ошибками политической линии, но они могут играть значительную роль для определенного, более или менее короткого отрезка времени.

Перехожу к тем конкретным затруднениям, которые мы пережили, но последствий которых мы еще не изжили.

Ошибки планового руководства, диспропорции, классы и затруднения заготовительного периода

Прежде всего, нужно сказать, что затруднения, которые мы имели и из которых мы полностью еще не вышли, отнюдь не носят обязательного характера. О них нельзя сказать, что они были абсолютно неизбежны, неотвратимы. Они сложились в результате запоздания с рядом мероприятий нашей экономической политики, в результате просчетов планового руководства, в результате отрыва наших парторганизаций от руководства хозяйством в связи с партийной дискуссией и борьбой партии против антипартийных и антисоветских выступлений оппозиции.

Между хозяйственным управлением и партийной жизнью у нас имеется самая тесная связь. Наше хозяйство не может рассматриваться отдельно от экономической политики государства, руководимого партией. Неправильны те теории, которые на манер теории Преображенского отрывают нашу экономику от экономической политики. По сравнению с буржуазными странами, где политики дерутся, а трестовые магнаты и госаппарат продолжают свое дело, у нас внутрипартийная борьба дает себя знать во всем хозяйственном организме страны гораздо сильнее. Эти специфические особенности нашего хозяйственного развития объясняют, почему трясение* нашей партии отразилось и на нашей хозяйственной жизни.

Ошибки планового руководства так остро отражаются на нашем хозяйстве и потому, что мы идем вперед с величайшим напряжением сил, с величайшим напряжением наших хозяйственных планов, с величайшим напряжением нашего государственного бюджета, наших средств, стараемся держать самый напряженный темп хозяйственного развития, дабы догнать и перегнать капиталистические страны. Эта напряженность заставляет нас идти вперед, преодолевая величайшие препятствия и трудности[144].

Вполне, поэтому, понятно, что различные просчеты планирования и регулирования на том или ином участке сказываются очень серьезно на всем народном хозяйстве в целом.

Резолюция ЦК по хлебозаготовкам прямо указывает на то, что затруднения, которые мы испытали, не являлись неизбежными затруднениями. Они сложились на осно-

* Так в тексте (ред.).

ве нашего запоздания, ошибок планового руководства, партийной дискуссии. Разумеется, даже самый блестящий план не снимает объективных трудностей нашего хозяйственного развития и нашей работы: отсталость страны, быстрый темп накопления, невозможность «стопроцентного» планирования (наличие 24 млн. крестьянских хозяйств[145]) – все это остается и неизбежно влечет за собой появление тех или других затруднений на различных участках хозяйственного фронта. Эти трудности уменьшаются при правильном плановом руководстве; они обостряются почти при каждом более или менее крупном конъюнктурном просчете.

Сперва я хотел бы остановиться на экономической стороне затруднений, в результате которых мы чуть было не попали в лоно общехозяйственного кризиса.

Необходимо отметить, что у нас вообще имеется расхождение между циклом воспроизводства в сельском хозяйстве и, с другой стороны, – в промышленности. Реализация товарной продукции с/х у нас происходит не в тот момент, когда промышленность идет полным ходом, а наоборот, когда промышленность только что испытала известное сезонное ослабление. Это, конечно, можно поправить, если к моменту реализации урожая у нас будут серьезные маневренные резервы, будет соответствующее количество товарных запасов. В этом году у нас резервов не было. Когда мы вступили в осеннюю с/х кампанию, то наша промышленность не имела достаточного количества резервов, которое она могла бы выбросить и противопоставить тому вопросу, который шел из деревни[146].

Следовательно, то, что мы вовремя не сумели накопить определенного резервного фонда со стороны нашей промышленности, – это было одной причиной нарушения равновесия на рынке.

Но дело не только в резервах. Дело также и в том, что у нас в этом году сезонное сокращение производства было острее, чем в прошлом году.

Резкое снижение производства во время летних отпусков, т. е. в 3-м и в 4-м кварталах прошлого хозяйственного года, и непроизводство по сравнению с планами в 1-м квартале 27–28 г. при снижении розничных цен на продукты нашей промышленности понизило относительно предложение промтоваров.

За это время мы наблюдали повысившийся спрос со стороны деревни. Этот спрос со стороны деревни складывался под влиянием экономического роста деревни вообще, деревенской верхушки, кулацкого хозяйства в частности. Причем здесь нужно отметить два рода явлений, чрезвычайно важных для понимания всей механики тех затруднений, которые мы испытали.

Во-первых, мы имели высокие цены на технические культуры (и высокий урожай на эти технические культуры) и на продукты животноводства. Реализация продуктов технических культур и продуктов животноводства дала деревне, в особенности деревенской верхушке, довольно значительные добавочные суммы денег по сравнению с прошлым годом, позволившие произвести за их счет необходимые платежи по налогу и т. д. Во-вторых, в связи с нашими большими затратами по капитальному строительству, в связи с различными подсобными и другими работами, в деревню ушло значительно большее количество денег по сравнению с прошлым годом. На сколько больше? Подсчеты, имеющиеся здесь, весьма приблизительны. Некоторые считают – больше сотни миллионов, другие называют еще более значительные цифры. Во всяком случае, не подлежит никакому сомнению, что за последний год эти побочные доходы крестьянского хозяйства значительно превышали то, что крестьянство имело от этих источников в прошлом хозяйственном году. Этот возросший спрос, спрос со стороны кулацких хозяйств в том числе, не был сбалансирован соответствующим увеличением налогов. В результате так называемый баланс между городом и

деревней был нарушен, т. е. то количество промышленной продукции, которую город выбрасывал в деревню, не могло уже соответствовать тому количеству денег, которое очутилось на стороне крестьянского спроса. Дело осложнилось, как мы видели, еще и тем, что осенью мы могли дать деревне относительно меньшую долю промпродукции, чем раньше.

В городе также, в связи с увеличением количества рабочих, фонд заработной платы, следовательно, городской спрос, увеличился. Итак, баланс между спросом и предложением был нарушен. Был целый ряд попыток вычислить размеры товарного дефицита, но я должен вам сказать, что эти цифры являются крайне неустойчивыми. Приводились, например, такого рода вычисления, что за 4-й квартал предыдущего года этот дефицит измерялся приблизительно в полмиллиарда рублей. Имеются затем другие цифры, которые дают сумму значительно меньшую. Но я вам могу напомнить в этом отношении такие общеизвестные факты. Всем известно, что осенью мы оголили для города товарный деревенский рынок – поскольку речь идет о промышленных товарах. Мы направили товары в города, дабы удовлетворить спрос в городе. А зимой, когда дали себя почувствовать затруднения с хлебозаготовками, мы оголили город для заполнения деревенского рынка. Мы оказались вынужденными перебросить промышленные товары в деревню. Для чего мы это сделали? И правильно ли сделали, что оголили город и перебросили товары в деревню?

Правильно сделали. Для того сделали, чтобы добиться больших результатов в деле заготовки хлеба. Но если товарные массы передвигаются в экстренном порядке сперва в город за счет деревни, а потом из города в деревню, то это и означает, что товаров не хватает. В городе это выражается хотя бы в тех же самых хвостах, которые мы имели и еще имеем сейчас, не только по линии сельскохозяйственных продуктов, но и по линии промышленной продукции. Делать по этому поводу благодушную физиономию и говорить, что это неважно, мне кажется, нельзя, потому что это очень важно.

Относительно же деревни нужно добавить, что имелись факты по сравнению с прошлым годом, так что главное и основное в области экономики, связей между городом и деревней, состоит в том, что в то время как спрос на товары со стороны деревни возрос, товарное предложение отстало.

Почему это отразилось в первую очередь именно на заготовках хлеба?

Это отразилось в первую очередь на хлебе по целому ряду причин.

Прежде всего, мы имели за последнее время крупное расхождение в соотношении цен на зерно, с одной стороны, и на продукты животноводства и технические культуры – с другой стороны. Это расхождение было настолько невыгодно для хлеба, что крестьяне предпочитали оставлять хлеб у себя, а деньги, нужные для уплаты налогов и покупки промтоваров, получали от продажи продуктов животноводства и технических культур.

Крестьяне иногда предпочитали скармливать хлеб скоту и продавать этот скот. Это объяснялось, главным образом, дальнейшим расхождением в соотношении цен на зерно – с одной стороны, и на продукты животноводства и технические культуры – с другой, расхождением, которое сильно росло за последние годы. Если мы возьмем 1924–1925, 1925–1926, 1926–1927 операционные хозяйственные годы и первый квартал 1927–1928 г., то получим следующие показатели (довоенные цены берутся за 100). В 1924–25 году индекс зернопродуктов составлял 129, продуктов животноводства и технических культур 135. Разница была небольшая. В 1925–26 г. падает индекс зерновых культур: было 129, теперь – 123, а технические культуры и животноводство повышаются: было 135, теперь 140. По зерну падение, по животноводству и техническим

культурам повышение. В 1926 году индекс цен на зерновые культуры с 123 упал до 106. Индекс на продукты животноводства и технические культуры со 140 поднялся до 145. За первый квартал 1927–1928 г. по зерну 109 – почти такая же цифра, небольшое увеличение по сравнению с 1926–1927 годом; по техническим культурам уже 151 вместо 145. Вы видите, что за последние годы шло непрерывное раздвижение ножниц в отношении цен на зернопродукты, с одной стороны, и на продукты животноводства и технические культуры – с другой. Продажа зерна становилась наименее выгодной из всех возможных продаж со стороны крестьянского хозяйства.

Но я должен сказать, что невыгодное положение для зерновых культур создалось не только по линии этих рыночных отношений, но и по линии **налогового обложения**. Для зерна и здесь были созданы наиболее неблагоприятные условия. У меня нет достаточных цифр, чтобы выделить зерновые культуры, но я приведу вам некоторые данные, которые дают только очень приблизительное понятие относительно того, что я хочу подчеркнуть. Возьмем две наиболее крупные графы условно чистого дохода крестьянского хозяйства: «полеводство» и «неземледельческие доходы», в том числе и неземледельческие доходы кулацких хозяйств.

Полеводство занимает в общей сумме всего условно чистого дохода крестьянства 39,5%; неземледельческие же доходы, в том числе и нетрудовые доходы кулацких хозяйств, занимают 27,8%. Разница между этими цифрами не так уж велика, но если возьмем налоговое обложение того и другого, то получим такие цифры: доля полеводства в налогах равняется 66,59%, а доля неземледельческих доходов – только 5,2%. Тут, конечно, нужно иметь в виду зарплату строительных рабочих и другие доходы, которые обложением не улавливаются, но, несмотря на это, расхождение все же слишком большое.

Есть еще одно обстоятельство, касающееся резкого нарушения рыночного равновесия. Я указываю выше, что у нас имеется расхождение между циклом сельскохозяйственного производства и ходом промышленного производства. Но почему же крестьянин, который выручил осенью за свой продукт определенное количество денег, а промышленность к этому сроку (если у нее нет специальных резервов) не подоспела выбросить достаточное количество товаров, почему крестьянин не хочет ждать с этими деньгами, скажем, несколько месяцев, а предъявляет эти деньги сейчас же?

Это объясняется тем, что наши деньги еще не укрепили себя настолько, чтобы серьезно служить средством накопления. Крестьяне рассматривают деньги как средство платежа, как средство обращения, но еще не в достаточной мере как средство накопления. Наш крестьянин предпочитает скорее закупить на деньги товары, чем внести их в сберкассу. Система нашего кредита еще не крепка. Если бы она была крепче, если бы были крепче наши сберкассы, если бы эти кредитные рычаги были сильнее, тогда был бы другой оборот. Но этого нет. А поэтому, после того как известное количество денег оказывается на руках у крестьянина или если эти деньги у него остались от прошлого хозяйственного оборота, крестьянин их пускает непосредственно на рынок. Деньги эти не идут по каналам сберкасс, банков, кредита, а непосредственно начинают давить на рынок.

В результате этих причин мы получили сокращение предложения хлеба. С июля по декабрь включительно в прошлом году мы заготовили 428 миллионов пудов, а в этом году 300 миллионов, причем за декабрь этого года было заготовлено лишь 59% заготовок за декабрь прошлого хозяйственного года. Само собою разумеется, что дальнейшее развитие этого хлебозаготовительного кризиса грозило бы нам срывом всего нашего хозяйственного плана, срывом снабжения городов, срывом реальной зарплаты и целым рядом других, еще более крупных хозяйственных бед. Вот, товари-

щи, та картина, которая получилась, если рассматривать ее с чисто экономической стороны. Я намеренно начал свой доклад с указания на то, что экономическая сторона дела не может быть оторвана от социально-классовой стороны и обратно – социально-классовая не может быть оторвана от экономической стороны. Именно потому, что была создана такая экономическая конъюнктура и были нарушены основные рыночные пропорции, именно поэтому для кулаков, которые держали компактные массы хлеба в своих руках, – хотя отнюдь не главные массы – явилась возможность лучше маневрировать против нашей политики цен.

Кулак, несомненно, использовал конъюнктуру, причем наши заготовительные органы не оказались на высоте положения. Они объективно, независимо от своей воли помогали нашему противнику, поскольку не образовали единого заготовительного фронта, поскольку вместо того, чтобы сомкнуться тесными рядами, они конкурировали друг с другом, и иногда прямо-таки бешено конкурировали.

Таким образом, с экономической стороны мы имели нарушение основных хозяйственных пропорций и на базе этого известную, гораздо бульшую, чем прежде, экономическую активность со стороны кулачества, попытку его сомкнуться с середняком на основе определенной политики цен при попустительстве конкурирующих между собой заготовительных органов, при условии дискуссии в партийных организациях и при некотором непонимании местными организациями необходимости отпора нашему хозяйственному противнику всеми средствами, которые были в их распоряжении.

Вот картина тех хозяйственных затруднений и тех причин, которые привели к хлебозаготовительному кризису, грозившему привести к тяжелым народнохозяйственным последствиям.

Оппозиция и анализ наших затруднений

Прежде чем перейти к вопросу о тех мерах, которые принял ЦК для ликвидации хлебозаготовительного кризиса, я хотел бы поставить такой вопрос: не является ли тот анализ, который дал ЦК, некоторым приближением к тому, что говорила наша оппозиция? Не есть ли он, по сути дела, доказательство известного тезиса, который в свое время был выставлен Каменевым, а именно, что кулак «регульнул» наше хозяйство?[147]

Я, товарищи, представляю себе дело так, что тот анализ, который я здесь давал, как небо от земли отличается от оппозиционной точки зрения.

Как представляла себе оппозиция кулацкую опасность? Таким образом, что у нас капиталистические элементы растут быстрее социалистических, что нэпман и кулак постоянно и победоносно наступают на нас, а мы отступаем перед ними, что это имеет свои глубокие корни в технико-экономической отсталости нашей страны. Это увязывалось с известным тезисом о том, что мы и впредь будем вынуждены отступать, если нам не поможет государственно-организованный западноевропейский пролетариат. Вот смысл и корни оппозиционной «философии».

Мы же знаем, что дело обстоит совершенно не так. Мы знаем, что главнейшие рычаги хозяйственного воздействия находятся в наших руках, и владение этими рычагами делает нас непобедимыми с точки зрения внутренних отношений, если только мы не будем делать крупных ошибок. Кулак же представляет опасную силу в первую очередь постольку, поскольку он использует наши ошибки. Поэтому центр тяжести лежит в правильности нашей политики, и в первую очередь в установлении правильных хозяйственных пропорций. Если мы обеспечим правильные пропорции между основными элементами нашей экономики, поле для кулацкой контратаки чрезвычайно сузится, хотя, конечно, и не уничтожится целиком. Напротив, крупные просчеты,

чем бы они ни вызывались – простым ли арифметическим просчетом, или недостатком нашей статистики, или событиями партийной жизни (дискуссия), – делают кулака опасным классовым противником.

Пленум ЦК совершенно правильно отметил это обстоятельство. В его резолюции говорится:

«Таким образом, создавшаяся экономическая конъюнктура, использование ее со стороны кулачества, ошибки при выполнении операционного плана распределения промтоваров (опоздание с их завозом), ошибки планирования вообще (недостаточность обложения деревенской верхушки, чрезмерное расхождение цен на зерно и цен на другие продукты сельскохозяйственного производства и т. д.), временное отставание роста промпродукции, наконец – что играло крайне существенную роль – недостаточная организованность и активность аппарата (в том числе и партийного) привели в целом к крупнейшим хозяйственным затруднениям, развернувшимся на фоне громадного роста производительных сил и социалистического сектора, затруднениям, которые не имели бы места при своевременном, правильном сбалансировании основных элементов хозяйства и устранении недочетов хозяйственного и партийного аппаратов»[148].

Таким образом, ЦК в своей резолюции прямо сказал, что, если бы мы вовремя и без опозданий спланировали основные элементы хозяйства, правильно и своевременно приняли необходимые меры, мы не имели бы пережитых затруднений, кулак не был бы в состоянии срывать нашу хлебозаготовительную политику.

Не сваливая с больной головы на здоровую, мы прямо говорим, что в значительной мере виноват наш «аппарат», аппарат не в узком смысле этого слова (тот или другой советский орган сделал такую-то ошибку), а в широком смысле слова: виноват аппарат, планирующий хозяйство. Мы плоховато спланировали. Отвлеченные дискуссиями, мы наделали ошибок, запоздали, и это дало возможность нашему противнику, который в других условиях не мог бы ничего серьезного против нас сделать, одержать кое-какие (временные) успехи, которые были сведены на нет решительными мерами партии.

Оппозиция утверждала, что мы без помощи Западной Европы погибнем. Мы же утверждали и утверждаем, что у нас есть «все необходимое и достаточное» для победоносного движения вперед. Она говорила, что мы отступаем. В действительности мы растем и наступаем. Она говорила, что наш классовый противник растет и нам нужна внешняя помощь, чтобы как-нибудь вывернуться из затруднительного положения. В действительности же главное дело в наших ошибках, просчетах, в том, что мы не умеем еще достаточно хорошо планировать, делаем промахи, запаздываем, отчасти и потому, что не умеем еще вовремя предупредить такие вещи, как дискуссия, и тем самым даем некоторые козыри нашему противнику.

«Регульнул» ли нас кулак?

Скорее, мы сами себя регульнули, плохо спланировали и тем самым, повторяю, дали известные козыри в руки своему противнику, который ловит каждый наш зевок, использует любую промашку, переходит в контратаку на том участке фронта, где мы не поставили достаточно высоких барьеров.

Мероприятия ЦК партии

После того как наша партия справилась с оппозицией и, ликвидировав внутреннюю болезнь, переключила свою энергию на фронт деловой работы, обнаружились критические явления в области хлебозаготовок, сигнализировавшие необходимость принять экстренные и исключительные меры.

ЦК был поставлен в условия, когда нужно было во что бы то ни стало решить задачу хлебозаготовок всеми возможными средствами, ибо срыв хлебозаготовок дал бы себя почувствовать и мог бы в конечном счете привести к серьезным политическим колебаниям. Надо было принять экстренные меры. Совершенно естественно, что из того анализа причин кризиса хлебозаготовок, о котором я вам говорил, вытекали и меры, к которым должен был прибегнуть ЦК для того, чтобы выправить фронт хлебозаготовок.

Поскольку основной причиной затруднений являлась диспропорция на рынке, ЦК должен был в срочном порядке бросить в деревню добавочное количество промышленных товаров, не останавливаясь перед временным оголением промышленных центров.

Кроме того, мы должны были предпринять ряд мер, которые смягчили бы перевес денежного спроса со стороны деревни.

Мы провели добавочное обложение верхних слоев деревни, что являлось непосредственным социально-классовым нажимом на верхушку деревни[149].

Мы провели заем укрепления крестьянского хозяйства, который производительно размещается в деревне, и закон о самообложении, преследующий удовлетворение деревенских нужд[150]. Мы ударили по враждебным классовым силам, которые организовали борьбу против нас, – по кулакам и скупщикам. Сюда относится применение 107 статьи[151]. Затем раздача деревенской бедноте 25% (в других местах был другой процент) конфискуемого хлеба[152]. Дальше шли мероприятия по линии создания единого фронта хлебозаготовителей, а затем чрезвычайные мероприятия по линии проверки и чистки советского аппарата от тех элементов, которые срослись или полусрослись, или дружат с кулацкими слоями в деревне и т. д. Мы провели громадную мобилизацию партийных сил, приведя в движение весь партийный аппарат, что в конечном счете оказало решающее влияние на ход хлебозаготовок. Крайние и экстраординарные меры получили свое историческое оправдание в том, что удалось усилить темп хлебозаготовок и добиться того, что в итоге количество заготовительного хлеба превышает заготовки прошлого года за тот же период.

После января у нас начался известный нажим, и сразу же было отмечено быстрое увеличение хлебозаготовок. В сентябре и октябре мы имели нормальные хлебозаготовки, несколько превышавшие хлебозаготовки прошлого года за те же месяцы. В ноябре мы имели уже падение, в декабре мы имели чрезвычайное падение, примерно вдвое. После этого начали выравниваться и, в конце концов, к апрелю месяцу догнали прошлогодние цифры.

Нужно иметь в виду, что мы должны продолжать хлебозаготовительную кампанию сравнительно быстрым темпом и в остающиеся месяцы для того, чтобы в общем балансе за весь год добиться необходимого хозяйственного эффекта.

Так называемые перегибы и дальнейшее наступление на кулачество

Само собою разумеется, что перед каждым членом партии встает наряду с этим вопрос и относительно политического результата этих мероприятий, а затем относительно практической подготовки следующего операционного года. Как нам нужно готовиться к следующей хлебозаготовительной кампании? В каком соотношении стоят эта хлебозаготовительная кампания и те чрезвычайные меры, которые мы приняли, к намеченной XV съездом линии партии? Эти вопросы имеют, конечно, большое значение.

Судя по докладам с мест различных товарищей, мы можем отметить, что за время хлебозаготовок партийные и советские аппараты в деревне улучшились. Ослабели

и в ряде мест серьезно разбиты позиции кулачества, серьезно двинулась вперед работа среди деревенской бедноты, чрезвычайно поднялась активность бедняков и середняков. Можно сказать, что мы вышли из затруднений без осложнения отношений с основной массой середняцких слоев крестьянства, но отношения с верхушечной частью середняцкого крестьянства несколько обострились. В общем балансе по политической линии мы вышли с плюсом. И отсюда нужно сделать известный политический вывод для нашей будущей работы. Мы должны понимать, во-первых, смысл линии, принятой XV съездом нашей партии, во-вторых, значение и место экстраординарных мер, которые диктовались совершенно исключительной, чрезвычайно обостренной хозяйственной обстановкой, и, в-третьих, необходимость решительной борьбы с различными перегибами, извращениями нашей политической линии и наших экстраординарных мер. За такие извращения – самые крутые репрессии по отношению к тем или другим местным деятелям советского и партийного аппарата.

В чем же заключались эти перегибы? Об этих перегибах, между прочим, сказано и в резолюции, принятой пленумом ЦК и ЦКК: «Эти извращения и перегибы, допущенные местами со стороны партийных и советских органов, подлежат самой категорической отмене, и партия обязана объявить им самую решительную борьбу, ибо они грозят дать длительный отрицательный как экономический, так и политический результат». С точки зрения политического существа, эти перегибы можно определить как мероприятия, которые ударяли не только по кулаку, но и по середняку и которые часто являлись сползанием на рельсы продразверстки. Такие перегибы бывали в целом ряде мест. Они не изжиты, пожалуй, до сего времени, хотя соответствующие директивы Центрального Комитета неоднократно предупреждали партийные организации против них. Сюда относятся такие меры, как конфискация без суда хлебных излишков или запрещение вообще вольной продажи и покупки хлеба, запрещение вольного хлебного рынка, разного рода обыски для выявления излишков, установление в ряде пунктов заградительных отрядов, принудительное размещение займа и другие «фокусы», которые местные работники выдумывали. Например, скажем, при выдаче денежных переводов в деревне определенное количество выдается деньгами, а другое количество – облигациями займа.

Эти перегибы должны быть прекращены во что бы то ни стало. Кое-где мы имели настоящие эксцессы, насильственные меры, за которые в некоторых местах пришлось несколько человек даже расстрелять.

Центральный Комитет отметил, что политические перегибы указанного выше типа, приближающиеся к продразверсточным методам, неизбежно должны дать «длительный отрицательный как экономический, так и политический результат»[153]. Почему? Потому что они могут подорвать самые основы нашего хозяйственного развития. Если, например, были такие случаи, что вводился прямой товарообмен, т. е. за деньги не давали промтоваров, а только за хлеб, что это означает? Ясно, что это подрывает нашу валюту, потому что в таком случае наши деньги – наполовину не деньги.

Правда, если мы принудительно размещаем заем, государство от этого кое-что получает, но если рассматривать это дело с точки зрения перспектив, то какой же кредит возможно основывать на такой базе, когда ты всучиваешь насильно тот или иной заем? Ясно, что при таких условиях толковать о привлечении мелких сбережений в сберкассы или вкладов в кооперацию или требовать, чтобы люди вносили сбережения в банк, – абсолютная бессмыслица. А мы все время говорим, что мы должны вести такую политику, в результате которой мелкие сбережения крестьянства всасывались бы в наши кредитные учреждения.

Здесь весьма уместно вспомнить отмеченный нами выше факт о том, что у нас и

так чрезвычайно мало развита роль денег в качестве орудия накопления, в качестве средства сбережения. Между тем всякие меры, подрывающие нашу кредитную систему, еще более сузили, парализовали бы эту роль денег. А это, в свою очередь, означало бы, что деньги постоянно выбрасывались бы на рынок и обостряли бы рыночные диспропорции. Таким образом, подрывая кредитную систему (всякими «перегибами» и «перегибками»), мы получили бы в будущем году расширенное воспроизводство нынешних трудностей.

Следовательно, перегибами подрываются самая система кредита и товарность нашего хозяйства. Если прибегать к продразверсточным методам, то у середняцких масс теряется стимул расширять свое производство, выбрасывать большое количество товаров на рынок, товарооборот между городом и деревней будет сокращаться, т. е. мы с точки зрения перспективы развития проигрываем наверняка.

Но я здесь должен указать также и на то, что в теперешней обстановке имеется кое-что существенно новое по сравнению с прошлыми годами. Это новое мы должны внимательно проанализировать. Я хотел бы остановиться сперва на решениях XV съезда. Когда мы переходили к нэпу «всерьез и надолго» и потом, когда мы сражались с оппозицией, мы все время исходили из того, что новая экономическая политика никакой отмене не подлежит. И сейчас это положение остается: нэп никакой отмене не подлежит.

Но мы должны ставить вопросы «не вообще», а в применении к теперешнему времени. Мы, конечно, никогда не мыслили нэп таким образом, что мы отказываемся от воздействия на рыночную стихию. Все мы помним положение Ленина о том, что капитализм-то мы допускаем в определенных пределах, но что мы его регулируем, причем мера и глубина регулирования определяются нами, советским государством. Мы знаем также, что новая экономическая политика сама в себе таит корни своего собственного преодоления, т. е. победы социализма. И вот, если мы так подойдем к решениям нашего XV съезда, то можем ли мы сказать, что XV съезд партии только повторил XIV съезд или XIV партконференцию? Нет, мы этого сказать не можем. Мы говорили накануне XV партийного съезда, что нам необходимо повести политику форсмирования нашего наступления на кулачество, политику решительного усиления социалистического сектора в деревне, потому что мы укрепили союз с середняком, мы укрепили командные высоты и т. д.[154] Но XV партсъезд дал отчетливые указания и по линии конкретных экономических форм и мер в этой борьбе. Внес XV съезд партии что-нибудь новое? Да, внес. Как можно формулировать это новое? Не в основе самой политики, не так, чтобы до XV съезда была одна политика, а после него – совсем другая. Новое, что внес XV съезд в нашу экономическую политику, приблизительно, грубо схематически (я подчеркиваю эту оговорку) нужно формулировать так, что XV съезд сделал известный, довольно крупный шаг в сторону усиления методов прямого регулирования, усиления борьбы с кулачеством, усиления коллективизации сельского хозяйства. XV съезд особенно подчеркнул необходимость производственного кооперирования крестьянского хозяйства, особенно подчеркнул значение контрактации для коллективизации сельского хозяйства, особенно подчеркнул необходимость классового распределения машин, необходимость ограничения аренды и ряд других вещей. Все это находит свое разумное обоснование в тех сдвигах, которые произошли в нашей стране за последние годы, сдвигах, усиливших позиции социализма (между прочим, этого точно так же не понимала покойная наша оппозиция).

Однако решения XV съезда не снимают, конечно, того положения, что базой отношений между городом и деревней, роста производительных сил в нашей стране является пока что товаризация сельского хозяйства. Проблема товаризации, конечно,

еще не снимается. Мы должны сказать, что рост товарооборота между городом и деревней является положительным фактом и заслуживает нашей поддержки.

Или, скажем, снимается ли такой вопрос, как вопрос об индивидуальном трудовом накоплении в сельском хозяйстве? Нет, еще не снимается. Решения XV съезда нашей партии его не снимают, решения XV съезда нашей партии не ставят на этом вопросе крест, эти решения не говорят о том, что мы сейчас стоим против накопления в индивидуальном трудовом крестьянском хозяйстве. Это было бы совершенной бессмыслицей. Однако уже сейчас, владея целым рядом все возрастающих у нас рычагов, мы должны более солидно, чем до сих пор, более сильно, чем до сих пор, с гораздо большими затратами средств, энергии, материальных ресурсов и всего прочего повести линию на переход к коллективно-производственным объединениям в деревне.

Две тенденции

В соответствии с этим нужно сказать, что мы сейчас можем прощупать две возможные тенденции. Одна тенденция – консервативная тенденция аппарата, который не видит нового, который считает, что XV съезд нашей партии – это то же самое, что XIV, что 1928 г. – это то же самое, что, скажем, 1925 г. С другой стороны, мы видим известную тенденцию к перелету, к игнорированию меры, к известному перескоку через те необходимые этапы, через которые мы неизбежно должны пройти. То, что я назвал консервативной тенденцией, тенденцией, которая сопротивляется новому, хочет, по сути дела, остаться даже за пределами того, что было до XV съезда, – эта тенденция имеется у людей, которые не видят новой ступени в развитии самой новой экономической политики, не видят и не понимают новых возможных форм хозяйственного развития, не видят необходимости нажать на производственное кооперирование середняцкого и бедняцкого хозяйства, не видят необходимости форсированного наступления на кулака, не верят в возможность реального успеха в деле такого наступления. Хлебозаготовки выявили такую прослойку нашего аппарата, которая потеряла классовое чутье, не хочет ссориться с кулаком. Это – полуобывательская идеология.

С другой стороны, мы наблюдаем иногда и перелеты через определенные необходимые этапы, что выражается, скажем, в непонимании преходящего, условного характера экстраординарных мер. Иные думают, что эти меры являются почти что нормальными; имеется склонность отрицать важность роста индивидуальных хозяйств или переоцениваются вообще методы административного порядка, забываются иногда различные хорошие вещи, которые необходимо всегда помнить, например о среднем крестьянстве. Усиление коллективизации некоторыми понимается чрезвычайно примитивно, в результате чего «коллективы» организуются чуть ли не по разверстке. Есть сведения, что, заполучив денежки, люди их забивали в лжеколлективы, набирали в коллективы с бора да с сосенки, попадали туда и кулачки. Эти перелеты представляют собой крупную отрицательную величину, которая должна быть изжита.

Мы должны идти вперед, мы будем идти вперед, но нужно всегда иметь хороших вахтенных, чтобы сигнализировать опасность и своевременно принимать меры к ее устранению, потому что каждая катавасия внутрипартийного характера или хозяйственная обходится в копеечку и имеет крайне отрицательные – и экономические, и общеполитические – результаты.

Как не следует балансировать

Перехожу к вопросу о ближайших задачах нашей партии в этой области. Эти задачи в основном уже должны быть ясны из того, что я сказал.

Главное и основное в области хозяйственной политики, что для нас должно стоять в центре наших забот при определении наших планов на ближайший операционный хозяйственный год, это вопрос, как правильно сбалансировать основные хозяйственные элементы.

Как же, в самом деле, сбалансировать эти основные хозяйственные элементы?

В нашей стране имеется течение, которое мы держим под обстрелом, течение, идущее из кругов ученых-специалистов народнического типа: Кондратьева, Вайнштейна[155] и др., в руках которых находился журнал Конъюнктурного института при Наркомфине[156].

Бюллетень этого Конъюнктурного института оценивал положение вещей таким образом, что все беды, мол, в нашей стране происходят от курса на индустриализацию: слишком быстрый темп индустриализации страны, не связанный, по мнению этих спецов, с реальным темпом накоплений во всей стране и в крестьянском хозяйстве, этот курс есть главный виновник всех бед и несчастий. Прямой вывод, который они делают из всего этого, – необходимость дать отбой назад, пересмотреть генеральный курс на индустриализацию страны.

В последнем номере Бюллетеня Конъюнктурного института был помещен ряд статей, подписанных Кондратьевым и Вайнштейном и целым рядом других лиц, где они по разным линиям обосновывали такого рода анализ и соответствующие политические и экономические выводы. Я приведу выдержку из статьи Утца: «Из ведущего фактора оздоровления народного хозяйства она (наша промышленность. – Н. Б.) в возрастающей степени стала ведущим фактором новых осложнений и затруднений». Итак, все беды происходят от политики индустриализации.

Значит, делают они вывод, нужно сократить решительным образом темп индустриализации. Это с одной стороны. С другой стороны, тот же автор предлагает изменить курс на повышение заработной платы. Он говорит, что нужно уменьшить спрос, идущий в первую очередь от городского рабочего населения, и поэтому нельзя раздувать фонд заработной платы, нужно сократить заработную плату.

Другой автор, Вайнштейн, говорит, что нужно поднять цены на хлеб и поставить перед собой задачу развития хуторского землепользования. Вместо коллективов – хуторское землепользование.

Отмена курса на индустриализацию, отмена курса на повышение зарплаты, курс на снижение зарплаты и курс на повышение хлебных цен, в первую очередь для хуторских хозяйств, – вот их линия. Если рассматривать задачу балансирования отдельных элементов хозяйства как математическую задачу, можно сбалансировать по-разному, но только такое сбалансирование, которое предлагается Кондратьевым, Утцом и другими, будет означать не что иное, как решительный сдвиг от индустриализации страны в сторону окулачивания страны. Это абсолютно ясно. А в социально-классовом смысле это означает ослабление позиций рабочего класса, который урезывается и со стороны своей промышленной базы, и со стороны непосредственного количества материальных средств, которые он получает в виде заработной платы, и наряду с этим усиление экономической мощи верхушечных, наиболее зажиточных слоев нашей деревни. Это совершенно откровенная кулацкая программа, в результате которой соответствующий научный орган «приказал долго жить». Этот «метод сбалансирования», само собою разумеется, никак не может стать предметом дискуссии в нашей партии,

он решительно отбрасывается ею. Я упомянул о нем здесь только для того, чтобы отметить самый факт выявления идейных позиций таких интеллигентских групп, которые, несомненно, выражают собою соответствующие интересы верхушечных, кулацких слоев нашей деревни.

Можно поставить вопрос об оппозиционном методе сбалансирования нашего хозяйства для выхода из тех затруднений, о которых я говорил: я разумею политику повышения цен на промтовары. Это есть тоже один из возможных методов сбалансирования, потому что если мы перейдем к политике высоких цен на промтовары, то мы для короткого промежутка времени получим плюс на нашей стороне в виде увеличения накопления, получим сокращение платежеспособного спроса на другой стороне.

В этом вопросе у нас с оппозицией глубочайшие расхождения, здесь лежит один из главнейших водоразделов, который проходил между нами и оппозицией. Мы должны, несмотря на наши хозяйственные затруднения, отвергнуть и этот метод сбалансирования, т. е. метод сбалансирования путем повышения цен на промтовары. Мы должны его отвергнуть потому, что мы тогда стали бы на путь монопольного загнивания нашей промышленности, мы поставили бы в затруднительное положение рабочий класс, способствуя этим снижению реальной зарплаты. Этот метод не только не означал бы шага вперед, но потащил бы нас в некотором отношении назад, к временам военного коммунизма. Мы рисковали бы при этом уменьшить товарооборот между городом и деревней и уничтожить побудительный стимул для нашей промышленности к снижению себестоимости и пр., не говоря уже о том, что мы укрепили бы положение зажиточных слоев деревни и ухудшили бы положение бедняцких и середняцких слоев. Значит, этот метод сбалансирования, по всем этим причинам, о которых мы достаточно говорили уже во время нашей дискуссии перед съездом, мы точно так же должны отвергнуть.

Правильный путь

Наш план сбалансирования заключается, во-первых, в повышении налоговых ставок на верхушечные слои, в улавливании тех неземледельческих доходов, которые у нас улавливаются до сих пор очень мало. Перед нами стоит задача увеличения промтоварной продукции. Несмотря на все трудности, которые эта задача на нас наваливает, для нас обязательно расширение предложения промтоваров, исходя из того, что у нас сейчас в деревне нужен не только миткаль, а и другие товары, в том числе товары, которые значатся не в отделе «Б», т. е. не в отделе производства предметов широкого потребления, но и в отделе тяжелой индустрии. Следовательно, необходимо расширение контингента направляемых в деревню промтоваров и переход, поскольку речь идет о широком товарном рынке, на рельсы другого ассортимента, ибо структура спроса со стороны деревни не та, что была раньше.

Необходимо добиться повышения эффективности наших капитальных затрат в достижении в меньший срок больших результатов. Нужно сказать, что по обследованию РКИ капитального строительства видно, что у нас значительные суммы капитальных вложений далеко не эффективно применяются. Усилить эффективность их применения, укоротить срок строительства новых промышленных предприятий и тем самым приблизить их непосредственное функционирование, целесообразно и своевременно использовать заграничное оборудование – является нашей крупнейшей задачей.

Наконец, нам необходимо сбалансировать основные элементы нашего хозяйства и по линии более правильного соотношения, и производственного и рыночного, меж-

ду зерновыми культурами и техническими и продуктами животноводства. Это задача общего характера, но важнейшая по существу. У нас еще статистика крайне слабо поставлена, и на протяжении короткого, сравнительно небольшого отрезка времени она дает различные цифры. Нам нужно крайне подтянуться для того, чтобы получить более достоверный материал и более достоверные цифры, но особенно нужно это сделать специально по линии промышленных товаров. Нам нужно озаботиться, чтобы за летнее время не уменьшался бы выпуск промышленной продукции и чтобы ко времени реализации урожая мы накопили бы определенный товарный резерв для маневрирования в хлебозаготовительной кампании.

Политические и организационные решения

Примерные подсчеты на будущий хозгод дают нам большую надежду, что это сбалансирование может удаться. Объективные основания для этого имеются. Нам необходимо принять, с другой стороны, ряд организационных мер по линии подготовки к будущей хлебозаготовительной кампании. Точные решения по этому вопросу содержатся в резолюции. Главное мероприятие, которое там указано, идет по линии образования единого государственного заготовительного аппарата. Создается соответствующая организация, которая объединяет различные республиканские организации вместе с бывшим Хлебопродуктом в одну большую организацию – Союзхлеб. Точно устанавливаются соотношения между другими организациями второстепенного порядка и этим универсальным заготовителем хлеба. Главная суть заключается здесь в том, чтобы парализовать те отрицательные стороны, которые резко проявились в текущую заготовительную кампанию (преимущественно раздробленность фронта заготовителей и конкуренция между ними) путем организации единого центра, путем единства заготовительных операций.

Хлебозаготовительная кампания, безусловно, взбудоражила деревню. Она улучшила наши отношения с беднотой, ослабила кулака, в общем и целом удержала нас в крепком союзе с середняком, но верхушка последнего сейчас, безусловно, до известной степени нами недовольна. Нам нужно выровнять наши отношения с середняцким крестьянством до конца. Нам нужно использовать пробужденную активность бедняцких и середняцких слоев деревни, чтобы дальше вести нашу атаку против кулачества. Нам необходимо во что бы то ни стало усилить нашу массовую работу. Нам необходимо закрепить позиции бедноты и продвинуться дальше. Необходимо дальше укреплять наш союз с середняком.

Нам необходимо помнить, как говорит резолюция, принятая пленумом ЦК, что «экстраординарные» меры должны быть ликвидированы постольку, поскольку исчезают трудности данной хлебозаготовительной кампании. Разумеется, что если бы мы опять попали в такое положение, мы не откажемся от экстраординарных мер. Однако центр тяжести хлебозаготовительной работы лежит в том, чтобы в будущий операционный хозяйственный год мы вошли с наилучшей общехозяйственной обстановкой. Если этих наилучших условий и правильного сбалансирования элементов народного хозяйства нам удастся достигнуть, а мы имеем основания надеяться на такую удачу, то нам не понадобятся «экстраординарные» меры, какие понадобились в текущем хозяйственном операционном году.

Итак, в чем политический результат и ближайшие задачи? В том, что мы деревню встряхнули, что бедноту усиленно организуем, что на кулака нажали, что сейчас приступили в гораздо большей степени, чем до сего времени, к строительству различных форм коллективного хозяйства в деревне; в том, что мы сейчас изо всех сил долж-

ны продолжать нашу строительную работу в деревне и всячески ее усиливать, что союз с середняком отнюдь не потерял того огромного значения, которое он имел раньше, в особенности ввиду того, что мы не только должны здесь повторять старое, но должны постепенно делать новые шаги вперед, чтобы середняцкое крестьянство постепенно, в меру целесообразности, в меру средств и сил, в меру показа настоящего коллективного хозяйства, вводить точно так же в русло производственного кооперирования, не говоря уже о все растущей необходимости строить кооперацию вообще – и потребительскую, и сельскохозяйственную.

Вот, товарищи, задачи, которые вытекают из уроков хлебозаготовок и которые в общем и целом встали перед ЦК и были им разрешены.

Позвольте мне перейти ко второму вопросу объединенного пленума ЦК и ЦКК.

II
ШАХТИНСКОЕ ДЕЛО[157]

Шахтинское дело, конечно, имеет значение не только для Донбасса, это есть дело общесоюзного размаха и общесоюзного значения. И точно так же, как, исходя из конкретных фактов в вопросе о хлебозаготовках, ЦК должен был обсудить важнейшие вопросы нашей внутренней политики, так же, исходя из шахтинского дела, мы неизбежно пришли к постановке крупнейших вопросов нашей рабочей политики, нашей политики по отношению к технической интеллигенции, нашей внутрипартийной и нашей профсоюзной политики и т. д. и т. д.

Что произошло в Донбассе?

Я постараюсь остановиться на самых важных и на самых основных моментах. Органы ГПУ при помощи рядовых рабочих раскрыли в Донбассе вредительскую организацию, которая через ряд посредствующих звеньев была связана с иностранным капиталом, с крупными иностранными капиталистическими организациями, с эмигрантскими кругами, наконец, с военными штабами некоторых иностранных держав. Она состояла в значительной мере из бывших собственников соответствующих шахт и рудников, причем некоторые из них имели очень гнусный контрреволюционный стаж и осели, работая в качестве спецов, в наших учреждениях. Она состояла из белогвардейских инженеров и техников, из которых многие оказались бывшими деникинцами, некоторые бывшими контрразведчиками Деникина. Она имела свой центр, своих людей в Москве, Харькове и ряде других городов. Она имела связь через некоторых иностранных инженеров с заграницей, причем некоторые из этих инженеров оказались членами фашистских организаций, в частности организации германского Стального шлема[158].

Идеологией этой организации являлось свержение советской власти, восстановление капиталистического режима, в частности передача Донецких рудников бывшим шахтовладельцам. Ближайшей их задачей была решительная спекуляция на войне и на новой интервенции. Все это стало известно из показаний некоторых арестованных, так называемых спецов и инженеров. Некоторые из арестованных инженеров говорили, что их организация пережила несколько этапов в своем развитии и что последний этап связан с нажимом на Советский Союз со стороны капиталистических держав. Свержение советской власти с этого времени стало почти официальной платформой этой организации.

Действия и средства этой организации были самые различные. Саботаж в самых различных видах и формах. Заказы по негодным планам совершенно несоответствую-

щего оборудования, выпуск не того оборудования, которое нужно; перестановка его: станки с одной фабрики увозятся на другую, а там эти станки оказываются непригодными; закрытие рентабельных шахт, приносящих большую пользу, и открытие нерентабельных шахт; нерациональное распоряжение материальными ресурсами, оборудованием, рабочей силой, техникой и т. д. Все это, так сказать, наиболее мягкие формы. Более свирепые формы – сознательная порча и затопление шахт, порча заводов, непосредственная разрушительная деятельность вплоть до взрыва турбин. Гнусное и провокационное отношение к рабочим, нарушение не только всех кодексов законов о труде и проч., но и часто прямая политика провоцирования конфликтов.

Это значит, что и по отношению к новому строительству, и по отношению к плану, и по отношению к физическому существованию машин и средств производства, и по отношению к живой рабочей силе – по всем областям, в которых можно вредить делу советского социалистического строительства, велась подкопная подрывная «работа», причем все это прикрывалось так называемым хорошим отношением к коммунистам, т. е. очень часто была смычка с хозяйственниками, верхушкой профсоюзников и коммунистов, которая усыпляла классовую бдительность наших работников. Фактически эти люди водили наших хозяйственников, профработников, коммунистов – верхушку их – в буквальном смысле за нос.

На что обратить сугубое внимание

Я уже не говорю о том, что не исключена возможность существования организаций, подобных этой, в других областях; нет гарантии, что такая гнусность не завелась в военной промышленности или в химической; хотя прямых данных для этого предположения нет, но во всяком случае это не исключено. Но самое поразительное, на что мы должны обратить сугубое внимание, это то, что, несмотря на существование такой организации, Донецкий бассейн за последнее время все рос и рос, достигая рекордной цифры в своем производстве. Работая в невероятно тяжелых условиях, когда административные верхушки и командующие техники, во всяком случае многие из них, находились в стане врагов, рабочие на фронте производственно-классовой борьбы делали все что могли. И Донецкий бассейн рос, приобретая все большее значение как огромная производственная единица в нашей стране, давая рекордные цифры своей производительности. Это первое обстоятельство говорит о глубоком, неисчерпаемом запасе революционных сил пролетариата.

Второе, отрицательное, сугубо отрицательное обстоятельство заключается в том, что в течение целого ряда лет эта шайка действовала и в течение ряда лет наши хозяйственные и профсоюзные органы не заприметили существования этой организации. Больше того, рабочие, обыкновенные рядовые рабочие, 20 тысяч раз говорили партийным, профсоюзным, советским организациям, что дело неладно; на этой почве был целый ряд конфликтов, и все же, несмотря на то, что рабочие тысячу раз поднимали тревогу, несмотря на это, партийные, советские и профессиональные организации, а также хозяйственники оказались тупы, глухи и преступно небрежны по отношению к рабочим, которые указывали на эту опасность. Вот две вещи, которые сразу вырисовываются перед нашими глазами.

Какие вопросы ставит шахтинское дело?

Это дело ставит – как я об этом говорил – крупнейшие вопросы. Прежде всего, ставится вопрос об отношении между партией и беспартийной массой, об отношении между беспартийными рабочими массами и профессиональными организациями, об

отношении между профессиональными организациями и хозяйственниками, об отношении между партией, профессиональными союзами и хозяйственниками и т. д. Все эти вопросы, не говоря уже о специальном вопросе, а именно вопросе об отношении к технической интеллигенции, имеют огромное значение. В самом деле, что говорит шахтинское дело, если посмотреть в корень? Оно говорит, что вся система приводных ремней – массы, класс, профсоюзы и советы, партия – была нарушена. Налицо был отрыв партийной организации от рабочих масс, профсоюзной организации от беспартийных рабочих масс и хозяйственников от этих рабочих масс. Ведь нужно же действительно совершенно оторваться от жизни рабочего, чтобы проглядеть все безобразия, обнаруженные нашей комиссией, которая, в составе Томского, Молотова и Ярославского, работала там перед пленумом ЦК. Из докладов этих товарищей с полной ясностью обнаружилось, что нужно было быть геройски настроенными рабочими Донецкого бассейна, чтобы выносить все то, что пришлось им вынести.

Начну с партии. В ряде обследуемых мест партийные органы потеряли классовое чутье по отношению к технической интеллигенции. На бытовой почве отдельные члены партии срослись или полусрослись со спецами, местами создался ненормальный зажим внутри партийной организации. Это можно иллюстрировать следующим сообщением из доклада тов. Ярославского: «На собрании актива Славянской парторганизации 22 марта во время прений по докладу тов. Мышкина о решениях ЦК ВКП(б) об Артемовской организации в президиум посыпались записки, в которых спрашивали: можно ли в выступлениях касаться отдельных ячеек и хозяйственников? Затем вышел один товарищ и, обращаясь к собранию, сказал: «Вот мы теперь говорим, а почему мы раньше молчали?» Все собрание, свыше 500 человек, отвечало: «Говорить не давали, зажимали рот». Нельзя было говорить ни о каком-либо хозяйственнике, ни о какой-либо ячейке. Во главе Артемовской организации стояла кучка переродившихся коммунистов, которые проделывали всяческие безобразия, от пьянства до насилий над женщинами. Вот вам организации! Ну, если такие явления существуют внутри партийной организации, то совершенно естественно, что это же распространяется и дальше. Может ли такая организация быть авторитетной и среди беспартийных рабочих масс, и среди профсоюзно организованных масс?

Пример № 2 из того же доклада Ярославского: «... как правило, партийные собрания были менее активны, чем беспартийные, и менее содержательны. Партийцы не освободились еще от настроений, которые были созданы продолжительным хозяйствованием артемовской партийной верхушки. Беспартийные собрания были не только более активны, они выявляли значительный интерес беспартийных рабочих к задачам нашего строительства и искреннее желание исправить недочеты. Эти же собрания обнаруживали, что беспартийные массы очень хорошо осведомлены об отрицательных сторонах партийных организаций и очень мало знают о положительных сторонах партийных организаций»!

Если такая структура сложилась внутри партийной организации, то естественно было и соответствующее отрицательное влияние на беспартийную массу. И тем не менее, говоря словами доклада товарища Томского, шахтинские события, все ошибки нашей организации не подорвали авторитета партии и советской власти в глазах рабочих-горняков. Они горячо и сознательно любят производство, искренно и безгранично их доверие к ВКП(б) и советской власти. На этом, на доверии к центру, на доверии к партии вообще, и жили в течение ряда лет.

Дальше, профсоюзы. Все наши обследования, произведенные членами ЦК и ЦКК, установили вопиющие факты не только по линии вредительства, но и по отношению к рабочему классу. Нормы, регулирующие положение рабочего класса, и в

смысле рабочего дня, и в смысле зарплаты, и в смысле непосредственного быта, и в смысле охраны труда и прочее, были опрокинуты. Я не могу здесь перечислять отдельные случаи, иногда вопиющие и совершенно возмутительные. Спрашивается, где же профсоюзы? Ясно, если партийная организация находилась на таком уровне, то соответствующим образом действовали и профсоюзы. Они тоже закостенели, в значительной степени оторвались от масс и, получив подкрепление у переродившихся верхушечных организаций партии, не развили должной активности. Что же касается наших хозяйственников-партийцев, то они оказались, как это видно из всех обследований, совершенно в плену у специалистов-вредителей.

Шахтинское дело и необходимость самокритики

Тов. Сталин в своей речи на пленуме выставил совершенно правильное тактическое положение, что сейчас мы твердо должны зарубить себе на носу необходимость самокритики; мы не должны зажимать и неумелую критику, потому что и в неумелой критике частью заключено здоровое зерно, а требование, чтобы каждая критика оказывалась верной на все сто процентов, означает удушение всякой критики. Надо двигать дело самокритики энергичнее. Только таким путем мы можем сломить то закостенение, которое проникло в некоторые звенья нашего аппарата, приносит нам огромнейший вред и грозит поссорить нас с широкими массами. Нам нужно также обратить сугубое внимание на профсоюзы, на их работу. По шахтинскому делу ЦК разработал ряд мероприятий, которые я не буду здесь повторять, так как они всем уже известны из газет.

Одно только нужно особо подчеркнуть. Надо обратить максимум внимания на наши профсоюзы, ибо это самая широкая рабочая организация. Она сейчас меняется в своем составе. Недавно было обследование металлических заводов Украины. Что же оказалось? Оказалось, что иногда процент текучести рабочих доходит до 50 и даже до 80. Это значит, что у нас даже на крупных и крепких производственных единицах, в силу целого ряда причин, о которых я не буду здесь говорить, появляются новые пласты рабочих. Некоторые удивляются, высчитывая количество старых большевиков, которые вступили в партию до 1905 года, и ахают, что процент их падает. Но как же ему не падать, раз люди не могут жить вечно. То же и с рабочим классом. Нельзя же думать, что состав рабочего класса будет все тот же, как и 30 лет назад, – это абсолютный идиотизм. Рабочий класс будет вербоваться и из деревенщины, и из служащих, и из безработных. Наша задача заключается не в том, чтобы поставить здесь перегородку. Не в этом наша задача. Что это есть «охвостье» и «дрянь» рабочего класса – так нельзя ставить вопрос. Наша задача заключается не в том, чтобы отгородить себя и успокоиться, а в том, чтобы переработать по-пролетарски и по подобию своему новые слои рабочего класса. А профсоюзы, несмотря на то, что мы до сих пор кричим, этой задачи удовлетворительно не разрешают. Имейте в виду, что если бывает разрыв между коренниками-рабочими и верхушкой парт- или проф- или соворганизаций, то между новыми слоями рабочих и верхушкой разрыв будет в десять раз больше. И понятно почему. Тут надо сделать какое-то совершенно исключительное усилие, чтобы разбить бюрократическую коросту в наших профсоюзах, заставить их действовать более энергично. И должен сказать, что тут нужно немножко расширить самокритику. От нас зависит провести в жизнь эту критическую струю, заставить работников профсоюзов шевелиться. Это мы в силах и обязаны сделать, потому что, если мы не сделаем, будем вредить себе, будем сами в хвосте гнусных вредителей рабочего дела в советской республике.

Хозяйственники. Из всех обследований, которые были нами сделаны, из всего со-

вокупного материала, представленного различными органами, как я уже говорил, вытекает, что хозяйственники очутились на побегушках у буржуазных специалистов. И здесь директивы ЦК идут по двум линиям: во-первых, по линии увеличения прав хозяйственников по отношению к техническим директорам; а во-вторых, по линии повышения квалификации наших хозяйственников. По линии повышения технической квалификации ЦК счел необходимым дать директиву нашим хозяйственникам, чтобы они обучались тому производству, в котором они работают, обогащали свою практику, больше занимались самообразованием. Кроме того, ЦК дал директиву об ускоренной подготовке наших собственных техников и наших собственных специалистов через высшие школы, через заграничные командировки и пр. и пр. Разработанные детали этого вопроса вы найдете в принятой резолюции ЦК по шахтинском делу.

Укрепление пролетарской демократии

Дух, которым проникнута соответствующая резолюция, состоит в развертывании пролетарской демократии, производственных совещаний, в усиленном внимании к рабочему изобретательству, в отмене всяких нарушений наших правил, наших законов о труде и прочее, в заботах о мелочах, в орабочении наших аппаратов[159]. Это и есть та основа, на базе которой строится резолюция ЦК.

Товарищи, шахтинское дело является крайне ярким делом. Оно является крайне ярким делом особенно потому, что здесь непосредственно замешан иностранный капитал. Вы знаете, что после того, как мы арестовали несколько инженеров-иностранцев[160], против нас началась свирепейшая атака в Западной Европе. У нас резко ухудшились отношения с Германией. Против нас усилилась неистовая кампания за границей, увеличились попытки финансово-экономического бойкота и т. д. Но я, товарищи, должен отметить еще и другую сторону шахтинского дела. Звезда, гнусная звезда шахтинского дела находится в целом созвездии гнусных дел, которые заставляют нас кое над чем задуматься. У нас было рязанское дело, о котором говорил т. Молотов на XV съезде партии[161], было артемовское дело, о котором я упомянул, где отдельные партработники насильничали над женщинами, пьянствовали и т. д. У нас недавно вскрылось сочинское дело, где во главе обвиняемых стояли участники гражданской войны (я сам видел одного, который потерял ногу в гражданской войне, но который вместе с другими собутыльниками дошел до того, что секретарь комсомольской ячейки в порядке угождения начальству поставлял ему комсомолок). У нас было воронежское дело, где организовалась воровская нелегальная акционерная компания, которая занималась в буквальном смысле разворовыванием казенного имущества. После реализации складывали деньги в общую казну и имели паи, причем в шайке была связь и с парторганизацией.

Повторяю, если бы было больше самокритики, больше действительной демократии внутри партии, то такие прохвосты не гнездились бы так долго. Поэтому вся вместе взятая обстановка властно требует самокритики, большей внутрипартийной демократии, меньшего назначенства. В то же время она требует от нас решительного поворота партийной организации в сторону интенсивной работы среди широких масс, в сторону развития не только партийной, но и профсоюзной демократии, в частности подбора и выдвижения новых людей, чтобы не стала образовываться бюрократическая короста. Все это необходимо проделать. Отчасти в связи с этим Центральный Комитет вынес особое постановление относительно рассылки членов Центрального Комитета и Политбюро ЦК, а также наркомов и других центральных работников советской власти на работу на места сроком от $1^1/_2$ до 2 месяцев каждый год. Так как это

не какое-нибудь место встречи, а официальная резолюция пленума ЦК, то, мне кажется, есть достаточная гарантия того, что это решение будет выполнено.

И в хлебозаготовках, и в шахтинском деле не шибко много светлых моментов. Но нельзя ни на минуту забывать, что и наши затруднения с хлебозаготовками, и наши затруднения такого типа, каким является шахтинское дело, происходят на базе быстрого, теперь всеми признаваемого роста. Это не признак отступления или невозможности победоносного продвижения вперед или какой-то обреченности или невозможности дальнейшего существования без государственной помощи западноевропейского пролетариата и т. д. Все это неправда. В наших руках могучие рычаги дальнейшего строительства и воздействия на широчайшие массы. Мы имеем в своих руках средства исключительной силы для постройки хозяйственной, культурной и политической жизни нашей страны. И лишь благодаря нашей общей некультурности и ряду неувязок в нашем собственном организме мы то слишком забегаем вперед, то накреняемся на одну сторону, то обнаруживаем у себя под боком огромные провалы. Но во всяком случае мы идем вперед!

Если партийная организация под руководством ЦК твердой рукой исправит недостатки, которые были вскрыты двумя крупнейшими делами, то не может быть никакого сомнения, что по линии хозяйственного строительства, по линии консолидации сил рабочего класса, по линии укрепления нашего союза с середняцким крестьянством, по линии организации бедноты и беспощадной борьбы с кулачеством – наша партия будет идти к дальнейшим победам.

«Правда»
19 апреля 1928 г.
(№ 91)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Проект закона «Основные начала землеустройства и землепользования СССР» был утвержден на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 3 апреля 1928 г. и вынесен на обсуждение 3 сессии ЦИК СССР IV созыва (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 680. Л. 2).

[2] 15 сентября 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) определило «контрольную цифру» хлебозаготовок на 1927–28 гг. – 740 млн. пуд. зерновых хлебов (РГАСПИ. Ф.17. Оп. 3. Д. 651. Л. 3). 3 октября, на заседании коллегии Наркомторга, А. И. Микоян настаивал на плане «не менее 700 млн. пуд.». Его заместитель И. Я. Вейцер предлагал 610 млн. (см. подробнее: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 1. М. 1999. С. 88). СТО утвердил план хлебозаготовок на 1927–28 гг. в 695 млн. пуд. зерновых хлебов (РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 5. Л. 95).

[3] См.: Дополнение 1.

[4] Имеются в виду стабильные урожаи хлеба в 1925/1927 г., когда, по данным ЦСУ, было собрано 72,4, 76,6 и 71,7 млн. тонн зерна. Эти цифры совпадают с максимальными оценками современных исследований (см., например: Уиткрофт С., Девис Р. Кризис в советском сельском хозяйстве. Доклад на теоретическом семинаре «Современные концепции аграрного развития». – «Отечественная история». 1998. № 6. 1998. С. 97).

[5] На XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. А. И. Микоян обрисовал «зерновую проблему» так: «Если вся посевная площадь сельского хозяйства поднялась до 97% от довоенного, то зерновая площадь дошла лишь до 87%, в то время как площадь под технические культуры перевалила за довоенный уровень. Говоря о расширении посевных площадей под хлебные культуры, мы должны все свое внимание направить на важнейшие хлебные фабрики страны: Юг Украины, Северный Кавказ, Поволжье, Урал, Черноземную область, Сибирь и Казахстан. Вот хлебные фабрики нашей страны, которые питают и будут питать своими излишками страну и давать хлеб для экспорта» (XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. Часть II. М. 1962. С. 1097). Полгода спустя, 17 мая 1928 г., в докладе «О мерах по усилению экспорта», подготовленном для заседания Политбюро ЦК ВКП(б), А. И. Микоян привел другие данные посевов зерновых в 1927 г. – 95,6% от площади довоенного уровня (до 1913 г.). Согласно тому же докладу, наибольшее отставание экспорта СССР было по товарным, играющим важнейшую роль экспортным культурам – пшенице и ячменю. Причем не восстановленные довоенные площади под зерновые культуры (на 4,4%) давали недобор по зерновым культурам против довоенного уровня около 200 млн. пуд. При этом рост населения СССР по сравнению с 1913 г. на 14 млн. человек вызывал повышенный, против довоенного, расход потребления хлеба внутри страны на 250 млн. пудов (РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 5. Л. 184–188).

[6] Контрактация – договор между кооперативными или государственными организациями, с одной стороны, и крестьянами – с другой, который предусматривал заказ производителей на производство известного количества и качества с/х продукции и ее сдачу в установленные сроки на предусмотренных договором условиях. Контрактующие организации обязывались закупать продукцию по заранее установленной цене и авансировать крестьян денежными ссудами, семенами и орудиями производства, а также оказывать им агрономическую помощь. Договоры

о контрактации заключались как с коллективными, так и с единоличными хозяйствами. В СССР контрактация применялась с 1922 г., однако как основная форма закупок была введена в 1928/1929 г.

[7] Постановление СТО от 30 марта 1928 г. по докладу Наркомторга СССР снизило отпускные цены как по достаточным, так и по дефицитным товарам – хлопчатобумажным, суконно-шерстяным тканям, кожевенно-обувным товарам, спичкам, махорке, мешкам (РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 6. Л. 1).

[8] Товарный рубль – метод исчисления устойчивой счетной единицы для определения себестоимости и измерения товарных цен в условиях инфляции.

[9] Бонификация (от фр. bonification) – надбавка к обусловленной в договоре цене товара, если его качество оказалось выше.

Рефакция (от фр. rйfaction) – скидка с цены товара, если его качество оказалось ниже договорной.

[10] Экспорт из СССР в 1927–1928 гг. составлял приблизительно половину довоенного, отставая не только в количественном, но и в качественном отношении.

[11] Речь идет о насильственных, конфискационных методах хлебозаготовок, которые стали форсированно применяться после XV съезда ВКП(б). Основные документы, раскрывающие механизм «чрезвычайных» или «экстраординарных» мер хлебозаготовок, опубликованы (Трагедия советской деревни... Т. 1).

[12] Постановлением Политбюро ЦК КП(б)У от 30 декабря 1927 г. был поставлен вопрос о дополнительном импорте с/х машин «в связи с усилением хлебозаготовок на Украине». Ходатайство, поддержанное В. М. Молотовым, было внесено А. И. Микояном на рассмотрение Политбюро ЦК ВКП(б) 5 января 1928 г. (РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 5. Л. 51–53). Политбюро постановило «принять предложение ЦК ВКП(б) о дополнительном импорте тракторов на сумму в 5 млн. руб. в качестве поощрения развития хлебозаготовок... Дополнительный импорт осуществить к осенней пахотной кампании при условии 100%-го выполнения Украиной плана хлебозаготовок» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1772. Л. 3).

[13] Имеется в виду поездка И. В. Сталина в Сибирь 18 января – 4 февраля 1928 г., во время которой власти начали применять статьи Уголовного кодекса в качестве юридического обеспечения репрессий при хлебозаготовках. Для проведения чрезвычайных мер при хлебозаготовках в Сибири было дополнительно командировано в деревню около 4 тыс. человек.

См. также примечание 61.

[14] Ст. 107 УК РСФСР гласила: «Злостное повышение цен на товары путем скидки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок – лишение свободы на срок до одного года с конфискацией всего или части имущества или без таковой. Те же действия при установлении наличия сговора торговцев – лишение свободы на срок до трех лет с конфискацией всего имущества» (УК РСФСР. М. 1929. С. 64–65). Ст. 107 Уголовного кодекса, принятого в 1926 г., относилась к спекулянтам и перекупщикам. В январе 1928 г. И. В. Сталин предложил применять ее к «держателям хлеба», в том числе к крестьянам-производителям, отказывающимся сдавать хлеб заготовителям по «твердым», невыгодным для крестьян, заниженным ценам. Позицию Сталина по превращению указанной статьи в средство нажима на деревню для выполнения плана хлебозаготовок поддержали члены Политбюро. По статье 107 привлекали к суду владельцев не только излишков, но и бедняков, имевших страховые запасы зерна. А. И. Рыков со ссылкой на данные Наркомата юстиции указывал, что в апреле 1928 г. среди привлеченных к судебной ответственности по статье 107 кулаков и торговцев насчитывалось не более 2/3 («Правда». 15 июля 1928 г.)

[15] Самообложение – одна из форм добровольного привлечения средств сельского населе-

ния на финансирование хозяйственного и культурного строительства в деревне. «Закон о самообложении» был принят 29 августа 1924 г. (СЗ СССР. 1924. № 6. Ст. 69). Закон был заменен постановлением ЦИК и СНК СССР от 24 августа 1927 г. (СЗ СССР. 1927. № 51. Ст. 509), на основании которого было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке самообложения населения», опубликованное в «Известиях ЦИК СССР и ВЦИК» 8 января 1928 г. Решение о проведении самообложения принималось большинством голосов на общем собрании и было обязательным для всех жителей данного села. Для принятия решения простым большинством голосов требовалось присутствие на собрании не менее половины общего числа граждан селения, обладающих избирательными правами. Если сход не состоялся по причине неявки, то повторное собрание считалось действительным при любом количестве граждан. Самообложение допускалось как в денежной и натуральной форме, так и в виде трудового участия, но не должно было превышать 35% единого сельскохозяйственного налога. В постановлении схода определялись объекты, на которые можно было использовать средства, собранные по самообложению, права и обязанности местных органов власти (СЗ РСФСР. № 8. Ст. 73).

[16] Условия выпуска «Государственного внутреннего выигрышного займа укрепления крестьянского хозяйства» были определены постановлением ЦИК и СНК СССР от 30 декабря 1927 г. Заем выпускался на сумму 100 млн. руб. в облигациях на предъявителя достоинством в 10 руб. на срок с 1 февраля 1928 г. по 1 февраля 1931 г. с выплатой по облигациям 6% годовых. Предусматривалось 6 тиражей выигрышей (в январе и октябре каждого года, начиная с октября 1928 г.). Выигравшему предоставлялось право купить вне очереди на сумму выигрыша с/х орудия. 10% суммы займа, размещенной в каждом районе или волости, подлежали передаче в районный или волостной бюджет на удовлетворение местных с/х и культурных нужд (СЗ СССР. 1928. № 3. Ст. 24). В феврале 1928 г. ЦИК и СНК СССР постановили выпустить дополнительно облигаций на сумму 50 млн. руб. (СЗ СССР. 1928. № 14. Ст. 118). Тогда же первый тираж был перенесен с октября на июнь 1928 г. (СЗ СССР. 1928. № 14. Ст. 117). В апреле 1928 г. первый тираж был перенесен на середину мая (СЗ СССР. 1928. № 22. Ст. 192).

[17] Обзоры писем крестьян своим сыновьям, призванным на службу в Красную Армию, рассылались высшему руководству страны для информации о настроениях красноармейцев, формировавшихся в основном на почве деревенской жизни. В январе – марте 1928 г. из деревень различных районов страны шел поток жалоб: «нэп ликвидируется», «возвращается разверстка 1920 года», «выколачивают весь хлеб» и т. д. (Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 43).

[18] 18 февраля 1928 г. в «Правде» была опубликована статья «Власть имущие долгоносики», заканчивавшаяся так: «Бестолковый и безголовый администратор, головотяпскими распоряжениями срывающий хлебозаготовки, не менее опасный для советского хлеба враг, чем поедающий зерно долгоносик».

[19] Имеется в виду директива «Первые итоги заготовительной кампании и дальнейшие задачи партии. Ко всем организациям ВКП(б)» от 13 февраля 1928 г., разосланная на места под грифом: «Секретно. Не для печати». Однако 15 февраля 1928 г. она была полностью изложена в передовице газеты «Правда».

[20] Термин «мирная передышка» был введен в оборот В. И. Лениным в статье «Очередные задачи советской власти» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36).

[21] Общая сумма сельхозналога на 1928/1929 г. была увеличена по сравнению с 1927/1928 г. на 90 млн. руб. При этом предполагалось полностью освободить от налога 35% бедняцких хозяйств, осуществить переход на прогрессивно-подоходное обложение, т. е. понизить обложение малоимущих бедняцких хозяйств, несколько повысить обложение середняцких хозяйств и большую тяжесть налога перенести на зажиточные и кулацкие хозяйства (Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 390–391).

[22] Хлебопродукт – акционерное общество, зарегистрированное 14 мая 1923 г. В компетенцию общества входила заготовка, внутренняя и вывозная торговля с/х продуктами. К 1926 г. основной капитал составлял 33 млн. руб. (Весь СССР. Справочная и адресная книга на 1926 г. М. – Л. 1927. С. 16). В 1926/1927 г. наряду с Хлебопродуктом в системе хлебозаготовительных организаций главную роль играли крупнейшие мукомольные тресты Укрхлеб на Украине и Кавхлеб на Северном Кавказе.

[23] Союзхлеб – Всесоюзное государственное акционерное общество в ведении Наркомторга. Основано в соответствии с решением апрельского пленума 1928 г. при слиянии акционерного общества Хлебопродукт, Укрхлеба, Самарского мукомольного треста, Мукомольного треста Татарской АССР, Сталинградского мельничного треста, Амурского мельничного треста и товарных мельниц саратовских промышленных комбинатов. На Союзхлеб была возложена ответственность за проведение хлебозаготовок на территории СССР, поставку хлеба и хлебопродуктов государственными и кооперативными организациями, снабжение хлебом производящих и потребляющих районов и промышленных центров (Весь СССР. Справочная и адресная книга на 1928 г. М. – Л. 1929. С. 46).

[24] Согласно решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 24 декабря 1927 г., для наблюдения за проведением директив ЦК по усилению хлебозаготовок на места командировались ответственные уполномоченные ЦК и СТО с правом отмены решений местных партийных и советских органов, противоречащих директивам ЦК в области хлебозаготовок, и правом дачи соответствующих распоряжений, обязательных для местных властей (Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 113–114).

[25] Постановление СТО от 25 февраля 1927 г. «О мерах к укреплению и развитию сельскохозяйственной кооперации» предусматривало введение системы генеральных договоров между республиканскими центрами с/х кооперации и соответствующими госпредприятиями, усиление с/х кооперации за счет передачи ей операций по заготовке и сбыту продуктов сельского хозяйства, постепенное сокращение сырьевых заготовок потребкооперации (СЗ СССР. 1927. № 14. Ст. 156).

[26] Имеется в виду передовица под названием «О мерах к укреплению сельскохозяйственной кооперации» («Правда». 25 марта 1927 г.).

[27] Приводится цитата из постановления СТО СССР «Об изменении постановления СТО о мерах к укреплению и развитию с/х кооперации» от 29 апреля 1927 г. (СЗ СССР. 1927. № 32. Ст. 337).

[28] Птицеводсоюз – Центральный яично-молочный союз с/х кооперации. Выделился из состава Сельскосоюза в 1926 г. Птицеводсоюз организовывал сбыт продуктов птицеводства на кооперативных началах, содействовал возникновению промысловых птицеводческих товариществ и артелей, а также артелей по заготовке дичи, организовывал промышленные предприятия, опытно-показательные хозяйства и станции, снабжал население племенным материалом, кормами и инвентарем, необходимым для организации птицеводческих хозяйств, хранения и сбыта продуктов птицеводства (Вся кооперация СССР. М. 1928. С. 421–427).

[29] В телеграфной директиве А. И. Микояна из Тамбова от 31 декабря 1927 г. указывалось на «недопустимо медленный ход хлебозаготовок», основными причинами которого были: «слабая работа низового хлебозаготовительного аппарата», недостаточное использование товаров как «рычага давления на поступление хлеба», неудовлетворительное взыскание задолженностей и задержка сдачи хлеба совхозами. Для ускорения темпа хлебозаготовок директива требовала обеспечения дефицитными товарами сдатчиков хлеба, независимо от того, были ли они членами кооперации; немедленного сбора задолженностей вплоть до описи имущества; организация общественного давления на зажиточных домохозяев, не вносящих платежей; сдачи хлеба

совхозами и «советско-партийно-кооперативным активом». 14 января 1928 г. последовала циркулярная телеграмма Наркомторга, изменяющая и разъясняющая «тамбовскую» и ряд других директив (Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 148–149, 778).

[30] Сельский господарь – Всеукраинский союз с/х кооперации. Являлся центральным органом всей системы с/х кооперации Украины, при этом специальные отрасли с/х кооперации имели свои отдельные сбыто-снабженческие центры. Сельский господарь осуществлял непосредственное руководство союзами кредитной и универсальной кооперации, но кредитные союзы одновременно подчинялись руководству Укрсельбанка – центра с/х кредита на Украине. Сельский господарь осуществлял снабжение села средствами производства и товарами хозяйственно-производственного назначения, проводил работу по с/х кредиту и агротехническими мероприятиями, занимался активной производственной работой: постройкой элеваторов, заводов по переработке с/х продукции и т. д. Сельский господарь также организовывал инструктаж, открывал курсы подготовки кооперативных работников, проводил лекции, распространял литературу по вопросам с/х кооперации. В 1928 г. в состав Сельского господаря входило 42 кредитных и универсальных союза, а также 7 центров специальной кооперации, объединявших 2700 кредитных, 4798 специальных и 5028 машинно-тракторных товариществ, 6316 с/х коллективов, с общим числом объединяемых хозяйств в 910 тыс. (Вся кооперация СССР. М. 1929. С. 194–200).

[31] Рубцовский округ – крупнейший производитель зерна в Сибири.

[32] В резолюции XIV съезда ВКП(б) по отчету Центрального Комитета отмечалось, что борьба против кулачества должна была вестись при помощи организации бедноты против кулаков и путем «укрепления союза пролетариата и бедноты с середняком на предмет отрыва середняка от кулачества в целях изоляции кулака» (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. Т. 3. М. 1984. С. 430.).

[33] Имеется в виду экспертный совет при ЦСУ СССР.

[34] Имеются в виду директивы Политбюро ЦК ВКП(б) о хлебозаготовках от 14 и 24 декабря 1927 г. 5 января и 13 февраля 1928 г. (Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 113–114, 136–137). См. также примечание 19.

[35] Земельные общества – признанная советским правом структура традиционной крестьянской общины. Законодательное обеспечение условий их существования было дано в Земельном кодексе РСФСР 1922 г., в «Нормальном уставе земельного общества» 1926 г. и в «Общих началах землепользования и землеустройства» 1928 г. Земельное общество представляло собой территориальное объединение крестьянских дворов, которое осуществляло непосредственное руководство землепользованием и регулирование поземельных отношений своих членов, решало вопросы о проведении землеустройства, о системе севооборота, производило переделы и разверстку земли, непосредственно распоряжалось угодьями общего нераздельного пользования, устанавливало и изменяло порядок их эксплуатации, осуществляло контроль за использованием земли. Высшим распорядительным органом земельного общества являлся сход полноправных членов, которыми признавались все землепользователи старше 18 лет. В 1928 г. лишенные избирательных прав при выборах в советы были лишены и права голоса на сходах (Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М. 1977. С. 95–106).

[36] В принятой XV съездом ВКП(б) резолюции «О работе в деревне» отмечалась необходимость «устанавливать такие взаимоотношения между кооперацией и госорганами, которые могли бы обеспечить дальнейшее расширение сферы работы кооперации при безусловном обеспечении интересов и руководства Советского государства» (КПСС в резолюциях... Т. 4. М. 1984. С. 306).

[37] 24 декабря 1927 г. Политбюро направило В. М. Молотова на Украину в качестве уполно-

моченного по хлебозаготовкам, а 12 января 1928 г. с той же целью – на Урал (РГАСПИ. Ф 17. Оп. 3. Д. 666. Л. 2–3; Д. 668. Л. 7).

[38] На основании постановлений пленума ЦК ВКП(б) от 10 октября 1925 г. «О работе партии среди деревенской бедноты» и СТО от 23 октября 1925 г. «О выделении в средствах Центрального с/х банка специального фонда для льготного кредитования бедняцкого населения» были образованы фонды кредитования бедноты. 17 марта 1926 г. СНК СССР утвердил Положение об общесоюзном фонде кредитования бедноты (СЗ СССР. 1926. № 27. Ст. 171). Фонд учреждался при ЦСХБ и предназначался для льготного кредитования как кооперированного сельского бедняцкого населения, так и отдельных бедняцких хозяйств и состоял из специальных бюджетных ассигнований, отчислений от прибылей ЦСХБ и др. источников. По постановлению СНК СССР от 29 октября 1926 г. «О фондах кредитования деревенской бедноты», последние образовывались уже при всех с/х банках союзных республик (СЗ СССР. 1926. № 72. Ст. 568). В соответствии с резолюцией июльского объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 1927 г. «О контрольных цифрах народного хозяйства на 1927/28 г.» предусматривалось увеличение фонда помощи бедноте как по государственному, так и по местным бюджетам. 30 сентября 1927 г. была издана директива ЦК ВКП(б) «О кооперировании бедноты в связи с повышением паевых взносов кооперации». Фонд кооперирования бедноты должен был пополняться за счет отчислений прибылей первичных кооперативов и их союзов, ассигнований из местных бюджетов и средств комитетов крестьянской общественной взаимопомощи (Справочник партийного работника за 1927 г. Вып. V. Ч. 1. М. – Л. 1928. С. 413, 659).

[39] Имеется в виду выступление И. В. Сталина на XV съезде ВКП(б), в котором в качестве одной из причин небольшого, по сравнению с довоенным, уровня экспорта с/х продукции он назвал ту, что СССР не может торговать по буржуазной формуле «сами недоедим, а вывозить будем» (Сталин И. В. Соч. Т. 10. М. 1949. С. 294).

[40] Хлебоцентр – Всероссийский союз сельскохозяйственной кооперации по производству, переработке и сбыту зерновых и масличных культур – был создан в 1926 г. Согласно своему уставу, Хлебоцентр учреждался для объединения деятельности входящих в него кооперативных организаций. В его задачи входило содействие рациональной и культурной постановке полеводческого трудового крестьянского хозяйства; содействие организации товариществ, артелей и союзов по производству, переработке и сбыту зерновых и масличных культур; участие в постройке элеваторов, зернохранилищ, мельниц и т. д.; организация сбыта продукции, снабжение населения машинами, оборудованием, семенным материалом и т. д. Хлебоцентр создавал лаборатории и опытные станции для исследования зерновых и масличных семян и продуктов их переработки.

[41] В начале сентября 1927 г. Наркомторг уменьшил заготовительные цены. Цена на рожь была установлена в 78 коп. за пуд, на овес – в 68 коп., «с дальнейшим уменьшением ее при плохом качестве зернопродуктов». Изменение цен в самом начале хлебозаготовительной кампании произвело, по данным ОГПУ, «и плохое влияние на настроение крестьян, и дало возможность к различным разговорам» (Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 91).

[42] Кантемировка – село, районный центр в Воронежской области. В 1933 г. в селе было 12,9 тыс. жителей, преимущественно украинцев, имелась кожевенно-обувная и швейная промышленность, мукомольное дело, МТС.

[43] Сводки перлюстрированных писем крестьян в Красную Армию составлялись особыми отделами, представлявшими систему ОГПУ в армии, а также армейскими политотделами.

[44] ОГПУ регулярно информировало партийные инстанции об антисоветских настроениях в деревне, в том числе на Украине (см. подробнее: Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 195–196).

[45] Имеется в виду резолюция апрельского пленума 1926 г. ЦК ВКП(б) «Об организации хлебозаготовительного аппарата в кампанию 1926–27 года», которая определила структуру основного централизованного хлебозаготовительного аппарата, созданную «в целях борьбы с дезорганизацией хлебного рынка, создаваемой наплывом внеплановых и частных хлебозаготовителей». Хлеботорговые операции госорганизаций, для которых торговля хлебом не являлась прямой функцией, признавались недопустимыми. Основные заготовители кроме кооперации – Хлебопродукт, Центросоюз, Вукоспилка, Сельскосоюз и Сельгосподарь – должны были отчислять в местные бюджеты производящих районов часть прибылей, полученных в результате заготовительной деятельности (ВКП(б) в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. 1925–35. М. 1936. С. 100–103).

[46] 7 февраля 1928 г. на Краснотворческом руднике Рутченковского рудоуправления Донугля произошел взрыв динамита, хранившегося в конторе рудника. 12 человек погибли, 8 получили ранения. 12 февраля «Правда» опубликовала заметку, в которой ответственность за взрыв возлагалась на специалистов немецкой фирмы «Тиссен», осуществлявших проходку штольни. Однако 7 апреля в «Правде» появилось сообщение, что от рабочих неоднократно поступали жалобы на то, что динамит хранился в неприспособленном помещении, но руководство рудника на них не реагировало.

[47] См. примечание 25.

[48] Супряга – совместная обработка земли двумя или несколькими хозяйствами (обычно беднейшими). Простейшая форма артельной работы.

[49] Франко-мельница (от итал. franco – свободный) – условие продажи, согласно которому покупатель освобождается от непосредственных расходов по погрузке, транспортировке грузов в связи с тем, что эти расходы включены в цену товара.

[50] Имеется в виду место из выступления Л. Б. Каменева на XIV съезде ВКП(б) о просчетах в планах хлебозаготовок из урожая 1925 г., которые оказались завышенными: «Мы попытались в этом году урегулировать результаты хорошего урожая, который был налицо. Что получилось? Получилось то, что не мы «регульнули» мужика в этом году, а мужичок «регульнул» нас... На 200 млн. пудов нас поправили». Из контекста ясно, что под «мужичком» Л. Б. Каменев подразумевал кулака (XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 18–31 декабря 1925 г. Стенографический отчет. М. – Л. 1926. С. 263–264).

[51] Во второй половине 1920-х гг. против национальной политики ВКП(б) на Украине выступила группа украинских деятелей, в которую, в частности, входили: А. Я. Шумский – нарком просвещения Украины, писатель М. Хвылевый и экономист М. К. Волобуев. На X съезде КП(б)У (ноябрь 1927 г.) и последующих за ним пленумах КП(б)У взгляды группы были осуждены. Шумский был снят с должности наркома. Хвылевый и Волобуев публично признали свои «ошибки».

[52] Разговоры о войне – в советской прессе и в выступлениях высших руководителей страны того времени усиленно муссировался тезис о подготовке войны против СССР «со стороны империалистов». Нагнетание военного психоза имело своей прямой задачей развертывание массовых репрессий.

[53] В директиве Политбюро ЦК ВКП(б) партийным организациям хлебозаготовительных районов от 14 декабря 1927 г. отмечалось, что хлебозаготовки за октябрь и ноябрь резко сократились и под угрозу поставлено не только выполнение экспортного плана и образования хлебного фонда, но и снабжение столиц и потребительских районов. В качестве одной из мер выхода из положения директива называла переброску промтоваров с городских рынков в хлебозаготовительные районы. Директива Политбюро ЦК ВКП(б) от 24 декабря указывала на необходимость «направления подавляющей массы промтоваров в хлебные районы за счет ого-

ления нехлебных районов и городов» (Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 108, 113; см. также примечание 29).

[54] 30 марта 1928 г. открылась II сессия ВЦИК XIII созыва, на которой обсуждался госбюджет РСФСР на 1927/1928 г. Тогда же из центральных и местных газет можно было узнать о том, что 10 апреля 1928 г. откроется третья сессия ЦИК СССР IV созыва, на которой рассматривался проект Единого сельскохозяйственного налога на 1928/1929 г.

[55] Институт красной профессуры – специальное высшее учебное заведение, готовившее преподавателей общественных наук для вузов, а также работников для центральных партийных и государственных органов. В 1928 г. институт имел историческое, историко-партийное, экономическое, философское, правовое, естественное, литературное и подготовительное отделения.

[56] 13 мая 1927 г. СТО принял постановление об организации хлебозаготовок в кампанию 1927/1928 г., согласно которому хлебозаготовительная работа Госбанка была ликвидирована. Капиталы и имущество Госбанка, вложенные в его хлебные операции, были переданы в основные оборотные капиталы заготовительных организаций («Правда». 24 мая 1927 г.).

[57] Имеется в виду движение за национальную независимость Украины в 1918–1921 гг., названное именем его организатора и идеолога С. В. Петлюры (1879–1926).

[58] См. примечание 19.

[59] Письмо А. И. Рыкова председателям совнаркомов союзных и автономных республик и председателям краевых, областных и губернских исполкомов было опубликовано в «Правде» 1 апреля 1928 г. под заголовком «Борьба с принудительным размещением займа укрепления крестьянского хозяйства». В письме говорилось о жалобах крестьян на принудительные способы размещения займа, использование органов милиции, предоставление потребительской и сельскохозяйственной кооперацией преимуществ для крестьян, имеющих заем, и ухудшение положения тех, кто облигации не приобрел и т. д. Рыков заявлял, что все жалобы будут передаваться для расследования органам прокуратуры, и призывал «принять срочные меры для ликвидации явлений принудительного размещения займа».

[60] Сибирский план хлебозаготовок – 18 января на заседании Сибкрайкома ВКП(б) совместно со Сталиным была принята директива об обязательной поставке краем 82 млн. пуд. хлеба. План был выполнен на 96%, однако при его осуществлении, помимо прочих негативных последствий, впервые с начала нэпа в Сибири весной-летом 1928 г. возникли серьезные перебои в снабжении хлебом городов и промышленных поселков.

[61] Гарнцевый сбор – мера сыпучих тел, особенно хлеба, вошедшая в употребление в России с конца 18 в. 1 гарнц составлял 3,28 л. Отчисление части зерна, поступающего на мельницы в качестве платы за помол.

[62] Имеется в виду 4-я сессия подготовительной комиссии к конференции по разоружению, проходившая с 15 по 24 марта 1928 г. в Женеве. Советская делегация выступила с проектом Конвенции о всеобщем, полном и немедленном разоружении. Делегации западных стран отказались ее обсуждать. Ход конференции широко освещался в центральных советских газетах.

[63] См. примечание 29.

[64] Цитируется циркуляр Политбюро ЦК ВКП(б) об организации обмена промтоваров на хлеб от 14 января 1928 г. (Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 148).

[65] Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), состоявшийся 21–23 октября 1927 г., принял резолюцию «О работе в деревне», в которой отмечался «процесс дифференциации деревни», характеризующийся «борьбой социалистических и капиталистических тенденций» (КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 236).

[66] Цитируемая А. И. Микояном резолюция в документах Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) из фондов РГАСПИ не обнаружена.

[67] См. настоящее издание, с. 29, 31, а также Дополнение 2.

[68] Имеются в виду межведомственные противоречия ОГПУ и прокуратуры, которую возглавлял Крыленко.

[69] Польский посол в СССР Станислав Патек совершил поездку по Донбассу в марте 1928 г., во время которой встречался со специалистами Донугля.

[70] Донуголь – Донецкий государственный каменноугольный трест по производству и продаже каменного угля и антрацита ВСНХ СССР. Организован в 1920 г. с уставным капиталом 158 млн. руб. В 1927 г. в составе треста было 27 рудоуправлений, 12 заводов, 6 торговых контор и представительств с общим числом рабочих и служащих 178 тыс. чел. Центральный аппарат Донугля находился в г. Харькове. В г. Шахты Северо-Кавказского края располагались Донецко-Грушевское и Несветаевское рудоуправления (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 126; см. также примечание 91).

[71] В составе центрального аппарата треста Донуголь на правах отдела существовал технический директорат, в функции которого входила проработка и сводка программ, смет, производственно-финансовых планов, калькуляция, учет и распределение сметных кредитов и составление экономического анализа. Ораторы на пленуме, следуя материалам ОГПУ, говорили о «техническом совете» Донугля, состоявшем из «видных профессоров, крупных знатоков горного дела» (см. также: РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 127. Л. 86–87). Вместе с тем в ВСНХ СССР с 1918 по 1932 гг. действовал научно-технический отдел, руководивший научно-технической политикой в стране, прикладными исследованиями, распределявший задания по народнохозяйственным планам. В качестве экспертов в нем работало несколько сотен профессоров, инженеров и специалистов по различным дисциплинам, в том числе и по горнорудному делу.

[72] Трудовые армии – военные формирования Красной Армии, использовавшиеся в 1920–1922 гг. в народном хозяйстве. В военном отношении подчинялись РВС Республики, а в хозяйственном – Совету рабочей и крестьянской обороны (с апреля 1920 – СТО). Деятельностью трудовых армий руководили советы, состоявшие из представителей командования армий, СТО, ВСНХ, различных наркоматов и ведомств. С введением нэпа, 30 декабря 1921 г. СТО постановил расформировать трудармии (Гражданская война и интервенция в СССР. Энциклопедия. М. 1983. С. 599).

[73] 15 марта 1928 г. советскому полпреду в Германии было вручено сообщение германского правительства о том, что арест германских инженеров и техников, проходивших по шахтинскому делу, вызвал в германских деловых кругах «резкое возражение и чувство большой неуверенности в отношении всей совокупности экономических отношений с СССР». В связи с этим германское правительство решило прекратить экономические переговоры с СССР (Документы внешней политики СССР. Т. XI. М. 1966. С. 161–162, 166–167, 707).

[74] Циркуляр ВСНХ № 33 от 29 марта 1926 г. «Об организации управления промышленными заведениями» сопровождался «Общим положением о правах и обязанностях технического директора завода в металлической и электрической промышленности». Содержание этих документов полностью раскрывается в докладе на пленуме А. И. Рыкова и выступлении В. В. Куйбышева.

[75] Шанхай – имеются в виду «сеттльменты» (англ. settlement – поселение) – специальные кварталы в некоторых крупных городах Китая, сдаваемые в аренду иностранцам. По Нанкинскому договору 1842 г., Шанхай был открыт для иностранной торговли. В городе были созданы американский (1848), английский и французский (1849) сеттльменты, пользовавшиеся экстер-

риториальностью и охраняемые вооруженными силами иностранных государств. На сеттльменты не распространялась юрисдикция Китайского государства. Китайцы, составлявшие 95–97% жителей сеттльментов, не имели права приобретать недвижимость на территории сеттльментов. В Шанхае, после расстрела английской полицией демонстрации 30 мая 1925 г., началась революция 1925–1927 гг., события которой широко освещались в советской прессе.

[76] 29 июня 1927 г. ЦИК и СНК СССР утвердили положение о государственных промышленных трестах, в котором, в частности, регламентировались права директоров предприятий, «действующих на началах единоначалия в пределах полномочий, определяемых правлением треста» (СЗ СССР. 1927. № 39. Ст. 391).

[77] Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? – Полн. собр. соч. Т. 34. С. 320.

[78] Ленин В. И. Отчет ЦК. 18 марта. Речь на VIII съезде РКП(б). – Полн. собр. соч. Т. 38. С. 167.

[79] Ленин В. И. Речь на III Всероссийском съезде рабочих воздушного транспорта. – Полн. собр. соч. Т. 40. С. 217.

[80] Ленин В. И. Отчет ЦК. 18 марта. Речь на VIII съезде РКП(б). – Полн. собр. соч. Т. 38. С. 142.

[81] А. И. Рыков цитирует резолюцию XI съезда по докладу М. П. Томского «Роль и задачи профсоюзов в условиях новой экономической политики» (КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 49).

[82] «Тактический центр» – антибольшевистская организация, в которую, по утверждению ВЧК, объединились в марте-апреле 1919 г. различные политические силы, от монархистов до правых эсеров, с целью содействовать победе войск адмирала Колчака. Судебный процесс по делу проходил в августе 1920 г. (Красная книга ВЧК. Т. 2. М. 1989. С. 21–59).

[83] «Таганцевский заговор» – по имени Таганцева Владимира Николаевича (1890–1921) – географа, профессора Санкт-Петербургского университета и Горного института. В июне 1921 г. он был арестован как руководитель т. н. «Петроградской боевой организации», обвинявшейся в переговорах с «кронштадскими мятежниками», в подготовке к террористической деятельности, связях с эмиграцией, в политическом и экономическом шпионаже. Было арестовано свыше 200 человек. В ночь с 24 на 25 августа 1921 г. Таганцев и 60 человек. были расстреляны. Остальные получили различные сроки заключения («Петроградская правда». 1 сентября 1921 г.).

[84] Сменовеховство – движение русской, главным образом эмигрантской, интеллигенции, идеологи которого надеялись на изменение коммунистического режима в связи с введением нэпа. Лейтмотивом «сменовеховства» было утверждение, что советская власть представляет собой «единственную национальную русскую власть», большевизм как «русское национальное явление» способно воссоздать «русскую духовность» (Агурский М. Идеология национал-большевиков. Париж, 1980).

[85] Балахнинская электростанция (на торфяном топливе) в г. Балахна Нижегородской обл.

[86] Имеется в виду право ОГПУ применять административную высылку с запрещением проживания в шести пунктах: в Московской и Ленинградской области, в Киевском, Одесском и Харьковском округах, в Северо-Кавказском крае и в Дагестане.

[87] Инженерно-технические секции – общественные организации, создаваемые профсоюзами для вовлечения инженеров и техников в общественную работу на производстве.

[88] Эсхар – Харьковская электростанция, Чугуевская электростанция. 12 февраля 1928 г. «Правда» опубликовала заметку «Недочеты строительства Харьковской электростанции», согласно которой ввиду нереального строительного плана и задержек поставок оборудования

станция могла заработать с опозданием на 2 года. Генеральную смету строительства пришлось увеличить на 95 %, а плохое качество строительства и «бессистемные заготовки строительного материала» вызвали перерасход на 900 тыс. руб.

[89] Речь идет об арестованных в 1928 г. специалистах, готовивших проект развития металлургических предприятий на юге Украины. Руководство страны считало эти планы «вредительскими» и требовало значительного увеличения мощностей предприятий.

[90] Артемовщина – имеется в виду так называемое «артемовское дело». 27 февраля 1928 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) заслушало доклад представителя Артемовского окружкома ВКП(б) Равича и содоклад инструктора ЦК ВКП(б) Мышкина. В резолюции отмечалась «недостаточная связь окружкома с рабочими массами и слабость борьбы со стороны окружкома с болезненными явлениями в части актива организации (разложение судебно-следственного аппарата, милиции, дело Ярощука и т. д.)». Работа окружкома была признана неудовлетворительной (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 602. Л. 1, 14–21). Оргбюро подтвердило решение ЦК КП(б)У от 11 февраля 1928 г. об освобождении от обязанностей секретаря Артемовского окружкома Д. А. Михиенко. Резолюция ЦК ВКП(б) была опубликована в «Правде» 7 марта 1928 г. См. также примечание 99.

[91] Цекаписты Донбасса – в 1920 г. каменноугольные и антрацитовые предприятия были объединены в центральном правлении каменноугольной промышленности Донбасса (ЦПКП), находившемся в Харькове. В конце 1920 г. ЦПКП было переведено в г. Бахмут (Артемовск). В конце 1921 г. ЦПКП было переименовано в Управление государственной каменноугольной промышленности (УГКП). В мае 1924 г. УГКП было переведено в Харьков, и с ноября 1924 г. на его основе образовался трест Донуголь. См. также примечание 70.

[92] Имеется в виду деятельность комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по заработной плате, возглавлявшаяся Н. М. Янсоном, деятельность зав. отделом экономики труда И. А. Краваля и реорганизация научно-технического отдела ВСНХ СССР.

[93] Упоминаемые документы в фондах центральных и местных органов ВКП(б) г. Москвы не обнаружены.

[94] Новочеркасский политехнический институт – один из крупнейших вузов страны. Основан в 1907 г. под названием Донской политехнический институт.

[95] Комиссия по распределению оканчивающих вузы под председательством А. А. Андреева была основана решением Секретариата ЦК ВКП(б) 7 октября 1927 г. Комиссия провела несколько заседаний в октябре 1927 – марте 1928 г. (на последней стадии ее возглавлял С. В. Косиор) и в марте 1928 г. внесла на рассмотрение Оргбюро проект резолюции по вопросу о распределении окончивших вузы и о практике студентов. 19 марта 1928 г. Оргбюро поручило комиссии переработать проект (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 607. Л. 44–49). В дальнейшем вопрос решался в правительственных органах. 29 августа 1928 г. было принято постановление ЦИК и СНК «О подготовке новых специалистов, их распределении и использовании». Постановление предусматривало ряд мер для насыщения промышленности инженерами. Предусматривалось, что распределение выпускников вузов и техникумов должно производиться соответствующими хозяйственными наркоматами, причем устанавливался обязательный трехгодичный срок работы на производстве по указанию соответствующих хозяйственных органов (СЗ. 1928. № 58. Ст. 513; Материалы комиссии Андреева – Косиора. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 74, 75).

[96] Школы II ступени – Положение и декларация о единой трудовой школе 1918 г. вводило 5-летнюю школу I ступени и 4-летнюю школу II ступени. В начале 1921 г. школьная система была перестроена: была введена начальная массовая школа – четырехлетка; в городах и крупных промышленных центрах – семилетка, на базе которой основывались 4-летние техникумы. По-

скольку широкая сеть техникумов требовала производственной базы и подготовки учителей, осенью 1921 г. было решено школу II ступени сохранить, одновременно развивая сеть техникумов и рабочих факультетов (Большая Советская энциклопедия. 1 изд. М. 1933. Т. 62. С. 454). В конце 1927 г. Московская рабоче-крестьянская инспекция обследовала школы II ступени, которые были реорганизованы таким образом, что семилетка сделалась основным типом средних учебных заведений, а 8–9-е годы обучения были выделены в виде спецкурсов. Коллегия МРКИ обратилась в НК РКИ РСФСР с просьбой поставить вопрос об уточнении целевых установок реорганизованных школ II ступени, об установлении согласованности программ школ II ступени с требованиями вузовских программ и об удлинении срока обучения в школах II ступени на один год («Правда». 11 февраля 1928 г.).

[97] В результате военной реформы 1924–1925 гг. была сокращена армия, введено смешанное кадровое и территориально-милиционное устройство вооруженных сил и централизованы органы управления.

[98] В пос. Константиновка на Донбассе находились стекольный и бутылочный заводы Донугля, построенные на импортном оборудовании. После одной из проверок в газете «Правда» от 19 ноября 1927 г. была опубликована статья под заголовком «Преступная небрежность в строительстве», сообщавшая об упущениях в строительстве и бесхозяйственности при эксплуатации указанных заводов.

[99] Ярощук – председатель Артемовского окружного суда, обвинялся в «нарушении правил ведения суда и следствия на почве кумовства и близких приятельских отношений» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 600. Л. 16). См. также примечание 90.

[100] 28 марта 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О состоянии и работе Сталинской организации», признав ее «в общем удовлетворительной» (Справочник партийного работника. Вып. VI. Часть II. М. 1928. С. 269).

[101] Кампания перезаключения договоров трудовых коллективов с администрациями предприятий проводилась в соответствии с директивой ВЦСПС и ВСНХ СССР, в которой указывалось на необходимость «в соотношении производительности труда и зарплаты достичь более решительного перелома в сторону повышения темпа роста производительности труда над ростом заработной платы» («Правда». 1 ноября 1927 г.).

[102] Люберецкий опыт – имеется в виду стачка на Люберецком заводе в Московской области в конце декабря 1927 – начале января 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) 5 января 1928 г. создало комиссию под председательством М. П. Томского для выяснения обстоятельств, приведших к стачке, и выработки мер по их предотвращению (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1772. Л. 4.). На заседании Политбюро 19 января был заслушан доклад Томского, согласно которому причиной возникновения стачки на Люберецком заводе и частичной забастовки на Коломенском заводе было признано «ошибочное объединение кампании по перезаключению колдоговоров с пересмотром норм и расценок и проведением тарифной реформы» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1774. Л. 17–20).

[103] В 1926 г. председатель ревизионной комиссии ЦУГПрома ВСНХ СССР по Донуглю Н. Уманский направил в орграспредотдел ЦК ВКП(б) записку «Оценка деятельности треста Донуголь в связи с организационными формами его управления». В записке отмечалось, что основным принципом управления подведомственными Донуглю рудоуправлениями является «централизация и полная опека». Уманский информировал, что попытки к введению некоторой самостоятельности предприятий делались, но они «не носили характера твердой постоянности, и несмотря на более чем трехлетние об этом разговоры, дело до сего времени не сдвинуто с мертвой точки» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 126. Л. 56–61).

[104] Осенью 1927 г. рудники Донугля обследовала спецкомиссия ВСНХ СССР, выяснявшая состояние «рабочего вопроса» и капитального строительства. О работе комиссии сообщала

«Правда» 4 ноября 1927 г. 31 марта 1928 г. Каганович выступил на заседании Политбюро ЦК КП(б)У с докладом «О работе Донугля» (РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 2. Д. 316).

[105] Ленин В. И. Речь при открытии съезда. 27 марта 1922 г. – Полн. собр. соч. Т. 45. С. 110.

[106] Ленин В. И. Очередные задачи советской власти. – Полн. собр. соч. Т. 36. С. 179.

[107] «Скачинский» в Несветае – имеется в виду Несветаевское рудоуправление Донугля в г. Шахты, в котором еще в 1916 г. была начата проходка угольной шахты, спроектированная проф. Скачинским. Проходка возобновилась в 1926 г. Шахта была названа именем ее разработчика. На сооружение шахты, продолжавшееся полтора года, было израсходовано 10 млн. руб. Открытие шахты состоялось 1 декабря 1927 г.

[108] XV съезд объявил принадлежность троцкистской оппозиции и пропаганду ее взглядов несовместимыми с пребыванием в партии и исключил из нее всех видных деятелей оппозиции.

[109] «Листок рабоче-крестьянской инспекции» периодически печатался в газете «Правда» с 15 марта 1928 г. по 28 ноября 1933 г. с целью вовлечения широких масс в борьбу с бюрократизмом.

[110] Арестованные в ноябре 1917 г. руководители наступления на Петроград были отпущены под честное слово, что не будут бороться с советской властью.

[111] 3 марта 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило проект постановления ВСНХ и Наркомпроса об организации при ВСНХ Академии для подготовки работников высшего руководящего состава промышленности.

[112] «Рельсы гудят» – пьеса советского драматурга В. М. Киршона (1902–1938).

[113] Имеется в виду раздел о народном образовании в Программе РКП(б), принятой на VIII съезде партии: «Проведение бесплатного и обязательного общего и политехнического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоего пола до 17 лет» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 96, 431).

[114] В конце февраля – начале марта 1928 г. в Ташкенте проходил судебный процесс по делу работников Управления водного хозяйства Средней Азии, обвинявшихся во вредительстве, утверждении проектов без экономических обоснований, саботаже, бесхозяйственности и т. д. Процесс освещался в прессе («Правда». 1 марта 1928 г.). 8 февраля 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление, в котором, в частности, отмечалось: «Суд должен предусмотреть продолжение процесса с привлечением к дознанию и судебной ответственности более широкого круга лиц, не останавливаясь перед привлечением к следствию наиболее ответственных специалистов и советских деятелей, независимо от занимаемого ими положения» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1776. Л. 3).

[115] Золото-Тошковское рудоуправление и рудник Горно-Ивановский находились в пос. Марьевка Артемовского округа.

[116] В октябре 1923 г. в Шахтинском районе забастовали пять тысяч шахтеров. Антиправительственную агитацию среди забастовщиков вел бывший член партии Капустин. Капустин был арестован. Толпа рабочих двинулась к городской тюрьме с требованием освободить Капустина, но была рассеяна милицией, стрелявшей в воздух (Kuromiya H. Freedom and Terror in the Donbass. Cambridge. 1998. P. 130–131). 10 ноября 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение направить в Донбасс комиссию под председательством Ярославского для обследования положения рабочих и деятельности местных партийных, профсоюзных и хозяйственных органов (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 391. Л. 6–7). Комиссия выявила тяжелые условия жизни шахтеров, но обвинила в организации волнений «контрреволюционные элементы». 5 января 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б) признало работу комиссии удовлетворительной и приняло постановление «по работе хозорганов Донбасса в части, касающейся положения рабочих», в ко-

тором были намечены меры по улучшению финансового положения Донбасса, быта рабочих и жилищному вопросу (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1501. Л. 6–10).

[117] Общество старых большевиков – Всесоюзная организация, созданная по инициативе членов РСДРП – РКП(б) с многолетним стажем; существовала в 1922–1935 г. В общество принимались члены партии с непрерывным партийным стажем не менее 18 лет. Целями общества являлись использование опыта старых большевиков для воспитания молодежи на революционных традициях, сбор историко-революционных материалов, организация быта членов общества и т. п.

[118] См. примечание 103.

[119] Резолюция XIV съезда ВКП(б) «О работе с профсоюзами». – КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 444. XV съезд резолюции о профсоюзах не принимал.

[120] Профобр – В 1919 г. при Наркомпросе была учреждена секция профессионально-технического образования, преобразованная в Главный комитет профессионального образования. В его ведении находились ФЗУ, профессиональные курсы, техникумы, рабфаки, вузы, повышение квалификации рабочих.

[121] Мюр и Мерилиз – торговая фирма и магазины в Москве. Здание было построено в 1906– 1908 гг. архитектором Р. И. Клейном. С 1922 г. – Центральный универсальный магазин.

[122] 5 ноября 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) утвердило предложение Л. Д. Троцкого о создании межведомственной комиссии «для обследования всех сторон работы в Донецкой губернии» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1213. Л. 3).

[123] Данчич Валерий Валерианович – инженер, председатель особой комиссии по составлению плана восстановления каменноугольной и антрацитной промышленности Донецкого бассейна. Имеется в виду отчет особой комиссии, опубликованный в Харькове в 1923 г.

[124] 7 мая 1923 г. Политбюро образовало комиссию для рассмотрения финансового положения и топливного хозяйства Донбасса. 31 мая председателем комиссии вместо А. Д. Цюрупы был назначен В. В. Куйбышев (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1443. Л. 3. Д. 1450. Л. 4).

[125] Суливан из Америки – речь идет о горнопроходческой машине, получившей свое название от одного из крупнейших по запасам и добыче месторождений полиметаллических руд в Канаде (Sullivan). В царской России машиностроительных предприятий по производству горной техники не было. Оборудование ввозилось из-за границы. В первые годы советской власти импорт горного оборудования продолжался. Возникновение угольного машиностроения в СССР относится к 1924 г., когда в составе треста Донуголь было создано управление подсобных предприятий.

[126] Речь идет о регулярных обследованиях партийно-советского аппарата в провинции. Результаты обследований и принятые по ним резолюции публиковались в «Правде», «Справочнике партийного работника» и местной прессе. См., например, сообщение о «Состоянии и работе Брянской парторганизации» («Правда». 10 сентября 1927 г.). См. также примечания 90 и 100.

[127] Артемовск (до 1924 г. – Бахмут) был переименован в честь Ф. А. Сергеева (псевд. Артем) (1883–1921) – советского государственого и партийного деятеля.

[128] См. постановление СНК СССР «О высших технических учебных заведениях» от 4 июня 1920 г. Декреты советской власти... Т. IX. М. 1978. С. 22–24.

[129] Имеется в виду статья С. В. Косиора «Об условиях работы хозяйственных кадров» («Правда». 7–8 апреля 1928 г.).

[130] Вероятно, речь идет о книге «Капитальное строительство промышленности» (М. 1928). Политбюро ЦК ВКП(б) вынуждено было рассмотреть вопросы капитального строительства До-

нугля и Югостали в связи с его неэффективностью. 12 января 1928 г. Политбюро постановило «поручить РКИ детально обследовать вопрос об использовании импортного оборудования, устранить допущенные дефекты и виновных лиц и наметить пути для устранения дефектов» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1773. Л. 3).

[131] Ленин В. И. Политический отчет ЦК РКП(б). – Полн. собр. соч. Т. 45. С. 107.

[132] Имеется в виду труд американского инженера Ф. У. Тейлора (1856–1915) «Научная организация труда». Рекомендации Ленина по использованию «системы Тейлора» сыграли большую роль в разработке основ научной организации труда в СССР.

[133] «Дело Ибраимова» – Ибраимов (Ибрагимов) Вели (1889–1928), член ВКП(б) с 1918 г. После 1917 г. занимал выборные должности в Крыму, с 1924 г. – председатель ЦИК Крымской АССР, кандидат в члены ЦИК СССР по Совету Национальностей. В марте 1927 г. партколлегия ЦКК объявила выговор Ибраимову «за неправильное проведение директив ОК ВКП(б), безответственные выступления в печати по вопросу о еврейской колонизации и за появление в общественных местах в пьяном виде», затем тройка ЦКК вынесла выговор за освобождение от наказания заведомого преступника. В июне партколлегия ЦКК рассматривала обвинение Ибраимова в покровительстве кулацкому элементу. 6 января 1928 г. по делу Ибраимова ЦКК образовала комиссию. 20 января партколлегия ЦКК постановила исключить Ибраимова из партии, после чего он был арестован органами ОГПУ. В марте 1928 г. В. Р. Менжинский доложил на Политбюро ЦК ВКП(б) о завершении следствия по делу Ибраимова (РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 2. Д. 5250). Протоколы допросов Ибраимова рассылались членам советского руководства (ГАРФ. Ф. Р–5446. Оп. 55. Д. 1744. Л. 1–6). В апреле 1928 г. в Симферополе выездной сессией Верховного суда РСФСР было рассмотрено дело по обвинению Ибраимова в убийстве свидетеля, который угрожал разоблачить связи Ибраимова с бывшими белогвардейцами и бандитами. Суд вынес Ибраимову смертный приговор.

[134] Имеется в виду речь председателя советской делегации М. М. Литвинова на конференции по разоружению в Женеве (см. примечание 71). Речь была опубликована в «Правде» 21 марта 1928 г.

[135] См. примечание 19.

[136] Экземпляр публикуемой брошюры был обнаружен в той части личного фонда И. В. Сталина, которая была передана в РГАСПИ из Архива Президента в 1999 г. Эти материалы рассылались в марте 1928 г. для ознакомления партийно-советским органам на местах, а также имелись на руках у участников апрельского пленума ВКП(б).

[137] Циркулярное письмо ЦК ВКП(б) от 7 марта 1928 г. было использовано И. В. Сталиным для составления передовицы газеты «Правда» от 10 марта. Сталин вычеркивает последние абзацы, а вместо первых двух вписывает следующий: «Речь Рыкова на вчерашнем заседании Моссовета о контрреволюционном заговоре некоторых буржуазных спецов, ставящих себе целью срыв работы Донугля, и заявление прокурора Верхсуда в сегодняшней «Правде» о том же заговоре представляют исключительный интерес для каждого рабочего, для каждого партийца» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 132. Л. 11).

[138] Штейгер – горный мастер, ведающий работами на горном предприятии.

[139] АРКОС (All Russian Cooperative Society Limited), с 1922 – Arcos Ltd.), акционерное торговое общество. Учреждено в Лондоне 11 июня 1920 г. советской кооперативной делегацией, зарегистрировано как частная компания с ограниченной ответственностью. Выступало в качестве представителя советских внешнеторговых организаций, осуществляло экспортные и импортные операции, имело конторы и отделения в ряде стран. К началу 1927 г. оборот АРКОС превышал 100 млн. фунтов стерлингов. 12 мая 1927 г. английская полиция совершила обыск в

конторе АРКОС в Лондоне и советском торгпредстве, за которым последовали разрыв англо-советских дипломатических отношений и временное прекращение работы АРКОС. После восстановления дипломатических отношений (1929) деятельность АРКОС возобновилась.

[140] «Кверхшлаг» – правильно квершлаг (от нем. Querchlag) – горизонтальная или наклонная подземная горная выработка.

[141] Первая публикация: «Правда». 18 апреля 1928 г. При подготовке к изданию одиннадцатого тома своих сочинений Сталин восстановил в докладе несколько абзацев, которые не были опубликованы в свое время в «Правде» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1025. Л. 27–45; Сталин И. В. Соч. Т. 11. М. 1949. С. 27–64).

[142] Ленин В. И. Письмо В. М. Молотову о плане политического доклада на XI съезде партии. – Полн. собр. соч. Т. 45. С. 61.

[143] Первая публикация: «Правда». 19 апреля 1928 г.

[144] О «напряжении госбюджета» можно судить, в частности, по данным, отражавшим долю покрытия финансирования народного хозяйства за счет государственного кредита (возрастание с 21,9% в 1924–1925 г. до 32,4% в 1926–1927 г.) (Финансы СССР. М. 1933. Вып. 2. С. 75).

[145] Партийные руководители в статьях и выступлениях 1927–1928 гг. оперировали цифрами, приближенно оценивавшими численность крестьянских хозяйств в стране. Так, Н. И. Бухарин, выступая перед рабселькорами в конце 1928 г., говорил о примерно 25 млн. хозяйств (Бухарин Н. И. Текущий момент и задачи партии. Доклад и заключительное слово на IV совещании рабселькоров. 28, 30 ноября 1928 г. – Бухарин Н. И. Путь к социализму. Избранные произведения. Новосибирск 1990. С. 375). И. В. Сталиным в мае 1928 г. называлась цифра в 24–25 млн. (Сталин И. В. Вопросы ленинизма. XI изд. ОГИЗ, 1939. С. 185). По данным налоговой статистики на 1927 г., в стране насчитывалось 25 млн. хозяйств, однако в действительности их было тогда меньше 24 млн. В 1928/1929 г. наблюдалось сокращение численности крестьянских хозяйств (Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, хозяйство, землепользование. М. 1977. С. 210–212).

[146] Обстоятельный теоретико-экономический анализ механизма возникновения и последствий для народного хозяйства СССР расхождения между циклами воспроизводства в сельском хозяйстве и в промышленности на протяжении ряда лет, с середины 1920-х гг., был дан в печати известным советским партийным и хозяйственным деятелем Г. Я. Сокольниковым (Сокольников Г. Я. Вопросы конъюнктуры. – «Плановое хозяйство». 1928. № 2. С. 24–37). На эти материалы, вероятно, и опирался в своих рассуждениях Н. И. Бухарин.

[147] См. примечание 50.

[148] КПСС в резолюциях и решениях... Т. 4. С. 317 (выделено Н. И. Бухариным).

[149] Еще в 1926/27 хозяйственном году средний размер сельскохозяйственного налога на кулацкие хозяйства был повышен против предыдущего года на 58% и превышал средний налог на бедняцкое хозяйство более чем в 100 раз, на середняцкое – почти в 6 раз. Налог был увеличен еще более в последующие годы.

[150] В 1920-е гг. самообложение было важнейшей формой привлечения средств сельского населения на общественные, хозяйственные и культурные нужды деревни. До 1927 г. взносы по самообложению были уравнительными, с августа 1927 г. размер платежа определялся по сумме уплаченного сельхозналога. См. также примечание 15.

[151] См. примечание 14.

[152] Советские органы передавали 25% конфискуемого по суду у различных категорий крестьянства хлеба на условиях долгосрочного кредита деревенской бедноте, создавая тем самым у последней повышенную заинтересованность в выявлении хлебных запасов.

[153] КПСС в резолюциях и решениях... Т. 4. С. 319.

[154] Накануне XV съезда именно Н. И. Бухарин выступил с обоснованием необходимости наступления на кулачество (Бухарин Н. И. Об итогах объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б) 26 октября 1927 года. – «Правда». 4 ноября 1927). Не случайно на съезде этот лозунг связывался с «бухаринской постановкой вопроса» (XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М. 1962. Т. 2. С. 1229–1231).

[155] Вайнштейн А. Л. (1892–1970) – советский экономист. В 1920-е гг. занимался анализом экономической динамики с применением математических методов и оптимизационными расчетами в сельском хозяйстве. Наиболее известная его работа – «Народный доход России и СССР» (М. 1969).

[156] Конъюнктурный институт был создан в 1920 г. при Тимирязевской академии, позже передан в Наркомфин. С 1928 г. Конъюнктурный институт находился в ведении ЦСУ. При подготовке процесса так называемой трудовой крестьянской партии, руководство которой приписывалось Н. Д. Кондратьеву, институт был ликвидирован (1930). Институт издавал журнал «Вопросы конъюнктуры», статьи которого до сих пор не утратили научного значения.

[157] На шахтинском деле была фактически отработана технология будущих процессов 1936–1938 гг. До начала процесса в партийных решениях и в печати уже формулировались пункты обвинения как безоговорочно доказанные. Бухарин, как и большая часть высшего партийного руководства, не имел уже доступа к подлинной информации об организации и ходе следствия, находившегося под сталинским контролем. У Бухарина и Сталина интерпретации шахтинских событий были различными. Первый делал акцент на вскрывшихся в Донбассе пороках и бюрократических извращениях в работе партийных, государственных и профсоюзных органов. Второй нацеливал на выявление вредительства в среде технической интеллигенции, нагнетая тем самым «спецеедческие» настроения на производстве.

[158] «Стальной шлем» – монархический военизированный союз бывших фронтовиков, созданный в Германии в ноябре 1918 г. военными при поддержке крупных промышленников. К началу 1930-х гг. насчитывал около 500 тыс. членов.

[159] В 1920-е гг. «орабочение» звеньев политической системы осуществлялось благодаря выдвижению передовых, наиболее подготовленных рабочих (и крестьян), главным образом на административно-хозяйственную руководящую работу. Так, по данным за 1923–1927 гг., в 30 губерниях страны на руководящую партийно-советскую и хозяйственную работу было выдвинуто 25,6 тыс. рабочих. В 1927 г. среди 4 млн. служащих государственного аппарата 200 тыс. составляли рабочие-коммунисты; 4/5 всех рабочих, занятых в госаппарате, находились на руководящей работе.

[160] Среди обвиняемых по шахтинскому делу было трое иностранных специалистов – Бадштибер, Майер и Отто (немцы по национальности и гражданству). Суд установил, что Майер и Отто были оговорены, и они, а также советские специалисты Потемкин и Штельбринг были оправданы. Бадштибер получил 1 год условно после многочисленных протестов, поступивших от немецкой стороны.

[161] В. М. Молотов в докладе о работе в деревне упомянул о так называемом ряжском деле. В Борецкой волости Ряжского уезда Рязанской губернии на протяжении ряда лет орудовала банда, терроризировавшая крестьян. Ее члены, по данным расследования, были связаны с отдельными работниками уездного и губернского партийно-советских аппаратов (XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М. 1962. Т. 2. С. 1040–1050).

ИМЕННОЙ КОММЕНТАРИЙ*

Абакумов Г. П. – член партии с 1905 г., в 1926–1928 гг. директор Вознесенского, Мушкетовского рудоуправлений Донугля.

Акулов И. А. (1888–1937) – член партии с 1907 г., член ЦКК в 1923–1925 гг., член ЦК ВКП(б) в 1927–1930 гг. С 1927 г. председатель Всеукраинского совета профсоюзов, в 1929 г. секретарь и член президиума ВЦСПС.

Алексеев П. А. (1893–1939) – член партии с 1914 г., с 1927 г. кандидат в члены ЦК ВКП(б). В 1927–1930 гг. председатель Ленинградского областного совета профсоюзов.

Алексеева Ф. Я. – член ЦКК в 1927–1930 гг.

Андреев А. А. (1895–1971) – член партии с 1914 г., в 1924–1925 гг. секретарь ЦК РКП(б), в 1926–1930 гг. кандидат в члены ПБ ЦК ВКП(б). В 1920–1927 гг. секретарь ВЦСПС, председатель ЦК Союза железнодорожников, с 1927 по 1930 г. секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). В 1930–1931 гг. председатель ЦКК ВКП(б), нарком РКИ СССР и зам. председателя СНК СССР.

Антипов Н. К. (1894–1938) – член партии с 1912 г., в 1924–1934 гг. член ЦК ВКП(б). В 1923–1925 гг. секретарь МК, зав. отделом ЦК РКП(б). В 1928–1931 гг. нарком почт и телеграфов СССР. В 1931–1934 гг. заместитель наркома РКИ и член президиума ЦКК ВКП(б).

Антонов В. Г. (1893–?) – член партии с 1917 г., в 1927–1930 гг. член ЦКК. В 1927 г. член Ташкентской ОКК. Литейщик железнодорожных мастерских.

Антонов П. Г. (1878–?) – член партии с 1917 г., в 1927–1930 гг. член ЦКК. Помощник заведующего литейной мастерской.

Анцелович Н. М. (1888–1952) – член партии с 1905 г., в 1927–1934 гг. кандидат в члены ЦК ВКП(б). В 1923–1930 гг. председатель ЦК профсоюза сельских рабочих, член президиума ВЦСПС. В 1930–1931 гг. секретарь ВЦСПС.

Артюхина А. В. (1889–1969) – член партии с 1910 г., с 1924 кандидат, а в 1925–1930 гг. член ЦК ВКП(б), в 1930–1934 г. член ЦКК ВКП(б). С 1925 г. заведующая отделом по работе среди женщин ЦК ВКП(б), одновременно редактор журнала «Работница». В 1931–1932 гг. в ЦКК – РКИ.

Афанасьев Н. А. (1890–?) – член партии с 1910 г., в 1927–1930 гг. член ЦКК. С 1927 г. председатель Северо-Кавказской краевой КК.

Бадаев А. Е. (1883–1951) – член партии с 1904 г., член ЦК ВКП(б) в 1925–1951 гг. В 1921–1929 гг. председатель Петроградского потребительского общества, с 1930 г. председатель Центросоюза, Московского союза потребительских обществ, зам. председателя Моссовета.

---

*Биографические сведения ограничены в основном хронологическими рамками издания. Большинство участников пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. погибли в годы террора.

Базулин В. И. (1895–?) – член партии с 1917 г. В 1920 г. зав. информотделом Донецкого укома КП(б)У. В 1925 г. директор комбината Югосталь в г. Сталино. В 1928–1930 гг. зам. начальника управления черной металлургии ВСНХ. В 1930–1933 гг. начальник управления Северо-Кавказской железной дороги.

Баранов П. И. (1872–1933) – член партии с 1912 г., с 1927 г. кандидат в члены ЦК ВКП(б). В 1924–1931 гг. начальник ВВС РККА.

Баринов М. В. (1888–?) – член партии с 1907 г. В 1926–1933 гг. управляющий Азнефти, с декабря 1933 г. возглавил Главнефть.

Бармашева С. Ф. (1896–?) – член партии с 1917 г., с 1927 г. член ЦКК, председатель страховой кассы Артемовского округа.

Баскин – статистик из Самары.

Бауман К. Я. (1892–1937) – член партии с 1907 г., член ЦК в 1925–1937 гг., кандидат в члены ПБ в 1929–1930 гг. В 1928–1930 гг. второй, первый секретарь МК. В 1931–1934 гг. первый секретарь Среднеазиатского бюро ЦК.

Бауэр Я. Я. (1885–1958) – член партии с 1905 г., в 1927–1934 гг. член ЦКК. С 1926 г. в аппарате ЦК ВКП(б). С 1927 г. управляющий торговой инспекцией РКИ РСФСР.

Бахтина Е. Я. (1888–?) – член партии с 1917 г., член ЦКК с 1927 г., ткачиха Иваново-Вознесенской ткацкой фабрики.

Беленький З. М. (1888–1940) – член партии с 1905 г., в 1928–1934 гг. член ЦКК. В 1925 г. председатель Северо-Кавказского краевого совета профсоюзов. В 1927–1928 гг. зав. отделом ВЦСПС. В 1928–1931 гг. член коллегии, в 1931–1934 гг. заместитель наркома РКИ. С 1934 г. член, заместитель председателя КСК.

Богданов И. А. – в 1927–1930 гг. член ЦКК.

Богданов П. А. (1882–1939) – член партии с 1905 г. В 1919–1925 гг. возглавлял совет военной промышленности ВСНХ. В 1926–1929 гг. председатель Северо-Кавказского крайисполкома.

Бондаренко – директор Константиновского бутылочного завода.

Борьян Б. А. (1882–1938) – член партии с 1903 г. В 1928–1935 гг. работал в Наркомземе, российском отделении Армянторга, член правления Госбанка СССР, член коллегии Наркомфина.

Брюханов Н. П. (1878–1938) – член партии с 1902 г. С 1923 г. нарком продовольствия СССР, в 1926–1930 гг. нарком финансов СССР, в 1931–1933 гг. зам. наркома снабжения СССР, с февраля 1933 г. зам. председателя центральной комиссии по определению урожайности при СНК СССР.

Бубнов А. С. (1883–1938) – член партии с 1903 г, в 1924–1937 гг. член ЦК ВКП(б). С 1924 по 1929 г. начальник политуправления РККА, член РВС СССР и ответственный редактор газеты «Красная звезда». В 1929–1937 гг. нарком просвещения РСФСР.

Булин А. С. (1894–1938) – член партии с 1914 г., член ЦКК в 1925–1930 гг., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1930 г. С 1924 г. начальник политуправления МВО. В 1928–1934 гг. заместитель начальника политуправления РККА, начальник политуправления БВО.

Буссе К. Ю. (1891–1940) – член партии с 1908 г., член ЦКК в 1925–1930 гг. С 1923 г. заместитель председателя, затем председатель Нижегородской губернской КК. С 1930 г. председатель Ивановской ОКК.

Бухарин Н. И. (1888–1938) – член партии с 1906 г., член ПБ ЦК ВКП(б) в 1924–1929 гг. В 1918–1929 гг. главный редактор газеты «Правда». Одновременно (в 1924–1929 гг.) редактор журнала «Большевик». В 1919–1929 гг. член исполкома Коминтерна и его президиума. С 1929 г. начальник сектора ВСНХ.

Быкин Я. Б. (1888–1938) – член партии с 1912 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1934 г. В 1927–1934 гг. член ЦРК. С 1922 г. секретарь Воронежского губкома РКП(б), в 1927–1930 гг. секретарь Ярославского губкома. С февраля 1930 г. секретарь Башкирского обкома ВКП(б).

Варейкис И. М. (1894–1938) – член партии с 1913 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1924–1930 гг. В 1926–1928 гг. секретарь Саратовского губкома. В 1928–1934 гг. первый секретарь Центрально-Черноземного обкома ВКП(б).

Васильев С. В. (1898–?) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. С 1927 г. работник аппарата ЦКК. В 1934 г. председатель ЦК профсоюза работников цветной металлургии.

Вейнберг Г. Д. (1891–1946) – член партии с 1906 г., член ЦКК в 1925–1930 гг. В 1927 г. секретарь Ленинградского губернского совета профсоюзов. В 1929–1937 гг. секретарь ВЦСПС.

Вейцер И. Я. (1889–1938) – член партии с 1914 г. С июля 1924 г. член коллегии, начальник сырьевых заготовок и хлебофуражного управления Наркомата внутренней торговли СССР и Наркомторга СССР. В 1929–1930 гг. нарком торговли УССР. В 1931–1932 гг. заместитель наркома внешней торговли СССР.

Викман П. М. (1890–?) – член партии с 1906 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. В 1925–1930 гг. в аппарате ЦКК ВКП(б). В 1927 г. руководитель группы НК РКИ.

Викснин С. О. (1887–1968) – член партии с 1912 г., член ЦКК в 1924–1934 гг. В 1924–1928 гг. в аппарате ЦКК – РКИ. В 1928–1931 гг. секретарь Саратовского, затем Сталинградского обкомов ВКП(б), председатель Нижне-Волжской краевой КК.

Вишнякова П. И. (1887–1967) – член партии с 1903 г., член ЦКК в 1925–1930 гг. В 1922–1928 гг. работала в Донской ОКК. С 1928 г. в аппарате ЦКК ВКП(б).

Владимирский М. Ф. (1874–1951) – член партии с 1895 г., председатель ЦКК в 1925–1927 гг., председатель ЦРК ВКП(б) в 1927–1951 гг. В 1922–1925 гг. заместитель председателя СНК УССР, секретарь ЦК КП(б)У, председатель ЦКК КП(б)У, нарком РКИ УССР. В 1926–1929 гг. заместитель председателя Госплана СССР, председатель Союза союзов сельскохозяйственной кооперации.

Власов В. Я. – член партии с 1922 г. В 1928 г. директор Бело-Калитвинского рудоуправления Донугля.

Вожжев А. А. (1879–?) – член партии с 1920 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. С 1927 г. помощник механика Грозненского нефтепромысла.

Ворошилов К. Е. (1881–1969) – член партии с 1903 г., с 1921 г. член ЦК ВКП(б), член ПБ (Президиума) ЦК ВКП(б) – КПСС в 1926–1960 г. В 1925–1934 гг. председатель РВС СССР, нарком по военным и морским делам СССР.

Галеев Г. Г. (1894–1938) – член партии с 1919 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. В 1927 г. секретарь Верхне-Городского РК ВКП(б) г. Казани, затем председатель ОКК и нарком РКИ ТАССР. В 1930 г. председатель Госплана ТАССР, затем председатель секции Госплана РСФСР.

Гальева М. И. (1884–?) – член партии с 1918 г. В 1927–1930 гг. член ЦКК. В 1928 г. ткачиха Орехово-Зуевской фабрики № 1 Московской обл.

Галушкин И. И. – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1927–1930 гг.

Гамарник Я. Б. (1894–1937) – член партии с 1916 г., член ЦК ВКП(б) в 1927–1937 гг. С 1923 г. первый секретерь КП(б) Белоруссии. В 1927–1928 г. первый секретарь Далькрайкома ВКП(б). В 1928–1929 гг. первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии. В 1929–1937 гг. начальник политуправления РККА, в 1930–1934 гг. первый заместитель наркома по военным и морским делам и заместитель председателя РВС.

Гей К. В. (1896–1939) – член партии с 1916 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1924–1934 гг. В 1924 г. секретарь Пермского окружкома РКП(б), в 1925–1926 гг. заведующий организационно-распределительным отделом ЦК ВКП(б). С августа 1926 г. секретарь Уралобкома. В 1927 г. член исполбюро Профинтерна.

Генкин Е. Б. – в 1928 г. работник Наркомата торговли Украины.

Герасимов А. Г. (1883–1962) – член партии с 1906 г., член ЦКК в 1925–1930 гг. В 1920–1930 гг. заведующий центральным бюро жалоб при ЦКК – РКИ, председатель РКК ВКП(б) Дзержинского района Москвы, затем секретарь партколлегии КПК при ЦК ВКП(б) по Курской железной дороге. В 1927–1930 гг. управляющий инспекцией НК РКИ.

Голощекин Ф. И. (1876–1941) – член партии с 1903 г., член ЦК ВКП(б) в 1927–1934 гг. В 1925–1933 гг. секретарь крайкома ВКП(б) Казахстана. С 1933 г. главный государственный арбитр при СНК СССР.

Гольцман А. З. (1894–1933) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1927–1933 гг. В 1924–1925 гг. член президиума ВСНХ, руководитель Главэнерго. В 1926–1930 гг. член коллегии НК РКИ. С 1930 г. начальник главного управления ГВФ.

Гончаренко В. А. – член партии с 1905 г. В 1928 г. директор Первомайского рудоуправления Донбасса.

Гончаров Н. К. (1886–1970) – член партии с 1904 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. С 1924 г. председатель Кожевенного синдиката. В 1927 г. инспектор РКИ СССР. В 1931–1934 гг. на дипломатической работе в Японии.

Горчаев М. Д. (1886–1960) – член партии с 1914 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. В 1928–1929 гг. председатель Крымской областной КК. В 1929–1931 гг. председатель ЦКК КП(б) Азербайджана. В 1933 председатель Северо-Кавказской краевой КК, член президиума ЦКК.

Горшков И. И. (1885–1966) – член партии с 1904 г., член ЦКК в 1924–1930 гг. В 1923–1927 гг. секретарь Егорьевского, затем Дмитровского укомов ВКП(б). С января 1928 г. член Московской КК и с 1929 по 1930 г. МРКИ. С 1930 г. секретарь Верейского РК ВКП(б).

Гречаный В. М. (1876–?) – член партии с 1905 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. С 1927 г. сортировщик завода «Красный Октябрь» в Сталинграде.

Григорьева М. П. (1884–?) – член партии с 1924 г., член ЦКК в 1925–1930 гг. С 1928 г. председатель ОКК ВКП(б) Карелии.

Гринько Е. Л. – член партии с 1924 г. В 1928 г. директор Гришинского рудоуправления Донугля.

Гроссман В. Я. (1895–1971) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. С 1927 г. в аппарате ЦКК, с 1934 г. член КПК. В 1931 г. член президиума ВСНХ.

Грузель В. П. (1884–1937) – член партии с 1906 г., член ЦКК в 1925–1930 гг. В 1924–1926 гг. председатель ЦКК КП(б) Белоруссии. С 1927 г. инструктор ЦКК и НК РКИ.

Грум-Гржимайло В. Е. (1864–1928) – металлург, член-корреспондент АН СССР (1927). По окончании Санкт-Петербургского горного института в 1885 г. работал на уральских металлургических заводах. С 1907 г. адъюнкт, в 1911–1918 гг. ординарный профессор Петербургского политехнического института, затем до 1924 г. профессор Уральского горного института. С 1924 г. работал по проектированию металлургических и др. заводских печей, создав в Москве Бюро металлургических и теплотехнических конструкций.

Грядинский Ф. П. (1893–1938) – член партии с 1912 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1927 г. В 1927–1928 гг. уполномоченный НКторга по Ленинградской обл. В 1928–1929 гг. председатель облисполкома ЦЧО. В 1929–1930 гг. заместитель наркома внешней и внутренней торговли СССР.

Грязев А. М. (1880–?) – член партии с 1911 г., член ЦКК в 1927–1930 гг.

Грязев И. Я. (1882–?) – член партии с 1905 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. В 1927 г. секретарь партколлегии ЦКК Украины.

Губкин И. М. (1871–1939) – член партии с 1921 г., геолог-нефтяник, академик, вице-президент АН СССР. В 1920–1925 гг. председатель особой комиссии по изучению Курской магнитной аномалии. С 1930 г. ректор Московского нефтяного института, с 1931 г. начальник государственного геологоразведочного управления ВСНХ.

Гуревич А. И. (1896–1937) – член партии с 1916 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. В 1930 г. член президиума ВСНХ. С 1932 г. зам. наркома тяжелой промышленности, начальник главного управления металлургической промышленности.

Гусев А. Н. (1891–?) – член партии с 1920 г., член ЦКК в 1925–1930 гг. В 1929–1935 гг. зав. сектором печати и зам. зав. отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б).

Данчич В. В. – инженер, в 1922 г. возглавлял комиссию по составлению плана восстановления каменноугольной и антрацитовой промышленности.

Дволайцкий Ш. М. (1893–1937) – член партии с 1917 г. В 1921–1924 гг. профессор МГУ и Института красной профессуры. В 1925 г. зав. отделом, а в 1926 г. зам. председателя Внешторгбанка. В 1926–1930 гг. начальник экономического управления Наркомторга СССР.

Десов Г. А. (1884–1937) – член партии с 1902 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. В 1926–1929 гг. председатель Ленинградской ОКК и РКИ.

Детердинг Генри (1866–1939) – генеральный директор нидерландской нефтяной кампании «Ройал датч».

Дирик К. Я. (1882–1957) – член партии 1904 г., член ЦКК в 1925–1934 гг. С 1926 г. председатель Крымской ОКК. В 1928 г. председатель Владимирской губернской КК, с 1929 г. зам. председателя Иваново-Вознесенской ОКК. В 1930–1934 гг. член партколлегии ЦКК ВКП(б).

Догадов А. И. (1888–1937) – член партии с 1905 г., член ЦК ВКП(б) в 1924–1930 гг. С 1921 г. член президиума, секретарь, а с 1929 г. первый секретарь ВЦСПС. В 1930 г. зам. председателя ВСНХ СССР. С 1931 г. нарком РКИ ЗСФСР и председатель Закавказской краевой контрольной комиссии ВКП(б).

Долидзе А. Г. (1878–1938) – член партии с 1905 г., член ЦКК в 1925–1930 гг. В 1924 г. председатель партколлегии ЦК КП(б) Грузии, затем работал в РКИ, секретарем ЦИК ЗСФСР. В 1927–1930 гг. нарком РКИ Грузии и председатель ЦКК КП(б) Грузии. С 1930 г. нарком финансов Грузии.

Дюжев А. П. (1886–1956) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. В 1922–1956 гг. управляющий Курской магнитной аномалией, затем Сырских рудников в Липецке, председатель Никольского сельсовета.

Евреинов Н. Н. (1892–1941) – член партии в 1912 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. В 1926–1928 гг. член президиума ВЦСПС. В 1929 г. секретарь ВЦСПС. С 1930 г. председатель ЦК профсоюза текстильщиков.

Егоров Я. Г. (1892–1957) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. В двадцатых годах был на партийной работе в Гомельской, Ярославской, Брянской губерниях. В 1927 г. инспектор РКИ СССР.

Елизаров В. П. (1887–1939) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. С 1927 г. монтер железнодорожных мастерских в г. Красноярске.

Енукидзе А. С. (1877–1937) – член партии с 1898 г., член ЦКК в 1924–1934 гг., член ЦК в 1934–1935 гг. В 1922–1935 гг. секретарь и член президиума ЦИК, уполномоченный ЦИК по минераловодческой группе, затем начальник Харьковской конторы Цудортранса.

Жданов А. А. (1896–1948) – член партии с 1915 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927–1930 гг., с 1930 г. член ЦК ВКП(б). В 1922–1934 гг. зав. отделом, первый секретарь Нижегородского губкома, затем Горьковского крайкома партии.

Жданов Г. М. (1876–1944) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. В 1927 г. рабочий-мартеновщик Лысьвенского металлургического завода (Пермская обл.).

Жуков И. П. (1889–1937) – член партии с 1909 г., член ЦК ВКП(б) в 1925–1937 гг. В 1927 г. председатель правления Ленинградского треста слабых токов, член обкома и горкома ВКП(б). В 1928–1929 гг. председатель Ленинградского облсовнархоза. С 1930 г. председатель Всесоюзного объединения электротехнической промышленности.

Завицкий Г. М. (1882–1959) – член партии с 1905 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. В 1920 г. зам. председателя Уралэлектро, затем член правления Электротреста. С 1924 г. на руководящей партийной и советской работе. С 1927 г. председатель Харьковской окружной КК и РКИ, член президиума ЦКК КП(б) Украины. В 1929–1933 гг. председатель Верховного суда Украины.

Загребельный М. Н. (1883–?) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1924–1930 гг. С 1927 г. слесарь на заводе «Андре Марти» в г. Николаеве.

Зайцев Г. А. (1884–?) – член партии с 1906 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. С 1924 г. секретарь партколлегии Уральской ОКК.

Зайцев Г. М. – член партии с 1918 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. С 1927 г. слесарь завода «Красная Этна» в Нижнем Новгороде.

Зайцев Ф. И. (1894–1960) – член партии с 1915 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. В 1924–1927 гг. член РКИ и ЦКК КП(б)У. В 1929–1936 гг. секретарь Луганского окружкома и горкома ВКП(б).

Зангвиль З. Г. (1895–1981) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. В 1921–1930 гг. работал в управлении фининспекции наркомата РКИ СССР. С 1932 гг. начальник финансового сектора, член арбитража НКТП.

Затонский В. П. (1888–1938) – член партии с 1917 г., член президиума ЦКК в 1927–1934 гг. В 1927–1933 гг. председатель ЦКК КП(б) Украины и нарком РКИ УССР, с 1933 г. нарком просвещения УССР, член ПБ ЦК КП(б)У.

Зеленский И. А. (1890–1938) – член партии с 1906 г., в 1924 г. секретарь ЦК РКП(б), в 1922–1937 гг. член ЦК ВКП(б). С октября 1924 г. секретарь Среднеазиатского бюро ЦК.

Землячка Р. С. (1876–1947) – член партии с 1896 г., член ЦКК с 1924 г., член президиума ЦКК в 1930–1934 гг. В 1925–1926 гг. секретарь Мотовилихинского райкома Пермской губернии. В 1926–1931 гг. инспектор, член коллегии НК РКИ СССР.

Злобин А. Н. (1896–1950) – член партии с 1917 г. В 1928 г. уполномоченный Комитета заготовок, член Западно-Сибирского крайкома.

Ибраимов Вели (1888–1928) – член партии с 1918 г. С 1924 г. председатель ЦИК Крымской АССР.

Иванов В. И. (1893–1938) – член партии с 1915 г., член ЦКК в 1924 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925–1934 гг. В 1924 г. председатель МКК. В 1924–1927 гг. секретарь ЦК КП(б) Узбекистана. В 1927–1931 гг. второй секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б).

Икрамов А. И. (1898–1938) – член партии с 1918 г., кандидат в члены ЦК в 1925–1934 гг.. С марта 1925 г. ответственный секретарь ЦК КП(б) Узбекистана, в 1929–1937 гг. первый секретарь ЦК КП(б) Узбекистана и Ташкентского ГК.

Ильин Н. И. (1884–1957) – член партии с 1910 г., в 1925–1934 гг. член президиума ЦКК. В 1927–1930 гг. нарком РКИ РСФСР.

Кабаков И. Д. (1891–1937) – член партии с 1914 г., член ЦК ВКП(б) в 1925–1937 гг. С 1922 г. секретарь Ярославского губкома. В 1924–1927 гг. первый секретарь Тульского губкома ВКП(б). В 1928–1929 гг. председатель Уральской ОКК. С 1929 г. первый секретарь Уральского (с 1934 г. Свердловского) обкома.

Каганович Л. М. (1893–1991) – член партии с 1911 г., член ЦК ВКП(б) в 1924–1957 гг., кандидат в члены ПБ в 1926–1930 гг., член ПБ (Президиума) ЦК в 1930–1957 гг. С апреля 1925 г. по июль 1928 г. генеральный секретарь ЦК КП(б) Украины. Секретарь ЦК ВКП(б) в 1928–1939 гг. В 1930–1935 гг. первый секретарь МК.

Калашников В. С. (1890–1970) – член партии с 1906 г., член ЦКК в 1923–1930 гг. В 1923–1925 гг. секретарь Томского губкома партии. В 1925–1929 гг. председатель Сибирской краевой КК. В 1929–1930 гг. зам. зав. орготделом ЦКК.

Калашников М. И. (1894–?) – член партии с 1918 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. С 1927 г. в аппарате НК РКИ СССР.

Калинин М. И. (1875–1946) – член партии с 1898 г., член ЦК ВКП(б) с 1919 г., кандидат в члены ПБ с 1921 г., член ПБ в 1926–1946 гг. В 1919–1938 гг. председатель ВЦИК и ЦИК СССР.

Калманович М. И. (1888–1937) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1927–1930 гг., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1930 г. В 1924–1927 гг. председатель правления Промбанка СССР. В 1928–1930 гг. председатель правления зернотреста НКзема СССР и зам. наркома земледелия СССР. С 1930 г. председатель правления Госбанка СССР и зам. наркома финансов СССР.

Калманович – в 1928 г. главный инженер шахты «Чистяковка».

Калнин А. Я. (1889–?) – член партии с 1913 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. В 1924–1927 гг. работал в ВСНХ Белоруссии. С 1927 г. председатель ЦКК КП(б) Белоруссии.

Калнын П. Э. (1878–?) – главный инженер рудоуправления Донугля. В 1928 г. осужден по «шахтинскому делу».

Калыгина А. С. (1895–1937) – член партии с 1915 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1925 г. В 1927–1930 гг. зам. зав. женотделом ЦК ВКП(б). В 1930–1935 гг. секретарь Калининского ГК.

Каменев (Розенфельд) Л. Б. (1883–1936) – член партии с 1901 г., член ПБ в 1919–1925 гг., член ЦК ВКП(б) в 1919–1927 гг. С 1922 г. зам. председателя СНК РСФСР (затем СССР), председатель СТО, директор Института Ленина. В 1926 г. нарком внешней и внутренней торговли СССР, затем полпред СССР в Италии. В 1928–1929 гг. председатель научно-технического управления ВСНХ СССР и Главконцесскома.

Каминский Г. Н. (1895–1938) – член партии с 1913 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925–1938 гг. В 1922–1928 гг. зам. председателя «Сельскосоюза», председатель ЦК профсоюзов «Всеработземлес», зам. председателя Союза союзов сельхозкооперации, председатель Колхозцентра. В 1930 гг. заведующий отделом агитации и массовых кампаний ЦК ВКП(б), секретарь МГК ВКП(б).

Караваев П. Н. (1894–1952) – член партии с 1903 г., в 1924–1934 гг. член ЦКК. В 1924–1928 гг. инструктор орготдела и член партийной коллегии ЦКК. С 1928 г. секретарь партколлегии московской городской КК РКИ.

Караев А. Г. (1896–1938) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. С 1922 г. командовал частями особого назначения, позже секретарь ЦК КП(б) Азербайджана.

Каримов А. К. (1881–1941) – член партии с 1918 г., член ЦКК в 1923–1934 гг. В 1924–1930 гг. работал в Учалинском волисполкоме. В 1930–1931 гг. председатель колхоза Учалинского района.

Карпов В. З. – член ЦКК.

Кары Кулиев (1887–?) – член партии с 1918 г., член ЦКК в 1925–1930 гг. С 1927 г. нарком РКИ Туркмении.

Квиринг Э. И. (1888–1937) – член партии с 1912 г., член ЦК ВКП(б) в 1923–1934 гг. В 1925–1927 гг. зам. председателя ВСНХ СССР. В 1928 гг. председатель правления Днепростроя. В 1930 г. зам. председателя Госплана СССР. В 1931 г. зам. наркома путей сообщения.

Киркиж К. О. (1888–1932) – член партии с 1910 г., член ЦК ВКП(б) в 1925–1930 гг., член ЦКК в 1930–1932 гг. В 1925 г. зав. орготделом ЦК КП(б)У. В 1926–1927 гг. нарком РКИ УССР. В 1927–1929 гг. секретарь ЦК КП(б) Узбекистана, затем председатель ЦК профсоюза совторгслужащих.

Киров С. М. (1886–1934) – член партии с 1904 г., член ЦК ВКП(б) с 1923 г., кандидат в члены ПБ с 1926 г., член ПБ с 1930 г. С 1926 г. первый секретарь Ленинградского губкома и ГК и Северо-Западного бюро ЦК, одновременно в 1934 г. секретарь ЦК.

Киселев А. С. (1879–1937) – член партии с 1898 г., кадидат в члены ЦК ВКП(б) в 1917–1919, 1921–1923, 1925–1934 гг. В 1919–1920, 1924–1937 гг. член президиума ВЦИК, секретарь ВЦИК. В 1927–1935 гг. член ЦИК СССР.

Киселев – член партии с 1922 г. В 1928 г. директор Боковского рудоуправления, затем зав. подотделом механизации управления Донугля.

Клинов Я. И. (1882–?) – член партии с 1905 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. В 1927 г. управляющий трестом заводов «Знамя труда» в Ленинграде.

Клименко И. Е. (1891–1937) – член партии с 1912 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925–1934 гг. В 1927 г. зам. наркома земледелия РСФСР. В 1929 г. зам. наркома земледелия СССР, председатель «Тракторцентра». В 1930 г. председатель Сибирского крайисполкома, директор Средне-Азиатской железной дороги.

Клюев П. Н. (1891–?) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. С 1927 г. управляющий Башкирской суконной фабрики, затем нарком РКИ Башкирии.

Книга М. А. (1890–?) – член партии с 1918 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. В 1928 г. крестьянин Тимошевского района Северо-Кавказского края.

Кнорин В. Г. (1890–1938) – член партии с 1910 г., член ЦК ВКП(б) в 1927–1937 гг., член ЦРК ВКП(б) в 1925–1927 гг. В 1922–1927 гг. в аппарате ЦК и МК ВКП(б). В 1927–1928 гг. секретарь ЦК КП(б) Белоруссии. В 1928–1935 гг. в Исполкоме Коминтерна.

Кобылин В. Н. (1893–?) – член партии с 1918 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. В 1928 г. слесарь Тульского оружейного завода.

Ковалев М. И. (1887–1965) – член партии с 1905 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. В 1924–1934 гг. секретарь партколлегии Сибирской краевой КК.

Кодацкий И. Ф. (1893–1937) – член партии с 1914 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1925 г., член ЦК ВКП(б) в 1930–1937 гг. В 1923–1927 гг. секретарь Московско-Нарвского, затем Выборгского РК Ленинграда. В 1928–1929 гг. заместитель, затем председатель Ленинградского областного СНХ. С 1930 г. председатель Ленинградского областного исполкома и Ленинградского совета депутатов.

Кожевников И. Ф. (1889–?) – член партии с 1912 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. С 1927 г. председатель Свердловской окружной КК.

Козлов С. К. (1886–?) – член партии с 1904 г., член ЦКК в 1927–1930 гг.

Коковихин М. Н. (1883–1965) – член партии с 1903 г., член ЦКК в 1923–1930 гг., с 1925 г. член президиума ЦКК. В 1924 председатель Уральской ОКК. С 1925 г. в аппарате ЦКК. В 1927 г. зав. группой низового соваппарата НК РКИ. С 1928 г. председатель ОКК ЦЧО.

Колгушкин Ф. Т. (1887–?) – член партии с 1905 г. В 1928 г. председатель Ленинградского областного СНХ. На XV съезде ВКП(б) избран кандидатом в члены ЦК. 14 марта 1928 г. президиум ЦКК утвердил решение партколлегии ЦКК от 10 марта об исключении Колгушкина из партии.

Колобов Н. Д. (1899–?) – член партии с 1919 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. В 1928 г. слесарь завода им. Профинтерна.

Колотилов Н. Н. (1885–1937) – член партии с 1903 г., член ЦК ВКП(б) в 1924–1934 гг. В 1925–1931 гг. секретарь Ивановского губкома.

Комаров Н. П. (Собинов Ф. Е.) (1886–1937) – член партии с 1909 г., член ЦК ВКП(б) в 1921, 1923–1934 гг. В 1926–1929 гг. председатель исполкома Ленинградского городского и губернского советов. В 1930–1931 гг. член президиума ВСНХ.

Комиссаров С. И. (1890–1965) – член партии с 1914 г., член ЦКК в 1923–1930 гг., входил в президиум ЦКК. С 1923 г. председатель краевой контрольной комиссии, затем один из секретарей Северо-Кавказского крайкома. В 1927 г. зам. председателя Союза сельскохозяйственных кооперативов. В начале 1930-х гг. председатель Северного крайисполкома.

Кондратьев Д. И. (1890–?) – член партии с 1918 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. В 1924 г. работал на железной дороге в Самаре, затем в РКИ Самары. В 1927–1930 гг. председатель губернской КК, член горсовета Самары.

Кондратьев Н. Д. (1892–1938) – экономист-аграрник. В 1917 г. принимал участие в разработке проектов аграрных реформ. Занимал пост товарища (заместителя) министра продовольствия во Временном правительстве третьего коалиционного состава. Затем профессор Тимирязевской сельхозакадемии, директор Конъюнктурного института. Один из пионеров отечественной методологии перспективного планирования. В дискуссиях второй половины 1920-х гг. отстаивал варианты углубления принципов нэпа.

Кондратьев Т. К. (1892–?) – член партии с 1913 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927–1930 гг. В 1924 г. председатель губернского союза коммунального хозяйства в Ленинграде. В 1927 г. секретарь Володарского РК, член обкома и облисполкома Ленинграда.

Кононенко В. П. (1895–?) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1927–1930 гг.

Копань А. Л. (1887–?) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1925–1930 гг. С 1920 г. волостной военный комиссар в Западной Сибири, затем член Славгородского окружкома Сибирского края.

Копьев А. К. (1890–?) – член парии с 1917 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. В 1927–1930 гг. председатель Брянской губернской КК.

Коростелев А. А. (1887–1938) – член партии с 1905 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. В 1922–1929 гг. председатель ЦК Союза работников просвещения. В 1929 г. зав. орготделом ВЦСПС, член президиума ВЦСПС. В 1930 г. зам. председателя металлообъединения РСФСР.

Коростелев Г. А. (1885–1932) – член партии с 1905 г., член ЦКК в 1924–1932 гг. В 1921–1922 гг. ответственный секретарь Киргизского обкома РКП(б) и член ЦК Киргизского бюро. С 1924 г. председатель Московской КК и РКИ, затем член коллегии НК РКИ РСФСР.

Коротков И. И. (1885–1949) – член партии с 1905 г., член ЦКК в 1924–1934 гг. С 1921 г. председатель Тейковского уездного комитета РКП(б), затем председатель уездного исполкома г. Шуи, зав. оргинструкторским отделом и секретарь губкома в Иваново-Вознесенске. В 1923–1939 гг. работал в аппарате ЦК и ЦКК ВКП(б), член партколлегии ЦКК ВКП(б).

Косарев А. В. (1903–1939) – член партии с 1919 г., член ЦКК в 1927–1930 гг., кандидат в члены Оргбюро в 1930–1934 гг. В 1921–1929 гг. в аппарате ЦК РКСМ, секретарь Бауманского райкома РКСМ в Москве, Московско-Нарвского райкома в Ленинграде, Пензенского губкома комсомола, зав. отделом ЦК ВЛКСМ, в 1927–1929 гг. первый секретарь Московского комитета комсомола. В 1929–1938 гг. генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ.

Косиор И. В. (1893–1937) – член партии с 1908 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925–1927 гг., член ЦК в 1927–1937 гг. С 1927 г. заместитель председателя ВСНХ СССР, заместитель наркома тяжелой промышленности, затем уполномоченный СНК СССР по ДВК.

Косиор С. В. (1889–1939) – член партии с 1907 г., член ЦК ВКП(б) с 1924 г., кандидат в члены ПБ ЦК ВКП(б) в 1927–1930 гг., секретарь ЦК ВКП(б) в 1926–1928 гг. В 1926–1928 гг. секретарь ЦК КП(б)У. В 1928–1938 гг. генеральный (первый) секретарь ЦК КП(б)У.

Котов В. А. (1895–1937) – член партии с 1915 г., член ЦК ВКП(б) в 1925–1930 гг. В 1925–1928 гг. секретарь МК. С 1929 г. член коллегии НКТруда РСФСР и заведующий бюро ВЦСПС.

Краваль И. А. (1897–1938) – член партии с 1919 г. В 1928–1930 гг. член президиума ВСНХ. В 1930–1932 гг. зам. наркома труда СССР.

Краснов П. Н. (1869–1947) – генерал-лейтенант Российской армии, командующий войсками белой армии во время гражданской войны. В 1919 г. эмигрировал в Германию.

Крестинский Н. Н. (1883–1938) – член партии с 1903 г., член ПБ в 1919–1921 гг. С 1922 г. на дипломатической работе, был полпредом в Германии. С 1930 г. зам. наркома иностранных дел СССР.

Кржижановский Н. К. (1888–1928) – старший инженер проектного отдела УНС. Осужден по «шахтинскому делу» к высшей мере наказания.

Криницкий А. И. (1894–1937) – член партии с 1915 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1924–1934 гг., член ЦК ВКП(б) в 1934–1937 гг. В 1925 г. первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии. В 1926–1928 гг. зав. отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). В 1929 г. секретарь Закавказского крайкома. С 1930 г. заместитель наркома РКИ СССР.

Крицман Л. Н. (1890–1938) – член партии с 1918 г. В 1925–1931 гг. член коллегии, а затем зам. управляющего ЦСУ СССР, зам. председателя Госплана СССР. С 1926 г. ответственный редактор журнала «На аграрном фронте», член редколлегии журнала «Проблемы экономики». С 1928 г. директор Аграрного института и заместитель председателя Комитета по изучению аграрной революции.

Крупская Н. К. (1869–1939) – член партии с 1898 г., член ЦКК с 1924 г., член ЦК ВКП(б) с 1927 г. С 1920 г. возглавляла Главполитпросвет. С 1929 г. заместитель наркома просвещения РСФСР.

Крыленко Н. В. (1885–1938) – член партии с 1904 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. В 1918–1931 гг. в органах юстиции, обвинитель на крупнейших политических процессах. С 1922 г. зам. наркома юстиции РСФСР, старший помощник прокурора, затем прокурор РСФСР. С 1931 гг. нарком юстиции РСФСР.

Кубяк Н. А. (1881–1937) – член партии с 1898 г., член ЦК ВКП(б) в 1923–1934 гг.. В 1922–1926 гг. секретарь Дальбюро ЦК РКП(б) и Далькрайкома. В 1927–1928 гг. секретарь ЦК ВКП(б). В 1928–1931 гг. нарком земледелия РСФСР. В 1931–1933 гг. председатель Ивановского облисполкома.

Кузьмин П. К. (1881–?) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1927–1930 гг., председатель коммуны Островского района Псковской обл.

Кузьмина А. П. (1888–?) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. Ткачиха фабрики им. Третьего Интернационала Алексеевского округа Ивановской обл.

Куйбышев В. В. (1888–1935) – член партии с 1904 г., член ЦК ВКП(б) в 1922–1923, 1927–1935 гг., председатель ЦКК в 1923–1927 гг., член ПБ ЦК ВКП(б) в 1927–1935 гг. В 1926–1930 гг. председатель ВСНХ. В 1930–1934 гг. председатель Госплана СССР и заместитель председателя СНК и СТО СССР.

Куликов Е. Ф. (1891–1937?) – член партии с 1910 г., член ЦК ВКП(б) в 1925–1930 гг. В 1927–1928 гг. ответственный секретарь Замоскворецкого РК Москвы. В 1929 г. член правления Центросоюза.

Ладошин Г. И. (1892–1973) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1925–1930 гг. В 1927 г. электромонтер Октябрьской железной дороги.

Ларин В. Ф. (1895–1937) – член партии с 1914 г., член ЦКК в 1925–1934 гг. С 1924 г. секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). В 1927 г. руководитель группы ЦКК.

Ларичев А. И. (1892–?) – член партии с 1911 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. В 1924–1927 гг. председатель Уральской ОКК, затем на партийной работе в Шадринске. В 1929 г. зав. орготделом Уралобкома, с конца 1929 по 1930 гг. ответственный инструктор ЦК ВКП(б).

Лебедев П. Н. (1879–?) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. В 1927 г. председатель правления коммуны в ЦЧО.

Лебедь Д. З. (1893–1937) – член партии с 1909 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1922–1923 гг., член ЦКК в 1924–1930 гг., в 1926–1930 гг. член президиума ЦКК. В 1927–1930 гг. зам. наркома РКИ.

Левитин К. Ф. (1895–1939) – член партии с 1913 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. С 1924 г. работал в органах ЧК в Сибири. В 1928–1930 гг. зам. председателя Средне-Волжской КК.

Левченко Н. И. – член партии с 1920 г. В 1928 г. директор Кадиевского, затем Горловского рудоуправления Донугля.

Лежава А. М. (1870–1937) – член партии с 1904 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. В 1921–1922 гг. зам. наркома внешней торговли РСФСР. В 1922–1924 гг. нарком внутренней торговли РСФСР. В 1924–1930 гг. председатель Госплана и зам. председателя СНК РСФСР.

Ленгник Ф. В. (1873–1936) – член партии с 1893 г., член ЦКК в 1925–1930 гг. В 1923 г. назачен членом коллегии НК РКИ. С января 1926 г. член президиума ЦКК ВКП(б) и начальник Центральной инспекции транспорта и связи. В 1927–1928 гг. член коллегии НК РКИ. В 1928–1929 гг. руководитель Комитета по стандартизации.

Леонов Ф. Г. (1892–1938) – член партии с 1914 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927–1930 гг., член ЦК ВКП(б) в 1930–1934 гг. В 1928 г. секретарь Краснопресненского РК ВКП(б) г. Москвы. В 1929–1930 гг. секретарь МК. В 1930–1933 гг. первый секретарь Восточно-Сибирского крайкома.

Лепа А. К. (1896–1938) – член партии с 1914 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1934 г. В 1927–1929 гг. секретарь Курского ГК ВКП(б). Член ЦРК в 1927–1934 гг.

Лепсе И. И. (1889–1929) – член партии с 1904 г., член ЦК ВКП(б) с 1924 г. С 1921 г. председатель ЦК Союза металлистов, член президиума ВЦСПС и исполнительного бюро Профинтерна.

Лисицын Н. В. (1891–1939) – член партии с 1910 г., член ЦКК в 1923–1930 гг. В 1917–1929 гг. член президиума Московского облисполкома, зав. отделом информации ЦК ВКП(б). В 1927–1929 гг. зам. наркома РКИ РСФСР. С 1930 г. зам. наркома, затем нарком земледелия РСФСР.

Литвинов М. М. (1876–1951) – член партии с 1898 г., член ЦК ВКП(б) в 1934–1941 гг. В 1923–1929 гг. зам. наркома иностранных дел СССР. С 1930 г. нарком иностранных дел СССР.

Лобачев И. С. (1879–1933) – член партии с 1917 г. В 1923 г. зам. наркома продовольствия СССР. В 1924 г. нарком внутренней торговли РСФСР. В 1925–1929 гг. председатель правления Хлебопродукта, затем Союзхлеба. В 1930 г. зам. наркома торговли СССР. В 1932 г. председатель Всесоюзного объединения мукомольной промышленности.

Лобов С. С. (1888–1937) – член партии с 1913 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1922–1923 гг., член ЦК ВКП(б) в 1924–1937 гг. В 1926–1930 гг. председатель

ВСНХ РСФСР, начальник Главэнерго. С декабря 1930 г. зам. наркома снабжения СССР.

Лозовский А. (Дридзо С. А.) (1878–1952) – член партии с 1901 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927–1930 гг. В 1921–1937 гг. генеральный секретарь Профинтерна.

Локацков Ф. И. (1881–1937) – член партии с 1904 г., член ЦКК в 1925–1927 гг. С 1927 г. член президиума ВСНХ СССР. В 1930 г. зам. председателя ВСНХ РСФСР.

Ломинадзе В. В. (1897–1935) – член партии с 1917 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925–1930 гг., член ЦК ВКП(б) в 1930 г. В 1925–1929 гг. член президиума Исполкома Коминтерна. В 1928–1930 гг. зам. директора Института Маркса и Энгельса. В 1930 г. первый секретарь Закавказского крайкома.

Ломов (Оппоков) Г. И. (1888–1938) – член партии с 1903 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1925 г., член ЦК ВКП(б) в 1927–1934 гг. В 1926–1929 гг. председатель правления Донугля, член ПБ ЦК КП(б) Украины. С 1929 г. член президиума ВСНХ СССР. В 1931–1933 гг. заместитель председателя Госплана СССР.

Луначарский А. В. (1875–1933) – член партии с 1895 г. В 1917–1929 гг. нарком просвещения РСФСР. Академик АН СССР.

Любимов А. В. (1898–1967) – член партии с 1924 г. С 1925 г. рабочий, мастер, секретарь парторганизации фабрики «Свобода» в г. Москве.

Любимов И. Е. (1882–1937) – член партии с 1902 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925–1927 гг., член ЦК ВКП(б) в 1927–1937 гг. В 1926–1930 гг. председатель правления Центросоюза. В 1930–1931 гг. заместитель наркома внешней и внутренней торговли и торгпред в Германии.

Лядов (Мандельштам) М. Н. (1872–1947) – член партии с 1893 г. В 1922 г. в главном управлении по топливу в Москве. В 1923–1929 гг. ректор Коммунистического университета им. Свердлова. В 1927–1930 гг. член ЦРК, член МК ВКП(б). В 1930 г. член коллегии Наркомпроса и начальник Главнауки.

Ляксуткин Ф. Ф. (1896–?) – член партии с 1913 г., член ЦКК в 1927–1934 гг., старший инспектор ЦКК в 1927–1929 гг. В 1926–1928 гг. секретарь Мариупольского окружкома ВКП(б). В 1929–1930 гг. председатель Сибирской краевой контрольной комиссии. В 1931–1933 гг. заведующий бюро жалоб и руководитель группы заготовок в НК РКИ СССР.

Мазуров С. С. (1892–?) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. В 1927–1930 гг. котельщик Первого государственного рудника в г. Шахты.

Магер М. П. – член ЦКК.

Майоров М. М. (1890–1938) – член партии с 1906 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. В 1924–1927 гг. председатель Астраханского, затем Томского губисполкомов. В 1927–1930 гг. зам. председателя ЦКК КП(б) Украины. В 1930–1932 гг. нарком снабжения УССР.

Мальцев Н. В. (1891–?) – член партии с 1908 г., член ЦКК в 1927–1934 гг., член коллегии ЦКК в 1928–1930 гг. В 1925–1930 гг. инспектор главного курортного управления.

Мамонтов К. К. (1869–1920) – генерал–лейтенант. Во время Гражданской войны командовал группой войск в армии Краснова, 4-м Донским конным корпусом в армии А. И. Деникина.

Манжара Д. И. (1885–?) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1924–1934 гг. В 1927–1929 гг. уполномоченный ЦКК по Средней Азии, член ЦИК Узбекистана.

Марков А. Т. (1877–?) – член партии с 1898 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. В 1926–1929 гг. председатель ЦК Союза текстильщиков.

Матов Ю. Н. – инженер, в 1928 г. заведующий управлением нового строительства Донугля. Осужден по «шахтинскому делу».

Махарадзе Ф. И. (1868–1941) – член партии с 1898 г., член ЦКК в 1925–1930 гг. С 1922 г. председатель ЦИК Грузинской ССР, председатель Госплана ЗСФСР, председатель СНК Грузинской ССР.

Медведев А. В. (1884–1937) – член партии с 1904 г., член ЦК ВКП(б) в 1925–1930 гг., член ЦКК в 1930–1934 гг. В 1928–1929 гг. секретарь ЦК КП(б)У. В 1930–1934 гг. член президиума ЦИК СССР.

Медведев Т. И. (1885–?) – член партии с 1919 г., в 1927–1930 гг. член ЦКК. В 1927–1929 г. мастер цеха 1-й образцовой типографии.

Медведев Ф. Д. (1890–1937) – член партии с 1907 г. С 1920 г. член ЦК Союза металлистов, затем в Наркомтруде. В 1928–1929 гг. председатель синдиката Всецветмет. В 1930–1933 гг. находился в резерве ВСНХ.

Межлаук В. И. (1893–1938) – член партии с 1917 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927–1934 гг. В 1926–1931 гг. начальник Главметалла, зам. председателя ВСНХ СССР.

Мельничанский Г. Н. (1886–1937) – член партии с 1902 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925–1930 гг. В 1924–1926 зав. орготделом ВЦСПС. В 1926–1929 гг. председатель ЦК Союза текстильщиков. 1929–1931 гг. председатель Всесоюзного текстильного объединения, член президиума ВСНХ.

Менжинский В. Р. (1874–1934) – член партии с 1902 г., член ЦК ВКП(б) в 1927–1934 гг. С 1923 г. зам. председателя, с 1926 г. председатель ОГПУ.

Микоян А. И. (1895–1978) – член партии с 1915 г., член ЦК ВКП(б) с 1923 г., кандидат в члены ПБ с 1926 г., член ПБ (Президиума) в 1935–1966 гг. С 1926 г. нарком внутренней и внешней торговли СССР, с 1930 г. нарком снабжения СССР.

Мильчаков А. И. (1903–1973) – член партии с 1919 г., член ЦКК в 1925–1934 гг. В 1921–1925 гг. член ЦК РКСМ, секретарь Юго-Восточного бюро ЦК. В 1925–1926 гг. член президиума исполкома КИМ. В 1927–1928 гг. генеральный секретарь ЦК КСМ Украины. В 1928–1929 гг. в ЦК ВЛКСМ.

Милютин В. П. (1884–1937) – член партии с 1903 г., член ЦКК в 1924–1934 гг. В 1924–1928 гг. член коллегии НК РКИ СССР. С 1928 г. управляющий ЦСУ СССР, затем зам. председателя Госплана СССР.

Мирзоян Л. И. (1897–1939) – член партии с 1917 г., кандидат в члены ЦК в 1927–1934 гг., член ЦК с 1934 г. В 1925–1929 гг. секретарь КП(б) Азербайджана, с 1928 г. секретарь Бакинского ГК ВКП(б). С 1933 г. первый секретарь Казахского крайкома.

Митрофанов А. Х. (1879–1941) – член партии с 1903 г., член ЦКК в 1925–1930 гг. В 1922–1924 гг. в Наркомземе, Наркомате РКИ, в правлении Всероссийского союза сельскохозяйственной кооперации. В 1925–1930 гг. руководитель группы ЦКК по изучению проблем партстроительства.

Михайлов В. М. (1894–1937) – член партии с 1915 г., член ЦК ВКП(б) в 1923–1930 гг., в 1921–1922 гг. секретарь ЦК РКП(б). В 1923–1924 гг. секретарь Замоскворецко-

го РК. В 1925–1929 гг. секретарь МК. В 1929–1932 гг. зам. начальника строительства Днепрогэса.

Михайлов-Иванов М. С. (1894–1931) – член партии с 1913 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1927 г. В 1927–1930 гг. председатель Ленинградского машиностроительного треста. В 1931 г. председатель Всесоюзного автотракторного объединения, член президиума ВСНХ СССР.

Молотов (Скрябин) В. М. (1890–1986) – член партии с 1906 г., член ЦК ВКП(б) в 1921–1956 гг., кандидат в члены ПБ с 1921 г., член ПБ (Президиума) ЦК в 1926–1957 гг. В 1928–1929 гг. первый секретарь МК. С 1930 гг. председатель СНК и СТО СССР.

Мороз Г. С. (1893–1940) – член партии с 1917, член ЦКК в 1927–1930 гг. В 1924 г. председатель ЦК профсоюзов государственной торговли и кооперации. В 1925–1928 гг. секретарь Московской КК ВКП(б), с 1929 г. член коллегии наркомата торговли, председатель ЦК Союза работников торговли.

Москвин И. М. (1890–1937) – член партии с 1911 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1923 г., член ЦК ВКП(б) в 1927–1934 гг. В 1926–1930 гг. зав. орграспредотделом ЦК ВКП(б). С 1930 г. начальник сектора кадров ВСНХ – НКТП.

Мусабеков Г. М. (1888–1938) – член партии с 1918 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1925 г. В 1922–1928 гг. председатель СНК Азербайджанской ССР. В 1929–1931 гг. председатель ЦИК Азербайджанской ССР. С 1931 г. председатель СНК ЗСФСР.

Муценек Я. Я. (1892–1941) – член партии с 1909 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. С 1923 г. член ЦКК КП(б)У, затем председатель Днепропетровской окружной КК. В 1927 г. председатель Киевской окружной КК, зав. РКИ, член президиума окрисполкома. В 1930 г. член президиума ЦКК КП(б)У.

Мышкин Ю. – в 1928 г. инструктор орграспредотдела ЦК ВКП(б).

Назаретян А. М. (1889–1937) – член партии с 1905 г., член ЦКК с 1924 г., член президиума ЦКК в 1926–1934 гг. В 1924–1932 гг. член коллегии НК РКИ СССР.

Назаров С. И. (1879–1944) – член партии с 1903 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. В 1928 г. руководитель группы НК РКИ СССР. В 1930 г. зав. сектором НК РКИ.

Насиров Хайдулла – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1927–1930 гг.

Неймарк – в 1928 г. зам. председателя хлебоуправления Центросоюза.

Никаноров А. Ф. (1887–?) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1925–1930 гг. В 1925–1930 гг. зав. оргинструкторским отделом НК РКИ РСФСР.

Никитин И. М. (1890–?) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1925–1930 гг. В 1927–1930 гг. токарь ремонтных мастерских Азнефти в г. Баку.

Николаева К. И. (1893–1944) – член партии с 1909 г., член ЦК ВКП(б) в 1924 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925–1934 гг. В 1924–1926 гг. зав. отделом работниц ЦК ВКП(б). В 1928–1930 г. зав. агитпропом Северо-Кавказского крайкома. С 1934 г. второй секретарь Ивановского обкома ВКП(б).

Новоселов С. А. (1882–1953) – член партии с 1905 г., член ЦКК в 1923–1934 гг. В первые годы советской власти был председателем ряда губвоенревкомов Урала: Пермского, Тюменского, Свердловского. Затем работал на ответственных постах на Северном Кавказе. С 1930 г. член коллегии НК РКИ РСФСР и руководитель инспекции промышленности и труда.

Носов И. П. (1888–1937) – член партии с 1905 г., член ЦКК в 1924 г., кандидат в чле-

ны ЦК в 1925–1930 гг., член ЦК ВКП(б) в 1930–1937 гг. В 1927–1931 гг. секретарь Тверского губкома ВКП(б). С 1932 г. первый секретарь Ивановского ОК.

Орджоникидзе Г. К. (1886–1937) – член партии с 1903 г., член ЦК ВКП(б) в 1921–1927 гг., член ЦКК в 1927–1934 гг., член ПБ с 1930 г. В 1922–1925 гг. первый секретарь Закавказского и Северо-Кавказского крайкомов партии. В 1926–1930 гг. председатель ЦКК ВКП(б) и нарком РКИ СССР, зам. председателя СНК и СТО СССР. В 1930–1931 гг. председатель ВСНХ СССР.

Орахелашвили М. Д. (1881–1937) – член партии с 1903 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925 г., член ЦК ВКП(б) в 1927–1934 гг. В 1926–1929 гг. первый секретарь Закавказского крайкома ВКП(б). В 1927–1930 гг. член главной редакции БСЭ. В 1930 г. член редколлегии газеты «Правда». В 1931 г. председатель СНК ЗСФСР, затем первый секретарь Закавказского крайкома.

Осинский (Оболенский) В. В. (1887–1938) – член партии с 1907 г. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925–1937 гг. В 1926–1928 гг. управляющий ЦСУ СССР, зам. председателя ВСНХ, зам. председателя Госплана СССР, начальник ЦУНХУ.

Островский С. Ю. (1895–?) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. В 1926–1930 гг. модельщик, член бюро партийной ячейки железнодорожных мастерских г. Одессы.

Осьмов Н. М. (1891–1962) – член партии с 1907 г., член ЦКК в 1924–1934 гг. В 1925–1929 гг. зам. зав. орготделом ЦКК. В 1929–1932 гг. председатель Нижегородской краевой КК. В 1932–1933 гг. зам. наркома РКИ РСФСР.

Ошвинцев М. К. (1889–1941) – член партии с 1917 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927–1934 гг., член КСК в 1934–1937 гг. В 1924–1928 гг. зам. пред. Уральского совнархоза. В 1929 г. председатель президиума Уралоблисполкома. В 1930–1933 гг. председатель Уральского облисполкома.

Павлуновский И. П. (1888–1937) – член партии с 1905 г., член ЦКК в 1927–1934 гг., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1934 г. В 1928–1930 гг. заместитель наркома РКИ, с 1930 г. член президиума ВСНХ, с 1932 г. заместитель наркома тяжелой промышленности.

Пасечник – в 1928 г. директор техникума в Донецке.

Пастухов М. Д. (1892–1964) – член партии с 1908 г., член ЦКК в 1924–1930 гг. В 1927–1929 гг. зам. наркома РКИ РСФСР. В 1930–1931 гг. зам. пред. ВСНХ РСФСР.

Патек Ст. (1866–1945) – в 1919–1920 гг. министр иностранных дел Польши. С 1926 г. посол Польши в СССР.

Перекатов И. Г. – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. В 1928 г. руководитель группы НК РКИ СССР.

Петерс Я. Х. (1886–1938) – член партии с 1904 г., член ЦКК с 1923 г., член президиума ЦКК с 1930 г., в 1930–1934 гг. председатель Московской КК ВКП(б).

Петров Ф. С. (1888–1934) – член партии с 1906 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. Работал в правительстве ДВР министром земледелия. В 1924 г. секретарь партколлегии краевой КК – РКИ на Дальнем Востоке. В 1928–1930 гг. ответственный секретарь КК на Северном Кавказе.

Петровский Г. И. (1878–1958) – член партии с 1897 г., член ЦК ВКП(б) в 1921–1939 гг., кандидат в члены ПБ в 1926–1939 гг. В 1919–1938 гг. председатель Всеукраинского ЦИК, одновременно с 1922 г. один из председателей ЦИК СССР.

Плешаков М. Г. (1886–1938) – член партии с 1904 г., член ЦКК в 1924–1930 гг. В 1919–1929 гг. член Бакинского комитета большевиков, затем член Бакинского ревкома, председатель Балаханского совета рабочих депутатов, председатель ЦКК КП(б) Азербайджана.

Подвойский Н. И. (1880–1948) – член партии с 1901 г., член ЦКК в 1924–1930 гг. В 1919–1923 гг. нарком по военно-морским делам Украины. С 1924 г. работал в Институте истории партии.

Позерн Б. П. (1882–1939) – член партии с 1902 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1930 г., член ЦКК в 1923–1930 гг. С 1926 г. ректор Ленинградского государственного университета. С 1929 г. секретарь и зав. отделом Ленинградского ОК, затем прокурор Ленинградской обл.

Покко С. И. (1882–1953) – член партии с 1905 г., член ЦКК в 1925–1930 гг. С 1921 г. работал в контрольных органах, член ЦКК КП(б)У. В 1928 г. председатель Днепропетровской окружной КК.

Покровский М. Н. (1868–1932) – член партии с 1905 г., член ЦКК в 1927–1932 гг. Академик АН СССР. С 1921 г. руководил Коммунистической академией, Институтом истории, Институтом красной профессуры, редактировал исторические журналы.

Полин К. М. (1881–?) – член партии с 1918 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. С 1924 г. на партийной работе в Дагестане, затем в Карелии. В 1928 г. председатель Карельской ОКК и РКИ.

Полонский В. И. (1893–1937) – член партии с 1912 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1927 г. С 1928 г. секретарь МК. С 1930 г. первый секретарь ЦК КП(б) Азербайджана, секретарь Заккрайкома.

Постышев П. П. (1887–1939) – член партии с 1904 г, член ЦК ВКП(б) в 1927–1938 гг., кандидат в члены ПБ в 1934–1938 гг., в 1930–1934 гг. секретарь ЦК ВКП(б) , одновременно заведующий отделами ЦК ВКП(б). В 1926–1930 гг. секретарь Харьковского окружкома и горкома ВКП(б). С 1933 г. второй секретарь ЦК КП(б) Украины, первый секретарь Харьковского ОК и ГК и Киевского ОК.

Пуанкаре Раймон (1860–1934) – французский политический деятель. Министр просвещения, министр финансов, премьер-министр, министр иностранных дел. В 1913–1920 гг. президент Французской Республики.

Пятаков Г. Л. (1890–1937) – член партии с 1910 г., член ЦК ВКП(б) в 1923–1927, 1930–1936 гг. С 1923 г. заместитель председателя ВСНХ и Госплана СССР. В 1927–1928 гг. торговый представитель СССР во Франции, с ноября 1928 г. зам. председателя, а с 1929 г. председатель правления Госбанка.

Пятницкий О. А. (1882–1938) – член партии с 1898 г., член ЦК ВКП(б) в 1927–1937 гг., член ЦКК в 1924–1927 гг. С 1921 г. член ИККИ. С 1923 г. секретарь Исполкома Коминтерна.

Рабинович Л. Г. (1860–?) – горный инженер, председатель технического совета Донугля. В 1928 г. осужден по «шахтинскому делу».

Радус-Зенькович В. А. (1878–1967) – член партии с 1898 г., член ЦКК в 1923–1930 гг. В 1920–1922 гг. председатель СНК Киргизской АССР и секретарь Киргизского областного бюро РКП(б). В 1925–1929 гг. нарком РКИ и председатель ЦКК Белоруссии. В 1930–1933 гг. зам. наркома труда РСФСР.

Рамзин Л. К. (1887–1948) – в 1928 г. директор Всесоюзного теплотехнического института. В 1930 г. осужден по «делу промпартии».

Реденс С. Ф. (1892–1940) – член партии с 1914 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. В 1924–1926 гг. помощник председателя ВСНХ, с 1926 г. секретарь коллегии НК РКИ – ЦКК, с ноября 1928 г. полпред ОГПУ по ЗСФСР, председатель Закавказского ГПУ.

Рейнвальд Г. О. (1886–?) – член партии с 1908 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. В 1928 г. мастер завода «Красная заря».

Розенгольц А. П. (1889–1938) – член партии с 1905 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1934 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. С 1922 г. член коллегии Наркомфина. В 1928–1929 гг. зам. наркома РКИ СССР. С 1930 г. нарком внешней торговли СССР.

Розенталь Я. Д. – член партии с 1917 г. В 1928 г. председатель Уралпродсовета. В 1929–1930 гг. заместитель, затем зав. сектором тяжелой индустрии орграспредотдела ЦК ВКП(б). В 1930 г. член президиума ВСНХ, затем зам. председателя правления объединения «Уголь».

Розит Д. П. (1895–1937) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1924–1927 гг. В 1924–1926 гг. зам. председателя, а затем председатель сельскохозяйственной секции НК РКИ. В 1927 г. член коллегии и управляющий сельскохозяйственной инспекцией НК РКИ РСФСР. В 1928–1929 гг. член коллегии Наркомзема РСФСР. С 1930 г. начальник строительства азотно-тукового комбината и ГЭС в Узбекистане.

Розмирович Е. Ф. (1886–1953) – член партии с 1904 г., член ЦКК в 1924–1930 гг. В 1922–1930 гг. член коллегии и зав. юридическим отделом НК РКИ. С 1931 г. член коллегии НКсвязи СССР.

Ройзенман Б. А. (1878–1938) – член партии с 1902 г., член ЦКК в 1924–1934 гг. В 1926–1932 гг. член коллегии НК РКИ СССР. С 1934 г. зам. председателя, руководитель группы внутренней торговли и кооперации.

Романов А. Р. (1892–?) – член партии с 1919 г., член ЦКК в 1927–1930 гг.

Рудзутак Я. Э. (1887–1938) – член партии с 1905 г., член ЦК ВКП(б) в 1920–1937 гг., член ПБ в 1926–1932 гг., председатель ЦКК и нарком РКИ СССР в 1931–1934 гг. В 1924–1930 гг. нарком путей сообщения СССР.

Румянцев К. А. (1891–1932) – член партии с 1916 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925–1932 гг. В 1920-е годы заместитель председателя Азнефти, член Заккрайкома, член ЦК КП(б) Азербайджана. В 1930 г. управляющий Уралнефти. В 1931 г. член президиума ВСНХ. В 1932 г. член коллегии НКТП.

Румянцев И. П. (1886–1937) – член партии с 1905 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1923 г., член ЦК ВКП(б) в 1924–1937 гг. В 1924–1926 гг. секретарь Пермского, Свердловского окружкомов РКП(б). В 1927–1928 гг. секретарь Владимирского губкома ВКП(б). С 1929 г. первый секретарь Западного (Смоленского) обкома ВКП(б).

Рухимович М. Л. (1889–1938) – член партии с 1913 г., член ЦК ВКП(б) в 1924–1937 гг. В 1926–1930 гг. зам. председателя ВСНХ СССР. В 1930–1931 гг. нарком путей сообщения СССР.

Рывкин О. Л. (1899–?) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1927–1934 гг.

Рыков А. И. (1881–1938) – член партии с 1898 г., член ЦК ВКП(б) в 1920–1934 гг., член ПБ в 1922–1930 гг., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1934 г. В 1924–1930 гг.

председатель СНК СССР и РСФСР (до 1929 г.), одновременно в 1926–1930 гг. председатель СТО СССР. С 1931 г. нарком связи (почт и телеграфа) СССР.

Рындин К. В. (1893–1938) – член партии с 1915 г., кандидат в члены ЦК в 1924–1930 гг., член ЦК ВКП(б) в 1930–1938 гг. С 1927 г. второй секретарь Уральского обкома. В 1928–1934 гг. инструктор ЦК ВКП(б), второй секретарь МК.

Рютин М. Н. (1890–1937) – член партии с 1914 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927–1930 гг. В 1925–1928 гг. секретарь Краснопресненского РК г. Москвы. В 1928–1930 гг. заместитель ответственного редактора газеты «Красная звезда». С 1930 г. председатель Управления фотокинопромышленности, член президиума ВСНХ.

Рябинин Е. И. (1892–1941) – член партии с 1917 г., член ЦРК в 1927–1934 гг. С 1918 г. на советской работе в Нижнем Новгороде и Рязани, затем зам. зав. орготделом ЦК РКП(б), позднее секретарь Тамбовского губкома, председатель Воронежского облисполкома и секретарь Воронежского обкома ВКП(б).

Рябов А. Н. (1888–1939) – член партии с 1906 г., член ЦРК в 1927–1934 гг. С 1922 г. на партийной работе в Брянске, затем в Москве.

Самойлов В. Н. (1880–?) – горный техник. В 1928 г. осужден по «шахтинскому делу».

Сахарова П. Ф. (1890–1969) – член партии с 1912 г. член партколлегии ЦКК в 1923–1934 гг. С 1934 г. член КПК при ЦК ВКП(б).

Сахъянова М. М. (1896–1981) – член партии с 1916 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. В 1924–1930 гг. секретарь Бурят-Монгольского обкома ВКП(б).

Свицын Т. (1878–1938) – до 1928 г. член правления Югостали.

Семенов Б. А. (1890–1940) – член партии с 1907 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927–1934 гг. В 1922 г. командирован на Алданские прииски. В 1925–1927 гг. секретарь окружкома в Луганске. С 1927 г. секретарь Днепропетровского окружкома ВКП(б).

Семков С. М. (1885–1928) – член партии с 1902 г., член ЦКК в 1925–1928 гг. С 1922 г. секретарь Московского совета профсоюзов, затем председатель профсоюзов Закавказья. С 1927 г. руководитель группы МГК.

Серганин М. М. (1889–?) – член партии с 1912 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. С 1926 г. секретарь Петроградского РК г. Ленинграда.

Сергушев М. С. (1887–1930) – член партии с 1904 г., член ЦКК в 1924–1930 гг.

Симончик Ф. В. (1885–1966) – член партии с 1904 г. С 1919 г. председатель Паричского волисполкома, зав. отделом в Бобруйском окружном исполкоме. С 1926 г. работал в Наркомате социального обеспечения СССР.

Сиротов Ф. Н. (1874–1957) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. В 1921 г. член Читинского губкома. С 1922 г. член Читинской губернской КК.

Скачинский (Скочинский) А. А. (1874–1960) – специалист в области рудничной аэрологии и техники безопасности в угольных шахтах, академик АН СССР (1935). Герой социалистического труда (1954).

Скворцов-Степанов И. И. (1870–1928) – член партии с 1904 г., член ЦК ВКП(б) с 1925 г., член ЦРК в 1921–1925 гг. Партийный публицист. С 1917 г. редактор газет «Социал-демократ», «Известия Московского совета рабочих депутатов». С 1925 г. редактор газеты «Известия», заместитель редактора газеты «Правда». С 1927 г. директор Института Ленина.

Скрыпник Н. А. (1872–1933) – член партии с 1897 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925 г., член ЦК ВКП(б) с 1927 г. В 1922–1927 гг. нарком юстиции, генеральный прокурор УССР. В 1927–1932 гг. нарком просвещения УССР.

Смидович С. Н. (1872–1934) – член партии с 1898 г., член партколлегии ЦКК в 1924–1930 гг.

Смилга И. Т. (1892–1937) – член партии с 1907 г., член ЦК ВКП(б) в 1925–1927 гг. С 1923 г. зам. пред. Госплана СССР. В 1924–1926 гг. член СТО СССР. На XV съезде ВКП(б) исключен из партии за участие в оппозиции.

Смирнов А. И. (1888-1945) – биохимик, член-корреспондент Академии наук (1943). В 1928 г. профессор Кубанского с/х института и одновременно зав. отделом Центрального института табачной промышленности в Краснодаре.

Смирнов А. П. (1878–1938) – член партии с 1896 г., член ЦК ВКП(б) в 1922–1933 гг. В 1923–1928 гг. – зам. наркома, нарком земледелия РСФСР, одновременно генеральный секретарь Крестинтерна. В 1928–1930 гг. зам. председателя СНК РСФСР. С 1930 г. член президиума ВСНХ.

Соболев С. М. (1900–1939) – член партии с 1918 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927–1930 гг. С 1927 г. секретарь Северо-Западного бюро ВЛКСМ. В начале 1930-х гг. секретарь Петроградского РК г. Ленинграда.

Сокольников (Бриллиант) Г. Я. (1888–1939) – член партии с 1905 г., член ЦК ВКП(б) в 1922–1930 гг. В 1922–1926 гг. нарком финансов СССР. В 1926–1928 гг. зам. председателя Госплана СССР, в 1928–1929 гг. председатель Нефтесиндиката СССР, в 1929–1932 гг. полпред СССР в Великобритании.

Солдатенко А. Г. – член партии с 1921 г., директор Щербиновского рудоуправления.

Сольц А. А. (1872–1945) – член партии с 1898 г., член президиума ЦКК в 1923–1934 гг. В конце 1920-х – начале 1930–х гг. работал на ответственных постах в Прокуратуре СССР.

Сталин И. В. (1878–1953) – член партии с 1898 г., член ПБ (Президиума) ЦК ВКП(б) в октябре 1917 г. и с 1919 г. С 1922 г. генеральный секретарь ЦК.

Старостин П. И. (1885–?) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1925–1930 гг. С 1926 г. чернорабочий на Трехгорной мануфактуре в Москве.

Степанов С. И. (1876–?) – член партии с 1898 г. В 1925–1930 гг. председатель Тульского губисполкома (окрисполкома), член ЦРК.

Степованый И. М. (1892–?) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. С 1926 г. слесарь Харьковских паровозных мастерских.

Стецкий А. И. (1896–1938) – член партии с 1915 г., член ЦК ВКП(б) с 1927 г., член ЦКК в 1924–1927 гг. В 1923–1926 гг. в органах ЦКК – РКИ, одновременно с 1925 г. редактор газеты «Комсомольская правда». С 1926 г. заведующий агитпропотделом Ленинградского губкома партии.

Старанников В. П. (1893–?) – член партии с 1911 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. В 1927 г. зам. начальника военно-морской инспекции ЦКК.

Стрельцов Г. М. (1901–?) – член партии с 1918 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. В 1925–1929 гг. учился в Институте красной профессуры. С 1931 г. член КСК при СНК СССР, уполномоченный по Свердловской области.

Стриевский К. К. (1885–1938) – член партии с 1902 г., член ЦК ВКП(б) в 1925–1934 гг., с 1934 г. кандидат в члены ЦК ВКП(б). В 1927 г. председатель Москов-

ского СНХ. С июня 1929 г. председатель оргбюро ВЦСПС. С 1932 г. нарком легкой промышленности РСФСР.

Строганов В. А. (1888–1941) – член партии с 1905 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927–1934 гг. С 1924 г. председатель Сормовской КК Нижнего Новгорода. В 1927–1930 гг. секретарь Сталинского окружкома. В 1930-е гг. секретарь Свердловского ОК, Томского и Ярославского губкомов; Днепропетровского и Уральского ОК.

Студитов П. И. (1888–1969) – член партии с 1914 г., член ЦКК в 1925–1930 гг. В 1922–1923 гг. в чрезвычайной комиссии Архангельска. В 1924 г. председатель Курской губернской КК. С 1927 г. уполномоченный ЦКК – РКИ в Средне-Волжской области. В 1931 г. член правления «Союзстанкоинструмент» ВСНХ СССР.

Стуруа И. Ф. (1870–1931) – член партии с 1896 г., член ЦКК в 1925–1930 гг. В 1921 г. председатель парткомиссии Закавказской краевой КК. В 1922–1924 гг. нарком земледелия Грузинской ССР. С 1924 г. член Закавказского крайкома. В 1927 г. председатель Закавказской КК.

Стэн Я. Э. (1899–1938) – член партии с 1914 г., член ЦКК в 1925–1930 гг. В 1927–1928 гг. заместитель заведующего АППО ЦК ВКП(б). В 1928–1930 гг. заместитель директора Института К. Маркса и Ф. Энгельса. С 1931 г. заведующий сектором методологии Института энергетики.

Сулимов Д. Е. (1890–1937) – член партии с 1905 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1921–1923 гг., член ЦК ВКП(б) в 1923–1937 гг. В 1924– 1927 гг. председатель Уральского облисполкома, секретарь Уралобкома ВКП(б). В 1927–1930 гг. первый заместитель наркома путей сообщения СССР. С 1930 г. председатель СНК РСФСР.

Сухомлин К. В. (1886–1938) – член партии с 1905 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927–1934 гг. В 1927–1930 гг. председатель СНХ Украины, член ЦИК СССР. С 1932 г. постоянный представитель УССР при правительстве СССР.

Сущевский Д. М. (1881–?) – горный инженер, зам. зав. УНС Донугля. В 1928 г. осужден по «шахтинскому делу».

Сырцов С. И. (1893–1937) – член партии с 1913 г, кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1924 г., член ЦК ВКП(б) в 1927–1930 гг., кандидат в члены ПБ в 1929–1930 гг. В 1926–1929 гг. секретарь Сибирского крайкома. В 1929–1930 гг. председатель СНК РСФСР. С 1931 г. на руководящей административно-хозяйственной работе.

Тальберг П. Я. (1888–1928) – член партии с 1904 г., член ЦКК в 1924–1930 гг. С 1927 г. винтовщик на обувной фабрике «Скороход» в Москве.

Терехов Р. Я. (1889–?) – член партии с 1912 г., член ЦКК в 1924–1930 гг. В 1927–1930 гг. секретарь ЦКК КП(б) Украины. В 1930 г. секретарь Артемовского окружкома.

Терпигорев А. М. (1873–1959) – в 1922–1959 гг. профессор Московского горного института. В 1938–1959 гг. зав. отделом Института горного дела АН СССР. В 1922–1929 гг. член президиума Госплана СССР.

Тыщенко – член ЦКК.

Товстуха И. П. (1889–1935) – член партии с 1913 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1934–1935 гг. В 1921–1924 и в 1926–1930 гг. в аппарате ЦК ВКП(б), зав. секретным отделом. С 1931 г. зам. директора Института Маркса – Энгельса – Ленина.

Толоконцев А. Ф. (1889–1937) – член партии с 1914 г., член ЦК ВКП(б) в 1925–1934 гг. В 1926–1929 гг. член президиума ВСНХ, председатель Объединения общего машиностроения, начальник ГВПУ. Затем занимал руководящие должности в военной промышленности: член Центрального правления артиллерийских заводов, начальник Главного управления машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности, управляющий Всесоюзным объединением тяжелого машиностроения, член коллегии НКТП СССР, директор завода.

Томский М. П. (1880–1936) – член партии с 1904 г., член ЦК ВКП(б) в 1919–1934 гг., член ПБ в 1922–1930 гг., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1934 г. В 1918–1921 гг. и в 1922– 1929 гг. председатель ВЦСПС. С 1929 г. председатель Всесоюзного объединения химической промышленности, заместитель председателя ВСНХ СССР.

Трилиссер М. А. (1883–1940) – член партии с 1901 г., член президиума ЦКК с 1930 г. В 1921–1925 гг. в органах ВЧК – ОГПУ. В 1926–1930 гг. нач. иностранного отдела, зам. председателя ОГПУ. С 1930 г. зам. наркома РКИ РСФСР, затем в комиссии советского контроля.

Троцкий (Бронштейн) Л. Д. (1879–1940) – член партии с 1917 г., член ПБ в 1919–1926 гг. В 1918–1925 гг. нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета. С 1925 г. член президиума ВСНХ СССР, председатель Главконцесскома и научно-технического управления промышленностью ВСНХ. В 1928–1929 гг. находился в ссылке в Алма-Ате.

Трушечкин В. А. (1881–?) – член партии с 1905 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. В 1925–1926 гг. председатель ревизионной комиссии трестов ВСНХ, затем работал в губернских контрольных органах. В 1927 г. председатель Саратовской городской КК.

Тягнибеда А. Я. – в 1928 г. управляющий Щегловского рудоуправления.

Угаров Ф. Я. (1885–1932) – член партии с 1905 г., член ЦК ВКП(б) в 1927–1930 гг. В 1925–1929 гг. председатель Ленинградского областного совета профсоюзов.

Угланов Н. А. (1886–1937) – член партии с 1907 г., член ЦК ВКП(б) в 1923–1930 гг., кандидат в члены ПБ в 1926–1929 гг. В 1924–1928 гг. секретарь ЦК и одновременно первый секретарь МК партии. В 1928–1930 гг. – нарком труда СССР. В 1930–1932 гг. председатель Астраханского госрыбтреста.

Ульянова М. И. (1878–1937) – член партии с 1898 г., член ЦКК с 1925 г. С 1934 г. член КСК. В 1917–1929 гг. член редколлегии и ответственный секретарь газеты «Правда».

Уншлихт И. С. (1879–1938) – член партии с 1900 г., кандидат в члены ЦК в 1925–1937 гг. В 1925–1930 гг. заместитель председателя Реввоенсовета СССР и заместитель наркома по военным и морским делам СССР. В 1930–1933 гг. заместитель председателя ВСНХ.

Урываев М. Е. (1887–?) – член партии с 1917 г., кандидат в члены ЦК в 1925–1934 гг. С 1924 г. начальник орудийно-оружейного пулеметного объединения. В 1930 г. начальник объединения военных заводов. С 1931 г. начальник Всесоюзного снарядного треста.

Фабрициус Я. Ф. (1877–1929) – член парии с 1903 г., член ЦКК с 1927 г. С февраля 1918 г. на командных должностях в Красной Армии. Четырежды кавалер ордена Красного Знамени.

Фатеев Н. А. (1879–?) – член партии с 1912 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. С 1924 г. вальцовщик, мастер Миньярского завода в г. Златоусте.

Феодорович – в 1928 г. сотрудник Госплана, затем научно-технического управления ВСНХ.

Фектер А. Я. (1892–?) – член партии с 1913 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. В 1928 г. председатель Тульской губернской КК.

Фигатнер Ю. П. (1889–1937) – член партии с 1903 г., член ЦКК в 1924–1934 гг. С 1926 г. начальник главной инспекции и член президиума ВСНХ СССР. В 1927–1928 гг. председатель ЦК профсоюза совторгслужащих.

Филлер С. И. (1882–1954) – член партии с 1910 г., член ЦКК в 1924–1934 гг. В 1923 гг. секретарь Мурманского губкома РКП(б). С 1927 г. сотрудник оргинструкторского отдела ЦКК.

Хасман С. А. (1886–?) – член партии с 1904 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. С 1924 г. председатель областного СНХ Северного Кавказа. В 1925–1928 гг. зав. орготделом Донского ОК, в 1927–1928 гг. председатель Донской КК. В 1929– 1930 гг. секретарь Чеченского ОК, член президиума краевой КК. С 1932 г. председатель Нарвской КК в Ленинграде.

Хатаевич М. М. (1893–1937) – член партии с 1913 г., кандидат в члены ЦК в 1927–1930 гг., член ЦК в 1930–1937 гг. С 1928 г. первый секретарь Средне-Волжского крайкома.

Хлоплянкин М. И. (1892–1937) – член партии с 1914 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1930–1934 гг. В 1924–1925 гг. член коллегии НКВД. В 1925–1926 гг. торгпред в Англии. В 1927 г. председатель Экспортхлеба. В 1928–1930 гг. председатель Нижне-Волжского крайисполкома. С 1930 г. зам. наркомснаба СССР.

Ходоровский И. И. (1885–1940) – член партии с 1903 г. В 1922–1928 гг. зам. наркома просвещения РСФСР. В 1928–1932 гг. торгпред в Италии, затем в Турции.

Цветков Н. Г. (1890–?) – член партии с 1911 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. В 1925 г. председатель Терского окружкома. В 1930 г. председатель ОКК Центрально-Черноземной области.

Цихон А. М. (1887–1939) – член партии с 1906 г., кандидат в члены ЦК в 1927–1930 гг., член ЦК в 1930–1934 гг. В 1928– 1930 гг. и с 1933 г. председатель ЦК профсоюза строителей. В 1930–1933 гг. нарком труда СССР.

Цылько Ф. А. (1894–1937) – член партии с 1919 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. В 1931–1935 гг. зам. наркома земледелия СССР.

Цюрупа А. Д. (1870–1928) – член партии с 1898 г. С 1921 г. зам. председателя СНК и СТО РСФСР (СССР), одновременно нарком РКИ. В 1923–1925 гг. председатель Госплана СССР, с 1925 г. нарком внутренней и внешней торговли СССР.

Чаплин Н. П. (1902–1938) – член партии с 1919 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1924–1934 гг. В 1918–1928 гг. был на комсомольской работе: председатель Смоленского городского комитета, затем зав. отделом, секретарь Тюменского, Смоленского губкомов, зав. отделом, секретарь ЦК РКСМ, секретарь Закавказского крайкома комсомола. В 1924–1928 гг. генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ. В 1930 г. второй секретарь Закавказского крайкома партии.

Чернов М. А. (1891–1938) – член партии с 1920 г., член ЦК ВКП(б) с 1934 г. В 1927 г. наркомторг УССР, затем член коллегии Наркомторга СССР и председатель комитета по заготовкам сельскохозяйственной продукции при СНК.

Чинакалош Н. А. – зам. зав. техническом отделом Донугля. В 1928 г. осужден по «шахтинскому делу».

Чичерин Г. В. (1872–1936) – член партии с 1918 г. В 1918–1922 гг. нарком иностранных дел РСФСР. В 1923–1930 гг. нарком иностранных дел СССР.

Чубарь В. Я. (1891–1939) – член партии с 1907 г., кандидат в члены ПБ с 1926 г., член ПБ в 1935–1938 гг. В 1923–1934 гг. председатель СНК Украины, с 1934 г. заместитель председателя СНК и СТО СССР.

Чувырин М. Е. (1883–1947) – член партии с 1903 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927–1930 гг. С 1922 г. на Украине: секретарь Кобелякского укома КП(б)У, затем Красногвардейского окружкома. В 1927 г. секретарь Луганского окружкома. В 1931 г. председатель Всеукраинского совета профсоюзов, член ПБ ЦК КП(б)У, член президиума ВЦСПС.

Чудов М. С. (1893–1937) – член партии с 1913 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1923–1924 гг., член ЦК в 1925–1937 гг. В 1927 г. секретарь Северо-Кавказского крайкома. В 1928–1936 гг. второй секретарь Ленинградского ОК, затем председатель Всекопромсовета.

Чухрита Г. В. (1895–1937) – член партии с 1918 г. В 1920–1925 гг. губпродкомиссар в Оренбурге, уполномоченный по снабжению на Туркестанском фронте, губпродкомиссар в Курске, Краснодаре, Свердловске. В 1925–1930 гг. нач. отдела, затем зам. наркома снабжения СССР.

Чуцкаев С. Е. (1876–1946) – член партии с 1903 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927–1934 гг., член ЦКК в 1925–1927 гг. В 1923–1927 гг. заместитель наркома РКИ СССР. В 1927–1929 гг. – член ЦИК СССР и председатель Дальневосточного крайисполкома. В 1929 г. председатель бюджетной комиссии ЦИК СССР.

Шацкин Л. А. (1902–1937) – член партии с 1917 г., в 1927–1934 гг. член ЦКК, в 1927–1934 гг. член ИККИ и секретарь КИМ с 1927 г.

Шварц И. И. (1879–1951) – член партии с 1899 г., член ЦК ВКП(б) в 1924–1934 гг. С 1920 г. на хозяйственной работе на Дону, затем председатель ЦК Союза горнорабочих работников угольной промышленности СССР. С 1930 г. председатель Союзугля и Союзсланца.

Швейцер В. Л. (1887–1950) – экономист, член партии с 1905 г., член ЦКК с 1927 г. В 1922–1923 гг. зав. Пензенской железной дорогой. С 1926 г. в ЦКК – НК РКИ.

Шверник Н. М. (1888–1970) – член партии с 1905 г., член ЦК ВКП(б) в 1925–1970 гг. С 1924 г. член президиума ЦКК РКП(б) и нарком РКИ РСФСР. В 1925–1926 гг. секретарь Ленинградского обкома и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б). В 1926–1927 гг. секретарь ЦК ВКП(б). В 1927–1929 гг. секретарь Уральского ОК. В 1929 г. председатель ЦК профсоюза металлистов. В 1930–1944 гг. председатель ВЦСПС.

Шеболдаев Б. П. (1895–1937) – член партии с 1914 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. С 1928 г. секретарь Северо-Кавказского крайкома.

Шейкин Л. А. – член партии с 1922 г. Директор Несветаевского рудоуправления.

Шкирич Н. Р. (1895–?) – член партии с 1918 г., член ЦКК в 1925–1934 гг. В 1927–1929 гг. рабочий кожевенного завода.

Шкирятов М. Ф. (1883–1954) – член партии с 1906 г., член ЦКК в 1922–1934 гг.

С 1921 г. в аппарате ЦК РКП(б). В 1923–1926 гг. член президиума и секретарь ЦКК. В 1927–1934 гг. член коллегии Наркомата РКИ СССР, член президиума ЦКК.

Шлок Ф. И. (1895–?) – член партии с 1919 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. С 1926 г. слесарь завода в г. Гомеле.

Шмидт В. В. (1886–1938) – член партии с 1905 г., член ЦК в 1925–1930 гг., кандидат в члены ЦК в 1924–1934 гг. В 1928–1930 гг. заместитель председателя СНК и СТО СССР. С 1930 г. заместитель наркома земледелия СССР, с 1931 г. главный арбитр при СНК СССР. С 1933 г. управляющий треста «Трансуголь» на Дальнем Востоке, председатель Приморского облплана.

Штраух Э. М. (1896–1937) – член партии с 1912 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. В 1926–1928 гг. председатель Орловской губернской КК. В 1928–1929 гг. зам. председателя Воронежской ОКК – РКИ. С 1930 г. член коллегии НК РКИ РСФСР.

Шушков П. С. (1889–?) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. С 1927 г. член коллегии НК РКИ, в 1931–1933 гг заместитель наркома путей сообщения.

Эйсмонт Н. Б. (1891–1935) – член партии с 1907 г. В 1923–1924 гг. зам. председателя ВСНХ РСФСР. В 1924–1925 гг. председатель Северо-Кавказского исполкома. С 1926 г. нарком торговли РСФСР и заместитель наркома внешней и внутренней торговли СССР. С 1930 г. нарком снабжения РСФСР, член коллегии Наркомснаба СССР.

Эйхе Р. И. (1890–1940) – член партии с 1905 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925–1930 гг., член ЦК ВКП(б) с 1930 г. В 1924 г. заместитель, а в 1925–1929 гг. председатель Сибирского крайисполкома. С 1929 г. первый секретарь Сибирского и Западно-Сибирского крайкомов.

Элиава Ш. З. (1883–1937) – член партии с 1904 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1927 г. С 1927 г. председатель СНК Грузии. С 1931 г. заместитель наркома внешней торговли СССР.

Юносов К. А. (1884–1937) – член партии с 1905 г., член ЦКК в 1927–1930 гг., зам. председателя Ленинградской ОКК.

Юревич Э. И. (1888–1937) – член партии с 1913 г. В 1922–1926 гг. на партийной работе в Москве, затем до 1929 г. секретарь Башкирского ОК. С 1930 г. председатель ЦК профсоюза химиков, член президиума ВЦСПС и Госплана СССР.

Юркин Т. А. (1898–1986) – член партии с 1919 г., член ЦКК в 1928–1934 гг., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1930–1939 гг. В 1924–1928 гг. управляющий совхоза «Хуторок» в г. Армавире. В 1928–1930 гг. директор зерносовхоза «Гигант».

Юрцен М. И. (1880–?) – член партии с 1903 г., член ЦКК в 1925–1930 гг. В 1926–1930 гг. руководитель группы НК РКИ РСФСР.

Ягода Г. Г. (1891–1938) – член партии с 1907 г. В 1920–1923 гг. член президиума ВЧК. В 1924–1934 гг. зам. председателя ОГПУ. С 1934 г. нарком внутренних дел СССР.

Яковлев А. И. (1900–1937) – член партии с 1917 г. Член ЦКК в 1927–1934 гг., член КПК с 1934 г. В 1930 г. председатель Закавказской КК.

Яковлев (Эпштейн) Я. А. (1896–1938) – член партии с 1913 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. С сентября 1926 г. зам. наркома РКИ СССР. С декабря 1929 г. нарком земледелия СССР.

Янсон Н. М. (1882–1938) – член партии с 1905 г., член ЦКК с 1923 г. В 1925–1928 гг.

зам. наркома РКИ СССР. В 1927–1928 гг. секретарь партколлегии ЦКК ВКП(б). В 1928–1929 гг. нарком юстиции РСФСР. В 1930 г. зам. председателя СНК РСФСР.

Ярославский Е. М. (Губельман М. И.) (1878–1943) – член партии с 1898 г., член ЦКК в 1923–1934 гг. В 1921 г. секретарь ЦК РКП(б). В 1920–1930 гг. секретарь партколлегии ЦКК, член коллегии НК РКИ.

Ярощук – член партии с 1918 г. В 1928 г. председатель Артемовского окружного суда.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абакумов Г. П. 210, 230, 383
Абиадзе В. 261
Абрамов 268, 269, 271
Авилов 395
Агурский М. 447
Акулов И. А. 249–252, 253, 255, 260, 264, 304, 314, 315
Алексеев П. А. 314
Алексеева Ф. Я. 314
Андреев 383, 385
Андреев А. А. 185, 186, 188–191, 193, 195, 196, 199, 200, 204, 236, 237, 256, 265, 275, 286, 295, 299, 300, 304, 307, 312, 314–316, 448
Антипов Н. К. 314, 316
Антонов В. Г. 314
Антонов П. Г. 307, 314
Антонов П. И. 352, 353, 362, 365, 366, 382
Артемов С. См. Сергеев (Артем) Ф. А.
Артизов А. Н. 14
Анцелович Н. М. 314
Артюхина А. В. 142, 154, 190, 314
Ауэрбах 348, 399
Афанасьев Н. А. 314
Бабенко С. А. 350, 353, 357, 360, 361, 362, 364, 365, 366, 374, 380–382, 387, 389–393, 396, 397
Бадаев А. Е. 126, 129, 314
Бадштибер 349, 353, 363, 365, 374, 454
Базулин В. И. 218
Баранов 358, 391
Баранов П. И. 314
Баринов М. В. 292
Бармашева С. Ф. 314
Баскин 72
Баснев 370, 371
Бауман К. Я. 307, 314, 316
Бауэр Я. Я. 314
Бахтина Е. Я. 314
Башкин А. Б. 350, 351, 353–357, 361, 363–365, 367, 371–373, 375, 376, 378, 385, 386, 393, 398
Беленко В. И. 353, 356, 357, 362, 364, 366, 368, 369, 374, 387
Беленький З. М. 314
Березовский Н. Н. 188, 294, 349, 350, 351, 353, 357, 358, 360, 361, 363, 364, 379, 381, 382, 385–390, 393, 394
Богданов И. А. 314
Богданов П. А. 314
Богданович Г. С. 224.
Бологов А. Г. 358, 390, 391
Бондаренко (рабочий) 162
Бондаренко (директор) 285
Бородин 366
Борьян Б. А. 314
Бояршинов 387
Бредихин А. Н. 364
Брюханов Н. П. 16, 126, 127, 129, 132, 136, 314, 342
Бубнов 383
Бубнов А. С. 188, 193–197, 213, 292, 314
Булин А. С. 314
Буросов 381
Буссе К. Ю. 314
Бутов 368, 369
Бухарин Н. И. 8, 11, 14, 15, 17, 18, 19, 20, 25, 27, 29, 32, 154, 314, 315, 417, 453, 454
Быкин Я. Б. 315
Вайнштейн А. Л. 429, 454
Варейкис И. М. 154, 164, 314, 315
Васильев С. В. 314
Васильев Ф. Т. 352, 359, 360, 362, 396
Вегнер 348, 350, 363, 365, 371, 385, 399
Вейнберг Г. Д. 314
Вейцер И. Я. 21, 81, 145, 154, 315, 438
Вербицкий 154, 315
Верескунов 353, 361, 365
Вестлер 348
Викман П. М 314
Викснин С. О. 314
Винокуров 380
Вишнякова П. И. 314

Владимирский М. Ф. 315
Власов В. А. 231, 379
Внуков 284
Вожжев А. А. 314
Волков 358
Волобуев М. К. 108, 444
Ворошилов К. Е. 30, 189, 190, 209, 212, 255, 263, 266, 272, 275, 278–282, 289, 290, 291, 298, 299, 304, 314, 315
Гавеман 139
Гавришенко Н. А. 350, 352–357, 359, 361, 362, 363–366, 368, 369, 371, 374, 375, 377–379, 381, 382, 384–387
Галадж 358, 383, 391
Галеев Г. Г. 314
Галушкин И. И. 314
Гальева М. И. 314
Гамарник Я. Б. 314
Гаприндашвили Г. 261
Гаприндашвили С. 261
Гаприндашвили Ш. 261
Гей К. В. 314
Гейзе 227
Генкин Е. Б. 109–111, 121, 133
Герасимов А. Г. 314
Герасимов М. Н. 371
Гвахария 293
Глазов 395
Голанд Ю. 14
Голощекин Ф. И. 105–107, 197, 314
Гольцман А. З. 66, 250, 253, 268, 314
Гончаренко В. А. 256, 275, 366
Гончаров 358, 391
Гончаров Н. К. 314
Горбатов 369
Гордон 135, 151
Горлецкий Н. Н. 351, 353, 355, 361, 364, 374, 375, 382, 387, 393, 394, 399
Горлов И. Г. 364
Горчаев М. Д. 314
Горшков И. И. 314
Гречаный В. М. 314
Григорьева М. П. 314
Гриневецкий Е. Л. 274
Гринько 231
Гросман В. Я. 314
Грузель В. П. 314
Грум-Гржимайло В. Е. 166
Грядинский Ф. П. 86, 87, 154, 314, 315
Грязев А. М. 314
Грязев И. Я. 314
Губкин И. М. 243
Гузер 353, 397
Гуревич А. И. 314
Гусев А. Н. 314
Данилов В. П. 13, 14, 15, 32, 442, 453
Данчич В. В. 273, 274, 276, 451
Дволайцкий Ш. М. 39
Дворжанчик 157, 348, 399
Девис Р. (См. также Davies R.W.) 438
Деникин А. И. 158
Денисов Г. М. 360, 396
Десов Г. А. 314
Детердинг Г. 187
Деттер 353, 364, 399
Дзержинский Ф. Э. 161, 183, 201, 204, 231, 244, 264, 274, 280
Дирик К. Я. 314
Догадов А. И. 304, 314, 315
Долидзе А. Г. 314
Дюжев А. П. 314
Евдокимов 347
Евреинов Н. Н. 314
Егоров Я. Г. 314
Елизаров В. П. 314
Енукидзе А. С. 59
Ермилов 284
Жданов А. А. 169–171, 173, 314
Жданов Г. М. 277, 314
Жданов П. Э. 364
Жданов 314
Жердев С. К. 380
Жолковский 358
Жуков И. П. 314
Жуков С. А. 377
Завадский 356, 379
Завицкий И. М. 314
Загребельный М. Н. 314
Зайцев Г. А. 314
Зайцев Г. М. 314
Зайцев Ф. И. 314
Зангвиль З. Г. 314
Затонский В. П. 197, 204, 259, 314
Зеленский И. А. 314
Землячка Р. С. 314
Зиновьев Г. Е. 9, 15
Злобин А. Н. 147
Золотарев 383
Зонов 347
Зубков 231
Иобашвили В. 261
Ибрагимов В. 303, 452
Иванов В. И. 96, 98–100, 145, 154, 302, 314, 315
Игнатьев 348
Иконникова И. П. 32
Икрамов А. И. 314
Ильин Н. И. 314

Ильинский 395
Кабаков И. Д. 314
Каганович Л. М. 26, 42, 45, 54, 64, 85, 206, 207, 209, 210, 212, 214, 228, 229, 257, 294, 298, 304, 314, 315, 450
Каганович 314
Казаринов 353, 364, 399
Калашников В. С. 314
Калашников М. И. 314
Калинин М. И. 314
Калманович 157
Калманович М. И. 154, 314, 315
Калнин А. Я. 314
Калыгина А. С. 314
Каменев (Розенфельд) Л. Б. 6, 15, 21, 105, 118, 145, 283, 444
Каминский Г. Н. 118, 122, 123, 147, 154, 307, 315
Капустин 450
Караев А. Г. 314
Карасев 369
Каримов А. К. 314
Карпов В. З. 314
Кары Кулиев 314
Квиринг Э. И. 98, 101–104, 122, 314
Кипп 384
Кирилкин 216, 274
Киркиж К. О. 314
Киров С. М. 304, 314, 315
Киршон В. М. 450
Киселев 231, 276
Киселев А. С. 314
Кислицын С. А. 33
Кладько К. Н. 360, 394, 396, 397
Клейн Р. И. 451
Клименко И. Е. 314
Клинов Я. И. 314
Клюев П. Н. 314
Клюшнев П. М. 367
Книга М. А. 314
Кнорин В. Г. 314
Кобылин В. Н. 314
Ковалев М. И. 314
Кодацкий И. Ф. 314
Кожевников И. Ф. 314
Козлов С. К. 314
Коковихин М. Н. 314
Колганов Н. Е. 351, 352, 353, 355, 356, 357, 359, 360–362, 364–366, 371, 375, 376, 378, 380– 382, 385, 388, 390, 393–396, 398
Колгушкин Ф. Т. 316
Колобов Н. Д. 314
Колодуб А. 352, 353, 358–362, 364, 368–369, 390, 391, 394, 397
Колодуб Е. 352, 353, 360, 361, 362, 364, 365, 381, 388, 389, 396
Колодуб К. 352, 353, 360, 361, 362, 364, 379, 381, 398
Колотилов Н. Н. 314
Колчак А. В. 447
Комаров Н. П. (Собинов Ф. Е.) 154, 314, 315
Комиссаров С. И. 314
Кондратьев Д. И. 314
Кондратьев Н. Д. 49, 429, 454
Кондратьев Т. К. 314
Кондратьев 291
Кононенко В. П. 314
Копань А. Л. 314
Копелер 173
Копьев А. К. 314
Корж П. Е. 366
Коростелев А. А. 309, 314
Коростелев Г. А. 314
Коротков И. И. 314
Косарев А. В. 314
Косиор И. В. 174, 176, 185, 292, 292, 293, 297, 301, 314
Косиор С. В. 24, 47, 50, 51, 57, 60, 66–68, 74, 83, 106, 107, 109, 119, 133, 138 143, 145, 163, 169, 170, 177–179, 185, 190, 191, 194, 201, 205, 252, 255, 265, 269, 291, 292, 299, 307, 314, 316, 448, 451
Космодамианский 353, 361, 364
Костенко И. И. 353, 364, 366, 367
Костер 349, 363, 399
Костин Д. Е. 397
Котов В. А. 314
Краваль И. А. 183, 448
Крамич 368
Краснов П. Н. 235, 413
Красов 385
Крестинский Н. Н. 274
Кржижановский Г. М. 314
Криницкий А. И. 314
Крупская Н. К. 286, 295, 314
Крыжановский 227
Крыленко Н. В. 47, 156, 225, 276, 314
Ксандров 181
Кубяк Н. А. 23, 48, 78, 99, 147, 299, 304, 314, 316
Кузин С. 366
Кузьма Л. Б. 215, 351, 355, 356, 359, 364, 371, 374, 375, 378, 380, 381, 395
Кузьмин П. К. 314
Кузьмина А. П. 314
Куйбышев В. В. 29, 164, 190, 193, 197, 198, 200, 203–206, 216, 237, 239, 251, 258, 265, 287, 295, 297, 299, 304, 314, 315, 446, 451
Куликов Е. Ф. 314
Купман Л. М. 364
Куприянов П. Я. 360, 397, 398

Курц 28
Кучер 358, 391
Кучум 359
Лавров 248
Ладошин Г. И. 314
Ларин В. Ф. 314
Ларичев А. И. 314
Лебедев П. Н. 314
Лебедь Д. З. 107–109, 133, 314
Левитин К. Ф. 314
Левченко Н. И. 210, 230
Левченко Н. Н. 210, 230, 370
Лежава А. Н. 314
Ленгник Ф. В. 314
Ленин В. И. 6, 14, 31, 164–167, 213, 219–221, 235, 240, 244, 259, 261, 264, 286, 289, 295, 296, 300, 302, 411, 440, 447, 450, 452, 453
Леонов Ф. Г. 314
Лепа А. К. 134–136, 148, 151, 152, 154, 315, 341, 342
Лепсе И. И. 314
Либкинд 366
Лившиц 365
Лимонов Г. А. 33
Лисицын Н. В. 314
Литвинов М. М. 304, 452
Литовченко 356, 360, 384, 385, 398
Лобачев И. С. 80, 117–122, 147, 154, 315
Лобов С. С. 265, 314
Лозовский А. (Дризо С. А.) 314
Локацков Ф. И. 314
Ломинадзе В. В. 314
Ломов (Оппоков) Г. И. 163, 213, 214, 224, 225, 227, 231, 238. 255, 256, 257, 294, 300, 304, 314, 315
Лукашин 324
Луначарский А. В. 204, 205, 253, 264-268, 279, 280, 282, 290, 291
Лунзин И. П. 375
Любимов А. В. 58–60, 63, 64, 69, 70, 75, 77, 79, 87, 97, 99, 111, 118–121, 126, 130, 131, 143, 146–149, 154, 307, 314, 315
Лядов (Мандельштам) М. Н. 315
Ляксуткин Ф. Ф. 314
Магер М. П. 314
Мазуров С. С. 314
Майер 348, 353, 356, 357, 363, 365, 385, 386, 399, 454
Майоров М. М. 67, 154, 155, 314, 315
Макеев 314
Макс 360, 394, 395, 397, 398
Максимов 392
Мальцев Н. В. 314
Мамонтов К. И. 235, 413
Манжара Д. И. 314
Марков А. Т. 314
Маркс К. 269
Мартынюк 375
Марченко 356, 368, 383
Матов Ю. Н. 157, 158, 165, 166
Матрозов 173
Махарадзе Ф. И. 314
Медведев А. В. 314
Медведев Т. И. 314
Межлаук В. И. 293, 314
Меленко 352, 353
Мельничанский Г. Н. 185, 314
Менжинский В. Р. 29, 156, 294, 304, 314, 315, 452
Мешков 358, 391
Микоян А. И. 16, 17, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 37, 42–45, 47–48, 50–52, 54, 57, 58, 61, 63, 64, 66, 68–71, 76, 77, 81, 83, 84, 86–89, 96, 97, 102, 104, 107, 110, 111, 118–120, 122, 127, 132–139, 142–146, 150–154, 192, 204,241, 245, 255, 293, 305–307, 314–317, 438, 439, 441, 446
Мильчаков А. И. 315
Милютин В. П. 22,23, 70, 72, 78, 79, 81, 91, 92, 99, 153, 282, 314
Мирзоян Л. И. 304, 314, 315
Митрофанов А. Х. 314
Михайлов В. М. 314
Михайлов-Иванов М. С. 314
Михиенко Д. А. 448
Мишин К. И. 367
Моллер 358, 391
Молотов (Скрябин) В. М. 15, 16, 17, 18, 19, 23, 25, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 57, 72, 76, 83, 91, 92, 94, 95, 132, 154, 156, 214, 216, 218, 219, 225, 239, 244, 249, 261, 268, 272, 275, 291–293, 300, 302, 304, 307–316, 439, 442, 453, 454
Монастырский 360, 395, 396–398
Монгаров 369
Мороз Г. С. 314
Морозов 230, 368
Москвин И. М. 314
Мусабеков Г. М. 314
Муценек Я. Я. 314
Мышкин Ю. 196, 285, 434, 448
Назаретян А. М. 315
Назаров С. И. 315
Назимов 182
Насиров Х. 315
Наумов О. В. 14
Нашивочников В. Н. 361, 362, 364, 365, 367, 368, 370

Неймарк 64
Некрасивый 380, 381
Некрасов А. Е. 380
Нетребский 384
Никаноров А. Ф. 315
Никитин И. М. 315
Никишин 364, 374
Николаева К. И. 314
Николай I 289
Никулин 162
Новоселов С. А. 315
Носов И. П. 314
Овчарек 346, 380
Овчаров 368
Одинцов 133
Олейников 368
Оловянин 162
Омельченко 223, 224
Орахелашвили Н. Д. 314
Орджоникидзе Г. К. 29, 31, 33, 57, 58, 164, 176, 207, 209, 244, 253, 254, 264, 282, 286, 290–293, 295, 301, 303, 304, 315
Осин Н. 224
Осинский (Оболенский) В. В. 314
Островский С. Ю. 315
Осьмов Н. М. 294, 315
Отто 348, 353, 363, 365, 388, 399, 454
Ошвинцев М. К. 183, 185, 314
Павлуновский И. П. 315
Паников 398
Парамонов 348, 352, 356, 363, 379, 380, 399
Парфенов 117
Пасечник 284
Пастухов М. Д. 315
Патек С. 156, 446
Перекатов И. Г. 315
Петерс Я. Х. 315
Петлюра С. В. 445
Петров Г. М. 369
Петров Ф. С. 315
Петровский Г. И. 98, 103, 131–133, 150, 154, 304, 314, 315
Петровский 358
Плешаков М. Г. 315
Плошко 365
Подвойский Н. И. 110, 315
Позерн Б. П. 315
Покко С. И. 315
Покровский М. Н. 286, 288–290
Полин К. М. 315
Полонский В. И. 255, 314
Полухин Г. И. 370
Поляков Ю. А. 14
Пономарев 391
Пономаренко 358, 391
Попинис А. Д. 380
Попов П. И. 6, 7, 21, 22
Попов 361, 369
Постышев П. П. 26, 77, 79, 99, 129, 135, 249, 314
Потатуев 396
Потемкин 454
Привалихин 197
Прудентов П. Ф. 360, 395, 396, 397, 398
Прутков Козьма 88, 140, 141
Пуанкаре Р. 312
Пушкарский А. Т. 379
Пятаков Г. Л. 163, 182, 222, 249, 251, 275, 294
Пятницкий О. А. 314
Рабинович Л. Г. 182, 249, 361
Равич 448
Радин П. Н. 360, 398
Радус-Зенькович В. А. 315
Радченко 180
Рамзин Л. К. 182
Реденс С. Ф. 315
Рейнвальд Г. О. 315
Резников 139
Розенгольц А. П. 315
Розенталь Я. Д. 185
Розит Д. П. 315
Розмирович Е. Ф. 315
Ройзенман Б. А. 95, 138, 146, 163, 218, 315
Романенко 365
Романов А. Р. 315
Романов 369
Рудзутак Я. Э. 8, 36, 156, 251, 314
Румянцев 383
Румянцев И. П. 314
Румянцев К. А. 314
Рухимович М. Л. 163, 177, 205, 222, 229, 231, 249, 268, 271, 272, 274–276, 294, 295, 301, 304, 314, 315
Рыбальченко 179
Рывкин О. Л. 315
Рыков А. И. 11, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 29, 30, 31, 32, 36, 37, 58, 59, 70, 74, 76, 96, 98, 106, 118, 135, 136, 145, 156, 158, 160, 163, 166, 168, 169, 172, 173, 174, 177, 179–183, 193, 196, 198, 201, 220, 225, 229, 241, 243–245, 249, 251, 259, 275, 278, 280, 286, 297–300, 304, 305, 307-316, 324, 325, 439, 445–447, 452
Рыковский 369, 374
Рыкунов 236
Рындин К. В. 314
Рютин М. Н. 314
Рябинин Е. И. 315

Рябов А. Н. 315
Сазонов 397
Сакварелидзе П. 261
Самойлов В. Н. 188, 254, 350, 352, 353, 355, 360, 361, 362, 364–367, 375, 377, 381, 388, 390, 398
Сахаров 358, 391
Сахарова П. Ф. 315
Сахьянова М. М. 315
Свицын Т. 173, 218, 293, 295
Секкозан 352, 362
Семенов Б. А. 314, 315
Семенов С. М. 154, 314, 315
Семилетов 360, 398
Семкин 395
Семков С. М. 315
Серганин М. М. 315
Сергеев (Артем) Ф. А. 285, 286, 451
Сергушев М. С. 315
Серебровский А. А. 177
Симончик Ф. В. 96, 98
Сиротов Ф. Н. 315
Скачинский А. А. 227, 274, 450
Скворцов-Степанов И. И. 118, 314
Скрыпник Н. А. 36, 37, 82, 98, 182, 190, 204, 206, 214, 241, 244, 268, 279–281, 304, 307–312, 314
Скурыдин Т. Н. 370
Смидович С. Н. 315
Смилга И. Т. 181, 274
Смирнов А. И. 166
Смирнов А. П. 16, 47, 154, 314, 315, 316
Соболев С. М. 314
Сокольников (Бриллиант) Г. Я. 16, 314, 453
Солдатенко А. Г. 256
Соловьев 373, 398
Сольц А. А. 315
Спасевич 358
Сталин И. В. 6–9, 11, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 23, 24, 25, 27, 29, 30, 32, 33, 82, 86, 102, 117, 164, 171, 177, 190, 218, 224, 225, 232–235, 237–241, 248, 249, 252, 254, 261–266, 268, 274, 285, 291, 292, 294, 295, 297, 302, 304, 313–315, 348, 401, 435, 436, 443, 445, 452–454
Старостин П. И. 315
Степаненко А. А. 381
Степанов С. И. 315
Степованый И. М. 315
Стецкий А. И. 314
Странников В. П. 315
Стрельцов Г. М. 315
Стриевский К. К. 314
Строганов В. А. 314
Студитов П. И. 315
Ступин 173
Струва И. Ф. 315
Стэн Я. Э. 315
Сулимов Д. Е. 314
Сухомлин К. В. 171, 175, 180, 184, 248, 293, 304, 314
Сухоруков 207, 208
Сущевский Д. М. 157, 158
Сырцов С. И. 8, 112, 117, 143, 304, 314, 315
Таганцев В. Н. 165, 447
Тальберг П. Я. 315
Твердохлебов 358, 391
Тейлор Ф. У. 296, 452
Терехов Р. Я. 179, 315
Терпигорев А. М. 227
Тищенко 64
Толоконцев А. Ф. 314
Томский М. П. 11, 15, 29, 30, 31, 32, 43, 44, 57 156 185, 192, 219, 230, 231, 251–255, 257, 261– 263, 265, 271, 275–277, 285, 293, 301, 304, 314, 315, 434, 447, 449
Топилин 358, 383, 391
Торпцев 369
Трилиссер М. А. 315
Троцкий (Бронштейн) Л. Д. 7, 9,15, 264, 273, 451
Трушечкин В. А. 315
Тыщенко С. Г. 315
Тягнибеда 231
Угаров Ф. Я. 170, 241, 297, 314
Угланов Н. А. 15, 16, 57, 154, 160, 241, 243, 244, 257, 263, 272, 294, 304, 314, 315
Угроватов А. П. 32
Уиткрофт С. 438
Уитц 429
Ульянова М. И. 315
Уманский Н. 449
Уншлихт И. С. 314
Урываев М. Е. 314
Усанов А. И. 353, 354, 360, 362, 365, 370, 371, 398
Фабрициус Я. Ф. 196, 315
Фатеев Н. А. 315
Федоров С. И. 379
Фектер А. Я. 315
Феодорович 182
Фесенко 215
Фигатнер Ю. П. 110, 154, 238, 315
Филатов 395–397
Филлер С. И. 315
Форд Г. 259
Фрумкин М. И. 16
Харичев К. И. 370

Хасман С. А. 315
Хатаевич М. М. 87–89, 140, 141, 153, 314
Хвылевый М. 444
Хлевнюк О. В. 32
Хлоплянкин М. И. 146
Ходарев 358
Ходоровский И. И. 238, 250, 267, 281, 282
Цветков Н. Г. 315
Цихон А. Н. 314
Цогоев 145
Цурюпа А. Д. 16, 273, 451
Цылько Ф. А. 315
Чадаев А. И. 379
Чаплин Н. П. 314
Чепурной 366
Черенков 358
Чернецов 360
Чернов М. А. 26, 45, 132, 133, 138
Чернокнижников С. Е. 350, 356, 381
Чернокозов К. М. 396
Чинакалош Н. А. 276
Читадзе В. 261
Чичерин Г. В. 314
Чубарь В. Я. 26, 87, 91, 92, 94–100, 102, 103, 108, 109, 118, 121, 141, 154, 169, 170, 181, 189, 194, 200, 266, 268, 273, 304, 314, 315
Чувиркин 261
Чувырин М. Е. 314
Чудов М. С. 314
Чурсин 395
Чухрита Г. В. 135, 141, 148, 151, 152
Чуцкаев С. Е. 314
Шадлун 364
Шацкин Л. А. 315
Шварц И. И. 174, 176–182, 196, 210, 241, 250, 260, 275, 284, 297, 302, 304, 314, 315
Швейцер В. Л. 315
Шверник Н. М. 81–83, 85, 88, 89, 101, 109, 140, 154, 304, 314, 315
Шеболдаев Б. П. 315
Шевяков 157
Шейкин Л. А. 256, 275
Шейнман 16
Широков М. С. 358, 367, 391
Шишенков 358, 391
Шкаф 348, 352, 361, 363, 399
Шкирич Н. Р. 315
Шкирятов М. Ф. 209, 231, 315
Шлок Ф. И. 315
Шмидт В. В. 314
Шредер 256
Штельбринг 454
Штраух Э. М. 315
Шукакидзе К. 251
Шумский А. Я. 444
Шушков П. С. 315
Эйсмонт Н. Б. 104, 154
Эйхе Р. И. 66–68, 76, 95, 119, 138, 139, 141, 154, 314
Элиава Ш. З. 314
Элиадзе 397
Юносов К. А. 315
Юревич Э. И. 315
Юркин Т. А. 315
Юрцен М. И. 315
Юткин М. Г. 364
Ягода Г. Г. 29, 227, 294, 351
Яковлев (Эпштейн) Я. А. 154, 315
Яковлев А. И. 74, 77, 315
Янсон Н. М. 29, 182, 304, 315, 448
Ярославский Е. М. (Губельман М. И.) 30, 31, 156, 162, 179, 186, 219, 250, 251, 255, 275, 278, 283, 304, 315, 434
Ярощук 196, 448, 449
Carr T.H. 14
Cohen S. 14
Davies R.W. 14
Gregory P. 14
Kuromiya H. 33, 450
Lewin M. 14
Taniuchi Yuzuru 32
Tucker R. 14

СОДЕРЖАНИЕ

В. П. Данилов. Введение. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: Исторический источник в контексте эпохи 5

В. П. Данилов, *О. В. Хлевнюк*. Апрельский пленум 1928 г. 15

Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г. Стенографический отчет 34

Заседание первое 36
Заседание второе 74
Заседание третье 118
Заседание четвертое 156
Заседание пятое 193
Заседание шестое 225
Заседание седьмое 269
Заседание восьмое 305

Приложения

Протокол №2 заседания объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) от 6–11 апреля 1928 года 314
О хлебозаготовках текущего года и об организации хлебозаготовительной кампании на 1928/29 год 317
План работы Политбюро и пленума ЦК на 1928 год 324
Шахтинское дело и практические задачи в деле борьбы с недостатками хозяйственного строительства 325
Диаграммы к докладу тов. Микояна «О хлебозаготовках текущего года и об организации хлебозаготовительной кампании на будущий год» на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 333
В президиум объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 341

Дополнения

Баланс зерновых за 1925/1926, 1926/1927 с/х годы и предположительный на 1927/1928 с/х год по СССР (в млн. пудов) 343
Об экономической контрреволюции в южных районах угольной промышленности 345
Сталин И. В. О работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК 401
Бухарин Н. И. Уроки хлебозаготовок, шахтинского дела и задачи партии к итогам апрельского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 417

Примечания 438

Именной комментарий 455

Именной указатель 481

Список сокращений 488

HOW THE N.E.P. WAS DESTROYED

STENOGRAPHIC RECORDS OF THE VCP(b) CENTRAL COMMITTEE PLENUMS (1928–1929)

VOLUMES 1–5

Volume 1

JOINT PLENARY SESSION OF THE VCP(b) CENTRAL COMMITTEE AND THE CENTRAL CONTROL COMMISSION

APRIL 6–11, 1928

The first volume of five-volume edition of stenographic records of the VCP(b) Plenums (1928–1929) includes materials of the Joint Plenary Session of the VCP(b) Central Committee and the Central Control Commission held in April 1928. This Plenum marks the beginning of struggle of Stalin's group against the "right opposition" (A. Rykov, N. Bukharin, M. Tomsky) over the key issues of the internal policy of the Soviet Union: relations between the state and the peasantry, the fate of the new economic policy (N.E.P.) in general. The "Shakhtinskoye case" was specifically discussed by the Plenum which proved to be a call for new mass repressions.

КАК ЛОМАЛИ НЭП

СТЕНОГРАММЫ ПЛЕНУМОВ ЦК ВКП(б)
1928–1929 гг.
В 5-ти ТОМАХ

Том 1
ОБЪЕДИНЕННЫЙ ПЛЕНУМ ЦК И ЦКК ВКП(б)
6–11 АПРЕЛЯ 1928 г.

Редактор А. А. Яковлев

Компьютерный дизайн И. В. Терешкина

ЛР № 061660 от 06.10.97 г.

Подписано к печати 15.08.2000 г.
Формат 70×100 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 31.
Тираж 3000 экз. Цена договорная.
Заказ №

ООО Издательская фирма «Материк»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 24, строение 3.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.